ГРАКХ БАБЕФ

СОЧИНЕНИЯ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ ПАРТИЙНЫЙ АРХИВ
ИНСТИТУТА МАРКСИЗМА-ЛЕНИНИЗМА ПРИ ЦК КПСС

СОЧИНЕНИЯ

В ЧЕТЫРЕХ ТОМАХ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
МОСКВА 1976

СОЧИНЕНИЯ

ТОМ ВТОРОЙ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

МОСКВА 1976

Во втором томе сочинений Гракха Бабефа публикуются письма и произведения за 1790—1794 гг., до 9 термидора. В годы революции Бабеф принимал активное участие в народном движении. Уже в 1790 г. он возглавил движение против косвенных налогов в Пикардии. В 1791 г. он принял непосредственное участие в аграрном движении, активно выступая против всех феодальных порядков. В 1793 г. в качестве секретаря продовольственной комиссии Парижского муниципалитета он участвовал в решении труднейшего вопроса о снабжении Парижа. Вся эта деятельность наталкивалась на ожесточенное сопротивление контрреволюционных сил: Бабефа преследовали, много раз арестовывали. Но и в этих условиях он оставался верен своим идеям «общества совершенного равенства».

Редакционная коллегия:

В. М. ДАЛИН (ответственный редактор),
А. З. МАНФРЕД, О. К. СЕНЕКИНА, А. СОБУЛЬ

Перевод Е. В. РУБИНИНА

Б $\frac{10603\text{-}136}{042\,(02)\text{-}76}$ Подписное издание

БАБЕФ

(гравюра Перонара)

БАБЕФ В 1790—1794 ГГ.
ФАКТЫ И ИДЕИ

В первый том сочинений Бабефа вошли произведения и письма за десять лет — с 1779 (его первое письмо родителям из Флексикура) до 1789 г. включительно. Это десятилетие — важный период в идейной биографии Бабефа; именно в это время складываются его коммунистические взгляды, и он становится убежденным сторонником общества «совершенного равенства». Но внешними событиями этот период в жизни Бабефа не богат. Этого никак нельзя сказать о последующих пяти годах — 1790—1794 гг., которым посвящен второй том сочинений.

Вопреки издавна укрепившемуся мнению, имя Бабефа стало известно Франции не с 1794—1795 гг., когда начал выходить его «Трибун народа», и не с 1796 г., когда бабувистов в железных клетках повезли в Вандом, где на заседании Верховного суда предстояло разбирательство дела о «заговоре Бабефа». Это имя прозвучало во Франции гораздо раньше, уже в весенние месяцы 1790 г., когда почти одновременно оно появилось и в реакционной «Национально-политической газете» Ривароля, и в знаменитом «Друге народа» Марата. Оно стало известно и Учредительному собранию из адресованного ему доклада генерального контролера финансов де Ламбера, где имя Бабефа упоминалось неоднократно в связи с движением против уплаты косвенных налогов в Пикардии, во главе которого стоял Бабеф. Это движение было началом политической деятельности Бабефа, его первым боевым крещением. С документов, посвященных этому движению, и начинается второй том.

Вопросы финансово-налоговой политики заинтересовали Бабефа еще в начале 1787 г. В своем «Постоянном кадастре» он решительно выступил против косвенных налогов, особенно против ненавистной соляной подати — «габели». Еще в начале сентября 1789 г., находясь в Париже, Бабеф спрашивал жену: «Я очень хотел бы узнать о том, что происходит в Руа... Платят ли там еще налоговые сборы (aides)? Свободно ли продается белая соль?.. Во всех городах все это делается достаточно хорошо, но в Руа слишком много равнодушных и мало патриотической энергии» [1]. Пробудить эту энергию и ставит своей задачей Бабеф сразу

[1] *Г. Бабеф.* Сочинения, т. I. М., 1975, стр. 243.

же после своего возвращения из Парижа в октябре 1789 г., и средство к этому он видел в сопротивлении уплате косвенных налогов.

В этой борьбе Бабеф, конечно, был не одинок. Попытка Учредительного собрания, по настоянию Неккера, финансового ведомства и генеральных откупщиков, сохранить все косвенные налоги, в том числе и соляную подать, встретила такое возмущение в стране, что от «габели» пришлось отказаться уже в марте 1790 г. Но оставался другой вид налогов — «aides», в основном на напитки, который государство и откупщики всячески стремились сохранить. Со всей присущей ему энергией и настойчивостью Бабеф, прежде всего у себя в Руа, противится возобновлению и этих поборов. На этой почве у него происходит первое решительное столкновение с муниципалитетом Руа. Свою замечательную речь 7 марта 1790 г. в муниципалитете Руа — в нашем томе она впервые приводится целиком, по тексту, сохранившемуся в его архиве[2], — Бабеф закончил словами: «Если вы будете... упорствовать, вы увидите, как возрастет мое мужество, подобное мужеству деятелей Спарты и Древнего Рима. Мне сказали, что среди вас нет ни одного, кто не был бы против меня. Я оставляю вам свою речь; пусть тот, кто осмелится обвинить меня, бросит первый камень». Бабефу никто не возразил, но жалоба на него как на «зачинщика» всех беспорядков немедленно полетела в Париж.

Начав с выступления в Руа, Бабеф распространил свою деятельность на всю Пикардию. 17 апреля 1790 г. в нуайонской типографии Девена — это имя уже упоминалось в первом томе — появляется его «Петиция о налогах», адресованная Национальному собранию, в которой доказывалось, что ни «aides», ни «габель», ни любые формы обложения продуктов при их ввозе в города «не должны и не могут больше существовать, хотя бы и временно, у французов, ставших свободными». Когда впоследствии Бабеф писал, что его петиция «наэлектризовала» всю Пикардию, он не преувеличивал. Такой консервативный, но превосходно осведомленный историк, как Марсель Марион, писал впоследствии: «Наиболее полное крушение произошло ... в отношении взимания «aides». Восстание, которое вспыхнуло в Пикардии... распространялось, вызывая всеобщую тревогу; отказ платить налоги нашел в Бабефе пламенного адвоката, проповедовавшего населению в районе Перонна и Руа, что необходимо прекратить платеж этих налогов, а в случае необходимости противопоставить силу той силе, которая попытается их восстановить»[3].

Бабефовская петиция была оценена следственным комитетом Учредительного собрания как «поджигательный пасквиль». До-

---

[2] Впервые она была опубликована Коэ (*E. Coët*. Babeuf à Péronne. Roye, 1865), но по тексту протокола муниципалитета.

[3] *M. Marion*. Histoire financière de la France depuis 1715, v. II. Paris, 1919, p. 91; *idem*. Le recouvrement des impôts en 1790. — «Revue Historique», 1916.

носы, продолжавшие поступать в Париж, возымели свое действие. Специальная судебная палата парижского парламента, занимавшаяся налоговыми правонарушениями (Cour des aides), признав, что Бабеф является «главным виновником» беспорядков в Руа, «мятежником, способным на любые крайности», приняла решение об его аресте. 19 мая 1790 г. в Руа явился пристав податного суда в сопровождении двух стражников. Ночью Бабеф был арестован, а 21 мая доставлен в парижскую тюрьму Консьержери. Так начался тернистый путь Бабефа, который почти через семь лет, в мае 1797 г., привел его на эшафот.

Арест нисколько не сломил Бабефа. Он не только повел борьбу за свое освобождение, но с удвоенной энергией выступил и на защиту парижан, заключенных в это же время в тюрьму Консьержери за сожжение податных застав в июле 1789 г. Находясь в заключении, Бабеф выпустил несколько номеров «Газеты Конфедерации» и опубликовал в маратовском «Друге народа» три корреспонденции из Консьержери — мы воспроизводим их в нашем томе, — на основании которых Марат забил тревогу, требуя освобождения всех арестованных, в том числе и Бабефа.

«Я разоблачаю сегодня, — писал Марат 4 июля 1790 г. в № 143 «Друга народа», — преступление, в сто раз более страшное, чем то, которое было совершено против мнимых поджигателей застав, и вызывающее в сто раз большую тревогу у всех честных граждан, ибо на сей раз жертвой его является человек, имеющий заслуги перед обществом, и *дело его должно заинтересовать всю нацию* (курсив наш. — *В. Д.*). Этот заслуживающий уважения человек — Бабеф, гражданин Руа». Марат призывал единомышленников «нанести патриотический визит нашему брату Бабефу, поддержать его мужество, оказать ему помощь... Друг народа счел бы честью для себя разделить с ними этот труд, если б он сам был свободен в своих поступках. Он полагается на их сердца. Мысленно он будет повсюду следовать за ними...»[4] Так, уже в июле 1790 г. имя Бабефа как «заслуживающего уважения человека» стало известно всей демократической Франции.

Бабеф был освобожден в начале июля 1790 г. Еще в Париже он принял решение издавать после возвращения в Руа газету «Пикардийский корреспондент».

Этот план он осуществил осенью 1790 г. В октябре вышли два первых номера «Пикардийского корреспондента»[5]. К сожалению, ни одного экземпляра газеты не сохранилось, все попытки биографов Бабефа найти «Пикардийский корреспондент» оказались тщетными. Неизвестно даже, сколько номеров газеты вышло. Судя по материалам, сохранившимся в архиве ИМЛ, и, в частности,

---

[4] «L'Ami du peuple», N CLIII, 4 juillet 1790.

[5] Полное название газеты: «Le Correspondant Picard et le rédacteur des cahiers de la seconde législature. Journal dédié aux habitants des cantons, villes, villages, hameaux et municipalités des départements de la Somme, de l'Aisne et de l'Oise, par F. N. Babeuf». Noyon, imprimérie de Devin.

по переписке Бабефа с Девеном, вышло всего пять номеров, и уже выход четвертого номера привел к острому конфликту Бабефа с его издателем. Не получив вовремя материалы, беспринципный Девен заполнил часть номера материалами из реакционной газеты Ривароля, печатавшейся в той же типографии. Это вызвало возмущение Бабефа. Но это еще не привело к прекращению ее издания. В библиотеке института Фельтринелли (Милан) не так давно был обнаружен проспект шестого номера газеты, носившей уже новое название: «Исследователь декретов и редактор предложений второму национальному собранию»[6]. Вышел ли этот шестой номер, продолжался ли выпуск газеты или дело ограничилось изданием проспекта — мы так и не знаем. Но изменение заголовка было отнюдь не случайным.

Бабеф хотел сперва придать своему изданию локальный, пикардийский характер, но его неудержимо влекло желание высказать свою точку зрения на политические события, переживаемые всей Францией. Это стремление перевесило. Уже из «Лондонской корреспонденции», опубликованной в первом томе, видно, как критически Бабеф стал относиться к деятельности Учредительного собрания, особенно после утверждения им цензового избирательного права, разделившего граждан на активных и пассивных. Судя по сохранившимся и публикуемым в настоящем томе материалам «Пикардийского корреспондента», эта отрицательная оценка собрания принимала все более резкий характер. «В течение столетий права человека, — писал Бабеф, — попирали и оскорбляли; *они были полностью уничтожены собранием представителей народа в 1789 г.*, и уделом всего человечества стало самое позорное унижение. *Докажем эту ужасную, но совершенно точную истину*» (курсив наш. — *В. Д.*).

Бабеф считал, что новому собранию необходимо будет в корне изменить уже принятые разделы конституции, и целью своей газеты он поставил разработку новых декретов, которые необходимо принять для осуществления подлинного народного суверенитета, прямой демократии:

Представительное правление внушало Бабефу недоверие. В его архиве сохранилась запись из Руссо: «С того момента, как народ избирает своих депутатов, он уже не имеет свободы, он уже ее лишен». В № 3 «Газеты Конфедерации» он писал: «Поменьше действуйте через представителей и будьте возможно чаще своими собственными представителями». Именно эти идеи Бабеф развивал — судя по публикуемым нами рукописям — и в «Пикардий-

[6] «Le Scrutateur des décrets et le Rédacteur des cahiers de la Seconde Législature. Par continuation du Journal intitulé «Le Correspondant Picard», dédié primitivement aux Départemens de la Somme, de l'Aisne et de l'Oise, et offert aujourd'hui aux 83 Départemens de la domination du Peuple Franc. Par F.-N.-C. Babeuf». Инициал «К» означает имя Камилл, как в честь видного деятеля республиканского Рима Бабеф начал называть себя с осени 1790 г., когда, по его словам, он отрекся от католицизма.

ском корреспонденте», и этим идеям он оставался верен вплоть до первых месяцев термидорианской реакции. Только в 1795—1796 гг. он пересматривает свои взгляды и приходит к убеждению о необходимости временной революционной диктатуры [7].

Занятый изданием газеты, Бабеф продолжал все же пристально следить за положением в Руа. Когда в октябре 1790 г. муниципалитет попытался восстановить взимание налогов с напитков и даже договорился об этом с частью трактирщиков, Бабеф снова возглавил движение протеста. Он даже издал новую петицию, заголовок которой начинался словами: «Руа дает Франции уроки справедливого распределения общественных налогов». Но петиция эта не имела успеха, а тем временем вопрос потерял свою остроту — по решению Учредительного собрания взимание «aides» упразднялось с марта 1791 г. В этой ликвидации ненавистного налога Бабефу принадлежала несомненная заслуга, и «публиканы» ему за это отомстили. Когда Бабеф был избран членом генерального совета коммуны Руа, муниципалитет, поддержанный администрацией дистрикта Мондидье, а затем и департамента Сомма, добился устранения его с этого поста. На собрание для избрания мирового судьи Бабефа просто не пропустил специально поставленный караул. «Во что бы то ни стало мне хотят закрыть доступ к общественным должностям», — жаловался тогда Бабеф.

Тем не менее в апреле 1791 г. Бабефу вновь удалось поднять «патриотическую энергию» в Руа. Муниципалитет арендовал у амьенского монастыря несколько сот арпанов земель, но он сдавал их в аренду. Неимущее население города не извлекало из этого ни малейших выгод. Началось движение за то, чтобы этот порядок был изменен, а посаженные на землях деревья использованы самими жителями. 4 апреля 1791 г. было созвано собрание, на котором главным оратором выступил Бабеф. Муниципалитет утверждал, что жители, выдвинувшие эти требования, «являются рабочими и принадлежат в большинстве к самому неимущему классу в этом городе». Напуганные начавшимся движением, руководители муниципалитета видели единственное средство для прекращения волнений в аресте Бабефа. «Мы убеждены, — писали они в директорию дистрикта Мондидье, — что дух, возбуждавший народ. . ., брожение, . . . желание под пустыми предлогами захватить всю общественную и частную собственность — все это является результатом писаний жителя данного города Франсуа Ноэля Бабефа и его непрерывных поджигательных выступлений, начавшихся уже давно и продолжающихся по сей день; мы совершенно убеждены, что названный Бабеф возбуждает народ в этом городе, разжигает его страсти. . . Принципы суверенитета народа. . ., распространяемые названным Бабефом, вызывают такое

---

[7] См. об этом в частности: *Г. С. Черткова.* Гракх Бабеф после 9 термидора (август 1794 — март 1795). — «Французский ежегодник. 1971». М., 1973.

же брожение... в городах Перонне, Сен-Кантене и Неле, на что горько жалуются муниципальные должностные лица этих городов..., испытывающие большие неприятности и затруднения в своей деятельности»[8].

7 апреля Бабеф был арестован в Руа, 8-го препровожден в Мондидье, в тюрьму дистрикта. Но здесь власти наткнулись на неожиданное затруднение. Свидетели обвинения отказались дать показания против Бабефа, боясь вызвать возмущение населения. В том же мемуаре муниципалитета против Бабефа сообщается, что, когда один из свидетелей проезжал по улицам Руа, ему кричали вслед: «Обелите Бабефа с ног до головы, верните его нам, это наш Мирабо, он заслуживает лаврового венка»[9]. Не имея возможности поддержать обвинение, трибунал дистрикта вынужден был уже 12 апреля освободить Бабефа. Так быстро закончился второй арест. Но как раз в тюрьме Мондидье он познакомился с крестьянами, арестованными по делу о волнениях в коммуне Давенекур. Бабеф взял на себя их защиту, и с тех пор почти полтора года он занят был почти исключительно аграрным движением в Пикардии.

Уже первые годы политической деятельности Бабефа обнаружили основные черты его характера — личное мужество, упорство, готовность жертвовать собой, преданность общему делу, подлинный революционный темперамент[10]. «Пока мне не отрежут правую руку, пока подлые палачи не вырвут мне язык..., я буду выступать против угнетения и против угнетателей», — писал Бабеф в январе 1791 г. в письме Тэттрену, публикуемом в настоящем томе. Вся дальнейшая жизнь Бабефа показала, что это не были просто слова.

* * *

Роль Бабефа в пикардийском крестьянском движении, его аграрная программа до последних лет были мало известны. Это объяснялось тем, что многие документы, даже печатные, стали библиографической редкостью или хранились в не изученных ранее архивных фондах. Так, очень важная петиция от имени коммуны Мери, составленная Бабефом в начале 1791 г., обнаружена была в библиотеке ИМЛ; это, по-видимому, единственный сохранившийся экземпляр. Другая печатная петиция — петиция от имени коммуны Монтиньи (декабрь 1790 г.) была приобретена

---

[8] Archives Nationales (далее — AN), BB[16]859 и D XXIX, 14 (по копии в ЦПА ИМЛ) («Détail des faits qui... établissent que François Noël Babeuf est l'auteur, le moteur des troubles qui se sont élévés en différent tems parmi le peuple de la ville de Roye»).

[9] Ibidem.

[10] Эти черты Бабефа очень хорошо выяснены в статье М. Домманже «Темперамент и формирование Бабефа» (*M. Dommanget.* Tempérament et formation de Babeuf. — *M. Dommanget.* Sur Babeuf et la conjuration des Egaux. Paris, 1970, p. 22—60).

институтом Фельтринелли, а затем другой экземпляр был обнаружен в библиотеке палаты депутатов в Париже. Первое издание печатной петиции по давенекурскому делу, которое Бабеф относил к числу «знаменитых судебных дел», исчезло совершенно, и даже ее второе издание (в Мондидье, в 1888 г.) сохранилось лишь в двух экземплярах. Документы по делу коммуны Бюлль, в том числе петиции Бабефа, адресованные в связи с этим процессом Законодательному собранию, сохранились лишь в московском фонде Бабефа и были совершенно не известны даже такому превосходному знатоку литературного наследия Бабефа, как Морис Домманже. Только в последнее время, когда все эти документы были выявлены (они публикуются в настоящем томе), раскрылась интереснейшая страница в политической и идейной биографии Бабефа.

По мнению Жоржа Лефевра, лучшего специалиста по аграрной истории Великой французской революции, у якобинцев не было «действительной, всеобъемлющей аграрной политики»; «монтаньяры относились без достаточного внимания к положению деревенского населения, они не входили достаточно глубоко... в рассмотрение его нужд». Я. М. Захер в своих исследованиях пришел к такому же выводу относительно «бешеных» — аграрной программы у них не было [11]. То же самое нужно сказать об Эбере и так называемых «эбертистах» — на столбцах «Отца Дюшена» в лучшем случае можно найти несколько фраз о требованиях крестьянства. К чести Бабефа, о нем можно сказать со всей исторической объективностью совершенно противоположное.

Почти десятилетняя февдистская практика вооружила Бабефа превосходным знанием условий жизни крестьянства. Больше, чем кто-либо из ведущих деятелей Великой французской революции, он знал его нужды. В годы революции он не только был связан с десятками крестьянских общин, составлял для них петиции, вел их судебные процессы — у него была и своя аграрная программа. Разумеется, не нужно преувеличивать, никакого программного документа у Бабефа не было, да по тем временам и не могло быть. Но в его петициях, в его рукописях, письмах был сформулирован ряд совершенно конкретных и точных предложений, которые, взятые вместе, дают право говорить о его аграрной программе.

Мы уже отмечали в связи с публикацией произведений Бабефа за 1789 г., что у него не было никаких иллюзий в отношении знаменитой «исторической ночи» 4 августа. В отличие от подавляющего большинства современников Бабеф сразу же определил провозглашенную в эту ночь ликвидацию феодализма только как «мнимую ликвидацию». Несколько позднее, повторяя эту мысль, Бабеф писал: «Вы уже признали, что мнимая ликвидация, о которой так часто упоминалось в декретах Учредитель-

---

[11] *G. Lefebvre.* Les questions agraires au temps de la Terreur. Paris, 1951, p. 130; *Я. М. Захер.* Движение «бешеных». М., 1961.

ного собрания, существовала только на словах, а сам строй полностью сохранялся». Все усилия Бабефа были направлены на подлинную ликвидацию феодальных отношений. И если в начале 1789 г. он еще не выступал против выкупа этих повинностей, то уж во всяком случае в 1790 г. он со всей решительностью требовал безоговорочной ликвидации всех сеньериальных прав *без какого бы то ни было выкупа* — требование, которое, по словам Лефевра, Робеспьер не сформулировал даже в 1792 г. Между тем уже в декабре 1790 г. в петиции от имени коммуны Монтиньи Бабеф писал, что «слабые удары, нанесенные Национальным собранием», неспособны уничтожить «феодальное чудовище». Подлинный способ его ликвидации — «упразднить все без выкупа». Формулируя это требование одним из первых, Бабеф как бы предвосхищал мощное крестьянское движение 1792—1793 гг., результатом которого явились знаменитые декреты Конвента.

Весьма любопытна позиция Бабефа по вопросу о судьбе конфискуемых церковных имуществ. Решение по этому поводу было принято Учредительным собранием 17 марта 1790 г., а уже 29 марта Бабеф писал своим единомышленникам в Перонн: «У нас есть еще один интересный проект петиции относительно использования церковных имуществ». Арест помешал Бабефу сформулировать этот проект, но летом того же года, с тревогой наблюдая какое-то затишье в настроении широких масс, Бабеф задумывается над тем, как «дать народу толчок к действию». В письме к графу Лораге он изложил подробно свой проект: «Если бы я чувствовал в себе необходимые способности..., я попытался бы поднять хоть одну провинцию... Я наводнил бы все части этой провинции произведениями на ту тему, к которой хотел бы привлечь внимание масс. Что касается выбора темы, то мне кажется, что вопрос о косвенных налогах и соляной подати всегда подойдет для сельских мест... Но есть и другой вопрос... Речь идет о том, чтобы показать каждому крестьянину..., что долгосрочная аренда церковных земель гораздо выгоднее для нации, для каждого отдельного лица и для государственного казначейства, чем продажа этих земель по низкой цене нескольким компаниям капиталистов и спекулянтов... Тот, кто предложит эту прекрасную меру или будет ей содействовать, заслужит, без сомнения, благодарность множества честных людей». В дальнейшем Бабеф не возвращался к этому проекту. Но всякий знакомый с тем огромным значением, которое имела для развития французского капитализма распродажа национальных имуществ, легко учтет, какие последствия могло бы вызвать осуществление смелого плана Бабефа.

Бабеф выдвигал и другое очень важное требование. Ж. Лефевр обратил внимание на то, что французские крестьяне в годы революции в своих петициях нигде не ставили вопрос о конфискации всей помещичьей собственности — речь шла только об отчуждении земель «подозрительных» или эмигрантов, «конфискации

подвергалось только имущество врагов революции»[12]. И в этом вопросе Бабеф пошел дальше. В составленной в феврале 1791 г. петиции от имени коммуны Мери о «Фьефах и сеньериях» он выдвигает требование конфискации *всех* сеньериальных владений. Доказывая, что присвоение их было результатом узурпации и что все они в действительности принадлежат нации, Бабеф настаивал, что надо «оставить нашим детям то имущество, которое мы получили от наших предков. Нация была бы в ответе перед потомством, если бы она не вступила обратно во владение фьефами и сеньериями, у нее узурпированными».

Самостоятельную позицию Бабеф занял и в вопросе о судьбе общинных земель. В июне 1793 г. он взял на себя защиту крестьян, арестованных по делу о беспорядках в коммуне Бюлль (в дистрикте Клермон департамента Уаза) в связи с тем, что здесь, как и в Руа, муниципалитет использовал общинные владения только в интересах зажиточной верхушки, содержавшей скот на общинных выгонах. Бабеф добился освобождения арестованных. Но не довольствуясь этим, Бабеф обратился к Законодательному собранию с проектом *раздела* общинных земель в интересах опять-таки малоимущих крестьян. Принято было считать, что деревенская беднота добивалась сохранения общинных владений, а имущая верхушка настаивала на их разделе. Но уже Жорес (а вслед за ним и советский исследователь Е. Н. Петров) установили, что так обстояло дело далеко не везде. Часто богатые крестьяне-скотоводы, фактически присвоившие себе общинные угодья, противились их разделу — так было и в коммуне Бюлль. В интересах как раз деревенской бедноты Бабеф и выдвинул в своих петициях требование раздела общинных земель, но не в собственность, а лишь в пожизненное пользование.

Повторяем, Бабеф никогда не излагал все эти предложения в едином документе. Но если объединить эти требования — ликвидация феодальных прав без всякого выкупа, конфискация всей помещичьей собственности, сдача в аренду на длительные сроки церковных имуществ маломощным крестьянам, раздел общинных земель, но не в собственность, а в пользование, — мы имеем полное основание говорить о смелой аграрной программе Бабефа, и притом программе, продиктованной в основном интересами деревенской бедноты. Ни у кого из деятелей революции мы такой программы не найдем.

Не довольствуясь этими отдельными, пусть и чрезвычайно важными мероприятиями, Бабеф имел в виду и общий план преобразования всех аграрных отношений — «аграрный закон». Большинство вправе «предъявить свои права на огромные владения, в которых каждое существо ... должно иметь необходимую площадь для обеспечения своего существования... Этот закон является неизбежным следствием всех законов». Этот «аграрный

---

[12] *G. Lefebvre.* Etudes sur la Révolution française. Paris, 1954, p. 253.

закон» Бабеф не решался провозглашать открыто — еще в 1793 г., по предложению Дантона, проповедь «аграрного закона» каралась смертной казнью, — но он изложил его в своих знаменитых письмах 1791 г. к аббату Купе[13]. Означал ли этот «аграрный закон» отказ — пусть и временный — Бабефа от коммунистических идей, от его мечты об обществе «совершенного равенства»? Именно так «Вступительную речь» к «Постоянному кадастру» и письма к Купе истолковывали ряд историков, в том числе новейший историк «Заговора во имя равенства» Клод Мазорик, считающий, что развитие взглядов Бабефа отнюдь не шло «прямолинейно». Мы вернемся еще к обсуждению этой точки зрения, которую, наряду с рядом других биографов Бабефа, мы не разделяем.

* * *

Петиция по делу коммуны Бюлль интересна еще в одном отношении. Как указывал в ней Бабеф, большинство населения Бюлля состояло из «рабочего класса, который в эти бедственные времена особенно страдает от дороговизны и недостатка работы». «Мы были полностью зависимы, — писал Бабеф, — и оказались слугами небольшого числа богатых граждан; мы жили лишь постольку, поскольку им угодно было нас нанимать; мы получали лишь ту заработную плату, которую они находили нужным нам назначить, вне всякого соответствия с устанавливаемым ими уровнем цен на продаваемые нам продукты питания».

Этот интерес к тем, кто существует «за счет заработной платы», представляет особую и оригинальную черту социально-экономических воззрений Бабефа. Нам представляется неправильной точка зрения норвежского историка К. Тенессона, который в своем ценном исследовании «Последние восстания парижских предместий» и в ряде статей высказал предположение, что социально-экономические идеи Бабефа и бабувистов являются результатом «экономической катастрофы термидорианской реакции»[14]. Произведения, опубликованные в первом томе сочинений Бабефа (его июньское письмо 1786 г. к Дюбуа де Фоссе, «Вступительная речь» к «Постоянному кадастру», петиция о нищенстве), так же как рукописи и письма, публикуемые во втором томе, свидетельствуют о другом.

Внимательный наблюдатель окружавшей его пикардийской действительности, где все быстрее развивалась мануфактурная ста-

---

[13] Одно из этих писем, от 10 сентября 1791 г., было опубликовано еще в 1898 г. А. Эспинасом (*A. Espinas*. La philosophie sociale du XVIII siècle et la Révolution». Paris, 1898, p. 404—410). Другое письмо (август 1791 г.) опубликовал М. Домманже (*M. Dommanget*. Pages choisies de Babeuf. Paris, 1935, p. 103—121). В настоящем томе, кроме этих двух писем, мы публикуем впервые еще четыре письма Бабефа к Купе, хранящиеся в ЦПА ИМЛ.

[14] *K. Tønesson*. L'an III dans la formation du babouvisme. — «Annales Historiques de la Révolution française» (далее — «AHRF»), 1960, N 162.

дия капитализма в промышленности, Бабеф, со всем присущим ему глубоким человеколюбием, — недаром он писал еще в 1787 г., что «моей главной страстью должно быть облегчение судеб несчастных» [15], — не мог пройти мимо положения наиболее обездоленной части населения — полукрестьян, полурабочих, для которых работа на капиталистическую мануфактуру являлась уже не менее, а зачастую гораздо более важным источником существования, чем сельское хозяйство. Именно эта группа населения, «les classes salariées» — «классы, получающие заработную плату» — еще до революции и в ее первые годы, задолго до термидорианской экономической катастрофы, — были в центре внимания Бабефа.

«Мы не говорим здесь о той литературе, которая во всех великих революциях нового времени выражала требования пролетариата (сочинения Бабефа и т. д.)», — писали Маркс и Энгельс в «Коммунистическом манифесте» [16]. Публикуемые нами сочинения Бабефа полностью подтверждают эту оценку. Даже составляя в 1790 г. петицию по делу некоего Андре Кабайя, изобретшего новый способ добывания каменного угля, Бабеф счел нужным подчеркнуть в ней, что применение этого изобретения важно «для особого класса рабочих» (pour la classe particulière des ouvriers) [17], так как оно увеличит их средства к существованию. В рукописи, хранящейся в ИМЛ, «Философский свет» Бабеф говорит о создании такого общества, в котором «классы, получающие заработную плату (les classes salariées), станут действительно составной частью общества, образующего нацию», тогда как сейчас «те классы населения, у которых единственный источник существования — заработная плата, не являются частью нации» [18]. Именно о них постоянно заботился и думал Бабеф.

Неудивительно, что весной 1791 г., когда в Париже вспыхнуло самое значительное за годы революции стачечное движение, на которое парижская печать не обратила почти никакого внимания, а влиятельнейшая демократическая газета «Les Révolutions de Paris» даже осудила, Бабеф, находившийся в крохотном провинциальном городке Руа, им заинтересовался. В московском фонде сохранилась запись Бабефа: «Парижские рабочие волнуются, они принимают постановления, они требуют большего дневного заработка, они заставляют тех, кто не принимает участие в их совещаниях, прекращать работу» [19]. Нужно было исключительное внимание Бабефа к положению рабочих для того, чтобы сразу же оценить значение этого события.

В августе—сентябре 1792 г. во время выборов в Конвент Бабеф в качестве выборщика пытался добиться принятия наказа буду-

---

[15] *Г. Бабеф.* Сочинения, т. I, стр. 201.
[16] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Сочинения, т. 4, стр. 455.
[17] ЦПА ИМЛ, ф. 223, оп. 1, д. 208.
[18] ЦПА ИМЛ, ф. 223, оп. 1, д. 139, стр. 28.
[19] ЦПА ИМЛ, ф. 223, оп. 1, д. 270.

щим депутатам. Он настаивал на включении в будущую Декларацию прав следующего пункта: «Вступая в общество, люди не могут согласиться попасть в худшее положение, чем то, в котором они находились при естественном состоянии; каждый из них должен быть обеспечен всем необходимым при помощи труда, на который он сочтет себя способным. Следовательно, общество должно обеспечить работу всем своим членам и определить заработную плату в соответствии с ценами на все товары с тем, чтобы этой заработной платы было достаточно для приобретения продовольствия и для удовлетворения всех остальных потребностей каждой семьи». Этот пункт наказа, выдвинутый, не забудем этого, еще в 1792 г., несомненно, выражал «требования пролетариата» и является превосходным доказательством справедливости той оценки Бабефа, которая дана была Марксом и Энгельсом еще в 1848 г., хотя в их распоряжении не было многих из тех документов, которыми мы располагаем сейчас.

Страстное стремление во что бы то ни стало улучшить положение «обездоленных классов» — важнейшая черта, определяющая особое положение Бабефа среди других деятелей революции. «При обновлении законов общества, — писал Бабеф Купе в сентябре 1791 г., — прежде всего должен стать вопрос о бедняке... И на что годятся все ваши законы, если ... они не помогают избавить от глубочайшей нужды это огромное множество бедняков, составляющих подавляющее большинство общества».

Именно с этой точки зрения — «о бедняке до сих пор еще не подумали» — Бабеф критиковал даже тех деятелей Учредительного собрания, которых он ценил выше всего, Петиона и Робеспьера. От Купе, избранного в 1791 г. депутатом Законодательного собрания, он ожидал, как писал ему, «большей сердечности, чтобы со всей энергией, со всей настойчивостью добиваться уничтожения нищеты и невежества, и поменьше этой сухой чопорности Робеспьеров и Петионов...»

Этот упрек Бабеф направляет в 1793 г. даже Марату. Он корил «друга народа» за то, что тот слишком часто разоблачает ради разоблачений, но не задумывается над положением «той самой несчастной части народа..., которая сделала все и для которой за четыре года не сделали ничего, о которой, кажется. до сих пор даже не подумали». «Если ты действительно друг народа, — призывал Бабеф Марата в своем памфлете, написанном от имени Фурнье-Американца, — ... будь постоянно на трибуне... и не покидай ее, пока ты не добьешься того, что осмелились потребовать ... друзья санкюлотов, — благосостояния неимущего класса (aisance de la classe indigente)».

Нет никакого сомнения в том, что уже в первые годы революции, задолго до термидорианской катастрофы, Бабеф был идейным представителем этого «неимущего класса», конечно, далеко не единственным, но наиболее ярким, проницательным, дальновидным и даже теоретически наиболее вооруженным,

* * *

Это утверждение может показаться преувеличением. Хорошо известно — и это подтверждается автобиографическими материалами, публикуемыми в первых двух томах, — что Бабеф был в полном смысле слова самоучкой, не прошедшим даже начальной школы. Но недаром Морис Домманже, десятками лет изучавший Бабефа, характеризовал его как «необыкновенного человека в необыкновенной ситуации» [20]. Находясь в Вандомской тюрьме, Бабеф писал сыну: «Я хорошо помню, что, когда я был таким же постреленком, как ты, требовались дьявольские усилия, чтобы оторвать меня от игры... Но когда я начал учиться и сделал первые успехи..., я забросил все, чтобы целиком заняться только учением» [21]. Бабеф был всю свою жизнь жадным и неутомимым читателем. Он читал «поразительно много» (énormement), — писал о нем тот же Домманже, — в нем было «неистовое стремление к знаниям» (frénesie de la connaissance) [22]. Отвечая аббату Пьеру Турнье, написавшему в связи с давенекурским процессом крайне озлобленный памфлет, в котором он называл Бабефа «индюшачьим пастухом», Бабеф писал: «Пусть я сторожил индюков..., но в то же время я читал Фременвилля и Бурдалу, Вольтера и Платона, Аристотеля и Жан Жака». Уже этот список достаточно внушителен для скромного провинциального февдиста. Но мы располагаем и другими материалами, свидетельствующими о том, как широк и разносторонен был круг чтения Бабефа.

Об этом достаточно убедительно говорила уже переписка с Дюбуа де Фоссе, в которой Бабеф оказывался способным отвечать на самые разнообразные и сложные вопросы — о вредителях зерна, о трехполье, об аэронавтике (в связи с гибелью Пилатра де Розье), о магнетизме, о вакцинации, о силах притяжения, даже о месмеризме. Мы располагаем, однако, и другими источниками, знакомящими нас с интеллектуальным уровнем Бабефа.

Отвечая Турнье, Бабеф указал, что он читал Фременвилля. Но он знал не только «Origines des fiefs» этого автора. Специальные работы Бабефа показывают, что он был высокообразованным февдистом. Он знал Прюдома («Traité des rotures»); Анриона де Пансэ («Traité des fiefs»), Билькока («Les principes des fiefs»); он внимательно читал труд Эрве («Théorie des matières féodales et censuelles»), которого С. Д. Сказкин считал одним из самых серьезных и глубоких французских февдистов [23], следил за всей февдистской литературой 80-х годов.

Мы уже видели, что, когда Бабеф в 1789 г. готовил к печати «Постоянный кадастр», он в течение нескольких недель успел

---

[20] *M. Dommanget.* Sur Babeuf et la conjuration des Egaux, p. 59.

[21] ЦПА ИМЛ, ф. 223, оп. 1, д. 488. (8 vendémiaire l'an V — 29 сентября 1796 г.).

[22] *M. Dommanget.* Sur Babeuf et la conjuration des Egaux, p. 37.

[23] См. *С. Д. Сказкин.* Февдист Эрве и его учение о цензиве. — *С. Д. Сказкин.* Избранные труды по истории. М., 1974.

прочитать и проконспектировать книги Неккера («L'administration des finances»), Ленге («De l'impôt territorial»), Кондорсе, Вольтера («L'homme à quarante écus»), Вобана («De la dîme royale»), Сен Вибера («L'impôt abonné»), произведения Мирабо, Рейналя, Грегуара, Леонара Бурдона и не меньше 10—15 брошюр на эти темы. Точно так же, когда Бабеф заинтересовался вопросом о республике и монархии, он составил список книг, в котором было около десяти названий, свидетельствующих о весьма серьезном и основательном подходе к этой проблеме[24].

Мыслителем, оказавшим наиболее сильное влияние на Бабефа, был Руссо; над его работами «Рассуждение о неравенстве», «Общественный договор», «Исповедь» он много и часто размышлял. Он знал и Мабли, у которого заимствовал самую формулу общества «совершенного равенства». Мы встречаем у него упоминание о Дидро, Гельвеции, Монтескье («Величие и падение римлян»), Себастьяне Мерсье («2440 год»), Вольнее, Рейнале и др. В его записях можно найти самые разнообразные ссылки на Тацита и «Краткий очерк истории Франции» Эно, на «Мысли» шведского канцлера Оксенштерны и на высказывания Мишеля Л'Опиталя, на «Историю Пикардии» и «Происхождение франкмасонов». В годы революции он был внимательным читателем таких газет, как маратовский «Друг народа», «Парижские революции», «Annales Patriotiques», «Patriote français». Он знал о существовании газеты Бонвилля «Bouche de fer» и изданиях, которые этому органу предшествовали и его продолжали. Совершенно очевидно, что Бабеф обладал живым умом и неутомимой жаждой знаний. Марат после первых выступлений никому еще не известного Сен-Жюста в Конвенте охарактеризовал его как «мыслителя». Эту оценку вполне можно применить и к Бабефу.

Об этом свидетельствует сохранившаяся в архиве Бабефа тетрадь, озаглавленная «Философский свет (Lueures philosophiques), или Действительно истинное в том, что называют естественным правом, международным правом, гражданским правом»[25]. К сожалению, объем тетради (около 150 страниц) и то обстоятельство, что она до сих пор недостаточно изучена и трудно пока определить, что в ней принадлежит самому Бабефу и что является только изложением чужих произведений, не дают возможности включить ее в Собрание сочинений Бабефа. Но она изобилует оригинальными и интересными мыслями. Мы ограничимся здесь отзывом об этой рукописи, данным В. П. Волгиным: «Рукопись... составляет интереснейшее звено между тем, что нам было из-

---

[24] В этом списке две книги известного французского республиканца Ла Викontери, книга Паскье и др. (La Vicomterie. «Crimes de noblesse» и «Crimes du clergé»; E. Pasquier. «Recherches de la France»; Gautier de Vibert. «Variations de la monarchie française dans son gouvernement politique, civil et militaire»; Lenglet Dufresnoy. «Plan de l'histoire générale et particulière de la monarchie française»).

[25] ЦПА ИМЛ, ф. 223, оп. 1, д. 139.

вестно о взглядах Бабефа дореволюционного периода, и «бабувизмом», каким он сложился к эпохе издания Бабефом его журналов.

Бабеф... делает, несомненно, значительный шаг вперед в своем понимании общественных отношений и способов разрешения наболевших общественных вопросов. Многие положения Бабефа свидетельствуют о большой оригинальности его социальной мысли. Таковы, например, его рассуждения о праве на труд, о естественных правах, об этапах развития собственности, о государственности и анархии, о мелкобуржуазных чертах учения Руссо. Совершенно исключительный интерес представляют рассуждения методологического характера (физика и метафизика и т. д.) ... Многие мотивы учения Бабефа о развитии общества и собственности он мог найти и, наверное, находил, что у Тюрго, что у Руссо, что у энциклопедистов. Рассуждения «о силе» явно напоминают Гельвеция, «о разуме» и «страстях» — Мабли и т. д. Но, конечно, Бабеф построил на этих мотивах концепцию, отличающуюся значительной оригинальностью... Пожалуй, очень удивительно отсутствие упоминания о Морелли-Дидро, на которого Бабеф позже ссылался. Возможно, что и в это время (мне кажется несомненным, что во время переписки с Дюбуа де Фоссе Бабеф еще не знал Морелли) книга Морелли оставалась Бабефу еще неизвестной». В целом В. П. Волгин считал, что эта рукопись является «ценным приобретением для истории социально-политической мысли вообще, коммунистической мысли в частности» [26].

Бабеф, по-видимому, предполагал превратить эту тетрадь, куда он заносил свои размышления, в отдельную книгу. Он писал в мае 1793 г.: «Друзья человечества! Я возвещаю вам о моей книге «О равенстве», которую я вскоре подарю миру! Софисты! Этой книгой я разрушу все ложные рассуждения, при помощи которых вы вводили в заблуждение, заключали в оковы и постоянно заставляли страдать весь мир, и вопреки вам люди узнают всю полноту своих прав..., и все станут счастливы».

Бурные события 1792—1793 гг. помешали осуществлению этого намерения. Жизнь Бабефа пошла другими путями, но и в последующие годы он много читал и много размышлял. Мы убедимся в этом, когда ознакомимся со следующими томами.

* * *

До лета 1792 г. муниципалитету Руа, администрации дистрикта Мондидье и департамента Сомма удавалось наглухо закрыть «пикардийскому Марату» доступ к общественным должностям. Но восстание 10 августа, низвержение монархии, созыв

---

[26] Письмо В. П. Волгина в редакцию «Французского ежегодника» 8 октября 1957 г. по поводу нашей статьи «Неизвестная рукопись Бабефа» («Французский ежегодник. 1958». М., 1959).

Конвента, обновление всей местной администрации в корне изменили обстановку. Уже в конце августа Бабеф выступает на собрании в Руа и посылается на департаментское собрание выборщиков (в Аббевилле), которому предстояло избрать депутатов в Конвент от департамента Сомма и переизбрать департаментскую администрацию. В первые дни сентября Бабеф выступает на этом собрании, настаивая на принятии наказа будущим депутатам. В числе предложенных им трех пунктов наказа был и изложенный нами — основной для Бабефа — пункт о «праве на труд» и заработной плате, обеспечивающей человеческое существование. Это выступление Бабефа вызвало бурю протестов его давних ожесточенных противников. И все же в собрании нашлась организованная группа сторонников Бабефа, выдвинувшая его кандидатуру в Конвент. Благодаря найденному Ж. Лефевром любопытнейшему документу [27] удалось установить, что эта группа поддерживала его кандидатуру именно как «сторонника аграрного закона» (несмотря на то, что Бабеф, как мы видели в 1791 г., старался не придавать огласке этот свой план). Провести Бабефа в Конвент его сторонникам не удалось, но он все же был избран (225 голосами из 372) в генеральный совет департамента и впервые за годы революции получил пост — правда, весьма незначительный — архивиста директории.

Но в ноябре 1792 г. в Мондидье состоялось собрание выборщиков дистрикта для переизбрания администрации. Уже при выборах прокурора-синдика дистрикта обнаружились две фракции — сторонников Бабефа и его ожесточеннейших противников, выставивших кандидатуру Лонгекана, бывшего в 1791 г. мэром Руа и добивавшегося тогда ареста Бабефа. Победил Лонгекан, но Бабеф, несмотря на все сопротивление, был избран членом директории дистрикта. В архиве ИМЛ сохранилась папка, на которой рукой Бабефа написано: «Мои общественные обязанности. Работа в директории дистрикта Мондидье» [28]. Эта деятельность началась 26 ноября, но продолжалась всего лишь около двух месяцев.

Небольшой служебной ошибки Бабефа оказалось достаточно, чтобы его противники, влиятельные и в новой администрации дистрикта, и в трибуналах, выдвинули против него тяжкое и ничем не обоснованное обвинение.

В конце декабря 1792 г. в директории Мондидье был оформлен акт на продажу одной фермы некоему Левавассеру, зажиточному человеку (позднее, после 9 термидора ставшему мэром Мондидье). Этот участок ранее арендовался небогатым крестьянином Дереном. Левавассер начал требовать немедленного возврата Дереном этого участка. Тогда председатель директории (скрывший

---

[27] *G. Lefebvre*. Où il est question de Babeuf. — *G. Lefebvre*. Etudes sur la Révolution française. Paris, 1954 (русск. пер. — «Французский ежегодник. 1960». М., 1961).

[28] ЦПА ИМЛ, ф. 223, оп. 1, д. 345.

от Бабефа, что он сам участвовал в акте продажи) и один из ее членов 31 января 1793 г. стали уговаривать Бабефа аннулировать акт о продаже. Считая своим долгом спасти Дерена от угрожавшего ему сгона с фермы, Бабеф, не задумываясь, отправился вместе с другим членом директории в помещение дистрикта и произвел исправление в самом акте, заменив одну фамилию другой. Через три часа Бабефу объяснили допущенную им процедурную ошибку, и он тут же составил «rétractation» — декларацию, в которой признавалась и исправлялась допущенная ошибка. Но было уже поздно — акт с исправлением оказался в тот же вечер в руках злейшего противника Бабефа прокурора-синдика дистрикта Лонгекана, который сразу же возбудил дело о «подлоге». Три члена директории, прежде всего Бабеф, были выведены из ее состава, и дело было немедленно переслано в департаментский центр Амьен. Бабеф отправился туда же, но не успел он приехать, как уже 7 февраля его ознакомили с решением директории департамента Сомма, всегда бывшей враждебной по отношению к Бабефу. «Есть все основания предполагать, — гласило постановление, — что именно он был зачинщиком. . ., совершенные им злоупотребления не могут быть оправданы никакими благовидными предлогами».

То, что не удалось сделать в 1791 г., было осуществлено теперь, в 1793 г.; к тому же теперь появилось обвинение в «подлоге», совершенном в корыстных целях. Как ни ложно было это обвинение, но еще полвека спустя такой серьезный человек, к тому же юрист по профессии, как автор «Путешествия в Икарию» Этьен Кабе, склонен был ему верить. А в раскаленной обстановке 1793 г. это обвинение, переданное для расследования в трибунал Мондидье, состоявший из убежденнейших врагов Бабефа, могло иметь — и действительно имело — для него самые тяжелые последствия.

Ознакомившись с решением директории, Бабеф, не заезжая в Руа, немедленно отправился в Париж. Все это дело «о подлоге» и вся деятельность Бабефа в Пикардии за годы революции подробно были изложены им самим в брошюре «Бабеф, бывший администратор департамента Сомма и затем дистрикта Мондидье . . .», опубликованной в 1794 г. и впервые переиздающейся теперь полностью в нашем томе. Она является как бы продолжением «Ответа обвинителям», напечатанного в конце первого тома сочинений, и дает представление о тех «беспрерывных преследованиях», которым подвергался «защитник прав народа» со стороны «заговорщиков департамента Сомма» [29].

---

[29] В конце 1793 г. Бабеф, находясь в арестной камере при парижской мэрии, задумал написать мемуары, озаглавленные им «История заговоров и заговорщиков департамента Сомма. Мемуары Г. Бабефа, апостола свободы и защитника прав народа в департаменте, подвергавшегося беспрерывным преследованиям со стороны предателей начиная с 1789 г.

Первое письмо Бабефа жене из Парижа было датировано 14 февраля. Оно носило еще успокоительный характер — Бабеф надеялся найти в столице помощь. Но уже из второго письма видно, что эти надежды быстро рассеялись. Эта весна 1793 г. для него была особенно мучительной: Бабефа крайне угнетала и его собственная нужда, и полная невозможность помочь семье, оставшейся в Руа без всяких средств.

Нужда преследовала Бабефа почти все годы после разрыва с маркизом Суаекуром и прекращения его февдистской деятельности. В августе 1790 г., после освобождения из Консьержери, оставшийся без средств к жизни Бабеф писал в отчаянии: «Приходится постоянно напоминать себе о том, что ты — отец и супруг, чтобы одолеть сильнейшее искушение утопиться».

На этот раз, весной 1793 г., положение было особенно тяжелым. 25 февраля 1793 г. Бабеф писал жене: «...Мои дети плачут оттого, что у них нет хлеба. О мой милый друг, постарайся все же не дать им умереть еще несколько дней». «Не посылай мне ничего,— писал он в марте,— сохрани то, что у тебя есть, для твоих бедных детей. Это настоящее мучение для меня, что вот уже два месяца, как я их покинул и ничего еще не мог для них сделать». Узнав о болезни одного из сыновей, Бабеф молил жену предпринять все для его спасения: «Какая пытка для меня не иметь возможности оказать хоть малейшую помощь моим детям, чахнущим от нужды. Постарайся по крайней мере, чтобы они не умерли до получения помощи от меня... Сохрани мне моего Камилла».

Вскоре, однако, у Бабефа мелькнула надежда — он познакомился с известным деятелем парижского революционного движения Клодом Фурнье. Фурнье в это время собирался создать «легион освободителей народов», который он должен был возглавить; Бабефу он обещал пост адъютанта и ближайшего помощника. Но начались мартовские дни — движение нескольких парижских секций с требованием отстранения Дюмурье от командования армией и исключения жирондистов из Конвента. Фурнье, а возможно, и сам Бабеф, принял в нем самое деятельное участие. Конвент — и притом по предложению Марата — принял даже решение об аресте Фурнье. Бабеф тогда и написал по просьбе Фурнье упомянутый нами памфлет против Марата (изданный от имени Фурнье — мы воспроизводим его в настоящем томе по сохранившемуся в Центральном партийном архиве оригиналу рукописи Бабефа). Надежды на помощь Фурнье рухнули, как и надежды, связанные с голландским полковником Макерстротом, создававшим «батавский легион» и тоже обещавшим Бабефу помощь.

Но как ни велики были затруднения Бабефа, как ни мучила его мысль о невозможности помочь семье, он по-прежнему поглощен общими интересами революции. В апреле 1793 г., сообщая

вплоть до смерти». Уже в 1793 г. Бабеф предвидел свой мученический конец!

жене о постигшей его неудаче с Макерстротом, он пишет ей: «Я очень хотел бы остаться в Париже для моего *великого дела; я здесь не один об этом думаю* (курсив наш.— *В. Д.*); ты знаешь, что я имею в виду. Здесь все накалено до крайности. Санкюлоты хотят быть счастливыми».

7 мая Бабеф обращается с письмом к Шометту, прокурору Парижской коммуны. Это письмо является одним из интереснейших документов, написанных Бабефом в критический момент революции, накануне восстания 31 мая. «Какой момент ... для Вашей славы! — призывал Бабеф Шометта.— Для места, которое Вам будет отведено на страницах беспристрастной истории!! Она поведает будущим поколениям, кем Вы были, судя по Вашему поведению в эти дни... Настал день, когда коммуна должна показать, что, когда она обязывается защищать права народа, это не пустые слова». В эти же дни Бабеф работал и над другой рукописью — «Законодательство санкюлотов, или Совершенное равенство», — она впервые публикуется полностью в нашем томе.

Как ни трудны были личные испытания, Бабеф хранил веру в свой идеал и надежду, что ему суждено будет сыграть значительную роль в его осуществлении. 17 апреля 1793 г. Бабеф делится с женой: «...Не могу не думать постоянно о судьбе моей жены, моих бедных детей. Но я утешаю себя такой мыслью: по крайней мере я жив и надеюсь, что вознагражу их когда-нибудь за все страдания, которые они переносят вместе со мной; я надеюсь, что они увидят во мне отца, которого весь мир будет благословлять и которого все народы во все века будут считать спасителем человеческого рода».

В конце мая судьба наконец улыбнулась Бабефу. Его письмо жене от 27 мая написано на бланке продовольственной администрации парижского муниципалитета. Благодаря ходатайствам Сильвена Марешаля и Шометта Бабеф получил там место. Руководителями администрации были Гарен и Дефаван; ее секретарем стал Гракх Бабеф — к тому времени он перестал называть себя Камиллом, считая, что в отличие от Гракхов этот деятель римской истории не был достаточно решителен и последователен.

* * *

Продовольственный вопрос с самого начала революции занимал Бабефа. Мы видели это уже в «Лондонской корреспонденции», где он выдвигал предложение о введении твердых цен на зерно. 1790—1791 годы были для Франции урожайными и благополучными. Но в 1792 г., в феврале продовольственные волнения вспыхнули вновь и раньше всего в нуайонском дистрикте (департамент Уаза), с которым Бабеф был тесно связан. В незаконченном обращении «Ко всем муниципалитетам департамента Уаза» Бабеф дал очень ясное объяснение — и притом с классовой точки зрения — причин этих волнений: «Спекуляция лишила нас звонкой монеты, она уже нанесла жестокие удары громадному боль-

шинству отраслей торговли. Тайным козням жесточайшей злобы удалось оставить почти всех наших рабочих без работы. Нам оставался в изобилии хлеб, основной предмет нашего питания, и этот последний ресурс пытаются у нас похитить!» Он пишет, что сорок тысяч французов (примерно таково и было число участников нуайонских волнений) смело поднялись ради великого вопроса о хлебе. Их посланцы ставят на рассмотрение Национального собрания «самый важный из всех вопросов, стоящих перед нацией, вопрос, который еще не обсуждался в сенате, хотя его давно уже следовало обсудить. Этот великий вопрос — вопрос о хлебе».

Теперь Бабефу пришлось принять участие в решении этого «великого вопроса» для 800-тысячной столицы. Эта его деятельность мало изучена. Еще не собраны все многочисленные письма в министерство, в департаменты и дистрикты, составленные Бабефом, но подписанные руководителями продовольственной администрации. Даже А. Матьез в своей прекрасной книге «Борьба с дороговизной и социальное движение в эпоху террора», многократно цитируя брошюру «Париж, спасенный продовольственной администрацией» (она публикуется в томе), не знал, что автором ее был Бабеф.

Бабеф едва ли преувеличивал, заявляя позднее, что он являлся «cheville ouvrière» (рабочей пружиной) всей администрации. Во всяком случае именно его брошюра (изданная и отдельной афишей) вызвала конфликты между министром внутренних дел Гара и Гареном, в результате которого Гарен был даже арестован на несколько дней, и в конце концов оба под давлением различных сил почти одновременно вынуждены были уйти в отставку. Изучение сохранившихся в ЦПА ИМЛ материалов, печатаемых в томе (в том числе планы выступлений Бабефа, его письма к Гарену и т. д.), показывают также, что Бабеф был участником августовского секционного движения, предшествовавшего сентябрьскому «народному натиску», в результате которого майский закон о «максимуме» (твердых ценах) только на зерно был дополнен «всеобщим максимумом». Эта активная деятельность Бабефа в продовольственной администрации и защита им Гарена была, вероятно, одной из причин отчуждения между Бабефом и «бешеными», особенно Жаком Ру, требовавшими, как известно, введения и осуществления «максимума», но резко (и несправедливо!) обрушившимися при этом на Гарена.

Эта работа в продовольственной администрации не только сблизила Бабефа с парижскими санкюлотами. Она имела большое значение и для развития его коммунистического мировоззрения, для выяснения способов практического осуществления «равного распределения». Бабеф был, конечно, утопическим коммунистом. Недаром в апреле 1793 г. он писал: «...Я не вижу ничего невозможного в том, что не пройдет и года, и нам, если мы будем правильно проводить свои меры и действовать со всем необхо-

димым благоразумием, удастся обеспечить всеобщее благоденствие на Земле». Но при всем своем утопизме Бабеф, несомненно, отличался от коммунистов-моралистов XVIII в. своим реалистическим, практическим подходом к решению социальных проблем. Недаром еще в 1787 г. он сожалел, что автор «Предвестника изменения мира» «не раскрыл способы осуществления» своего проекта [30].

Не сомневаясь в том, что общество «совершенного равенства» принесет человечеству всеобщее благоденствие, Бабеф задумывался лишь над тем, какими практическими путями это преобразование осуществится. Тот же К. Тенессон, мнение которого о генезисе бабувистских идей мы оспаривали, справедливо подчеркнул эти особенности Бабефа, его своеобразную «практичность» [31]. Он не хотел выступать с чисто утопическими проектами, основанными на одних лишь «метафизических предположениях». Он их осуждал еще в «Философском свете», упрекал за них даже Руссо и его «Общественный договор». Но опыт якобинской диктатуры, опыт снабжения столицы и всей страны на основе пусть и несовершенного учета и перераспределения всех продовольственных ресурсов страны и централизованного снабжения более чем миллиона солдат в двенадцати армиях был для него практическим подтверждением осуществимости «равенства в распределении продуктов». Именно этот аргумент он привел в 1795 г. в своем известном письме к Ш. Жермену, где его коммунистические взгляды развиты наиболее полно.

Однако эта деятельность Бабефа скоро оборвалась. С уходом Гарена его функции в администрации стали менее самостоятельными. Это его так тяготило, что он перешел в центральную продовольственную комиссию. Но в этой комиссии он проработал только одну неделю. Удар ему снова был нанесен из Мондидье, более тяжелый, чем все предыдущие.

После отъезда Бабефа — можно, конечно, точнее сказать бегства — в Париж дело о «подлоге» было передано в трибунал Мондидье. Уже 29 марта обвинения против всех привлеченных по делу были сняты — дальнейшее следствие должно было вестись только против Бабефа. Это решение его сразу обрадовало: «Мое дело перестало меня беспокоить, — писал он жене 17 апреля. — ... Если признано, что эти люди не подкупали, то надо также признать, что я не был подкуплен». Так гласила юридическая логика, но не ею руководствовались противники Бабефа. 23 августа трибунал заочно приговорил его одного к 20 годам каторжной тюрьмы («20 ans de fer») и к выставлению у позорного столба в течение шести часов. Приговор был чудовищно несправедливым и совершенно не соответствовал предъявленному обвинению.

---

[30] *Г. Бабеф.* Сочинения, т. I, стр. 177.
[31] *K. Tønesson.* The Babouvists. From utopian to practical socialism. — «Past and Present». 1962, N 22.

В департаменте Сомма происходила в то время революционная чистка властей, осуществляемая тогда самым левым из депутатов Конвента от департамента Андре Дюмоном, впоследствии одним из наиболее активных термидорианцев. Но поддерживаемый им новый прокурор-синдик в Мондидье Варен (возможно, по наущению самого Дюмона, у которого были столкновения с Бабефом на собрании выборщиков в Аббевилле[32]) был так же беспощаден, как и прежние преследователи Бабефа. Он выяснил местопребывание Бабефа, потребовал его немедленного ареста и отправки в Мондидье для приведения в исполнение судебного приговора. 24 брюмера по революционному календарю (14 ноября 1793 г.) Бабеф снова, в третий раз за годы революции, был арестован.

Хладнокровие не покинуло Бабефа. Прежде всего он направил все свои усилия на то, чтобы не быть отправленным в Мондидье, где в тех условиях ему могла угрожать личная расправа. Из арестной камеры при парижской мэрии, куда он был помещен, он обратился с письмами к Шометту, к мэру Парижа Пашу, к Андре Дюмону, Сильвену Марешалю, к администратору парижской полиции Менесье (позднее видному бабувисту, тайному агенту одного из парижских округов). Эти протесты возымели действие — Бабеф не был отправлен в Мондидье, а революционно настроенные администраторы парижской полиции обратились к Варену, усомнившись в обоснованности ареста. Не получая ответа, они через три с лишним недели, 17 фримера (7 декабря), освободили Бабефа, мотивируя это тем, что «недопустимо играть свободой человека, патриотизм которого известен»[33]. Варен переслал запрос парижских администраторов в Амьен, в уголовный трибунал департамента, и обжаловал их действия, расценивая их как вмешательство в компетенцию судебных властей. Этот аргумент подействовал, и амьенский трибунал обратился в Париж, в министерство юстиции, — приговор должен приводиться в исполнение, и Бабеф подлежит аресту. В ночь под новый год двери тюрьмы вновь за ним закрылись, и на этот раз надолго.

Бабефу предстояло добиваться отмены приговора. Ему помогали его друзья по продовольственной администрации Доб и Тибодо, взявшие на себя публикацию оправдательного мемуара Бабефа и заботы о его семье. Бабефу помогали также Сильвен Марешаль и некоторые члены Конвента. Министр юстиции якобинец Гойе был настроен к нему благожелательно. И все же дело двигалось крайне медленно. Только 24 флореаля (13 мая) Конвент по докладу законодательного комитета постановил передать приговор на рассмотрение кассационного трибунала, предоставив ему право вовсе отменить приговор или, «если для этого есть основания», передать дело на пересмотр в тот «уголовный трибунал, который он сочтет нужным».

---

[32] *R. Legrand.* Babeuf et André Dumont. Abbeville, 1968.
[33] AN, BB [16] 858.

Семья Бабефа и его друзья были уверены в том, что кассационный трибунал ликвидирует дело, но сам Бабеф был настроен более пессимистически. Он оказался прав: 21 прериаля (9 июня) приговор был отменен, но все дело было передано на новое рассмотрение в уголовный трибунал департамента Эна, в город Лан. 9 мессидора (27 июня 1794 г.) Бабеф по этапу был туда препровожден. 16 мессидора (4 июля) состоялся первый допрос: «Получал ли он от Дебрена... или какого-нибудь другого лица деньги или подарки за то, чтобы сделать изменения в акте о торгах 31 декабря?» Ответ Бабефа гласил твердо: «Не только 25 луи, но и все сокровища всей аристократии не могут меня соблазнить... Я докажу, что с самого начала революции я всегда был беден и что я не был бы в таком положении, если бы меня можно было подкупить»[34].

К счастью, прокурором-синдиком департамента Эна был «честный якобинец Поликарп Потофе»[35]. Невиновность Бабефа была ему очевидна. Помогли, вероятно, и письма членов Конвента, посланные при помощи Доба. 28 мессидора II года трибунал Лана признал необходимым вновь привлечь к суду всех ранее обвинявшихся по делу, а 30 мессидора (18 июля) Бабеф был временно освобожден на поруки. Он сразу направился в Париж — по некоторым сведениям, по крайней мере часть пути он проделал пешком вместе с сыном Робером-Эмилем. В Париже Бабеф очутился как раз в первых числах термидора.

* * *

Те четырнадцать месяцев, в течение которых во Франции существовала якобинская диктатура, были очень нелегкими для Бабефа. Только три месяца — с конца мая и до конца августа, до ухода Гарена — Бабеф жил относительно спокойно, имея возможность развернуть все свои способности и не зная материальной нужды. Все остальное время Бабеф и его семья жили, как мы видели, в труднейших условиях. В феврале 1794 г. упомянутый уже нами Тибодо писал Сильвену Марешалю о положении Бабефа, находившегося тогда в тюрьме: «Сам он был болен; трое его детей перенесли оспу; его добродетельная жена должна была днем уделять им все свое внимание, а по вечерам отправляться в тюрьму, чтобы утешать мужа; невообразимая нужда — вся эта картина слишком потрясающая, чтобы подробно ее описывать»[36]. В довершение всех бед жена Бабефа заболела: «Я была при смерти, — сообщала она 8 прериаля (27 мая)..., — я поправляюсь

---

[34] *A. Patoux.* Le faux de Babeuf. — «Mémoires de la Société Académique de Saint Quentin», 4-me série, v. XVI, 1913, 1-re partie, p. 198.

[35] В письме министру внутренних дел Паре (сменившему Гара) в сентябре 1793 г. от имени продовольственной администрации Бабеф положительно отзывался о деятельности Потофе.

[36] AN, BB^{16}859; «AHRF», 1959, N 157, p. 256.

с трудом. Ты не можешь себе даже представить, до чего я слаба. Только два раза за это время я ела мясо. Эта слабость часто мешает мне прочитать сразу твои письма, но я стараюсь сделать это в течение дня» [37]. Когда, немного оправившись, она попробовала посетить тюрьму, это хождение отняло у нее шесть часов, и она после него с трудом пришла в себя.

Тем более замечательно публикуемое в данном томе письмо, отправленное Бабефом из тюрьмы в эти тяжелейшие для него дни своему сыну Эмилю:

«Друг мой, это столь драгоценное равенство, возвышенный принцип которого так поразил тебя..., это религия твоего отца, его конституция, его основной закон, это предмет всех его привязанностей, и он полагает, что, пока люди не примут эту систему, не будет между ними ни мира, ни благоденствия, ни справедливости... Именно это я постараюсь доказать тебе со всей очевидностью и разъяснить в то же время, что французский народ, вполне вероятно, доведет свою революцию до счастливого конца, до установления этой системы совершенного равенства, которое обеспечит всеобщее счастье, тем более восхитительное, что оно будет построено на основаниях, которые сделают его неизменным. Только по достижении этой цели завершатся усилия республики».

Это письмо, как нам представляется, не оставляет никакого сомнения в том, что коммунизм, создание общества «совершенного равенства» были центральной идеей в мировоззрении Бабефа. В этом он видел «заранее намеченную цель» (le but concerté), о которой он писал Купе в 1791 г., конечную главную цель Французской революции. И формулируя эту цель, он применяет те же выражения, в которых в марте 1787 г. изложил тему для конкурса Аррасской академии: «С учетом общей суммы ныне достигнутых знаний, каково было бы состояние народа, если бы ... между всеми его членами царило *совершенное равенство* (курсив наш. — *В. Д.*) ..., земля, на которой он живет, была бы ничьей и принадлежала бы всем, и все, наконец, было бы общим, вплоть до произведений всех видов промышленности... Возможно ли, чтобы такое общество существовало и чтобы можно было найти средства абсолютно равного распределения» [38].

В этом смысле развитие Бабефа было, действительно, «прямолинейным». Конечно, Бабеф, как мы видели, умел приноровлять свою тактику к потребностям действительности, выдвигать на первый план вопросы, способные непосредственно заинтересовать массы. В 1790 г. он возглавил в Пикардии движение против косвенных налогов. В 1791—1792 гг. он боролся за уничтожение всех феодальных прав без всякого выкупа и за раздел общинных земель не в собственность, а в пользование. В 1792—1793 гг. он настаивал на проведении максимума. Но, выдвигая каждый раз

---

[37] ЦПА ИМЛ, ф. 223, оп. 2, д. 258.
[38] *Г. Бабеф*. Сочинения, т. I, стр. 153.

эти конкретные требования, способные «дать народу толчок к действиям» (как он писал Лораге летом 1790 г.), он не упускал из виду и «заранее намеченную цель», стремясь так или иначе к ней приблизиться. Так обстояло дело и с «аграрным законом».

В этом требовании не содержался отход или отказ от коммунистических принципов. Морис Домманже с полным основанием утверждал: «Совершенно ясно, что аграрный закон в соединении с принципом неотчуждаемости земли является для него (Бабефа. — *В. Д.*) только этапом на пути к коммунизму» [39].

В. П. Волгин в своем последнем труде «Французский утопический коммунизм», посвященном двухсотлетию со дня рождения Гракха Бабефа, «великого революционера-коммуниста», писал по этому поводу: «В 1793 году Бабеф решительно и даже с некоторой обидой опровергает представление о нем, как об «апостоле аграрного закона». Очевидно, уже до 1793 года он пришел к твердому убеждению в невозможности компромиссного решения социальной проблемы, в необходимости установления порядка общности. Это убеждение он сохранил до конца своих дней, оно стало руководящим принципом всей его последующей революционной деятельности» [40].

Следует при этом проанализировать, какое содержание вкладывал Бабеф в понятие «аграрного закона», поскольку разные сторонники этой идеи понимали ее по-разному.

В 1791 г. в газете «Парижские революции» напечатана была статья «О бедняках и богатых». Она была известна Бабефу. Это видно из его записи «Аграрный закон», печатаемой в нашем томе. Автором ее был, по-видимому, Сильвен Марешаль. В ней отстаивалась идея аграрного преобразования, в результате которой все бедняки «должны стать собственниками» [41].

Эта идея была совершенно чужда другим сторонникам «аграрного закона», например Пьеру Доливье и аббату Курнану. Они категорически высказывались против сохранения частной собственности на землю, требовали наделения ею лишь в пользование. Однако тот же Доливье в своей работе «Опыт о первоначальной справедливости» — книга эта была знакома Бабефу и найдена у него при его аресте в 1796 г. — отстаивал и другой принцип: «Каждый имеет неограниченное право на продукт своего труда» [42]. Но осуществление такого принципа неизбежно вело к расцвету капиталистических отношений; несмотря на самые честные побуждения автора, это была самая подлинная мелкобуржуазная утопия.

---

[39] *M. Dommanget*. Sur Babeuf et la conjuration des Egaux, p. 53.

[40] *В. П. Волгин*. Французский утопический коммунизм. М., 1960, стр. 62.

[41] «Révolutions de Paris», 1791, N 96.

[42] *P. Dolivier*. Essai sur la justice primitive. Paris, 1793, p. 17—18 («...два неприкосновенных принципа: первый, что земля принадлежит всем вместе и никому в отдельности; второй, что каждый имеет неограниченное право на продукт своего труда»).

1790 ГОД. БОРЬБА ПРОТИВ КОСВЕННЫХ НАЛОГОВ

ПЕТИЦИЯ УЧРЕДИТЕЛЬНОМУ СОБРАНИЮ [1]

3 января 1790 г.

Господа, для обновления большого здания нашего социального строя потребовалось перевернуть сверху донизу все принципы, на которых оно было построено и которые затем были признаны порочными. Невежественные или злонамеренные архитекторы до смешного перегрузили это здание и постепенно довели до того, что оно представляло собой лишь колоссальную глыбу, готовую рухнуть под собственной тяжестью. Памятное всем стечение обстоятельств привело к его внезапному и полному разрушению прежде, чем было сооружено что-либо способное служить достаточной заменой всему, что было разрушено. В результате возникли затруднения, какие испытывает человек, обеспокоенный неведением, где бы ему укрыться от ненастья. Но давайте говорить без метафор.

Общая воля давно уже требовала упразднения соляных пошлин и косвенных налогов [2]. Большинство наказов, врученных депутатам нации, требовало этого более настойчиво, чем когда-либо ранее. На эти два родственные платежа указывали как на величайшие бедствия, коими небо, в своей ярости, когда-либо удручало несчастное человечество. 4 августа Национальное собрание в числе других повинностей осудило и их. Не приняв во внимание, что депутаты нации, провозглашая упразднение злосчастных налогов, не могли иметь в виду, чтобы преимуществами этого упразднения стали пользоваться до того, как новый налог, представляющий все остальные, сможет быть открыто разложен между всеми гражданами и уплачиваться ими, народ, доведенный до изнеможения столь долго обременявшим его ярмом, стал его повсюду сбрасывать тем более решительно, что он стремился воспользоваться любой возможностью для того, чтобы разрядить ту волю к мести, к которой наши чудовищные враги его всячески провоцировали. Народ начал страшную охоту на тех, кого он называл вампирами. Когда восстание окончилось, неоплаченные соляные пошлины и косвенные налоги образовали большой недобор в доходах государственной казны. Для покрытия текущих расходов требовалось найти замену упраздненным налогам. Не

могли придумать способа, как это осуществить. Сначала правительство предложило Национальному собранию восстановить ненавистные налоги. Собрание не приняло этого предложения, предвидя, что такая затея натолкнулась бы на препятствия, вероятно, непреодолимые. Оно не могло без дрожи рассматривать те пагубные последствия, к которым это привело бы во всем королевстве. К тому же оно тем более считало долгом отвергнуть это предложение, что, по его мнению, проект установления во всем королевстве цены на соль в размере шести су будет связан с неудобством, заключающимся в том, что это потребует столько же расходов по взиманию, сколько требовалось раньше, когда она продавалась по цене вдвое более высокой, и что эти расходы опять-таки придется нести нации. Но эти выдвинутые оппозицией мотивы не одержали верх. Министры опять выдвинули свое предложение, и вскоре было провозглашено восстановление (правда, «временное») обоих осужденных налогов, от коих вся Франция себя освободила.

Господа, мы все согласны в том, что государство не может существовать, если не обеспечено поступление его доходов. Если бы мы вздумали уклониться от всех повинностей в отношении государственной власти, это бесспорно значило бы работать против наших собственных интересов. Но я вижу, что наше недовольство вызывается не столько самими налогами, сколько огромными расходами, связанными с их взиманием. Все мы охотно будем платить нашу долю на покрытие расходов общества, если, выполняя эту нашу гражданскую обязанность, мы будем уверены в том, что не придется платить суммы втрое и вчетверо большей для покрытия расходов по взиманию. Именно по этой причине соляные пошлины и косвенные налоги являются самыми вымогательскими и самыми разорительными из всех налогов. Я обращаюсь к вам именно для того, чтобы предложить способ урегулирования, который позволит нам выполнять наши обязанности в отношении государственной казны, устраняя это неудобство, заключающееся в расходах по взиманию.

Я вижу, что данное нам обещание, будто восстановление налогов будет действовать лишь пока не будут приняты другие меры, не убеждает французских граждан, ставших недоверчивыми оттого, что слишком часто данные им обещания не выполнялись. Они очень боятся вечных отсрочек, и установление умеренной цены на соль не успокаивает их потому, что они вспоминают старое сравнение фискального режима с масляным пятном, имеющим свойство расширяться постепенно и бесконечно. Но тот способ, который я предлагаю, если бы он был принят, был бы безоговорочно связан с обязательством соблюдения этого обещания.

Я предлагаю на одобрение всех членов этого собрания нижеследующее постановление; его принятие, быть может, позволит отвести большие бедствия и избавить нас от ужасного вида военного знамени [3].

Собрание постоянного комитета, выборщиков и граждан города Руа,

принимая во внимание, что режим косвенных налогов и соляных пошлин является из всех финансовых установлений самым стеснительным и самым обременительным для народа, который, будучи не в состоянии более нести это бремя, повсюду сбросил его; что все прозорливые люди выражают самые тревожные опасения на случай, если бы, как это намечено в принятом Национальным собранием проекте, была сделана попытка вернуть жизнь этому ужасному режиму; что все согласны в том, что государство не может существовать, если не обеспечено поступление его доходов, и что нет человека, который бы не понимал, что уклоняться от несения повинностей в отношении государственной власти значит для граждан работать против самих себя; что недовольство налогоплательщиков вызвано не столько самими налогами, сколько огромными расходами, связанными с их взиманием и применяемыми при этом инквизиторскими методами, несовместимыми с должным уважением к человеческой свободе; что все люди охотно возмещали бы свою часть расходов общества, если бы при выполнении этой обязанности гражданина они были уверены в том, что не приходится платить втрое и вчетверо больше для покрытия расходов по взиманию; что по примеру некоторых городов и провинций королевства, в частности провинции Анжу, каковому примеру желательно, по мнению настоящего собрания, чтобы все последовали, было бы возможно принять такой способ уплаты, при котором государственная казна не терпела никакого ущерба, тогда как граждане могли бы избежать разорительных расходов по взиманию и избежали бы инквизиторских визитов посланцев откупщиков,

постановило:

представить Национальному собранию обращение от имени постоянного комитета, выборщиков и граждан города Руа, содержащее предложение вносить в государственную казну, в порядке замещения, сумму, равную поступлениям от косвенных налогов и соляных пошлин с тем, чтобы такой порядок сохранялся до тех пор, пока, согласно статье 5 декрета Национального собрания от 23 сентября сего года, провинциальные собрания дадут нам возможность полностью упразднить эти налоги, предусмотрев также порядок их замещения. Прежде чем отправить настоящее обращение, будет запрошено согласие всех приходов бальяжа, дабы, по возможности, оно составило единое предложение для всего бальяжа по данному вопросу.

Что на предмет урегулирования личного налога, предназначенного для замещения, о коем идет речь, будет составлен список, по которому каждый гражданин будет обложен пропорционально той сумме упраздненных налогов, какую ему пришлось бы платить в соответствии со своим состоянием и своим потреблением.

ПИСЬМО Г-НУ ВАН-ДЕР-НООТУ[4] В БРЮССЕЛЕ

Руа, 6 января 1790 г.

М. г.!

Вы намного впереди обыкновенных людей. Но, проявляя такую заботу об их судьбе, отдавая себя столь великодушно делу их благоденствия, Вы тем самым обнаруживаете постоянную готовность к общению с малейшим из них.

Моя глубокая уверенность в этой Вашей похвальной доступности для простых людей, столь сильно возвышающей тех, кто способен к этим людям снизойти, и придает мне смелость обратиться к Вам; а искреннее убеждение в том, что Ваша великая душа в высшей степени склонна сострадать несчастному человечеству, позволяет мне льстить себя надеждой, что Вы не откажетесь принять мое письмо, коль скоро увидите, что его автор вполне способен разделить эту беспредельную любовь к общественному благу и с нетерпением стремится присоединить свои слабые усилия ко всем другим усилиям, направленным к осуществлению этой цели. Чтобы иметь возможность содействовать этому благородному делу, я хотел бы, милостивый государь, иметь разрешение на распространение в стране, только что обретшей свободу, патриотической газеты, план которой прилагается. У нас, едва мы стали гражданами, именно полная свобода печати окончательно воодушевила всех; не будь этого, антипатриотическая партия посеяла бы всюду заблуждения, которые во всяком случае затруднили бы консолидацию дела революции. Но журналистская работа, очень низменная в те времена, когда она постоянно использовалась для оправдания действий деспотов, направленных к угнетению народов, ныне стала самым благородным делом благодаря тем блестящим успехам, которых она добилась в великой борьбе за восстановление прав народов. Не будучи еще осведомлен о том, стала ли свобода печати в Брюсселе столь же полной, как во Франции, я осмеливаюсь обратиться к премьер-министру этой благословенной страны с ходатайством о разрешении стать там певцом начавшейся революции и новой конституции, которая будет ее следствием, — событий, столь воодушевляющих тех, кому предстоит их описывать, что рассказ о них всегда будет захватывающим, как бы слабо ни было применяемое для этого перо.

Милостивый государь, все, что я сказал и могу сказать Вам о моем «Брабантском патриоте», исходит прямо, без околичностей, из моего сердца. Испрашивая покровительство для этого задуманного мною издания, я не хотел прибегать к тому льстивому тону, который никогда не нравится людям великой души. Мой стиль — это не стиль восхваления, но нельзя удержаться от восхищения, когда...* о людях, которые вершат судьбы мира. В заключение

* *Несколько слов неразборчиво.*

этого объяснения моих подлинных чувств и вследствие изложенного вначале этого письма моего мнения о высокой любезности того, кому оно адресовано, я питаю надежду, что он соблаговолит распорядиться ответить мне, и я уверен, милостивый государь, что Вы также поверите чувствам глубокого благоговения и искреннего уважения, с каковыми честь имею пребывать,

милостивый государь,
и т. д., и т. д.,
самым и т. д., и т. д., и т. д.

БРАБАНТСКИЙ ПАТРИОТ,
свободная, критическая и нравственная газета, издаваемая французом-гражданином [5]

> Очень часто жалобы слабых рассматриваются как мятежный ропот.
>
> *Ж. Ж. Руссо. О неравенстве состояний* [6]

Сердцу человека свойственно восхищение действиями тех. в ком он видит своих подражателей. Если эта черта свидетельствует главным образом о его самолюбии, то выводом из этого будет, что при многих обстоятельствах самолюбие человека часто немало способствует закреплению успеха больших дел, им предпринимаемых. Так, может случиться, что французские патриоты. воспламененные благородным огнем, оживившим их землю в памятный 1789 год, еще более возбужденные при виде своих братьев брабантцев, стремящихся сразу перенести этот огонь к себе, достигнут, после того как они их поздравят с быстрыми и удивительными успехами, после того как они придут согласовать с ними те средства, которые всего лучше применить для завершения дела национального благоденствия, достигнут, говорю я, того, что заслуженно разделят славу всех, кто будет признан участником этого дела.

Наше исповедание веры почти полностью содержится в сказанном выше. Из этого видно, с какими взглядами мы приступаем к описанию для современников и для потомства тех ярких событий, быстро следующих одно за другим, которые сделают нынешнюю эпоху истории Нидерландов столь замечательной и столь интересной.

Во Франции начало революции было отмечено гражданской кокардой и общей пылкой решимостью сделать каждого человека солдатом. Но ее непоколебимой основой, обеспечившей ее успех. было множество важных идей, вышедших из-под пера людей. освобожденных событиями, идей, так крепко вросших в души. что даже малейшие зародыши антисоциальных принципов уже не могли там найти себе места.

Отсюда и пошло развитие возвышенных понятий о неотъемлемых правах человека, совершенно забытых в ходе нашей длитель-

ной постыдной зависимости. Нация, приступая к своему творению, представляла себе его только отчасти. По мере того как выполнялись первые черновые работы, оно открывалось перед нею во всем своем объеме. Нация поняла, как важно работать над тем, чтобы сделать его абсолютно. . .*

Враги возрождения удивлялись тому, как народ, казалось бы, никогда не знавший основных терминов, употребляемых при выработке новой конституции, народ, встречавший слова «резолюция», «поправка», «прения» только в сообщениях о заседаниях парламента в Англии или в колониях Северной Америки, как быстро этот народ предоставил этим словам право гражданства и как легко он освоился со всеми этими принципами. Они убедились в том, что когда люди сильно заинтересованы в успехе предпринятого дела, то для них нет непреодолимых препятствий.

Вот это, несомненно, и побудило многих деспотов Европы приложить огромные усилия к тому, чтобы воспрепятствовать распространению идей просвещения от народа к народу. Однако помимо того, что почти всюду разобрались в том, каков тайный мотив этих усилий, и, следовательно, постарались сорвать происки приспешников и агентов тирании, люди научились понимать друг друга с полуслова, даже на расстоянии более ста лье. Можно сказать, что для того, чтобы раз навсегда расправиться с общим угнетением, заключено было молчаливое соглашение свергнуть одного за другим угнетателей различных наций и организовать триумфальный кругосветный марш кокарды свободы.

Наши братья брабантцы, усвоившие эти тайные и важные уроки лучше, чем какой-либо другой народ, быть может потому, что они испытывали более сильную необходимость стряхнуть ярмо тирании, не теряли времени, осуществляя их на практике; они завоевали независимость с мужеством и быстротой, которые могут показаться сверхъестественными; это был бурный поток, в мгновение ока опрокинувший пресловутого имперского колосса. В бессильной ярости наблюдая за его стремительным движением, деспот должен был понять разницу между рабской солдатней и людьми, которых воодушевляет на бой священный огонь свободы.

Да что я говорю, надо воздать людям должное. Не все, кто находился под командованием варвара Иосифа и был орудием исполнения неслыханных жестокостей, зародившихся в его свирепой душе, имели отвратительное мужество помогать ему в его гнусных замыслах; многие припомнили, что они прежде всего люди, а потом уже исполнители кровожадных постановлений венчанного предателя.

Так сильно было в этом отношении влияние просвещения и примера. Еще очень давно было замечено, и Монтескье нам это напомнил[7], что именно тогда, когда деспотизм достигает своей высшей точки, он заставляет тех, кого подчинил своему игу,

---

* *Пропуск в оригинале.*

открыть глаза и приводит ко внезапным революциям в общественном мнении, которые абсолютно изменяют конституции государств. Так, например, революция в Нидерландах была столь же неизбежной, как Французская революция. Но нельзя не видеть, что именно последняя дала сигнал к революции в Нидерландах и что если бы не предательство хищнической министерской шайки Версаля, лишение австрийского тирана суверенитета над Брабантом было бы значительно ускорено.

Наконец-то эта страна стала свободной. Привлеченные к ней нашей дружеской склонностью ко всему, что движется к высокой цели, охваченные доходящим до энтузиазма благородным пламенем независимости, возвышенными чувствами, составляющими ныне у французов преобладающую национальную склонность, мы решили, прибыв чествовать блестящие победы, одержанные разумом над несправедливой властью, не ограничиваться сухим детальным описанием, лишенным всего, что не могло бы именоваться «фактами и событиями». Мы решили ввести в рамки нашего повествования обширные замечания о решающих причинах этих событий, непрерывно следить за их моральным смыслом, объясняющим их связь друг с другом, внимательно наблюдать за повседневным движением общественной мысли, всегда чутко прислушиваться к общественному мнению, строго учитывать различные оттенки высказываний, исходящих от представителей того или иного класса, и главным образом выведывать, что́ делается в укреплениях издыхающей тирании, и разоблачать всякие особые конфедерации, тайные лиги, скрытые махинации, при помощи которых тирания могла бы попытаться возродиться из пепла.

Посредством тщательно поддерживаемой корреспонденции с нашей родиной мы будем аккуратно и в подробностях следить за выработкой французской конституции и такой же интерес мы проявим и к другим нациям, которые непременно тоже стряхнут сковывающие их цепи. Из взаимодействия различных движений, коими разные народы будут охвачены в своем стремлении заслужить неоценимую награду в виде устойчивой свободы, несомненно пробьется сноп лучей, которые прольют свет на все народы после того, как они же совместно создадут необходимый для этого материал. Мы никогда не забудем подчеркнуть случаи такого похвального подражания, как, например, осуществленное в последнее время устранение различия сословий на первом же заседании собрания штатов Брабанта.

В ходе нашей работы мы постараемся найти место для рассказа о крупных событиях революции в самой Франции, ставшей ныне образцом для мужественных наций. Мы дадим также все декреты ее высокого собрания и, напомнив о героических делах патриотической брабантской армии, которые будут предметом восхищения во все века, мы сможем произвести сравнительное сопоставление истории обоих народов. Быть может, мы усмотрим

тогда некоторые черты сходства между возмутительным угнетением венского тирана и коварным и удручающим деспотизмом развращенных советников чересчур доброго Людовика XVI. Мы сможем также показать, с одной стороны, таких рабов и убийц, как д'Альтон, Ламбеск, Бройль, Безанваль[8] и т. д., с другой стороны, людей вроде патриотов Байи, Лафайета, Ван-дер-Ноота и Ван-дер-Мерша[9]. Как много могли бы мы сказать об этих последних. Какие счастливые и обоснованные сравнения мы сможем провести между этими новоявленными Франклинами и Вашингтонами и теми бессмертными людьми, чьи гражданские добродетели увенчаны заслуженной славой во всех странах мира.

Помимо того, нам также поможет опыт, этот обычный путеводитель всех, кто занимается практической деятельностью. Насколько возможно дать представление о деле, вроде предпринятого нами, изложенные нами выше подробности дают возможность судить, в какой степени мы сможем заслужить благожелательное отношение публики; и мы намерены в дальнейшем прилагать усилия к тому, чтобы осветить в нашей газете все, способное сделать ее интересной и полезной.

Патриот

ПИСЬМО ОДИФФРЕ

Руа, 26 января 1790 г.

Милостивый государь! Не получив Вашего ответа на два моих последних письма, я решаюсь еще раз просить Вас ответить. Я не знаю, значит ли Ваше молчание, что Вы в обиде на меня: во всяком случае я не вижу причины для этого[10]. Если Вы действительно обижены, Вы, пожалуй, не захотите взять на себя поручение распорядиться отнести прилагаемое к сему письмо по указанному на нем адресу: улица Бернардинцев, № 44. Все же я, на всякий случай, рискую обратиться к Вам с этой просьбой.

Ознакомившись с номером «Пикардийской афиши», также при сем прилагаемой, Вы убедитесь, что я не лгал, когда сообщил Вам, что поместил в нем объявление о нашем сочинении[11]. Различные объявления этого рода, несомненно, могли бы дать результаты, если бы мы с Вами лучше ладили. Г-н Карон-Беркье[12], книготорговец в Амьене, написал мне через четыре дня после опубликования объявления, что он уже получил полтора десятка требований, которых не смог удовлетворить, так как не получил достаточного количества экземпляров. Он добавил, что желательно, чтобы возможно скорее соответственное количество экземпляров было доставлено его представителю, Геффье-младшему, книготорговцу, на набережной Августинцев.

То же объявление в «Пикардийских афишах» позволило, по меньшей мере, продать Кадастры в Нуайоне г-ну Девену, человеку не из тех, кого обслуживают в последнюю очередь. У меня есть доказательства реальности этой продажи в виде писем, полу-

чённых мною от лиц, купивших эту книгу и пожелавших похвалить меня за написание работы по столь важному предмету.

Мне понравился один совет, который мне дали, каким образом с уверенностью достигнуть успеха (насколько можно предвидеть, внимательно рассматривая все обстоятельства) и немедленно продать не только все экземпляры нашего издания Кадастра, но, пожалуй, заодно еще 15—20 тысяч экземпляров. Вот каково это рассуждение, коим меня убеждают в таком успехе:

«Поскольку декрет о муниципалитетах предоставляет им временно управление налогами, то одобрение нашего плана надлежит ожидать уже не от Национального собрания, а только от этих муниципалитетов.

Поскольку большинство этих муниципалитетов состоит из людей, мало осведомленных о таких отвлеченных материях, как объект налога, эти муниципалитеты будут рады получить наш проект, когда мы доведем до их сведения, что он является образцом, которому легко следовать, дает результаты лучше обычных, и потому они неотложно в нем нуждаются.

Чтобы представить наш план как образец, которому легко следовать, не надо ничего говорить в объявлении о межевании. Предложение о проведении такой операции отпугнуло бы многих людей. Надо предоставить им возможность оценить это дело, его большую полезность постепенно, по мере ознакомления с самим сочинением».

Все эти основные соображения сочетаются в том своего рода Проспекте, который я прилагаю к этому письму. Ознакомившись с ним, Вы увидите также, что требуемые мною запросы позволят нам уверенно установить, какое число экземпляров надлежит дополнительно напечатать; они обеспечат нам возвращение затраченных нами денег; с их помощью мы устраним всякие опасения относительно срочности доставки, мы получим возмещение наших расходов по доставке; мы предоставим муниципалитетам, от коих мы ждем большего количества подписок, явную льготу, проявляя в отношении их особую умеренность; наконец, мы побудим подписчиков поторопиться.

Я хотел бы, чтобы этот Проспект был разослан по почте всем муниципалитетам королевства. Это было бы лучше, нежели поместить объявления о нашей работе во всех газетах. Люди, которым эта книга нужна и которым мы хотим ее продать, пожалуй, газет особенно не читают. Правда, это повлекло бы расходы, но не более тех, которые несут издатели новых газет, рассылающие свои проспекты священникам всех сельских приходов, и мы можем быть уверены в том, что эти расходы будут по меньшей мере возмещены. В королевстве насчитывается 40 тысяч муниципалитетов. Следовало бы напечатать 40 тысяч экземпляров Проспекта мелким шрифтом на одной стороне, подобно Вашему Проспекту о свечах [13], и каждый экземпляр, сложенный в виде письма, адресовать, без оплаты доставки, мэру или секретарю-ар-

хивариусу каждого муниципалитета. Я взялся бы написать и поручить написать все эти адреса при условии, что Вы мне пришлете географическое издание, содержащее точные указания всех населенных пунктов королевства. Сообщите мне, милостивый государь, одобряете ли Вы этот проект и согласны ли Вы или нет немедля распорядиться о напечатании Проспекта, при сем прилагаемого. В противном случае пришлите мне его также немедля, и тогда я беру это дело на себя.

Получили ли Вы вести от г-на де Ла Тура? Он должен был начать свои корреспонденции до 21-го, даты возобновления заседаний парламента, и он обещал мне, что первые же полученные им деньги будут предназначены нам [14].

Свидетельствую свое почтение мадам и мадемуазель Одиффре. С нетерпением жду Вашего ответа и имею честь пребывать с совершенною искренностью.

P. S. Напечатание Проспекта тиражом 40 тысяч обошлось бы всего только в 190 ливров. Вот как я это рассчитал самым экономным образом.

Взять бумагу вроде той, на которой напечатаны «Пикардийские афиши», формат которых я Вам указал. Цена такой бумаги всего только 3 ливра стопа. Если сделать два набора, которые обойдутся в . . . . 30 ливров,
и поместить их на каждой стороне раскрытого листа, нам понадобится всего только 20 тысяч листов, т. е. 40 стоп, по 3 ливра стопа . . . . 120 ливров.
За тираж, из расчета 4 ливра за тысячу, поскольку не придется печатать на обороте, платить всего за 10 тысяч, т. е. . . . .
. . . . 40 ливров

Итого: 190 ливров

Чтобы знать, какой книгой надо воспользоваться, чтобы получить возможность адресоваться во все населенные места королевства, следовало бы осведомиться у некоторых журналистов, которые таким образом рассылали свои проспекты, например, у автора «Общего журнала торговли, политики и литературы» г-на Берар де Фавас, участок Тампль, № 37 или у автора «Летописей свободы» г-на де Белер, улица Сен Мартен, № 23.

Мне так не терпится распространить посылаемый мною Вам Проспект, что в случае, если Вы не разделяете моего доверия к этому способу распространения, я принимаю на себя настоящим обязательство заложить то, что придется на мою долю от доходов этого издания, в покрытие полностью всех расходов по Проспекту. Наконец, если, как я уже имел честь Вам сообщать, Вы не хотите производить новых расходов по произведению, о коем идет речь, сообщите мне об этом возможно скорее, дабы я мог знать, как мне следует действовать.

ПИСЬМО ОДИФФРЕ

Руа, 1 февраля 1790 г.

Милостивый государь, вчера я опять получил от г-на Карона-Беркье письмо, в котором он мне указывает: Я не получаю Кадастра и т. д.

Вчера же я ожидал ответа на мое письмо от 26 января, но Вы по-прежнему держитесь холодно, и я обращаюсь к Вам опять с настоящим письмом, чтобы больше, чем когда-либо раньше, просить Вас смягчиться. Имею честь пребывать и т. д.

ПИСЬМО КАРОНУ-БЕРКЬЕ

Руа, 23 февраля 1790 г.

Милостивый государь!

Я выразил желание занять должность секретаря-архивариуса амьенского муниципалитета лишь после того, как Вы предложили мне указать, какая должность могла бы мне подойти в новом учреждении для того, чтобы Вы поставили себе определенную цель в тех хлопотах, которые Вам угодно было начать ради меня. Но я вполне оценил, как Вы могли видеть из последней записки, соображения, которые говорили против того, чтобы я просил этой должности секретаря-архивариуса. Вы весьма чувствительно льстите моему чувству деликатности, высказывая уверенность в том, что я одобрю Ваше мнение о невозможности для Вас ходатайствовать об этой должности, когда я узнаю, что прежний секретарь-архивариус — «Ваш покровитель и благодетель и что для Вас благодарность есть священный долг, и выполнение этого долга для Вас вопрос чести». Вы не ошиблись, милостивый государь, в этом Вашем мнении о моем характере, и этот случай — один из тех, когда приятно без хвастовства воздать хвалу самому себе.

Мне, пожалуй, следовало бы покаяться в том, что я не послал Вам своего мемуара еще на прошлой неделе, но я был введен в заблуждение «Пикардийской афишей», сообщавшей еще о заседании постоянного комитета от 12-го числа, что создавало впечатление, будто в то время новый муниципалитет еще не был организован. Не имея ежедневных известий из Амьена, я получил правильное представление только благодаря одному из последних «Анналов» Мерсье, в котором дается отчет о выборе новых муниципальных должностных лиц. Это меня очень обнадеживает относительно успеха, которого мы желаем; данное там изображение выдающегося характера г-на Саладена[15], назначенного на пост прокурора коммуны, позволяет нам, по-видимому, рассчитывать на особую помощь со стороны этого человека, если он будет знать, как много сходного между ним и нами в отношении качеств, ныне определяющих гражданина,

Я возлагаю также большие надежды на г-на Жанвье на основании всего, что Вы мне о нем сообщаете, и на основании всего, что Вы можете сказать ему обо мне и о соревновании в деликатности, возникшем между нами в силу обстоятельств, а также и потому, что, как оказывается, госпожа его супруга и моя жена были подругами в детстве. При случае я Вам расскажу об этом подробнее.

Я полагаю, что г-н Одиффре сможет снизить для Вас цену Кадастров до уровня, указанного Вами ему в Вашей записке, я знаю, что он это может сделать. Мы упустили отличную оказию продать тысяч двадцать экземпляров этого сочинения. Надо было ко времени организации муниципалитетов иметь готовыми объявления для направления их новым муниципальным должностным лицам всех приходов королевства, чтобы осведомить их о Кадастре как об образце, которым следует руководствоваться при новом порядке вещей в деле установления и распределения налогов. Теперь уже поздно это делать, так как уже приступлено к составлению списков налогоплательщиков по старому образцу. Но новая, более благоприятная возможность представится опять, когда Национальное собрание примет декрет о новой системе налогов, каковая, весьма вероятно, будет очень сходной с той, которую я устанавливаю в своем плане. Надо тогда немедля разослать по всем муниципалитетам упомянутые объявления. Мы могли бы это сделать совместно с г-ном Кароном-Беркье в качестве типографа и получить уверенность относительно количества экземпляров, которые надлежит дополнительно отпечатать, предложив любителям подписаться, хотя и без внесения аванса. Я заранее уведомляю (г-на Карона-Беркье) об этой маленькой идее для того, чтобы он ее взвесил; возможно, не далек момент, когда встанет вопрос об ее осуществлении.

Вам известно, милостивый государь, что люди с нашим характером не придают большого значения формальностям. Глядя на то, что я говорю Вам о всех своих делах прежде, чем перейти к Вашим, в которых я должен принять участие, можно было бы счесть меня за эгоиста. Я думаю, что это было бы неверно. Я достаточно чувствителен к невзгодам всех, о ком я знаю, что они таковые претерпевают: могу ли я оставаться равнодушным к тому, что касается лиц, которыми я имею важнейшие основания особенно интересоваться? Есть продажные души, чьи повадки приводят в негодование человека, не разложившегося подобно им. Сегодня утром, когда я проходил около двери Ф., он сказал мне с торжествующим видом: хотите прочитать мемуар г-на Карона-старшего? Он выиграл свой процесс. Вот текст его обращения к священникам, в коем излагаются установления епархии. Я работаю сейчас для него, а младший пусть устраивается как может. Как Вы понимаете, мне нечего было сказать в ответ на такого рода речи, и я вскоре оставил моего остроумца наедине с его самодовольством, дабы он мог передавать его дру-

гим, если ему это нравится. Однако я тут же стал раздумывать о сущности события, и я сказал себе: вот подлая интрига, которая удалась ее автору, и это лишнее доказательство того, что несправедливость часто одерживает верх над правом. Но мне думается, что г-н Карон-Беркье мог бы частично сорвать уловки неразборчивого в средствах карьериста, ответив на его обращение священникам другим обращением, в котором сообщалось бы, что ныне типограф не вправе утверждать, будто обладает исключительной привилегией от монсеньера такого-то, что, поскольку все привилегии отменены, между всеми типографами и книготорговцами существует конкуренция и что поэтому г-н Карон-старший и г-н Карон-Беркье могут печатать и продавать наперебой текст установлений епархии без того, чтобы кто-либо из них мог ссылаться на разрешение от епископа, которое в наше время не имеет никакого значения. Поскольку установлена свобода печати, я печатаю, что хочу, я печатаю книги по религии, которые не могут принадлежать исключительно одному епископу, которые принадлежат ему меньше, чем всем; стало быть, господа священники, стало быть, все вы, подчиненные епархии, вы не должны верить Карону-старшему, утверждающему, что все это продается только у него: вы равным образом найдете и у меня то же самое, и мы оба имеем одинаковое право печатать и продавать это.

Что ни говорите, будь я в Амьене, мы бы с Вами вместе издавали патриотическую газету, вроде тех, какие, как я вижу, делаются во многих больших городах провинции: сколь полезно было бы противопоставить такую газету угодливой аристократической чуши, украдкой сочащейся каждую неделю с площади Перигор[16]. К примеру, как бы я там высмеял епископское послание, вернее, грубо поджигательный пасквиль монсеньера де Машо[17]. Это счастье для Пикардии. В то время как другие провинции соревнуются друг с другом в различных действиях, свидетельствующих о том, что в них проникает просвещение, пикардиец, ничтожный и пассивный, продолжает оставаться в идиотическом экстазе от высокопарных, но всегда опасных для народа фраз его фанатического и аристократического прелата.

Имею честь пребывать с глубоким уважением и искреннейшей привязанностью...

О ЗАМЕНЕ КОСВЕННЫХ НАЛОГОВ[18]

1 марта 1790 г.

Господам членам Национального собрания.

Ответ на нашу петицию, данный г-ном Грегуаром, председателем комитета докладов, 24-го минувшего месяца, принес успокоение нашему городу и, следовательно, всему краю. Мы гово-

рили друг другу с подлинной радостью: комитету финансов поручено наше дело, которое есть дело всех французов. Мы питаем надежду, что он сумеет разглядеть в нашем заявлении весьма ясное описание тех ужасных злоупотреблений, против коих мы неустанно протестуем. Осведомившись в точности о положении вещей во всей стране, осведомившись об общем состоянии умов, он уже будет достаточно подготовлен, чтобы решиться предотвратить опасность, которая очень близка. Он займется окончательным рассмотрением этого столь важного вопроса. Да о чем мы говорим? Мы гораздо больше утвердились в этом счастливом предчувствии, когда мы узнали, что Национальное собрание в заседании 26 февраля декретировало резолюцию, обязывающую комитет финансов в восьмидневный срок представить проект замены соляных пошлин, и что ревностный г-н Барнав[19] внес поправку, распространяющую эту резолюцию на часть налогов, известную под наименованием налога на напитки. Нашему веселью не было границ. Но оно длилось недолго. Мы этого не ожидали. Муниципалитет нашего города в доброй своей части состоит из людей, насквозь пропитанных духом старого режима, проникших туда путем интриг (в том числе 7—8 родственников, степень родства которых запрещает совместное пребывание в муниципалитете), а также в нарушение принципов декретов и вопреки многочисленным жалобам честных граждан. Последние не смогли помешать даже избранию двух братьев[20], одного — на должность мэра и другого — на должность прокурора коммуны*. И этот муниципалитет, с которым мы не сочли нужным консультироваться перед отправлением нашей петиции, решил уничтожить ее плоды. Вчера, в воскресенье, он созвал собрание виноторговцев и трактирщиков. Довольно большое число явилось. Там был предложен компромисс — умеренное смягчение денежных сборов. Некоторые двуличные люди, продавшиеся коварному муниципалитету, поддержали эту сделку, и некоторые другие, будучи введены в заблуждение, последовали их примеру и подписали, не понимая сами почему, заранее заготовленное постановление, которое, как мы уже знаем, эти господа хотят представить в качестве общего ходатайства всех членов нашей корпорации.

Но далеко не все наши собратья поддержали это противозаконное действие. Повторяем, это всего лишь дело некоторых

* То же относится и к сборщикам косвенных налогов. Разве это совместимо с соблюдением декретов законодательной власти? Мы сообщаем ей обо всех этих фактах, которые не покажутся ей маловажными. Если при назначении наших муниципальных должностных лиц хотели нарушить какой-нибудь пункт содержащегося в декрете установления, то тот, кто заставил выбрать себя на пост мэра, расписывал мнимые выгоды этого дела, после чего прибегал к уловке, собирая голоса в пользу этого предложения. Бедный народ, какими только способами тебя не обманывают!

двуличных людей и нескольких людей порядочных, но покладистых. Акт подписан всего-то восемью или девятью лицами. Но большинство из нас заявляет формальный протест против этого дела, и мы изложим вскоре главные мотивы этого протеста.

В условиях, когда все умы настроены против косвенных налогов и соляных пошлин, когда все ждут, что в ближайшее время последует замена этих налогов, заслуживших всеобщую ненависть, для сохранения спокойствия во всей стране важно прежде всего, после восьми месяцев ожидания, после восьми месяцев, в течение которых люди постоянно слышали слова «свобода и справедливость», важно не пытаться оживить поборы, являющиеся предметом всеобщего возмущения.

Мы отнюдь не вводим вас в заблуждение, господа; положение вещей таково, каким мы его описали вам в нашем предыдущем обращении. Постановление наших муниципалов, стремящееся опровергнуть содержание нашего обращения, служит желаниям аристократии, призывающей к гражданской войне. Могли ли бы мы думать, о великий боже! что сделка, совершенная 7-го или 8-го числа, преследовала именно эту жестокую цель. А ведь это все может туда завести. Граждане сообщают, что, если косвенные налоги и соляная пошлина возродятся, немедленно вспыхнет восстание. Отдельные муниципалитеты внушают, что это неверно. Если им поверить и, ни с чем не считаясь, распорядиться о возобновлении функций сборщиков вымогательских налогов, придав им некоторые вооруженные силы, чтобы внушить уважение толпе, которую считают всего лишь недовольной, тогда как на самом деле эти люди негодуют, взбешены и полны решимости, то граждане прольют кровь граждан.

Обратите внимание, господа, что мы защищаем отнюдь не только наше частное дело, а дело всех людей нашего государства. Виноторговца не беспокоит, если содержимое его бочек облагают той или иной суммой. Для него все сводится к тому, что он авансирует эту сумму, а затем взимает ее с публики. Но несправедливость системы налогов на напитки состоит в том, что эта часть налогов взимается не пропорционально возможностям налогоплательщика. Это-то и вызывает исполненные горечи справедливые жалобы граждан. Стало быть, в этом только народ действительно заинтересован; и вот почему мы порицали наших муниципальных должностных лиц за то, что они вздумали договариваться с одними виноторговцами по вопросам, касающимся только потребителей. Разве эти виноторговцы — представители народа? Разве они получили от него какие-либо полномочия? Говорят, что нет. Следовательно, ваша сделка недействительна.

Через несколько дней вы получите, господа, обращения, где все вышеизложенное будет повторено. Под этими обращениями будут тысячи подписей. Все граждане скажут вам, что они отнюдь не хотят уклониться от уплаты государственных повинностей, но требуют соблюдения наших самых священных принципов, согласно которым эти повинности должны возлагаться на каждого пропорционально его возможностям. Мы первые направляем вам выражение этих настроений, дабы вы не поверили тем дурным людям, которые стали бы вам внушать, будто «мы — сборище мятежников». Мы только собрание граждан, энергично требующих немедленного издания справедливых законов. В этом заключается вся цель настоящего нашего протеста.

Мы будем иметь честь последовательно информировать вас, господа, о дальнейшем ходе событий, связанных с изложенными нами обстоятельствами.

Пребываем весьма почтительно...

ЧЛЕНАМ НАЦИОНАЛЬНОГО СОБРАНИЯ

Руа, 2 марта 1790 г.

Опасения, которые мы вам выразили, начали подтверждаться. Вчера, в исполнение тайного постановления от 28 февраля, податные чиновники в сопровождении стражников явились к одному из наших трактирщиков. Народ собрался с намерением выгнать их оттуда, и они благоразумно подчинились. Эта попытка привела в возбуждение толпу, которая решила в случае повторения действовать еще серьезнее. Никто не позволил себе какого-либо грубого обращения по отношению к приспешникам фиска. Однако сообщают, что эти господа, привыкшие в своих протоколах выступать стороною и судьями и прибегать к преувеличениям в своих описаниях, и на этот раз сильно раздули обстоятельства своего приключения и придумали обвинения против некоторых лиц. Но, конечно, прошло то время, когда им столь легко верили на слово.

Вот, господа, какие взгляды получили распространение и ныне проникли во все умы и сделали совершенно невыносимым вымогательский податной режим. Приходит к вам человек и спрашивает: все ли у вас правильно? Нет ли у вас чего-либо противоречащего приказам короля? Если иметь у себя что-либо противное приказам короля есть преступление, то выходит, что этот человек вас спрашивает: а не жулик ли вы? Вы ему отвечаете: нет. Он возражает: однако я вам не доверяю, и я буду шарить в ваших подвалах, чердаках, комнатах, в ваших шкафах, в ваших карманах и в.... Вот и непристойность и нарушение свободы, которые для людей просвещенных теперь абсолютно невыносимы!

Спешите, господа, уничтожить это возмутительное бремя. От этого зависит полное спокойствие во всех частях нашего обширного государства. Это положит конец войнам одних граждан с другими. Доверенные нации, вот что прежде всего требуют от вас все ваши доверители, вот на чем мы все сходимся в тех полномочиях, на основании которых вы действуете. Это же говорит откровенный и великодушный пикардиец: режьте, рубите, ломайте, дробите эти проклятые косвенные налоги и соляные подати, а затем требуйте для спасения государства наши тела и имущества; мы принесем их в жертву с величайшей готовностью.

Пребываем почтительно...

РЕЧЬ, ПРОИЗНЕСЕННАЯ НА ЗАСЕДАНИИ МУНИЦИПАЛИТЕТА РУА 7 МАРТА 1790 Г.[21]

Нет, господа, вы не можете не заняться на этом заседании делами, столь важными, как те, которые я вам сейчас изложу: это невозможно.

Я знаю, что на меня клевещут, меня обвиняют, подвергают нападкам мои патриотические принципы: это самая кровная обида для человека, отдающегося осуществлению гражданских добродетелей с таким рвением, что некоторые люди называют это фанатизмом.

Я пришел, чтобы опровергнуть эти обвинения перед лицом моих хулителей: я их отнюдь не принижаю, если осмеливаюсь полагать, что они признают свои обвинения... *смешными*. Это единственное слово, подходящее для определения поступка, который можно совершить только под действием ложных понятий, помутнения раболепно предубежденных умов, порывов никогда не рассуждающей страсти.

Не будем терять время, господа. Перейдемте скорее к фактам, опровержением которых мне не терпится *разгромить* того, кто первый меня обвинил.

В четверг, 4-го числа я пришел в секретариат муниципалитета и попросил ознакомить меня с постановлением, содержащим компромиссное решение в отношении косвенных налогов, принятым в воскресенье, 28 февраля, соответствующими чиновниками и несколькими трактирщиками этого города. Секретарь выразил удивление по поводу этой просьбы, хотя в ней не было ничего, что должно было бы его удивить. Я прочитал ему статью 59 декрета об организации муниципалитетов, дающую мне право предъявлять такие требования в качестве активного гражданина. Он, однако, не счел возможным удовлетворить мою просьбу, не спросив предварительно г-на мэра, хотя декрет вовсе не требует такой стеснительной волокиты. Он пошел к г-ну мэру и, вернув-

шись, сказал мне... что ему было сказано, «что сегодня на собрании будет разговор о моей просьбе»... я пошел к мэру и сказал ему, что его ответ не представляется мне удовлетворительным. Он стал ко мне придираться, задал мне вопрос... «обладаю ли я пассивным избирательным правом». Я ему заметил, что просьба, с которой я обратился, не требует права быть избираемым и что декрет говорит только об «активных гражданах». Г-н мэр упорствовал в своем первоначальном заявлении и повторил, что об этом будет речь на собрании сегодня, 7-го.

Если бы мне не предстояло говорить вам сегодня, господа, о вещах, несравненно более важных, я остановился бы подробнее на странном поведении муниципалитета, отказывающего гражданину в пользовании правом, предоставленным ему Национальным собранием. Я указал бы на то, как нелепо ставить на голосование муниципалитета вопрос, следует ли предоставить человеку права человека, признанные за ним Национальным собранием. Я доказал бы, что это акт деспотический, возмутительный, посягающий на свободу, и что это проявление полного неуважения к законодательной власти.

Но я должен говорить сейчас о вещах более серьезных. Беседуя с мэром в четверг, 4-го числа, я заметил в отказе г-на мэра оттенок юмора и я позволил себе заметить ему это. Он соблаговолил объясниться. Он сказал мне, что незначительные волнения, происшедшие в предыдущие дни, считают следствием следующего заявления, сделанного, как говорят, мною: «Что декреты депутатов нации могут проводиться в жизнь только после того, как они получат санкцию народа». Вот, господа, тот серьезный предмет, который побуждает меня обратиться к вам. Какой ответ я дал г-ну мэру? Вот мой ответ: строго говоря, это не есть кощунство в отношении нации, теперь вообще не может быть кощунств. К счастью, теперь дозволено высказывать свое мнение; если бы таково было мое мнение, его нельзя было бы мне вменить в преступление. Да и что это за инквизиторская манера допрашивать о том, что было сказано в беседах? Разве таков режим, подобающий веку свободы? Я не обязан оправдываться по обвинению в приписываемых мне разговорах. Но Вам, г-н мэр, я хочу сказать, что, возможно, я и сказал что-то похожее, но, однако, не в точности это.

То, что я сказал, я не только сказал, я это написал, и кому же я это написал? Самому Национальному собранию. Сейчас мы увидим, вынесло ли оно, подобно моим землякам, суждение, будто я заслуживаю порицания.

Общество трактирщиков этого города состояло в переписке с комитетом докладов относительно затруднений, связанных со сбором налогов. Тот трактирщик, который стоял во главе дел их общества, попросил меня составить мемуар и отстоять в нем наилучшим образом их интересы. Я составил этот мемуар посвоему. В предыдущих обращениях к Законодательному собра-

нию корпорация трактирщиков, по-видимому, хотела капитулировать, пойти на компромисс, согласиться на определенные суммы, менее крупные, нежели те, что они платили ранее. Я их убедил отказаться от такого проекта сделки, который я счел неосуществимым, зная, что принципы Национального собрания не таковы, чтобы оно могло допустить установление особых правил для какого-либо маленького города, кантона, провинции. Поднявшись выше тех идей, которые содержались в первых петициях трактирщиков, я стремился к более высокой цели. Я попытался представить Учредительному собранию определение некоего общего закона. Устраивая дела владельцев трактиров Руа, я хотел не только отстоять интересы всех продавцов вина в королевстве, но я притязал на гораздо большую честь трудиться на благо всех потребителей и, следовательно, всех жителей королевства.

С этою целью я напомнил Национальному собранию его декрет от 7 октября, гласящий, что «все граждане будут платить налоги и нести государственные повинности любого рода соответственно своему имуществу и своим возможностям». Я это сопоставил с декретом от 25 января, гласящим, что все пошлины на внутренних таможнях, налоги всякого рода и другие повинности, в нем указанные, будут и дальше взиматься в той же форме и тем же ранее установленным способом, до тех пор, пока Национальное собрание не примет другого постановления. Я сказал, что из этого разительного противоречия между двумя декретами, принятыми одними и теми же людьми, народ сможет сделать только тот вывод, что это является результатом поочередного воздействия двух партий, принципы которых противоположны. Возможно ли не разглядеть во втором из этих двух декретов аристократическое направление, след временного преобладания группы людей, старающейся внести смуту во все и добившейся действительно таким образом того, что декрет от 7 октября не произвел своего благого действия. Пункт относительно взимания налога в той же форме, как и в в прошлом, дал мне очевидное доказательство, что вместо того, чтобы все граждане несли бремя государственных повинностей пропорционально своим возможностям, будет по-прежнему так, что богатый будет платить меньше, а бедный больше, поскольку бутылка вина, купленная последним в кабаке, обходится из-за налога дороже на 8 су, чем бутылка вина, которую буржуа нацеживает себе в своем погребе.

Я отметил там ложное истолкование и неправильное применение декрета 7 октября прежними привилегированными и эгоистами; для них это последняя попытка освободиться от несения бремени государственных повинностей в соответствии с их возможностями. Они сбивают с толку народ, утверждая: налоги на вино, табак, другие предметы потребления должны платить только потребители; я, мол, не могу платить за табак, если я его

не употребляю. Но ведь вы платите налоги не потому, что вы употребляете или не употребляете тот или иной предмет, а потому, что вы — гражданин государства, и в этом качестве вы должны участвовать в несении бремени повинностей пропорционально преимуществам, которыми вы пользуетесь в государстве. Это очень простая, но и крайне важная идея. Те, кто старается затуманить ее, преступники.

Затем я напомнил общее настоятельное желание наказов об упразднении притеснительных косвенных налогов и указывал, сколь велик ропот народа на то, что его все еще не освободили от них полностью. Я подробно описал одинаковое поведение различных провинций Франции, которые, потеряв терпение при виде того, что их не освобождают от этого ига, столь долго их угнетающего, сами его сбросили; я указывал, что следует обратить внимание на это поведение и понять, сколь опасно было бы пытаться после восьми месяцев вольности, после таких восьми месяцев, в течение которых непрестанно звучало слово «свобода», как опасно было бы пойти вразрез со всеобщей волей народов, снова погрузить людей в рабство, инквизицию и вымогательскую тиранию, пытаться принудить их терпеть восстановление того, что они так рады были разрушить, подчинить их тому виду налога, распределение которого наиболее несправедливо, а расходы по взиманию наиболее велики. Я показывал, что во всех обращениях людей, стремящихся к свободе, видно желание осуществить всеобщую справедливость, что они отнюдь не хотят лишить государственное казначейство чистого дохода от косвенных налогов, а предлагают полное их замещение. Способ этого замещения, добавлял я, не труден. Все государственные налоги и повинности (декрет от 7 октября) должны выполняться всеми гражданами пропорционально их имуществу и возможностям. Вот таким образом и должно быть произведено упомянутое замещение. Взамен косвенных налогов и соляных пошлин увеличьте личное и прямое обложение каждого человека: кто платил 4 су, будет платить 5, кто платил 8 су, будет платить 10. Таким образом вы освободите народ от огромного бремени содержания ста тысяч служащих и всяких других разорительных расходов по взиманию, вы уничтожите навсегда ненавистный режим, вы прекратите раздоры между отдельными гражданами, заключения в тюрьму, клеймения, посягательства на свободу, нарушения неприкосновенности жилищ и все беды, проистекающие из этих главных несчастий.

В заключение я нарисовал сильную и правдивую картину брожения, охватившего весь этот край в связи с делом трактирщиков. Я говорил о грозной конфедерации, задуманной в окрестностях Перонна, которая, видимо, охватывает все части этой провинции; о том, что это движение, наверное, вспыхнет, если будет сделана попытка воскресить проклятый налог. Соображение, говорил я, которое побудило меня довести до сведения

Национального собрания все эти обстоятельства, заключается в том, что, конечно, полезно, чтобы законодатель знал настроение тех, для кого принимаются законы. Вырабатывать законы, говорил я, дело не столь уже трудное, но для того, чтобы их хорошо составить, полезно предварительно подумать, таковы ли они, чтобы характер и чувства народа, который должен им подчиняться, могли бы допустить их исполнение. Закон лишь тогда закон, когда он может удовлетворить большинство тех, кто должен ему следовать, тогда, когда он для них выгоден. «Господа, народ не забывает, что это он дал вам полномочия, что каждый уполномоченный обязан действовать по воле своего доверителя, что уполномочивающий выше уполномоченного, что для обеспечения действий второго необходимо согласие первого: часто — если речь идет об интересах отдельных лиц, всегда — когда идет речь об интересах всей нации. Народ, господа, откажется повиноваться только дурным законам. Нет надобности в солдатах, чтобы побудить его подчиняться хорошим законам, но огонь и железо могут испугать его лишь на миг, если ему хотят навязать дурные. Нам лестно иметь случай сообщить вам о положении вещей, о котором вас могли бы осведомить все классы граждан. Это, быть может, позволит предотвратить, о! справедливый боже, кровопролитие в нашей стране. Оно могло бы произойти, если бы была сделана попытка проведения в жизнь мнимых законов, противоречащих декрету от 7 октября, который вызвал полное удовлетворение всех граждан и духом которого они глубоко прониклись. Да что я говорю? Все наши солдаты, став гражданами, говорят постоянно и повсюду, что они никогда не поднимут оружия против других граждан, что они дали обет верности нации, что они не были и не будут гнусными пособниками откупщиков. Следовательно, попытка, направленная к тому, чтобы с их помощью заставить французов подчиниться неправедным законам, была бы бесплодной. Ради вашей славы, господа, ради спокойствия всей нации надлежит урегулировать этот вопрос мягкими и, что особенно важно, справедливыми средствами. Обратитесь к великим принципам, положенным в основу вашего декрета от 7 октября, и вы найдете это средство у себя под рукой. Не допустите, чтобы можно было сказать: какая нам польза от того, что этот декрет был принят, если мы не пользуемся тем благом, которое он нам обещает. Нам предлагают подождать: но мы в течение столетий устали от отсрочек, которые следуют одна за другой и никогда не иссякают. Сделайте добро и сделайте его сейчас же».

Полагаете ли вы, господа, что это порочные рассуждения? Они могли бы быть сочтены такими, если бы я обратился с ними к той части Национального собрания, которую называют аристократической. Но я адресовался к Барнавам, к Грегуарам, к Петионам де Вильнев, к епископу Отенскому. Хотите знать, какое действие произвело это послание? Посмотрите протокол заседания Нацио-

нального собрания от 26 февраля. Там приняли резолюцию, предлагающую финансовому комитету представить в восьмидневный срок проект замены соляной пошлины, а г-н Барнав, получивший двумя днями ранее мою петицию по делу трактирщиков в Руа, добавил поправку, распространяющую постановление относительно соляной пошлины на косвенные налоги.

Г-н аббат Грегуар сообщает, что полученную им копию этой петиции он передал в финансовый комитет, который ныне занимается вопросом о косвенных налогах и соляных пошлинах. Его письмо датировано днем получения петиции, что свидетельствует о поспешности, с которой старались успокоить возбуждение, зарождавшееся в нашем крае.

И вот человека, который успешно работал не только на пользу своих земляков, но и на пользу всех своих соотечественников, всех французов; человека, который с удовлетворением думает, что он убедил Национальное собрание уничтожить ужасную систему вымогательских налогов в марте 1790 года; этого-то человека ныне хотят оклеветать, может быть, даже погубить, если бы это было возможно. О, господа, значит, верно, что

Добродетели суждено быть преследуемой.

Мое поведение открыто, я не прячу его, а выставляю на всеобщее обозрение. Вполне естественно, что я горжусь своим делом. Оно известно многим лицам. Они со мной о нем говорили. В это время произошел инцидент с затеей восстановления косвенных налогов в Руа. Никто не мог не заметить вместе со мной, что нельзя было выбрать лучший момент. Письмо г-на аббата Грегуара было равноценно постановлению об отсрочке. Это означало бы отказаться от решения от 28 февраля, от преимущества, которое оно предоставляло, если это решение могло бы обязывать. Вот как об этом говорили в обращении к Национальному собранию в понедельник 1 марта те, кто этого решения не подписал. Большинство далеко не ... капиталы.

Это отнюдь не наше дело ... ничтожно.

Мы повторяем, господа, все граждане скажут вам... справедливые законы.

Мы их отнюдь не навязывали. Сейчас дело дошло до того... кровь граждан *.

При таких обстоятельствах, которых вы все, здесь находящиеся, не можете игнорировать, предполагая, что как в Национальном собрании, так и среди многих наших земляков мои сочинения произвели впечатление, вы должны ответить на вопрос: кто же по-вашему имеет больше заслуг перед родиной — те, кто способствовал тому, чтобы дело дошло до крайности, или те, чье мужество предотвратило эту беду? Аристократия добилась нарушения справедливого декрета от 7 октября, это нарушение возму-

---

* *Предшествующие несколько абзацев повреждены в рукописи.*

щает, ему не хотят подчиниться, муниципалитеты настаивают, раздаются угрозы применить железо и огонь против граждан, последние оказывают сопротивление угнетению, их объединенные силы вскоре вынуждают угнетателя отступить, тем самым гражданская война предотвращена благодаря идеям, распространенным одним человеком, давшим должный импульс, и этот человек заслуживает быть увенчанным за свою гражданскую доблесть.

Нет, господа, никогда в мире не делалось ничего великого иначе, как благодаря мужеству и твердости какого-нибудь одного человека, смело выступающего против предрассудков толпы. Когда захотели сохранить косвенные налоги и соляные пошлины, те, кто был заинтересован в этом, думали выдвинуть серьезный аргумент, утверждая, что такова воля Национального собрания. Но если бы все Национальное собрание было угнетательским, надлежало бы оказать сопротивление и ему (это одно из прав человека). Если только часть этого собрания угнетательская, надо ей тоже оказывать сопротивление.

Неконституционные декреты, т. е. те, которые не признаны выгодными для большинства, являются делом антипатриотических депутатов, которым в определенный момент удается достигнуть преобладания. Полагаю, что позволительно жаловаться на это и даже заявлять, что народ, коему одному принадлежит право вето, может не подчиниться таким декретам. Если бы, как хотят внушить, не было дозволено говорить все это, ибо это значит задевать Национальное собрание, то пришлось бы признать, что свобода слова (другое право человека) не признана законом; пришлось бы признать, что власть учреждающая не выше власти учрежденной; пришлось бы признать, что часть больше целого. Власть учрежденная могла бы заковать в цепи власть учредительную, и последняя не могла бы на это жаловаться.

Поэтому, господа, я не скрываю от вас, что вполне мог в беседе порицать проект восстановления косвенных налогов и соляных пошлин. Но я нахожу совершенно инквизиторским желание вменить мне это в вину. Во все времена люди всегда говорили свободно о происходящем, и если бы под предлогом, будто речь, направленная против мероприятия правительства, может породить восстание, как это утверждает г-н мэр, пришлось бы подвергнуть репрессиям всех, кто держит такие речи, то оказалось бы очень много работы и пришлось бы платить очень многим шпионам.

Слишком часто, господа, жалобы слабых рассматриваются как мятежные речи [22]. Все мое преступление в глазах кое-кого из вас заключается, пожалуй, в том, что я всегда добивался того, чтобы дела делались хорошо. Выступая в различных наших собраниях, я хотел содействовать осуществлению этого блага, и это могло не понравиться. Во время составления наказов я в качестве февдиста начал с предложения... какого? упразднить фьефы, выкупить цензы, упразднить права первородства. Затем я указал средства установить единый налог и распределить его справедливо,

другие средства — для учреждения народного просвещения и т. д. Все это было встречено с презрением, а между тем эти предложения, почти сразу же опубликованные, были приняты в других местах с очень большим вниманием. Для меня наградой является удовлетворение от сознания, что еще до наступления дней нашего патриотизма и нашей свободы я уже был свободным человеком и патриотом.

Совсем недавно, при формировании вашего муниципалитета, я помешал успеху одного заговора, который вдохновлялся опасными побуждениями. Я разоблачил перед коммуной как злоупотребление назначение г-на дю Мирай на должность прокурора-синдика на том основании, что он — брат г-на мэра, чтó недозволено, равно как назначение потаблей-родственников на должности в одном и том же муниципалитете. У меня тогда не было бесспорных доказательств; я опирался только на общий смысл главного декрета о муниципалитетах, но тем не менее я был прав. Впоследствии я узнал о декрете, принятом на заседании от 3 февраля и оглашенном во всех газетах, который исключает возможность родства между прокурором-синдиком и нотаблями. Впрочем, известно, каковы те идеи общественного блага, которые я выдвигал и которым был оказан плохой прием. Здесь изображают дело так, будто желание проявить здравый смысл есть преступление. Если бы дело обстояло по-другому, мы, пожалуй, не стали бы притчей во языцех всего Парижа и всей Франции. Да, господа, всего лишь несколько дней тому назад продавцы газет на улицах Парижа надрывали себе горло на наш счет[23]. Писали, что мы — странный городок, что мы единственные не захотели иметь национальную гвардию, что мы образовали свой муниципалитет вопреки всем правилам, что первые два члена — братья, что 7—8 других — тоже родственники, что для получения разрешения на такие выборы прибегли к уловке, сославшись на получение большинства голосов коммуны, как будто коммуна имеет право изъять себя из действия национальных законов по желанию своего большинства; что сборщики налогов тоже назначались в этом муниципалитете; что в то время, как повсюду заседания муниципальных советов публичны, так что каждый, присутствуя там, может получать уроки общественного управления, и даже отцы могут туда вести своих детей, чтобы внушить им чувство патриотизма, и с ранних лет готовить их к тому, чтобы когда-нибудь они могли стать общественными деятелями, в Руа такие собрания представляют лишь тайные сборища, куда вход гражданам запрещен; что этих граждан не осведомляли регулярно о содержании национальных декретов; что патриотизм там так мало в чести, что в этом городке терпят присутствие воинской части, презрительно отказавшейся от ношения патриотической кокарды, являющейся всюду предметом гордости французских солдат; что в Руа не только не создано никакого учреждения для оказания помощи в эти бедственные времена, но упомянутые воинские части там использовались

только для того, чтобы в дни ярмарки держать за горло бедняков, а торговцам зерном было дозволено безнаказанно платить им за это сколько угодно. Мы повсюду стали посмешищем наших соотечественников. Недавно в одном очень популярном периодическом издании написали, что было бы желательно знать, жив ли наш депутат в Национальном собрании или он умер, потому что вот уже восемь месяцев как о нем ничего не слышно[24]. Даже город Мондидье и тот в «Пикардийской афише» от 20 февраля постарался неблагоприятно настроить всю нашу провинцию против нас: он там обрушивается на нас с самой горькой иронией, с самыми уничижительными сарказмами, и никто из нас не осмелился ему ответить. Наконец, господа, весь Париж нас обвиняет также... осмелюсь ли сказать? Да, у меня хватит на это смелости. Нас обвиняют в том, что мы этим летом выдавали фальшивые паспорта, чтобы содействовать экспорту зерна за границу. Частные письма, которые совсем недавно прибыли в этот город и которые могут быть представлены, содержат это тяжелое обвинение.

О, господа, прежде чем подумать о том, чтобы нанести вред тому из ваших сограждан, кто, пожалуй, проявил больше всех подлинный патриотизм, подумайте о том, как опровергнуть обвинения, которые направлены против вас самих. Вы нападаете на меня из-за какого-то разговора, ну так я вам помогу, я вам сообщу и о других разговорах и действиях. Я сказал, что опубликую в газетах разоблачение о некоем поджигательном и клерикально-аристократическом послании епископа Амьенского, и я это сделал в газете «Парижские революции»[25]. Я сказал, что, если, как нам угрожают, в Руа пришлют солдат на постой к частным лицам для угнетения города под предлогом дела косвенных налогов, я окажу сопротивление угнетению и пойду во главе тех, кто пожелает за мной следовать, чтобы запретить этим солдатам вход в первое же предместье; я не счел нужным сделать это в отношении тех солдат, которые приходят сегодня, потому что их слишком мало, чтобы внушать опасения. Я сказал, что буду следить за судами, за всеми кафедрами, чтобы всюду бороться со злоупотреблениями. Я недавно помешал тому, чтобы обвиняемому дали адвоката по назначению вместо выбранного самим обвиняемым. Мне ставили в упрек этот акт мужества, но я ответил так же, как в сходных обстоятельствах, при допросе господина Безанваля, ответили господину Буше д'Аржи[26]. Я сказал, что если будут упорно продолжать не доводить до сведения народа декреты, то я сам берусь предавать гласности все те законы, которые для него наиболее интересны! Я от этого не отрекаюсь нисколько. Нотабли! Вы — совет коммуны, этот последний вопрос касается вас. Если вы не будете выполнять ваших обязанностей адвокатов народа, я буду нести эти обязанности вместо вас.

А вы, господа, полагаете ли вы, что все, что я здесь изложил, делает меня еще более преступным, чем вы предполагали? Полагаете ли вы, что все это дает вам большее основание для поста-

новки на обсуждение вопроса, должны ли вы или не должны следовать определенному декрету Национального собрания, должны ли вы отказать определенному гражданину в признании его прав гражданина. Если вы будете в этом упорствовать, вы увидите, как возрастет мое мужество, подобное мужеству деятелей Спарты и Древнего Рима. Мне сказали, что среди вас нет ни одного, кто не был бы против меня. Я оставляю вам свою речь: пусть тот, кто осмелится обвинить меня, бросит первый камень *.

ВАЖНОЕ ИЗВЕЩЕНИЕ ВСЕМ ГРАЖДАНАМ

Руа, 15 марта 1790 г.

Когда стране грозит опасность, долгом всех, кто заботится о всеобщем благе, является осведомление своих братьев об обстоятельствах, которые могут им внушать надежду или опасения.

Граждане! Сообщение о том, что недавно произошло в Пон-Сен-Максансе и окрестностях [28], угроза столь же бедственных событий для здешних мест породили у вас законные опасения и уже побудили тех, кто с подлинным рвением заботится о сохранении общественного имущества, принять меры предосторожности.

В соответствии с декретом Национального собрания, запрещающим всякие обыски у граждан, и как раз в такой момент, когда упраздняются соляные пошлины, вам представлялось странным, что так называемые национальные гвардейцы явились, чтобы произвести тщательнейшие обыски у жителей города Пон, и что они наложили аресты на крупнейшие количества товаров. Вы все думали, что это могло быть только делом банды разбойников, переодетых национальными гвардейцами и нанятых врагами общественного блага. Вам приходилось опасаться, что, прибыв к нам и не найдя для грабежа того, что они нашли в Пон-Сен-Максансе, они разворуют в наших домах все, что им подойдет.

Отбросьте ваши опасения; вот очевидные истины, которые должны вас успокоить.

В Париж было послано ложное известие, что по причинам, не имеющим ничего общего с делами соляных пошлин, в Пон-Сен-Максансе и его окрестностях возникли серьезные беспорядки. Господин де Лафайет послал туда для восстановления спокойствия отряд парижской национальной гвардии. Какими-то неведомыми тайными происками этот отряд побудили заняться совсем другим делом, чем то, ради которого он был направлен. По-видимому, скрытые политические соображения, которыми руководились зачинщики этого беспорядка, имеют целью восстановить провинции против Парижа и вызвать в них ненависть к гражданской гвардии. Для аристократии это является почти безошибочным средством развязывания гражданской войны. Но

* И никто ничего не ответил [27].

поскольку этот заговор раскрыт, то по крайней мере кажется, что действия отряда парижской гвардии, допустившего эксцессы и грабеж, не останутся безнаказанными. Все в окрестностях Пон-Сен-Максанса раздражены и требуют возмездия. Поэтому эти грабители не только не смогут нас больше тревожить, но, по-видимому, им будет нелегко вернуться в Париж целыми и невредимыми.

Впрочем, нижеподписавшийся вчера узнал, что в Куши крестьяне поставили сторожей, которые при малейшей угрозе должны бить в набат у себя и во всех окрестностях.

Нижеподписавшийся смеет надеяться, что его рвение не будет дурно истолковано. Во время пожара приятно и полезно постоянно осведомлять, усиливается ли огонь или уменьшается.

ПИСЬМО ОДИФФРЕ

Руа, 20 марта 1790 г.

Милостивый государь!

Я полагаю, что мы с Вами напрасно не договариваемся друг с другом. Этим, быть может, объясняется столь малый успех нашего сочинения. Мы очень много сделали, чтобы произвести его на свет, но я думаю, что мы слишком равнодушно относимся к тому повседневному уходу, в котором нуждается новорожденный. Следствием этого может быть, что мы воспитаем ученика, который далеко не будет соответствовать нашим прежним надеждам, тогда как другие дети, поначалу обещавшие гораздо менее, смогут одержать верх благодаря более неустанным заботам их отцов, более любящих, нежели мы с Вами. В Вашем последнем письме Вы мне написали, «что Вы не сомневаетесь, что раньше или позже наше сочинение войдет в милость». Но посмотрите сочинение, озаглавленное «Усовершенствованный налог», которое благодаря стараниям его автора удостоилось самой горячей похвалы в приложении к № 66 «Патриотических анналов» Мерсье. Эта газета весьма хорошо принята в провинции, и ее рекомендация может расположить публику исключительно в пользу восхваляемого ею сочинения. Вы знаете, что пустомели часто создают успех книг. Вы помните, что из всех опубликованных книг о налогах «Усовершенствованный налог» произвел наименьшее впечатление. Вы знаете, что мы сочли долгом сказать об этом на стр. 40, 41, 49 и 66 Кадастра[29]. Так вот, несмотря на все это, я не поклялся бы, что представленный там дурной план не получит предпочтения перед всеми другими. Во-первых, у автора г-на Обри де Сен Вибера[30] брат — депутат в Национальном собрании, фамилия которого Обри дю Буше и который, хотя и совершенный тупица, но немного разбирается в составлении карт и потому обладает некоторым влиянием в комитете обложения. Во-вторых, Мерсье расхваливает его в своих «Анналах» и гово-

рит, что это сочинение должно быть выделено из множества других, опубликованных по данному предмету. Поэтому представляется весьма для нас важным несколько ослабить влияние этих пышных похвал новыми объявлениями о Кадастре. Вы говорите, что «не забыли ни одной газеты, размещая объявления, что во всех газетах оно появилось и что даже все дали о нем самый лучший отзыв». Но то было в ту пору, когда еще не думали о налогах. Статья о финансах заставит ими заняться, и к тому же по соображениям, которые я Вам изложил в своем письме от 26 января, этим предметом больше всего будут интересоваться не в Париже, а в провинции и в сельских местностях. Повторяю: наша книга подходит больше всего не тем людям, которые читают газеты. Поэтому верным средством ее широкого распространения и предоставления возможности вкусить от ее содержания является рассылка проспекта, о котором я Вам говорил. Вы оценили важное значение этого средства, но сказали, что мне надлежало бы внести половину расходов. Я не могу этого сделать в настоящее время. Давайте сделаем по-другому. . .* Если Вы согласитесь на такую сделку, то я знаю типографа, который готов сразу же служить нам.

Я полагаю, Вы убедились, что неправда, будто г-н Карон-Беркье — книготорговец с дурной репутацией; и он Вам вполне аккуратно возместил стоимость того, что Вы ему отправили. Вы сомневались в том, что этому книготорговцу действительно приходится удовлетворять столь значительный спрос, как я Вам писал; теперь это доказано тем, что он принял и оплатил присланные Вами две дюжины. Вы находили смешным и жалким письмо, в котором я Вам сообщал, что г-н Девен продает наши Кадастры и что я получал лестные письма от лиц, приобревших их, и мне придется, чтобы это подтвердить, послать Вам одно из этих писем. Вы сомневались также и в том, что я Вам писал касательно г-на де Ла Тура и г-на Панкука. Мне опять-таки придется приложить к сему письмо от последнего, дабы доказать, что я отнюдь не лжец. Зайдите также к г-ну Панкуку, который подтвердит Вам то, что я Вам сказал касательно содержания договора, заключенного с г-ном де Ла Туром. Мне необходимо сказать Вам и доказать Вам все это, а также необходимо, чтобы Вы повидали г-на Панкука, чтобы договориться о получении нами того, что нам причитается, в соответствии с тем, что обещал г-н де Ла Тур в своем письме, копию которого я Вам послал, и доставлю Вам равным образом и подлинник, если Вы и дальше не будете мне верить.

Вы говорите, что люди и Ваше простодушие научили Вас быть начеку. Что ж, это возможно. Но если раньше Вы были слишком доверчивы, то ныне, пожалуй, Вы впадаете в другую крайность. Признаться, бесконечные сомнения и всяческие проявления не-

---

* *Далее неразборчиво.*

поколебимой недоверчивости, содержавшиеся в Вашем последнем письме, отбили у меня желание писать Вам как раз тогда, когда, пожалуй, это было необходимо. Теперь Вы признаете необоснованность всех этих предубеждений. Я возвращаюсь к одному вопросу, имеющему отношение к нашему «Кадастру», о котором я забыл.

Если Вы можете найти доступ к кому-нибудь из так называемого налогового комитета, постарайтесь устроить так, чтобы он в хорошем свете представил «Кадастр» этой части Национального собрания: это тот путь, на котором, возможно, мы бы достигли успеха. С другой стороны, не откажите в любезности передать один экземпляр его г-ну Вермей, адвокату в парламенте, банкиру, улица Бернардин, № ... Я пишу ему одновременно с этой же почтой, чтобы известить его об этом и просить передать этот экземпляр г-ну де Крийону (бывшему графу), доброму патриоту, члену Национального собрания, который будет интересоваться успехом нашего плана.

Ясно, что лучшее средство обеспечить его принятие заключается в том, чтобы он понравился населению провинций, но другого пути нет.

Мое глубокое почтение мадам и мадемуазель Одиффре и ...

Сообщите мне, что написали газеты о нашем сочинении, я охотно уплачу расходы. Я прошу не из пустого любопытства. Я кое-что имею в виду, но мне некогда входить в детали.

ПИСЬМО КАРОНУ-БЕРКЬЕ

27 марта 1790 г.

Милостивый государь! Вы перестали писать мне, это молчание беспокоит меня, и я не знаю, чем оно вызвано. Между тем мой брат сообщил мне, что Вы предприняли какие-то шаги для меня. Пожалуйста, просветите меня о положении моего дела. Я на нем построил свои самые заветные надежды, полагаясь на все, что Вы мне сказали, и поэтому считал бесполезным затевать какое-либо другое дело. Я еще вовсе не отчаиваюсь, но есть ли надежда на какое-нибудь решение в близком будущем? Простите человека, который несколько настойчив по отношению к своему покровителю — ведь ему необходимо безотлагательно найти себе занятие. Благоволите поэтому не скрывать от него, может он чего-то ожидать или же не может.

Желаю всяких благ госпоже Карон и имеют честь пребывать с теми чувствами, которые я питаю к Вам на всю жизнь.

P. S. Г-н Одиффре сообщает мне, что Кадастр начинает приобретать известность и что многие газеты дали похвальные рецензии о нем. Я видел объявление о нем только в номере 28 «Парижских революций» [31]. Я хотел бы знать, будет ли включен в афиши г-на Карона-старшего текст Проспекта, который я Вам переслал; это было бы мне весьма лестно.

НАШИМ БРАТЬЯМ — ПАТРИОТАМ ПЕРОННА[32]

29 марта 1790 г.

Господа!

Нам, пожалуй, могли сделать только один упрек: в том, что мы не организовались как национальная гвардия[33]. Да и то лишь тот, кто судит по одной видимости, мог упрекнуть нас в этом. Мы сделали ряд попыток с целью сформироваться, но как наш прежний комитет, так и наш новый муниципалитет неизменно старались подавить в зародыше наше драгоценное патриотическое стремление. В конце концов это сопротивление нас утомило, и вчера мы приняли твердое решение положить ему конец. В крайнем случае мы могли обойтись и без разрешения муниципалитета, чтобы сформировать наш национальный отряд, но нам совершенно необходимо было получить оружие. Депутация в составе двадцати человек из нашей среды отправилась просить его. Тон и форма этой просьбы были таковы, что наши муниципалы ясно поняли, что мы твердо намерены получить то, о чем просили. Наше ходатайство было удовлетворено, и сегодня, господа, мы начнем вам подписывать свидетельства, удостоверяющие, что вы являетесь национальными гвардейцами.

Вы найдете в приложении к сему проект учредительного устава, который мы сейчас подпишем (№ 8).

Мы прилагаем также петицию относительно *организации судебной власти*: это вопрос, которым Национальное собрание опять начинает заниматься (№ 9);

а равно и копию резолюции по вопросу о *лишении наследства*[34], которую г-н Бабеф направил в комитет докладов и относительно которой председатель этого комитета, аббат Грегуар, известил его, что передал ее в конституционный комитет.

Мы еще не выработали текста нашей петиции с жалобой на декрет, сохраняющий чрезвычайные налоги и восстанавливающий внутренние таможни[35]. Мы это сделаем и пошлем вам текст. Мы уверены, что вы нас поддержите в этом вопросе и, быть может, было бы целесообразно, чтобы от обоих городов поступило одно и то же письменное заявление.

Мы намерены безотлагательно связаться с нашими братьями в Нуайоне так же, как и с вами.

Есть вопрос, относительно которого все коммуны, все истинные граждане должны иметь ясное представление, а именно, что декрет об организации муниципалитетов содержит нарушение той из статей Декларации прав человека, которая гласит, что «закон должен быть выражением общей воли». Обратите внимание на то, что говорит об этом автор газеты «Парижские революции», № 17, и на совет, который он дает парижанам в № 34. Из газет мы знаем, что парижане в точности последовали этому совету и что на заседание от 23 марта явилась многочисленная депутация от 60 дистриктов[36] и принесла петицию по вопросу о непрерывной

активности дистриктов, каковая петиция уже была напечатана и распространена в Париже. Я не буду более подробно распространяться здесь по этому вопросу, скажу лишь несколько слов. До создания новых муниципалитетов у всех нас были наши дистрикты или комитеты, куда мы могли прийти изложить наши соображения об общественном благе; это давало возможность закону быть выражением общей воли; каждый из нас мог считать себя частью суверена; у каждого из нас была своя доля в общественных делах. А ныне нотабли, генеральный совет коммуны, образуют для нас абсолютное представительство, а наши права заключаются лишь в том, чтобы платить и выбирать, выбирать и платить. Но мы не останемся безмолвными. Мы не будем пассивными в столь важном вопросе. Париж дает пример провинциям, и каждый из нас поспешит последовать примеру столицы. Остается составить еще одну петицию от нас и наших братьев из Перонна: дадим пример, и пусть вся провинция за нами последует. Закон должен быть выражением общей воли. Гражданин должен иметь повсюду возможность высказать, что, по его мнению, может быть полезно его стране. Без этого прощай, патриотизм!

У нас есть также проект петиции относительно использования церковных имуществ, которую мы считаем важной [37].

С братским приветом.

НАШИМ БРАТЬЯМ — ПАТРИОТАМ ПЕРОННА

Руа, 2 апреля 1790 г.

Господа!

В предшествующем послании мы вам писали о различных вопросах, которыми нам, возможно, надо будет последовательно заниматься и которых мы предварительно коснулись лишь для того, чтобы вы были уверены, что мы во всем действуем как истинные патриоты; мы обязались всегда действовать в таком духе; мы намерены посвятить все наши заботы делу защиты свободы и способствовать всеми силами тому, чтобы французы как можно скорее получили возможность пользоваться всеми правами, на которые они могут рассчитывать как возрожденный народ, и чтобы обеспечить им общее счастье в самом полном объеме и спасти их от заговоров, которые неустанно плетут против них враги общественного блага.

Но есть дело, которым мы должны заняться прежде всего, и мы не должны успокаиваться, пока не добьемся справедливости. Это вопрос о косвенных налогах, уплате недоимок и восстановлении внутренних таможен, предписанных недавно принятым декретом, отменившим только ту часть косвенных налогов, которая касалась исключительно права продажи соли [38].

Чтобы достигнуть успеха в этом деле, господа, достаточно этого хотеть и понимать друг друга, понимать

друг друга и хотеть этого. Да, господа, не подлежит сомнению, что при этих двух условиях мы одни добьемся для всего королевства полного успеха в этом деле. Оно столь важно, что мы не можем ничем пренебречь для достижения наших целей. Посему тот, кто ставит свою подпись под настоящим документом, ручается своей головой, что не будет спать, пока не достигнет их. Счастливый от сознания, что он приобретает таким образом право на долю благодарности своих соотечественников, он не пожалеет никаких усилий, чтобы попытаться предоставить им важнейшие блага, на которые по существу они имеют право.

После приятного посещения г-на Ферне*[39] нижеподписавшийся чувствует новый прилив мужества. Оно не уменьшится, наоборот, оно будет постоянно усиливаться, пока все преданные граждане также будут одобрять его патриотизм и все, что он будет делать, чтобы этот патриотизм не был бесплодным.

Г-н Ферне жаловался на то, что большинство жителей коммуны как будто не расположены оказывать поддержку добрым патриотам в их сопротивлении косвенным налогам. Это ничего, мы обещаем, что вскоре оно проявит к этому делу немалый интерес.

В нашем предыдущем послании мы вам писали, господа, да и вы сами, конечно, это знали, что Национальное собрание разделено на две части, из которых одна состоит из добрых граждан, а другая — из отвратительных аристократов. Вследствие этого случается, что постановления, которые первые принимают ради общего блага, часто сводятся на нет усилиями противоположной партии. Поэтому появляются дурные декреты, вызывающие нарекания на все Национальное собрание, хотя они — дело рук лишь разложившихся членов; когда патриотическая партия берет верх, появляются спасительные декреты, которые ничем не обязаны враждебным нам депутатам.

Вот почему мы видим, что некоторые декреты воспринимаются столь охотно и что столь упорно сопротивляются другим декретам. Это правильно, поскольку депутаты нации должны работать только для общего блага, и следует отвергнуть все, что не направлено к этой цели. Народ, от коего депутаты получили свои полномочия (подобно доверенности, которую в частных делах один человек дает другому), не должен ратифицировать того, что на основании этих полномочий сделано в ущерб ему, когда эти полномочия вовсе того не разрешали. Стало быть, он должен, этот самый народ, взять хорошее и отбросить дурное. Это дурное — всего лишь опасный плод трудов людей, которых он вовсе не избирал, которым не место в высоком собрании. На основании права оказывать сопротивление угнетению — а этот прин-

---

* Не следует бояться называть в наших письмах имена. Дело, которым мы занимаемся, не подпольное. Оно связано со свободой, со справедливостью, с сопротивлением угнетению.

ции заслуживает того, чтобы его придерживаться и никогда не терять из виду, — этот плод должен быть беспощадно отвергнут.

Патриотические депутаты сами будут благодарны народу за это сопротивление угнетению, которое они провозгласили одним из главных прав человека. Таким образом они сами окажут сопротивление усилиям своих коллег, составляющих аристократический сектор. Таким образом они ослабят сопротивление добру со стороны последних. Наконец, таким образом депутаты-граждане добьются того, что их решения не будут сводиться на нет тираническими софизмами злонамеренной партии. Да, господа, часть Национального собрания тоже стремится к добру и стремится к нему так же сильно, как и мы, но на эту часть ожесточенно нападает другая, у которой совсем другие намерения. Мы должны оказать сопротивление только этой части, хотя будет казаться, будто мы оказываем сопротивление всему Национальному собранию. Для лучшей части этого собрания это будет приятное насилие, за которое втайне она будет нам благодарна. Уступая верховной воле народа, она заставит и противоположную часть уступить этой самой неотразимой воле.

Помимо того, что все это — совершенно очевидные истины, мы можем в подтверждение привести ряд примеров. Разве не после того как в нашей стране выявилось наличие общей оппозиции, некой внушительной конфедерации, направленной против восстановления соляных пошлин и косвенных налогов, начали заниматься этими вопросами, упразднили исключительное право на торговлю солью, сборы за клейма на кожах, сборы с мыла, масел, крахмала, железа и т. д. Аристократическая партия добилась издания декрета о сохранении остального, о восстановлении внутренних таможен, об уплате недоимок, о продлении взимания налогов с напитков и т. д. На это нельзя соглашаться. Надо оказать сопротивление угнетению.

Вы нам сообщаете, что господа дю Мет[40] и де Бюен советуют вам проявить терпение и платить по-прежнему налоги (см. письмо от 28 марта 1790 г.)...* их отказы платить эти налоги. Эти рассуждения представляются нам жалкими. Призывы к терпению, просьбы подождать — все это, пожалуй, прикрывает очень странные намерения. Мнимая нехватка денег для погашения обязательств армии — это, попросту говоря, только аристократический предлог, который не имеет даже видимости основания. Никто не требовал упразднения косвенных налогов без возмещения, и способ этого возмещения не должен вызывать затруднений. Эти возмещения должны производиться в соответствии с принципами, принятыми для налога на соль, для сборов с кож и т. д., каковые принципы были указаны нами, патриотами Руа. Неправда, будто только эта провинция отказывается платить соляные пошлины и косвенные налоги; все провинции потребовали упразднения этих

* *Пропуск в тексте.*

повинностей в своих наказах, все они сами от этих повинностей освободились, только несколько городов допустили их восстановление по наущению аристократов, которым приятно, чтобы народ был угнетен, которые состоят на должностях в вымогательских учреждениях, которым выгодно, чтобы эти гнусные повинности не были замещены, потому что им тогда пришлось бы платить в соответствии со своим имуществом и возможностями. Впрочем, освобождение от повинностей остается в силе всюду, и господа Мет и де Бюен имеют какие-то свои виды, когда они выносят отрицательное суждение о своей собственной провинции, изображая ее как самую мятежную из всех.

Политика аристократии заключается в том, чтобы представить в качестве преступников всех выступающих против восстановления ненавистных налогов и чтобы внушить, будто в королевстве очень мало людей, высказывающихся в этом духе. Это видно из одной выдержки из «Анналов» Мерсье, которую полагаю полезным привести здесь:

«Взимание налога на табак терпит значительные нарушения от того, что барьеры внутренних таможен были опрокинуты контрабандистами: об этом сообщается в письме генерального контролера г-на Ламбера [41], которое было зачитано г-ном председателем и препровождено в финансовый комитет на предмет принятия в этом отношении мер, кои будут признаны наилучшими».

Нет, не по вине контрабандистов «взимание налога на табак терпит значительные нарушения», а потому, что все добрые граждане оказывают сопротивление осуществлению режима лихоимства, которого не могут больше терпеть ни одного мгновения люди, решившие стать свободными.

А это препровождение в финансовый комитет «на предмет принятия наилучших мер в этом отношении», разве это не предупреждение, господа, чтобы мы были начеку против новых попыток, задуманных против нас врагами нашего благоденствия?

Да, повторяем еще раз, нам надо *понимать друг друга* и *хотеть* этого благоденствия; этого достаточно, скажем еще раз, для обеспечения нашего полного успеха.

Необходимо — и нижеподписавшийся над этим работает — составить мемуар, содержащий сжатое изложение различных принципов, разбросанных в различных его сочинениях по теории налогов, из которых будет почерпнуто доказательство того, что налоги, вытекающие из системы соляных пошлин и косвенных налогов, не могут более оставаться в силе и что их необходимо безотлагательно отменить.

Этот мемуар будет напечатан и широко распространен в каждом городе провинции. Именно это дает нам возможность сказать, что вскоре весь народ будет с нами. Он поймет, что он больше всех заинтересован в уничтожении притеснительных налогов и что он не должен упустить ничего, что поможет ему освободиться от них. Вслед за тем каждый распространит этот мемуар среди

всех сельских кабатчиков своего округа, которые будут призваны ознакомить с ним большинство жителей данных местностей.

Этому же мемуару будет придана форма обращения к Национальному собранию. Кабатчикам и другим жителям каждой местности достаточно будет подписать его и адресовать собранию по одному экземпляру от каждого прихода.

Таким образом, все части провинции предъявят одно и то же требование, и требование справедливое. Это требование будет составлено в одних и тех же выражениях, так, чтобы принципы были согласованы и чтобы не был упущен ни один из мотивов, которые должны быть приведены по этому вопросу.

Это путь законный, он основан на праве сопротивления угнетению, это единственный путь, способный обеспечить нам успех. Часто оставляют без внимания просьбы, предъявляемые лишь несколькими частными лицами, каким-либо комитетом или корпорацией, но невозможно отвергнуть единообразное ходатайство целой провинции, особенно когда это ходатайство справедливое. И так как теперь не издают более особых законов для одного кантона, справедливое решение, которого мы добьемся, распространится на все части государства.

В этом мемуаре, господа, надо будет уделить особенное внимание опровержению тех дурных положений, которые изложил составитель вашего обращения от имени купцов-пивоваров, когда он утверждал, что лучше поручить дело сбора не служащим, а муниципальным должностным лицам. Но это значило бы поставить одних служащих вместо других. Они стоят друг друга, и вы по-прежнему остались бы под властью инквизиции.

Посмотрите еще раз, господа, первый из тех документов, которые мы вам переслали, прочтите, как мы склонили наших кабатчиков в Руа отказаться от подобных же принципов, которым они было поддались, и как мы привели их к надлежащим правилам, от коих нам никогда не следует отходить.

И в других наших документах вы найдете убедительные доказательства того, что всякий раз, когда будут взимать хотя бы два ливра с предмета потребления, с напитков, с табака или ввозную пошлину, это будет самая вопиющая несправедливость.

Постигните, что является сущностью двух главных основ налога, основ, провозглашенных самим Национальным собранием и о которых мы сейчас ему напомним. Нижеподписавшийся сделает из этого вступление к тому мемуару, который он вам обещает.

Дело сводится к тому, чтобы развить эти принципы, сделать выводы из них и не отклоняться от них. Между тем именно к последнему стремятся аристократы всякий раз, когда они хотят заставить платить налоги с табака, вина, с других напитков и т. д. Если быть верным этим принципам, то нельзя допустить взимания с народа хотя бы одного денье этих ужасных соляных пошлин и косвенных налогов. Недопустимо оплачивать

и откармливать за счет пота бедных классов этот сброд чиновников и служащих, который повсюду кишмя кишит.

Мы вам написали, господа, это длинное письмо для того, чтобы вы были осведомлены о всех предложениях, которые мы вам посылали ранее. Мы надеемся, что вы и дальше будете разделять наши взгляды и что вы согласитесь, что опубликование мемуара, о чем мы вам говорим, есть единственно верное средство быстро достичь того, чего мы ожидаем. В таких случаях нельзя останавливаться из-за небольшого расхода на печатание. Расход этот не может быть чувствительным, поскольку он раскладывается на большое число участвующих лиц, и, с другой стороны, этот расход вскоре будет возвращен стократно.

Однако городам придется действовать и за деревни, потому что сельские люди не умеют считать достаточно хорошо, чтобы согласиться потратить одно су для того, чтобы выиграть тысячу. Хорошо еще, если все правильные соображения, изложенные в нашем мемуаре, убедят их в том, что подпись, которую их просят поставить, принесет им очень большую выгоду. Но обычно люди чувствуют, что может быть хорошо для них, и названия соляных пошлин и косвенных налогов вызывают достаточно ужаса для того, чтобы нам не надо было опасаться, что они не решатся выступить против них.

Как только мемуар будет закончен, г-н Б.[42] любезно обещает мне доставить его вам. Вы помните сказанное нами выше об обстоятельствах, обязывающих нас отнюдь не терять времени. Добавим, что мы знаем также, что декрет о восстановлении внутренних таможен, о продолжении взимания косвенных налогов, об уплате недоимок уже прибыл к нам. Пора быть бдительными, дабы впоследствии нас ни в чем нельзя было упрекнуть.

Можно было бы еще долго распространяться, чтобы доказать, что задолженность или недоимки должны погашаться только соответственно способу замещения, следовательно, всеми, а вовсе не одними только пивоварами и торговцами напитками. Но вы знаете все это так же хорошо, как мы, и вас так же невозможно обмануть.

Нам было бы приятно, если бы вы разослали копии настоящего послания в другие города, как вы сделали с предыдущими документами.

С братским приветом и т. д.

ПИСЬМО ЖЕНЕ

Нуайон, 11 апреля 1790 г.

Я прибыл сюда вчера, мой милый друг, в шесть часов вечера, и мы сразу принялись за работу[43]. Будем крепко работать сегодня и завтра, и когда приедет тот человек, о котором я говорил тебе, что встретил его у г-жи Маньер[44], он увидит, что работа

близка к завершению. Не говори ему о том, что я намерен вернуться отсюда в Перонн. Если он с тобой об этом заговорит, скажи ему, что ты об этом ничего не знаешь и что я тебе не говорил, когда собираюсь вернуться в Руа. Пришли мне рубашку, чулки, носовой платок, воротник, мой красный камзол и другой из секати, с жилетами и куртками. Завтра напишу господину Кассену[45] относительно нашего мемуара, который печатается. Поцелуй от меня Робера и хорошенько за ним смотри, равно как и за его маленькой сестрой. Расскажи мне о них в твоем ответном письме. Привет тебе.

Бабеф

Перешли прилагаемое письмо г-ну Гамбару[46]. Я отсылаю его мула к г-ну Дотрево, передай ему от меня всякие приветы.

Когда г-н Навье[47], племянник г-жи Маньер, приедет во вторник, мемуар будет напечатан или почти напечатан. Скажи ему это.

ПИСЬМО БЕЖЕНУ[48]

11 апреля [1790 г.]

Известите, прошу Вас, всех наших друзей, что г-н Девен, вернувшийся вчера рано в Нуайон, немедленно заставил всех заняться нашей работой, и данные им распоряжения таковы, что, когда г-н Навье приедет послезавтра, во вторник, все будет уже целиком или почти целиком готово.

Я забыл об одном — я не взял по списку Вашего финансового округа или бальяжа названия всех приходов. Если бы Вы могли немедленно мне это прислать, я заполнил бы на всех письмах и экземплярах петиции названия этих приходов и я устрою так, что на каждом пакете будут уже адреса, и, таким образом, когда Вы получите все печатные издания, Вы сможете сразу все разослать во все приходы. Вам только придется рассортировать пакеты, и, таким образом, дело не затянется.

Вчера вечером г-н Девен не мог еще сказать, во что обойдется печатание. Он поставил всех своих рабочих на эту работу и заявил, что на основании рукописи он не может определить размера сочинения. Он сможет вернее оценить, когда будет закончен набор.

[17 апреля 1790 г.]

ПЕТИЦИЯ

о налогах, адресованная жителями . . . .
Национальному собранию,

в которой доказывается, что косвенные налоги, соляная подать, пошлины на ввоз в города и т. п. не могут более сохраняться, даже временно, у ставших свободными французов.

ПЕТИЦИЯ ГОСПОДАМ ЧЛЕНАМ НАЦИОНАЛЬНОГО СОБРАНИЯ О ПОЛНОМ И ДЕЙСТВИТЕЛЬНОМ УПРАЗДНЕНИИ КОСВЕННЫХ НАЛОГОВ И СОЛЯНОЙ ПОДАТИ

Господа!

Мы начинаем с тех великих принципов, которые провозглашены вами с целью надежно и непоколебимо обосновать столь важную систему государственных налогов. Мы говорим с вами о вашем собственном творении: это ваши же принципы мы представляем вашим взорам и мы настоятельно просим о приведении их в исполнение, дабы мы скорее могли вкусить их благодатные результаты.

Все дело в разумном развитии этих принципов, все дело в таком их применении, при котором то, что может рассматриваться как субсидия государству и как налог с народа, могло бы взиматься только в соответствии с основным правилом справедливости, *пропорционально имуществу и возможностям каждого гражданина*.

Мы постараемся доказать, что нет ничего легче, чем следовать во всех видах обложения этому великому принципу, столь долго игнорируемому, и что при нынешнем положении вещей особенно необходимо принять его в целом; что невозможно сочетать только часть этой справедливой системы с какой-то частью несправедливой и незаконной старой системы.

«Коль скоро я рожден гражданином свободного государства, — сказал великий законодатель наций, — и членом суверена, каким бы слабым влиянием на государственные дела ни обладал мой голос, одно лишь право голосовать достаточно для того, чтобы возложить на меня обязанность осведомиться о них».

Продумав это великое изречение, мы придаем, господа, этой петиции такое направление и излагаем в ней такие идеи, что она, пожалуй, в корне отличается от некоторых из тех, что поступали к вам ранее от нашего кантона. Мы сочли своим долгом применить свое *право высказываться*, и мы уверены, что благодаря этому наша петиция сможет представить истины, которые мы нашли полезным раскрыть в нынешних обстоятельствах.

Дело, о котором мы будем говорить, отнюдь не наше частное дело. В нем заинтересованы все жители этого королевства. Это

общее дело всех. Справедливым решением его может быть обеспечено спокойствие всей Франции. С ним, быть может, связана также слава депутатов нации.

Господа, ваш декрет от 22 марта по вопросу о финансах, представляющий собой опасное сочетание возвышенного принципа распределения налогов соответственно возможностям с некоторыми признаками противозаконного и несправедливого старого режима, этот ваш декрет вызывает наши решительные и всеобщие возражения.

Упразднив ту часть косвенных налогов, которые относились к соли, кожам, железу, мылу, крахмалу, маслам и т. д., вы сохраняете те же косвенные налоги, декретируя восстановление внутренних таможен для табака и восстановление косвенных налогов с вина и других напитков и дополнительное постановление об уплате недоимок за все то время, когда, что бы там ни придумывали некоторые лица, чиновники перестали взимать налоги почти на всей территории государства. Господа, мы вынуждены заявить вам: это решение никак не вызывает общего одобрения.

Оно не может его получить, поскольку оно находится в прямом противоречии с статьей 13 Декларации прав человека и с вашим декретом от 7 октября с. г.

Мотивы, побудившие провозгласить эти два основных конституционных принципа, очевидны и в высшей степени справедливы. Нет такого мыслящего человека, который бы их не оценил должным образом. Для охраны лиц и имуществ, для воспрепятствования посягательствам на жизнь и собственность каждого члена общества, для того, чтобы каждый мог мирно жить соответственно своему состоянию, необходимо содержать государственные вооруженные силы, платить солдатам, создать административные учреждения, ведающие всем, относящимся к общему делу; расходы по содержанию этой администрации, по оплате солдат, по содержанию этих вооруженных сил должны, очевидно, нести те, кто этим пользуется. И между теми, кто этим пользуется, должна быть какая-то соразмерность в соответствии с которой тот, кто много пользуется, т. е. тот, кто владеет многим, тот и платит много, а тот, кто пользуется мало, т. е. владеет только малым, тот и платит мало. Охрана большого богатства требует больше расходов, для охраны малого имущества их требуется меньше. Дороже стоит охранять большую провинцию нежели малую. Хижину, построенную на 7—8 вержах *, дешевле охранять, нежели замок, расположенный на 40 арпанах. Отсюда принцип, провозглашенный в статье 13 Декларации прав человека, согласно которому «общие налоги должны быть уплачиваемы каждым гражданином в соответствии с его имуществом и его возможностями».

* *Verge — старинная мера площади, около 1/4 арпана.*

Вы признали, господа, что законы старого режима отнюдь не покоились на таком основании. Вы видели, что соль, предмет первой необходимости, дала повод для того, чтобы возложить на неимущий класс бóльшую часть государственных налогов. Под властью правительства произвола гений фиска сказал себе: природа была слишком добра и дала бесплатно это вещество всем людям без различия. Сейчас, когда под действием длительной привычки они уже не могут без него обойтись, мы им овладеем, мы вынудим их покупать его по ценам, которые нам угодно будет установить. Мы даже заставим владельцев солеварен доставлять нам соль также по нами указанной цене. Если она нам обойдется в шесть денье фунт, можно будет, по-видимому, без затруднений брать с каждого фунта 12—13 су налога. Великие мира сего и богачи — единственный класс, чьих жалоб можно было бы опасаться, не найдут в этом ничего плохого, ибо известно, что горшок поденщика поглощает больше соли, нежели все рагу сиятельного лица. Они убедятся, эти влиятельные лица, что таким образом вся тяжесть налога падает на бедную часть народа и что правительство, найдя здесь доходы для себя, не будет иметь причин взимать что-либо с их огромных владений, не будет иметь причин затрагивать их привилегии. Налог в 12—13 су с каждого фунта соли даст государству доход около десяти экю с последнего бедняка и лишь на такую же сумму обременит барона и маркиза.

Так рассуждал варварский и отвратительный деспотизм, когда для достижения своих целей он покрыл все части наших несчастных провинций кордегардиями и бюро, которые он заполнил подлыми вымогателями и гнусными лихоимцами, и они до сего дня осуществляли с яростью, вполне достойной тех, кто пропитал их ядом величайшего разложения, все тиранические притеснения, страшная память о коих сохранится надолго.

Господа, вы ясно увидели размеры этих зол, вы измерили глубину бедствия, и это побудило вас упразднить налог, столь непропорционально взимаемый с соли, и предписать его замещение *уплатой определенного сбора в соответствии с размерами имущественных и личных налогов*, уплачиваемых данным человеком.

Вам достаточно было бросить взгляд на сборы, взимаемые при клеймении кож, с железа, мыла, крахмала, масел и т. д., чтобы обнаружить те же недостатки, те же несправедливости. Вы убедились в том, что в конечном счете и эти виды обложения не ложились *на каждого гражданина пропорционально его имуществу и его возможностям*, что богатый нес не бóльшую их часть, чем бедный. Вы декретировали их упразднение, вы постановили заменить их таким же образом, как был заменен налог на соль.

Мы следовали, господа, шаг за шагом за вашими трудами, посвященными этим похвальным и важным изменениям. Мы убеждали себя в том, что вам потребуется некоторое время для их

завершения. Мы говорили себе: без сомнения, все, что связано с вымогательским режимом, все, что противоречит статье 13 Декларации прав человека и декрету от 7 октября, подпадет последовательно под действие реформы. Все выводы из принципа справедливого распределения налогов соответственно возможностям будут осуществлены на практике. Не скроем, мы были сильно удивлены, узнав, что Национальное собрание остановилось в самый разгар своего движения.

Но мы знаем, однако, кому мы этим обязаны. Увы, мы слишком хорошо знаем, что в Национальном собрании существуют две партии, взгляды которых полностью расходятся. Нам, к сожалению, уже не раз приходилось замечать непоследовательность декретов. Нам нетрудно было заметить, что выгоды преобладающего положения в собрании поочередно переходили от патриотического сектора к сектору интриганов [49]. В результате декреты, выгодные нации, сменяются такими, которые направлены к тому, чтобы ее сковать. Этим и определяется, возвращаясь к предмету настоящей петиции, ход рассуждения, которому мы считаем долгом следовать.

Та часть декрета, которая содержит упразднение налогов на соль, кожу, железо, крахмал, масла́, мыло и т. д. и определяет способ их замещения в соответствии с принципами декрета от 7 октября и статьи 13 Декларации прав, т. е. в соответствии с размерами имущества и возможностями, эта часть декрета, говорим мы, есть творение депутатов-патриотов, которого не смогли уничтожить усилия оппозиции аристократов.

Та часть декрета, которая вопреки принципам декрета от 7 октября и статьи 13 Декларации прав предписывает восстановление внутренних таможен для взимания налога на табак, продолжение взимания косвенных налогов, уплату недоимок и т. д., есть создание депутатов-аристократов, которое не смогло быть уничтожено усилиями патриотической оппозиции.

Однако, добавим мы, поскольку депутаты нации обязаны всегда работать ради общего блага, то позволительно заявить протест против всего, что не направлено к этой цели. Если человек дал доверенность другому, это отнюдь не означает, что он согласен на все, что его уполномоченный сделал ему в ущерб, к чему доверенность его отнюдь не уполномочивала. Неужто народ, от коего депутаты получили свои полномочия, должен, невзирая на свои неотъемлемые права, быть в менее благоприятном положении? И когда люди, которым свойственно воображать, будто для них должны существовать особые законы, когда эти люди, отнюдь не признанные народом, которых народ никогда не выбирал, которым, следовательно, вовсе не место в Национальном собрании, когда такие люди путем преступных происков добиваются устранения добрых принципов, чтобы заменить их своими угнетательскими, тогда в силу права сопротивления угнетению народ, сей единственный и подлинный суверен,

не может разве, не должен разве подняться во весь рост против этого гнусного посягательства? Разве он не должен поддержать усилия депутатов-граждан, которые, чтобы сорвать коварные заговоры тех, кто сводит на нет их отличные труды, несомненно, очень рады этой поддержке народа. Эта поддержка для них — приятное принуждение, которое помогло бы им заставить их противников согласиться, подобно им, со справедливыми требованиями народа.

Аристократия исходит из представления, будто старые привычки помешают народу разобраться в теории налогов. Но декрет от 7 октября и статья 13 Декларации совершенно освоили всех с принципами налогообложения. *Каждый платит пропорционально своему имуществу и возможностям*, в этом нет ничего неясного, этого ни один гражданин уже не может забыть. Тщетно эта самая аристократия старается дезориентировать народы, запутать вопрос, утверждая, что налоги на вино, на все другие напитки, на соль, на табак, на различные предметы потребления должны взиматься только с потребителей: я, мол, не могу платить за вино, за табак, если я их вовсе не употребляю. Но, отвечают им на это, обязанность уплаты налогов не зависит от того, употребляете ли вы или не употребляете определенные вещи. Эта обязанность — следствие того, *что вы граждане государства, и в этом качестве вы должны участвовать в государственных расходах пропорционально выгодам, которыми вы пользуетесь в государстве*. Это совсем простые идеи, но крайне важные: они представляют смысл статьи 13 Декларации прав.

Ну, а сохранение косвенных налогов, а восстановление внутренних таможен для табака, как к ним применить эти принципы? ..

Бедняк, который может пить вино лишь в кабаке, платит налог на той же основе, на которой уплачиваются налоги в большей части городов, — 8 су с бутылки, тогда как буржуа, которому доставляют вино в бочках в его погреб и с которого не требуют уплаты ввозной пошлины, платит с той же бутылки только 2 су. Разве это похоже на плату пропорционально возможностям? Разве мы находим здесь применение того справедливого правила, о котором нам постоянно следует помнить?

Так же обстоит дело с табаком. Он дает одно из удовольствий, которые бедняк осмеливается разделять с теми, кто не беден. Чтобы покарать его за такую любовь к наслаждениям, изобретательный гений фиска опять-таки находит способ монопольно завладеть этим произведением природы и разрешать пользование им лишь при условии уплаты крупного налога, каковой, если внимательно присмотреться, тоже ложится почти полностью на бедняка. Поскольку богатый располагает для своего услаждения и более изысканными вещами, нежели табак, он привязан к нему менее, чем бедняк, у которого нет ничего другого, что отвлекло бы

его от его трудов и усталости. Казне это нисколько не мешает извлекать огромный доход от обложения табака, позволяющий ей не требовать ничего от избранных классов. А неимущий вместо того, чтобы платить, как это вытекает из естественного и твердо установленного права, свой налог в соответствии и пропорционально своим возможностям платит *в соответствии и пропорционально тому, сколько он потребляет табаку*... Таким образом, поденщик и богач обложены одинаково, поскольку последний услаждает свое обоняние столько же, сколько это может делать трудовой человек.

Все эти размышления, господа, разделяются всеми гражданами. Эти идеи пустили корни в сознании всех. Здесь идет речь не о частном деле отдельных корпораций: это дело всех жителей королевства. Вот почему движение, направленное против косвенных налогов, это не столько дело розничных торговцев, виноторговцев, торговцев другими напитками, это дело всех потребителей. Они знают, что виноделу, пивовару или виноторговцу безразлично, что содержимое их бочек облагается такими большими суммами. Они отделываются тем, что авансируют эти суммы, чтобы затем получить их обратно с публики. Но вследствие неправильной системы косвенных налогов эта часть налога вовсе не взимается с каждого пропорционально его возможностям. Это-то и порождает горькие жалобы всех справедливых граждан. К соображениям о таких несправедливостях добавляются впечатления от всего того гнусного, что присуще этому режиму. Унижение, которому он подвергает честного человека, делая его предметом оскорбительных подозрений и неприличных обысков, вплоть до личных, производимых самыми отвратительными существами; обязанность, возлагаемая этим режимом на подобных низких людей, вести борьбу с другими подданными, — все это поддерживает состояние междоусобной войны. Ко всему этому добавьте инквизиторские приемы, тиранию обысков, нарушающих неприкосновенность жилища и в ходе которых свобода подвергается самым серьезным нарушениям. Затем следуют всякие другие крайние формы насилия, жестокость ложных доносов, протоколы, в коих сторона является также и судьей, произвольные осуждения, ужасы тюремных заключений, конфискаций, жесточайших наказаний. Представьте себе, что все это происходит постоянно и повсеместно, и вы получите слабое представление о всех ужасах, коим подвергаются граждане под беспощадным бичом финансовой орды.

И другие важные наблюдения по этому страшному вопросу получили широкое распространение, проникли в сознание всех, и в результате этот вымогательский податной режим стал совершенно невыносимым. Приходит к вам человек, чтобы спросить вас: все ли у вас в порядке? Нет ли у вас ничего, противоречащего приказам короля? Если иметь у себя что-либо, противоречащее приказам короля, есть преступление, то вопрос этого человека означает: а вы, случайно, не жулик? Вы ему отвечаете: нет. Но

я этому не верю, и я пойду копаться в ваших подвалах, в ваших чердаках, ваших комнатах, в ваших шкафах, в вашей кровати, в ваших карманах и в... такого неприличия и таких посягательств на свободу просвещенные люди решительно не могут больше терпеть!

Надо полагать, господа, что память о стольких притеснениях оставила тяжелый след на тех, кто их перенес. Доказательством этого является все то, что они сделали, чтобы отомстить за перенесенное. Пусть аристократия подумает ... пусть она трепещет! .. Неужели кто-нибудь полагает, что люди, которые опрокинули все барьеры генерального откупа, которые прогнали служащих управления косвенных налогов, которые потребовали, чтобы все служащие обоих проклятых учреждений полностью прекратили исполнение своих вымогательских обязанностей, неужели кто-нибудь думает, что эти люди согласятся вернуться под железное ярмо этих беспощадных чиновников, которых им наконец удалось победить? Это выходит за пределы вероятного.

Политика врагов справедливости заключается в том, чтобы стараться представить в качестве преступников всех тех, кто протестует против восстановления ненавистных налогов, и внушить, что лишь очень немногие люди в королевстве присоединяются к этому протесту. Это видно, господа, из одного места протокола вашего заседания от 30 марта. Мы полагаем полезным привести здесь эту выдержку:

«Взимание налога на табак сталкивается со значительными помехами ввиду того, что заставы были разбиты контрабандистами *. Так сказано в письме г-на генерального контролера, которое было прочитано г-ном председателем и отослано в финансовый комитет на предмет обсуждения вопроса о том, какие меры лучше всего принять в этих обстоятельствах».

Нет, не контрабандисты повинны в том, что «взимание налога на табак сталкивается со значительными помехами»; дело в том, что все добрые граждане выступают против режима лихоимства, которого люди, желающие быть свободными, не могут больше терпеть ни одной минуты.

А эта отсылка в финансовый комитет «на предмет обсуждения вопроса о том, какие меры лучше всего принять в этих обстоятельствах», разве это не угрожающий признак того, что врагами нашего счастья замышляются новые посягательства против нас? Разве это не свидетельствует о том, что решительно не хотят, чтобы мы так скоро стали пользоваться благами справедливого распределения налогов пропорционально возможностям? Разве, о, боже! это не свидетельствует о том, что, если понадобится, они могли бы применить и силу, чтобы нас поработить и вынудить нас подчиниться тому,

* Контрабандисты! Это слово не должно сохранять прежнего смысла в нашем языке после статьи 13 Декларации прав.

что́ всего несправедливее и всего возмутительнее в области налогового обложения?

Угрожать кровавой расправой, чтобы вынудить граждан государства, которое считается свободным, дать согласие на то, что их угнетает!... Перо падает из рук, и негодование сменилось бы чувством еще более страшным, если бы не уверенность в том, что славные члены Национального собрания, противостоящие дурным замыслам коварных депутатов, нанесут поражение злодейским затеям этих предательских душ.

Нам известно, господа, что наши соседи, патриоты города Руа, выразили вам уже некоторое время тому назад, непосредственно перед вашим декретом об упразднении налога на соль, соображения, весьма похожие на содержащиеся в настоящем обращении. Они вам дали очень справедливое изложение обстоятельств, которое, пожалуй, небесполезно будет здесь воспроизвести.

«Общая воля наказов повелевала немедленно упразднить притеснительный режим соляных пошлин и косвенных налогов. Различные провинции Франции, раздраженные тем, что их так долго не освобождают от этого ига, от которого они слишком долго страдали, сами его стряхнули, объявив при этом, что своим поведением они не имеют в виду лишить государственную казну этих источников дохода. Эти провинции хотели только освободиться от расходов по взиманию и от неравенства в раскладке налога. Способ замещения пропорционально возможностям каждого гражданина замечательно отвечал этим видам. Какими тайными соображениями объяснить, что это предложение, столь точно отвечающее цели декрета от 7 октября и статьи 13 Декларации прав человека, ныне не приемлется; и, наоборот, в силу какого рока последующие декреты * решительно противоречат этому первому, столь справедливому, закону? Неужто нас хотят вернуть под ярмо вымогательской тирании? Неужели мы опять будем подчинены ненасытной жадности этих коварных пиявок, которые, чем больше пьют человеческой крови, тем более ее жаждут. Неужели мы забудем, что эти «временные» меры, коими нас так долго убаюкивали, превратились в бесконечные посредством постоянных продлений, следующих одно за другим без промежутков? Что же это? Неужели, одержав решительную победу над этими ненавистными откупщиками, мы согласимся вернуться в эту постыдную неволю?... Лучше смерть, чем подчинение этому позору.

В соответствии с этими сильными чувствами, — продолжали они, — передававшимися от одного человека к другому и поразительно быстро распространявшимися, во всем этом крае образуется грозная конфедерация, сборный пункт которой — Перонн, конфедерация тем более грозная, что в столь крупном округе нет

* Тогда люди высказывались, и были жалобы по поводу декрета от 25 января, постановлявшего продолжить взимание косвенных налогов и въездных пошлин.

почти ни одного человека, который не был бы готов вступить в нее. Повсюду говорят: если кто-нибудь осмелится произнести позорные названия косвенных налогов и соляных податей, если те, кому мы доверили нашу власть, воспользуются ею для того, чтобы нас предать, восстанавливая ненавистные платежи, если они попытаются вооружить против нас тех, кто должен сражаться только вместе с нами и за нас, что ж, мы скорее погибнем, чем покоримся необходимости кормить плодами наших полезных трудов вопиющую праздность вампиров народа.

Неужели, — продолжали жители Руа, — неужели под мнимой властью добрых законов, которые нам обещают уничтожение всех злоупотреблений, мы увидим, как по-прежнему допускается существование самых нелепых принципов? Казне безразлично, каким образом я использую свой земельный участок. Только бы я платил свой поземельный налог, больше ее ничто не интересует. Но, по старому порядку, если я посеял пшеницу, то после уплаты мной поземельного налога с моей пшеницы ничего не взыскивается. Если я посажу на своем участке яблони, виноградные лозы, табак, я также плачу поземельный налог, и затем я также больше ничего не плачу, если я съедаю свой виноград и яблоки в их естественном виде. Но, если я вздумаю выжать из них сок, то тот, кто будет пить ликер, будет платить более или менее значительный налог. Меньше будут платить те, кто пьет у себя дома, а больше — те, кто пьет в кабаке». Какая же это справедливость?

Надо сказать, что все это написано с натуры и что мы рисковали бы ослабить эти идеи, если бы захотели изложить их иными словами. Общее направление умов описано так, что, кажется, физически слышишь то, что исходит из всех уст и что повторяется тысячи и тысячи раз во всех местах, где встречаются хоть два человека. С ходом времени своеобразный федеративный пакт приобрел согласие все бóльшего количества людей. И испытав облегчение в результате освобождения от откупов и косвенных налогов, люди с еще большим ужасом думают о вымогательских податях по мере того, как проходит все больше времени с момента, когда их самые жесткие законы были ограничены в своем действии.

Резкость их выступлений по вопросу о косвенных налогах и откупах говорит о том, что народ уверенно рассчитывал быть освобожденным навеки. Эти выступления дорого им обошлись, и они не хотели бы, чтобы их затраты оказались напрасными. Когда продвигаются вперед так далеко, то не для того, чтобы отступить, не встречая особенных препятствий. Они так твердо поверили в то, что освобождение необратимо, что в Пикардии окрестности Руа дали пример использования значительных территорий для культуры табака. Что же, разве ваши принципы свободы могли допустить сомнение в том, дозволено ли гражданину использовать свою землю по своему желанию? Оставляла ли ваша статья 13 Декларации прав возможность предполагать, что

казна может еще обладать исключительным правом производства табака? Конечно, нет. Пытаться ныне воскресить в этой области старые рабские идеи значило бы безо всяких оснований провоцировать вспышку гражданской войны. После девяти месяцев свободы, после девяти месяцев, в течение которых не переставали твердить слово «свобода», нет ничего более опасного, чем идти наперекор общей воле народа, стремиться вернуть его в рабство, под ярмо вымогательских инквизиции и тирании, заставить его терпеть восстановление того, что он с таким удовлетворением разрушил, подчинить его тому из налогов, чья раскладка очевидно наиболее несправедлива и связана с самыми огромными расходами по взиманию.

Мы доводим до вашего сведения о том крайне напряженном состоянии, которое создалось у нас, для того чтобы побудить вас предотвратить пожар. Можно быть уверенным, что пожар вспыхнет, если будут пытаться воскресить проклятый налог. Мы не считаем нужным скрывать от вас что-нибудь, ибо законодателю следует знать настроение тех, для кого вырабатываются законы. Создавать законы дело не такое уж трудное. Но чтобы хорошо их составлять, полезно предвидеть, окажутся ли они такими, чтобы характер и чувства того народа, который им будет подчиняться, позволили приводить эти законы в исполнение. Закон только тогда становится законом, когда он может соответствовать воле большинства тех, кто должен ему следовать, когда он дает им наибольшую выгоду.

Народ ждет от вас, господа, правил, основанных на справедливости. Он не забывает, что это он дал вам полномочия; что всякий уполномоченный должен действовать соответственно воле своего доверителя; что учредитель стоит выше учрежденного и что часто, когда речь идет о частном лице, и всегда, когда речь идет о всей нации, одобрение со стороны первого необходимо для обеспечения действий второго. Этот народ, господа, откажется исполнять только дурные законы. Нет надобности в солдатах, чтобы побудить его подчиняться хорошим законам. Но ни железо, ни огонь не испугают его ни на мгновение, если его захотят заставить принять другие законы. Мы рады возможности довести до вашего сведения об этом состоянии вещей, о котором все классы общества могли вас информировать. Быть может, это позволит избежать того, чтобы наш край, о справедливый боже! был залит кровью... Это могло бы случиться, если б попытались применить мнимые законы, идущие вразрез со статьей 13 Декларации прав, с декретом от 7 октября, духом которых столь глубоко прониклись все граждане. Да о чем говорить? Все наши солдаты, ставшие гражданами, повсюду и постоянно утверждают следующее: что они никогда не поднимут оружие против других граждан, против своих братьев; что они присягнули на верность нации и что они никогда не будут гнусными приспешниками откупщиков. Поэтому попытка заставить французов при помощи

солдат покориться несправедливым законам могла бы оказаться бесплодной. Дело идет тут, господа, о вашей доброй славе, дело идет о спокойствии всей нации, об урегулировании этих вопросов мирными и, главное, справедливыми средствами. Вернитесь к великим принципам вашей Декларации прав (статья 13) и вашего декрета от 7 октября и вы увидите, что эти средства у вас под рукой. Не давайте повода для того, чтобы могли сказать: какая нам польза от того, что были изданы эти столь справедливые декреты, если мы не пользуемся всеми теми благами, которые в них обещаны? Нам предлагают обождать. Но вот уже столетия, как нас изводят этими отсрочками, постоянно следующими одна за другой и никогда не кончающимися. Делайте добро, господа, и делайте его немедля.

Это добро можно совершить, только распространив действие вашего декрета об упразднении косвенных налогов, касающихся соли, кож, крахмала и т. п., только распространив действие этого декрета полностью на все остальные предметы, т. е. на табак, напитки и съестные продукты. Однако, спрашивают прежние привилегированные эгоисты, продолжающие отбиваться до тех пор, пока их окончательно не раздавят; однако, говорят они, какой же способ замещения будет установлен для этих последних налогов? Ответ: такой же, как для соли, для налогов на кожу, на железо, на масла и т. д. Все налоги, хотя бы их насчитывалось сто тысяч разных наименований, должны быть сведены в единый налог, который должен быть *разложен* (мы постоянно к этому возвращаемся) *на всех граждан соответственно их имуществу и их возможностям*.

Противники этого великого принципа, те, которые когда-то были довольны, что он еще не утвердился, нападают на него, используя всякого рода дурные средства за неимением хороших. Они опираются на рассуждения министра Неккера, который в одном из своих сочинений [50], расхваленном, как все от него исходящее, утверждал, что великий секрет государственных финансов состоит в том, чтобы незаметно, по частям изъять у народа те суммы, вымогательство которых возмутило бы его, если бы их вырывать единовременно; что способ перенести налог на предметы обычного потребления был замечательно придуман, что это был единственный способ сделать бремя налога незаметным, поскольку его платили каждодневно, *не зная этого*, и в условиях равенства, невозможного при всяком другом методе.

Отвратительная логика! «В условиях равенства, невозможного при всяком другом методе!» Да, в условиях такого равенства, которое вырывает, если пользоваться ходячим выражением, из кошелька последнего бедняка по меньшей мере столько же, сколько из кошелька крупнейшего туза, поскольку, как вы признаете, вы бьете только по продуктам повседневного потребления, т. е. первой необходимости, а всем известно, что взыскательный богач потребляет их гораздо меньше, нежели бедняк.

Да, конечно, если бы вы вырвали у этого несчастного в один прием все то, что вы берете у него незаметно, все, что вы у него выманиваете, что вы у него выкрадываете по частям, все, что вы его заставляете платить, не зная этого, он бы ужаснулся: это вымогательство привело бы его в возмущение. Но принцип, согласно которому каждый гражданин должен платить налог пропорционально своим возможностям, не потребует впредь от бедняка такой большой суммы: он будет платить только соответственно тому, что он имеет, вместо того, чтобы платить пропорционально тому, что он потребляет.

Вот тогда, действительно, бремя станет для него незаметным. Что бы вы ни утверждали, оно не было незаметным при вашем ужасном режиме. Те 12 су, которые вы сегодня вырывали за соль, 8 су, которые вы завтра выманивали с бутылки вина, и т. д., все это постоянно истощало бедняка. Только тогда, когда он будет нести бремя лишь единого налога, когда в течение года он будет выплачивать лишь столько, сколько позволят его средства, только тогда бремя налога не будет уже угнетать его, только тогда это бремя действительно станет незаметным.

А с вашей манерой *незаметно выманивать* вы были вынуждены содержать сто тысяч ваших чиновников, жалованье и вымогательства которых обходились народу в сумму втрое больше той, которая поступала в государственную казну. А ведь это еще было, как мы показали, только частью тех бед, которые их алчность обрушивала на самые несчастные классы общества.

А к вам, господа, мы опять обращаемся для того, чтобы протестовать против сохранения этой армии инквизиторов и вампиров. Мы очень много выиграем, когда нам не придется больше доставлять средства на выплату жалованья этому огромному множеству служащих, когда мы будем окончательно освобождены от этого ужасного бремени. Сохраняя налоги на табак и на напитки, вы сохраняете всю эту саранчу египетскую, вы не освобождаете нас ни от одного из этих прожорливых насекомых. Для одних только поборов с табака потребуется столько же служащих, сколько их было тогда, когда взимание этих поборов было соединено со взиманием налога с соли. Для взимания одного лишь налога с напитков потребуется столько же чиновников, сколько их требовалось, когда к этому было присоединено взимание всех других налогов, следовательно, расходов будет больше, а поступлений меньше. Пожалуй, когда-нибудь это может стать предлогом для попытки увеличения размера этих поступлений. Господа, необходимо отрубить гидре все головы. Вы знаете, что, если мы отрубим только несколько ее голов, нам грозит их возрождение.

Господа, одним из ваших предыдущих декретов вы отменили ненавистный режим обысков на дому, столь недостойно нарушавший должное уважение к человеку. Сохраняя косвенные налоги в части напитков, вы снова допускаете возможность профанации жилища граждан. Взимание таких налогов неосуществимо без

применения обысков. Честного человека по-прежнему будут унижать, притеснять, беспокоить в его собственном убежище — опять все та же отвратительная инквизиция!

Мы не можем предполагать, чтобы забота о сохранении этим множеством прожорливых субъектов их заработка могла в какой-то мере определить благоприятное для них решение, принятое Национальным собранием. Такой мотив не мог одержать верх над мотивом общего блага. Нельзя допустить, чтобы из-за какой-то симпатии к ста тысячам человек, всегда бывшим только орудиями угнетения, продолжалось угнетение и истощение двадцати пяти миллионов граждан. Сколь неуместна жалость, сколь странны речи такого рода: правда, это бичи общества, но вы лишаете их жизни, если вы отнимаете у них возможность насыщаться кровью народов, они иначе жить не могут. Это то же самое, как если бы сказали: этот убийца в своем бешенстве умертвит сто человек; однако не следует его убивать потому, что это было бы человекоубийством. Национальное собрание рассуждает совсем по-иному *.

Мы также считаем неосуществимой и выходящей за рамки ваших принципов, господа, ту часть закона от 22 марта, которая содержит постановление об уплате недоимок.

Неосуществимой, ибо прекращение службы чиновников управления косвенных налогов не дает возможности установить, сколько каждый торговец напитками продал их. Неужто мы будем блуждать по лабиринтам вероятностей? Неужто ныне, более чем когда-либо, мы будем увлекаться ложными расчетами, несправедливыми произвольными операциями? Какой линии поведения придерживаться в отношении множества частных лиц, воспользовавшихся с начала революции освобождением от налогов, устроившихся в качестве виноторговцев, кабатчиков, торговцев

---

* Чувства человечности должны распространяться на каждого человека. Совершенно справедливо, что мы не ведем себя как тигры даже в отношении тех, кто всегда причинял нам только зло. Мы отлично видим великий ресурс для всех, кто в старое время жил злоупотреблениями или занимался профессиями, бесполезными или зависящими от роскоши, а в результате революции остался без заработка. Сельское хозяйство должно выиграть от этого переворота. Сельское хозяйство!.. Почему бы и нет? Разве это не первейшее состояние человека? Пусть существа, достаточно опустившиеся, чтобы осмелиться утверждать, будто они вовсе не созданы для того, чтобы пахать землю, пусть они скажут, что они созданы для того, чтобы умереть с голоду. Но где взять земли, на которых все могли бы работать?.. Где?.. В церковных имуществах. Мемуар на эту тему вскоре появится. Если нация не использует этого ресурса надлежащим образом, то в самом деле Франция погибла. Здесь не место распространяться более подробно на эту тему. Однако можно еще добавить, что то, о чем мы размышляем, было бы осуществлением желания г-на Петиона де Вильнева,[51] который в свое время предложил внести в Декларацию прав человека статью, странным образом отклоненную. «Каждому гражданину, — писал он, — должно быть обеспечено существование либо благодаря доходам от его собственности, либо благодаря его труду и мастерству, а если увечья или несчастья обрекают его на нищету, общество обязано позаботиться о его пропитании».

всякого рода напитками и вызвавших вследствие конкуренции весьма значительное сокращение торговли у старых продавцов?

Выходящий за рамки ваших собственных принципов... То время, когда вы декретировали, «что все налоги и государственные повинности должны нести все граждане соразмерно и пропорционально своему имуществу и своим возможностям», должно быть временем наиболее полного применения этого великого правила. Это вовсе не значит придавать этому правилу обратное действие, и вы его применили таким образом при определении способа замещения налога на соль и других упраздненных налогов. И выплата замещения должна рассчитываться с того момента, когда было объявлено, что соотношение возможностей станет основой распределения налога между отдельными гражданами. Было бы невозможно покрыть другим способом дефицит, образовавшийся вследствие перерыва монопольной продажи соли, длившегося восемь-девять месяцев. Было бы невозможно разыскивать всех тех, кто использовал свободное проникновение в торговый оборот этого продукта. То, что людей, воспользовавшихся прекращением уплаты косвенных налогов, в это время найти несколько легче, отнюдь не позволяет быть несправедливыми по отношению к ним. Поскольку все налоги и государственные повинности должны были впредь оплачиваться только в соответствии с имуществом и возможностями, торговцы напитками не должны были считать себя обязанными платить что-либо сверх этого. Они включались в общий строй других граждан. Они не должны были думать, что будет восстановлен неслыханный принцип, требующий от них платы за то, что они занимаются данной профессией, а не другой. Было провозглашено упразднение привилегий и цехов. Следовательно, не надо было больше тратить деньги, чтобы приобрести право заниматься какой-либо профессией; по крайней мере так можно было предполагать. К тому же прекращение уплаты косвенных налогов не было только делом виноторговцев и продавцов напитков, это было делом всего народа в целом. Могли ли эти торговцы думать, что установление, уничтоженное руками всех жителей великого королевства, может спокойно остаться неразрушенным? Народ являлся сувереном — этот лозунг, ныне столь хорошо известный, не позволял им ни одно мгновение сомневаться в необходимости этого разрушения. Оно было повелительно продиктовано, говорят они, отчетливо выраженной волей, зафиксированной в совокупности наказов всех частей государства. Это был один общий крик, требовавший прежде всего этого упразднения. Такова была воля народа, чьи декреты священны, чье величие неприкосновенно. Такова воля тех, кто, изнемогая от всяких препон и притеснений и желая избегнуть уничтожения, которое было бы для них результатом слишком длительного несения непосильного бремени, заставили вспомнить о своих неотъемлемых правах и восстановили свою естественную энергию. Поэтому виноторговцы и продавцы напит-

ков не могли уже больше торговать с учетом косвенных налогов. Нельзя уже было взимать их с народа, поскольку они сами не платили их больше; это значило бы опять-таки выступать в роли вымогателей по отношению к этому народу. Это значило бы заслужить его смертельную ненависть и подвергнуться, быть может, великим опасностям с его стороны. Народ принял бы это за попытку заронить мысль, что не все убеждены в бесповоротном упразднении ненавистного режима. Наконец, это означало бы отказаться от всякой торговли, поскольку вновь обосновавшиеся торговцы, не будучи известными в управлении косвенных налогов и не имея оснований опасаться последующих розысков, могли легко снабжать потребителей вне зависимости от всякого возобновления косвенных налогов и, следовательно, стали бы единственными монопольными поставщиками.

Итак, помимо того, что со времени принятия Декларации прав человека виноторговец, пивовар, содержатель постоялого двора, кабатчик, продавец любых напитков должен платить не потому, что он торговец, и не пропорционально тому, что он продал, а потому, что он, как всякое другое частное лицо, гражданин государства, и что, как все другие, он должен платить только соответственно своему имуществу и своим возможностям; помимо этих соображений, говорим мы, было бы величайшей несправедливостью, совершенно разорительной для всех торговцев, требовать от них под видом недоимок уплаты сумм, которых они вовсе не получили от публики и которые невозможно было бы, после уплаты их казне, истребовать и получить обратно со всех тех, кому они продавали на протяжении девяти месяцев.

Итак, справедливость, важная забота об общественном спокойствии, принципы Законодательного собрания, даже самые интересы государственной казны — все требует того, чтобы после утверждения полного упразднения косвенных налогов и откупов и постановления о замещении их по образцу, принятому в отношении соли и других упраздненных налогов, замещение уплаты задолженности или недоимок для остальной части косвенных налогов производилось по тем же правилам, т. е. считая со времени начала революции. Ибо в это время и было впервые постановлено, что все налоги и государственные повинности какого бы то ни было рода будут выплачиваться всеми гражданами соразмерно и пропорционально их имуществу и их возможностям.

Господа, мы умоляем вас рассматривать настоящую нашу петицию как продолжение того мощного и неустанного сопротивления, которое наши кантоны всегда были настроены оказывать сохранению чего-либо, что было бы противозаконно. Они полагают, что смогут таким образом в большой мере способствовать срыву происков аристократии, старающейся возможно дольше поддерживать то, что вызывает ненависть у всех добрых граждан: они полагают достичь таким образом своей цели, заключающейся в том, чтобы скорее найти средства упразднить косвенные налоги.

Со своей стороны аристократия, падев маску патриотизма, может приписывать этому поведению преступные мотивы: в ее ядовитых устах это может дойти до бреда об анархии, уже не признающей ни законов, ни общественных обязанностей, ни подчинения государственным повинностям. В действительности же есть только стремление добиться распределения этих повинностей в той справедливой пропорции, в которой они должны быть распределены.

Поспешите же, господа, уничтожить возмутительные узы, возбуждающие наши резкие жалобы. Сделайте так, чтобы исчезла самая тень этого соединения ужасных притеснений; отправим все это снаряжение тем народам, которые хотят остаться рабами. Будем свободными, раз мы этого заслужили. Высокие депутаты, обеспечьте ваше торжество нашим полным освобождением. Когда это освобождение станет действительным (а сохранение вымогательского податного режима есть, пожалуй, главное к тому препятствие; это, быть может, даже единственное, что́, по мнению большинства французов, нарушает их свободу), все заговорщические силы напрасно стали бы объединяться, чтобы нападать на ваше творение. Народ-король непобедим. Такой народ обладает неисчерпаемыми богатствами. Когда вы уничтожите все притеснительные налоги, когда вы предпишете способ замещения их в соответствии с вашими добрыми принципами, в соответствии с принципами, из которых вы уже извлекли столь справедливые выводы, вы убедитесь, что мы весьма способны удовлетворять государственные потребности и ревностно об этом заботиться.

Господа, все французы вздыхают о том времени, когда они будут освобождены от ига этих налогов, вызывающих у них ужас и заслуживших наименование «бедственных». Сколько выражений благодарности получите вы в тот счастливый момент! Сколько областей поспешат наперегонки представить вам свою особую дань уважения! Да, среди благодеяний, оказанных вами нации, это больше всех других возбудит в сердцах чувство нерушимой взаимности. Народы никогда не забудут того счастливого времени, того благословенного дня, когда это достопамятное освобождение будет окончательно скреплено. О, если бы вы могли тогда, высокое собрание, иметь возможность быть одновременно повсюду! Вы пожинали бы благословения, вы разделяли бы безграничное ликование великой нации, всегда столь пылкой в проявлении своей благодарности к тем, от кого, как она полагает, она получила услуги, и которая не имела бы никогда более основательного повода излить свою благодарную радость, предаться самой трогательной чувствительности, отдаться безудержно всем столь ей присущим прекрасным порывам души.

Мы полагаем, господа, что все выраженные в этом обращении настроения разделяются нами с очень большой частью жителей французского государства[52]. Все эти народы, которых хотели оклеветать, в действительности взывают лишь о добрых законах.

Опи их, конечно, получат, мы в это искренне верим. Тогда их найдут, несомненно, очень мирными, рассудительными, привязанными к своим обязанностям граждан и знающими свои обязанности лучше, чем те, кто их чернит.

Нет никаких сомнений, что с моментом столь желанного освобождения связано полное спокойствие во всех частях этого обширного государства. Именно тогда прекратятся все вопли и ропот, направленные против досточтимого сената Франции. Доверенные нации, вот чего (и мы настоятельно вам об этом напоминаем) больше всего требуют от вас все ваши доверители, вот что мы все особенно старались подчеркнуть в тех полномочиях, на основании которых вы действуете. Вот что говорит по этому поводу откровенный и великодушный пикардиец: режьте, рубите, ломайте, разбейте, господа, эти проклятые косвенные налоги и соляные пошлины, а затем потребуйте наши тела и наши имущества для спасения государства — мы принесем их в жертву с величайшей радостью.

Пребываем с почтением

ваши покорнейшие и преданнейшие слуги, коммуна и жители...

1790

Г-НУ ДЕВЕНУ, КНИГОТОРГОВЦУ-ТИПОГРАФУ В НУАЙОНЕ

Руа, 10 мая 1790 г.

Ваше вчерашнее письмо, дорогой мой приятель, вызвало у меня довольно сильное раздражение против следственного комитета. Я не стал терять время и написал туда письмо, отправленное сегодня утром, копию коего я рад приложить к сему [53].

Я соберу у различных заинтересованных лиц те 45 ливров и отправлю их Вам, если не доставлю их сам, ибо я определенно рассчитываю навестить Вас не позднее, чем через четыре дня. Мне только надо закончить одну начатую небольшую работу, я рассчитываю, что мне удастся это сделать завтра. Стало быть, в среду или четверг я Вас заключу в объятия.

Я был бы весьма огорчен, если бы Ваш журналист перестал писать. Сохранилось ли при новой подписке прежнее число подписчиков? Потеря этой клиентуры была бы для Вас весьма чувствительной, и я искренно разделил бы Ваше огорчение.

Во время моего пребывания в Сен-Кантене я был у некоего г. Муро, книготорговца, недавно обосновавшегося в этом городе, а ранее торговавшего книгами в Париже, на набережной дез Огюстен, рядом с Гарнети. Я пошел туда, чтобы посмотреть газеты и разузнать новости, чтобы провести время. Он говорил мне о Вас и о брошюре, которую, по его словам, он Вам дал для напечатания, и автор которой — некий де Во. Это дало мне повод заговорить с ним о нашем проекте корреспондентской газеты, и

я объяснил ему, в чем заключается этот план, показав ему проспект шартрской газеты. Он мне сказал, что это, пожалуй, очень хороший проект и что он не исключает возможности доставить нам через несколько месяцев в одном только городе Сен-Кантене от четырех до пяти сот подписчиков. Затем он доверительно сказал мне, что он вскоре станет также и типографом, и показал мне новую печатную машину с совершенно новым шрифтом, но только одного типа, т. е. литеры Дидо с очень крупным очком, и то, что Вы, кажется, называете «цицеро с крупным глазком».

Затем я справлялся насчет корреспондента для Сен-Кантена. Мне указали одного, с которым я встретился, и, насколько я могу судить, он должен нам подойти. Он указал мне возможных других корреспондентов для городов Гиз, Суассон, Лан, Шато-Тьерри, Камбре, Валансьен и т. д. Со своей стороны у меня есть на виду люди для Перонна, Руа, Мондидье, Бретей, Амьена, Дулана, Абвилля. Со своей стороны Вы их подберете для Нуайона, Шони, Компьена, Санлиса, Бове и т. д. Ибо для газеты такого характера, как «Корреспондент», нужно обязательно иметь много корреспонденций. В среду или четверг Вы увидите мой проспект, и, если Вы не передумали, мы его напечатаем.

Вы спрашиваете, хорошо ли я съездил. Я нашел в Сен-Кантене откупщиков, взбешенных «поджигательным пасквилем». Понадобилось вооружиться мужеством и некоим образом сыграть роль маленького героя, чтобы выйти из положения живым и здоровым. Я Вам все это расскажу, когда у нас будет время поговорить. Надо признать, что порода финансистов никогда не издавала таких воплей, как после появления петиции: они восприняли это как страшный удар, и мне, конечно, следует остерегаться их отчаяния.

В Сен-Кантене, как и в других местах, я был осыпан комплиментами с ног до головы, но этим дело и ограничилось. Не подобало просить чего бы то ни было. Но мне намекнули, что надеются достигнуть удачи, что если это осуществится, то дождь золота прольется надо мной, но что и в противном случае мое рвение все же получит признание. Только жители Перонна дали мне задаток, но задаток, показывающий, что мой труд был оценен поварами. Ничего не поделаешь, мой дорогой приятель, людей не перелицуешь как платье, их надо принимать такими, какие они есть.

Что до остающихся у Вас 600 [экземпляров], я кое-что придумал. Разошлем их через разносчиков по некоторым известным мне местам и по адресам, которые я Вам укажу, и мы их без особого труда продадим по 12 су штука. Таким образом, разносчик заработает, и мы тоже, и, с другой стороны, это тоже будет способствовать успеху произведения, несмотря на аристократическое противодействие следственного комитета.

Пожалуйста, ответьте мне завтра, хотя бы несколькими словами.

Привет и благословение во господе нашем Иисусе Христе на Вас и на все Ваше потомство.

Бабеф

ГОСПОДАМ ЧЛЕНАМ СЛЕДСТВЕННОГО КОМИТЕТА НАЦИОНАЛЬНОГО СОБРАНИЯ [54]

Господа!

С тех пор как в Париже была восстановлена свобода, любой гражданин получил возможность, прислушиваясь к откликам общественного мнения на вопросы, вызывавшие общие жалобы, стараться уловить суть этого мнения и придать своей работе форму и заголовок «Предложения». Он приносил это «Предложение» в свой дистрикт. Если там его принимали, то его отправляли во все другие дистрикты. Если большинство из них его принимало, тем самым становилась известной общая воля.

Совсем недавно один знакомый мне гражданин прислушался к общественному мнению по вопросу о косвенных налогах и откупах. Он постарался точно уловить суть этого мнения. Он приложил старания к тому, чтобы точно передать услышанное им. Он придал своей работе форму предложения и так ее и озаглавил. Он прочитал это «Предложение» своим согражданам. Оно было принято. Его разослали во многие коммуны провинции. Большинство из них приняло его. И этот гражданин был рад, что выразил общую волю.

Первые авторы «Предложений» неизбежно должны были сообщать свои мнения другим. А между тем сейчас хотят вменить в преступление составителю петиции о косвенных налогах и откупах тот факт, что он распространил свои мнения. И различные средства были применены для того, чтобы воспрепятствовать многим коммунам в отправке в адрес Национального собрания сообщений об их присоединении к упомянутой петиции. Стало известно, что приняты также меры к ослаблению действия тех сообщений, которые дойдут до Национального собрания. Наконец, муниципалитет той местности, где это сочинение было напечатано, получил недавно от следственного комитета приказание наблюдать за тем, чтобы впредь это сочинение, квалифицируемое комитетом как «поджигательный пасквиль», не поступал более ни в печать, ни в продажу.

Итак, с одной стороны, мы видим, как принимаются меры к тому, чтобы препятствовать гражданам в доведении истины до сведения собрания представителей народа! Мы видим, что *свобода слова, свобода распространения мыслей и мнений* уже не более как химера! Мы видим, что при посредстве муниципалитетов, с разрешения следственного комитета восстановлены инквизиция над печатью и самая жесткая цензура.

Но что особенно примечательно, это квалификация «Петиции» как «поджигательного пасквиля». Пасквиль не такое сочинение,

составитель которого открыто выступает. Это не такое сочинение, под которым все спешат поставить свою подпись. Иначе надо было бы допустить, что все примкнули к заговору пасквилянта; но тогда не было бы уже ни заговора, ни пасквиля. Ибо раз человеку удается сделать всех своими соучастниками, то уже нет соучастия: воля первого инициатора стала общей волей. Общая воля является законом.

Но кто же этот составитель, который так открыто выступает? Тот, кто подписал это сочинение, кто хочет отстаивать свой мнимый пасквиль и вступить в дискуссию.

Прежде всего полезно напомнить, что это сочинение, ныне именуемое поджигательным, не рассматривалось как таковое 20 февраля. Когда эта петиция была послана в рукописи одним только городом Руа в адрес комитета докладов, председатель этого комитета аббат Грегуар ограничился следующим ответом: «Ошиблись в истолковании смысла декретов Национального собрания те, кто в обоснование требования об освобождении от косвенных налогов и откупов ссылались на декрет, гласящий: «Все налоги и государственные повинности любого рода будут уплачиваться всеми гражданами соразмерно с их имуществом и возможностями», что, стало быть, Национальное собрание имело в виду только прямые налоги, а не те, которые ложатся на предметы потребления». Если бы мы потребовали от г-на аббата Грегуара объяснений относительно выражений декрета, мы, несомненно, поставили бы его в затруднительное положение. Но мы решили подождать, пока он получит от тысячи разных коммун заявления о присоединении к петиции города Руа.

И только когда эти заявления стали поступать одновременно, вздумали заклеймить сочинение, содержащее общую жалобу, как «поджигательный пасквиль». После того что мы уже сказали о свойствах, которые могут оправдать наименование «поджигательный пасквиль», мы не видим, в чем можно упрекнуть наше сочинение.

Уж не в том ли, что оно помогает гражданам понять, сколь важно для них требовать соблюдения того важного принципа, «что все налоги и государственные повинности любого рода будут уплачиваться всеми гражданами сообразно их имуществу и возможностям?» Мой ответ содержится в статье 13 Декларации прав человека и в подтверждающем ее декрете от 7 октября.

Уж не в том ли можно упрекнуть наше сочинение, что оно заявляет о намерении использовать и реально использует свободу слова? Мой ответ содержится в статье 11 той же Декларации прав.

Уж не в том ли, что оно жалуется на существование в Национальном собрании двух противостоящих друг другу партий и на то, что можно разглядеть, как там по очереди влияние оказывает то одна, то другая? Но депутаты-патриоты первые горько жалуются на это.

Уж не в том ли, что в нем излагаются великие принципы народного суверенитета? Но они закреплены также в Декларации прав, статьи 3, 6 и 14.

Уж не в том ли, что там идет речь о сопротивлении угнетению? Мой ответ опять-таки содержится в статье 2 той же Декларации прав.

Уж не в том ли, что в нем разоблачаются происки аристократии, направленные к тому, чтобы обмануть народы и нанести ущерб их интересам? За это я должен был бы ожидать только благодарности Национального собрания.

Уж не в том ли, что в нем горячо отстаивается дело бедняка против могущества и жестокости богачей? Я мог бы сослаться на все декреты Национального собрания, относящиеся к имуществам духовенства.

Уж не в том ли, что в нем дается грустный перечень всех бедствий, столь ужасно удручавших народ под бременем фискального режима?

Уж не в том ли, наконец, что он предупреждает Законодательное собрание об опасности и о невозможности восстановления взимания косвенных налогов и откупов? Когда в Сен-Кантен прибыли комиссары для восстановления взимания этих налогов, муниципалитет заявил им, что народ не желает больше платить их.

Таково, господа, краткое изложение составленного мной сочинения. Если вы утверждаете, что я этим совершил преступление, то революция создала лишь еще большее рабство. Повторяю: во времена деспотизма никогда не было столь открытого противодействия тому, чтобы граждане доводили правду до сведения тех, кто ими правит. Никогда недоверчивая администрация не прилагала столько усилий к тому, чтобы препятствовать распространению идей. Никогда беспокойная тирания не доходила в своих предосторожностях до того, чтобы решительно закрыть рот жалующимся. И еще никогда инквизиция над печатью, в сочетании с формальностями цензуры, не применяла столь жестоких приемов, как те, которые вы предписали муниципалитету города, где было напечатано осужденное вами сочинение.

Если такова та свобода, которую вы, господа, нам обещали, я не могу более быть полезным моим согражданам. Шлите ваших подручных; я буду рад умереть за правое дело.

Бабеф

солдат-гражданин, в Руа, в Пикардии

ПИСЬМО РЮТЛЕДЖУ

Из тюрьмы Консьержери при Дворце правосудия [55]

22 мая 1790 г.

Милостивый государь!

Вы, наверное, припоминаете, что несколько лет тому назад (кажется, в 1785 г.) Вы познакомились через посредство г-д Одиффре и Девена с неким г-ном Бабефом [56], прибывшим тогда впервые в Париж, чтобы представить проект лучшего способа раскладки всех налогов и государственных повинностей. Этот проект был озаглавлен «Постоянный кадастр». Он был предложен Вам на рассмотрение, и Вы, милостивый государь, отметили в нем идеи патриотизма и общественного блага, которые Вас обрадовали. Вам даже угодно было проявить интерес к обеспечению успеха проекта, Вы исправили его стиль и взяли на себя представить эту рукопись министерству. Полагаю, что сказанного достаточно, чтобы Вы могли меня теперь узнать. Да, именно я пишу теперь из тюрьмы, куда я брошен на основании декрета об аресте. Вот краткая история этого злосчастного происшествия.

Обладая от рождения крайне чувствительным, сострадательным и философическим характером, я всегда больше думал о том, как быть полезным другим, чем о себе. Поэтому после того как я расстался с Вами, я не переставал думать о том, как мне подарить моим согражданам мой проект «Постоянного кадастра». Я осуществил это свое желание в прошлом году, в момент революции, отпечатав свой «Кадастр». И я полагал, что достиг этим путем того, что, с одной стороны, доказал возможность определения основания и раскладки всех налогов самым справедливым образом наиболее пропорционально возможностям каждого гражданина, а с другой стороны, установил такой метод кадастра, который освобождал администрацию от крупных расходов, поскольку я избегал необходимости составления каждый год новых списков, ибо мой кадастр, один раз составленный, мог служить вечно. Таким образом, я высказался должным образом как сторонник и защитник законной и справедливой уплаты налогов. Кто мог бы подумать, что сегодня я буду обвинен в том, что я — один из главных зачинщиков, способствовавших тому, чтобы некоторые из этих налогов не уплачивались надлежащим образом? Я дал Вам, милостивый государь, подробные сведения о моем «Кадастре» потому, что происхождение моего дела вполне может быть связано с этим. Я сразу же перехожу к главным обстоятельствам этого дела. В Пикардии с момента революции почти всюду прекратили уплату косвенных налогов. Будучи известен в этом краю как составитель различных петиций, за которыми публика ко мне обращалась, я получил поручение от общества трактирщиков города Руа составить для них обращение к Национальному собранию с просьбой о том, чтобы оно соблаговолило скорее при-

нять решение по вопросу о косвенных налогах. В этом обращении я выражал исключительно патриотические принципы. Я сформулировал в нем конституционный принцип раскладки всех налогов пропорционально возможностям. Я напомнил о свободе слова и разоблачил в этой связи жестокость режима косвенных налогов и откупов. Я говорил там о наличии в Национальном собрании двух партий, из коих одна препятствовала принятию хороших законов. Я также сформулировал принцип народного суверенитета, принцип сопротивления угнетению. Я подробно говорил там о происках аристократии. Я отстаивал дело народа против несправедливости и жестокости богачей. Я дал там скорбный перечень всех бедствий, вызванных финансовым режимом, столь болезненно угнетающим народ. Я предупреждал о том, сколь опасно и невозможно восстановить косвенные налоги и откупа. И что же, все это пришлось не по вкусу аристократии, и когда мэр муниципалитета Руа, знавший об этом обращении, вызвал меня по этому поводу на словесное сражение, я счел долгом произнести на заседании муниципалитета в свое оправдание речь, в которой то же обращение было воспроизведено почти полностью, лишь с некоторыми добавлениями, объяснявшими чистоту моих намерений. Эту речь, подписанную мной, я оставил в муниципалитете, и, как это ни невероятно, именно на основании этого документа, который муниципалитет Руа переслал в управление косвенных налогов, последовал декрет о моем аресте и содержании в заключении.

Поскольку Вы и сами испытали несчастья [57], я осмелился, милостивый государь, рассчитывать на Вас, как на моего защитника и советника. Я указал на Вас как на такового моим судьям, и они Вас назначили. Вы всегда были адвокатом угнетенных, согласитесь быть им и в этом случае. Это дело, наверное, станет знаменитым и по своему содержанию и по тому, как в нем будет действовать защита. Предвижу, что там немало придется сказать о все еще существующем влиянии деспотизма. Простите, милостивый государь, меня торопят, я буду Вас ждать завтра в девять часов утра; это время, когда я должен подвергнуться первому допросу, к которому я не хотел бы приступить без Вас [58]. Вот что я скажу в ожидании того, как объяснятся мои судьи, и я считаю долгом познакомить Вас с этим.

Соответственно правам человека вся полнота власти пребывает по существу в нации, которая делегирует ее по своему усмотрению. По нашей новой конституции нация обладает властью учредительной, Национальное собрание — властью законодательной, король — исполнительной властью, а судебная власть разделена между особой палатой парламента для обыкновенных гражданских и уголовных дел и судом Шатле для обвинений в государственных преступлениях. Делегирована ли какая-нибудь часть судебной власти податному суду? Представляется, что этот вопрос должен быть выяснен до перехода к производству по делу. С полней-

шим доверием и самой пламенной надеждой на то, что Вы придете мне на помощь и что Вы предвосхитите то множество вещей, которое я бы Вам сказал о важности этой услуги, если бы мне предоставили больше времени, имею честь пребывать... Отвратительная интрига является причиной всего того, что со мной сейчас происходит. Если у Вас уже зародилось против меня какое-нибудь предубеждение, то это также было бы делом злобы моих врагов. Они изобразили меня дурным гражданином, потому что ранее я их разоблачил как дурных граждан, потому что я сорвал завесу с их, направленных против нации, заговоров. Милостивый государь, я смею сказать это с гордостью, я — человек, исполненный чувствительности и патриотизма, чистых, разумных и просвещенных. Они грубо извратили факты, злобно исказили самые невинные поступки. О, когда меня увидят таким, каков я есть, и сопоставят с тем, каким они меня представили, какая будет разница между этими двумя картинами!

ПИСЬМО РЮТЛЕДЖУ

24 мая 1790 г.

Милостивый государь, с третьего дня и до полудня вчерашнего дня я просил разыскивать Вас, и, наконец, благополучно отыскали Ваше жилище. Сегодня утром мне хотели учинить допрос, но его ограничили указанием имени, положения и адреса, потому что после этого я потребовал отложить дальнейшее до того, когда я смогу встретиться с моим адвокатом, которого, как я заявил, я еще не смог разыскать. Это встретило некоторое сопротивление, но я энергично настаивал, доказывая, что не может быть таких обстоятельств, которые лишали бы меня преимуществ нового закона. Мое требование было удовлетворено. Но я нахожусь в одиночном заключении и без всякого утешения! Я получу его, милостивый государь, только тогда, когда я Вас увижу. Поспешите же, умоляю Вас, доставить мне возможность насладиться этим счастьем! Зная, сколь чувствительна Ваша душа, я уверен, что Вы не заставите меня долго томиться в ожидании. Моя душа затрепетала, когда я узнал, как сильно г-жа Мейер[59] была взволнована, читая мое первое письмо. Это единственное, что могло отвлечь меня от скорби, которую я испытываю с тех пор, как я в заключении; не потому, что я чего-либо опасаюсь, но потому, что я оставил супругу и детей в печали, беспомощных и в жестокой тревоге, внушаемой им их нежной любовью. Это счастье — быть любимым теми, кто нас окружает, но, милостивый государь, страдания становятся еще острее, когда мы знаем, что они страдают от наших бед, причем гораздо больше, чем страдаем мы сами. Рассыльный — человек простой, но того, что он рассказал мне, достаточно, чтобы я мог представить себе, какое большое участие г-жа Мейер приняла во мне. Это хорошая

примета, говорящая о том, что все гуманные и чувствительные души отнесутся ко мне с сочувствием. Я не был в неведении, что Вы, милостивый государь, еще находитесь под угрозой применения некоего декрета [60], но это соображение отнюдь не остановило меня в моем намерении, когда встал вопрос о выборе защитника для меня. Наоборот, решил я, кто сам несчастен, тот более расположен помочь тому, кто в беде. К тому же я не думаю, чтобы у Вас были основания опасаться чего-либо, если Вы пойдете навстречу моему заветному желанию. И если бы понадобилось, чтобы я написал моим судьям или чтобы я предпринял какие-либо другие шаги для обеспечения Вашего спокойствия, скажите только, и я сделаю все, что нужно будет сделать. Впрочем, мне стало известно, что Вы находитесь под защитой дистриктов, наиболее преданных правому делу, и что поэтому Вам не нужно ничего опасаться. Я не могу ничего начать без Вас, и я смогу сделать все, когда я увижусь с Вами. Придется применить различные смягчающие средства, и в их числе — такие, которые смогут обеспечить мое скорейшее освобождение. Вы будете моим руководителем в выборе средств. Есть солидные люди, которые охотно занялись бы моими делами, но Вы мне скажете, самый ли это подходящий путь, которым я должен воспользоваться. Итак, милостивый государь, приезжайте сюда, скажем больше: я Вас жду настоятельно, приезжайте, чтобы вернуть мне жизнь, коей уже нельзя наслаждаться в этих мрачных местах, приезжайте.

Имею честь пребывать, с чувствами, которые Вы внушаете...

ПИСЬМО ЛОРАГЕ [61]

Париж, 25 мая 1790 г.

Милостивый государь!

Я оказался здесь в результате отвратительной интриги в связи с патриотической петицией, которую Вы видели у г-на Девена. Шесть дней тому назад среди ночи я подвергся нападению, был исторгнут из моей постели и из лона моей семьи наемниками, состоящими на жаловании у податного суда, который ожесточенно меня преследует. Для меня это убийственный удар, от коего я не оправлюсь, если мне не придут на помощь. В моем печальном воображении возникает одновременно множество предметов, склоняющих к отчаянию. Я — в руках у тех, кого я довел до бешенства, подрывая фундамент их заведения. Я оставил жену и детей в нужде, потому что отсюда я не могу получить того, что мне следует в нескольких местах, и не могу продолжать добывать средства к существованию. Будучи без денег в момент моего ареста, вынужденный произвести большие расходы на путешествие моей жены, расходы на устройство в этом мрачном месте, расходы на адвоката и на защиту, я уже стою перед большими трудностями в обеспечении хотя бы полупочтенного существо-

вания в моем жалком заключении. Мои жгучие страдания довершает то, что я лишен возможности способствовать моими трудами общей пользе.

Я не имею чести знать Вас, милостивый государь, но то, что я знаю о Ваших добродетелях и о Вашей любви к людям, возвышающихся над общей сферой, побуждает меня думать, что Ваша чувствительность должна быть еще более тронута, когда Вы их видите в несчастье. Я направил к Вам из Парижа мою жену и сына. Она Вам представит этого сына, чье счастливое детство заслуживало бы, быть может, лучшей судьбы. Простите меня, милостивый государь, я — отец, я не могу перестать умиляться, думая об этом юном отпрыске. Я полагаю, что я не ослеплен своим отцовским чувством, изображая Вам его как от природы очень хорошего ребенка. Вы не найдете у него тех блестящих качеств, которые на первый взгляд ослепляют, но в атмосфере семейного общения философ мог бы заметить его ум и любезную простоту природы. Ребенок, пожалуй, слишком привлекательный, ребенок, чье неведение (он еще не знает ни одной буквы) делает тебя более знающим, чем все те, чей ум уже измучили в этом возрасте! Не означает ли жестокое испытание несчастьем, которое ты проходишь в столь раннем возрасте, что тебе суждено столкнуться с большими и суровыми препятствиями, выпадающими на долю людей выдающихся. Милостивый государь, я никогда не забуду того мучительного момента, когда меня вырвали из объятий этого невинного существа, случайно спавшего со мной, и он дал волю своей чувствительности: он издавал крики, его жалобы смешивались с проклятьями против сбиров, напавших на меня на его глазах, и с выражениями отчаяния, обостренными сыновним чувством, которое трудно себе представить. Нет, милостивый государь, даже лучшие поэты не в силах описать подобную сцену. Он не может утешиться, бедный ребенок, он потерял 99/100 своего веселья; он все добивается быть заключенным в тюрьму вместе со своим отцом. Я попросил моих тюремщиков об этой милости, но они, бесчувственные, отказали мне в этом.

Милостивый государь, мое дело меня не тревожит. Оно не может оказаться серьезным. Но я нахожусь в лабиринте, из которого не могу выбраться без энергичной помощи. Я сейчас попрошу Вас о многом сразу. Сможете ли Вы отказать мне хоть в одном? Нет, Ваше любящее сердце склонит Вас к тому, чтобы вкусить от удовольствия, испытываемого, когда делаешь доброе дело. Использовать все связи, которыми Вы можете располагать (а я знаю, что Вы многих можете заинтересовать моим делом), чтобы добиться моего освобождения из-под стражи, одолжить сотню экю моей жене, чтобы она могла справиться с расходами на содержание себя и меня, с путевыми и другими расходами до того времени, когда я выйду на свободу, — вот те великие услуги, которых я жду от Вашей добродетельной и сострадательной души. Люди созданы, чтобы помогать друг другу. О, если бы я мог когда-

нибудь доказать Вам, милостивый государь, свою признательность за столь важные благодеяния! Когда благодаря этой помощи я буду возвращен к жизни, я ее посвящу, будь это даже в тюрьме, если бы мне пришлось провести в ней некоторое время, служению общественным интересам, чему, по-видимому, и Вы уделяете особенное внимание. Мое мужество не подавлено тем, что я нахожусь в заключении. У меня на кончике пера совершенно готовый план, как распорядиться церковными имуществами, который мог бы соблазнить многих. Он, пожалуй, задержал бы осуществление проекта распродажи и оказался бы гораздо более выгодным как для государства, так и для отдельных лиц.

Имею честь пребывать с полным доверием и с чувствами, которых Вы заслуживаете.

ПИСЬМО КЛЕМАНУ [62]

Париж, 26 июня 1790 г.

Г-н Милле де Гравель [63] передал мне, что господа из податного суда желали бы знать, не знаком ли я в Пикардии с кем-нибудь, в ком я был бы уверен, как в самом себе, и кто обладал бы достаточным влиянием на умы, чтобы достигнуть общего согласия на восстановление взимания налогов в ожидании последующего постановления Национального собрания. Я имел честь ответить ему, что в этом деле я мог бы доверять только самому себе и что, поскольку я всегда желал только делать добро, я буду рад способствовать тому, чтобы государство не потерпело ущерба в поступлении его доходов; что, по моему мнению, самым эффективным было бы выпустить печатный циркуляр, подписанный мной, в котором я бы объяснил, как надо понимать составленную мной петицию, и доказал бы, что она никогда не предрешала, что не надо платить косвенных налогов до того, как Национальное собрание примет решение по этому вопросу; что эта петиция была только ходатайством к нашим представителям об ускорении издания декрета, определяющего способ замещения, принимая во внимание опасность создания огромной пустоты в государственной казне и опустошительной войны в провинции, которую крайние настроения умов делают почти неизбежной. Я добавил, что уважение, которое моим землякам угодно мне оказывать, преимущество, которое. . .*

* *На этом рукопись обрывается.*

ПИСЬМА, ОПУБЛИКОВАННЫЕ В ГАЗЕТЕ МАРАТА «ДРУГ НАРОДА»

НОВОСТИ, СООБЩЕННЫЕ АВТОРУ *

Сегодня, 16 июня, в три часа утра ворота Консьержери раскрылись перед взводом судейской полиции, который привел с собой семь граждан и одну гражданку из квартала Куртиль, предместья Тампль. Их схватили ночью, когда они спали в своих кроватях. Этих несчастных поместили каждого в отдельную темницу, на них надели кандалы и приняли все возможные меры предосторожности, чтобы лишить их возможности с кем-нибудь общаться.

В чем их обвиняют? По чьему приказу их арестовали? Почему судейская полиция, а не национальная гвардия? К чему все эти варварские меры предосторожности, вторжение в жилища под покровом ночной темноты, чтобы вырвать из объятий сна этих несчастных, спокойно и безупречно живших в лоне своих семей? Кто позволил принести туда тревогу, страх и горе? К чему это страшное вторжение во мраке? Зачем эти кандалы, эти мрачные темницы? К чему эта изоляция каждого узника от всех живущих? Почему, почему, почему?... Важные вопросы, продиктованные этими вызывающими тревогу актами деспотизма и варварства, и на которые каждый гражданин ждет ответа [64].

СВЕДЕНИЯ, ПРИСЛАННЫЕ ИЗ КОНСЬЕРЖЕРИ *

Нет, то дело, о котором мы сообщили 19-го сего месяца, это не случайная мера возмездия против нескольких отдельных лиц, которые могли не понравиться вампирам фиска. Поступившие к нам новые сведения показали, что это подлинный заговор против всей нации, совершенно новый план контрреволюции. Утверждают, что уже выпущено от пятисот до шестисот приказов об аресте парижских граждан под тем предлогом, что они участвовали в сожжении застав 12 июля 1789 г. Это будет осуществлено не сразу, с тем чтобы не привлекать внимания и не вызывать затруднений; будут арестовывать постепенно и всегда под покровом ночной темноты; решено поступать именно так. Вчера, 18-го, в два часа утра заточили в Консьержери еще четырех мужчин и одну женщину из квартала Куртиль. Поразительно, что для участников этого важнейшего события, давшего нам возможность завоевать свободу, избрали те же самые темницы — или, вернее, гробницы, — в башнях, которые были сооружены для заключения Дамьенов [65] и других знаменитых злодеев. Нельзя не задуматься также над тем, что несчастных, которые были арестованы 16 июня, повели на первый допрос с кандалами на руках. Что стало с ве-

---

* *Заголовок, данный Маратом.*

ликими принципами, согласно которым, пока обвиняемый не признан виновным, он считается невинным, и с ним должны обращаться соответственно? Почему эти жертвы ведут на допрос в семь—восемь часов вечера? Ясно, что боятся гласности! Но преданным судьям, находящимся на службе у вымогателей незаконных податей, дозволено безнаказанно издеваться над самыми священными законами на глазах у законодателей и в тот момент, когда провозглашены эти законы, гарантирующие честь, жизнь и свободу граждан... И французы терпят, чтобы наемники этого проклятого отродья издевались над самым святым в конституции, стоившей стольких усилий и опасностей! Граждане, как можете вы оставаться спокойными наблюдателями жестоких заговоров, затеваемых против вас? Как можете вы до такой степени заблуждаться, чтобы считать обеспеченной вашу свободу, когда все вам подсказывает, что она еще никогда не находилась в большей опасности? Читайте у наших патриотических писателей о тех поражениях, которые коварство мало-помалу наносит своим противникам, о тревожных успехах, которые вы могли бы предотвратить при большей внимательности и бдительности. Обычно в политике пользуются разными приемами, а потом забывают о тех, кто их применил; но если вы не придете на помощь тем, кто так хорошо вам служил, вы покроете себя позором, и ваши противники, пользуясь этим трусливым отступничеством, соберут свои силы, чтобы одного за другим принести вас в жертву своей ярости. Ваши противники уже кощунственно наложили свою руку на форму национального гвардейца; среди арестованных в ночь с 17-го на 18-е оказался унтер-офицер национальной гвардии. Постыдное надругательство! Разве не пагубно давать им возможность унижать ваших защитников! Если гражданин унтер-офицер виновен, он, конечно, должен быть наказан, но что сделал он и его несчастные друзья для того, чтобы с ними обращались, как со злодеями? Чрезвычайное судопроизводство является актом тирании каждый раз, когда оно не вызывается соображениями общественной безопасности. Но чем оно вызвано здесь? Совершенным год назад мнимым преступлением, актом насилия, предприятием, принесшим спасение нации. Это запоздалое преследование никак не вызывалось необходимостью защитить общественный порядок и безопасность; оно может только поставить их под угрозу; это именно то, чего хотят ростовщики и чего следует избегать. А что еще им нужно? Их заставы восстановлены, их поборы взимаются беспрепятственно. Но кроме гражданской войны, которую они хотят разжечь, у некоторых их агентов есть еще и другие расчеты. Уничтожение реестров и приходных книг очень выгодно всем, кто ведет счета; видимость преследований мнимых грабителей необходима, чтобы оправдать подлинных преступников! Или одобрите все эти проделки или подумайте о том, как расстроить эти козни, которые беспрерывно нам подстраивают, чтобы вывести нас из терпения[66].

ДРУГУ НАРОДА[67]

Консьержери, 1 июля [1790 г.]

Поздравьте себя, милостивый государь, с тем, что Вы разразились громом над преступными головами наших гнусных откупщиков. Темницы, в которые варварски были заключены те, кого готовились принести в жертву эти кровожадные люди, открылись от одного грозного голоса мстителя за все покушения против граждан. Эти жертвы были переведены в менее ужасные помещения, кандалы с их рук были сняты, разрешено общение между ними и другими человеческими существами. Их больше не допрашивают по ночам; примите их благословения. Но где почитание закона! Когда в минувший вторник они предстали перед торгашеским трибуналом пяти главных откупов, осмелились удалить публику, которая собралась, чтобы присутствовать при допросе; осмелились объявить заседание при закрытых дверях. Крики возмущения напугали преступную орду; на следующем допросе это жестокое злодеяние не повторилось, но, чтобы усугубить скуку слушателей и сделать заседание абсолютно ненужным для обвиняемых, занялись повторным чтением жалобы генерального прокурора, и это по крайней мере дало возможность узнать всю абсурдность обвинений королевского инквизитора против граждан, виновных только по мнению этого неприкосновенного отродья вымогателей податей.

Низвергайте громы, милостивый государь, низвергайте их сызнова против этих последних надругательств, против этих последних проявлений презрения к нашим самым священным принципам, против бесстыдного попрания величия законов. Пришло время непрерывно бодрствовать и не давать спуску покушениям этой шайки привилегированных разбойников, которым государство было сдано в аренду. Дистрикты уже заступаются за этих одиннадцать заключенных. Многие из них предпринимают решительные меры, чтобы добиться освобождения этих мучеников доброго дела; воодушевляйте храбрецов, которые умеют воспринимать полезные истины, распространяемые другими храбрецами, умеющими извлекать из них пользу[68].

«ГАЗЕТА КОНФЕДЕРАЦИИ»[69]
№ 1
[июль 1790 г.]

ПРИЗЫВ К НАРОДУ

Об ужасном заговоре откупщиков и парижского податного суда, направленном против всех честных граждан столицы и королевства. Имена всех граждан, уже подвергшихся аресту, и совершенные над ними вопиющие издевательства. Невероятные акты варварства в отношении несчастных заключенных. Применение в обычных тюрьмах столицы усовершенство-

ванного режима Бастилии. Пренебрежительное отношение к предстоящему празднику Федерации 14 июля[70]. Беспечность или ослепление французского народа перед лицом всех этих злодеяний, направленных против его свободы.

Это, граждане, не одно из надоедливых сообщений, вроде тех, которыми аристократические политиканы при помощи нескольких подкупленных борзописцев тысячи раз вызывали у вас ложную тревогу и этим приучили вас, как на то и рассчитывали ваши враги, быть беспечными и ничего не остерегаться. Здесь, действительно, идет речь об ужасном замысле, в котором вы должны различить такие же, а может быть, еще более чудовищные, заговоры, чем те, которые сколачивались в эти же дни в прошлом году. Наши повседневные наблюдения над всем, что будет предшествовать, следовать и так или иначе относиться к патриотическому празднику Федерации или годовщине Французской революции июля 1789 года, мы хотим начать с разоблачения этих гнусных заговоров.

Граждане уже извещены о произведенных в ночь на 15-е и 17-е сего месяца арестах и заключении в тюрьму Консьержери одиннадцати лиц, проживающих в Париже и его окрестностях. Этим лицам генеральный прокурор при высшем податном суде предъявляет обвинение в том, будто бы они год тому назад совместно разрушили установленные королевскими откупщиками заставы. Уже говорилось о том, как произвольно и незаконно были произведены аресты этих лиц; о том, что к выполнению этой операции были привлечены слуги старого режима; что с заключенными обращались крайне бесчеловечно, что их, закованных в цепи, бросали в ужаснейшие карцеры; о том, что все свидетели, допрошенные в ходе следствия, были служащими откупов, преданными креатурами компании откупщиков; о том, что уже на первых допросах недостойно нарушались требования человечности и законов, поскольку обвиняемые приводились туда в семь-восемь часов вечера с кандалами на руках, и, наконец, что только по городу Парижу от пятисот до шестисот постановлений об аресте были заранее приготовлены генеральным прокурором высшего податного суда на пятьсот—шестьсот человек, там проживающих и впутанных откупщиками в дело о податных заставах. Высказывалось мнение, что затевать такое дело было столь же опасно, сколь неполитично, что те действия, которые были использованы как предлог для обоснования уголовного преследования, обернулись на благо родины, поскольку они были первым сигналом к битве за свободу, первым ударом революции, и тем самым эти действия получили признание нации. Указывали на то, что если подлежали розыску участники этой сцены, то с таким же основанием следовало бы разыскивать всех тех, кто участвовал во взятии Бастилии, всех тех, кто в июле прошлого года взялся за оружие для борьбы за свободу, всех тех, кто так или иначе приложил руку к тому, чтоб укрепить и сохранить эту свободу, всех

тех, кто в день 6 октября отправился в Версаль, всех тех, кто надел бессмертную кокарду — сей священный символ нашего возрождения. Отсюда, естественно, вытекает вывод, что, если бы так обстояло дело, вся Франция вскоре превратилась бы в пустыню и в огромное кладбище. Кроме того, далее будет показано, что это мнимое преступление есть лишь плод бешеной злобы откупщиков, стремящихся расправиться с гражданами, желания которых угрожали их столь пагубному для государства занятию, что эта затея направлена к тому, чтобы покрыть проделки некоторых мелких служащих, утверждавших, будто их касса подверглась ограблению, тогда как ворами были они сами, что она имеет целью разорить государственную казну огромными расходами на бесчисленное множество процессов, что подобным путем хотят запугать всех французов до такой степени, чтобы заставить их примириться с сохранением вымогательского режима или же толкнуть их на путь мятежных эксцессов, которые фискальная орда рассчитывает использовать для целей контрреволюции. По-видимому, всем этим обстоятельствам не было уделено того внимания, которого они заслуживают; похоже на то, что в них не разглядели признаков крупного заговора, а деспотические аресты рассматривались лишь как обыкновенное дело, направленное против людей, *по-видимому, виновных*.

Уточним здесь то, что еще не стало предметом гласности, прежде всего имена одиннадцати лиц, заточенных в Консьержери. Это все честные граждане, постоянно проживающие в Париже, дела которых в результате этой катастрофы могут прийти в полный упадок, если их оставить на произвол этих подлых и яростных пособников угнетения. Вот эти одиннадцать жертв: Жак Лефевр, по прозвищу Кер-де-Буа, виноторговец в Куртий; Эвтроп Кошуа, штукатур в Куртий; Туссен Клеман, возчик в Нижнем Куртий; Антуан Триве, по прозвищу Батай, виноторговец, улица Бланш, около улицы Клиши; Луи Марна, по прозвищу Ле Блон, виноторговец в Шайо; Дюбюиссон, возчик в Нувель-Фране; вдова Пикар, чесальщица шерсти для матрасов, проживающая в Пасси; Пьер Огюстен Кулонь, каретник в Мусо; Дени Обри, промышляющий откормом скота в Мусо; Жан Кюисе, виноторговец, проживающий по улице Кокенар, в районе Поршетон, национальный гренадер дистрикта Монмартра; и, наконец, жена сего последнего.

Итак, парижане! Это ваши братья, ваши друзья, ваши соседи, ваши сограждане, ваши товарищи, ваши соратники в дни революции, это поистине те, кто сделал первые шаги на пути к ее свершению. Могли ли бы вы десять месяцев тому назад беззаботно взирать на то, как они становятся добычей людей, разъяренных их усилиями положить конец самому жестокому грабежу, столь долго остававшемуся безнаказанным! Где же та энергия, которой вы славились! Неужели даже года не понадобилось для того, чтобы души ваши выродились и ваше мужество оказалось скованным? Неужели вы все те же, какими были при старом

JOURNAL
DE
LA CONFEDERATION.
(N°. I.)

APPEL AU PEUPLE

Sur l'effroyable conspiration des fermiers-généraux & de la cour des aides de Paris, contre tous les bons citoyens de la capitale & du royaume. Noms de tous les citoyens déja emprisonnés, & vexations criantes exercées à leur égard. Barbaries incroyables envers les malheureux prisonniers. Régime de la Bastille perfectionné dans les prisons ordinaires de la capitale. Nargue à la fédération prochaine du 14 juillet. Insouciance ou aveuglement du peuple français sur tous les attentats formés contre sa liberté.

CE n'est point ici, citoyens, une de ces annonces bourdonnantes, semblables à celles pour lesquelles la politique aristocratique s'est plue, à l'aide de quelques folliculaires soudoyes, à vous donner mille fausses alertes, qui bientôt vous ont habitués, ainsi que vos ennemis l'avoient prévu & desiré, à prendre tous les avis pour des terreurs paniques, & à ne vous mettre plus en garde sur rien. Il est vraiment question ici d'un plan horrible, & dans lequel vous devez appercevoir les mêmes trames, & de plus monstrueuses peut-être, que dans celui qui se cimen-

A

«Газета Конфедерации»

режиме? Неужели вы опять стали тем народом, все своеобразие которого заключалось в его легкомыслии? Неужели вы опять стали теми людьми, которых все нации находили смешными? Или патриотизм был для вас лишь временным увлечением, делом моды? И как понять, что вы, удовлетворившись тем, что в течение нескольких дней заставили ваших гнусных угнетателей дрожать от страха, вы опять позволяете им истязать вас, и вам как будто вовсе не надоели цепи? Сумейте же разглядеть в поведении этих якобы судей — преданных слуг гнусных лихоимцев — не простую выходку против нескольких частных лиц, которые им не угодили, а явное злодеяние против всей нации. И отнюдь не смешно будет объявить бесспорным фактом, что служащие откупщикам судебные крючкотворы решили предпринять всевозможные преследования против всех, кто действовал и кто писал в защиту революции. Они во всеуслышание заявляют о своем нелепом притязании захватить неограниченную юрисдикцию над всем королевством.

Отныне все части судебной власти будут им подчинены. Они уже взяли на себя функции суда Шатле по делам о преследовании за так называемые государственные преступления и начинают с того, что в точности подражают этому суду, гнусная жестокость которого сделала его ненавистным. Мы располагаем общеизвестными доказательствами того, что мы утверждаем. Разве эта торгашеская компания, продавшаяся откупщикам, не имела наглости допрашивать тех одиннадцать человек, которых она первоначально привлекла по обвинению в разрушении налоговых застав, разве, говорю я, она не имела наглости допрашивать их относительно экспедиции в Сен-Лазар? А во вторник, 22-го сего месяца, монахи этого монастыря были вызваны этими криводушными судьями на очную ставку с заключенными. Однако эти монахи заявили, что не знают их.

Но какое отношение имеет это событие к податному суду? Дело в том, что, по-видимому, нет оснований для того, чтобы допрашивать обвиняемых по более существенным вопросам. В самом деле, в жалобе генерального прокурора говорится лишь о том, что всем уже было известно, а именно о том, что все податные заставы столицы были разрушены, причем никто из виновных не указан. Постановления об арестах тоже не содержат указаний на какие-либо определенные действия, а только лишь простые подозрения в отношении лиц, поименованных в постановлениях. Даже свидетели, привлеченные следствием, хотя все это — люди продавшиеся, ибо все они — служащие управления откупов, тем не менее показали только, что видели, «как некоторые из подследственных лиц проходили в окрестностях застав, приходили и уходили». Разве не плачевно, что в среде народа, считающего себя свободным и возрожденным, производятся в судебном порядке столь варварские преследования, столь возмутительные преступления? О, вечно обманутый народ, смотри же, что происходит с твоей свободой вследствие

того, что эти гнусные юристы, рабы подлых лихоимцев и сами лихоимцы, с бесстыдной дерзостью издеваются над величием наших законов и выражают презрение к ним у тебя на глазах. Смотри, как эти люди с дурной репутацией бросают граждан в ужасные застенки и подвергают их жестоким наказаниям до их осуждения; смотри, как они боятся света и избегают взоров людей; они дожидаются ночи, чтобы вызвать этих угнетенных с кандалами на руках на первые допросы. Приходит день, когда, узнав об этих чудовищных делах, поднимают голос те, кто мстит тиранам, — писатели-патриоты. Угнетатели страшатся удара молнии, который может их поразить; застенки открывают свои двери под напором правды; обвиняемые содержатся в менее страшных местах; с их рук снимают кандалы; они могут общаться друг с другом и с другими людьми (эти облегчения свидетельствуют во всяком случае о том, что протесты защитников народа имеют определенное влияние и что тираны осмеливаются действовать лишь тогда, когда мы бездействуем!). Но есть другое, стократ более преступное злоупотребление: во время допросов продажные крючкотворы позволяют себе распорядиться о закрытии дверей зала заседания, чтобы таким образом скрыть всю гнусность своих юридических злодеяний. Где оно, уважение к законам? . .

Но в то время, как мы оплакиваем неотомщенное оскорбление, преступление, которому трусливо позволили свершиться в отношении тех наших братьев по оружию, кто сделал первые шаги на поприще нашей свободы, уверяют, что тесные застенки, эти могилы для живых, которых мы оттуда извлекли нашими громкими и справедливыми требованиями, что эти застенки опять повседневно заполняются новыми жертвами, также обвиняемыми все в том же пресловутом преступлении против нации. Принимаются самые тщательные меры предосторожности и все окружается непроницаемой тайной, дабы никакие сведения относительно этих заключенных не могли оттуда просочиться, что позволяет довершить весь этот ужас и держать людей в этих гибельных подземельях, не приступая к допросам в предписанные законами сроки. Придите же вы, граждане, слишком твердо уверенные в своей безопасности, придите посмотреть на эти преступные издевательства, превосходящие то, что вершили тираны Бастилии. Придите посмотреть на эти могилы, где некогда содержались такие, как Дамьен и подобные преступники, и в глубине которых ныне ваши братья горько упрекают вас за то, что вы их покинули и вообще за ваше беспечное отношение к судьбе родины, находящейся под угрозой многочисленных заговоров.

«Ты спишь, добрый народ, а Франция закована в цепи»... Этот патриотический возглас вдохнул мужество в людей, и плодом его был славный день 14 июля. Ныне мы готовимся отметить годовщину этого памятного дня. Давайте же оживим наши тогдашние чувства и стремления, если мы хотим достойным образом

отпраздновать этот день и не допустить, чтобы в результате обстоятельств, которые можно предвидеть, он стал бы днем нашего позора и началом торжества контрреволюционеров.

* * *

«Надо полагать, — говорил недавно в одном из номеров своей газеты один из историков революции, — что вскоре мы будем иметь историю Консьержери и Шатле, более интересную, нежели история Бастилии». Вот один факт, который уже подтверждает это пророческое заявление. В Консьержери содержатся 300 несчастных, которые терпят там — одни в течение года, другие в течение двух, трех и четырех лет — в ожидании суда над ними бесконечное множество бед, из коих наименьшей является лишение свободы. Не зная, когда же будет назначен суд над ними, они решились на прошлой неделе выразить свое нетерпение и заявить несколько жалоб. Им обещали, что в четверг, 23-го сего месяца, председатель палаты парламента, рассматривающей дела во время каникул, посетит тюрьмы для того, чтобы выслушать жалобы множества несчастных. Но один из надзирателей, этих бесчеловечных существ, обладающих как бы специально выкованными железными сердцами, произнес во всеуслышание слова, столь естественные в устах подобных людей. «Чтобы отбить у этих плутов желание жаловаться, — сказал он, — следовало бы приобрести хорошую плеть из бычьей жилы и почаще пользоваться ею».

Такие слова возмущают; и возмущение едва не произошло. Несколько булыжников было выкопано в тюремном дворе, чтобы дать ответ «человеку с плетью», как только он появится. Надзиратели и их помощники сразу же объявили это преступнейшим восстанием. Председатель палаты не явился. Вместо него перед окнами Дворца правосудия показался офицер национальной гвардии в сопровождении отряда национальных гвардейцев. Он приказал им зарядить свои ружья на виду у заключенных, после чего спросил последних, на что они жалуются. Один за другим высказались человек десять—двенадцать. Они жаловались на то, что не могут добиться суда над ними, что большинство из них предпочли бы умереть, чем дальше изнывать в тех ужасных страданиях, на которые обречены заключенные в Консьержери. Они показали выдаваемый им хлеб, недостойный служить пищей. Они сказали, что скаредность и жадность надзирателя простиралась даже на ту горсть соломы, которую им давали в качестве постели. Они добавили, что этот надзиратель перехватывал их переписку с адвокатами, оставлял у себя письма, которые они ему давали для передачи адвокатам. Им обещали принять во внимание их жалобы. На самом деле почти тут же в тюрьму вошел отряд в составе 20—30 конных жандармов, этих грубых наемников старой деспотии, которые тоже зарядили свои ружья на виду у всех заключенных и помогли отвести в карцеры 10—12 смельчаков,

позволивших себе жаловаться от имени всех. Пребывавшая перед окнами Дворца правосудия национальная гвардия спокойно созерцала это зрелище, равно как и стоявшая рядом толпа народа. Жалобщики и поныне заточены в этих местах скорби, и бог знает, когда они оттуда выйдут. Но ведь французы свободны, и философия изгнала из их среды всякую несправедливость!

«ГАЗЕТА КОНФЕДЕРАЦИИ»
№ 2
3 июля 1790 г.

Почти погасший патриотизм вновь оживает благодаря выступлениям нескольких мужественных граждан. Обстоятельства, позволяющие предсказать успех праздника Федерации. Первый шаг на пути к отмене позорного декрета о марке серебром. Похвальный шаг секции Назарет. Декрет, разрушающий губительный заговор откупщиков. Превосходное средство извлечения максимальной пользы для общества в связи с клятвой Федерации.

Призыв к пробуждению, с которым мы прямо выступили в нашем предыдущем номере, был лишь продолжением некоторых других более косвенных усилий, к которым побудил нас наш характер пылкого друга святой свободы, когда мы заметили несомненные признаки тревожного охлаждения, опасного уныния, равнодушия к самым ценным объектам общего интереса, когда мы увидели, что эти настроения охватили очень многих из наших братьев по оружию и соратников по правому делу. Мы полагаем, что можем уже радоваться некоторым успехам при виде благих перемен, свершившихся в самое последнее время. Смеем думать, мы не обманываемся, считая, что наши призывы к единству способствовали возникновению новых мыслей и настроений, которые, как кажется, начинают, к счастью, распространяться.

Мы еще не дошли до того момента, когда могла бы зайти речь о написании истории этого достопамятного празднования Федерации, во время которого все сыны великого государства заключат наиболее важный договор, когда-либо подписанный между людьми. Но пока что может быть очень полезно остановить внимание на обстоятельствах, предшествующих этому патриотическому празднеству, и указать общественному мнению направление, которому полезно следовать для того, чтобы этот памятный день не свелся просто к скучной и бесплодной церемонии, но принес бы больше свободы и счастья и вызвал бы у всех французов воспоминания, глубоко отличные от тех, которые может вызвать пустое зрелище, преследующее тактические цели.

Очень приятно отметить следующее. Множество принятых мер, казалось, направлены были к осуществлению попыток, подобных совершенным деспотизмом в эту пору в 1789 году, и, по всей видимости, были серьезные основания для предположений,

в соответствии с которыми наблюдатели заявляли, что ровно через год после взятия Бастилии аристократия сможет попытаться восстановить ее. Но, как мы видим, общественное мнение, дремавшее в течение некоторого времени, внезапно проснулось и отныне заняло твердую позицию. И 14 июля еще раз станет днем, когда солнцу будет приятно сверкать, освещая своими прекрасными лучами свободных людей.

Независимо от того, решим ли мы хвалить или порицать большинство граждан Парижа за позицию, занятую ими в вопросе о волонтерах — победителях Бастилии, надо признать, что граждане Парижа выступили в духе свободы, когда потребовали исправления принятого уполномоченными нации декрета о преимуществах, предоставленных обществу господ волонтеров. Парижане хотели, чтобы на торжестве Федерации не было почетных мест и чтобы те, чьи заслуги при взятии Бастилии они не отрицают, не могли представляться единственными победителями этой знаменитой цитадели тирании, в свержении которой приняли участие все граждане. Опасались, чтобы таким образом не был нарушен высокий принцип равенства в правах. Боялись создания опасного различия между гражданами свободной нации. Полагали благоразумным пресечь в корне это притязание на создание различий. Это доказывает, что люди крепко стоят за эту свободу, за это равенство. Это дает нам надежду, что в великий день национальной Федерации все единодушно принесут присягу быть верными свободе и равенству и охранять их.

А вот еще одна одержанная гражданами патриотами победа, показывающая, что они уже не забывают о том, что верховный суверенитет принадлежит народу. Мы имеем в виду распространение на большое число лиц звания и прав активного гражданина. Это определенный шаг на пути к отмене уродливого декрета о «марке серебром». Это — счастливое событие, которое очень кстати пришлось в связи с приближением гражданского празднества и позволяет рассчитывать на другие подобные события, которые могут свершиться во время и после этого внушительного объединения сил граждан.

По-видимому, уничтожен и страшный заговор вымогателей незаконных налогов. Вознесем хвалу на вечные времена! Теперь уже нет сомнений в том, что это было особенно мрачное и разрушительное злодеяние, угрожавшее огромному множеству граждан *.

---

* На основе протоколов, составленных служащими управления откупов во время нападений на податные заставы, таможни, кордегардии и т. д., имевших место почти во всем королевстве в первые дни революции, высший податной суд в лице своего генерального прокурора собрал все жалобы, и получилось для каждой провинции по толстому тому. Тысячи граждан спят спокойно, не ведая того, что имена их помечены там роковым мелком и что их жизни угрожают гнусные заговоры. Между тем, судя по этим мероприятиям, после длившегося год коварного молчания

Дистрикты, эти столь ценные места собраний, без коих не было бы никаких гарантий свободы, на своих заседаниях приняли к рассмотрению внесенное несколькими гражданами разоблачение кровавого заговора против всего королевства, созревшего в жестоких головах гнусных созданий, именуемых откупщиками. Секция Назарет только что приняла текст обращения к Национальному собранию с требованием освобождения тех одиннадцати заключенных, имена которых мы указали в нашем предыдущем номере. В этом обращении можно прочесть следующие замечательные слова:

«Никогда, вероятно, ни один суд не игнорировал, не нарушал самые священные предписания законов так, как это позволил себе высший податной суд!

После того как в течение года он хранил самое коварное молчание, этот суд принимает при закрытых дверях жалобу своего генерального прокурора, тайно производит следствие и тайно фабрикует постановления, на основании которых многие граждане оторваны от своих домов, брошены в застенки и закованы в кандалы, предназначенные лишь для осужденных негодяев.

Конечно, вы придете в негодование, господа, узнав, что в городе, являющемся очагом свободы, есть судьи, все еще следующие варварским правилам судебного деспотизма; что, в нарушение статьи 9 Декларации прав человека, граждан, которые невинны и которые должны рассматриваться как невиновные до окончания судебного следствия, заковывают в цепи, бросают в отвратительные подземелья, держат по нескольку дней в карцерах, лишают всякой помощи, утешения, юридических советов; что, наконец, в тот день, когда мы начинаем пожинать драгоценные плоды самой счастливой революции, меч судебного произвола опускается на головы первых бойцов этой революции и на голову любого честного человека, которого кто-либо по злобе захочет оклеветать.

И если те, кому мы доверили дело возрождения родины, если подлинные защитники закона, все еще не обновленного, своим молчанием в дни кризиса дали понять, что, по их мнению, незначительные эксцессы, произошедшие в те дни, постоянно уравновешиваются тем благом для общества, которое проистекло из этих событий, то подобает ли податному суду производить розыск виновных и необдуманное преследование любого лица, указанного агентами этого суда, и применять по отношению к нему все те преступные жестокости, которые были придуманы нашими старыми криминалистами?

Прилагаемые документы покажут вам, господа, как далек этот суд от принципов доброты и умеренности, долженствующих ха-

---

этот неправый суд хочет выдать много сотен тысяч постановлений об аресте и отправить на эшафот значительную часть обитателей государства. Вот до чего может довести слепая ярость! Именно таковы были заветные желания господ откупщиков, и они бы их осуществили, если бы попытки этих убийц не натолкнулись на мощное сопротивление.

рактеризовать судей... Мы осмеливаемся выразить надежду на то, что вы остановите это порочное судопроизводство, от которого уже пострадало слишком большое число жертв...»

Честь и хвала высокопатриотическому дистрикту Назарет! Слава и благословение нашим смелым законодателям, которые приняли вчера, первого июля, на основании этой жалобы, достойной стократной похвалы, следующий декрет:

«Национальное собрание, полагая, что уголовное судопроизводство, начатое и проводимое парижским податным судом, имеющее целью преследование виновных в поджогах податных застав, произошедших в июле минувшего года, способно вызвать тревогу не только в столице, но и в департаментах, где подобные судебные процессы тоже могли бы быть учинены; что восстание 14 июля не должно оставить других воспоминаний, кроме воспоминания о завоевании свободы; что, с другой стороны, если к движениям народа, отвоевывающего свои права, примешались некоторые эксцессы вроде тех, о которых доложил генеральный прокурор, то эти эксцессы, которые в любых других обстоятельствах заслуживали бы строгого наказания, так тесно связаны с сопровождавшими их событиями, что стремиться наказать виновных значило бы рисковать смешать невинного с преступником, декретировало и декретирует:

что уголовное производство, открытое 24 февраля сего года по требованию генерального прокурора высшего податного суда по делу о поджоге податных застав, совершенном в июле 1789 года, и отложенное до выборов, будет считаться не имевшим места; что как суду, так и должностным лицам на местах запрещается давать этому производству какой-либо ход; что задержанные лица, если им не предъявлены обвинения в других преступлениях, должны быть освобождены».

В одном из ближайших номеров мы дадим образец резолюции, которую всем конфедератам следует предложить в день национального праздника для того, чтобы общество могло извлечь большую пользу из этого великого события.

«ГАЗЕТА КОНФЕДЕРАЦИИ»
№ 3
Воскресенье, 4 июля 1790 г.

Коварные происки в провинциях с целью сорвать осуществление проекта гражданского празднества. Высокие акты патриотизма дистриктов Кордельеров и Назарет. Жизненные интересы свободы требуют, чтобы дистрикты не подлежали роспуску. Они одни каждый день защищают нас от страшных опасностей. Сообщение о чрезвычайных мерах предосторожности, которые надо будет принять во избежание всего того, что нам грозит 14-го сего месяца.

Неужто распустят дистрикты!! [71]... Французы! Не упустите же из виду, что тот братский протест, великодушный и подлинно ге-

роический демарш, тот акт превыше всяких похвал, коим только что прославилась секция Назарет *, не должен рассматриваться лишь как чудесное избавление нескольких праведников из львиного рва и что сверхъестественный результат этого чуда спасет от гибели огромное число граждан нашего государства. Вызванный этим протестом благотворный декрет счастливым образом спасает их от смертоносного меча этой все еще узаконенной компании убийц, этой армии негодяев, все еще пользующихся привилегиями вопреки отмене всех привилегий. Именно имея в виду это недавнее уничтожение одной из самых дьявольских ловушек, во множестве расставляемых неутомимыми врагами на нашем пути, мы связываем с историей праздника Федерации заговор фискальных пиявок, явно приуроченный к наиболее удобному моменту, чтобы получить возможность по-своему отпраздновать годовщину эры нашей свободы. С каким поучительным рвением эти существа, казалось, столь религиозно привязанные к принципам нашей конституционной доктрины, возложили бы на алтарь, воздвигнутый в честь идолов аристократии, первые жертвы, закланные для удовлетворения их фанатического бешенства! После того как высший податной суд предусмотрительно обзавелся огромным запасом постановлений об аресте (разновидность lettres-de-cachet в новой форме), придется этому суду смириться с тем, что он не получит возможности созерцать картину сотни тысяч зарезанных и дымящихся жертв, коей он надеялся усладить свои взоры! Какие мучительные сожаления! О, сколь велика скорбь откупщиков!

Нет, если дистрикты будут дезорганизованы и основная масса граждан окажется представленной небольшим числом людей, коими неизбежно овладеет честолюбие и которые поставят свои личные выгоды выше общих интересов; если это большинство граждан уже не сможет больше самостоятельно думать, говорить, действовать, а отдаление от места обсуждения лишит их привычки и вкуса к дискуссии, то эти великие примеры гражданского мужества и братской заботы не повторятся. Не будет больше бдительности в отношении злоупотреблений власти. И отдельный гражданин и родина в целом потеряют своих неподкупных защитников, угнетенный падет от ножа тиранов, и права человека будут игнорироваться и нарушаться.

Кто же не видит, что наши враги очень хорошо рассчитали эти результаты и что победа, которую они готовятся одержать, обеспечит им осуществление их планов, разрушающих всякую

* В своем возвышенном обращении к Национальному собранию, приведенном в нашем предыдущем номере, эта секция потребовала также запретить всем судам лишать свободы какого-либо гражданина без предварительного представления его комиссарам секции по месту его проживания на предмет проверки и установления причин лишения свободы. О свобода! Что станет с тобой, если это мудрое и драгоценное предложение не будет превращено в закон?

свободу. Неужели же мы не можем рассчитать так же хорошо, как они, и так же заботиться о сохранении нашей независимости, как они заботятся о том, чтобы господствовать над нами? . . . О, народ Франции! Неужели ты все еще создан для рабства? Да, если вместо того, чтобы продолжать самому заниматься великими делами нации, ты терпишь, чтобы они перешли в руки, которые никогда не будут управлять этими делами с такой честностью и так умно, как ты это делаешь. Хозяин всегда лучше разбирается в своих интересах, чем его слуги; к тому же слуга всегда старается обогатиться за счет слишком доверчивого хозяина. Во все времена в государственном управлении администраторы стремились присвоить себе права тех, кем они управляли, и это очень легко понять: в натуре каждого человека заложена воля к господству. Сделаем же так, чтобы все господствовали в одно и то же время и чтобы никто не господствовал в частности. Для этого недостаточно призывать граждан избирать по возможности наилучших представителей в ходе выборов; мой совет будет совсем не таков. Я обращаюсь прямо к основному принципу. Люди всегда будут вводить друг друга в заблуждение посредством ложной видимости. Не основывайте же, граждане, гарантию ваших прав на доверии к людям, основывайте ее на самой сущности вещей. Создайте законы, останавливающие людей в исполнении их преступных замыслов и не позволяющие им покушаться на свободу. Прежде всего не упускайте из виду того священного правила, которое враги ваши всячески стараются заставить вас забыть: народ есть суверен. Если народ — суверен, он должен сам осуществлять возможно большую часть этого суверенитета, сделать это своим главным делом. «Как только служение обществу перестает быть главным делом граждан, — говорит Жан Жак, — и они предпочитают служить ему своим кошельком, а не лично, государство уже приближается к развалу». Так не платите, французы! за то, чтобы другие делали все, что вы должны делать и можете делать сами. Поменьше действуйте через представителей и будьте возможно чаще своими собственными представителями.

Это истины извечные, но они подтверждаются новыми доказательствами. Для того чтобы они стали очевидными, сопоставим успехи, уже достигнутые деспотизмом в провинции, где народ представлен только муниципалитетами, с тем, что еще остается от свободы в Париже, где благодаря сохранению дистриктов каждый гражданин сохранил кое-какие права принимать самому прямое участие в защите общественных интересов. Такое сопоставление отнюдь не будет неуместно в изложении истории пакта Федерации.

Выдержка из письма из Руа в Пикардии от первого июля [72]

«Несколько дней тому назад мы, как и все города королевства, получили от города Парижа письмо с приглашением на праздник Конфедерации 14 июля. В этом письме нам предлагалось отправиться в Мондидье, временный центр нашего дистрикта, на предмет избрания депутатов совместно с этим городом и деревнями, находящимися на территории дистрикта. Солдаты национальной гвардии постановили делегировать в Мондидье 30 человек из их состава. Но г-н Билькок [73], мэр муниципалитета, которому доложили об этом постановлении, решительно выступил против его исполнения под тем предлогом, что город Мондидье был временно объявлен центром дистрикта вопреки воле жителей Руа, и последние отнюдь не должны совершать действий, которые могли бы быть истолкованы как признание Мондидье в качестве временного административного центра. Этот мэр, который признает, вопреки всему и всем, только то, что он хочет, категорически запретил национальным гвардейцам отправиться в Мондидье, и никто не посмел возражать, до такой степени все привыкли ему подчиняться благодаря авторитету, который он создал себе своими повелительными манерами и безапелляционным тоном. Он сделал еще больше. Он внушил многим деревням этого бальяжа, чтобы те тоже не отправлялись в Мондидье. И многие, поддавшись его уговорам, не отправились. Между тем в результате этого отказа мы лишимся права послать в Париж наших представителей и рискуем не быть допущенными, раз мы не подчинились декрету, устанавливающему временно административный центр в Мондидье. Большинство сожалеет об этой неуклюжей выходке, которая, будучи лишь следствием антипатриотизма нашего мэра, может тем не менее дать основание для обвинения всех нас. К несчастью, зло уже почти непоправимо. Ибо жители Мондидье, узнав о нашем письме, содержащем отказ присоединиться к ним, постановили отослать возможно скорее это письмо в Париж и составить по этому поводу протокол».

Подобные козни ведутся, может быть, во многих местах по наущению врагов общества под всевозможными благовидными предлогами, к коим эти враги прибегают для сокрытия своего коварства, и в этом, вероятно, заключается одна из главных частей механизма, приведенного в движение против патриотического праздника, с целью сорвать его или по крайней мере ослабить его блеск. Таков результат тех законов, которые лишили народ его права участия в общем управлении и вынудили его склониться перед волей первого попавшегося интригана, который сумеет захватить власть.

Граждане, вы недавно добились благодаря необыкновенному рвению высокопатриотического дистрикта Кордельеров * того, что

* Обращение к Национальному собранию от 26 мая.

до 25 июля права дистриктов не подвергнутся никакому сокращению *. Это очень хорошо. Дистрикты Кордельеров и Назарет продиктовали учредительной власти определенные декреты и тем самым напомнили о суверенитете народа, в силу которого он может объявить общую волю своим делегатам, своим доверенным, своим уполномоченным. Было бы в высшей степени полезно, чтобы никогда, ни на одно мгновение не теряли из виду дух и букву этих великих общественных принципов, этих прекрасных конституционных правил. И для этого нужно, чтобы дистрикты сохранились не только до 25 июля, но чтобы они никогда не согласились на свой роспуск. Их повседневный надзор — это палладиум свободы, подлинная гарантия конституции. Только они могут обеспечить права народа. Если их не будет, то величие гражданина, подлинный суверенитет будут похищены, и доверенные станут независимыми и даже захватят превосходство над своими доверителями. Французы! Приурочьте это важное требование к заключению федеративного пакта. Вы, по-видимому, снова хотите стать обладателями всех гражданских добродетелей и мужества. Не отступайте от этих намерений, отличающих великие и возвышенные души. Настала пора патриотизма, приближается 14 июля, время свершения прекрасных подвигов для дела свободы. Для ее обеспечения вы не можете сделать ничего лучшего, как добиться перманентности дистриктов, которым мы многим обязаны и которые являются школами преданности государству, или, если угодно, аренами, на которых всегда успешно ведется бой с тиранией.

«ГАЗЕТА КОНФЕДЕРАЦИИ»
№ 4[74]
Понедельник, 5 июля 1790 г.

Особый праздник Федерации для французских женщин, назначенный на следующий день после празднования Федерации всеми национальными гвардейцами королевства.

Можно было бы думать, что дочери Лакедемона, добродетельные спартанки, славные римлянки принимали лишь ничтожное участие в делах республики. Так можно было бы думать, если толковать показания истории лишь буквально. Конечно, в летописях этих древних народов среди огромного количества дел и поступков, коими они столь замечательно прославились, мы находим лишь немного таких случаев, когда женщины выходили на сцену и участвовали в важных событиях, способных сообщить то или иное движение политической машине. Правда, их можно видеть на народных празднествах внушающими дух соревнования и мужества молодым атлетам, участвующим в строевых учениях, в со-

* Декрет от первого сего месяца.

стязаниях в беге и играх, проводимых в дни, посвященные этого рода упражнениям; их можно видеть возлагающими своими красивыми руками венок, награждающий за мужество, на голову того, кто одержал победу. Но за этим исключением они как будто всегда замкнуты в своих домах и заняты единственно заботами о хозяйстве, прежде всего уделяют особенное внимание хорошему воспитанию своих детей, чтобы в будущем они стали опорой родины. Но именно выполнение этой последней задачи способствовало тому, что женщины Афин и Рима оказали большое влияние на судьбы своих наций, ибо нет истины более общепризнанной, чем следующая: от воспитания зависят нравы, а от нравов зависит счастливая или несчастная судьба государств. Стало быть, надо заметить то, чего история не говорит нам прямо о греческих и римских женщинах: что именно они теми заботами, которые они прилагали, чтобы начиная с колыбели дать своим детям воспитание, построенное на уважении к нравам и любви к родине, долгое время сохраняли в этих двух прекрасных республиках свободу, процветание и блеск.

Чтобы составить себе верное представление о том, до какой степени у народов, о которых мы говорим, принципы воспитания внушали женщинам чувства героизма и любви к свободе, столь долгое время обеспечивавшие сохранение ими благого правления, надо вспомнить следующий факт: «В Спарте у одной женщины было пять сыновей в армии. Она ожидала известий о ходе сражения. Прибывает илот; она с трепетом обращается к нему. «Ваши пять сыновей убиты». — «Подлый раб, разве я об этом тебя спрашивала». — «Мы выиграли сражение». — Она бежит в храм воздать благодарность богам». По этому поводу великий Руссо говорит: «Вот это гражданка». Тут кстати будет привести следующие замечательные стихи:

> У подлинного республиканца нет иных отца и сыновей,
> Как добродетель, боги, законы и родина.

Но лишь только в Риме, как и у греков, стали пренебрегать добрыми правилами и учреждениями, произошло расслабление нравов: распущенность и роскошь пришли на смену высоким чувствам добродетели и героизма, и стало неизбежным крушение обоих этих прекрасных государств.

У нас воспитание женщин почти всегда было в пренебрежении, и следствием этого была неизбежная передача от матери к детям начиная с малых лет дурных и опасных впечатлений, которые именно потому, что они первые, неотразимым образом влияют на все дальнейшее развитие характера. Однако мы с большим удовлетворением видим, что революция благотворно подействовала на очень многих наших женщин, освободив их от чрезмерной страсти к роскоши и безделушкам и от фривольности. Они поднялись до высоты наших чувств. Они разделяли с нами

чувства любви к прекрасному, к великому, к возвышенному. И правильно будет сказать, что женщины подражают нам и становятся равными нам во всем, и если есть у них какие-то недостатки, то это от нас они их получили. Их полная зависимость и необходимость казаться всегда желающими нравиться нам вынуждают их следовать за нами по лабиринту нашего разврата. Теперь смотрите, как наши милые француженки с презрением отвергают то состояние извращения и ничтожества, на которое их обрекли наши уродливые обычаи, смотрите, с какой гордостью они занимают моральную позицию своих отцов и своих супругов, как они уже пытаются сравняться в патриотизме и в добродетелях с самыми знаменитыми героинями древности. Да, наш век тоже узрит рождение новых Сафо, равных ей по философии и высокому мужеству. И уже сейчас среди нас появилось много героинь. Одним из них мы обязаны появлением патриотических пожертвований, другим мы обязаны пребыванием среди нас Людовика—восстановителя свободы. Но, осмелюсь сказать, мы скоро будем обязаны самой милой части человечества чем-то более ценным, чем все остальное, — действенным способом возбуждать в сердцах нарождающегося поколения те добродетели, которые являются источниками всего истинного и справедливого. Г-жа Муре [75], потомок знаменитого баснописца Лафонтена и автор плана воспитания для женского пола * и Катехизиса гражданина, «убежденная в том, — как она это выразила, — что если мужчины создают законы, то женщины создают нравы, особенно в таком государстве, где женщины имеют большое влияние», представила недавно господам представителям коммуны обращение, предлагающее, чтобы на следующий день после праздника Федерации для всех национальных гвардейцев нашего государства французским женщинам было бы разрешено в свою очередь собраться на Марсовом поле для принесения присяги на верность свободной конституции королевства и в то же время поклясться приложить все заботы к воспитанию своих детей в духе принципов этой конституционной свободы, а также принципов мудрости и доброй нравственности, которые с ней естественно связаны.

Да будет же, таким образом, знаменитое Марсово поле, столь памятное различными событиями, коим оно служило театром, на веки веков очищено этими искупительными актами от грязи, которой оно было осквернено во время страшных дней 1789 г.!

Нельзя наскоро рассчитать все благие результаты, которые могут последовать от осуществления предложения г-жи Муре. И поскольку было бы весьма неполитично, чтобы не сказать больше, отклонить это предложение, мы не позволим себе оскорбить наших городских представителей предположением, что они

---

* Этот план, весьма благоприятно встреченный Национальным собранием 18 февраля, заслуживает внимания всех отцов и матерей. Продается у автора, набережная Фурнель, № 28.

могли бы причинить своим согражданам непоправимую обиду, уклонившись под каким-либо предлогом от принятия решения.

Статья, пропущенная во вчерашнем номере и относящаяся к следующей части оглавления: «Сообщение о чрезвычайных мерах предосторожности, которые надо будет принять во избежание всего того, что нам грозит 14-го сего месяца».

В завтрашнем номере мы остановимся на том, какого внимания заслуживают слухи об опасениях, связанных с предстоящим патриотическим праздником. И если некоторые особенно тревожные настроения, о которых нам сообщали, до известной степени обоснованы, то мы укажем, какие меры предосторожности полезно принять, дабы избежать могущих нам угрожать несчастий. Вы убедитесь, что эти меры предосторожности не будут ограничены применением обычных средств, т. е. запрещения ношения оружия нападения, запрещения пользования лошадьми и экипажами, распределения многочисленных патрулей по улицам столицы и т. д.

Примечание. В одном из ближайших номеров мы дадим образец «Предложения резолюции для внесения всеми конфедератами в день патриотического праздника с целью получить возможность извлечь из этого столь важного события большую пользу для общества».

[ОБРАЩЕНИЕ К ДИСТРИКТАМ]

[начало июля 1790 г.]

Обращение господина Бабефа, апостола и мученика за благое дело, к 60 дистриктам Парижа, к патриотическому обществу якобинцев, ко всем членам Конфедерации 14 июля и ко всем французским патриотам. О вызванном им срыве заговора откупщиков и высшего податного суда, имевшего целью отправить на виселицу 2 миллиона французов. Его просьба вместо всякого вознаграждения быть освобожденным из застенков, чтобы насладиться зрелищем принесения федеративной клятвы, и затем самому вернуться в место заключения [76].

Господа!

Меня зовут Франсуа Ноэль Бабеф, я — гражданин-солдат из Руа в Пикардии, до революции — архивариус-февдист, а со времени революции — ненавистник архивов и феодализма. Помимо этого, я — автор «Постоянного кадастра, или Истинной теории государственных налогов», а также другого сочинения, озаглавленного «Петиция о налогах», и, наконец, я заключен в Консьержери при Дворце правосудия.

Эти сведения обо мне, господа, вам нужны прежде всего в связи с предметом, побудившим меня обратиться к вам, а также с необходимостью, чтобы вы знали, что они взаимно зависят друг от друга в том порядке, в котором я их изложу.

Нет худа без добра. Я признаю, что в этой пословице заключено большое моральное содержание. Поиски самых удобных

практических методов составления описаний фьефов, конечной целью которых всегда были разорительные придирки, ужасная тирания над гражданами, привели меня к открытию совокупности средств, которые представляют самую справедливую и самую удовлетворительную налоговую систему. Сведéние всех государственных налогов в единый, раскладка, строго пропорциональная имуществу и личным возможностям каждого налогоплательщика, легкость и дешевизна процедуры взимания — таковы главные результаты, явно вытекающие из применения плана кадастра, названного постоянным, ибо он обладает еще тем особенным преимуществом, что, когда такой кадастр составлен, то это навсегда, какие бы изменения ни происходили в размерах имущества налогоплательщиков. Петиция о налогах, отправленная вначале в рукописи Национальному собранию коммуной Руа [77] и оцененная затем как достаточно обоснованная и достаточно сильная в части принципов для того, чтобы быть принятой коммунами доброй части провинции, эта петиция, говорю я, есть резюме и сокращенное изложение моей системы кадастра, а мое заключение в Консьержери является премией, назначенной мне весьма патриотическим обществом высшего податного суда, в виде награды и поощрения за проявленное мною в петиции рвение.

После того как я просветил общественное мнение относительно податей и откупов, я по требованию моих сограждан взял на себя составление этой петиции, как скромный адвокат берется провести то или иное хорошее или плохое дело. Я, стало быть, был лишь посредником самого важного лица. Правда, я присоединял мое мнение и мои идеи к идеям всех остальных граждан, но, казалось мне, декреты Национального собрания предоставляли мне в этом отношении полную свободу. Я согласен с тем, что, если бы даже все содержащиеся в петиции идеи были моими, то предложение, внесенное на общем собрании и принятое единогласно, равноценно петиции, составленной одним лицом и одобренной всеми жителями определенной провинции. Если первый факт не считается преступлением, то второй тем более не должен считаться таковым.

Мудрость налоговой системы, изложенной в этой петиции, говорил недавно один из наших самых патриотических писателей, доказана уже той тревогой, которую она вызвала у откупщиков, общим протестом всех грабителей, комиссионеров и фискальных вампиров; она доказана голосованиями 800 коммун Пикардии, в округах городов: Перонн, Сен-Кантен, Гам, Нель, Руа, Мондидье, Корби, Брак, Альбер и т. д.; она доказана 800 экземплярами этой петиции, отправленными этими коммунами в адрес Национального собрания. И именно поэтому я подвергся предательскому нападению в Руа, месте моего проживания, я был сорван с постели среди ночи, исторгнут из лона моей семьи альгвазилами жандармерии на основании выданного без предварительного следствия высшим податным судом постановления об аресте. Я был

доставлен в тюрьму Консьержери при Дворце правосудия, где я нахожусь в заключении в течение 6 недель, не имея возможности жаловаться, не имея возможности добиться судебного рассмотрения моего дела.

Целесообразно будет объяснить вам, господа, какие обстоятельства вызвали появление этой петиции.

Но как я могу надеяться на правосудие? Ведь мой судья — это моя противная сторона. Может ли то управление откупов, основы существования которого я подрывал, отнестись ко мне беспристрастно? Разве его поборники простят мне то, что я нарисовал слишком красноречивую картину чудовищных злоупотреблений и обилия несправедливостей, к которым приводит этот самый страшный из дурных режимов? Чтобы служить такому режиму, надо, несомненно, освободиться от всяких деликатных чувств и обратить свое сердце в камень. Поэтому было бы безумием ждать от моих судей справедливого решения. Строгая беспристрастность — добродетель очень редкая, ее, конечно, вообще нет у членов высшего податного суда; мы располагаем на этот счет свежими доказательствами. Поэтому, господа, для меня лучший выход заключается в том, чтобы отвести этот суд и апеллировать к патриотическим трибуналам.

Впрочем, я не жалею о том, что я прибыл из глубин Пикардии, чтоб оказаться в тюрьме в Париже. Я не считаю проведенное здесь время потерянным. Я узнал здесь много такого, что будет ценно для моих ближних.

Но в соответствии с принципом, коего, как я выше заявил, я являюсь ревнителем, я полагаю, что пришла пора, когда я должен заняться и собой. Итак, я должен заявить относительно моего процесса, что до сих пор мое дело лишь перебрасывали, что я требую только правосудия, и за ним я с полным доверием обращаюсь к вам.

Я требую для себя такой же поддержки, как та, которую вы столь великодушно оказали так называемым поджигателям застав, к чему я, вдохновленный чувствами человечности и патриотизма, вас тогда побуждал. Вы, конечно, не станете проводить различия между этими людьми и мной только потому, что они — жители столицы, Парижа, а я не обладаю этим преимуществом. Сам я никогда не считал, что не могу воспользоваться представившейся мне возможностью быть им полезным лишь потому, что мы не живем в одном и том же городе. Мы живем уже не в том веке, когда придавали значение таким ничтожным различиям. Ныне мы, французы, — все братья, все мы — дети одной семьи. И я глубоко убежден, господа, в том, что вы пожелаете отнестись ко мне в соответствии с этими принципами, что вы окажете мне ту сердечную помощь, которая для друзей родины всегда была священным долгом, выполнявшимся ими с величайшей радостью даже по отношению к их наименее горячим защитникам. Пусть тот, кто сорвал ужасный заговор откупщиков,

замысливших отпраздновать годовщину эры нашей свободы истреблением огромного множества жертв, тот, кто всегда проповедовал священные принципы нашей общественной свободы и чья душа всегда охвачена этим священным огнем, пусть он не будет лишен зрелища принесения этой памятной клятвы, на которое следовало бы постараться собрать всех, кто имеет заслуги перед родиной. И сколь приятно было бы мне видеть этот праздник украшенным присутствием всех тех, кто за повседневную защиту великих интересов нашей родины постоянно терпит все новые преследования со стороны своих жестоких врагов, чтобы они могли продолжать ее защищать и спастись от розысков самой страшной инквизиции!

Бабеф

ПИСЬМО ДЕПУТАТА ОТ ПИКАРДИИ [78]

Мой дорогой друг!

Вы мудро предсказали то, что произошло. Сколь счастливы Вы в своем уединении! Вам не пришлось краснеть 14 июля, а что касается меня, то я — в отчаянии. Я уеду завтра; я нахожусь в состоянии смятения, не поддающемся описанию; только Вам я и могу жаловаться, я бы погиб, если бы жаловался публично. Козни дошли до такой степени ухищрения, что добродетельные граждане считаются предателями, на них нападают с их же оружием и, скрываясь под маской патриотизма, убивают родину. Нет, я не поеду. Нет, я не буду хладнокровно смотреть, как гибнет республика. Я не буду спокойно взирать на то, как она становится добычей кучки ничтожных людей, у которых нет другой добродетели, кроме богатства, и другого богатства, кроме преступления. Мои крики разбудят честных людей, и я обреку тиранов на съедение вшам, подобно Сулле!

Что увидел я 14 июля! Ирод вызвал нас со всех концов страны. Он уплатил нам, чтобы заставить сыграть перед лицом наций самую наглую комедию, которая когда-либо заставляла людей краснеть. Кто из нас, уезжая из своих мест, мог ожидать такого позора? Нам предложили золотого тельца: мы в своей подлости поклонились ему.

О, народ! О, судьба человека! Сколь слепы мы и как легко поддаемся соблазну! Я добивался чести быть избранным в депутаты. В дороге я плакал от радости. Я представлял себе заранее простой праздник свободы, родины, республики! О, как он будет прекрасен, говорил я себе, этот момент, когда мы поклянемся друг другу в том, что мы — братья, когда мы обнимемся, когда все вместе заплачем, когда король, находясь среди нас, прижмет родину к своей груди, когда высокое Национальное собрание, занимая место в первом ряду, как символ закона будет шествовать во всем сиянии нашей любви.

О, мой друг, мой дорогой друг, как далеко от этого зрелище, которое мне пришлось увидеть! Счастье — это не более, чем иллюзия! Как Вы стали мне дороги! Насколько Вы мне представляетесь стоящим выше меня! Вы говорили мне, что готовящийся праздник будет торжеством в духе Сеяна[79], что я увижу там унижение Национального собрания, что я увижу там праздник в духе Великого Могола и что, поскольку то, что народ видит, сильно влияет на его душу, я увижу, как его соблазняют. В хороших республиках редки были зрелища, в которых правительство выходило бы на сцену. Вспомните, что людям льстят только для того, чтобы их обмануть! Наша республика начинается там, где кончилась Римская республика, а Римская республика кончилась вместе с упадком нравов и исчезновением простоты, чести и презрения к богатству. Как Вы были правы; послушайте же рассказ о моем позоре и позоре всего государства.

Собрались на бульварах, штаб парижской гвардии верхом на лошадях проехал сквозь ряды патриотической пехоты, последовала команда, двинулись, пошли. Появился Лафайет. Я ожидал увидеть короля, я не знал Лафайета. Он кланялся, приветствовал направо и налево. Это, конечно, человек ловкий, он кажется мне большим честолюбцем. Он царствует, у него нет короны на голове, он держит ее в руке, подобно Кромвелю. О, мой друг, Вы сто раз говорили мне, что добродетель любит пустыни и что надо остерегаться той добродетели, которая ищет яркого света! Войска прибыли на Марсово поле, встреченные радостными криками бедного народа. Я спросил, где король, я был удручен. Мне казалось, что Лафайет ловко отстранил его от праздника, чтобы самому быть его героем. Меня поразило, что этот человек держится как визирь. Как он умеет представляться интересным, воспламенять толпу, как хорошо он знает человеческое сердце. Он проницателен, как Магомет, красноречив, как Катилина, мудр, как Соломон.

Наконец король появился на золотом троне, и я чуть не упал в обморок, увидя рядом с ним на табурете диктатора республики, председателя Национального собрания, восседающего там как вор на скамье подсудимых.

Мой друг, Вы говорили мне, что основные принципы добрых правлений — это честь и добродетель. Мы, очевидно, не обладаем ни тем, ни другим, поскольку Цезарь у нас в то же время и верховный жрец.

Этот король, который казался бы мне великим, если бы он промок, как мы, и, как мы, был бы покрыт грязью Марсова поля, показался мне совсем маленьким на троне. Я пытался утешить себя; король в своем пустом блеске показался мне трусливым ионийским сатрапом, а председатель — римским консулом, покидающим плуг.

Я не верю больше в аристократию: ее приспешники лишены заслуг и политического чутья. Если бы они посоветовали королю

идти вместе с нами, он, быть может, нанес бы страшнейший удар по конституции, а остаток слабости и жалость сделали бы то, что мы продолжали бы его любить: эта ужасная мысль меня утешает!

Лафайет работал для одного себя. Он отстранил короля, чтобы привлечь наши взоры к себе, и, конечно, он ожидал, что в порыве головокружения народ провозгласит его генералиссимусом.

Я уважал этого человека, когда судил о нем издалека. Увидев его вблизи, я чувствую к нему омерзение. Это опасный человек, который душит родину в своих объятиях. Какое непроницаемое притворство, какая гибкость, какая страшная откровенность, как изменяется его значение и сама его сущность. Мне больно, мой дорогой друг, излагать Вам подробности нашего унижения. Нет, мы отнюдь не свободны, мы все умрем рабами, кроме Вас, ибо мудрость возвышает Вас над людьми, и Вы зависите лишь от правды и от бога.

Собравшиеся требовали, чтобы король вышел к алтарю для принесения присяги. Неблагодарный, лишенный человеческих чувств, он остался недвижим, он равнодушно слушал крики «Да здравствует король!», которыми войска приветствовали его, чтобы поднять его дух и вырвать его из-под влияния коварных советов злых людей! Человек низкий при всем твоем величии, верно ли, что ты так глуп, что не отличаешь добра от зла? Если ты обладаешь злобой дураков, которая соединяется со злобой окружающих тебя дурных людей, сколь гибельным можешь ты стать однажды для государства!

Лафайет принес присягу королю. Отвратительный человек. Он лишает короля нашей любви, чтобы прикрыть ею свои лохмотья. Он хочет лишить его нашей нежности. Он, несомненно, вменяет себе в заслугу перед королем то, что освобождает его от опасных ласк народа. Он внушает ему всевозможные страхи. Бояться надо только его одного, предателя. Нет, Лафайет, ты вовсе не герой Нового света, ты вовсе не соратник Франклина, отправляйся в Персеполис, ползай, подлый раб. Драгут во время войны, Нарцисс в мирное время, из славы ты сделал ремесло. Теперь ты делаешь ремесло из добродетели. Ты присягаешь своему королю, и кто знает, в чем ты поклялся: похоже на то, что Терсит примеряет латы Ахилла.

О, мой дорогой друг, ответьте мне поскорее, утешьте меня. У меня было желание пройти сквозь толпу, подойти к королю, обнять его и сказать: «Заслужи, чтобы тебя полюбили». Но что бы я получил в награду за свою преданность? Я подвергся бы преследованиям, как Марат, Демулен, Лустало [80], Мерсье [81]. Сеян дрожал бы от бешенства, он обвинил бы меня в заговоре. Ибо ныне заговорщиком считается тот, кто выступает как друг законов, короля, Капета Орлеанского. Заговорщиком считается тот, кто обвиняет Лафайета, Байи, Неккера, всех этих действительных заговорщиков, подлинных врагов общественного блага, ни-

чтожных людей, которые, постоянно унижая нас, довели нас до уровня их собственной низости.

Я забыл Вам сказать, что 13-го король сделал смотр войскам с портика своего дворца. Депутаты Франции входили в дворцовый сад по скрытой лестнице вперемешку с жуликами и куртизанками. Когда я поднял голос, жалуясь на это, кто-то посоветовал мне быть поосторожнее и добавил, что за порядочными людьми установлено наблюдение. Катон, несомненно, покончил бы самоубийством. Я не мог перенести такого оскорбления, и я вернулся к себе, чтобы там плакать.

Вы знаете, что произошло затем. Франции стыдно, как девушке, честь которой оскорблена ласками развратника. Кричали: «Да здравствует Лафайет», «Да здравствует король», «Да здравствует королева». Никто, кроме меня и бретонцев, не крикнул «Да здравствует родина», «Да здравствует Национальное собрание». Среди бретонцев один молодой человек лет 15—16 кричал: «К алтарю, к алтарю короля!» Лафайет, проходя мимо него, сказал: «Сударь, я узнаю Ваше имя». «Оно здесь», — ответил бретонец, похлопывая по своему патронташу. Дальше Лафайет встретил Дантона и Демулена. Он побледнел, пришпорил своего коня. Взгляд порядочных людей, как голос бога, преследует негодяев. С тех пор в Париже арестовывают всякого, кто плохо отзывается о Лафайете и о королевской присяге. Сулла свирепствует, но депутаты еще не уехали, они знакомятся друг с другом, вместе едят, обнимаются, беседуют только о свободе, клянутся друг другу умереть за нее. И я не сомневаюсь в том, что, вернувшись в свои департаменты, они примкнут к всеобщей лиге. Они видели опасность вблизи. Они разгадали честолюбивые планы тех, кто их пригласил, они видели на Марсовом поле адъютанта, который кричал депутатам, в частности депутатам от Марны: «Король и г-н де Лафайет сейчас уйдут, если вы не будете занимать места соответственно рангу».

Они видели адъютанта, который в цирке королевского дворца кричал: «Господа, г-н де Лафайет, этот столь любимый и заслуживающий любви генерал, просит вас уйти».

Мы признаем генералом только короля, Лафайет — это его сержант для Парижа. Мы независимы, мы признаем только закон. Любят Лафайета только ты и подобные тебе подлые куртизаны, любящие его потому, что ему везет, и готовящие на него нож на случай, если ему не повезет. Он, конечно, все знает, он слишком проницателен, чтобы не заметить вашу низость, он служит вашим преступлениям, вы служите его преступлениям. Они видели и они с ужасом опишут наглую роскошь Марсова поля и Ла Мюэт, особенно разительную в это время нищеты, когда в наших глазах уже нет больше слез, когда в наших венах нет больше крови.

Прощайте, мой друг, жизнь мне опостылела, но я заражен трусостью нашего времени, у меня нет мужества лишить себя

жизни. Успокойте мою мать относительно моего пребывания здесь. О, если бы кровь, данную мне ею, я мог пролить за родину! Я целую ее и Вас также.

ПИСЬМО ДАНТОНУ

[июль 1790 г.]

Славный Дантон![82] Я говорю с тобой, как с самым преданным борцом за свободу, раболепные выражения не подходят для подлинного гражданина, каким являешься ты.

Неужели сегодня мне выпадет славный удел быть новоявленным Антонием, напоминающим Бруту о его великом деле? О, друг мой, это, к сожалению, так: Рим в цепях, а ты спишь!.. Неужто ты уже более не Дантон? Я хочу думать, что имя это, столь справедливо прославленное, таким и останется. В великих обстоятельствах проявляется великое мужество! Сегодня требуется сильная душа, способная выдержать любые потрясения. По мне, лишь твоя душа способна на это великое усилие. Друг мой, брат мой, родина на краю пропасти. Задумали распустить дистрикты! Разве не ясно, что это означает навеки погубить свободу? Кто сохранит наши права? Один замечательный публицист недавно сказал: «Кто предотвратит ужасные проявления деспотизма, который скоро вознесется на развалинах прежнего? Наши избранники станут наглыми деспотами и будут управлять железной рукой. Полиция обладает слишком большими возможностями для произвола, чтобы быть вне подозрения. Ответьте! Какому трибуналу смогут направлять свои жалобы угнетенные граждане, перед каким трибуналом смогут они разоблачить злоупотребления властью, если дистрикты не будут за ними наблюдать?»

Не достаточно, мужественный защитник правого дела, не достаточно... *

Г-НУ ЛОРАГЕ

Париж, 20 июля 1790 г.

Вы никак не угадаете, на каких условиях я выпущен из тюрьмы по постановлению податного суда. Меня не обязывают вернуться по вызову в суд; меня не обязывают явиться также для дачи показаний. Поверите ли, я все еще нахожусь на положении арестованного... Так что выходит, что я был заключен в Консьержери на основании постановления об аресте, а выпущен из этой тюрьмы тоже на основании постановления об аресте. Это, вероятно, первый пример такого рода махинации с самого возникновения судебных нелепостей. Но легко догадаться, какие мотивы побудили членов податного суда действовать таким образом. Они знали, что это я руководил движением, приведшим к появлению знаменитого декрета от 1 июля относительно под-

* *На этом рукопись обрывается.*

жигателей таможенных застав. Они поняли, что продление моего тюремного заключения не приведет ни к чему, что я от этого буду лишь с еще большим ожесточением наносить самые яростные удары по откупщикам. Они понадеялись, что, уменьшив суровость преследования по отношению ко мне, они добьются того, что я смягчусь и стану менее грозным врагом. Но они хотели, чтобы я боялся показываться в своей провинции, где мое присутствие, по их мнению, способно было вызвать новое брожение и укрепить налогоплательщиков в их решимости не платить больше косвенных налогов. Они не считали возможным держать меня дольше в тюрьме в связи с одним соображением, всю силу которого Вы сейчас поймете. Марат, друг народа, сказал в № 155 своей газеты (в продолжение того, что он напечатал в своем № 153, 50 экземпляров которого я Вам переслал): «Друг народа» требует для угнетенного Бабефа, узника Консьержери, такой же великодушной поддержки, какую дистрикты оказали так называемым поджигателям застав, принимая во внимание энергичные усилия и безграничную преданность этого мученика за правое дело»[83].

В поддержку этого сигнала тревоги, который, наверное, сильно обеспокоил вымогателей незаконных налогов, я направил «Обращение к 60 дистриктам» и был заранее уверен в том, что оно будет хорошо принято. Уже речь шла о том, что несколько тысяч храбрецов придут, чтоб заставить открыть мне ворота Консьержери, и фискальные вампиры, узнав об этих довольно серьезных намерениях, предпочли не ждать их осуществления.

Сейчас мы с господином де Рютледжем заняты тем, чтобы получить от податного суда объяснение следующих слов: временное освобождение в состоянии ареста. Говорят, что следственный комитет тоже может кое-что сказать нам по этому вопросу. Поэтому мы настоятельно просим его помочь дать такое объяснение.

Мы узнали, кто на нас донес. Это некий Прево[84], королевский адвокат в Руа и депутат Национального собрания. Он двоюродный брат и правая рука братьев Билькоков, один из которых — бывший lieutenant général, а теперь мэр, а другой — бывший королевский прокурор, а теперь прокурор коммуны Руа. Вот все, что сделал сей Прево, чтобы получать 18 франков в день с тех пор, как он оказался избранным депутатом в Генеральные штаты. Он там ни разу не взял пера в руки, если не считать доноса на меня в следственный комитет и в податной суд. Но мы твердо надеемся добиться некоторой компенсации от этого почтенного доносчика, а мой друг Рютледж принимает этот вопрос так же близко к сердцу, как и задачу раздобыть кусок веревки для обожаемого министра *, которого он в своей последней брошюре смешивает с грязью, сорвав с него все 25 масок.

---

* *Имеется в виду Неккер.*

Надо раздобыть экземпляры № 153 газеты Марата в подкрепление письма от 10 мая к следственному комитету.

Политически необходимо поддерживать простой народ против притеснительных налогов и держать его в напряжении до тех пор, пока он не добьется их отмены. Пока он будет занят этим делом, он не будет склонен к другим крайностям, и, пожалуй, самым опасным для наших провинций было бы пытаться убедить его отказаться от свержения режима откупщиков. Я определенно знаю, что большинство городов Пикардии и Суассонэ занимают в этом вопросе твердую позицию и не могут быть взяты врасплох.

Я был рад узнать через г-на Бретона, что у Вас все благополучно после своеобразного набега, который жители Вашего края позволили себе совершить на Ваши владения. Здесь не приходится опасаться вылазок такого рода, по крайней мере в настоящее время. То самое Национальное собрание, которое использовало народ до тех пор, пока оно считало необходимой его поддержку, ныне делает все, чтобы надеть на него ярмо, видя в нем единственную еще не сломленную силу. А на самом деле это, бесспорно, не та сила, которую ему всего труднее будет победить. Этот народ Парижа, некогда столь надменный, впал в состояние унижения, которое невозможно описать. Он обожает Лафайета, при всякой встрече целует его сапоги и его лошадь. Он опьянен празднествами, устраиваемыми для него, чтобы отвлечь его внимание от больших вопросов социальной политики, от которых он и так очень далек. Он вернулся к своим песенкам, своим безделушкам, к своим театрам, к своим фатовским и смешным проделкам. И все его заботы направлены на обожание бравого генерала и нескольких других интриганов. Надо было видеть, что делалось 14 июля и на следующий день, и через день, и т. д. Можно было подумать, что вся эта глупая нация потеряла голову, что она сошла с ума, совершенно сошла с ума. Никакой речи больше не было о народном суверенитете, о свободе слова. Когда кое-кто из порядочных людей имел наивность рискнуть высказать свое мнение в Пале-Рояле и некоторых других публичных местах о том, что чего-то недоставало или чего-то было слишком много в торжестве федеральной присяги, то на глазах у меня они были задержаны их братьями, национальными гвардейцами, превратившимися в прислужников, в шпиков новоявленных муниципальных инквизиторов. Я видел, как других людей вели в кордегардии дистриктов, а оттуда их тащили в тюрьму за то, что они осмелились сказать, что Лафайет — не божественное создание, ибо он слишком лебезит перед простыми смертными, чей фимиам он, видимо, с наслаждением вдыхает. А окончательно доказывает глупость и тупость этого презренного народа то, что никто не заметил до праздника, что формула присяги была повернута так, чтобы заковать в цепи глупых и трижды глупых французов. По-

всюду слышны были похвалы высокой мудрости наших великих депутатов и выражения безмерного восхищения их гением, позволившим им создать столь хорошую присягу. Плохо пришлось бы тому, кто вздумал бы комментировать ее, выявить гнусные принципы рабства, выраженные в каждом ее слове. Его сразу обозвали бы «аристократом», и ему бы отлично объяснили, что такое свобода выражения своего мнения.

Сторонники лиги, которой сначала было присвоено наименование аристократической, очень ловко вышли из положения, сообразив повернуть аргумент в обратную сторону и повернуть туда же общественное мнение, называя «аристократией» все, что называлось «патриотизмом». Отвращение, внушаемое народу словом «аристократ», нисколько не уменьшилось, но величайшей политической хитростью было использовать это предубеждение и направить его против того, что называется «добрый гражданин». Для партии, которую называют антипатриотической, было бы величайшим несчастьем, если бы кто-то сумел сейчас объяснить народу, что аристократы 1789 года это не аристократы 1790 года и что те, кого раньше считали демократами, ныне обозначаются термином «аристократ», и почему, используя такое недоразумение, такое ловко подготовленное ошибочное понимание слова, теперь всячески преследуют то, что раньше обожали, и обожают тех, кого ранее беспощадно преследовали. О, будь я аристократом, я постарался бы полностью усвоить эти взгляды. Смешно слышать, как все или по крайней мере добрая часть зевак твердят без конца: ах, национальный праздник, ах, федеральная присяга похоронили всех аристократов...! Неужто в этом Париже нет ни одного человека, умеющего читать или хотя бы способного понять то, что он читает, чтобы увидеть, что формула присяги так составлена, что федеральный пакт бесспорно обеспечивает победу антинародной партии. Нет, этот дурацкий народ не заслуживает того, чтобы честный человек брал на себя защиту его интересов. Я был так наивен, что хотел за два дня до памятного праздника открыть ему глаза, опубликовав по поводу этого праздника известное предложение, копию которого при сем препровождаю, полагая, что оно могло бы Вас заинтересовать. Я знаю, что много экземпляров разошлось среди конфедератов провинций, но сомневаюсь, чтоб это произвело большой эффект. Несомненно, что Национальное собрание уж очень торопится, что оно хотело бы все свалить, все опрокинуть, все разбить, и совершенно очевидно, что оно честолюбиво стремилось стать полным хозяином Рима и не щадить ничего, что могло бы воспрепятствовать его притязаниям. Если б я чувствовал себя достаточно способным, я возбудил бы в народе рвение к какому-либо предмету, представляющему очень большой интерес, и, таким образом, я возвел бы внушительную плотину, чтобы сдержать этот бурный поток. Например, я попробовал бы поднять хотя бы одну провинцию, ибо тот закон, который объединенные силы этой про-

винции заставили бы Законодательное собрание издать, неизбежно стал бы законом и для всего королевства, поскольку в великом плане предусмотрено, что должен быть создан единый свод законов для всего государства. Чтобы достигнуть своей цели, я наводнил бы всю эту провинцию сочинениями, относящимися к тому вопросу, к которому я хотел бы привлечь внимание масс. Что касается выбора темы, мне кажется, что вопрос о налогах и соляных пошлинах всегда подойдет для сельских мест. (Петиция произвела сенсацию даже в Париже, судя по сообщению в 153-м номере газеты Марата.) Но есть и другой вопрос, к которому можно было бы успешно попытаться привлечь внимание небогатых земледельцев, т. е. большинства. Хорошо продуманная работа на эту тему доставила бы многим большое удовольствие и оживила бы много надежд. Дело в том, чтобы, как я уже сказал, разъяснить каждому крестьянину одной провинции, что сдача в долгосрочную аренду церковных земель была бы выгоднее для нации, для каждого в отдельности и для государственной казны, нежели продажа их за бесценок каким-нибудь компаниям капиталистов и спекулянтов. Я уже собрался приступить к разработке этого предмета, когда меня арестовали. А после этого события сын некоего господина Шевалье из Руа, священник, выполнил эту работу и напечатал ее под именем своего отца[85]. Он недавно передал мне некоторое количество экземпляров своего сочинения, один из них я посылаю на Ваше суждение. Что до меня, я полагаю, что предмет здесь совсем не разработан и что на шести страницах нельзя даже поверхностно коснуться его. Если, однако же, Вы рассудите, что это сочинение (до того, как людям предложат нечто более ясное, более убедительное и более способное побудить их прийти в движение, чтобы поддержать свое требование и придать ему силу) может оказаться полезным и подготовить умы, то я прошу Вас ради блага многих людей доставить это сочинение нескольким сотням коммун, где есть много церковных земель. Я обращаюсь к Вам, милостивый государь, как к человеку, который, я полагаю, способен разделить мою точку зрения на необходимость предотвратить расхищение владений левитов. Сейчас, бесспорно, еще есть время, продажи еще не произведены, но, пожалуй, если откладывать, то через несколько недель уже будет поздно. Тот, кто сумеет этому воспрепятствовать, и все, кто будет ему помогать, несомненно, заслужат благодарность многих честных людей *.

Я отправлюсь к нему отсюда.

А как обстоит дело в Лионе в смысле соляной подати? [86]

---

* *Следующие две строки — пометка Бабефа на черновике письма.*

ВЕЛИКОЛЕПНЫЙ ПРАЗДНИК КОРОЛЕВЫ В ТЮИЛЬРИ И НА ЕЛИСЕЙСКИХ ПОЛЯХ[87]

25 июля 1790 г.

«Королева устроит в воскресенье, 25 июля, блестящий праздник на Елисейских полях и в Тюильри. Уверяют, что она намерена прийти танцевать и объединиться с простым народом. Мы убеждены, что эта смелость не будет иметь никаких печальных последствий для государыни, ошибки которой никогда не были ошибками ее сердца, а только развращенных людей и бесстыдных женщин, которыми ее окружали».

Таково замечательное сообщение, составленное одним писакой («Наблюдатель», издаваемый Гийомом-младшим, № 151), позаботившимся привлечь наше внимание к новому празднику, который без него остался бы незамеченным для большинства. Кое-где афиши уже об этом сообщили, но без указания времени и без каких бы то ни было подробностей. Сообщили только, что представление патриотического певца г-на Руджури откладывается из-за этого королевского праздника и что фейерверк состоится после него.

Поскольку речь идет только о танцах для народа, с которым Мария-Антуанетта, если верить «наблюдателю» Гийому, не гнушается объединиться, мы не можем сообщить никаких заслуживающих внимания подробностей. Но мы позволим себе несколько замечаний по поводу возможных политических причин, которые могли бы побудить королеву французов совершить поступок, способный снискать ей популярность.

Если есть события, которые на первый взгляд кажутся совершенно безобидными, но при внимательном рассмотрении могут привести к важным последствиям, то праздник, который сегодня дает королева, относится именно к таким. С каких пор жена обладателя исполнительной власти прониклась такими нежными чувствами к французскому народу? И каковы ее замыслы, если она устраивает такой пышный, а значит и очень дорогой, праздник, тогда как в ожидании четырехмиллионного наследства она располагает только тем, что может уделить ей муж из своего цивильного листа. Если на этот праздник расходуются деньги короля, то заявлять, что он устраивается Марией-Антуанеттой, значит злоупотреблять словами; объявите же, что это — праздник Людовика Капета.

Но есть еще другое соображение. Если г-н Капет начинает пользоваться 25 миллионами, которые отпускает ему нация, для того, чтобы позабавить свою жену, то нельзя ли опасаться, что, таким образом, к концу года ему нечем будет покрывать расходы своего двора, и тогда кто придет ему на выручку?

Прежде чем думать о праздниках, следует поразмыслить над тем, какова их цена и каковы должны быть их результаты. Но об этом, кажется, совсем и не задумываются в эти суматошные и шумные дни...*

Г-НУ ВЕРНЬЕ, ДЕПУТАТУ ОТ АВАЛЯ[88]

Париж, 27 июля 1790 г.

Милостивый государь!

Мы выпустили в свет в прошлом году, непосредственно перед революцией, сочинение, озаглавленное «Постоянный кадастр, или Изложение правильных способов создания этого важного труда, обеспечивающих справедливые и постоянные принципы раскладки и необременительного взимания единого налога как с земельных владений, так и с личных доходов».

Это сочинение было представлено в октябре минувшего года в Национальное собрание, коему оно было посвящено. Но, поскольку за истекшее с тех пор время еще не занялись всерьез вопросом о налогах, мы не были удивлены тем, что рассмотрению нашего плана по существу не было уделено внимания.

Однако после декрета от 20-го сего месяца, гласящего, что «комитет налогов должен безотлагательно представить проект нового порядка взимания государственных налогов», мы опять вернулись в строй, и мы смогли убедить принять по экземпляру нашей книги как г-на председателя Национального собрания, так и каждого из членов комитета налогов.

Поскольку мы много занимались этим предметом, мы, естественно, следим за всем, что могло иметь к нему отношение. Поэтому, м. г., печатная работа, изданная Вами под заглавием «Новый план налогов и финансов», не ускользнула от нашего внимания.

Мы признаем без лести, что это единственное сочинение, по нашему мнению, предлагающее разумный и обоснованный план. И мы смеем также сказать, милостивый государь, что это сочинение сильно приближается к нашему, и может даже показаться, что мы с Вами заранее согласовали наши основные позиции.

Мы взяли на себя обоснование того великого основного принципа, хотя еще и не декретированного Национальным собранием, что все налоги, какого бы рода они ни были, должны ложиться на каждого гражданина пропорционально его возможностям. Вы тоже исходите из этого твердого правила, составляя свой план.

Как и мы, Вы убедились в том, что для установления такого пропорционального равенства необходимо, чтобы все общие налоги были соединены и слиты в единственный и единый налог как на земельные владения, так и на личные доходы и заработки.

* *На этом рукопись обрывается.*

Как и мы, Вы убедились в том, что для обеспечения правильных пропорций в определении размера и раскладки поземельного налога необходимо создание поимущественного кадастра. Мы пошли дальше этого, мы заложили также основы личного кадастра для той части налога, которая должна лечь на личные доходы и заработки.

Мы изложили весь механизм и материальную организацию этого кадастра и сделали его настолько простым, что, имея в руках нашу книгу, работники даже самых малых интеллектуальных способностей могли почти механически выполнять каждый свою задачу. Вы дали наброски методов, полностью сходящиеся с нашими.

Ваши округленные ливры соответствуют предлагаемой нами условной денежной системе или налоговому ливру.

Вы предлагаете те же средства, что и мы, для получения сведений о размерах личных состояний, а также и доходах и заработках.

Мы хотим уничтожить почти все, что связано с нашими старыми откупами и управлениями по сбору косвенных налогов, и Вы тоже не хотите сохранения тех ведомств, которые, полагаете Вы, могли бы, однако, выпасть из поля зрения тех, кто составляет планы реформы.

Мы делаем наш Кадастр постоянным в полном смысле этого слова. Это достигается с помощью подлинно оригинальных методов, которые Вас, несомненно, поразят. Вы поняли, м. г., как видно из стр. 32 Вашего сочинения, сколь важен и полезен такой результат для кадастра.

Мы имеем честь препроводить Вам экземпляр нашей книги о кадастре. Говорят, человеку присуще привязываться ко всему, что близко к тому, что он особенно любит. В таком случае мы осмеливаемся предвидеть, что найдем в Вашем лице, м. г., покровителя нашей книги. Но мы просим об оказании такого покровительства лишь в той мере, в какой его следует оказывать добрым делам, полезным делам. Мы, в частности, обращаемся к Вам, м. г., потому что Вы лучше кого-либо другого знаете предмет, о котором идет речь. Вы, наверное, убедитесь, бросив взгляд на нашу работу, что она порождена патриотизмом, а не личной заинтересованностью, и что, пожалуй, этот план не из числа тех, которые содержат лишь отрывочные и беглые понятия по каждому вопросу.

Имеем честь...

СВЯЩЕННИКУ В ЛОНГЕВАЛЕ [89]

О мой друг! (Простите это излияние души, глубоко взволнованной теми скорбными воплями, которые исторгают у нас Ваши жгучие страдания.) Мой друг!! увы! все люди становятся

друзьями, когда они в беде, а различия рангов возникали всегда как следствие щедрот судьбы, вскруживших голову смертным и ослепивших их до такой степени, что они поверили, будто в их жилах течет кровь более чистая, нежели кровь их неимущих братьев... Итак, мой друг... я со слезами на глазах выражаю чувства, вызванные у меня историей беззаконных преследований, которым Вы подвергаетесь. Итак, еще раз надо будет пролить свет на это дело, которое потому только стало таким злополучным для Вас, что все еще существует множество бедных людей... Итак, мало того, что правдивый и мужественный человек осмелился стать выше всех этих мелких, обыденных человеческих соображений, чтобы позволить возвышенной правде говорить на том единственном языке, который ей подобает. Чтобы полностью распутать ужасный хаос, откуда разворачивались длинные цепи чудовищных бедствий, столь долгое время сыпавшихся на несчастный народ из жестоких рук агентов фиска; чтобы вынудить, наконец, низменный эгоизм умолкнуть перед бесспорностью высокого разума и велениями справедливости; итак, чтобы прекратить шипенье тех, кто действует из низменных личных интересов, и вынудить всех предателей удерживать порывы ядовитой злобы, которую вызывает у них зрелище возвышенной честности, мало было того, что человек, обладавший философией, умеющий противостоять всяким актам варварства, похищениям, застенкам и различным ужасам, всегда сопровождающим несправедливые преследования, сорвал все гнусные козни этих бешеных тиранов, заставил их укрыться в их вертепах разврата, где они тайно обдумывали свои черные заговоры, подготовил, быть может, полное низвержение этих представителей власти, которые вели такого рода коварные и подло угнетательские интриги. Нужно еще, чтобы и сейчас новые ухищрения вызвали новые преследования и чтобы произведение, полезное в глазах всех честных граждан, послужило явным изменникам предлогом для преследования мудреца, чья добродетель, равно как и все, идущее от тех, кто ему подобен, смущает их развращенные души. Гнусного податного суда нет более, а на его постыдных развалинах, из его подлого пепла уже собираются вырасти новые приспешники откупщиков, которые постараются возбудить самые нелепые инквизиторские преследования против наиболее безупречных граждан! И неужели подобные действия имеют место в учреждениях, созданных новой конституцией? По крайней мере никто не сможет сказать: такая подлость была учинена на моих глазах, а я, возведенный народом в новоявленные трибуны, сохранил трусливое и преступное молчание!!!

Вы адресуете, дорогой друг, Ваше письмо «в мой особняк»...! Великий боже! у меня нет «особняка», и я благодарю тебя за это. Но в простой хижине, в которой я обитаю, я храню в груди чувствительное сердце, и за это я тоже благодарю тебя. Да придут ко мне угнетенные со своими жалобами; одно то, что они угне-

тены, уже дает им бесспорное право требовать, чтобы я их защищал. Все средства, которыми я располагаю, полностью принадлежат им, и они могут ими распоряжаться. А потому, мой дорогой священник, скажите, что Вы хотите от меня. Должен ли я разоблачить Ваших жестоких противников перед всеми людьми, способными негодовать при виде гнусных преследований и отомстить за них? Следует ли обратиться в суд в Перонне, чтобы обеспечить там торжество Вашей невинности и заставить их, если нужно, признать ее? Говорите, ничто меня не остановит, я иду, я бегу, я там буду, как только Вы этого захотите.

Свою миссию я начинаю со следующего письма г-ну Карпеза, королевскому прокурору уголовного суда в Перонне. Я посылаю ему это письмо вместе с копией Вашего письма и моего настоящего ответа.

Имею честь быть со всем внушаемым Вами сочувствием, м. г., Вашим и т. д.

Королевскому прокурору уголовного суда в Перонне Карпеза

М. г., я получил от г-на священника в Лонгевале письмо, копию которого при сем прилагаю, вместе с ответом, посланным мной этому угнетенному пастырю.

Бесхитростность его рассказа внушит Вам, вероятно, милостивый государь, как и мне, решительную уверенность в его невинности. Что говорю я, в его невинности? Да может ли он не быть невинным? В каком преступлении можно было бы его обвинить? *

ПИСЬМО ЖЕНЕ

12 августа 1790 г.

Я пишу тебе, мой дорогой друг, из того места, о котором мы условились, что я туда поеду. Сразу по моем прибытии мне дали для переотправки тебе печатный материал, который следует поместить в газетах Марата, Прюдома и Камилла Демулена. Отнеси каждый пакет по указанному на нем адресу, как только ты их получишь.

Расставшись с тобой в субботу вечером, я вместо того, чтобы остановиться после трех или четырех лье пути, не чувствуя никакой усталости, шел всю ночь и на рассвете оказался в Пон-Сен-Максансе, где встретил повозку, которая меня подвезла и потихоньку доставила в Руа. Я прибыл туда вечером, и меня там так радушно встретили, что я лишь сегодня мог добраться до места, которое ты знаешь. Я вчера получил твое письмо вместе с двумя другими, вложенными в него. Мне говорят, что ты должна была получить довольно толстый пакет печатных изданий с человеком,

* *На этом текст обрывается.*

который специально отправился, чтобы тебе их передать. Мне поручено сообщить тебе, чтоб ты их передала г-ну Рютледжу, который их распределит по своему усмотрению. Скажи ему, что эти печатные издания тебе прислал Девен.

Мне было бы очень приятно, если бы ты мне отослала рукописное письмо, которое приложено к этим печатным текстам. Адресуй свой ответ следующим образом: г-ну Девену, типографу, для передачи г-ну Бабефу в Нуайоне.

В настоящий момент ничего больше сказать тебе не могу. Я напишу тебе более подробно.

Прощай, напиши мне, как чувствуешь себя ты, а также наш дорогой Робер, и сообщи мне все, что тебе известно о нашем деле.

Бабеф

ПИСЬМО ЖЕНЕ

Нуайон, 14 августа 1790 г., пять часов утра.

Моя поездка не была удачной, мой дорогой друг, г-н Галоп [90] ничего не мог мне уплатить; по его словам, у него не было и шести франков. Он мне твердо обещал, что, если его фермеры в ближайшие дни ему заплатят, он даст мне аванс. Я возвращаюсь сегодня в Руа и после этого отправлюсь к г-ну Ориеллю, чтобы просить и его об авансе. Ты видишь, что я не могу к тебе вернуться в ближайшие дни; поверь, это меня страшно огорчает. Как ты поступишь? Я не вижу другого выхода, кроме как показать это письмо г-ну Одиффре, но так, чтобы об этом не знала его жена, и просить у него одолжить еще несколько экю жене его друга; ты знаешь, мы не замедлим их вернуть; нам должны, но в это злосчастное время, когда монета стала у всех такой редкостью, мы страдаем от задержки платежей; это вызывает у нас жестокое безденежье ввиду всех расходов, которые мы вынуждены были понести.

Видела ли ты господина генерального прокурора? Я не уверен, можем ли мы рассчитывать на обещанную им должность и подходит ли она мне. Во всяком случае я сделаю здесь другую попытку. Г-н Девен печатает для меня проспект газеты под названием «Пикардийский корреспондент»; все расходы взял на себя г-н Галоп. Как только проспект будет готов, я перешлю его г-ну Одиффре.

Ответь мне сейчас же, адресуй твои письма так: г-ну Девену, типографу и книготорговцу в Нуайоне, для г-на Бабефа.

Обнимаю тебя; наберись мужества, я обязательно попытаюсь вырваться из этого состояния кризиса, в которое тебя и меня завели наши несчастья. Крепко целую наше дорогое дитя.

Бабеф

ПИСЬМО ЖЕНЕ

Нуайон, 20 августа 1790 г.

Мой милый друг, ты, наверное, в плохом настроении, я в этом уверен, и это меня огорчает так, что ты даже представить себе не можешь. Ты скажешь, что я небрежен, но ты убедишься в обратном, как только я объясню тебе, почему я не мог написать тебе раньше. Когда я написал тебе от г-на Галопа, я велел тебе направлять твои письма в адрес г-на Девена, потому что я рассчитывал остаться у него несколько дней, чтобы наблюдать за печатанием моего проспекта. И я, действительно, вернулся ночевать в Нуайон в пятницу вечером, но г-ну Девену нужно было отправляться в субботу утром в Париж, куда он рассчитывал прибыть вечером того же дня, пробыть там воскресенье, отбыть обратно в понедельник утром и прибыть в Нуайон в понедельник вечером. При этом он должен был на минутку заглянуть к тебе, он мне это обещал. Но он не выполнил этого обещания, он к тебе не зашел. Правда, в остальном он управился с делами так скоро, как надеялся, он все успел. Я не мог себе представить, что он так быстро справится. Я вернулся в Руа в субботу, и хотя Девен сказал мне, что я смогу отправиться в Нуайон во вторник утром, я вообразил, что он к тому времени не вернется, и я отправился к нему лишь в среду вечером. Я к тому же хотел быть во вторник в Руа, потому что надеялся получить там ответ на второе письмо, посланное мной тебе из Нуайона перед отъездом в субботу утром. Я ничего не получил кроме того, что пришло в Нуайон к моему приезду третьего дня в среду, это был твой ответ на мое письмо, отправленное от г-на Девена. Вчера, в четверг, я не мог тебе ответить по причинам, подробное изложение которых потребовало бы целую страницу, главным образом потому, что надо было наблюдать за печатанием проспекта. Сегодня я тебе пишу, и, как ты видишь, я не так небрежен, как ты могла бы предположить. Я хотел тебе все объяснить, стараясь утешить тебя хоть немного в той тревоге, которую, я в этом уверен, ты пережила.

Меня нисколько не удивляет, что ты мне пишешь относительно г-на Барвилля [91]. Эти люди хотели, видно, только получить у меня то, что им было нужно, а уплатить дымом, т. е. обещаниями. Думаю, что я правильно сделал, приехав сюда подготовить коечто, что я считаю более верным делом, и думаю, что тебе тоже лучше не изнашивать своих ботинок на хождение к этим милым людям. Ты ведь знаешь, если бы они даже предложили мне у себя какую-нибудь должность, я не смог бы ее занять. Это было бы вовсе не по мне. Нам придется немного подождать, пока то, что я готовлю, будет на ходу, но если бы я мог здесь вдаваться в подробности, ты бы, так же как и я, предположила, что мне это удастся.

Положение наше грустное, но мы не одни достойны сожаления. Многие другие тоже не могут добиться того, чтобы им уплатили должное; непостижимо, до чего деньги стали редкостью. Г-н Галоп откровенно признался мне дней восемь тому назад, что у него дома не было и шести франков. Я, кажется, тебе написал, что тот господин, с которым он был связан, уже не живет больше у него. Этот г-н Галоп написал мне вчера; он сообщает мне, что сегодня или завтра приедет в Нуайон повидать меня. Я надеюсь, что он мне даст задаток. Он некоторым образом гарантировал Девену покрытие расходов в начале издания моей газеты. Если он даст мне денег, то ты понимаешь, что у меня не будет дела более срочного, как послать их тебе. Надо также поехать в Сен-Кантен, если я хочу получить деньги, которые мне там должны, и я рассчитываю отправиться туда на будущей неделе. При получении твоего письма я написал отсюда г-ну Губо с просьбой послать тебе те двадцать четыре ливра, о которых шла речь. Завтра я узнаю через почту в Руа, отправил ли он тебе их.

В ожидании того, когда я смогу тебе помочь, если случится, что еще несколько дней я ничего не смогу тебе послать, придется попросить наших друзей еще раз прийти нам на помощь. Покажи им это письмо, и я не сомневаюсь в том, что они войдут в наше положение. О, злосчастное сцепление обстоятельств, почему так складывается, что приходится постоянно напоминать себе о том, что ты — отец и супруг, чтобы одолеть сильнейшее искушение утопиться. Вдобавок, в этой проклятой столице нельзя ни одного дня обойтись без денег. Тебе не терпится оттуда уехать, и я понимаю твое нетерпение. Будь уверена, что, если я смогу что-либо сделать, через четыре дня тебя уже там не будет.

Г-н Галоп сообщил мне, что он еще раз написал человеку, который должен был передать тебе пакет, и велел ему отнести этот пакет тебе. Если ты его получишь, не раздавай ничего, храни все у себя.

Проспект будет отпечатан сегодня, завтра или послезавтра я его передам г-ну Одиффре, которому я пишу с просьбой договориться на почте о плате за пересылку проспекта, а затем и газеты.

Я не очень хорошо знаю, куда тебе следует адресовать письма для меня, потому что не могу рассчитать, где я буду, когда придет письмо. Пиши мне на адрес Девена, он перешлет твое письмо туда, где я буду находиться.

Как чувствует себя мой бедный малыш? А ты?

Ты хочешь, чтоб я рассказал тебе об обстоятельствах моего приезда в Руа. Я писал тебе, что в Пон я прибыл в воскресенье утром, в половине седьмого. Я зашел позавтракать в маленькое кафе, расположенное против дома Добе, брата того Добе, который живет в Руа. Я там сказал, кто я. Это привлекло довольно большую группу людей, и они осыпали меня приветствиями. Меня обнимали, целовали. Они видели те номера газеты Марата, в ко-

торых дан отчет о моем деле, спрашивали, нет ли у меня еще. Я им дал несколько экземпляров. Они их с жадностью читали, вырывали друг у друга. Меня упрекали, что, когда я проезжал под конвоем сбиров из жандармерии, я не кричал: «Нация, ко мне!» Короче говоря, завтрак был очень веселый, и мне не позволили платить. Один торговец табаком из Эра в Артуа был на этом завтраке. Он возвращался к себе, а его повозка была у г-на Добе, у «Большого оленя». Он предложил подвезти меня, и я согласился. Он меня вез всю дорогу, не соглашаясь, чтобы я хоть одним су участвовал в расходах. Он всюду угощал меня лучшим вином и всеми самыми тонкими блюдами, которые удавалось достать. Всюду, где мы останавливались, он сразу же объявлял, что я — такой-то, что со мной приключилось то-то и что я вел себя таким-то образом. После чего мне приходилось выдерживать столько объятий, сколько было слушателей у гражданина из Эра. Когда мы прибыли в Тиллолуа, меня там узнали. Я должен был выйти из повозки и зайти к г-ну Леконту, шорнику и содержателю харчевни. Добрая часть населения деревни пришла туда посмотреть на меня как на диковинку. Сначала радость, испытываемая при виде меня всеми этими честными поселянами, которые меня окружали, выразилась в поцелуях, объятиях и приветствиях, исполненных деревенского простодушия. Но вскоре они захотели создать еще большее веселье, внести еще большее оживление в эту неожиданную встречу с человеком, судьба которого, как они говорили, внушала им глубокое беспокойство. Тут же была приготовлена импровизированная трапеза. Человек пятнадцать сели за стол, на котором оказалось вино, несколько пирогов, салат, орехи. Все были в таком восторженном состоянии, что они хотели, чтобы ел только тот, кого им угодно было назвать героем праздника. Он выразил глубокое удовлетворение, внушаемое ему честной простотой этой скромной трапезы и чувствами, которые проявили по отношению к нему ее организаторы. На всех лицах можно было читать сердечность, искренность, радушие. На этом неожиданном празднике не было и следа натянутости: вместо нее царила непринужденность. Несмотря на скромность блюд, это был подлинный пир свободных и равных людей. Мы пили за ту свободу и то равенство, к которым пикардийцы всегда будут привязаны, вопреки всему, что могут говорить и делать некоторые люди. Запели также песню «Да здравствует Генрих четвертый», имея в виду применение, слишком для меня лестное. К этому добавили несколько озорных выпадов против всех аристократов вообще и в особенности против тех, кого считают виновниками испытанных мною преследований. Это увеселение продлилось до вечера и затянулось бы еще дольше, если бы я решительно не настоял на завершении его. Меня проводили до Пти-Локура, опять-таки со всякими проявлениями общего ликования. Здесь полагалось проститься, но из десяти человек, составивших мой кортеж, двое во что бы то ни стало захотели идти до Руа. Мы при-

были туда без шума, так как я просил моих двух провожатых тщательно сохранять тишину, когда мы проходили по предместью. Мы остановились в трактире Сен-Мартен, куда ранее прибыл господин из Эра, покинувший меня в Тиллолуа. Я просил его не сообщать о моем прибытии никому, кроме хозяйки дома, что он и сделал, и в ожидании меня был приготовлен добрый ужин. До того, как я вошел в дом, никто ничего не знал, но тут сразу явилось полно народу, и за столом собралось человек двадцать. Потребовалось бы еще более двух страниц, чтобы в подробностях тебе описать то веселье, которое царило за этим ужином. Если б я не решил сократить это описание, ему бы не было конца. Довольно будет, если я тебе скажу, что не мог принять и половины приглашений на обеды и ужины и что мне до сих пор еще ни разу не понадобилось зайти в булочную или готовить дома. Когда я прохожу по улицам, иногда кричат: «Да здравствует нация!»; кое-кто взбешен, но большинство на моей стороне. Люди особенно недовольны тем, что я уклонился от почестей, которые были уготовлены для моей встречи. В день моего приезда был избран новый мэр города; если бы жители Руа знали заранее о моем возвращении, я был бы избран независимо от моего желания; избрали Лонгекана. Все очень довольны, что я намереваюсь издавать пикардийскую газету, и в нашей округе у меня не будет недостатка в подписчиках [92]. На следующий же день после моего приезда ко мне прибежало много крестьян с просьбами о советах, составлении жалоб, но подготовка к изданию газеты не дала мне возможности удовлетворить их просьбы. Я сообщил им, что часть моей газеты будет посвящена ответам на запросы относительно наших новых законов, они были чрезвычайно довольны этим. Полагаю, что эта моя идея обеспечит успех предприятия, потому что граждане смогут получать все нужные им сведения, не выходя из дому.

Кавалеристы полка Берри растеряны и смущены донельзя. Наши национальные гвардейцы, подозревавшиеся в связи с моим делом, не знают, как себя держать при встрече. Они притворно говорят мне любезности, чтобы внушить мне, будто всегда были моими верными товарищами.

Не знаю, как мне поступить с г-ном Галопом. Он собирается снабжать меня материалом, который может заполнить половину моей газеты, но не думаю, чтобы его материал подошел для меня.

Не затеряй это письмо, ты мне его вернешь при встрече, и верь, что, когда бы она ни произошла, для меня это все-таки не будет достаточно скоро.

Твой друг Бабеф

Поцелуй от меня бедненького малыша. Засвидетельствуй мое почтение всем нашим друзьям.

«ПИКАРДИЙСКИЙ КОРРЕСПОНДЕНТ» И РЕДАКТОР ПРЕДЛОЖЕНИЙ ВТОРОМУ НАЦИОНАЛЬНОМУ СОБРАНИЮ[93]

Газета, предназначенная для жителей кантонов, городов, местечек, сел, деревень и муниципалитетов департамента Сомма, охватывающего дистрикты Амьен, Аббевилль, Дулан, Мондидье и Перонн; департамента Эна, включающего дистрикты Шато-Тьерри, Шони, Сен-Кантен, Вервен, Лан и Суассон; и департамента Уаза, состоящего из дистриктов Бове, Бретей, Шомон, Клермон, Компьен, Крепи, Гранвийон, Нуайон и Санлис.

Издатель Ф. Н. Бабеф, автор Петиции о налогах и соляных пошлинах, Постоянного кадастра и некоторых других патриотических сочинений.

Будь то наши родные сыновья, братья или отцы,
Коль они — тираны, Брут, они — наши враги.
У истинного республиканца нет другого отца и сына
Кроме добродетели, богов, законов и родины.

«Смерть Цезаря», II акт

В Нуайоне, у Ж. Ф. Девена, типографа и книготорговца,
1790

ПРОСПЕКТ

С тех пор как новый порядок вещей возбудил в каждом гражданине интерес к вопросам политического управления, с тех пор как все поняли, сколь важно постоянно получать сведения о действиях законодателей и хранителей закона, нет никого, кто не стремился бы быть повседневно осведомленным в вопросах законодательства. Все почувствовали необходимость пройти своего рода курс государственного права. Повсюду занимаются углубленным изучением прав и обязанностей человека в обществе. И отправляясь от этой принципиальной основы в повседневном наблюдении за работами Учредительного собрания, люди одобряли или осуждали их, в зависимости от того, находили ли они, что те или иные части этих работ соответствовали принципам этих общественных прав и обязанностей, или, наоборот, отклонялись от них.

Газеты и периодические издания были теми обильными источниками, в которых каждый день черпали сведения, в коих испытывали потребность. Но, помимо того, что не все эти издания были воодушевлены сознательной любовью к родине, было еще и такое неизбежное неудобство: все эти издания исходили из одной точки, все печатались в Париже, все имели отношение к интересам столицы. Они могли нравиться жителям этого большого города, потому что, помимо отчета о работах сенаторов, они освещали лишь события, происходившие в этом городе, хотя бы и не особенно важные. Буржуа, ремесленник наших провинциальных городов, землевладелец и сельский житель не находили в них ничего, что бы их особенно интересовало, ничего, что близко ка-

салось бы их. В самом деле, трудно было достигнуть того, чтобы одно периодическое издание охватывало все, что может быть интересно для каждой провинции. И представлялось бы желательным для лучшего осведомления, чтобы каждая из них имела свою особую газету. Известно, что наше воображение любит заниматься предпочтительно окружающими нас предметами. Это-то соображение и внушило нам уверенность в том, что мы сможем заинтересовать всех жителей нашего края, уделяя внимание главным образом распространению среди них информации о предметах, относящихся к их местным интересам, к тому, что происходит непосредственно около них.

Наш план, как вы увидите, чрезвычайно широк. Он огромен. Для выполнения его мы рассчитываем не столько на наши силы, сколько на наше рвение и на наш беспредельный патриотизм. Беглый взгляд на этот план позволит судить о его обширности. Но мало предложить труд объемистый; важно, чтоб он был полезным. Мы смеем утверждать, что этот труд будет полезным. Мы даже осмеливаемся сказать, что направление, которое мы себе наметили, обязательно приведет нас к результату, гораздо более солидному, чем результаты, достигнутые любым другим периодическим изданием. Перейдем же к детальному рассмотрению этого плана.

Наше сочинение будет делиться на четыре части.

Часть первая: «Критические соображения о различных декретах, принятых со времени начала работы Учредительного собрания». В этом разделе мы дадим последовательно полное собрание декретов нашей новой законодательной власти и по каждому из этих декретов комментарии и аналитические замечания, позволяющие правильно оценить их. Посредством серьезной и углубленной дискуссии мы побудим тех, кто соблаговолит читать нас и будет, подобно нам, воодушевлен желанием способствовать общему благу, высказываться за сохранение одних декретов и за исправление других (ибо никто не станет утверждать, будто в новой конституции ничто не может быть пересмотрено). Это серьезное рассмотрение декретов позволит нам постепенно и методически определять, какие из них следует сохранить, а также предложить текст новых декретов, которыми, по нашему мнению, следует заменить в ходе работ собрания декреты, не получившие общего одобрения. Выполняя эту большую работу, мы рассчитываем представить одновременно полный свод законов первого и второго собраний или, по меньшей мере, в отношении последнего, самый полный перечень работ этого второго собрания, как это и обещано в нашем заглавии.

Часть вторая: «Петиции, обращения и инструкции различным административным органам». В этом разделе мы поместим образцы различных заявлений, которые, по нашему разумению, должны быть сделаны большинством граждан. Мы увеличим способность этого могучего средства противопоставить спасительный

барьер тем, кто попытался бы нанести ущерб общим правам, и мы используем такого же рода заявления, поводы для которых могут быть замечены отдельными нашими соотечественниками и указаны нам.

Часть третья: «Корреспонденции, консультации, смесь и разное». Мы полагаем, что эта часть будет не менее полезна. Ее первая цель заключается в поддержании посредством нашей газеты переписки со всеми согражданами, которые пожелают направить нам изложение своих взглядов на общественное благо. В этой части мы будем тщательно выполнять ту работу «Корреспондента», которую мы взяли на себя. Здесь мы будем печатать письма, мнения, записки и инструкции, относящиеся к общественным делам, с изложением всего достойного внимания, что будет происходить в муниципальных собраниях и в собраниях кантонов, дистриктов, департаментов, в судах и национальных гвардиях всех тех мест, где она образована. Целью этих корреспонденций могут быть также консультации по всякого рода вопросам, касающимся нашей новой конституции и нашего нового государственного права. Мы ответим на различные могущие быть нам поставленными вопросы со всей срочностью, доступной нам благодаря постепенному и внимательному изучению всех декретов по мере их выхода из рук наших законодателей. При помощи этого нового способа консультации наши сограждане смогут получить бесплатно, никуда не выезжая, всякого рода разъяснения как по их частным, так и по общим делам. Наконец, мы рассчитываем оказать этим путем большие услуги, главным образом сельским жителям. И мы думаем, что сможем помочь им нашими заключениями, относящимися преимущественно к следующим трем главным предметам: 1) налоги; 2) выкуп десятин, шампаров, цензов, сеньериальных и феодальных повинностей и т. д.; 3) все, что касается управления муниципалитетами, кантонами, дистриктами, департаментами и т. д. Мы с тем большим основанием обещаем давать подробные разъяснения по двум первым вопросам, что в том, что касается налогов, сведущие люди любезно заверили нас, что эта тема основательно разработана в нашем труде о постоянном кадастре; а что касается феодальных и сеньериальных повинностей, то доброй части провинции небезызвестно, что с этой областью мы были связаны до революции.

Часть четвертая: «Повседневные заседания различных административных собраний». Со дня открытия нашей газеты мы начнем давать отчеты о заседаниях Национального собрания. Отчеты эти будут очень сжатыми, но достаточными для того, чтобы не надо было прибегать к другим газетам для ознакомления с работами законодательной палаты. Тексты декретов будут даны полностью, без всяких замечаний и деталей предшествовавших их принятию прений. Как было сказано выше, соображения относительно общего хода законодательных работ будут даваться своевременно во второй части нашего издания.

В этой четвертой и последней части мы дадим отчеты о работах различных собраний департаментов, дистриктов, кантонов и муниципалитетов.

Чтобы не упустить ничего, могущего сделать наше издание всесторонне полезным, мы используем обложку каждого номера для объявлений о продаже имений и для разных извещений. Мы будем печатать эти извещения и объявления бесплатно, при условии, чтобы нам их присылали с погашенным почтовым сбором.

Идея газеты корреспонденций не принадлежит нам. Один гражданин из департамента Эр и Луар затеял такое издание в своем департаменте и тем первый подал нам эту идею. Воодушевленные как выраженными им пожеланиями о том, чтобы каждый департамент имел свою особую газету, так и соображениями о полезности такого издания для края, где мы проживаем, мы решили последовать его примеру во всей третьей части, касающейся корреспонденции. Возвращаясь к этой важной третьей части, мы воспользуемся его же выражениями, формулируя весьма существенное замечание, что, поскольку наша газета есть некое общественное хранилище, где каждый будет иметь право помещать и заимствовать соображения мудрости, благотворительности и патриотизма, все без исключения и без различия граждане трех департаментов смогут посылать нам всякого рода записки, мнения, соображения и проекты, относящиеся к общественному благу. Мы определенно обязываемся печатать их немедленно и бесплатно в «Корреспонденте». Поскольку целью этого издания будет установление переписки между всеми гражданами дистриктов, кантонов, городов, местечек, сел, деревень и муниципалитетов трех департаментов, то от них, равно как и от нас, будет зависеть снабжение раздела «Корреспонденции» материалами.

Этот раздел «Корреспонденции» даст возможность должностным лицам городских и сельских муниципалитетов информировать друг друга о своих работах. Они будут взаимно обучать друг друга, друг другу помогать и друг за другом наблюдать.

Поскольку свободный писатель должен говорить и о лицах, и о вещах только то, что ему подсказывает его совесть, поскольку он с равным рвением преследует недобросовестного чиновника и воздает должное тому, кто достойным образом выполняет свои обязанности, мы в этом же разделе «Корреспонденции» дадим возможность гражданам, принявшим участие в выдвижении должностных лиц, пересмотреть совершенный ими выбор, справедливо судить о талантах и добродетелях и подготовиться к новым выборам.

«Корреспонденции» будут особенно способствовать привитию молодым гражданам вкуса к общественным делам и развитию в их душах чувства благородного соревнования. Она побудит их мечтать об установленном законом возрасте, когда они будут допущены в категорию граждан, имеющих право обсуждать то, что касается общих интересов, и будут добиваться чести быть избран-

ными. Она удовлетворит их жадное любопытство, рисуя им картины честной и полезной деятельности. Она поможет им заблаговременно освоиться с формами управления и его деталями. Посредством уроков и примеров она подготовит их к тому, чтобы они в будущем достойно несли звание гражданина.

Резюмируем сказанное относительно нашей главной цели. Читатель, вероятно, заметил, что мы намереваемся совершить работу более значительную, нежели та, которую когда-либо предпринимал какой-либо публицист: мы имеем в виду аргументированную критику конституционных декретов нынешнего собрания, и, исходя из этой критики, мы предложим в нашей же газете «Редакцию наказов для следующего собрания». Эта важная работа дает нам смелость предвидеть, что наши выпуски будут полезны не только гражданам тех трех департаментов, коим они специально предназначаются, но и всем жителям других департаментов королевства.

Условия и цена подписки

«Пикардийский корреспондент» в объеме двух печатных листов, 32 страниц, такого же формата и печати, как и настоящий проспект, будет выходить регулярно, в субботу каждой недели, начиная с первой субботы сентября. Но первый номер мы сможем выпустить лишь во второй неделе сентября. Дабы наши читатели ничего при этом не потеряли, одновременно выйдет в свет и второй номер.

Цена подписки — 6 ливров за три месяца, 12 ливров — за шесть месяцев, 24 ливра — за один год.

Записки, письма, сообщения, обращения, петиции, вопросы для консультации, мнения, проекты, объявления и сочинения, которые кто-либо пожелает довести до сведения публики при посредстве «Корреспондента», просьба посылать оплаченным почтовым сбором господину Губо в Руа.

Подписка принимается в Париже и в провинции:

В Париже — у г-на Одиффре, негоцианта, улица Кенкампуа, № 40;

в Амьене — у г-на Карона-Беркье, типографа-книготорговца, Рю Сен-Мартен;

в Аббевилле — у г-на Лефевра-младшего, нотариуса;

в Дулане — у г-на директора почты для писем;

в Альбере — у г-на Шоке, торговца бакалеей;

в Корби — на почте для писем;

в Бретей — на почте для писем;

в Мондидье — у г-на Леру-отца, книготорговца;

в Руа — у г-на Губо, негоцианта;

в Нелле — у г-на Булоня-отца, торговца;

в Аме — у г-на Буане, виноторговца;

в Перонне — у г-на Лесне, книготорговца;

в Сен-Кантене — у г-на Муро, типографа;
в Вервене — у г-на Иовено Дарраса, негоцианта;
в Лафере — на почте для писем;
в Шато-Тьерри — на почте для писем;
в Шони — у г-на Кантена, торговца галантереей;
в Лане — у г-на Куртуа, типографа;
в Суассоне — у г-на Ворокье, типографа;
в Компьене — у г-на Бертрана, типографа;
в Гурне-сюр-Аронд — на почте для писем;
в Крепи, в Валуа — на почте для писем;
в Бове — у г-на Лелиевр, учителя правописания, улица Тентюрье;
в Санлисе — у г-на Дерока, типографа, и Трамбле, книготорговца;
в Виллер-Котре — на почте для писем;
в Нуайоне — у г-на Девена, типографа, к коему можно также адресовать извещения и объявления и т. д., оплаченные почтовым сбором.

ПОКОРНЕЙШЕЕ ОБРАЩЕНИЕ

членов сословия Грошей к достопочтенным гражданам из сословия Марки, с присоединением к этому обращению членов сословия Пистоли и Экю; или «Пикардийский корреспондент», газета граждан, о четырех новых сословиях во Франции [94]

4 августа 1790 г.

Господа!

В древнем Риме в течение нескольких десятилетий патриции захотели одни занять все должности и посты республики, хотели одни руководить всеми делами управления. Народ, разгневанный таким исключением его, соединявшим презрение с оскорблением, возмутился против тех, кто его угнетал, узурпируя его самые драгоценные права. Таким образом, народ добился того, что стал иметь своих трибунов, своих представителей в сенате, консулов, диктаторов, избранных из его лона.

Во Франции при прежнем режиме признаны были три сословия: дворянство, духовенство, третье сословие. Последнее всегда презиралось и пользовалось лишь очень слабым влиянием на государственные дела. Оно робело, дрожало, и его голос было легко заглушить. Оно обладало лишь очень незначительным представительством по сравнению с числом представляемых, но по крайней мере нельзя было сказать, что оно совсем не имело своих представителей.

При новом порядке во Франции существует не одно единое сословие, как это хотели бы внушить простонародью, а четыре, возвышающиеся на развалинах прежних трех: сословие Грошей, сословие Экю, сословие Пистоли и сословие Марки. Если из четы-

рех новых сословий ваше, господа, т. е. сословие Марки, не является единственным, обладающим каким-то реальным значением, то нельзя во всяком случае скрыть того, что наше, т. е. печальное сословие Грошей, не обладает никаким значением.

Доступ к государственным должностям закрыт для нас, мы лишены права участвовать в избрании наших руководителей и принимать какое-либо участие в общих делах, словом, к нам проявляют презрения больше, чем когда-либо позволяли себе наглые богачи по отношению к добродетельной бедности. Нельзя дольше обманывать себя призраком свободы, в существовании которой хотят нас заверить те, кто лишил нас наших прав.

В течение тех немногих дней, когда Национальное собрание относилось с уважением к декретированным им правам человека, убежденные, что мы занимаем какое-то место в общественном порядке, мы полностью отдались сладостному чувству любви к родине. Но, спрашивается, можно ли еще считать, что мы к ней принадлежим, если она отбрасывает нас далеко от себя, можем ли мы испытывать какое-либо сочувствие к мачехе, которая нас отталкивает от своей груди, после того как мы дали ей самые очевидные доказательства нашей сыновней привязанности?

Где нет больше прав, там нет и обязанностей. На каком же основании, господа из сословия Марки, вы хотите, чтобы мы, чуждые родине, участвовали бы вместе с вами в покрытии ее расходов? Как можете вы не пренебрегать нашими налоговыми взносами, не достигающими ценности трех рабочих дней, если вы пренебрегаете нашими мнениями в собраниях касательно общих дел, если вы с величайшим презрением отстраняете нас от административных постов, если вы не позволяете нам даже голосовать, когда выбирают людей для занятия этих постов. Вы должны были бы постыдиться требовать еще чего бы то ни было от тех, кому вы ничего не даете! Подумайте, и если вы хоть сколько-нибудь честны, судите сами, правы ли мы, объявляя бесспорным следующее правило: «нет обязанностей без прав».

«Люди рождаются и пребывают свободными и равными в правах» — таков принцип, утверждающий право человека притязать с самого начала своего существования на все те выгоды, коими пользуются все ему подобные, и никакая человеческая власть не может лишить его этого.

«Целью любого политического объединения является сохранение естественных и неотъемлемых прав человека». Следовательно, те руководители общества, которые вместо того, чтобы гарантировать каждому человеку сохранение его прав, стремятся лишить большинство людей этих прав, являются чудовищными существами.

Свобода человека, самое драгоценное из всех прав, состоит прежде всего в праве повиноваться лишь тому закону, в выработке которого ты участвовал сам или через избранных тобой представителей. Поэтому подлинно свободен тот, чья воля участ-

вовала в составлении закона, которому он подчиняется. Если в государстве люди, постоянно проживающие в каком-либо месте, являются гражданами, воля которых не активна, эти люди — рабы, а те, кто диктует им законы, деспоты. Утверждать, что тот, кто не обладает земельной собственностью, не заинтересован в государственных делах, значит выступать против здравого смысла и оскорблять разум. Всякий человек, живущий в лоне какого-либо общества, заинтересован в его благополучии. Собственник и рабочий взаимно полезны друг другу. Различие интересов между собственником и тем, кто не является таковым, можно было бы усмотреть лишь тогда, когда зашла бы речь о раскладке налогов на земельные владения, но и в этом случае необходимо иметь возможность сопоставить их суждения, дабы справедливым образом уравновесить ту часть налогов, которую следует возложить на земельные владения, и ту, которая должна лечь на личные доходы и заработок. Деятельность законодателей не может к тому же ограничиваться финансовыми вопросами и фискальными доходами.

Основа всякого суверенитета (статья 3) по сути своей пребывает в нации. Каждый член нации обладает неотъемлемым правом участвовать в выработке закона. Отнять это право у тех, кто не является собственником недвижимости, кто не платит марку серебром в виде прямого налога, это значит вычеркнуть их из числа членов нации. Отныне придется сказать: «Основа суверенитета по сути своей пребывает в совокупности владельцев недвижимостей, платящих прямой налог в размере одной марки серебром, им одним принадлежит право составления законов». Разве это не равносильно установлению самой ужасной аристократии и превращению конституции в самую дикую нелепость? Это означает стремление к созданию источника вечных разногласий между гражданами.

Если собственность граждан является мерой их политических прав, то эти права должны быть пропорциональны размерам собственности. Тот, кто платит одну марку серебром, имеет больше прав, чем тот, кто платит только полмарки, а кто платит десять марок, должен иметь больше прав, чем тот, кто платит только одну; это с необходимостью следует из декрета, и мы советуем всем собственникам приступить к расчету, который позволит нам насчитать еще несколько других сословий, кроме сословий Марки, Пистоли, Экю и Грошей.

Что касается нас, скромно занимающих место в этой последней касте, мы заявляем опять-таки в соответствии с хартией прав человека (статья 6), гласящей, что «закон есть выражение общей воли», что там, где мы не видим общей воли, мы отнюдь не видим и закона. И так как не может быть общей воли, если не все граждане имеют право выражать свою частную волю, то мы протестуем против производимых без нашего участия назначений всех государственных должностных лиц, против любой узурпации

наших естественных и неотъемлемых прав, против всех коварных и нарушающих наши общественные права законов. И доколе мы не вернем себе обладания этими правами, мы объявляем себя свободными от малейшей обязанности по отношению к родине, которая нас отвергает, свободными от всякой воинской повинности, свободными от уплаты каких-либо государственных налогов и т. д., и т. д., а если б и этого оказалось недостаточно, мы освободим себя также от обязанности служить нашими руками кому-либо, кто не состоит в сословии Грошей.

Присоединение сословия Экю

Мы хотим образовать единое сословие с нашими братьями из сословия Грошей, и мы присоединяемся к ним с такими же заявлениями и протестами. Говорить, что тот, кто, имея право выбирать, не будет иметь права быть избранным и будет участвовать в создании закона через посредство того, кого он выбрал, значит утверждать нечто чудовищно противоречивое: никакой человек не может и не должен быть представлен там, где он не имеет права быть сам.

Если в соответствии со статьей 6 Декларации прав «закон должен быть одинаковым для всех», тот, кто имеет право выбирать, должен иметь также право быть избранным. Тот, кто выбирает, не имея сам возможности быть выбранным, выбирает себе хозяина, а не представителя.

Присоединение сословия Пистоли

Мы хотим, чтобы сословия Грошей, Экю и Пистоли слились в одно, и мы присоединяемся к заявлениям и протестам первого из них. Мы обратили внимание на то, как нас хотели унизить, закрыв нам доступ к постам сенаторов и ограничив нас низшими должностями в муниципалитетах, дистриктах и департаментах. Мы убедились в том, что создатели четырех новых сословий возымели претензию сосредоточить весь национальный суверенитет в сословии Марки и сделать это сословие независимым от всей нации. Мы пришли к убеждению, что для нас, как и для наших братьев из сословий Грошей и Экю, было бы позорно санкционировать столь возмутительные постановления. Одним словом, мы убедились в полной невозможности согласовать декрет о марке серебром со статьей 5 Декларации прав человека, гласящей: «Так как все граждане равны перед законом, они должны быть на равных началах допущены к занятию любых государственных постов, мест и должностей соответственно их способностям, без каких-либо различий, кроме обусловленных их добродетелями и талантами».

Как заявило Национальное собрание в своем обращении через епископа Отенского[95] к французам: «Эта Декларация прав станет

навсегда кличем объединения против угнетателей и законом для самих законодателей». Здесь вполне уместно напомнить это заявление или выбросить его в огонь.

«ПИКАРДИЙСКИЙ КОРРЕСПОНДЕНТ»
№ 1
1 октября 1790 г.

Замечание. Наша газета должна следовать определенному плану. План этот изложен в опубликованном нами проспекте. Среди множества объявленных периодических изданий некоторые в своих проспектах тоже обещают, что такой-то редактор будет следовать определенному плану. Но с первого же номера проспект исчезает, забыт и о нем больше не говорят и дают вовсе не то, что было обещано. Чтобы доказать, что мы твердо намерены постоянно выполнять взятые нами на себя обязательства и даже предоставить публике возможность проверить, всегда ли мы полностью их выполняем, и напомнить нам наши обязательства, если б когда-либо случилось, что мы их не соблюдаем, чтобы постоянно держать эти обязательства перед нашими глазами, мы будем повторять в заглавии каждой из четырех частей, на которые делится наше издание, данное в Проспекте изложение плана каждой из этих частей.

В этой первой части, сказали мы, озаглавленной «Критические соображения о различных декретах, принятых со времени начала работы Учредительного собрания», мы постепенно дадим полное собрание декретов нашей новой законодательной власти и по каждому из этих декретов — комментарии и аналитические замечания, позволяющие правильно оценить их. Посредством серьезной и углубленной дискуссии мы побудим тех, кто соблаговолит читать нас и будет, подобно нам, воодушевлен желанием способствовать общему благу, высказываться за сохранение одних декретов и за исправление других (ибо никто не станет утверждать, будто в новой конституции ничто не может быть пересмотрено). Это серьезное рассмотрение декретов позволит нам постепенно и методически определять, какие из них следует сохранить, а также предложить текст новых декретов, которыми, по нашему мнению, следует заменить в ходе работ второго Национального собрания декреты, не получившие общего одобрения. Выполняя эту большую работу, мы рассчитываем представить одновременно полный свод законов первого и второго собраний или по меньшей мере в отношении последнего — самый полный перечень работ этого второго собрания, как это и обещано в нашем заглавии.

Поэтому не может быть и речи об отступлении! Мы полностью ввязались в борьбу. Начнем же наше продвижение на этом огромном поприще.

ПЕРВАЯ ЧАСТЬ

Критические соображения о различных декретах, принятых со времени начала работы Учредительного собрания *

Бесстрашная правда! ...дойди до грядущих поколений такой, какая ты есть.

Человек рождается свободным. Во Франции он всегда находился под чьим-то господством. Ныне он хочет вернуть себе свою первоначальную свободу... Но позволит ли ему долгая привычка к рабству пользоваться ею без неослабных усилий!

Прежде всего необходимо, чтобы он полностью изменил свои привычки и нравы. Свободный человек думает, говорит, ходит, действует совсем по-другому, чем человек порабощенный. Его мысли благородны и чисты. Тон его голоса говорит о том, что он обладает чувством собственного достоинства. Его действия отмечены печатью сердечности, откровенности и всех добродетелей, неведомых человеку, которого испортило его униженное положение. Его походка уверенна и горда. Все его движения обличают человека, глубоко убежденного в том, что место, занимаемое им на земле, должно быть равным, абсолютно равным месту, занимаемому любым другим человеком. Когда все эти признаки станут со всей очевидностью присущими каждому французскому гражданину, мы скажем: он действительно стал свободным.

Но сколько еще есть препятствий на пути к тому, чтобы он достиг той ступени величия и славы, которая столь выгодно выделяет один народ среди других! ... Мы привыкли дрожать перед высокопоставленными людьми, рассыпаться перед ними в низкой лести, считать честью для себя их презрительные кивки. Мы, так сказать, отождествили себя с рабством. Мы почти потеряли способность жертвовать кое-какими из созданных нами

---

* Возможно, многие найдут, что в начале издания, имеющего целью представить полное собрание законов, составляющих новую конституцию великого государства, особливо ежели принять во внимание, что создание такой конституции вызвано великой и удивительной революцией, следовало бы дать широкое отображение моральных причин, близких и отдаленных, которые в своей совокупности обусловили эту революцию. Мы сами почувствовали необходимость такого вступления. Но вместе с тем мы поняли, что необходимые в таком изложении детали завели бы нас уж очень далеко, они составили бы материал для многих наших номеров, где неизбежно заняли бы место в первых частях; поэтому мы не сочли целесообразным начинать с этого. А чтобы дать удовлетворение нетерпению читателей, жадно стремящихся тотчас же воспользоваться началом нашей работы о конституционных законах, а также желая вместе с тем дать им *изображение моральных причин, близких и отдаленных, которые, действуя одна за другой, обусловили Французскую революцию*, мы приняли решение отложить на некоторое время составление этой работы, которую мы дадим читателям в качестве приложения под заголовком «Введение». Оно будет помещено вместе с фронтисписом нашей работы в начале первой части первого номера.

потребностей ради прелести свободы, всю ценность которой мешает нам познать наш прежний образ жизни. Мы во власти лживых иллюзий, непрестанно внушаемых нам сбродом эгоистов, заинтересованных в том, чтобы мы не рвали своих цепей. Мы введены в заблуждение главным образом из-за отсутствия просвещения, и именно это не позволяет большинству из нас отличить подлинное от фальшивого, знать о всех связанных с именем человека правах, вовремя разглядеть готовящиеся на них покушения и тотчас же противопоставить зачинщикам таких покушений мощное сопротивление, одним словом, осознать всю ту силу, которую это звание человека придает существу, этим званием облеченному, и воспользоваться этой силой с тем мужественным достоинством, которое может сделать совершенно очевидной волю к сохранению этого звания в целости и чистоте. Ныне мы должны начать работать над преодолением этих главных препятствий, над установлением в наших мыслях честности, которая подобает тому, чем мы хотим быть, чтобы оказаться в состоянии широкими шагами идти к свободе.

Итак, просвещение — вот то главное, что может нас сделать подлинно свободными и, следовательно, счастливыми, ибо рабство и счастье всегда были несовместимы. Канцлер де Л'Опиталь сказал: «Человек бывает несчастен только из-за невежества» [96], и это так, потому что тот, кто знает, обычно обманывает того, кто не знает. Греческие законодатели, единственные, быть может, кто добросовестно работал для установления счастья среди людей, тоже обратили внимание на это важное обстоятельство и извлекли из него пользу. Они установили как основной принцип политического сообщества, что гражданское воспитание является национальной собственностью, к коей все граждане имеют равный доступ (подобно тому, как у нас установлено, что религиозное воспитание есть общая собственность, на которую все без исключения верующие — богатые и бедные — имеют равные права и могут получать это воспитание бесплатно). Стремясь ввести в свою конституцию эти два высоких принципа — р а в е н с т в о и с в о б о д у, — они поняли, что люди могли бы стать равными лишь тогда, когда одинаковые знания дали бы им одинаковые средства защиты их прав, и что они могли бы быть свободными лишь постольку, поскольку эти данные всем одинаковые права дали бы в руки каждому силу сопротивления, достаточную для обуздания тех честолюбцев, которые могли бы среди них появиться и осмелились бы покуситься на права республики. Они поняли, что, если сохраняются два различных класса людей — невежд и образованных, — каждый из этих классов не будет относиться к другому как к равному и что свойственный нашей натуре дух господства получит удовлетворение на стороне просвещенных и наложит цепи на необразованных. Они знали, эти великие и благонамеренные политические деятели, какими преимуществами обладает образование над простым здравым смыслом. Они знали, ко-

печно, так же хорошо, как мы, с какой легкостью коварное красноречие увлекает на путь заблуждения бесхитростную наивность. Они видели, как часто посредством преступного злоупотребления этим пагубным талантом красноречия легко удавалось убедить простой народ принимать черное за белое, и что это. . .*

ЧЕРНОВИКИ «ПИКАРДИЙСКОГО КОРРЕСПОНДЕНТА»

Когда Людовик XVI созвал Генеральные штаты, он имел в виду, что всякий гражданин, каковы бы ни были его состояние и всякого рода преимущества, имеет одинаковое право голоса в общественных собраниях начиная с тех, где выбирают депутатов. Мы хотим, сказал этот государь, чтобы все без исключения и без различия могли равно выступать со своими взглядами на общественное благо и чтобы каждый человек из самых отдаленных краев и из наименее известных поселений мог подать свой голос и довести до нас свои пожелания и свои нарекания. И это было чрезвычайно полезно для поддержания в нашей среде того священного огня, того общественного духа, который столь благотворным образом воодушевляет и оживляет политические учреждения. Теперь посмотрим, остались ли у нас эти же средства при так называемом царстве свободы. Не удивительно ли, что нам приходится доказывать, что эта новая конституция, всеми частями которой мы одинаково восторгаемся, не оставила нам ни капли социальной энергии? Еще более удивляешься, когда ясно видишь, что если в Национальном собрании только какая-то часть испорчена, то оно приняло все меры к тому, чтобы следующее собрание было полностью поражено гангреной и, следовательно, безусловно уничтожило то немногое хорошее, что оно найдет уже осуществленным. Поэтому некстати было бы сказать в ожидании нового Национального собрания: «Да придет скорее это счастливое время!». Нам следовало бы отойти от этого обычая римлян, который был столь благотворным для их свободы: я имею в виду их неизменный обычай часто сменять своих сенаторов. И чтобы не скатиться до последней стадии упадка, нам, выходит, придется просить, чтобы уж лучше нас оставили под господством тех, кто делает нам немного зла и немного добра, нежели отдали в рабское подчинение тем, кто будет нам причинять одно только зло. Нам приходится желать выполнения того странного предложения епископа Отенского, которое содержится в том же обращении к французам: «Посвятив себя великому труду создания конституции, мы его доведем до конца», другими словами: «Мы останемся здесь столь долго, как нам захочется», поскольку не может быть границы, указывающей, где конституция кончается. Но давайте рас-

---

* *На этом рукопись обрывается.*

смотрим ближе картину наших бед и нашего унижения, изложенную в следующем небольшом сочинении.

Вот возглас, порожденный искренним чувством и говорящий по крайней мере о том, что издал его гражданин, чей верный глаз замечает истинное положение вещей вопреки всем заблуждениям обманутой толпы, позволяющей, чтобы ее дурачили, предлагая ей явно негодные средства, лишь скрывающие от нее опасное состояние родины: «Да придет скорее это счастливое время!». В этих немногих словах заключено важное содержание, о котором можно было бы долго говорить. Воздав хвалу гражданскому чувству и верности взгляда, которые отражены в этом пожелании, выскажемся ли мы безоговорочно за то, что это пожелание должны разделить все истинные друзья народной свободы? Всегда думали, что эпоха второго собрания должна быть великой эпохой, но будет она таковой в хорошем или же в плохом смысле? Что касается меня, если меня спросят, должны ли мы говорить: «Да придет скорее это счастливое время!», я сочту себя вправе ответить: «И да и нет».

Да, если бы права гражданина были сохранены первым собранием и следующий претенциозный пассаж из обращения к французам не был бы из ряда вон выдающимся издевательством над величием нации. «Права человека, — читаем мы в этом обращении, — в течение столетий попирали и оскорбляли. Они восстановлены для всего человечества!!!»

Нет, если верно, что это первое Законодательное собрание лишило нас тех немногих прав, которые оставил нам деспотизм; если верно, что оно все устроило таким образом, чтобы второе Законодательное собрание неизбежно состояло только из врагов большинства нации, если верно, что цитированный пассаж в соответствии с тем, что в действительности было сделано, следует читать следующим образом: «В течение столетий права человека попирали и оскорбляли. Они были полностью уничтожены собранием представителей нации в 1789 году, и самое позорное унижение стало уделом всего человечества».

Докажем эту ужасную, но совершенно точную истину.

МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ 4-ГО и НАЧАЛА 5-ГО НОМЕРА «ПИКАРДИЙСКОГО КОРРЕСПОНДЕНТА» [97]

...Совершавшиеся одна за другой политические нелепости, которые мы подробно разоблачим, были лишь следствием этого первоначального уродства. Исходя из этого первичного и главенствующего обстоятельства, можно охватить взглядом и мыслью длинную цепь ошибок, упрочение которых ставится в вину нашему сенату. Именно отправляясь отсюда, можно обозреть человекоубийственные законы, постыдным образом лишающие пять шестых всех граждан полноты гражданских прав, другие, столь же возмутительные законы, требующие от всех французов присяги,

закрепляющей их деградацию, их унижение, их рабство, их полную зависимость от произвола депутатов, превращенных в представителей и т. д. Именно это также породит у негодующего патриота всякого рода иные размышления, естественно вытекающие из следующего соображения, неотразимого, ибо оно напоминает нам основу государственного права всех народов: «Разве вы перестали быть созданием наших рук?» Неужели творение станет выше творца?

И что это за дерзкая глина,
Которая утверждает, что она не хрупкая,
И вступает в борьбу с горшечником.

Гораздо интереснее сосредоточить свое внимание на первых решающих шагах на поприще, открытом нашими законодателями, нежели останавливаться (как, к несчастью для подлинной свободы, это слишком часто делается исключительно для того, чтоб дать удовлетворение минутному любопытству) на том или ином только что принятом декрете и заниматься им просто как рядовым событием, как более или менее пикантной новостью. При этом нисколько не думают о том, какие последствия может иметь этот декрет и к чему он может привести. О нем немедленно забывают, как только выходит следующий декрет. Последний быстро проглатывается, чтобы опять тут же быть преданным забвению, и т. д. О, французы, вспомните же, что сейчас речь идет о новой конституции, что делается она для вас, что это отнюдь не пустяк и что вы не можете этим заниматься между прочим, на лету. Что касается нас, то вы, наверное, уже успели заметить, что мы пишем отнюдь не для поверхностных читателей, не для тех людей, которым нужны только анекдоты, погремушки и всякого рода глупости. Наш труд предназначен для истинного гражданина, ставящего себе целью внимательное изучение всей совокупности общественных учреждений, которые вызывают у него самый большой интерес, поскольку они должны оказать влияние на судьбу того политического организма, членом коего он является. Такой читатель всяким вымыслам и всяким еженедельным пустякам предпочитает труд, помогающий ему должным образом оценить совокупность действий наших законодателей, труд, позволяющий ему постоянно разбираться в их тайных целях и мелких интригах, труд, указывающий, что надлежит делать ему и всем его согражданам, дабы спастись от опасности многочисленных ошибок, коими установленная власть могла запятнать закон. Для этого гражданина такой труд всегда будет новым. Мы смеем верить, что он при этом возродит свои гражданские добродетели, что он утвердится в духе свободы и патриотизма, вопреки всем усилиям тиранов, направленным к ниспровержению свободы и удушению патриотизма.

Нельзя было не обратить внимания на законодательное постановление от 17 июня — оно принадлежит к тому типу постановле-

ний, основные принципы которых постоянно видны во всех рабовладельческих законах, коими одарили французов. По правде говоря, к нему примешаны некоторые постановления, которые могли бы быть благотворными, если бы этому соответствовал весь свод в целом. Нельзя было не заметить, что этот коварный закон, заменивший деспотизм королевский деспотизмом сенаторов еще до того, как первый был низвергнут, что этот закон, повторяю, находится в прямом противоречии с доктриной, изложенной первым свободным человеком, появившимся в национальном парламенте. Я имею в виду г-на де Вольнея [98], бессмертную речь которого я привел выше; этой речью я украсил большую статью, которой открывается мой выпуск. Отсюда следует, что эта статья, естественно, представляет собой противоядие против законодательного постановления от 17 июня. Но само это постановление имеет продолжение, которое вносит существенные исправления. Я делаю это предметом статьи 2-го выпуска.

II. Так как наши депутаты не имеют никаких прав, кроме тех, которые они получили от нас, они не должны присваивать себе таковые своей собственной властью. Следовательно, они ни в коем случае не могут уклониться от буквы мандатов, которые даны им для выражения воли всей нации. Они не могут поставить свою личную волю на место воли своих доверителей. Они обязаны давать последним посредством регулярной переписки повседневный отчет о работах Законодательного собрания. Если окажется, что по отдельным вопросам у них не будет достаточных полномочий, они смогут запросить таковые от своих доверителей и смогут голосовать только в соответствии с полученными от последних инструкциями. Они будут лишь верными выразителями их мнения, и, соответственно этому правилу, большинство одинаковых пожеланий, выраженных представителями различных категорий граждан, составит закон *.

* Мы ожидаем, что эта статья вызовет много возражений. Неужели доверителям придется повседневно заниматься перепиской с уполномоченными? Неужели один уполномоченный сможет остановить все Законодательное собрание, если он увидит, что у него нет полномочий касательно поставленного на обсуждение вопроса? Неужели придется ждать, пока он напишет и получит ответ на свою просьбу о дополнительных полномочиях, т. д. и т. д.? Мы просим у наших читателей немного снисхождения. Эти возражения будут полностью сняты в результате предстоящего в ближайшее время изменения декретов.

ИССЛЕДОВАТЕЛЬ ДЕКРЕТОВ И РЕДАКТОР ПРЕДЛОЖЕНИЙ ВТОРОМУ НАЦИОНАЛЬНОМУ СОБРАНИЮ

Продолжение газеты, озаглавленной «Пикардийский корреспондент», первоначально предназначенной для департаментов Сомма, Эна и Уаза, а ныне предлагаемой 83 департаментам, где господствует свободный народ [99]

Издатель Ф. Н. К. Бабеф

Будь то наши родные сыновья, братья или отцы,
Коль они — тираны, Брут, они — наши враги.
У истинного республиканца нет другого отца и сына,
Кроме добродетели, богов, законов и родины.

«Смерть Цезаря», II акт

ОБЪЯВЛЕНИЕ

Множество газет приходит в упадок. Этого общего упадка избегают лишь немногие, доказавшие свою полезность для общества.

Наша газета имеет целью представить французскую конституцию такой, какая она есть, и такой, какой она должна была бы быть. В ней с самыми чистыми намерениями хвалят все доброе и со всей силой восстают против неправильных законов, предлагая заменить их разумно исправленными статьями. Этот план показался нашим читателям единственно правильным, и они нашли, что он способствует выполнению важнейшей задачи.

Первое принятое нами заглавие — «Пикардийский корреспондент» — замыкало нас в узких границах. Если принять во внимание площадь, очерченную этими границами, то мы собрали больше подписчиков, чем любое другое периодическое издание, но этого оказалось отнюдь не достаточно для покрытия расходов еженедельного издания объемом в 32 страницы с подписной платой один луидор в год. Это соображение и желание распространить шире полезное действие нашего издания побудили нас публиковать его для всех частей страны и, имея это в виду, дать ему его настоящее заглавие: «Исследователь декретов».

Это решение неизбежно повлекло за собой ряд нововведений, вызвавших некоторую задержку после выхода пятого номера. Мы еще окончательно не вышли из этого затруднения. Но пока, чтобы показать нашим читателям, что мы еще живы, мы рассылаем одновременно шестой и седьмой номера. Они, правда, не составлены по тому же плану, что и другие, но тем не менее содержат, как мы полагаем, материал достаточно общего характера, чтобы их заинтересовать.

В самое ближайшее время мы дадим восьмой номер, а затем и другие номера первого квартала. Перед выходом последнего из них, т. е. тринадцатого номера, мы не потребуем возобновления подписки от тех, кто подписался на 3 месяца.

Впрочем, мы уже сейчас предупреждаем, что с того дня, когда газета начнет регулярно распространяться по всей стране, мы не

можем гарантировать ее доставку с точностью до одного дня. Так как мы намерены быть исследователем законов, так как мы не будем писать для тех, кому нужно только узнать что-нибудь новенькое, мы хотим, чтобы составление нашей газеты не было стеснено поспешностью, которая может только повредить серьезности изложения. Нам случится иногда рассылать два номера в неделю, а в другой раз мы можем в течение 10—12 дней не выслать ни одного. Но мы всегда будем считать, что каждый подписавшийся на квартал получит 13 номеров соответственно принятому нами на себя обязательству, с оплатой, как и в прошлом, 6 ливров.

ПИСЬМО ЖЕНЕ

9 декабря 1790 г.

Я уехал в Париж, детки мои, постараюсь послать вам денег при первой возможности. Я счел за благо совершить эту поездку. Я вернусь дней через восемь, что бы там ни было, и я напишу вам по прибытии в Париж.

Целую вас — Ваш папа Бабеф

ОТВЕТ НА ТАК НАЗЫВАЕМОЕ РЕШЕНИЕ ДИРЕКТОРИИ ДЕПАРТАМЕНТА СОММА ОТ 14 ДЕКАБРЯ 1790 г. КАСАТЕЛЬНО ГОСПОДИНА БАБЕФА [100]

26 декабря 1790 г.

Я явился для того, чтобы внести в муниципальные реестры сего города Руа заявление против акта, на который я имею самые серьезные основания жаловаться, поскольку этот акт ставит целью лишить меня самого ценного для человека — чести.

Я имею в виду, господа, так называемое решение директории департамента Сомма от 14-го сего месяца, коим утверждается, что мое избрание на должность члена генерального совета коммуны недействительно.

Если б это было лишь вопросом тщеславия, которое поверхностные люди связывают с занятием почетного поста, я с презрением отнесся бы к этому запрещению и не стал бы думать об его авторах, но в этой попытке я должен усмотреть нечто иное. Меня хотят лишить возможности быть полезным, способствовать благу моих сограждан. Бросают тень на мою личность, на мое поведение, на все, что меня касается. К этому добавляется порицание моим согражданам за то, что они почтили меня своим голосованием. Когда есть столько оснований для жалоб, я был бы трусом, если бы не жаловался.

Постараться убедить моих, даже самых предубежденных, судей в том, что так называемое решение директории Соммы не за-

(N° 6.)

LE SCRUTATEUR DES DÉCRETS,

ET

LE RÉDACTEUR

Des Cahiers de la Seconde Législature,

Par continuation du Journal intitulé : LE CORRESPONDANT PICARD,

Dédié primitivement aux Départemens de la Somme, de l'Aisne et de l'Oise,

Et offert aujourd'hui aux 83 Départemens de la domination du Peuple Franc.

Par F.-N.-C. BABEUF.

Fût-ce nos propres fils, nos frères ou nos pères
S'ils sont tyrans, Brutus, ils sont nos adversaires.
Un vrai Républicain n'a pour père et pour fils,
Que la Vertu, les Dieux, les Loix et son Pays.

Mort de César, *Acte II.*

1791.

«Исследователь декретов»

служивает никакого рассмотрения, никакого внимания; доказать, что это только плод коварства, тайной злобы и низкой мести; доказать также, что в нем нет ничего законного и правдивого, что оно по праву недействительно, будучи во всех своих частях поражено самыми явными пороками; одним словом, доказать, что оно порочно и по форме и по существу — вот что я поставил себе задачей сделать и смею думать, это будет нетрудно.

Так называемое решение порочно по форме, и вот почему. Присланная мне за подписью Дамбри копия совпадает, как в ней сказано, с копией, оставшейся в канцелярии муниципалитета Руа, каковая копия была снята с копии, подписанной Кошпеном, хранящейся в архиве дистрикта Мондидье, в которой сказано, что она совпадает с копией, посланной из директории департамента Сомма, каковая заверена как тождественная с подлинным неким Тондю, подписавшимся за секретаря директории. Уж очень много получается копий от Амьена до Руа! Мне поэтому позволительно несколько усомниться в истинности представленного мне решения. При нынешнем режиме считается правилом и принципом, и мы уже видели много примеров тому, что любое решение, касающееся муниципалитета, коммуны, частного лица, сообщается им посредством копии, подписанной, так же как и подлинник, всеми членами учреждения, принявшего это решение. А здесь я не вижу даже упоминания о подписи кого-либо из членов находящейся в Амьене администрации департамента. Я вижу лишь орду секретарей и помощников секретарей, которые, по-видимому, объединились и помогают друг другу, чтобы представить мне подобие постановления. Я вижу имена секретаря Дамбри, секретаря Кошпена на копиях, а когда я обращаюсь к подлиннику, я нахожу уже только некоего Тондю, именующего себя служащим другого секретаря, который в этом качестве полагает себя уполномоченным сообщить мне, что в департаменте Сомма мне вынесен приговор о гражданской казни.

Господа секретари! Что же я вам такого сделал?

Но нельзя отрицать, что вы плохо взялись за это дело, и слишком уж рассчитываете на чрезмерную доверчивость общества.

Однако не надо думать, что я себя обманываю. Я обвиняю не только всех вышепоименованных секретарей в том лжепостановлении, против которого я выступаю. Каков мотив того рвения, с которым поспешили составить эту хартию исключения? Я решительно ничего об этом не знаю. Быть может, этим людям мешает слишком бдительное око человека, доказавшего, что он ревностный защитник народа и его органов? Все, что я знаю, это то, что секретари, о которых я говорю, подверглись сильнейшей обработке, и я знаю, какие невероятные усилия пришлось приложить многим людям, чтобы выпросить или купить этот документ — нечто вроде пугала для глупцов. Ибо именно это слово подходит для той бумаги, которая была мне представлена. И когда я ясно покажу, что в ней оскорблены разум, справедли-

вость и здравый смысл, когда я докажу, что стиль этой бумаги подходит разве что для первого попавшегося башмачника, я смогу окончательно убедить, я полагаю, что нельзя приписывать это так называемое решение подлинному административному органу департамента Сомма, законным образом заседающему. Это относится к принципиальным порокам данного документа. Есть принцип, утвержденный декретом о собраниях администраторов и представителей, согласно которому отказать гражданину в праве избираться можно только по мотивам, вытекающим из конституционных декретов, т. е. если человек не удовлетворяет условиям, необходимым для обладания активным и пассивным избирательным правом; эти условия заключаются в том, чтобы быть французом или натурализованным французом, быть совершеннолетним и обладать оседлостью, платить определенный налог, не быть на положении прислуги и не быть банкротом.

В соответствии с этими принципами многие из лучших патриотов государства, в отношении которых неправыми и аристократическими судами были приняты постановления об аресте, не могли тем не менее быть лишены их гражданских прав. Хотя гнусным Шатле было принято постановление об аресте г-на Дантона, он остается тем не менее председателем дистрикта Кордельеров, а равно пребывает украшением самых патриотических и самых уважаемых собраний столицы. Джеймс Рютледж, философ твердого характера, в отношении которого было принято такое же постановление, а также постановление о вызове в суд, продолжает тем не менее свою деятельность, и ему не было отказано в праве выступить в качестве моего защитника во время моего заключения в Консьержери.

Полномочия административных собраний мудро введены в справедливые границы. В частности, они не вправе судить, они не вправе делать ничего, что входит в сферу судебной власти. Следовательно, департамент Сомма, вынося мне приговор, действовал бы без правового основания и вышел бы за пределы своей компетенции. Но рассмотрим суть приписываемого ему акта и его обоснование, и мы увидим, что можно разумным образом из него заключить.

Акт начинается с заявления, что 14 ноября был составлен протокол со списком активных граждан к перевыборам муниципальных должностных лиц. Это лишено решительно всякого смысла.

Затем дважды или трижды говорится о принятом мной обязательстве уплаты налога в размере стоимости десяти рабочих дней для того, чтобы стать активным гражданином. Только тот, кто никогда не читал декретов, может не знать, что с таким налогом приобретаешь право быть избираемым.

Дальше было сказано, что я, как известно, нахожусь под действием постановления о вызове меня в суд, и из этого делается заключение о лишении меня прав гражданина. Итак, ныне можно осуждать людей на основании того, что «известно», и как только

станет известно, т. е. предположительно, по слухам, что я якобы вор или убийца, меня без пощады следовало бы повесить. И от меня требуют, чтобы в трехдневный срок я представил судебное постановление, отменяющее так называемое постановление о вызове в суд. Таким образом, если это постановление еще существует в Париже, мне понадобилось бы отправиться за ним, добиться его отмены, привезти постановление об этой отмене и предъявить его, и все это за три дня!

И именно зная, что я 15 дней тому назад отправился в этот Париж, мне сообщают это лжепостановление! [101]

Я являюсь, говорится в этом так называемом постановлении, я являюсь автором весьма мятежной петиции относительно налогов. Я подвергался уголовным преследованиям за нарушение декретов Национального собрания, предписывающих продолжение взимания этих налогов. Против меня как нарушителя общественного спокойствия высшим податным судом было принято постановление об аресте, и я был подвергнут заключению (опять по слухам) и только временно освобожден.

Необходимо рассмотреть одно за другим каждое из этих утверждений.

По наущению нескольких гнусных личностей, уже осужденных общественным мнением, заклеймившим их позором и обратившим на них свой беспощадный гнев, бывший податной суд, следуя своей обычной извращенности и раболепной преданности откупщикам, все же только предъявил мне обвинение, а так называемое постановление выносит мне приговор. Моя петиция была мятежной! Я был нарушителем общественного спокойствия! Но почему же этот бывший податной суд, столь развращенный, как я это только что сказал, подстегнутый к тому же свирепым Ламбером, министром финансов, в свое время, как известно, соблаговолившим много заниматься вопросом о том, как меня погубить; почему этот бывший податной суд, раздраженный дерзким и гордым тоном моих ответов на допросах, коим он меня подверг; почему, говорю я, это бесстыдное судилище, имея столько оснований свирепствовать против меня, было вынуждено признать меня безупречным? И 6 месяцев спустя после этого оправдания утверждают, что директория департамента Сомма, неправомочная судить об этом, постановила, что я большой мятежник, нарушитель спокойствия. Неужели после того, как нам дана свобода, написать, что откупщики — угнетатели, напомнить факты, доказывающие учиняемые ими притеснения и все, что в них есть ужасного и возмутительного, внушать народу законное негодование против этих вампиров, диктовать ему пути быстрейшего искоренения их злоупотреблений, неужели это значит быть мятежником, нарушителем общественного спокойствия? Может быть, под общественным спокойствием понимают спокойствие тех, кто сосет

кровь государства, а равно их поборников? В таком случае признаю, что я был в какой-то мере нарушителем спокойствия. И вот этому я обязан, как это очень хорошо сказано во лжепостановлении, тем, что я привлечен как обвиняемый, что против меня принято постановление об аресте, что я был насильно увезен с нарушением всех установленных законом формальных требований, что я был самым варварским образом заточен в застенках, что, наконец, я подвергался самым тираническим преследованиям. Вот первый крик, который меня заставили издать после столь жестоких мучений. И если бы я здесь хотел говорить о себе, я напомнил бы, как я использовал свое заключение в тюрьме, скольким несчастным мои страдания принесли пользу и сколь гибельными оказались они для орды врагов общества. Придет пора, когда я смогу на законном основании с гордостью говорить о перенесенных мною муках, подобно тому, как солдат показывает свои рубцы... Резюмируем сказанное выше. Какое бы значение ни придать так называемому постановлению, я прошу лишь об одном. Мои сограждане почтили меня своим голосованием, они возвели меня на пост, на котором, по их мнению, мои слабые таланты могут им служить. Только они могут меня законным образом сместить. Только им я могу, если они этого потребуют, разъяснить, нахожусь ли я или нет под действием какого бы то ни было постановления. Пусть они придут и постановят, что я им более не угоден на должности, на которую они меня поставили, пусть они скажут, что они ошиблись, выбрав меня; я немедленно подчинюсь и уйду. Но до тех пор я с еще большим рвением буду стараться оправдать их доверие тщательным наблюдением за всем, что касается их прав и их общих интересов.

Бабеф

‹Из Всеобщей конфедерации друзей истины› [102]

ПРОЕКТ РЕЧИ НА СОБРАНИИ ГРАЖДАН КОММУНЫ РУА В СВЯЗИ С ВЫБОРАМИ МИРОВОГО СУДЬИ КОММУНЫ [103]

16 января 1791 г.

Я скажу лишь одно слово о предмете, ради которого мы здесь собрались, но это слово будет полностью направлено на благо сообщества наших сограждан. Оно будет полностью направлено на то, чтобы напомнить им, сколь важен предстоящий им выбор.

Среди всех учреждений нашего нового режима нет, пожалуй, другого, которое столь существенным образом касалось бы каждого из нас, как мировой суд. Цель этого учреждения заключается в том, чтобы оградить граждан от жадности орды приспешников крючкотворства, которые в прежнее время составили себе столько состояний на разорении семейств. Благодаря этому учреждению

вы должны, господа, пользоваться благами скорого и безвозмездного правосудия. Вам не придется прибегать к содействию людей, озабоченных не охраной ваших интересов, а желанием пробить брешь в вашем имуществе, и у вас будет полная возможность самим заниматься ведением своих дел. Вы сами будете защищать свои права перед мировым судом. Больше всего возникает тяжб между людьми по маловажным обстоятельствам: по такого рода делам решение мирового судьи будет окончательным, и расходы судебного производства не будут уже поглощать, как прежде, всю ценность предмета тяжбы или даже более того. С более крупными делами можно будет обращаться в дистрикт, но предварительно должно быть предложено посредничество в бюро, председателем коего является мировой судья, для примирения сторон, если это возможно... Какой же тяжущийся, если только он не неисправимый упрямец по характеру, не сочтет свое дело разобранным по выходе из мирового суда?

Но, господа, есть одна опасность, которой следует остерегаться, а именно, чтобы с народом у нас в Руа не случилось того, что постоянно случается с народом, т. е. чтобы он не ошибся в предстоящем ему выборе, чтобы он в этом случае не доверил свои интересы недостаточно чистым рукам!

Простите мне это недоверие, господа, но нельзя быть достаточно недоверчивым, когда речь идет об общественном благе. Тут ничего нельзя обойти молчанием, нельзя упустить ничего из того, что знаешь, чтобы насторожить своих собратьев против всего, способного хоть сколько-нибудь угрожать их спокойствию. Тот, кто об этом не предупредит, заслуживает обвинения в предательстве. Не могу от вас скрыть, господа, что меня возмущает, когда я вижу, как добиваются этого места (должности мирового судьи) и выпрашивают его люди, единственная заслуга которых перед обществом состоит в том, что правосудие для них — ремесло. Всякого рода любезности и приветствия, коими этого рода персонажи осыпают во время выборов тех, кого до и после этих выборов они презирают, достаточно разоблачают их подлинное нутро. Деньги, которыми бросаются, покупая голоса, говорят о том, что люди рассчитывают вернуть себе то, что тратят. Все это довольно неуклюже. Но, господа, еще хуже, когда, не краснея, говорят, что если получить место мирового судьи обойдется не более 600 франков, то взятки помогут все возместить... Взятки мировому судье! Бывает и хуже. В одном месте сказали, что тот, кто догадается дать бутылку вина, выиграет свое дело. Смотрите же, господа, не выбирайте того, кто способен принять бутылку вина, чтобы встать на сторону одного из тяжущихся; если противная сторона принесет ему после этого две бутылки, она выиграет дело... Не выбирайте того, кто способен принять на 6 франков вина, чтобы встать на сторону одного из тяжущихся; если противная сторона после этого принесет пол-луидора, она выиграет дело. Все это довольно жестокие истины, и я искренне огорчен, если они кого-нибудь

шокируют. Я должен, однако, закончить свою речь, и я позволю себе дать еще один совет моим согражданам. Люди слишком привязаны к предрассудку, будто деятели адвокатуры и крючкотворства наиболее приспособлены к занятию должностей, установленных новым режимом. Обычно думают, что главное — это уметь нанизывать одно за другим известное количество слов в судебной речи, часто звучащей весьма фальшиво. Господа, есть еще в этом городе люди, я их знаю не менее четырех, которые, хоть никогда и никак не были замешаны в судебные процессы, одарены чувством правосудия, честности, человечности, справедливости, общительности, патриотизма и достаточным умом, чтобы выносить правильные решения. По моему мнению, это все, что нужно, чтобы быть мировым судьей!

Не ждите от меня, господа, длинных тирад с комплиментами, выражающими чувства, внушаемые мне вашим голосованием. Я тем более тронут этой честью, что я не был вправе ожидать ее. Вот в двух словах то, что мое сердце диктует мне сказать вам. Лишите меня поста, на который вы меня возвели, если мое рвение, моя честность и моя активность окажутся недостаточными, чтобы оправдать ваше доверие [104].

ПИСЬМО ТЭТГРЕНУ [105]

18 января 1791 г.

Милостивый государь!

Вы обещали, что не заставите меня ждать после того, как директория примет решение по поводу записки, с которой я к ней обратился. Вы мне заявили, что Вы должны только дождаться ответа конституционного комитета на Ваше письмо к нему.

В ожидании этого я не представлял себе, на какую только наглость способен деспотизм. В четверг вернувшись в Руа, я на следующий же день сообщил муниципалитету декрет от 1 июля, который аннулировал действия податного суда, освободил и оправдал меня (я ни в чем не был виновен). В воскресенье я отправился на собрание, на котором должен был избираться мировой судья. Часовой при входе заявляет мне, что у него есть распоряжение мэра не впускать меня на собрание. Я хочу переговорить с мэром, но его нельзя найти. В это время собрание открылось. Приступили к выборам председателя. Во время голосования, когда подсчет еще не закончился, мэр заметил, что я буду избран председателем. Он заставил тогда начать голосование сызнова, заявив, что я не могу быть избран ни на какой пост, и огласил постановление департамента, добавив, что если будут голосовать за меня, он будет переголосовывать. Тогда честные граждане покидают собрание. Клика мэра, состоявшая из людей, которых он спаивал в кабачках в течение 8 дней, эта клика мэра (мы вправе так ее назвать, потому что она обошлась ему в 10 луи) остается и в награду за полученные деньги избирает Лонгекана председателем.

После полудня несколько граждан вносят протест, заявляя, что утреннее заседание в отношении меня было возмутительным, что мэр не имел права запрещать мне доступ на собрание, что о моих правах должно было судить само собрание; можно было заранее предвидеть, что я имею право присутствовать на основании декрета от 1 июля, а решение департамента было ошибочным, что вообще по принципам конституции никто не может препятствовать гражданину проявлять активность и мешать его избранию, если только на это не существует особого декрета. Вместо ответа мэр, ставший председателем, выпустил против собрания кавалеристов из полка Берри и многочисленный отряд национальных гвардейцев со штыками наперевес, приказав им навести страх на сателлитов и заставить их замолчать. Честные люди покинули тогда собрание, и подкупленный сброд, клика Лонгекапа, овладев полем битвы, без труда провозгласил мировым судьей этого честного человека.

Я прилагаю к этому подробному описанию документ, который завершает похвалы талантам Лонгекана и его действиям как администратора. Этот негодяй (и я берусь оправдать этот эпитет свидетельством 200 человек, когда только он захочет), этот негодяй, который хочет оставаться одновременно мэром и мировым судьей, несмотря на то что закон это запрещает, этот негодяй, я повторяю это слово, как вы видите, милостивый государь, вовсе не пользуется общим расположением. Десять нотаблей, подписавших накануне его избрания на пост судьи документ, который я прилагаю, не принадлежат к той подлой породе, которая может получить на выпивку 12 су и потом голосовать за самого нечестного человека; те же восемь человек, которые не подписали, может быть, и не хуже других, но они принадлежат к числу заслуживающих сожаления добрых малых, к которым очень подходит название рабов.

Я не знаю, милостивый государь, в каких Вы отношениях с Лонгеканом, но я излагаю Вам точную правду. Мне неизвестно, существовал ли сговор в отношении всех мерзостей, которые осуществляются против меня, но я скажу только, что сильно ошибаются те, кто, будучи смущен моим мужеством в деле защиты угнетенных, надеются таким образом заставить меня сложить оружие. Я заявляю всему свету, что чем больше меня будут преследовать, тем острее станут стрелы, которые я всегда обращаю против тиранов. И пока мне не отрежут правую руку, пока подлые палачи не вырвут мне язык. . .* я буду выступать против угнетения и против угнетателей. Я обрисую крупными мазками их преступления.

Я ожидаю, милостивый государь, ответа на мое письмо, так же, как и десять нотаблей Руа на свой адрес, который они поручили мне приложить к нему.

Имею честь и т. д.

* *Несколько слов неразборчивы.*

АГРАРНОЕ ДВИЖЕНИЕ

ПЕТИЦИЯ
О ДОРОЖНОМ ПРАВЕ И ПРАВЕ НА ПОСАДКИ, О ЦЕНЗЕ И ШАМПАРЕ

От коммуны и муниципалитета Монтиньи, кантон Сен-Жюст-ан-Шоссе, дистрикт Клермон, департамент Уаза. Национальному собранию

Господа!

Коммуна и муниципалитет Монтиньи повергают на ваше суждение два дела, исключительно важных, поскольку от их решения должны воспоследовать общие законы, способные остановить поток бесконечного множества подобных тяжб, уже созревших или назревающих.

И чтобы с самого начала дать представления о важности предмета, необходимо, пожалуй, говоря о числе тяжб, подобных настоящей, дать более точное определение, нежели «бесконечное множество». Есть разумные основания считать, что таких тяжб будет по всему королевству по одной на каждую коммуну.

. . . .

Таким образом, нетрудно видеть, каким благодеянием был бы законодательный акт, который уничтожил бы причины этого бедствия.

Чтобы доказать справедливость нашего утверждения о том, что подобный источник возникновения судебных споров чрезвычайно распространен, нам достаточно было собственными глазами увидеть все происходящее в соседних с нами местностях, а также ознакомиться с тем, что пишут жители других районов страны обо всем, что происходит у них, ибо и там стечение тех же причин неизбежно породит те же самые последствия.

Но пора перейти к ясному изложению обстоятельств, о которых мы собираемся говорить.

Занимаясь перестройкой почти всех наших общественных учреждений, вы старались, господа, настолько, насколько это было в ваших силах, с корнем уничтожить все, что могло бы послужить поводом для судебных процессов, являющихся подлинно опусто-

шительным бедствием. Одним из тех ударов, от которых можно было ожидать уничтожения множества источников отвратительного крючкотворства, представлялось прежде всего свержение феодального режима. Но дело обстоит не так. Наоборот, похоже на то, что это свержение способствует крайнему увеличению числа споров относительно земельных владений. Объекты выкупа, различия между владениями, которые должны, и теми, которые не должны быть выкуплены, размеры возмещений по отдельным выкупаемым объектам, порядок производства этих выкупов — все это дает поводы для столкновения мнений, которые далеко не легко примирить. Очень многие прежние сеньеры, не довольные законами об уничтожении древнего феодального колосса, мстят тем, кого они с сожалением называют своими «бывшими вассалами», изводят их всюду, где они могут использовать какие-либо статьи этих законов. Они либо умудряются затемнить смысл законов посредством неверных и коварных истолкований, либо открыто нарушают их или игнорируют, либо вводят в заблуждение добросовестных людей, которые должны следить за правильным их применением в случае различных споров. И всегда устраивают так, чтобы дело проиграл тот простой гражданин, который смеет на эти законы ссылаться. Вот что можно видеть повсюду, и это дает основание рассчитывать, что судебных процессов будет по меньшей мере столько же, сколько в стране коммун. Это целый поток злоупотреблений, который мы просим вас остановить у самого источника, либо путем дополнительной разработки некоторых законов, могущих дать повод для различных истолкований, либо путем призвания к порядку некоторых государственных должностных лиц, притворяющихся, будто они их не знают, чтобы иметь отговорку, когда они их нарушают.

Итак, здесь будет идти речь о феодальных повинностях. Именно в этой области коммуна Монтиньи, добиваясь справедливости для себя, добьется справедливости для всех коммун, находящихся в пределах французского государства.

Однако, господа, это индивидуальное обращение коммуны Монтиньи совместно с муниципалитетом к суверенной законодательной власти с просьбой о возмещении убытков, на которые она считает себя вправе жаловаться, это обращение вызвано критическими обстоятельствами. С одной стороны, ее противником является видный член того высокого сената, к которому она обращается; но в этом отношении ее успокаивает ваше строгое беспристрастие. С другой стороны, она уже изнывает под тяжестью трех судебных решений. Первое решение вынес сеньериальный судья этого противника. Но это может произвести лишь то впечатление, которое производят действия судьи-лакея, естественно преданного воле оплачивающего его хозяина, каковой лакей, особенно в данном случае, дал яркие доказательства как рабской преданности, так и неисправимого отсутствия патриотизма, когда он явился судить в *сеньериальном порядке*, хотя

много времени уже протекло после принятия того из ваших декретов, коим сеньериальные суды были упразднены. Второе судебное решение исходит от судьи из прежнего суда. А третье — от департаментского административного учреждения. Но в числе других упреков мы укажем один решающий, а именно, что если всякое судебное решение должно быть лишь применением закона, то, несомненно, надлежит постоянно выступать против того решения, где, как будет доказано, предписаниям законодателя был придан совершенно противоположный смысл. А мы беремся доказать, что этот порок явно существует в тех судебных решениях, которые нас осуждают.

Мы рассчитываем на внимательное и серьезное рассмотрение этого дела, ибо даже оставляя в стороне то обстоятельство, что принятое по нему решение станет общим законом и прекратит бесконечное множество подобных споров, это дело заслуживает особенного внимания еще и потому, что в нем значительное число граждан противостоит лишь небольшому числу заинтересованных лиц и их приверженцев, и одно это внушает мысль о справедливости преследуемой ими цели. Вполне естественно верить, что большое число людей может видеть вещи под правильным углом зрения. Еще более естественно верить, что малое число людей более склонно к заблуждению.

Перейдем к изложению спорных фактов, которые нам надлежит описать.

Факты, вытекающие из оправдательных документов.

Мы их разделим на две группы, потому что, как мы уже указывали, речь идет о двух совершенно различных делах.

Первое дело

ПОСАДКИ И ДОРОЖНОЕ ПРАВО

После того как в славную ночь 4 августа впервые был громогласно проклят несправедливый и трижды варварский феодальный режим, два рода людей, движимых и до и после этого различными интересами, оставались разделенными на два класса. Они внимательно, каждый по-своему, отнеслись к вопросу о последствиях уничтожения всего, связанного с сеньериями и фьефами. Сеньеры боялись полного крушения и заранее разбирали корабль по частям, опасаясь, что не успеют вовремя подобрать обломки. Народ, видя, как гибнет столь ценное оборудование, которое, полагал он, должно полностью перейти к нему, усмотрел в этих действиях преступное ограбление, которое надлежит немедленно пресечь. Вследствие этого можно было наблюдать в отношении посадок на дорогах и публичных площадях, с одной стороны, попытки вырубать и увозить деревья, с другой — энергичное сопротивление этим дерзким поступкам, расцениваемым различ-

пыми коммунами как враждебные действия, от которых следует защищаться, и как последние отчаянные усилия узурпаторской тирании издыхающего феодального режима.

Такие чувства волновали и коммуну Монтиньи, когда в марте месяце г-н де Ларошфуко, в то время герцог де Лианкур и сеньер Монтиньи[1], приказал произвести порубки деревьев на дорогах и в общественных местах этого района. Видя такой образ действий, эта коммуна, которая не могла не знать, что г-н де Ларошфуко является одним из членов Национального собрания, тем более должна была заключить из этого, что он лишь потому решил ограбить дороги, что убедился, что немного позже он уже не сможет пользоваться какими-либо правами на такого рода собственность. В качестве члена законодательного органа, думалось, он лучше, чем кто-либо, может знать, что́ должно произойти: он может знать все постановления, намерения, проекты, и, конечно, он заранее предупрежден, что посадки должны перейти к владельцам участков, смежных с территорией, на которой эти посадки существуют. Рассудив таким образом, муниципальные должностные лица Монтиньи 27 марта этого года потребовали посылки г-ну де Ларошфуко первого судебного акта, с которого начинается излагаемая здесь тяжба.

Этот первый акт заключал в себе протест против того, чтобы названный г-н де Ларошфуко продавал или приказывал продавать деревья, растущие на улицах Монтиньи, как он намеревался это сделать, судя по расклеенным с этой целью афишам.

Г-н де Ларошфуко ответил на этот протест в тот же день заявлением о недействительности этого протеста; в заявлении сообщалось, что, невзирая на этот протест, продажа деревьев будет продолжаться.

Муниципальные должностные лица ответили на это в тот же день новым протестом, в котором подчеркнули, что аргументы, приведенные в заявлении г-на де Ларошфуко, не имеют решающего характера; что их протест был лишь охранительным актом и что прежде, чем нарушить его, следует принять решение по существу вопроса в форме постановления, суждения или окончательного решения. Кроме того, было объявлено, что если будут настаивать на намерении продавать означенные деревья, то протест будет заявлен также и покупателям. И что, помимо этого, против упомянутого г-на де Ларошфуко будут применены все правовые средства и даже предполагается привлечь его к ответственности перед Национальным собранием.

Это выступление заставило прервать дальнейшее исполнение намерений г-на де Ларошфуко и его агентов * до появления декрета о дорожном праве от 26 июля.

---

* По крайней мере частично, ибо 15 апреля он распорядился продать часть указанных деревьев, причем эта продажа сопровождалась воинственными и устрашающими демонстрациями. Отряд его приспешников,

Прежде чем перейти к рассмотрению духа этого декрета и к тому, что в дальнейшем было сделано в отношении тяжбы между г-ном де Ларошфуко-Лианкуром и коммуной Монтиньи, да будет нам позволено вставить некоторые соображения о дорожном праве вообще и сопоставить то, что народ ожидал в этой области, с тем, что он получил. Мы полагаем, что эти соображения не будут сочтены неуместными, тем более что, как мы уже заявили, защищая частное дело коммуны Монтиньи, мы защищаем общее дело. Памятуя об этом, лучше на время даже совсем забыть, что мы занимаемся интересами только одной из 40 тысяч коммун нашего государства; надо думать о том, что перед нами предложение, касающееся общих интересов. Мы не сомневаемся в том, что, поскольку мы образуем одну из составных и неотъемлемых частей французского народа, никто не будет считать, что мы не вправе представлять законодателям наши политические взгляды даже в виде пожеланий и наставлений как от доверителя доверенному лицу. Мы хотели бы, чтобы нижеследующее изложение помогло засверкать маяку справедливости и полностью направило бы его свет на тот предмет, к коему до сих пор было направлено, по нашему мнению, лишь несколько довольно слабых лучей!

Впрочем, то, что мы собираемся сказать, будет лишь результатом тщательного изучения общественного мнения, которое мы и постараемся правильно изобразить. Вот что представляли собой общие высказывания и общие мнения относительно дорожного права до декрета от 26 июля.

«Как и все другие так называемые сеньериальные владения, дорожное право и право на посадки обязаны своим существованием узурпации по уродливому титулу, именуемому правом сильнейшего. Это право первоначально скорее налагало на его обладателя обязанности, нежели приносило ему какие-либо выгоды. Оно состояло тогда в обязанности охранять порядок и наблюдать за добрым состоянием общественных дорог, в присвоенном фьефу праве юрисдикции по важнейшим делам, а также разбора дел по преступлениям, совершенным на дорогах. Лишь в новое время сеньериальная жадность изобрела способы извлекать солидный доход из этого простого права наблюдать за охраной порядка на различных общественных дорогах. Для этого было достаточно установить представление, что дорожное право и право на посадки составляют единое целое. В Пикардии такое представление и связанное с ним расширение этого права стали общепризнанным не более 50 лет тому назад. В самом деле, именно с того времени наблюдается вдоль огромного большинства дорог появление деревьев, преимущественно фруктовых, которые сень-

все на конях, прибыл для обеспечения успеха этого набега, и добрые поселяне получили приятную возможность насладиться зрелищем их действий, подобных действиям отряда фуражиров во вражеской стране.

еры с полным основанием считали наиболее выгодными, и таким образом появилась на свет одна из красивейших жемчужин в короне феодального строя. Ну, да... Но каково, если хорошо подумать, обоснование этого нового вида собственности? Можно ли считать это обоснование вполне достойным уважения, вполне законным? Наоборот, здесь перед нами, пожалуй, самый возмутительный пример узурпации. С целью узаконить право ежегодно взимать с моей земли дань, называемую цензом, ко мне приходит человек и заявляет, что это делается потому, что его предки дали эту землю моим предкам под этим условием. Если допустить реальность такого пожалования и обоснованность титулов его автора, то это имеет по крайней мере видимость некоего права. Но что может привести в свое оправдание тот, кто приходит, чтобы сказать мне: я сажаю дерево на твоей земле; оно извлечет из нее все ее соки; его корни, далеко разрастаясь, изменят почву; его ветви, поднимаясь все выше и разрастаясь, покроют ее тенью; и я признаю, что производимая тобой обработка земли и все заботы, направленные к извлечению из измененной таким образом почвы других плодов, могут превратиться в бесполезный труд; но все это мне безразлично; ты сохранишь почетное звание землевладельца; тебе останется удовольствие постоянно упражняться в ведении полевых работ; ты будешь также платить налоги за эту землю, от которой тебе уже не будет никакой пользы; а что до меня, весь мой труд будет в собирании плодов, в пользовании...? А между тем это — единственное рассуждение, которое мог привести всякий сеньер, называющий себя обладателем права на дороги, когда он захотел извлечь пользу из этого декоративного титула и попытался вывести из него установление права на посадки. Пусть нам не говорят, что надо различать посадки, произведенные сеньерами на дорогах с захватом земли примыкающих участков, от посадок, произведенных собственно на земле дорог. Такое различие иллюзорно. Всякая дорога строится за счет соседних с ней земель. Было бы смешно, если бы сеньеры претендовали на то, что это по их милости люди пользовались этими путями сообщения и что на этом основании им присвоено особое право. За местоположение дорог люди обязаны только самим себе. Это есть результат соглашения, необходимого и даже вынужденного, требующего от всех владельцев и от каждого из них некоторой жертвы для вящей пользы всех. Людям необходимо сообщаться между собой, и без дорог, которые это облегчают, их торговые отношения были бы слабыми, пассивными, почти ничтожными. Они были бы, эти отношения, такими же, какими они были в те отдаленные времена, когда земледелие и торговля, пребывавшие еще в колыбели, не требовали такого большого интереса к себе, как сейчас, и необрабатываемые земли давали наибольшую площадь для общественных путей сообщения. При нынешнем состоянии этих двух движущих отраслей общественного богатства (мы имеем в виду торговлю и

земледелие) общие интересы народов не позволяют желать восстановления этого старого порядка вещей. Крайне необходимо, чтобы были земли, специально предназначенные для общественных путей. Стало быть, раз эти земли являются общественными владениями, полностью общественными, неотчуждаемыми, нерушимыми, неотъемлемыми, никто не может иметь оснований претендовать на индивидуальное осуществление там какого бы то ни было права. Сеньеры могут, как мы уже сказали, похваляться с некоторой видимостью основания пожалованием пахотных земель, но отнюдь не дорог. Если пожалование имело место после того, как дорога была проведена, то тот, кто пожаловал соответствующее владение, не мог резервировать себе на этот счет никакого права, поскольку дорога принадлежала не ему, а обществу. Если же пожалование предшествовало проведению дороги, то эту жертву общественной пользе принес тот, кому владение было пожаловано. Так или иначе, владелец смежного с дорогой участка является в равной мере хозяином как края, так и внутренней площади своего поля. Пусть нам не говорят, что если в границах участка находится то количество земельной площади, которое указано в документах владельца, то он больше ничего не может требовать. Это жалкое возражение: оно не может уничтожить действие принципа, гласящего, что никто, кроме всей совокупности жителей, не имеет права осуществлять право собственности на дорогу; оно не может также доказать, что владелец не участвовал в жертве, необходимой для существования общественной дороги. Документы указывают для данного участка такие-то размеры; при обмере устанавливается, что эти размеры налицо независимо от дороги... Но откуда известно, что до появления этой дороги документы не указывали по этому участку бо̀льших размеров? И не следует ли полагать, что впоследствии земледелец считал и записывал в свои документы лишь то количество площади, которое он обрабатывал и которое приносило ему плоды? К тому же есть различия обмеров; к тому же невозможно с уверенностью знать, совпадает ли общий обмер территории кантона с суммой отдельных владений этого кантона и не придется ли кое-где уменьшить эти цифры, чтобы восполнить недостаток у некоторых владельцев; к тому же необходимо обмерить всю совокупность того или иного имения, чтобы определить, останется ли что-либо для дорог, ежели сложить вместе размеры площади всех участков в соответствии с указаниями, содержащимися в документах... По всем этим причинам было бы, пожалуй, очень трудно отличить деревья, посаженные на земле дорог, от деревьев, посаженных на земле владельцев смежных участков. Вследствие трудности согласования между собой различных документов, противоречащих друг другу в указании размеров площади, вследствие необходимости огромной работы для совокупного истолкования всех этих документов, вследствие отсутствия твердого основания для того, чтобы одним

из них отдать предпочтение перед другими, можно даже сказать, что точное проведение такой операции неосуществимо. Лучший способ преодолеть этот океан препятствий и помех заключается в том, чтобы остановиться на единственном твердом принципе, поражающем содержащейся в нем правдой: «Все дороги образовались за счет земель, к которым они примыкают: если какие-либо деревья образуют демаркационную линию между дорогой и обрабатываемым участком, то эти деревья принадлежат только владельцу участка, ибо, поскольку дорога является частью обрабатываемого участка, все на этом участке, что не занято под общественные нужды, принадлежит владельцу этого обрабатываемого участка».

Таков тот ход мыслей, которого мы ожидали от феодального комитета по вопросу об упразднении дорожного права и права на посадки. Вот соображения, которые побудили ряд коммун, при виде производимых бывшими сеньерами разных опустошений, направить в качестве охранительных актов протесты против проектировавшихся продаж и порубок. Вот почему коммуна Монтиньи предприняла такие же действия против своего бывшего сеньера г-на де Ларошфуко-Лианкура.

«И так как, — добавляли они, — очень длительное неподобающее использование этих прав бывшими сеньерами в ущерб владельцам смежных участков дает последним основание требовать по справедливости солидных возмещений; так как было бы трудно достигнуть того, чтобы эти возмещения восполнили потери, вытекающие из истощения почвы, причиненного корнями растущих на обочинах дорог деревьев смежным землям, плодородие которых страдало и от другой, не менее зловредной причины, от затемнения теми же деревьями; так как и без того уже бывшие сеньеры слишком долго собирают ежегодно продукцию этих деревьев и их плоды, первым таким возмещением, коего следует ожидать, будет немедленное присуждение права собственности на них владельцам смежных участков».

Но, господа, мы вам это заявляем, мы вам это говорим с откровенностью, подобающей свободным людям, с уверенностью, которую члены суверенного народа должны всегда испытывать, что у тех, кого нация облекла почетным званием своих делегатов, их жалобы всегда встретят благоприятный прием и что они смогут добиться справедливости и изложить свои взгляды по вопросам законодательства, дабы эти взгляды могли служить общему благу; мы вам это говорим в убеждении, что вы выше тех мелких душонок, которые презирают все то, что не является плодом их собственных размышлений, не признают за чужими мыслями никаких достоинств и сочли бы унижением ими воспользоваться; мы вам это говорим, наконец, в твердой уверенности, что сегодня, как и тогда, когда нация облекала вас своими полномочиями и вы получали инструкции и пожелания от различных секций, посланцы народа все так же готовы принимать

пожелания и инструкции тех же секций; итак, мы вам говорим, что наши деревни и весь класс земледельцев-нефеодалов были крайне удивлены постановлениями вашего декрета о правах на дороги и на посадки, когда он был выработан феодальным комитетом и был принят собранием 26 июля этого года.

Это удивление было столь сильно, что люди задавали друг другу вопросы относительно того, как понимать содержащееся в декрете так называемое упразднение дорожного права.

«Признают, что дорожное право — это несправедливость, что до сих пор бывшие сеньеры пользовались им тиранически и по закону сильнейшего. А между тем его упраздняют лишь при условии, что владелец земли возместит расходы по посадкам, если он хочет использовать деревья, посаженные другим на его участке. Но это вовсе не новая справедливость. Уже старые законы не всегда позволяли, чтобы один человек приходил делать посадки и грабить на земле другого человека. Такая несправедливость, надлежащим образом удостоверенная, была бы осуждена во все времена. Почему же тогда в данном случае вместо трижды должного возмещения лицу, право собственности которого было нарушено, его обязывают покрыть расходы по посадке деревьев, которые уже причинили ему столько убытка? Между тем как тот, кто посадил эти деревья, приходил лишь аккуратно каждый год безнаказанно собирать их плоды; между тем как эти деревья ухудшали, истощали, разоряли поле законного владельца; между тем, одним словом, как эти деревья лишили землю всех ее питательных начал, а несчастному земледельцу оставляли его заботы, его денежные затраты, его труды и оплату налога?

Признают, что дорожное право — это несправедливость, что до сих пор бывшие сеньеры пользовались им тиранически и по закону сильнейшего. А между тем как его упраздняют? Похоже на то, что, дав некоторое подобие удовлетворения владельцам в том постановлении, которое сейчас было приведено, пожелали тут же сделать это постановление пустым и обманчивым, установив различия между деревьями, посаженными по краю дороги, но на территории смежного участка, и деревьями, посаженными по краю дороги, но на площади самой дороги; при этом за одни насаждения требуют только возмещения расходов по посадке, а за другие (см. статью 4 декрета) требуют выкупа, исходя из нынешней стоимости; при этом объявляется, что до внесения этого выкупа бывшие сеньеры будут продолжать пользоваться деревьями. Стало быть, неверно содержащееся в первой статье декрета заявление о том, что так называемое право собственности на общественные дороги с этого момента упразднено? Стало быть, подтверждается ложный принцип, исходя из которого иногда говорили, что это право собственности могло законно принадлежать бывшим сеньерам? Если дороги им принадлежали, если они могли там законно осуществлять одно из прав собственника, почему же они не осуществляли там и всех других прав?

Если они могли распорядиться посадить там деревья, то почему они не распоряжались остановить шаги путников? Признать индивидуальные права за тем, кто присвоил себе дороги, равносильно опровержению вечного правила, согласно которому дороги принадлежат обществу. Это значит стремиться ввести в заблуждение относительно той истины (очевидность которой, однако, бесспорна), что все дороги без исключения образованы за счет соседних с ними земель. Ибо для того, чтобы полностью убедиться в точности этого положения, достаточно следовать по любой дороге, осведомиться о том, кто владельцы земель по обе стороны, и вы немедленно обнаружите, что один и тот же владелец пользуется участками с обеих сторон дороги и что границы участков пересекаются с дорогами таким образом, что не может быть сомнений, что эти границы обозначают участки, перерезанные дорогой; а что касается участков, оканчивающихся у дороги, то это было сделано в результате различных переделов.

Но кому же не ясно, — говорят многие люди, — что постановления декрета от 26 июля в своей совокупности созданы как будто для того, чтобы дать только видимость упразднения дорожного права? Выше мы уже видели, как несправедливо требовать возмещения расходов по посадке в тех случаях, когда будет признано, что деревья были посажены бывшими сеньерами на земле владельцев смежных участков. Но в силу обстоятельств, подробно изложенных выше, представить доказательства того, что такой-то ряд деревьев посажен на земле владельцев смежных участков, а не на земле дорог, — дело, связанное со множеством трудностей. Даже оставляя в стороне всякие другие, только что отмеченные, соображения, мы не рассматриваем здесь вопроса о причинах столь огромной разницы между возмещением на основе нынешней стоимости и возмещением одних только расходов по посадке. Разве от того, что какой-нибудь саженец передвинут на несколько дюймов на край дороги, разве от этого его корни будут гораздо менее истощать смежное поле? Разве от этого тень от ветвей, перехватывая солнечные лучи, причинит меньше вреда этому полю? Но главная беда в том, что почти всегда придется производить выкуп на основе нынешней стоимости деревьев, т. е. дорого платить за то, что уже сто раз было куплено, если взять в расчет причинявшийся ежегодно ущерб. И какой же простой человек осмелится взяться доказывать, что в его случае применимо возмещение одних только расходов по посадке, когда он подумает о необходимости произвести обмеры значительной части имения, изучение, сопоставление, привлечение множества документов, старинных и новых, единообразных и противоречивых; когда вдобавок еще надо доказать, что данная дорога принадлежит к такой-то категории, что ей положена такая-то ширина и т. д., и т. д. Легко понять, что при виде такого множества препятствий мало кто решится взяться за такое дело. Бывшие сеньеры будут упрямо утверждать, что все посадки

произведены на площади дорог и что, следовательно, все подлежит выкупу на основе нынешней стоимости. Только крайне незначительное число частных лиц будет в состоянии осуществить такой выкуп. Бывшие сеньеры будут продолжать спокойно пользоваться своими посадками. Это все равно, как если бы и не было никакого декрета, объявляющего об упразднении этого права».

Это было, господа, довольно длинное отступление, прервавшее нить того повествования, которое входит в состав первой части настоящей петиции. Но следует припомнить, что мы начали это отступление, имея в виду вовсе не одно только наше дело. Мы углубились в него для того, чтобы сопоставить то, чего по важному вопросу о дорожных правах народ ожидал, с тем, что он получил. Мы видели, что до появления декрета этими ожиданиями, естественно, определялось поведение коммуны Монтиньи и многих других коммун, действовавших подобным же образом. Как люди откровенные и как подлинные граждане мы изложили принципы, способные, по нашему мнению, доказать необходимость пересмотра одной из важнейших глав реформы законодательства. Мы полагали, что вам не могут быть неприятны истины, чистосердечно представленные с добрыми намерениями, и что такой путь по крайней мере столь же надежно приведет нас совместно с вами к осуществлению благоденствия родины, как и путь лести, скрывающей подлинные чувства. Мы открывали вам до сих пор наши души, свободно говоря о наших действиях, как о них будет говорить и потомство. Мы хотим верить, что вы не отвергнете эту бесхитростную речь, которая является верной гарантией чистоты наших побуждений; только агенты деспотов отталкивают высокую правду. Воодушевленные этой надеждой на милостивый прием, мы продолжим изложение частного дела нашей коммуны, непосредственно связанного с декретом о дорожных правах от 26 июля.

Оставляя образованным людям дело критики этого закона и соображений об исправлениях, которые по строгой справедливости надлежало бы в него внести, возлагая эту задачу на будущие времена, жители Монтиньи как миролюбивые граждане сочли правильным пока что потребовать от своего бывшего сеньера г-на Ларошфуко-Лианкура только текстуального и буквального выполнения постановлений этого закона. 14 сентября муниципальные должностные лица Монтиньи официально заявили г-ну де Лианкуру, что «от имени всей местной коммуны ему публично были поданы жалобы, гласящие, в частности в отношении коммуны, что бывшие сеньеры Монтиньи узурпировали у этой коммуны по *праву сильнейшего* право собственности на общинные земли и валы, на которых повсеместно имелись посадки фруктовых деревьев, и вышеназванные бывшие сеньеры присвоили себе их вопреки всем заявленным жалобам; что общие интересы требуют немедленно прекратить это неза-

конное использование и выполнять декрет от 26 июля, дающий как частным лицам, так и сообществам жителей право выкупа, а именно: частным лицам — право выкупа деревьев, посаженных на их участках, а коммунам — право выкупа деревьев, растущих в общественных местах с возмещением расходов по посадке».

На сей предмет муниципальный совет Монтиньи заявил, «что, собравшись вместе со всеми жителями, он и они не хотят затягивать решение этого дела розысками по вопросу о том, кто произвел посадки, о коих идет речь; но что они решили высказаться за возмещение расходов по этим посадкам; что, следовательно, они предлагают немедля их возместить в отношении фруктовых и любых других деревьев, которые окажутся посаженными на улицах, общественных местах и валах Монтиньи, а равно (на основании решения всех граждан, собравшихся для составления настоящего документа) возместить нынешнюю стоимость всех деревьев, посаженных по краям общественных дорог, которые не окажутся на земле владельцев смежных участков».

Затем бывшему сеньеру Монтиньи было предъявлено требование «в течение 24 часов назначить эксперта, который совместно с экспертом, назначенным муниципалитетом и собранием жителей, займется выработкой различных оценок, необходимых для осуществления требуемого выкупа».

На основании всего изложенного выше делалось заключение о запрещении г-ну Ларошфуко и его фермерам вмешиваться в дело сбора плодов, растущих на указанных деревьях, а тем более рубить или обрезать их.

Этот внесудебный акт был вручен г-дам Жану Франсуа де Муи и Пьеру де Бюсси, земледельцам в Монтиньи, как фермерам г-на де Ларошфуко-Лианкура. Неизвестно, кто давал им советы, но они не замедлили показать, как они уважают законы, изданные нашим ареопагом, и как они считаются с теми, кто приходит к ним, чтобы говорить от имени этих законов и требовать их выполнения.

Напомним, что внесудебный акт членов муниципалитета и коммуны Монтиньи был вручен двум фермерам г-на де Ларошфуко-Лианкура 14 сентября. На следующий день, 15 сентября, они на это ответили так, как засвидетельствовано в составленном в тот же день протоколе, выдержка из которого приводится ниже.

Этот протокол составлен сторожем, назначенным муниципалитетом Монтиньи для наблюдения за сохранностью имущества коммуны. Он гласит следующее:

«Около 9 часов утра, придя к месту, именуемому Шмен-де-Пари, я увидел Жана Франсуа де Муи и Пьера де Бюсси, земледельцев в Монтиньи, занятых стряхиванием яблок с деревьев, растущих вдоль дороги. С ними были для помощи Андре де Муи, Люсьен де Муи, Софи де Муи, Антуан Ватепье, возчик; Катрин Лефевр, Мари Луиз Фулуа, Рене-младший и Жозеф Бертран, по прозвищу Гийо; двое последних — из деревни Алюэн, а осталь-

ные — из Монтиньи. Я спросил упомянутых де Муи и де Бюсси, от чьего имени и по чьему приказанию они позволяют себе преждевременно стряхивать эти фрукты?

Последовал ответ, что «они наняты господином де Лианкуром, бывшим сеньером над дорогами в Монтиньи».

Я им объяснил, что, поскольку дорожное право и право на посадки упразднены декретами Национального собрания (и, следовало добавить, что выполнение этих декретов было истребовано еще накануне и одновременно было предложено требуемое возмещение и т. д.), то им не следует брать эти плоды для себя; ввиду чего я потребовал от них, а равно и ото всех, кто их сопровождал, чтобы они удалились.

В ответ на это упомянутые де Муи, де Бюсси и иже с ними продолжали стряхивать плоды, хотя и не зрелые, и сказали мне, что если я не уберусь к ... то они меня поколотят.

Не обладая достаточными силами, чтобы оказать сопротивление упомянутым де Муи, де Бюсси и иже с ними, я пошел к г-ну Ватeлье, мэру Монтиньи, которому я доложил о самоуправстве, совершаемом вышеупомянутыми лицами. После этого названный г-н мэр предложил мне пойти с ним в церковь упомянутого Монтиньи, и, когда мы туда прибыли, я по его требованию зазвонил в колокол на предмет созыва всех жителей, дабы сделать им то же сообщение и выслушать на общем собрании их мнение.

В самом деле, жители явились на призыв, и в согласии с муниципалитетом они приняли решение немедля отправиться со мной, вышеупомянутым сторожем, на место преступления, где в присутствии упомянутых членов муниципалитета я повторил вышеупомянутым де Муи и де Бюсси требование уйти и прекратить стряхивание фруктов, о коих идет речь... Они отказались это выполнить.

Тогда муниципальное собрание Монтиньи постановило: всем присутствующим жителям собрать стряхнутые яблоки и отвезти их для хранения к Жаку Карону, прокурору коммуны.

Получив такой приказ, я распорядился подобрать сбитые плоды, погрузить их на телегу г-на де Бюсси и отвезти к дому прокурора коммуны. Там в присутствии господ де Муи и де Бюсси я распорядился измерить их количество с помощью большой бочки из-под шампанского; их оказалось полных десять мер, которые с согласия упомянутых де Муи и де Бюсси я оставил на хранение у упомянутого Карона, прокурора коммуны».

Можно было бы ожидать, что, испытав это небольшое поражение, оба фермера г-на де Ларошфуко-Лианкура примут мудрое решение считать себя побежденными: вся вина была на их стороне. Муниципалитет и коммуна твердо объявили им свое намерение воспользоваться благами декрета от 26 июля. Но уже на следующий день они поспешили показать, что презирают этот закон; а что касается запрещения от имени их муниципалитета и

целой коммуны, то они над ним смеются. Они ссылаются на то, что являются фермерами, как если бы это звание позволяло притязать на беспрепятственное пользование тем, на что сдающий в аренду не имеет бесспорного права собственности; и как будто, если это право собственности оспаривается, фермер может делать что-либо иное, чем ждать решения и требовать возмещения в случае отчуждения. Они бранятся, они оскорбляют, они угрожают посланцу коммуны и муниципалитета, человеку, назначенному для наблюдения за сохранностью имущества коммуны. Они оказывают сопротивление целому народу, действующему на основании законов и пресекающему действия, обоснованно рассматриваемые им как узурпация, поскольку в данных обстоятельствах. после сделанных коммуной Монтиньи предложений, совершенное без сопротивления похищение плодов могло бы повлечь за собой потерю ею определенного дохода, для получения которого она приняла все доступные ей законные меры предосторожности. Она продолжает соблюдать эти законные меры предосторожности, даже после того, как фермеры г-на де Ларошфуко показывают ей пример самоуправства. Интересы жителей и муниципалитета Монтиньи, необходимость сохранения и защиты их законных прав требовали оказать сопротивление этому самоуправству; но они это делают в разрешенных формах. Человек, обязанный наблюдать за сохранностью их имуществ, видит, как открыто учиняется узурпация, он выступает против этого от имени коммуны путем спокойных и тактичных объяснений. Его отталкивают с оскорблениями и угрозами. Об этом преступном поведении фермеров бывшего сеньера докладывается муниципалитету. Муниципалитет принимает тогда единственное доступное ему разумное решение. Он собирает всю коммуну. Люди советуются, обсуждают. Негодование, вызванное образом действий фермеров, которые чувствуют всю его возмутительность, ибо окружают себя эскортом, чтобы обеспечить себе безнаказанность, это негодование не исключает благоразумия. Жители должны помешать похищению собственности, на которую они приобрели право по новому закону и благодаря выполненным ими формальностям. Они должны это сделать, но они не противопоставляют силу силе. Правда, они отправляются на место преступления. Но что они там делают? Они повторяют свои представления обоим фермерам и, только убедившись в том, что последние неисправимы, они принимают окончательное решение, которое для них составляет единственную гарантию их интересов, если они хотят избежать крайности, т. е. применения силы. Но нет, такой путь отнюдь не для них. Поэтому они удовлетворяются тем, что подбирают сбитые плоды и отвозят их на хранение к общественному должностному лицу и в присутствии самих фермеров законным актом устанавливают количество этих фруктов. Разве все это поведение в целом не является вполне законным, если хорошо рассмотреть все обстоятельства? Мы полагаем, что все это дело было лишь небольшим,

очень мягким уроком двум фермерам, которые вели себя как стяжатели и антигражданско настроенные лица. Как мы уже говорили, можно было бы думать, что этого урока будет достаточно для того, чтобы подавить их ярко выраженную приверженность к феодальному строю. Но мы сейчас покажем, что их невозможно призвать к порядку и что в них есть глубокий антипатриотизм, который трудно выкорчевать.

После первого вышеизложенного протокола коммуне и муниципалитету Монтиньи надлежало, конечно, предпринять некоторые другие юридические действия. Но неутомимые фермеры не дали им даже времени передохнуть. Мы приведем выдержку из другого протокола, который позволит составить полное представление о твердости их взглядов как приверженцев бывшего феодального строя.

Этот новый протокол датирован 18 сентября, т. е. через три дня после первого. Он тоже составлен сторожем, назначенным муниципалитетом Монтиньи для наблюдения за сохранностью имущества коммуны. Он гласит следующее:

«Придя около пяти часов пополудни на дорогу в торговой части Монтиньи, проходящую между местом, называемым фортом Филипп, и землями, сдаваемыми в аренду бывшим сеньером, и дальше соединяющуюся с Парижской дорогой, я увидел трех человек: Майе, возчика, Катрину Лефевр и Мари Луизу Фулуа, которые сказали мне, что их хозяева г-н и г-жа де Бюсси послали их стряхивать плоды с деревьев, растущих вдоль этой дороги.

Я их спросил, зачем они вмешиваются в уборку этого урожая после того, как было договорено об обратном 13-го текущего месяца. Тогда в разговор вступил г-н де Бюсси и г-жа де Бюсси, его мать, которым я повторил, что им не следовало игнорировать соглашение, принятое ими и г-ном де Муи, с одной стороны, и муниципальными должностными лицами — с другой, и даже в согласии с агентами г-на де Лианкура о том, что плоды, о коих идет речь, не будут сбиты до того, как достигнут зрелости; и даже о том, что, поскольку муниципалитет заявил свой протест, этих плодов не будут трогать до решения господ администраторов дистрикта и что для большей верности мне, нижеподписавшемуся, сторожу, по-прежнему будет поручено наблюдать за сохранностью этого рода урожая.

Г-н и г-жа де Бюсси ответили мне, что они не думают, будто деревья, плоды которых они распорядились стряхнуть, принадлежат коммуне Монтиньи, хотя они и растут в этой местности, но что они полагают эти деревья принадлежащими форту Филипп, где в прошлом было частное жилище.

Я возразил, что форт Филипп и его укрепления, т. е. насыпь (или своего рода вал), являются общественной собственностью *

* Столь красноречивое рассуждение сторожа коммуны в его протоколах, особенно по вопросу о форте Филипп, не вызовет удивления, если знать,

и что так или иначе они не должны сбивать плоды, пока они не созрели. Я добавил, что немедленно отправляюсь доложить об этом мэру прихода.

Господин мэр велел мне вернуться с ним и с муниципальными должностными лицами для того, чтобы указать им место преступления.

Придя туда и удостоверившись в наличии этого преступления, они постановили убрать сбитые плоды силами нескольких жителей прихода и отвезти их для хранения к прокурору коммуны.

Вследствие этого я распорядился подобрать сбитые плоды, погрузить их на телегу г-на де Бюсси и отвезти в дом Жака Карона, прокурора коммуны, где в присутствии г-на де Бюсси-сына я велел их смерить обыкновенной бочкой, причем их оказалась одна мера и три четверти, каковые с согласия упомянутого г-на де Бюсси я оставил на хранение упомянутого Карона».

Оба протокола, от 15-го и от 18-го, были предъявлены обоим фермерам 23-го, и им снова было запрещено прикасаться к плодам тех яблонь, о которых шла речь в упомянутых протоколах.

После того как дело получило такой оборот, кто мог бы вообразить, какую роль заставят в тот же день играть бывшего сеньера г-на Ларошфуко-Лианкура? Его поверенный г-н Морен по приказу своего хозяина направил прокурору коммуны требование

что этот сторож, г-н Скурион де Фриокур, из числа тех людей, на которых судьба обрушила самые жестокие удары. Не следует также удивляться тому, что он — потомок прежних сеньеров Монтиньи и что именно поэтому он так хорошо знает, что форт Филипп вовсе не сеньериальное владение, что это общественная собственность, общественное место. Это свидетельство не очень-то легко отвести, и на него тем более следует опираться, что для жителей Монтиньи очень важно отстоять свои права на землю форта Филипп и его угодья. Несмотря на то что коммуна с незапамятных времен владеет этой землей, что эта земля является общественным местом, испокон веков посвященным для игр, танцев и развлечений молодых людей обоего пола в приходе Монтиньи, для детских игр и для отдыха взрослых людей и стариков, бывший сеньер или его агенты все же на нее зарятся, потому что видят там деревья, которые им хотелось бы присвоить. Если серьезно заняться этим спором, пришлось бы детально рассмотреть все доказательства, обеспечивающие за коммуной Монтиньи право собственности на форт Филипп. Мы довольствуемся на этот счет нижеследующими указаниями.

Форт Филипп представляет собой архитектурный памятник, в истории которого есть замечательные страницы. Отсюда Жанна д'Арк, Орлеанская дева, изгнав укрепившихся в нем англичан, проследовала в Компьен, где присоединилась к Карлу VII. Другие литературные памятники свидетельствуют о том, что Монтиньи когда-то был городом и именовался Монтиньи-ле-Фран. Это вполне подтверждается внешним видом форта Филипп. Это весьма обширная площадь, окруженная рвами и валами, представляющими явные еще развалины разрушенного города. Это отнюдь не значит, что эти остатки былого великолепия Монтиньи, эти валы и рвы принадлежали бывшему сеньеру. Во всех городах и местечках рвы и валы принадлежат коммунам и находятся под управлением муниципальных органов. В Монтиньи коммуна тоже всегда пользовалась этими рвами и валами. Жители всегда имели право там гулять, устраивать там свои игры, пасти там свой скот и т. д., и т. д.

немедленно сообщить судебному приставу Дюбуа, верно ли заявление муниципальных должностных лиц от 15-го текущего месяца, что они сделали г-ну де Лианкуру предложение о возмещении в соответствии с декретом от 26 июля. Ему представили подлинный формальный документ, с коего судебный пристав Дюбуа снял копию и внес ее в свой акт. Он заявил, что это составлено с несоблюдением законных форм, ибо оно, по мнению г-на Морена (его хозяин, по-видимому, не знает обо всем этом), будто бы должно было быть направлено в замок Алюэн, а не в адрес его фермеров, хотя те и занимают бывший сеньериальный дом *. Такая придирка, конечно, заслуживает лишь презрения. Акт предложения был налицо: фермеры, их хозяин и его управляющий г-н Морен не могли быть в неведении о нем ни одной минуты; и после этого действия, производимые от имени г-на де Лианкура, можно было рассматривать только как грубое кривлянье.

В тот же день, 26 сентября, было принято постановление муниципалитета, которым (ввиду небрежности бывшего сеньера или его агентов, отказывающихся, вопреки сделанным им предложениям и требованиям, назначить эксперта для того, чтобы он совместно с экспертом коммуны приступил к производству оценки деревьев как форта Филипп, так и других мест, площадей и дорог прихода Монтиньи, дабы названная коммуна могла внести разрешенный декретами выкуп) было решено назначить сначала эксперта со стороны прихода. Выбор пал на г-на Клода Жозефа Дюкенеля, хирурга в Алюэне.

29-го было направлено прошение судьям бальяжа Мондидье. В прошении излагаются все факты, подтверждается назначение г-на Дюкенеля в качестве эксперта-оценщика со стороны коммуны; оно заключается ходатайством о разрешении этой коммуне привлечь к суду этого бальяжа бывшего сеньера Монтиньи и его фермеров, дабы продолжать начатое против них дело; о назначении судом, ввиду отказа со стороны этого бывшего сеньера, эксперта-оценщика, о принятии постановления об исполнении в целом декрета о дорожных правах.

Судья разрешил произвести вызов в суд. Вызов был произведен в тот же день.

Первого октября принимается постановление, которым следствие по этому делу откладывается до окончания судебных каникул; в то же время в порядке предварительного исполнения прокурору коммуны, хранителю плодов, являющихся предметом спора, предписывается возвратить фермерам г-на де Лианкура яблоки, со-

* В приходе, где расположена сеньерия, ее центром всегда считалось официальное местожительство сеньера. По всем спорным делам феодального права и по всем делам, касающимся земельных угодий, можно было законным образом направить туда сеньеру любые судебные акты, и никто не был обязан разыскивать его повсюду, где ему заблагорассудится установить свое местопребывание.

бранные во рву и на внутренней площади бывшего замка Монтиньи (так угодно судьям в Мондидье называть описанный нами выше форт Филипп — общественное место, общественную площадь, с незапамятных времен используемую для игр и досугов жителей прихода Монтиньи того и другого пола и любого возраста), и вдобавок фермерам разрешается как хранителям спорного имущества продолжать в текущем году сбор урожая с упомянутых яблонь с тем, что коммуна может там поставить контролера, если ей угодно.

После этого замечательного постановления дело было направлено в директорию дистрикта Клермон, а оттуда — в директорию департамента Уаза.

25 октября коммуна и муниципалитет Монтиньи получили от этой директории судебное решение, к которому следовало бы сделать обстоятельнейший комментарий. Излагая это довольно длинное решение, придется брать его по частям, чтобы отметить одно за другим то, что мы считаем чрезвычайно подозрительными местами. Попробуем:

«Принимая во внимание протокол, составленный 15 сентября судьей местечка Алюэн, содержащий, во-первых, заявление господ Жака Франсуа де Муи и Пьера де Бюсси, совместно арендующих землю в Монтиньи, по случаю испытанных ими в указанный день затруднений при сборе урожая фруктовых деревьев, во-вторых, акт о прибытии судьи на место происшествия, где он нашел мэра Монтиньи во главе большого числа лиц обоего пола и всех возрастов, из коих многие, вооруженные ружьями и окованными железом дубинками, собирались подбирать сбитые фермерами яблоки».

Принимая во внимание протокол, составленный судьей местечка Алюэн, господа из директории начинают с антиконституционного шага. Декрет от 20 июня гласит, что приходам возвращаются их прежние имена. Между тем «Алюэн» — это имя собственное, принадлежащее семье бывших сеньеров местечка Меньелэ, тщеславно лишивших эту местность его настоящего имени и заменивших его своим. Неужто господа из директории департамента Уаза не знают декрета от 20 июня? Или, хотя их директория создана новым режимом, они сохраняют привязанность к старому? Но не это главное замечание по поводу первых шагов директории. Разве не приятно бывшему сеньеру (несмотря на упразднение сеньериальных судов) иметь таким образом к своим услугам судью? Не только к своим услугам, но и к услугам своих первых лакеев, своих фермеров, всех своих рабов. По первому же знаку г-д де Бюсси и де Муи бальи местечка Меньелэ (мы ошибаемся, надо сказать Алюэн) быстренько прибегает и строчит протокол под диктовку и в соответствии с беспристрастным докладом двух человек, беззаветно преданных бывшему сеньеру. Эти протоколы, разумеется, заслуживают большого доверия, поэтому господа из директории начинают со ссылки на них. Фермеры, как они го-

ворят, испытали затруднения при сборе урожая фруктовых деревьев... на которые (надо уж все говорить) они представляются поистине имеющими больше прав. Это, действительно, серьезное обвинение. Но оно ничего не значит в сравнении с тем, что воспоследует из акта о прибытии на место происшествия судьи (из Алюэна опять-таки), нашедшего там «мэра Монтиньи во главе большого числа лиц обоего пола и всех возрастов, из коих многие, вооруженные ружьями и окованными железом дубинками, собирались подбирать сбитые фермерами яблоки». Дòлжно заметить, что о таких делах и вещах никто до того ничего не слышал, и похоже на то, что все это было сочинено на месте происшествия в кабинете судьи местечка Алюэн. Это оттуда он увидел ружья и окованные железом дубинки, тогда как все лица, присутствовавшие на месте во время происшествия, заявляют, что ничего такого не видели. Но ведь свидетельство бывшего сеньериального судьи не может быть приравнено к свидетельству целой коммуны, такой, как коммуна Монтиньи...

«Документы дела, возбужденного в бальяжном суде Мондидье относительно права собственности на вышеупомянутые яблоки».

«Постановление, принятое вышеназванным судом первого октября, предписывающее в порядке предварительного исполнения возвращение яблок и разрешающее фермерам продолжать сбор урожая яблонь в качестве хранителей спорного имущества».

Уже по тону этой части изложения можно догадаться, что постановление бальяжа Мондидье не будет отвергнуто. В самом деле, разве он не судил соответственно правильным принципам? Остается лишь следовать уже заведенному порядку.

«Протокол г-на Дюбуа, королевского сержанта, от 4-го того же месяца, в коем он заявляет, что, прибыв в Монтиньи с отрядом для сообщения упомянутого постановления прокурору коммуны, хранителю спорных сбитых яблок, он нашел там больше трехсот человек, сбивавших оставшиеся на деревьях яблоки, причем многие были вооружены ружьями, саблями, охотничьими ножами, другими орудиями».

Час от часу не легче!... Протокол г-на Дюбуа, королевского сержанта! Не похоже ли это на то, что все куплены, чтобы снабжать преступлениями жителей и коммуну Монтиньи? Но надо немножко и то принять во внимание, что сержант Дюбуа — это обычный составитель актов описи или наложения ареста на имущества для замка Алюэн, где дел такое множество, что необходим специальный человек на жаловании для вручения вызовов в суд; этот человек постоянно связан с этим домом, чтобы при любой надобности можно было им располагать. Такая должность с полным основанием считается хорошей, и тот, кто ее занимает, полагает, что на его долю выпало исключительное счастье, и старается сохранить ее. Сержант Дюбуа рассуждает именно таким образом; он — преданнейший человек замка, и нет ничего, чего бы он не сделал, только бы его не прогнали. Среди

всяких других фокусов, если от него потребуют, он сфабрикует в каком-нибудь из своих протоколов историю некоего мятежа в Монтиньи, хотя все там сохраняли полное спокойствие. Он скажет вам, что для того, чтобы отправиться туда объявить судебное решение, ему понадобился вооруженный отряд. Если его подтолкнуть, он добавит к этому видение «трехсот человек, вооруженных ружьями, саблями, охотничьими ножами и другими орудиями». По недостатку соображения он, пожалуй, оставит все это боевое снаряжение в бездействии — все эти клинки, эти пушки, эта артиллерия никого даже не ранили; в протоколе Дюбуа нет даже речи о малейшей царапине, но бравый сержант полагает, что одних столь грозных атрибутов достаточно, чтобы сделать крайне одиозными тех персонажей, которым он припишет эти страшные манифестации. Все люди, у которых нет таких мотивов, как у сержанта Дюбуа, которые говорят только правду, скажут, что никогда ни один житель Монтиньи ни в одном из обстоятельств, относящихся к делу о деревьях, не показался даже с палочкой, чтоб оказать сопротивление... Но какое имеет значение, что многие люди это говорят? Сержант Дюбуа — человек замка Алюэн, ему поверят, оказав ему предпочтение перед всеми остальными. Фермеры экс-сеньера, его лакеи, его судья, все его окружающие подтвердят бред составителя актов, и этот бред приобретет доверие даже у директории департамента Уаза.

«Протокол, составленный 16-го числа директорией дистрикта Клермон; устные заявления, замечания и ответы муниципальных должностных лиц Монтиньи относительно фактов, изложенных в вышеуказанных протоколах. Составлен, принимая также во внимание заключение этой директории и мнение г-на генерального прокурора».

Выходит, что директория дистрикта тоже сочла правильным вознегодовать на жителей Монтиньи, во многом обвинить их и любезно оправдать и одобрить экс-сеньера — депутата Национального собрания, основываясь при этом на рапортах его составителя актов Дюбуа, его судьи из Алюэна, распорядителей из его управления делами, его лакеев, его фермеров. Продолжаем:

«Директория департамента Уаза, полагая, что из вышеуказанных документов (в частности из акта о предложениях, сообщенных 14 сентября; из протокола, объявленного на следующий день фермерам г-на де Ларошфуко-Лианкура приходским полевым сторожем, и из протокола, составленного в тот же день судьей) следует, что жители Монтиньи и официальные должностные лица, введенные в заблуждение неверным истолкованием декрета от 26 июля 1790 года, подтвержденного жалованной грамотой от 15 августа, вообразили, что право собственности на все деревья, растущие на их территории, принадлежит коммуне; что это заблуждение было причиной беспорядков, имевших место 15 сентября и 4 октября; что муниципалитет не принял никаких мер для предотвращения и пресечения скоплений народа; что, наобо-

рот, мэр г-н Вателье, по-видимому, по причине того же заблуждения вызвал скопление народа 15 сентября, приказав звонить в колокол, и занял место среди скопившихся лиц».

Введенные в заблуждение неверным истолкованием декрета от 26 июля 1790 года! Но (можно было бы сказать господам из директории департамента Уаза) вы, умеющие различать ложные истолкования декретов, но не знающие, что есть декрет от десятого июня, запрещающий вам впредь называть Меньелэ незаконным именем «Алюэн»; вы, кто после реформы сеньериальной юстиции провозглашаете ваши решения в деле, где заинтересован бывший сеньер, на одном только основании свидетельства и судебного решения его бальи, становящегося, таким образом, арбитром в деле того, кто его содержит на жалованье и кому он, естественно, предан; вы, отбрасывающие все показания, противоречащие показаниям лакеев, рабов и наемников этого экс-сеньера, говорите! Однако, оставляя все это в стороне, если знаешь, что закону было дано неверное истолкование, то надо знать, каково же правильное истолкование... И благонамеренные правители в случае подобного ложного истолкования обязаны просветить народ. Ибо, если вы только говорите нам, что мы заблуждаемся, но не ставите нас на правильный путь, вы подвергаете нас опасности опять заблудиться. Эти немотивированные суждения, эти старые рутинные формулы: «для обстоятельств, вытекающих из процесса», — это все развалины только что окончившегося режима; их запрещено применять при том режиме, который теперь начинается. Я рад, если мне говорят, в чем я согрешил. Это лучший способ убедить меня, если я осужден справедливо. Но если, как это было с директорией департамента Уаза, довольствуются провозглашением: вы неправы, потому что я говорю, что вы неправы, — то это трудно проверить. Однако давайте посмотрим дальше. Декрет от 26 июля гласит, что частные лица смогут вступить во владение деревьями, посаженными бывшими сеньерами вдоль дорог рядом с землями этих лиц, которые должны возместить нынешнюю стоимость этих деревьев. Дальше закон этот говорит, что деревья, посаженные на земле смежных с дорогой участков, станут собственностью владельцев этих участков при условии уплаты ими только расходов по посадке. В законе добавлено, что коммуны тоже смогут выкупать деревья, посаженные на площадях... Что же здесь произошло? В Монтиньи частные лица предложили уплатить требуемое декретом возмещение за те деревья, которые посажены вдоль их участков. Коммуна в целом сделала такое же предложение в том, что относится к ней. Не похоже, чтобы здесь было неправильное толкование декрета. Он ясен, этот декрет, он даже не требует истолкования. Он разрешает определенную вещь при таких-то условиях. Эти условия пунктуально выполняются. Раз так, то о чем может быть спор? По точному смыслу декрета, предложения жителей Монтиньи не могли быть отклонены. С того момента, как эти предло-

жения были сделаны, бывший сеньер уже не мог больше распоряжаться своими деревьями; он не мог больше осуществлять какой-либо акт собственности или пользования. Продукция и доходы от этих деревьев не принадлежали уже ему, потому что с момента объявления предложений те, кто делал эти предложения, кто имел право делать их, кто делал их удовлетворительным образом (а это было так, раз они соответствовали требованиям декрета), бесспорно, приобретали право собственности на деревья, о коих идет речь, поскольку, повторяю, их нельзя было лишить этого права, ибо нельзя было отклонить выкуп или уклониться от него. Что это — ложные толкования? Так рассуждали жители и муниципалитет Монтиньи. И именно поэтому они оценили как расхищение сбивание плодов, самоуправно совершенное господами Муи и Бюсси, и поэтому они, жители и муниципалитет, были вынуждены оказать этим людям сопротивление теми средствами, которые оставались в их распоряжении *.

«Постановили, что в течение восьми дней после оповещения о настоящем решении муниципалитет Монтиньи обязан под угрозой ответственности обеспечить возвращение г-дам де Муи и де Бюсси, назначенным постановлением суда Мондидье хранителями спорного имущества, яблок, захваченных 4 октября скоплением людей».

Почему здесь не сказано ни слова о значении предложений от 14 сентября? Принятое в Мондидье постановление тоже об этом ничего не говорит. Оно предписывает только возвращение плодов, собранных в форте Филипп, который судьям угодно было именовать старинным замком Монтиньи. Настоящее решение не подтверждает этого. После разглагольствований, направленных против всего происшедшего 15 и 18 сентября, оно требует только возвращения фруктов, собранных 4-го числа следующего месяца. Те первые яблоки были неспелые, директория хочет только октябрьские. Здесь, пожалуй, есть некоторое упущение, ибо это заключение не соответствует тому вступлению, которое мы приводили; но, видимо, когда начинаешь заниматься каким-нибудь ремеслом, то на первых порах делаешь промахи.

«Предлагает г-ну Ватедье, мэру названного прихода, впредь быть более осмотрительным под страхом быть обвиненным прокуратурой и быть привлеченным к уголовной ответственности».

«И настоящее постановление будет прочитано директорией дистрикта Клермон названному г-ну Ватедье, мэру, в ы з в а н н о м у н а с е й п р е д м е т, а затем оно будет официально объявлено той же директорией муниципалитету Монтиньи».

Итак, г-н Ватедье, мэр, получает выговор от департамента, который, правда, еще не осмеливается вызвать его к себе для от-

---

* К тому же, возвращаясь ко времени рассказа о том, что произошло 14 сентября, настоящая петиция доказывает, что все протекало очень мирно, а не так, как об этом заявляет директория департамента Уаза.

вета. Но он отсылает его держать ответ перед дистриктом. Туда он должен явиться, чтобы выслушать приговор себе и всей коммуне Монтиньи, приговор, осуждающий их за то, что они требовали выполнения декретов, и за то, что они выступили против тех, кто сопротивлялся этим декретам.

Господа, эта коммуна и этот мэр апеллируют на эти приговоры к вашему верховному суду в уверенности, что вы найдете их в высшей степени незаконными и грабительскими. Вы припомните, господа, все обстоятельства этого первого дела. Все сводится к одному простому вопросу. Сделали ли коммуна и муниципалитет Монтиньи все, что они должны были сделать, чтобы иметь право пользоваться в том, что касается дорожного права, преимуществами, вытекающими из закона от 26 июля? И могли ли различные происки слуг и агентов г-на Ларошфуко-Лианкура, сопротивление которым вменяется им в преступление, аннулировать действия коммуны и муниципалитета, имевшие целью использование предоставляемых этим законом выгод? Одним словом, являются ли их предложения от 14 сентября действительными или недействительными? На этот вопрос они ждут от Законодательного собрания ответа, который определит судьбу и многих других коммун края, находящихся в весьма сходном положении. Коммуна и муниципалитет умоляют законодателей не упускать из виду соображений, изложенных в настоящей петиции относительно усовершенствования законодательства по дорожному праву. Названные муниципалитет и коммуна были бы счастливы, если бы они в связи с этим частным спором получили возможность принести в дань родине весьма полезные соображения, которые, очевидно, весьма наглядным образом способствовали бы общему благу *.

---

* В то время, когда мы это пишем, мы узнаем о новом декрете от 13 ноября, изданном в развитие статьи 4 декрета от 26 июля. Последний гласил, что оплата за деревья, по коим требуется возмещение, должна производиться на основе нынешней стоимости в соответствии с оценкой экспертов. Декрет, изданный в развитие этой статьи, объявляет, что «оценка фруктовых деревьев, посаженных на улицах или общественных дорогах, если владельцы смежных участков захотят их выкупить, будет производиться в десятикратном размере от среднего годового дохода, приносимого этими деревьями». Т. е. если средний годовой доход от дерева оценивается в одно экю, то выкупная цена будет 30 ливров, если доход оценивается в 10 ливров, то выкупная цена будет 100 ливров. В любом месте можно купить деревья на условиях, бесконечно более благоприятных, и, конечно, совершенно исключено, чтобы добрые поселяне, которым говорили, что они вскоре вступят во владение деревьями на смежных участках дорог, и которым так громогласно обещали освобождение от вопиющей несправедливости, столь долго мучившей их, повторяю, совершенно исключено, чтоб они могли когда-либо освободиться такой ценой. Уже многие высказывают сейчас одно соображение, и было бы весьма опасно, если б убеждение в его верности получило широкое распространение. Люди задают себе вопрос: может быть, имелось в виду лишь создать впечатление, что феодальный режим свергнут, а по существу этот режим все еще продолжает существовать? Верно ли, что после

Второе дело

ШАМПАРЫ

Коммуна и муниципалитет Монтиньи в нескольких словах изложат свои жалобы касательно еще одного вопроса. Для начала они скажут, что нет, пожалуй, другого вида сеньериальной узурпации, который давал бы столько оснований для жалоб, как этот. Чтобы составить себе о нем правильное представление, необходимо подробно и последовательно рассмотреть все, что служит основанием для этого непомерного обложения; необходимо изучить, исследовать, очистить от искажений историю феодальных жестокостей, взаимную связь и нарастание коих они разоблачают. Вопреки всему тому туману, которым время и предусмотрительная сеньериальная порода окутали ужасы вассальной зависимости, можно тем не менее смутно разглядеть значительную часть возмутительных происков, примененных феодалами для закрепления практиковавшихся ими вымогательств. Точные представления о происхождении этого варварского порабощения и о средствах его осуществления следует искать не у историка и не у писателя, хотя бы и самого глубокого. Положительными сведениями на этот счет обладает, к сожалению, другая категория людей, из которых часть смотрит, но не видит, а другая часть не очень склонна разглашать то, что ей известно; за точными данными о чудовищно вымогательской истории учреждения ценза обращаться надо к февдисту, причем к такому, который является в то же время наблюдателем и философом. Если он переносится мыслью в различные эпохи, когда возникали те пергаменты и лоскуты, которые он извлек из пыли; если он представляет себе, каковы были разные поколения, населявшие сеньерии в те эпохи, и каково было их положение по отношению к владельцу замка, с высоты своей башни безраздельно господствовавшему над ними; если он заметил, что, несмотря на всю свою величественность, несмотря на страх, внушаемый угнетенным жителям, сеньер лишь постепенно смог обременить чудовищно тяжелыми повинностями те земли, которые возделывали закованные в эти тяжкие цепи рабы: если он все это заметил, то он должен был сделать и другие наблюдения, которые помогут ему легко раскрыть, какими ужасными способами пользовался сеньер и господин, чтобы приводить в движение в соответствии со своими желаниями механизм своих вымогательств. Он покажет, что не верно, как это бесстыдно утверждали долгое

того, как было сказано во всеуслышание: «От тебя одного зависит освободиться при помощи денег от власти сеньера», затем тихонько добавили: «Но, говоря о деньгах, их у тебя столько потребуют, а выкуп обставят таким множеством препятствий, что ты будешь вынужден остаться согбенным под бременем вассалитета». Нельзя без дрожи подумать о том, какие последствия повлечет за собой широкое распространение такой мысли.

время, будто сеньеры до учреждения ценза полностью подчинили своей власти человеческий род, будто они одни достигли овладения огромными территориями, а все остальные сословия людей ничем не владели и стали собственниками лишь с соизволения детей Солнца. Он покажет, что этим полубогам лишь с течением времени удалось использовать собственность трудовой и просвещенной части населения. Что при этом одних обманывали, другим то грозили, то льстили, то запугивали их, то подкупали, используя в одних случаях невежество, в других — вводя в заблуждение, иногда подделывая документы, а иногда доходя в извращенной предусмотрительности до того, что давали детям на подпись документы, которыми пока что не пользовались, а сохраняли для более отдаленного поколения, уже лишенного возможности оспаривать их законность. Все это буквально соответствует действительности и может быть доказано на примере большой части бывших сеньерий наших кантонов *.

Если заглянуть в составленную двести лет тому назад поземельную опись, мы там найдем, что значительными повинностями облагается лишь небольшая или по крайней мере ограниченная часть земельных владений. Пятьдесят лет спустя появляются новые сборники цензивных деклараций, где территория, находящаяся в зависимости от сеньерии, увеличена вдвое или вчетверо. Еще через тридцать лет другие документы еще более удивительным образом расширяют сферу феодального господства и т. д. и т. д.**

---

* Если есть место, где доказательства производившихся узурпаций при установлении шампаров еще могут быть представлены, то это особенно в Монтиньи, потому что там они еще совсем недавние. В этом приходе еще проживает пятьдесят свидетелей, могущих удостоверить, что во время составления поземельной описи в 1752 году поименованные Шарль Вателье, Жан де Канни и многие другие подвергались властью сеньера заключению в застенках замка Алюэн, откуда они вышли лишь после того, как они подписали декларации, содержавшие обязательство платить шампар. Таковы те ужасы, которые предшествовали времени г-на Ларошфуко-Лианкура. И тем не менее на эти тиранические акты хотят и ныне ссылаться от его имени. А вот новые жестокости, которые превосходят прежние. Судья в Алюэне обрушивает на людей град приговоров, которые он сумел умножить, заведя на каждого человека столько отдельных дел, сколько у него имеется участков, якобы подлежащих обложению шампаром. Яростное ослепление доходило до того, что по одному участку учинялись два судебных дела: по одному делу требовали уплаты как с участка, засеянного пшеницей, а по другому — как с участка, засеянного рожью. В одном деле даже потребовали уплаты недоимок по шампару, между тем как этот участок был залежный. В другом месте требовали уплаты 24 снопов за поле, которое всего произвело 48 снопов. В другом месте потребовали 9 снопов из 27 и т. д. Кто скажет после этого, что жители Монтиньи жаловались зря!

** Большинство коммун в наших краях, ныне слишком хорошо знающих историю феодальных злодеяний, будут одна за другой требовать принятия действенных мер упразднения этого режима, подлинно решающих мер, которых многие ждали от Национального собрания вместо принятых им паллиативов. Некоторые опытные наблюдатели предсказывают, что

Таково, господа, положение вещей в Монтиньи с шампаром, относительно которого коммуна ведет открытую тяжбу, заслуживающую также внимания законодателей и требующую декретирования нескольких статей закона, способных положить конец тревожной неуверенности почти во всех концах страны.

ФАКТЫ, ПОЧЕРПНУТЫЕ ИЗ ОПРАВДАТЕЛЬНЫХ ДОКУМЕНТОВ

30 июня этого года жители Монтиньи, ссылаясь на декрет Национального собрания от 15 марта о выкупе феодальных повинностей, сообщили г-ну Ларошфуко-Лианкуру свои предложения об уплате и выкупе всех лежащих на них шампаров, цензов и сеньериальных повинностей по его землям в Меньелэ, Монтиньи и Одивийе, требуя одновременно выполнения им условий, указанных в той статье этого декрета, которая гласит: «Владельцы таких прав должны представить первоначальный документ о пожаловании земельного владения или два совпадающих акта о признании сеньериальной зависимости, ссылающиеся на более старый акт признания и не опровергаемые предшествующими актами, при условии, чтобы они были подтверждены фактическим владением в настоящее время, длящимся непрерывно в течение сорока лет, и содержали ссылки либо на договоры, либо на первые и подлинные пожалования».

Г-н Ларошфуко-Лианкур понял, что этот декрет может быть для него не очень выгодным, поскольку он требует столь точных земельных документов. В апреле месяце он объявил, что каждый, кто захочет выкупить ценз или шампар, получит от него *скидку одной шестой доли* при условии, если он явится для полюбовного соглашения в его замок Алюэп. Жители Монтиньи увидели в этом ханжество, притворство, иезуитскую приманку. Это никого не обмануло. Все знали, что г-н Ларошфуко-Лианкур не опирается на очень твердые документы, и в этих обстоятельствах объявить о скидке одной шестой доли «при условии явки для полюбовного соглашения» значило сказать: «Я с вас требую только пять шестых, но вы не будете претендовать на рассмотрение моих документов». Расчет был хороший, но жителей Монтиньи он нисколько не устраивал. Они нашли более правильный путь, следуя тому, что мы уже увидели и еще увидим.

17 июля г-ну Морену, поверенному г-на Ларошфуко-Лианкура, было заявлено требование отправить на хранение в центр сеньерии Монтиньи все документы, относящиеся к упомянутым

принятие этих мер будет ускорено силой развития событий, и это, немного раньше или немного позже, приведет к окончательной гибели феодального чудовища, которого не могут свалить слабые удары, нанесенные Национальным собранием. Эти действенные меры заключаются в том, чтобы все упразднить без выкупа ни со стороны цензитария, ни со стороны бывшего сеньера-вассала по отношению к его сюзерену. Рассчитывают, что таким образом все интересы будут более или менее компенсированы; и все источники конфликтов этого рода иссякнут.

шампарам, цензам и сеньериальным повинностям, для того, чтобы с ними ознакомился прокурор коммуны на предмет соглашений о размерах выкупа, который жители повторно предлагают произвести наличными деньгами.

1 августа упомянутому Морену несколькими частными лицами было предъявлено требование подобным же образом представить некоторые указанные ими документы, на которые ссылались фермеры Монтиньи при взимании шампара.

Последовал ответ с предъявлением одной-единственной декларации от 1752 года, безо всякого упоминания какого-либо другого документа. После такого ответа истцы на основании декретов, требующих представления первоначального документа или двух актов о признании, ссылающихся на третий, потребовали в судебном порядке отклонения требования об уплате шампара.

7-го того же месяца составлен протокол о прибытии мэра и других членов муниципалитета Монтиньи в центр бывшей сеньерии для того, чтобы сделать г-ну Ларошфуко-Лианкуру через его фермеров и привратника этого дома предложение о немедленном возмещении всех шампаров, цензов и сеньериальных повинностей, лежащих на большинстве жителей прихода, с тем, что выплата будет произведена непосредственно вслед за ознакомлением с документами, предъявления которых они потребовали.

Последовал ответ фермера, что документы находятся в замке Меньелэ и что членам муниципального совета следует обратиться туда, чтобы требовать ознакомления с ними.

В тот же день посылается вызов в бальяж Мондидье, в котором, принимая во внимание декрет от 3 мая, гласящий, что выкупные суммы должны быть выплачены в официальном центре сеньерии, а также принимая во внимание отказ представить документы и принять сделанные предложения, выдвигается требование о том, чтобы г-ну Ларошфуко-Лианкуру было вменено в обязанность в трехдневный со дня постановления срок представить свои документы с тем, что в противном случае он будет объявлен потерявшим права на ценз, шампар и другие права, на которые он притязает. 10-го того же месяца производят представление документов. Но в чем оно заключается? Мы это сейчас узнаем из описи представленных документов.

П е р в ы й и п о с л е д н и й д о к у м е н т: «Арендный договор, заключенный 10 марта 1785 года бывшим сеньером с арендатором Монтиньи, на получение шампара в имении Монтиньи».

Основываясь на этом документе, который они, конечно, рассматривали как п е р в о н а ч а л ь н ы й, оставив без внимания произведенный жителями вызов в суд бальяжа Мондидье, они смело посылают вызов в суд Алюэна. В самом деле, зачем идти искать судей так далеко, когда имеешь их у себя? И раз им платят, то пускай работают. Можно сразу догадаться, какое последовало решение. Оно не заставило себя ждать; оно было вынесено 13-го числа. Г-н Боскийон де Жанлис, судья в Алюэне (он

вполне заслужил быть названным по фамилии), объявил самым серьезным и угодливым образом, что сеньер Алюэпа (он не говорит «бывший», боясь головомойки) будет и дальше пользоваться своим правом на шампар и что его фермеры будут его взимать в соответствии с их арендным договором.

Остановимся на этом судебном решении, представляющем последний акт тех притеснений, которые терпят жители Монтиньи; это решение является предметом второй части их жалобы. Какие-либо доказательства или высокопарные заявления были бы здесь лишними. Простое изложение фактов должно пролить весь необходимый свет на это дело. В этом деле, как и в первом, мы видим, господа, с одной стороны, коммуну, требующую выполнения ваших декретов, а с другой стороны, противника, который от этого уклоняется. Решение такого спора нетрудно. Положение этого противника по отношению к вам, господа, то, что он является вашим коллегой по Национальному собранию, не тревожит нас: это отнюдь не поколебало доверия, с которым мы ожидаем совершения правосудия.

«Закон должен быть один для всех» — такова аксиома общественного права, и нижеподписавшиеся уверены в том, что она никогда не будет забыта теми, кого они полагают себя вправе с полным основанием назвать славным именем народных трибунов. Нижеподписавшиеся просят только о проведении в жизнь этого священного правила, и в этом вся цель настоящей петиции.

Коммуна и муниципалитет Монтиньи:

Вателье, мэр; Карон, прокурор коммуны; П. Бле и Адриен Мерсье, члены муниципалитета; Трувен, Ватье, нотабль; де Муи, Ж. ле Муи; Алло, нотабль; Руссель, нотабль; Жерве Ватлен, Франсуа Алло, Бюлар, Давид, Пьер Ле Мэр, Дежарден, де Муи-младший, Леон Бюлар, Жан Шарль Мерсье, Вателье-младший, Пьер де Муи, Пьер Боке, Луп Скурион, Шарль Франсуа Бутри, Пьер Лефевр, Антуан Фиеве, Дюбуа, Жан Луи Канни, Жан Ватлен, Франсуа Майе, Жан Шарль Канни, Ком, Шарль Ле Мэр, Дюкенель, Фино, Дежарден, Пуадевен-старший, Пьер Пуадевен, Ватбле, Батикль, Вателье, Шарль Антуан Майе, Пьер Каппон, Луи Ватье-сын, Руссель, де Скурион, Жан де Канни, Франсуа Лефевр, Ромен Бюлар, Антуан Мерсье, Мерсье, Бернар Лефевр, нотабль; Рембо, Алло, Эсташ Руссель, Вателен, Брис Вателье, Венсан Эден, Луазель, Жак Кандело, Франсуа Лефевр, Оноре Френуа, Франсуа Курсо, Алло Луве, де Лормель, нотабль; Данделе, Жозеф Мерсье, Антуан Лелье, А. Лелье, Жан Каппон, Вателье, секретарь-архивист.

Монтиньи, 4 декабря 1790 г.

Выписка из реестра постановлений коммуны Монтиньи от воскресенья, 5 декабря 1790 года

На собрании, созванном на предмет выдвижения и избрания из среды активных граждан трех депутатов для направления в Париж, в Национальное собрание, для представления обращения по различным вопросам, касающимся общественного блага и частных интересов граждан этой коммуны, названные граждане, собравшись в здании муниципалитета вместе с членами муниципалитета, единогласно выбрали господ Антуана Вательe, мэра, Жака Карона, прокурора коммуны и Шарля Пуадевена, юриста названной коммуны, которым было обещано оплатить их расходы по этой миссии и т. д.

Подписано теми же именами, что и петиция.

И последующим постановлением было решено просить Ф. Н. К. Бабефа, гражданина города Руа, составителя петиции, присоединиться к депутации и сопровождать ее.

ПИСЬМО А. ЛАМИ [2]

1791 г., февраля 21, Руа

Милостивый государь!

Мне попался в руки Ваш труд, озаглавленный «Всеобщий кадастр». Судя по странице 5, Вам известна работа под заглавием «Постоянный кадастр». Следовательно, нельзя сказать, что оба эти кадастра Вам совершенно незнакомы, а мне тем более. Ибо, хотя Вы и приписали «Постоянный кадастр» г-ну Одиффре, единственным его автором являюсь я. От г-на Одиффре я взял только тригонометрический графометр, аналитическое описание которого я дал, но ни одна идея, ни одна фраза в «Кадастре» не принадлежит ни воображению, ни перу этого геометра; он — только геометр и больше ничего. Я уделил в своем труде место для сообщения об инструменте г-на Одиффре потому, что хотел содействовать его распространению, а также потому, что я убедился, в какой степени пользование этим поистине драгоценным инструментом способствует умножению тех значительных преимуществ, которые порождает моя система составления кадастров. Вот, милостивый государь, в чем Вы могли бы убедиться, если бы внимательно прочли первое извещение от издателя, с которого начинается мой «Кадастр»; Вы не совершили бы тогда маленькой ошибки, не имеющей по существу особого значения, назвав автором моего труда человека, который не принимал в нем никакого участия.

Но я взял на себя смелость написать Вам вовсе не для того, чтобы сделать Вам этот упрек. Вы — бывший феодист, и я тоже; Вы много раздумывали и писали о кадастре, и я тоже. Не полезно ли было бы нам вступить в переписку, чтобы сблизить

наши взгляды по вопросу, ставшему предметом размышления для каждого из нас, и не случится ли так, что когда-нибудь результаты наших споров послужат нам на пользу?

Я с удовлетворением узнал, что Национальное собрание включило большую часть моей системы и моих идей в свои постановления о способе земельного и личного налогообложения. Мой труд, написанный непосредственно перед революцией, в той своей части, где он затрагивал всю совокупность государственного управления, призывал к реформам, и мне немало польстило, что почти все они были осуществлены. Остается, следовательно, предписать, чтобы были приняты наши идеи относительно техники составления кадастра — работы, настоятельно необходимой при новом порядке вещей. Когда я говорю о принятии наших идей, это слишком неопределенно и может навлечь на меня подозрение в чрезмерном самомнении, но я при этом подразумеваю частью собственные, частью чужие идеи, как, по моим наблюдениям, это сделано в отношении основ или принципов раскладки и разверстки обоих налогов — земельного и личного.

Нет другой такой профессии, где нужные знания были бы столь близки знаниям, необходимым для лиц, которым будет поручено руководство составлением кадастра, как профессия комиссара по составлению описей. Вот почему они первыми решили опубликовать правила надлежащей организации этой работы. Кроме нас двоих, некий г-н Обри, автор книги «Как сделать кадастр постоянным», опубликовал — что Вам, может быть, так же хорошо известно, как и мне, — труд, озаглавленный «Усовершенствованный налог», целью которого является выработка приемов, пригодных для составления всеобщего кадастра. Вполне возможно, что, как только эта операция будет декретирована, ее выполнение будет также поручено комиссарам по составлению описей; не было бы, следовательно, ничего предосудительного, если бы лица, которые могут быть привлечены к этому делу (и, возможно, раньше, чем этого можно ожидать), заранее начнут обмениваться мнениями, благодаря чему они ближе ознакомятся с проектами и добьются цели, безусловно, наиболее желательной, т. е. единства метода.

И если такая переписка необходима вообще, то тем важнее переписка между лицами, наиболее осведомленными в этом вопросе. Вот, милостивый государь, соображение, заставившее меня предложить Вам вступить в переписку и побудившее меня начать ее.

Так как после издания моего «Кадастра» я вынужден был много заниматься вопросами о государственных налогах, то я опубликовал две работы о косвенных налогах — одну в марте, другую в октябре. Недавно я видел подобный труд г-на Локе и намеревался написать ему, чтобы сравнить наши принципы; но когда я узнал, что моя система была слово в слово принята французским сенатом, то это обстоятельство подстрекнуло меня всту-

пить в спор с г-ном Локе, ибо именно таково было мое намерение. Можете ему передать это, милостивый государь: он, по всей вероятности, не рассердится, тем более если вы скажете ему, что, опровергая его, я также не был движим злыми чувствами.

Честь имею быть, милостивый государь, Вашим покорнейшим и всегда готовым к услугам слугой.

Бабеф,
редактор «Пикардийского корреспондента»

ПЕТИЦИЯ

о фьефах, сеньериях, цензах и шампарах от коммуны и муниципалитета Мери, кантон Леглонтье, дистрикт Клермон, департамент Уаза Национальному собранию

Господа!

Данная нами присяга на верность вашим достоуважаемым декретам не позволяла нам в течение некоторого времени заговорить; но бремя наших оков вынуждает нас второй раз направить вашему высокому собранию наши пожелания; соблюдая нашу клятву, мы не скажем ничего, что могло бы нанести ущерб уважению, которое должно оказывать вашим декретам. Мы даже ничего не скажем обо всем том, что нас оскорбляет, раскрывая все несправедливости, возбуждающие наше законное негодование: мы бы таким образом, пожалуй, служили только интересам нашей коммуны, а мы должны приложить все силы к общему благу всей нации.

Мы откроем одним людям и напомним другим истину, представляющую интерес для всего французского государства. Подавленные страданиями, не имея уже никаких ресурсов, кроме отчаяния, мы занялись рассмотрением вопроса о том, являются ли бывшие сеньеры собственниками тех земель, которыми они владеют. Не полагаясь на одни лишь наши знания, мы обратились к истории Франции и с удивлением узнали, что историк * с очевидностью доказывает, что бывшие сеньеры не более как узурпаторы.

«Во Франции, — говорит он, — существуют два вида имуществ. Есть салические имущества и есть военные бенефиции. Салические имущества — это те, которые достались путем завоевания, и они переходят по наследству. Военные бенефиции были установлены римлянами до завоевания Галлии франками, они были дарениями государя, и дарения эти были только пожизненными».

Нет никакой надобности добавлять другие рассуждения, чтобы доказать, что земли, находящиеся в обладании бывших

* Председатель Эно, «Краткий курс истории Франции», новое издание 1769 г., стр. 117 и след.[3]

сеньеров, принадлежат нации. Если бы, однако, бывшие дворяне осмелились отстаивать свое незаконное владение, пусть они прочтут следующий абзац.

«К концу второй династии установился новый род владения под наименованием «фьеф». Герцоги или губернаторы провинций, графы или правители городов и должностные лица более низкого порядка, пользуясь ослаблением королевской власти, сделали наследственными для своих семейств земли, коими до того они владели лишь пожизненно; и, узурпировав равным образом и земли и юрисдикцию, возвели себя в ранг сеньеров — собственников тех мест, в коих они были только должностными лицами, либо гражданскими, либо военными, либо теми и другими одновременно. Таким образом, в государстве был введен новый род власти, коему дали наименование «сюзеренитет», слово, как выразился Луазо, столь же странное, сколь этот вид сеньерии нелеп».

Из этого абзаца естественно вытекают два вопроса; вернее, два вопроса оказываются в нем решенными.

Должна ли нация взять обратно свои имущества?

Являются ли наши владения салическими имуществами?

Решение этих двух важных вопросов приведет все в порядок и позволит французам пользоваться их неотъемлемыми правами.

Глава семьи, честный человек, должен передать своим детям то имущество, которое он получил от своих предков. Этот принцип не соблюдается только людьми безнравственными и беспринципными. Стало быть, мы должны оставить нашим детям то имущество, которое мы получили от наших предков. Нация была бы в ответе перед потомством, если бы она не вступила обратно во владение фьефами и сеньериями, у нее узурпированными.

Но, скажут нам, эти фьефы и сеньерии были пожалованы бывшим сеньерам королями: следовательно, это настоящая собственность, и нация не должна ее трогать.

Мы ответим на это, что подобное утверждение столь же неискренно, сколь ложно. Когда короли учинили такое пожалование? И если бы даже оказалось, что короли в самом деле произвели такое пожалование, его по праву можно было бы считать недействительным. Опекун не может законно дарить имущество своего подопечного. Короли были лишь опекунами нации, которая до сих пор состояла под опекой. Следовательно, короли отнюдь не могли ни дарить, ни законно отчуждать какую-либо часть этих имуществ, и всякое их дарение было бы столь же ничтожно, как те, кто пытается это дарение защищать. Только путем узурпации бывшие сеньеры пользуются фьефами и сеньериями, и только этим путем они владели ими до сих пор.

Два очень важных мотива вынуждают нацию вернуть себе обладание фьефами и сеньериями. Первый мотив заключается в том, что она должна немедленно завершить исправление допущенных злоупотреблений. Второй мотив заключается в том, что она должна принять все эффективные меры для полного погаше-

ния государственного долга, а также для облегчения и, по возможности, для упразднения всякого рода налогов. Эти два мотива должны заставить замолчать даже узурпаторов этих имуществ.

Поистине, господа, вы низвергли феодальный строй, но вы не уничтожили корней всех тех издевательств, которые бывшие сеньеры продолжают чинить и ныне. Самое ненавистное злоупотребление состоит в том, что этим грабителям предоставлена возможность пользования тем, что они узурпировали. К каким только бедствиям не приведет это пользование! Жестокий опыт показывает нам, чего мы должны опасаться в дальнейшем. Вы отняли у духовенства фьефы, которыми оно обладало, потому что нация никогда их ему не жаловала. Вы вынудили его отказаться от салических имуществ, которыми оно владело; было бы более поучительно, если бы оно отказалось от них по собственной воле; оно должно было бы дать нам такой пример бескорыстия и патриотизма. Вы установили ответственность министров. Вы бесповоротно уничтожили продажу судебных должностей. Вы установили границы для расходов государя. Вы декретировали, что нация восстанавливает свое право собственности на имущества, находящиеся во владении апанажистов и ангажистов [4], которые так же не были владельцами этих имуществ, как и бывшие сеньеры не были владельцами фьефов и сеньерий. Вы вернули нации те имения, которые на законном основании никогда никому, кроме нее, не могли принадлежать.

Теперь остается исправить только одно — самое общее, самое опасное, самое бедственное и самое невыносимое из всех злоупотреблений. Почему вы медлите, господа? От упразднения этого злоупотребления зависит благоденствие родины.

Нация ведет войны, отправляет за свой счет правосудие и кормит за свой счет брошенных детей: она должна вернуть себе владение теми имуществами, которые одни несут бремя этих расходов. Фьефы и сеньерии одни несли бремя этих расходов. Нация должна вернуть себе собственность на эти имущества, которые были вырваны у нее только посредством кощунственной узурпации.

Нет такого аргумента, который можно было бы противопоставить такой реформе. В самом деле, почему бы ее не осуществить? Какие услуги эти бывшие дворяне оказали государству, вернее, в каких только преступлениях они не повинны перед ним? Не для того ли воздержаться от проведения этой реформы, чтобы вознаградить их за храбрость, проявленную ими в Тюильри 12 и 13 июля 1789 года, при взятии Бастилии, или чтобы оплатить силу, проявленную ими в Версале 5 и 6 октября 1789 года, или чтобы увенчать патриотизм, показанный ими в Нанси 30 августа 1790 года [5], или вознаградить их за верность, с которой они служили родине со времени прихода франков в Галлию? Это, право же, наименьшее из того, что им следует. Почему бы вам

после стольких измен, коварства, непатриотического поведения не осуществить наконец эту реформу? Быть может, вы опасаетесь обречь многих людей на нищету? У вас не было такого соображения при всех других реформах, которые вы совершили. Нация ни для кого не делает исключений: все равны в ее глазах, и она хочет взять обратно свое имущество всюду, где она его находит.

Во всех проведенных вами реформах вы имели в виду только общее благо. Всякий раз, когда частные интересы ему противостояли, вы справедливо жертвовали частным в пользу общего. Почему же вы колеблетесь осуществить эту реформу? Ее желают и даже требуют двадцать четыре миллиона французов. Неужели эти узурпаторы вам милее тех французов, которые пожертвовали все свое состояние, чтобы послужить государству, выкупая с большими затратами повинности, порожденные жадностью бывших дворян?

Нет, господа, ничто не остановило вас во всех тех реформах, которые вы мудро провели, и ничто не остановит вас и в проведении этой крайне необходимой реформы. Вы объявите декретом, что нация снова вступает во владение фьефами и сеньериями, которые были у нее узурпированы к концу второй династии в связи с ослаблением королевской власти.

Однако, возразят нам, ведь многие французы, честно купившие фьефы и сеньерии, будут в результате такой реформы лишены плодов своих трудов и стараний!

Хотя такое возражение косвенно осуждает на позор и лишение имущества тех, кто унаследовал эти фьефы и сеньерии, оно ничего не доказывает в пользу тех, в защиту кого оно выдвигается. Закон дозволяет человеку вернуть себе право собственности на его недвижимое имущество, проданное в то время, когда он был несовершеннолетним. Нация требует применения этого закона, она хочет вернуть себе имущества, проданные во время ее несовершеннолетия.

Да будет ведомо нынешним держателям, что нация, ограничиваясь требованием возвращения ей узурпированных у нее имуществ, снисходительно использует свои права, не требуя с них возмещения за плоды, произведенные этими имуществами со времени их узурпации.

Никто не осмелится, вероятно, утверждать, что эта необходимая реформа связана с опасностями. С этой реформой связано не больше трудностей, чем с любой другой, проведенной до сего дня. Ибо пусть попробуют эти узурпаторы, эти дурные граждане, пусть они только попробуют что-нибудь сделать против благоденствия родины! Они узнают, что десять миллионов французов готовы дать им почувствовать всю силу своих рук.

Государственный долг гарантируется нацией: слово «банкротство» может быть произносимо только для того, чтобы внушить ужас. Нация должна платить свои долги только за счет своих

имуществ. Пусть она продаст все те, которые ей принадлежат: фьефы и сеньерии являются только ее собственностью.

Но, скажут нам, нация может полностью оплатить свой долг путем продажи одних только национальных имуществ [6]. Это — голословное утверждение, которое отнюдь не должно помешать нации восстановить себя в правах собственности на фьефы и сеньерии. Если даже на мгновение принять на веру это ошибочное утверждение, то все же и тогда правильно будет сказать, что следует лишить бывших сеньеров этого незаконного и несправедливого пользования. Нации придется нести еще и другие ежегодные расходы: почему наши частные владения должны быть обременены этими государственными расходами, если она обладает достаточными имуществами, чтобы их покрыть?

Собственников не обязывают платить сборы с их частной собственности для покрытия общественных расходов их коммуны, если эта коммуна обладает общинным имуществом. Мы также не должны платить сборов с нашей частной собственности для покрытия общественных расходов нации, поскольку она имеет возможность покрыть их, восстановив себя в правах владения фьефами и сеньериями, которые у нее узурпировали.

Столь же очевидно, что наши владения являются салическими имуществами. Они нам достались от наших предков, которые завоевали Галлию. Следовательно, это — салические имущества, и, стало быть, они свободны от всяких повинностей.

Те, кто хотят доказать, будто наши владения подлежат обложению этими повинностями, выдвигают в качестве аргумента уплату ценза и шампара. Но этот аргумент столь же неразумен, как те, кто его выдвигает, и он рушится и совершенно исчезает перед теми, кто обладает хотя бы самым небольшим знанием истории Франции. Наши предки платили ценз и шампар, будучи к тому вынуждены насилием. В самом деле, могли ли они отразить грабежи и насилия сеньеров? До сего дня вся нация терпела узурпацию своих фьефов и сеньерий. Могли ли они, наши предки, противопоставить открытую силу этим бывшим дворянам? Они бы их убили руками своей челяди. А что было бы, наконец, если бы они обратились с жалобой к государю? Он отнюдь не мог бы их освободить от этих грабежей.

Следующий факт с очевидностью докажет, что короли были бессильны обеспечить правосудие своим подданным.

В царствование Людовика IX один сеньер, бургундец, приказал обмазать медом одного священника, привязать его в таком виде к столбу и выставить на солнце на съедение пчелам, чтобы таким образом его погубить. Этот несчастный священник испустил дух у этого рокового столба в самых страшных мучениях. Людовику IX было доложено об этом зверстве. Что же, он наказал за это? Нет. Он этого не мог. Если Людовик IX не покарал за это зверство, то как мог бы он помешать узурпациям, правда, менее преступным, но зато затрагивающим кошелек? Уплата

цензов и шампаров не является ни в какой мере доказательством против нас, так как она производилась под давлением принуждения и насилия, и очевидным является, что наши владения суть салические имущества.

От вас, господа, от вас, выведших нас из хаоса, в который мы были погружены, от вас, открывших нам глаза, зависит увенчать ваше дело. С тех пор как мы были приобщены к гражданской жизни, у нас открылись с вашей помощью глаза. С первого же взгляда мы увидели глубину наших бед, которые отныне станут для нас еще более нестерпимыми, потому что мы несем и будем нести все их бремя, если вы не завершите дело исправления злоупотреблений, угнетающих нас. Мы увидели много чудесного, но мы поняли также, что никогда не будем счастливы, если вы не упраздните злоупотребления, на которые мы жалуемся.

Вы не потерпите, господа, чтобы следующее Законодательное собрание лишило вас чести и славы, которую принесет вам довершение счастья двадцати четырех миллионов французов. Что же! Вы колеблетесь? Чего вы боитесь? Вашей гарантией являются сердца и руки французов. Вы колеблетесь объявить декрет, который вы уже косвенно внесли в закон об имуществах апанажистов и ангажистов, возвращенных в собственность нации. Или, наконец, вы опасаетесь оказать нам милость? Мы отнюдь не просим о ней: мы требуем справедливости.

Опираясь на вашу присягу, мы полагаем, что наступило время пожать ее плоды. Вопрос, который мы сегодня ставим перед вами, это вопрос справедливости во Франции. Мы желаем, чтобы вы декретировали: 1) что нация вступает обратно в обладание фьефами и сеньериями, которые были узурпированы бывшими сеньерами; 2) что цензы и шампары, уплата которых была навязана силой бывшими дворянами, упраздняются без возмещения; 3) что земли, принадлежащие фьефам и сеньериям, с сего дня поступают в продажу; 4) что муниципалитеты правомочны подать свои заявления о желании приобрести эти земли в таком же порядке и с такими же преимуществами, с какими они это делали для приобретения бывших церковных имуществ до 15 сентября 1790 года; 5) наконец, что все, кто окажет сопротивление продаже упомянутых имуществ, будут лишены прав активного гражданина и подвергнутся, в случае надобности, преследованиям в уголовном порядке. Завершите, господа, завершите ваше дело. Вы испытаете сладостное удовлетворение, вернув Франции спокойствие и единство интересов.

Отныне французы образуют одну большую семью, которая будет наслаждаться невозмутимым счастьем. Все будущие поколения будут благословлять ваши имена, и, наконец, благодаря вам восторжествует справедливость.

Учинено и постановлено в обычном зале заседаний муниципалитета Мерп нами, мэром, членами муниципалитета, прокурором

коммуны, нотаблями и гражданами коммуны Мери для немедленной отправки в Национальное собрание.

Составлено в Мери шестого февраля тысяча семьсот девяносто первого года.

Дебри, мэр; Дюкенель, Демонши, Детарги, члены муниципалитета; Легра, прокурор коммуны; Кет, Декальт, Марикур, Брикар, Лагаш, Руссель, Ганиаж, Морель, Дюкенель, нотабли; Карлье, Жан Батист Рок, Жозеф Карлье, по прозвищу Нуй, Франсуа Лежамбль, Маглуар Карон, Флоран Дювивье, Мишель Ганиаж-старший, Жозеф Дюбуа, Фирмен Лемер, Жан Шарль Карон, Жан Луи Труке, Жан Франсуа Доре, Пьер Треве, Жан Шарль Карон-старший, Шарль Антуан Пеншон, Луи Александр Мопен, Фр. Демане, Сюльпис Нобль, Франсуа Лефевр, Демане, Никола Демуи, Мутон, Клод Прюдом, Луи Дорре, Луи Дювивье, Ж. Франсуа Боке, Матье Руссель, Ш. Антуан Прюдом, Франсуа Карлье, Антуан Ганиаж, по прозвищу Людовик Святой, Л. Ф. Альте, Тантон, Жан Руссель, Косм Форе, Массон, Луи Руссель, Жиль Карлье, Клод Карлье, Луи Лангле, Жан Франсуа Тронке, Ж. Вуайе, Франсуа Марикур, Жозеф Лавиаль, Никола Виньон, Тьерри, Коппен, Лемуан, Фр. Карон, Манье, Пюттефен, Франс. Морель, Пьер Легра, Франс. Соре, Александр Лемуан, Пьер Руссель, Мопен, секретарь.

Сличено и найдено с подлинным верно, нами, мэром, составителем изложенной выше петиции, и секретарем муниципалитета. В Мери, в день и год, указанные выше.

Дебри, мэр, Мопен, секретарь

Г-НУ МАЙАРУ, КОРОЛЕВСКОМУ КОМИССАРУ СУДА ДИСТРИКТА МОНДИДЬЕ [7]

9 апреля 1791 г.

М. г.!

Я Вам пишу: какое впечатление произведет на Вас мое письмо? Чтоб это угадать, надо было бы знать, как Вы настроены в отношении меня. Если не совсем неблагоприятно, я мог бы полагать, что те несколько слов, которые я Вам скажу, помогут Вам узнать правдивого человека.

Можно ли мне сказать Вам прежде всего, что если вчера моя совесть была спокойна, то сам я не был спокоен вследствие того странного обращения, которому подвергся. Поскольку я был ужасно наказан еще до рассмотрения вопроса о том, виновен ли я, поскольку со мной обращались в жестоком духе старого режима, могла ли мне прийти в голову другая мысль, кроме следующей: «Они так же пристрастны, как и мои обвинители: они разделяют их ожесточение».

Сегодня утром я убедился в том, что я ошибался или что предубеждение, которое могло существовать в отношении меня,

недолго длилось. В этой утешительной мысли меня утвердил г-н дю Мирай[8], посетивший меня вчера и сегодня. Я ему сказал, что мои обвинители проявляют только страсть, ожесточение, слепую ярость. Это замечание, которое важно, очень важно сообщить Вам, прежде чем начнется мое дело. Дай бог, чтобы Вы прониклись этим убеждением, я на это надеюсь, зная Вашу душевную тонкость и Ваше желание достойно выполнять столь важные функции, как Ваши; я этого жду также от Ваших добродетелей.

Возможно ли, милостивый государь, чтобы теперь, когда Вы можете судить о темных и низменных мотивах, по которым на меня с обдуманной злобой были сделаны доносы, Вы не выступили во всеоружии на защиту честного человека, против которого совершенно неуместно и по случайному поводу было возбуждено дело; чтобы он был обречен на бесконечную волокиту оправдания по суду, которое часто в деле невинного длится столь же долго, как в деле преступника? ..

Г-н дю Мирай сказал мне сегодня одну тревожную вещь. Он сообщил мне, что завтра будут заслушаны свидетели, относительно коих он не особенно отрицал, что они указаны только моими обвинителями. Подобает ли государственному обвинителю строить судебное производство на таком фундаменте?

Мой главный противник располагает сбродом развращенных людей, среди которых, несомненно, он и отберет себе свидетелей. Можно ли без дрожи думать о том, что одно двусмысленное слово человека, достойного презрения, может привести к принятию постановления об аресте и разорить отца семейства, подвергая его необходимости вести длительную защиту от уголовного обвинения. Подумайте об этом, милостивый государь, я Вас умоляю...

Но я успокаиваюсь, когда думаю о впечатлении, которое должно на Вас произвести короткое изложение фактов, каковое я буду иметь честь прочесть Вам завтра утром, до начала следствия. Смею льстить себя надеждой, что оно откроет Вам глаза. Вы увидите, что оно абсолютно правдиво, и оно, наверное, тронет Вас больше, чем чудовищные измышления моих врагов; Вы найдете там характеристику движущих ими мотивов и страстей, их извращенность.

Прощайте, милостивый государь, я жду от Вас беспристрастия, справедливости и готовности к тому, что Вам придется заниматься делом честного человека, преследуемого именно и исключительно за это. Я льщу себя уверенностью, что я слишком безупречен, чтобы мне надлежало применить к себе эти слова:

Несчастные надеются на сострадание,
При нашем приближении, увы, жалость убегает.

«Честный преступник», II акт[9]

Я не нуждаюсь ни в сострадании, ни в жалости, ибо я должен быть признан правым. Мне приходится требовать только, чтобы меня видели таким, какой я есть, таким, каким меня видят честные люди и неэгоисты, ибо я нажил себе врагов только среди эгоистов.

О СУВЕРЕНИТЕТЕ НАРОДА И О ПОДЛИННОЙ СВОБОДЕ. РЕЧЬ, ПРОИЗНЕСЕННАЯ В ОБЩЕСТВЕ ДРУЗЕЙ РОДИНЫ [10]

[Нуайон], май 1791 г.

Дозволено ли мне будет, братья, выступая здесь впервые, выразить то, что я считаю великими истинами? О, конечно, в свободном обществе я должен найти полную свободу слова. Эта свобода, вероятно, не будет бесплодной, ибо свобода обычно спутник правды, а правда почти всегда полезна.

Если честно обозреть все, что нас окружает, если глазами, свободными от иллюзий, рассмотреть все, что предстает взору при новом порядке вещей, то подлинный друг родины может испытывать только величайшее удовлетворение, занимая место рядом с людьми, предложившими свободе последнее убежище. Сколь, стало быть, счастливы члены патриотических обществ, которые сумеют оценить достоинство своего наименования. Еще счастливее те, кто сумеет извлечь из этого возможно большую пользу для блага национального правительства и своих братьев! Если ныне можно перестать обманывать самих себя, если дозволено, наконец, сказать чистую правду, то надо признать, что за пределами тех укреплений, какими являются патриотические общества, существование которых одно только нас и утешает, мы видим, что подлинная свобода мелькнула перед нами лишь на мгновение, что, когда мы захотели удержать ее среди нас, она тут же от нас ускользнула, что наши враги заставили ее тайно убежать и при этом позаботились оставить перед нашими глазами ее изображение, дабы не вызвать нашего внезапного негодования. Потому что, заметив, до какой степени мы захвачены чарами этой свободы, столь долго нам неведомыми, они легко рассчитали, сколь велика будет наша ярость, если мы вдруг обнаружим ее похищение. Они едва только успели поглядеть на нее, говорят они о нас, им будет достаточно грубого подобия, чтобы убедить их в том, что они продолжают ею обладать... Итак, господа, они сумели навязать нам этот призрак. Но пора, пожалуй, сказать, с некоторой надеждой достигнуть исправления положения, что эта ложь не обманула некоторых прозорливых граждан. Пришло время, когда они увидели, что тщетно было бы искать еще среди нас свободу, что от нее оставалась одна лишь тень, а сейчас и тени не осталось.

Господа, я должен постоянно призывать вас спокойно отнестись к тому языку, которым я изъясняюсь в своей речи и не-

обходимость которого вы поймете, только выслушав ее до конца. Такой стиль может показаться новым на собрании патриотов, ибо существо моей темы и мой способ рассмотрения ее позволяют мне показать лишь в заключении, что этот язык соответствует величайшей чистоте патриотических принципов.

Я осмелился сказать, что национальная свобода была изгнана из всех своих прибежищ, казалось, специально созданных для обеспечения ей самой большой стабильности. Сущность национальной свободы я вижу в неотъемлемом, неотчуждаемом суверенитете народа, в его праве диктовать законодателям изменения конституции, в его праве наблюдения, регулирования, одобрения или порицания всех их действий, наконец, в праве в любое время представлять общую волю, которая есть подлинный закон. Общая воля есть результат всех частных воль. Поэтому надлежит выслушать все частные воли, чтобы узнать общую волю. Где то учреждение, которое позволяет народу выразить его частные воли? Были в Париже собрания дистриктов, где все граждане могли излагать свои соображения касательно общественного блага — их упразднили. В провинциях были постоянные комитеты, собрания секций, общие собрания коммун, открытые для этих же целей — их упразднили. Порядок выработки наказов и инструкций уполномоченным законодателям тоже отменен. Остается лишь свобода петиций и обращений, причем не обязательно отвечать на них аккуратно. Правление во всех своих частях имеет чисто представительный характер, начиная с Законодательного собрания. Вопреки всей силе политической аксиомы, гласящей: «Народ обладает всегда неотчуждаемым и неотъемлемым правом изменять свою конституцию, наблюдать за всеми властями и руководить ими», нынешнее собрание полностью сосредоточило в себе все права народного суверенитета. Не оставляя народу право диктовать законы следующему собранию для исправления пороков, которые могли вкрасться в некоторые нынешние декреты, оно захотело сделать так, чтобы нация во веки веков и во все будущие легислатуры сохранила в силе все созданное ею, вплоть до мельчайших деталей. Таким образом, народ, от коего исходят все власти, уже не осуществлял бы ни одной из них.

При всех этих законодательных препонах, стесняющих народ в свободном выражении своей суверенной воли, осталось ли еще что-то от тех драгоценных способов сохранения политической свободы, которые были созданы в соответствии с первыми идеями конституции и которые должны постоянно рассматриваться как совершенно необходимые. Я уже говорил об этом. Только одни патриотические клубы остаются гарантией возможности высказывания частных воль, совокупность которых представляет общее мнение. Да будет благословен творец всякого блага. Появилась свобода на горизонте нашей республики. Мы видели ее. Этого довольно. Вопреки всем усилиям тирании мы смогли сохранить

несколько искр ее божественного огня. Этого довольно. Не будем терять надежду на то, что приближается время, когда появится много материала, способного питать этот огонь, и он вспыхнет со всей свойственной ему силой.

Бесспорно, что как в области политики, так и в области морали люди рассуждают, и рассуждают они соответственно своему возрасту. Мы — дети свободы, мы и могли рассуждать о ней, как дети. Став взрослыми людьми, мы, несомненно, приобретем более совершенные представления о ней. Нам предлагают непривычную с виду погремушку, нам говорят, что это эмблема детей свободы. Мы рассматриваем ее, хорошо. Сначала мы восхищаемся ею. Мы находим ее замечательной по сравнению со всеми атрибутами рабства, которыми до сих пор заставляли нас играть. Мы полагаем, что совершили бы страшное преступление, если бы вздумали порицать хотя бы какую-нибудь часть ее. Если бы даже через некоторое время мы заметили что-нибудь отрицательное, наше первоначальное восхищение было столь велико, что мы не стали бы ничего порицать из опасения, что будут смеяться над нашей непоследовательностью. Мы еще очень далеки от того, чтобы взять на себя смелость выступать с высокими идеями. Нам поэтому и сказали, чтобы мы никогда не трогали погремушку. Однако со временем наш ум развивается. Мы щупаем, мы рассматриваем эту самую погремушку. Мы обнаруживаем, что в ней использованы старые атрибуты рабства. Мы узнаем даже некоторые цепи, из которых сделали гирлянды. В конце концов мы заявляем, что эта игрушка вовсе не подходит, как нас в том хотели уверить, для детей свободы. Мы замечаем, какие перемены надо в ней произвести, чтобы она стала для них подходящей, и вопреки запрещению дотрагиваться до нее мы добиваемся превращения этой игрушки в то, что нам было о ней сказано и что поначалу было ложью.

Так оно и будет, будем надеяться, с конституцией французов. Благодаря какому-то колдовству, которое, может быть, до поры до времени было необходимо, почти все заставили себя поверить, что она была без пороков. Это невозможно уже в силу несовершенства человека, при всей его доброй воле. Это еще более затруднялось влиянием многих дурных граждан, мешавших осуществлению намерений добрых граждан. Все же энтузиазм был столь велик, что, по-видимому, не подумали даже оспорить законодательное постановление, коим навсегда отказывались от внесения каких-либо исправлений в конституцию. Однако можем ли мы думать, что все грядущие поколения из уважения к великим делам нынешнего поколения согласятся сохранить силу даже за его самыми очевидными ошибками? Можем ли мы допустить, что с этим будет так же точно, как с религиозными таинствами, о которых сказано... *

---

* *На этом рукопись обрывается.*

РЕЧЬ, ПРОИЗНЕСЕННАЯ В ОБЩЕСТВЕ ДРУЗЕЙ РОДИНЫ В НУАЙОНЕ

Прежде всего я обращаюсь к обществу с покорнейшей просьбой выслушать мой рассказ об обстоятельствах, вынудивших меня, к глубочайшему моему сожалению, отсутствовать на всех его заседаниях, состоявшихся после того, на котором я имел честь представиться, дабы быть принятым в лоно этого общества.

Господа, я писал г-ну председателю, и мне известно, что он любезно сообщил об этом обществу; я написал ему письмо, в котором очень сжато излагал дело, полностью меня занимавшее в течение более двух месяцев, причем единственным утешением было то, что я был занят защитой свободы и прав человека.

Крайне любезный тон упреков за мое отсутствие, все же адресованных мне некоторыми членами общества, обязывает меня прежде всего дать ясное и в то же время немногословное объяснение. Оно может заключаться только в доказательстве того, что я согласился так долго оставаться вдали от общества, лишь обнаружив серьезную возможность послужить общественному делу в другом месте.

Бывший сеньер, дама Ламир[11] из Давенекура, местечка, соседнего с Мондидье, при старом режиме травила тех, кого она называла своими вассалами. Ее тирания и угнетательство превосходили все, что нам рассказывают о других, больших и малых, барственных угнетателях. После того как она разорила своих вассалов самыми незаконными тяжбами, причем исключительное влияние на суды неизменно обеспечивало ей полный успех, после того как она их ограбила всевозможными способами, после того, наконец, как она буквально слила большую часть их состояний со своим, она приняла решение, полностью соответствовавшее духу тех преступлений, в которые бросились все бывшие, охваченные бешенством, когда мудрые законы положили конец их гнету. Дама Ламир воспользовалась тем обстоятельством, что муниципалитет Давенекура отправился к ней, чтобы от имени коммуны предложить, в соответствии с декретами, выкуп различных феодальных повинностей, которые коммуна признавала в отношении этой дамы. Этот демарш был произведен 25 февраля. Дама Ламир была предупреждена об этом предстоящем демарше несколькими днями раньше. Путем отвратительных махинаций, о которых слишком долго было бы рассказывать, эта женщина сумела с преступной изворотливостью подготовить и сделать неизбежным бунт, после чего она написала свирепую жалобу, которую суд в Мондидье принял к рассмотрению. Жалоба эта содержит обвинения в адрес муниципалитета и всех жителей местечка Давенекур. Принято было двадцать постановлений, в том числе пятнадцать постановлений о вызове в суд и шесть постановлений об аресте, из коих четыре

приходятся на одну семью — отца, мать и двух сыновей, заключенных в Мондидье. Дама Ламир обвиняет этих несчастных в намерении убить ее в ее собственном доме. В действительности они отправились туда вместе с другими жителями с целью освободить членов своего муниципалитета, которых эта свирепая женщина велела запереть, когда они сделали ей предложение о выкупе феодальных повинностей... Вслед за этими ужасами начались ужасы судопроизводства. Нынешний министр юстиции г-н Дюпор, ранее именовавшийся дю Тертр [12], введенный в заблуждение коварной Ламир, со всем пылом обрушился на несчастную коммуну. Суд Мондидье построил все следствие на одних показаниях слуг дома Ламир и родного сына бедной дамы, соучастника ее преступлений, описанных мною выше. При таком положении вещей, господа, я и взял на себя защиту в этом важном деле.

Объемистый мемуар, ныне печатающийся, доклад, огромная защитительная речь, множество отдельных заявлений, которые пришлось составить для отправки в различные учреждения, необходимость моего присутствия при многочисленных записях свидетельских показаний и очных ставках, необходимость получения тех или иных документов из колоссального судебного дела — все это, господа, полностью поглотило мое время.

Но я должен вам сказать, что уход от заботы об общих интересах ради занятия этим частным делом не принес бы мне удовлетворения, если бы я в этом не увидел, хотя и отдаленно, большую возможность хорошо послужить этим самым общим интересам.

Защитники Каласа, такие люди, как Дюпати, Ле Кошуа [13], преодолевали страшные препятствия, которые под властью убийственного правительства противостояли тому, чтобы честный человек, человек, одаренный достойной уважения чувствительностью, пришел на помощь несчастному, изнывающему под бременем судебного обвинения. Благодаря им распространилось возвышенное сияние благотворной философии, позволяющей всем понять, что, так как честь и жизнь несравненно ценнее, чем богатство, было бы нелепо предоставлять людям все средства законной защиты в тех случаях, когда затронуто то, что менее важно, и варварски отказывать в них тогда, когда речь идет о самом главном.

Стало быть, этим заслуживающим сочувствия людям мы прежде всего обязаны тем благодеянием, что пользуемся защитой в случае уголовного обвинения. Они воспользовались представившимися им конкретными обстоятельствами, чтобы утвердить в своей стране один из важнейших принципов, которые служат источником всеобщего счастья.

Я вознамерился последовать их примеру. В мемуаре, о котором я имел честь сообщить вам, господа, что он находится в печати, я приложил усилия к тому, чтобы доказать, какие ужасные злоупотребления и бедствия неизбежно повлечет за собой

уродливый феодализм, если он сохранится в том виде, к которому Национальное собрание его свело. Я показываю, что нанесенные им по гидре удары слишком слабы и что, если ближайшее Законодательное собрание не примет решения окончательно свергнуть его, он, несомненно, возродится из пепла. Я развиваю там принципы справедливости, позволяющие уничтожить без пощады, без отсрочек и без оговорок эти опасные остатки старого феодального ствола. А в обращении, адресованном ближайшей легислатуре и служащем заключительной частью мемуара, я указываю наиболее рациональный способ это сделать и тем самым осуществить прекрасное пророчество Рейналя[14], который, по моему мнению, по-прежнему достоин занимать место среди наших великих людей, несмотря на пресловутое шарлатанство, разыгранное под его именем в июне этого года на одном из заседаний Законодательного собрания. «Безумие феодальных законов, — сказал он, — не может дальше продолжаться, и вскоре исчезнут даже следы гнусных обычаев, которые, сохранившись, уничтожили бы окончательно общественное благоденствие».

Пожелаем, господа, чтобы это благое пророчество осуществилось полностью и возможно скорее. Осуществления этой прекрасной мечты я сейчас и добиваюсь, и представлять себе это столь же приятно, как думать об уничтожении старой фискальной системы. А поэтому, полагаю, я имею право доложить вам, что и вдали от вас я тем не менее действовал в вашем духе, в духе ваших принципов, т. е. всегда в пользу общественного блага.

Если вы, господа, соблаговолите почтить меня своим вниманием, я отниму у вас еще несколько минут, чтобы сообщить нечто более важное.

Вопрос о республиканизме сейчас особенно занимает умы. Я знаю, господа, что вы им занимались, и из всех ваших трудов, которые я не имел возможности знать, я особенно жалею о незнакомстве с трудом по этому предмету, столь близкому моему сердцу. Хотя я могу иметь об этом лишь слабое представление, я не сомневаюсь в глубине принципов и возвышенности правил, которые вы в нем излагаете. Это, господа, не просто банальный комплимент. Я видел, я читал некоторые сочинения, вышедшие из лона этого общества, и я был в восторге. Вот почему я и говорю, что ваши соображения по важному вопросу республиканизма должны быть высокими. Это убеждение, казалось бы, исключает всякое мое притязание на то, чтобы затронуть этот величественный предмет. И я, действительно, отказался бы от этого, если бы г-н председатель (после того как я ему сказал, что имел смелость размышлять об этом еще до нынешних обстоятельств, т. е. до побега Людовика XVI, но что я не стал бы занимать общество моими размышлениями по этому вопросу, раз оно меня опередило) не был столь любезен, что настаивал, чтобы я их изложил, ибо, сказал он, если несколько человек выступают с одинаковыми хорошими мыслями, это мо-

жет лишь произвести больше впечатления на все умы. Даже если я лишь повторю часть изложенных вами принципов, мои слова во всяком случае позволят мне доказать вам, господа, что тот, кого вы еще не могли узнать, совершенно единодушен с вами в своих убеждениях.

Недостаток времени, коим я располагал, господа, для изложения результатов моих размышлений по вопросу о республиканизме, не позволил мне отшлифовать надлежащим образом мой стиль, когда я об этом писал. Но здесь все интересуются существом дела и мало заботятся о словах.

Вот проект обращения, которое я мог бы составить для направления в Национальное собрание *.

ПЕТИЦИЯ ЖИТЕЛЕЙ ДАВЕНЕКУРА ПРЕДСТАВИТЕЛЯМ НАЦИИ [15] 1791 Г.

ОБЩИЙ ВЗГЛЯД НА ПРЕДМЕТ ПЕТИЦИИ И ОСНОВНАЯ ЦЕЛЬ, КОТОРАЯ В НЕЙ ПОСТАВЛЕНА

На всем обширном пространстве бывшей Пикардии народ беспокоится и волнуется в ожидании, как решится судьба одной из коммун, расположенных в центре этой прекрасной части страны. Хотя много крупных событий привлекают к себе общее внимание, однако вскоре прогремит на всю Францию одно частное дело, уже ставшее весьма известным.

Для того, кто умеет наблюдать, ясно, что оно связано с таким множеством отношений и интересов, что никто, действительно, не может равнодушно ждать его решения. Только люди, которых легко ввести в заблуждение, следуя мнению преступных виновников тех жестокостей, которые мы опишем, увидят во всем этом лишь обыкновенное происшествие, один из досадных случаев, вызванных простым стечением обстоятельств, где можно лишь пожалеть пострадавших с той и другой стороны. Все перестанут заблуждаться, когда будет разъяснено, что это связано с длинною цепью заговоров, с которой все бывшие дворяне связаны тайными звеньями, и что, следовательно, здесь надо проследить все проявления огромного злодеяния против общего дела.

Добавим к этому, что в силу принципов, родственных вышеизложенному, мы должны предостеречь всех, кто будет читать эти строки, против свойственной многим людям склонности видеть в чрезвычайных событиях, иногда по злой воле, а иногда по недомыслию, только их самый яркий и решающий момент, который, однако, есть лишь следствие, цель и завершение длинного ряда причин, неизбежно к нему ведущих. Таким образом,

* *На этом рукопись обрывается.*

те, кто мог бы не увидеть в деле коммуны Давенекур неизбежный результат жестокой тирании и вечных издевательств дамы Ламир в отношении ее бывших вассалов, не увидели бы также и владыку небесного, который, придя в ужас от всех творимых людьми беззаконий, повелел свершиться всемирному потопу. Они не увидели бы также детей свободы, штурмующих деспотов, свергающих захваченные ими троны, действующих под влиянием того же чувства ужаса при виде бедствий, чинимых извращениями произвола. Они бы оклеветали всевышнего, обвинили бы его в том, что он разом потопил столько своих детей, сколько ему угодно было создать по образу своему. Они бы оклеветали суверенный народ и обвинили бы его в том, что он осмелился потревожить королей и их министров и креатуры, которые пользовались возможностью мирно и беспрепятственно угнетать весь род человеческий... Если следовать их принципам, надо было бы судить народ и бога, как хотят сделать сейчас с каждым, кто осмеливается причинить малейшую неприятность любому из бывших высокопоставленных людей.

Нам остается приступить к рассмотрению фактов. Независимо от более отдаленных причин, сделавших неизбежной в Давенекуре вспышку возмущения угнетенных против угнетателей, были ли сопровождавшие это возмущение несчастные случаи делом жителей коммуны Давенекур или делом все той же дамы Ламир? Изложение фактов, естественно, приведет к бесспорному доказательству последнего утверждения. Мы говорим это с дрожью: все зло, которое произошло, было подготовлено действиями этой жалкой женщины, вдохновляемой человеком с нечистыми побуждениями, о котором мы еще расскажем подробнее. Происшедшее зло было следствием ее поведения и ее распоряжений. О женщина, вызывающая, однако, более страх, чем ненависть, ибо ты была лишь орудием жестокого и изворотливого негодяя, все же ты своими руками поднесла факел к убийственному жерлу и разнесла кровь и огонь, ярость и траур, ужас и смерть в краю, где ты обитаешь! И ты еще сваливаешь на весь народ, тобой распятый, всю мерзость этого преступного поведения! Это ты обрекаешь их на мучения, которых они не заслужили! Это ты готовишь виселицы, сооружаешь эшафоты! Ты... Но отвратим на мгновение взор... и докажем!!!

Повторяем, что описывать события, которые происходят на этом свете, не восходя к началам и причинам, это значит ничего не описать; это значит поставить читателя в положение, в котором ни о чем нельзя судить. На основании рассказов о феодальном гнете, которые можно услышать на каждом шагу, легко объяснить мотивы той непримиримой ненависти, какую жители сел всегда питали к тем, кто назывался сеньерами. Простые люди друг к другу никогда не питали этих чувств гнева и ненависти, потому что они никогда не были угнетателями друг друга. Но, спросят нас, почему эта ненависть проявлялась в одной

местности, в частности в Давенекуре, более бурно, чем в других? Мы сейчас объясним причины этого.

В течение четырнадцати столетий, т. е. с самого начала установления феодального порядка, жители коммуны Давенекур стонали под ярмом вассального угнетения наравне и в той же мере, что и все другие коммуны кантона. Но в течение последних пятнадцати-шестнадцати лет, т. е. за время, истекшее после смерти мужа дамы Ламир, тяжесть этого ярма усугублялась ухищрениями тирании, которые вводили во владениях этой дамы окружающие ее люди, добиваясь при этом ее согласия. В течение последних нескольких месяцев, т. е. начиная с пресловутого восстания в Давенекуре 25 февраля, жители Давенекура испытывают на себе последствия той ярости и бешенства, которые вызывают первые признаки утомления этим крайне жестоким ярмом у людей, до сего дня прилагавших усилия к подавлению всякого ропота, потому что они всегда догадывались, что, когда раздадутся первые жалобы, они окажутся столь скорбными, что превратятся в призыв к битве против угнетения; что они исполнят ужасом все честные души, души чувствительные и способные к размышлению и человечности; что в конечном счете они, несомненно, подготовят окончательное крушение их долгой тирании.

Мы наметили основные элементы той цели, которую мы себе поставили. Мы полагаем также полезным для облегчения понимания предпринятого нами труда показать заранее, в двух словах, каков путь, по которому мы будем следовать. Прежде чем дать перечень чудовищных деяний, которые нам предстоит описать, мы должны самым исчерпывающим образом представить личность виновников этих преступлений. Прежде чем пролить полный свет истины на историю последней войны между дамой Ламир и жителями Давенекура, следует стереть ту лживую краску, которая посредством непостижимо жульнических уловок послужила к искажению всего, к обелению самого гнусного коварства и к приданию преступного вида самым невинным действиям. Наконец, прежде чем показать всей Франции средство исцеления от бесчисленных бед, которыми ей грозит аспид феодализма, надо дать понять во всей широте реальность того изречения, которое мы взяли за основу: гидра не уничтожена. Отрублена лишь одна из ее голов!

I

КАКИЕ ЛЮДИ ОКРУЖАЮТ ДАМУ ЛАМИР

Эта первая часть нашего изложения могла бы послужить к большому увеселению читателя, если можно было бы забыть, какой тон подобает трактуемому здесь предмету.

Пьер Турнье ныне занимает место священника часовни, называемой Лагерной *, находящейся поблизости от замка Давене-

* *Т. е. первоначально существовавших при находившемся в том месте военном лагере: Castrale — от лат. castra — лагерь. (Прим. пер.).*

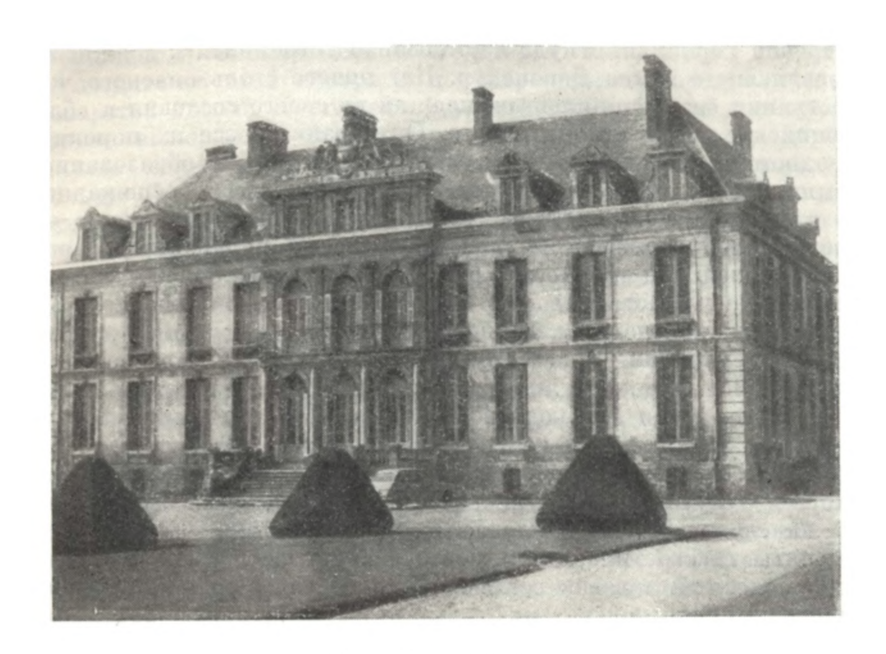
кур, одаренной благочестием прежних сеньеров и поставленной под покровительство святого Мора. Мы повсюду находим следы этой смеси варварства и благочестия, которая была присуща грубым векам, предшествовавшим нашему. Людовик XI обрек на смерть от руки палачей после самых утонченных пыток четыре тысячи граждан, и он же отдал по договору графство Булонское пресвятой деве *. Точно так же сеньеры Давенекура, угнетая своих вассалов тяжестью всевозможных повинностей, в то же время принесли в дар святому Мору изрядную часть их баронского поместья Анжест. (Дар часовне Давенекур состоит из 68 журналей ** земли, составляющих часть упомянутого имения Анжест.) Человечество ничего не выиграло ни от того, что святая дева стала графиней, ни от того, что святой Мор стал бароном. Этот святой Мор что-то, видимо, никогда не заботился об удачном выборе управляющих этого имения, но он проявил верх беспечности, доверив управление нечистым рукам Пьера Турнье.

Если бы этот священник только забыл о том, что он должен использовать исключительно для благочестивых целей имущества, при которых, как напоминала ему церковь, он был лишь экономом, это еще не могло бы причинить столько горя и отчаяния многим общинам жителей. Но он нашел другой способ проявления своей злобы, вмешиваясь в общественные дела края. И он этого добился. Он соединял с умом, просвещенным, но гибким, развязным, вкрадчивым, душу более черную, чем само это слово..! Это предельный эгоист! ...иезуит в полном смысле этого слова... Эти черты рисуют нам человека, который может совершить много зла и обладает могущественными средствами, чтобы в этом успеть. Жадность, честолюбие, вкус к изнеженности — все это лишь производные тех основных пороков, которые мы указали выше. Аббат Турнье не в малой мере раб этих пороков. Бенефиций в размере 63 арпанов земли, сдаваемых в аренду за 210 сетье пшеницы, мог приносить ему в год в среднем не более 100 пистолей или, самое большее, 1200 франков. Этого было мало для удовлетворения потребностей аббата. Надо было это чем-то дополнить. Дамы являются обычным ресурсом бедных пастырей господа бога, когда в силу непостижимого для простого народа таланта они умеют сочетать качества Адониса с качествами апостола Павла. Пьер Турнье, капеллан замка, сообразил, что с некоторой ловкостью он легко сможет получить хорошую прибавку к своей скудной доле. Обычная политика каждого интригующего аббата состоит в изучении вкусов тех дам, которым он хочет нравиться, особенно ежели он стремится извлечь пользу из интриг. Если бы г-н Турнье хотел придерживаться этой обычной линии поведения, он мог бы сделать много добра, ибо уверяют,

---

* Voltaire. Essai sur l'Hist[oire] Univ[erselle].

** *Журналь — старинная мера площади, равная количеству земли, обрабатываемой одним работником в один день. (Прим. пер.).*



Замок Давенекур

что до знакомства с ним г-жа Ламир была щедрой благотворительницей. Но некий дьявол во плоти внушил ему, к великому несчастью тех, кому предстояло иметь дело с этой дамой, совершенно противоположную систему. Вместо того чтобы приспособиться к склонностям той, от которой ему надлежало ждать всего, сей коварный аббат возымел надменное и плачевное притязание подчинить эту честную и прекрасную даму своим собственным склонностям. Он захотел заставить ее опуститься до уровня его низости. Скупость, жестокость, бессердечность, жажда преследования — таковы те постыдные вкусы, которые сей презренный ханжа постарался привить женщине, отличавшейся некоторыми врожденными добродетелями. Непостижимо, как легко это чудовище смогло, к несчастью, добиться успеха!

Мы откладываем, сколь возможно, тот момент, когда наше перо будет вынуждено набросать некоторые штрихи из жизни негодяя. Мы вернемся к ее ужасным подробностям после того, как мы представим одно подчиненное лицо, второго агента столь долго практикуемого в Давенекуре деспотизма, угодливого исполнителя бедственных распоряжений, слишком часто даваемых злонамеренным аббатом.

Венсан Сюер, а не Ле Сюер, сын Жана Сюера, именуемого также Жан Мино, землепашца в Дамри, покинул сельскую школу и охрану скота своего честного и добродетельного отца, чтобы заняться копированием договоров в конторе нотариуса

в деревне Гербиньи, откуда честолюбиво устремился к должности управляющего замка Давенекур. Нет ничего столь опасного, как крестьянин без принципов, вышедший из своего сословия и сблизившийся с сильными мира сего. Он усваивает все их пороки и ни одного из достоинств, неизбежно придаваемых образованием и смягчающих в характере человека то жестокое и беспощадное, что вложено в него предрассудками. Он забывает присущую человеку полей врожденную мораль; а звание управляющего особенно подходит для того, чтобы вскружить ему голову, потому что оно дает власть над многими людьми, а властолюбие — это то наслаждение, которое больше всех льстит самолюбию, а самолюбие — величайший камень преткновения для человеческой слабости, тот камень, о который ударяются, не в состоянии избегнуть его, почти все люди всех классов. Проводя свою систему господства над всеми и каждым, большинство бывших сеньеров тщательно остерегалось доверять свои дела людям с принципами, которые, будучи способными к размышлению, могли бы увидеть, что далеко не все, что делается, должно было бы делаться. Субъекты такого типа, как Сюер *, больше их устраивали. Коль скоро подобный человек вставал во главе сеньериального управления дома Давенекур, ему очень легко было внушить, что все искусство управления сводится к самому простому принципу. В круг идей, доступных его интеллекту, не входило проникнуть куда-либо дальше того, чему его обучали. Скрупулезно блюсти интересы хозяина — вот в чем состояла вся доктрина.

Оставалось лишь дать этому знаменитому догмату то расширительное толкование, которому злонамеренный богослов может научить людей, чьи умы, слишком грубы для того, чтобы понять, что то или иное кажущееся разумным следствие может быть лишь обманчивой иллюзией, вытекающей из абсурдного принципа.

Таким был следующий принцип: «Знайте (говорили каждому, поступающему в обучение), знайте, что люди разделяются на два основных класса: сеньеры, или порядочные люди, с одной стороны, крестьяне и рабочие, или канальи — с другой. Этот мерзкий класс обладает только тем, что он получает от великодушия первого класса; а между тем он столь неблагодарен, что всегда стремится уклониться от незначительных податей, являющихся ощутимым выражением и постоянным свидетельством со-

* Необходимо впредь, чтобы сын Жана Мино тоже восстановил свою первоначальную фамилию. Предлог Ле, поставленный перед Сюер, это павлинье перо, которое, по его мнению, управляющий должен носить на голове, чтобы его могли заметить издали; или, возможно, те, кто его так украсил, сочли это украшение полезным. Ему, пожалуй, не помешало бы прислушаться к совету, который мы ему даем, и отказаться от этой частицы, принимая во внимание, что в случае наследования он может встретить большие трудности в своем желании быть признанным среди родственников.

страдания и человечности благодетелей. Необходимо тщательно наблюдать за этой коварной и развращенной породой. В своем коварстве она часто вопиет об угнетении, когда от нее требуют только выполнения бесспорных повинностей. Ее надо держать в узде возможно тверже, чтобы извлечь из нее какую-либо пользу». Ужасная логика, которая, однако, имеет своих последователей! Подобную логику нетрудно было внедрить в голову школьника, который не перестал им быть, даже став управляющим. Сюер слишком хорошо усвоил эту логику, чтобы быть в состоянии забыть ее. Он и те, кто способен рассуждать не более, чем он, полагают, что иначе быть не может; что таков неизменный порядок вещей и что, конечно, все, что существует в природе, хорошо. С такими правилами можно творить зло, не понимая, что творишь его; и бедняге Сюеру это, может быть, более простительно, чем всем людям, обвиняемым по этому делу, к изложению которого мы вскоре перейдем.

Нам необходимо было прежде всего нарисовать эти два портрета: один — Тартюфа, достигшего мастерства в искусстве преследования людей, второй — ученика, послушного орудия, отлично выученного его начальником и руководителем установившейся деспотической системы. Если бы не столь зловредное окружение, дама Ламир никогда не стала бы угнетательницей. Если бы мы не описали сперва это ее окружение, следующие факты представлялись бы совершенно невероятными.

II

ПРИТЕСНЕНИЯ, ЧИНИМЫЕ В СВЯЗИ С ПРИТЯЗАНИЕМ НА МЕЛЬНИЧНЫЙ БАНАЛИТЕТ

Одной из сеньериальных прерогатив в области действия кутюмов Перонна, Руа и Мондидье было исключительное право главного сеньера каждой территории иметь мельницу и взимать сбор за помол в пределах этой территории. Считалось правонарушением, если посторонний мельник приезжал к какому-либо подданному сеньерии, чтобы погрузить его зерно и отвезти на свою мельницу в целях превращения его в муку, возвращаемую указанному подданному. В подобных случаях сеньер данной территории, владелец сеньериальной мельницы, мог добиться приговора о конфискации зерна или муки и о наложении денежного штрафа на постороннего мельника. Однако каждому подданному сеньерии, если он был недоволен мельником сеньера, разрешалось самому отвезти свое зерно на другую мельницу с тем, чтобы самому же отвезти к себе свою муку. Это еще не был баналитет в точном смысле этого слова; ибо, как известно, мельничный баналитет накладывает на подданных данной сеньерии иго неуклонного обязательства обращаться за помолом исключительно на мельницу, принадлежащую сеньеру.

В 1779 году возник судебный процесс между дамой Ламир и капитулом Сен-Кантена, владельцем крупного фьефа на территории Анжеста, соседнего с Давенекуром. Поводом к этому была мельница, которую капитул построил на земле своего фьефа. Дама Ламир как сеньер Анжеста на этом основании потребовала, чтобы мельница была снесена. Она ссылалась также на тот легковесный аргумент, что поскольку мельницу построили у края дороги и ее стержень выходил на дорогу, то она терпела от этого ущерб в своем качестве единственной обладательницы дорожного права. Постановление суда от 29 мая 1781 года удовлетворило требования дамы Ламир. Оно сохранило за ней исключительное право владения мельницей на территории Анжеста и Давенекура. Все увидели в этом постановлении лишь подтверждение кутюма Перонна касательно исключительного права на мельницу, предоставленного главному сеньеру этой территории.

Но дама Ламир открыла в нем весьма обширный источник привилегий. В 1782 году она пожелала, чтобы парламент соблаговолил дать этому постановлению такое истолкование, которое дало бы удовлетворение ее обширному честолюбию. Первый суд королевства оказался способным на такую угодливость; и это явно вынужденное и нелепое истолкование получило полное утверждение 28 мая 1784 года. Следуя нашему методу, состоящему в том, чтобы объяснять следствия их причинами и в этом смысле ставить каждое обстоятельство на свое место, мы легко все объясним им и покажем, как то, что кажется необыкновенным, на самом деле очень просто. Господин Мироменилъ[16] во время изгнания парламентов в конце прошлого царствования был очень обязан г-же Ламир, которая в течение трех лет предоставляла ему пристанище то в одном из ее имений в Нормандии, то в Давенекуре. Сей изгнанник, войдя опять в милость и став главой юстиции, не счел возможным остаться в долгу у своей благодетельницы. Таким образом г-жа Ламир получила доступ к печатям; ей осталось лишь затруднение в выборе различных видов любезностей. Так как угнетать стало ее сильнейшим влечением (благодаря воздействию того негодяя, которому, как мы видели, удалось подчинить ее себе), то министру юстиции пришлось помочь ей заковывать рабов в цепи; и отягчение тирании над целыми приходами стало формой благодарности за гостеприимство, оказанное одному человеку. Французская революция дала возможность оценить разные виды честности; но г-н Миромениль из числа тех, кто стал известен до революции. Теперь уже будет нетрудно представить себе, каким образом увенчались успехом происки дамы Ламир, направленные к тому, чтобы иметь у себя баналитетные мельницы и подданных, подчиненных баналитету. Эти притязания опирались лишь на подобия оснований, как мы сейчас увидим.

Некая старая перепись Давенекура, неоформленная, без даты, которая предположительно датируется 1480-м годом, упоминает

о мельничном баналитете; но известно, что такого рода акты, даже составленные по правилам, ни к чему не обязывают, потому что они носят чисто описательный характер, и тот, кто их составляет, может вписывать в них все что угодно.

Некоторые старинные арендные договоры содержали наравне с этим также упоминания о баналитетных пекарнях и давильнях в Давенекуре, между тем как, однако, ни тот, ни другой баналитет никогда там не существовал. Но эти частные акты, в которые сеньеры могли вставлять свободно все, что они считали нужным, не представлялись заслуживающими какого бы то ни было доверия. А множество арендных договоров, которые были заключены до и после этого и не содержали такого упоминания, лишали значения то упоминание, которое встречалось лишь в немногих договорах.

Наконец, было одно решение суда в Давенекуре от 1653 года о конфискации муки, которую служанка одной вдовы помолола на соседней мельнице. Но, как совершенно правильно заметил автор одного мемуара, опубликованного в связи с этим делом, известно, что из таких судебных решений, хотя бы их было очень много, можно извлечь лишь очень слабые доводы, если принять в соображение, как легко было порабощать бедных крестьян, особливо, когда на них нападали поодиночке, да еще применяя судебные формы, тем более для них страшные, чем менее они в них разбираются.

И все же, именно посредством этих жалких грамот, квалифицируемых дамой Ламир как полноценные документы, ей удалось без фактического обладания, с одной лишь помощью Миромениля, поддержанного хитростью и неутомимым упорством Турнье, достигнуть невероятного результата, а именно декларации парламента, вынесшего постановление от 1781 года, заключительную часть которого мы приводили и которое признало баналитет за мельницей Давенекура и Анжеста.

Подчинение есть нечто само по себе весьма печальное, потому что человек естественно желает полной свободы. Однако это зло было бы почти нечувствительным, если бы те, кто имеет право подчинять других, согласились пользоваться им умеренно. Если бы мельник Давенекура обслуживал жителей справедливо и точно, то было бы безразлично, существует мельничный баналитет или не существует. Жители не стали бы отказываться от преимущества близости и не стали бы носить свое зерно в другое место. Г-жа Ламир не могла бы видеть никаких выгод в учреждении баналитета, если бы она хотела быть только справедливой. Но сеньеры привыкли толковать мельничный баналитет таким образом: это возможность безнаказанно воровать продовольствие у простонародья. Вот почему они с такой жадностью добивались этого права. Когда мельница в Давенекуре стала баналитетной, там захотели полностью использовать прерогативы, связанные с таким правом. Можно ли об этом говорить

без дрожи! ...Несчастные подданные сеньерии! Итак, вашу кровь хотят пить до тех пор, пока она не иссякнет? ...Что же! Когда вы, наконец, добыли этот хлеб, достающийся вам лишь в результате чрезмерного труда, который сушит и истощает ваше тело, половину у вас осмеливаются похитить. О, ужасная правда! ..

Те 70—80 фунтов муки, в которые превращается один сетье пшеницы, сокращаются в силу ставшего постоянным на баналитетной мельнице Давенекура обычая до 40 фунтов. И выходит, что бедняк, проживающий в хижинах этой несчастной местности Давенекур, вынужден сохнуть от нищеты и глядеть, как пища, которая бы его спасла от гибели, течет под украшенные позолотой потолки дворца Ламир!!! ...

Но нельзя ограничиться описанием последнего результата этого страшного процесса о баналитете. Жители Давенекура еще ранее страдали от всяких побочных обстоятельств, и это делалось так, чтобы постепенно выработать у них привычку к более тяжелым страданиям, которые им предстояло испытать. Вот как поступила дама Ламир в 1782 году, предвосхищая эту тяжбу. Вызов в суд был послан многим людям, которые не пользовались ее мельницей и которым она вменила в преступление их неведение о том, что эта мельница — баналитетная. Вскоре они были осуждены ее сеньериальным судом в лице Венсана Сюера, совмещавшего постоянно различные судебные должности, т. е. он был одновременно бальи, заместитель, фискальный прокурор и секретарь-архивист. Такое своеобразное положение вызовет, несомненно, удивление. Но это имеет свое объяснение и становится ясным, если указать, что каждая из этих должностей была предоставлена какому-нибудь подставному лицу, некой машине для подписания всего что угодно по первому приказанию управляющего Сюера. Один из осужденных решился обжаловать решение сеньериального суда в апелляционном порядке в Мондидье. Но высокопоставленные лица минувшего времени не знали, что значит судиться перед судьями, которые не были их судьями. Дама Ламир имела также свой Commitimus в Большой палате [17]. И этот суд, затребовав дело к себе, принял постановление, запрещающее судьям Мондидье рассматривать в порядке апелляции постановление суда замка Давенекур. Жители Давенекура, видя, что атака становится серьезной и направлена против всей их общины, принимают решение объединиться для защиты. Это означало не испугаться при виде большого препятствия и вступить в бой перед лицом судей, о которых заранее было известно, что они менее склонны признать правой ту сторону, которая этого действительно заслуживает, нежели ту, к которой они имеют симпатию. Но такова печальная судьба простых людей, что им приходится необходимость возводить в добродетель. Решив идти на любой риск, чтобы попытаться избегнуть ярма, всю тяжесть которого они предвидели, жители Давенекура направили ходатайство

господину д'Агэ, интенданту провинции, с просьбой разрешить им выступить в суде. Эта формальность — разрешение, которое было необходимо коммунам, чтобы иметь возможность защищать свои права, — была тоже одним из учреждений старого режима, порождавшим самые тяжелые злоупотребления, а именно в тех случаях, когда обидчиком коммуны был человек, имя которого значилось у интенданта провинции в списке привилегированных. Г-жа Ламир имела счастье пополнять своим именем список, который находился в Амьене у всемогущего д'Агэ. Он не ответил на ходатайство. Он не ответил и тогда, когда ему было послано вторичное ходатайство. А тем временем судебный процесс открылся, и г-жа Ламир имела возможность располагать всем временем, необходимым для обеспечения легкой победы.

Молчание г-на д'Агэ вынудило жителей обратиться за разрешением к парламенту, чтобы получить возможность вести дело на свой риск и страх. На сей предмет жители заключили между собой соглашение; но оно запоздало и не дало им возможности защищаться своевременно. Дама Ламир уже успела добиться, чтобы дело не рассматривалось палатой, а было решено при закрытых дверях. Докладчиком был сначала аббат Польмье, чье имя останется известным потомству как имя человека, достигшего высшего совершенства в искусстве торговать правосудием; он был преданным человеком всех сеньеров, в том числе и дамы Ламир. Пока дело тянулось, он умер, и его сменил достойный преемник аббат Тандо из Марсака. Эти два аббата-докладчика и аббат Турнье составили тройку аббатов, отлично друг с другом ладивших.

28 мая 1784 года коммуна Давенекур проиграла полностью свой процесс и была присуждена к оплате судебных расходов. Расходы самих жителей достигли около 4000 ливров, не считая путевых расходов и непредвиденных затрат. Дама Ламир еще не подсчитала своих расходов, но она преследовала всех жителей и обязала всех, у кого есть деньги, принести ей их, угрожая разорить весь приход за то, что он имел наглость оказать ей сопротивление. Она заставила выдать ей больше 3 тысяч ливров, составляющих якобы ее расходы. Таковы главные из несчастий, сопровождавших этот роковой процесс по делу о мельнице. Теперь перейдем к некоторым другим, которые за ним последовали.

Чтобы поддержать то, что она называет своим правом, дама Ламир с самого начала этой жестокой тяжбы придумала вооружить своих слуг, как завоевателей на больших дорогах, поставить их на путях, ведущих к другим мельницам, для того, чтобы бездушно хватать тех, кто во избежание ограбления на своей мельнице пытался воспользоваться столь естественной возможностью изготовить основной предмет своего питания у менее бесчестных мельников. Захватив таких пленников, с триумфом приводили в замок осла или лошадь, возчика, мешки, зерно или муку, и все подвергалось конфискации. Но им было мало этих каннибальских

действий. Было зрелище, еще более приятное для этих кровожадных душ, чем только смотреть, как несчастные семьи обрекаются на жестокие муки голода. Им хотелось довести до конца это раздирающее душу истязание. И 1789 год оказался тем годом, когда они решили достичь вершины всех своих подлостей. Слуги-разбойники, вооруженные с ног до головы, были поставлены на дороге, ведущей в Мондидье. И в это бедственное время, когда все страдали от нужды, они имели жестокость отбирать хлеб, который бедняки вынуждены были покупать по фунту в этом городе... Этот хлеб им возвращали только после уплаты ими сбора в возмещение ущерба, причиняемого ими баналитетной мельнице... Чувствительные души, пожалейте нас! Какая страшная работа — описывать все эти ужасы! Но мы еще должны перейти к другим зверствам.

III

ВОЗЛОЖЕНИЕ НА КОММУНУ ДАВЕНЕКУР ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ПОСАДКИ ДЕРЕВЬЕВ, ПРОИЗВЕДЕННЫЕ ДАМОЙ ЛАМИР НА ВСЕХ ПУТЯХ И ДОРОГАХ В ЕЕ ВЛАДЕНИЯХ

Дорожное право! О, каким возмутительным оно было... Когда какой-либо сеньер его осуществлял, то подразумевалось, что он рассуждает таким образом: «Я сажаю дерево на твоей земле; оно будет извлекать из нее все соки; его корни, разрастаясь, будут ее портить; его ветви, возвышаясь и множась, будут бросать на нее тень. Я признаю, что твои посевы и твои труды, направленные к извлечению других плодов из испорченной таким образом почвы, окажутся напрасно затраченными усилиями. Но мне все это безразлично. Тебе остается почетное звание собственника. Тебе остается также удовольствие упражняться в полевых работах. Ты будешь еще платить налог за эту землю, которая уже не будет тебе приносить пользы. Что до меня, весь мой труд будет в том, чтобы собирать плоды, пользоваться...» Только так по существу мог рассуждать любой сеньер и якобы обладатель дорожного права, когда он хотел полезным для себя образом применить это почетное звание и пытался извлечь из него право посадки деревьев. Пусть нам не говорят, что следует проводить различие между посадками, которые сеньеры производили на дорогах, захватывая при этом землю смежных участков, и посадками, произведенными на земле самих дорог. Это различие иллюзорное. Любая дорога прокладывается за счет смежных с ней земель...*

Чтобы убедиться в правильности этого положения, достаточно проехать по какому-либо пути (даже по старинным большим дорогам, именуемым королевскими) и осведомиться о том, кто вла-

* Mémoire des Habitants de Montigny. District de Clermont en Beauvoisis sur les Droits Féodaux, et notamment les Droits de Voirie, imprimé en 1790, p. 12.

дельцы земли по обе ее стороны... Вы не замедлите обнаружить, что с обеих сторон один и тот же владелец и что границы участков пересекают дорогу перпендикулярно, так что исключается всякое сомнение в том, что дорога пересекла границу одного и того же участка... Что касается участков, заканчивающихся у дорог, то это только результат различных разделов *. Почему же вместо трижды заслуженного возмещения человеку, собственность которого нарушена, его, этого человека, обязывают (декрет от 26 июля 1790 года) возместить расходы по посадке дерева, которое ему уже столь дорого обошлось, дерева, незаконно посаженного человеком, приходившим затем аккуратно каждый год безнаказанно собирать с него плоды, дерева, которое истощило, разорило, сделало бесплодным поле законного собственника, дерева, которое, одним словом, лишило землю всех ее питательных элементов и оставило несчастному земледельцу только его заботы, его пот, его труды и обязанность платить налоги? **

Вот, несомненно, некоторые важные истины о злоупотреблениях дорожным правом. Мы видим не только всю несправедливость этого права в прошлом, но и те злоупотребления, которые причиняются его остатками. Если бы опыт не учил нас, что честолюбие постоянно возрастает в меру его успехов, мы бы сомневались в том, могут ли сеньеры желать еще большего расширения дорожного права по сравнению с тем, что для них вытекало из феодальных законов. А между тем, действительно, некоторые не довольствовались этим. Правда, не все имели к своим услугам Миромениля и парламент. Дама Ламир воспользовалась тем редким преимуществом, которым она обладала в этом отношении, чтобы добиться издания специально для нее закона, еще более феодального, чем все другие феодальные законы. Она максимально использовала прерогативу исключительной посадки деревьев вдоль дорог. Покрыв деревьями все, вплоть до самых узких тропинок, она сделала бесплодной лучшую часть владения. Аббат Турнье и она почувствовали и заметили, что это слишком уж вопиющее притеснение не может не вызвать самых резких жалоб. Подлость всегда находит какие-то увертки, а аббат больше, чем кто-либо, имел их в запасе. Есть верные признаки того, что этот бездушный человек придумал сам распорядиться срубить несколько деревьев, посаженных вдоль дорог, чтобы затем обвинить в этом жителей. Это стало предлогом и основанием для декретирования парламентом закона от 13 марта 1783 года, коим предписано, что посадки, произведенные или могущие впредь быть произведенными графиней де Ламир на улицах, путях и дорогах, площадях и владениях Давенекур, будут и останутся под защитой палаты, юстиции и под охраной и гарантией коммуны, крестьян и других жителей названного владения, и на

---

* Ibid., p. 21.
** Ibid., p. 19.

упомянутых жителей была возложена ответственность за всякий ущерб, который будет причинен упомянутым посадкам, и т. д.; вменено в обязанность синдику тщательно наблюдать или распорядиться наблюдать за тем, чтобы деревья, посаженные или могущие впредь быть посаженными, не были никоим образом повреждены, под угрозой возложения на названную коммуну всех расходов, проторей и убытков.

Не подобало, чтобы жители Давенекура получили такую сеньериальную милость бесплатно. Постановление было принято по ходатайству; оно, стало быть, не причинило больших расходов. Поэтому жители отделались уплатой всего 400 ливров.

IV

НЕЗАКОННОЕ ЛИШЕНИЕ КОММУНЫ ЕЕ ОБЫЧНЫХ ПРАВ ПОЛЬЗОВАНИЯ И ВЫПАСОВ

Осталось лишь еще мучить жителей в связи с болотами и общинными пастбищами. Это тоже была собственность, которую, с точки зрения ненасытной жадности хозяев замка Давенекур, следовало захватить. Порылись в старом ордонансе тирана Людовика XIV. об этом ордонансе аббат Грегуар сказал 4 мая 1790 года в Национальном собрании: «Это акт чистого деспотизма, результат вымогательства сеньеров, который поэтому судьи в свое время отказались зарегистрировать, и он смог быть зарегистрирован в парламенте только в Lit-de-Justice [18] и в счетной палате не менее насильственным образом». Но в замке Давенекур не интересовались этими обстоятельствами. Им достаточно было знать старый ордонанс в той мере, в какой он был полезен сеньерам, а также знать о том, что статья 4 раздела 25 гласит, что одна треть лесов, лугов, болот, пустошей, пастбищ и т. д., бесплатно пожалованная сеньерами и не облагаемая ни цензом, ни какими-либо повинностями, поставками или сервитутами, сможет быть отделена и изъята в пользу упомянутых сеньеров, если они того потребуют, а остальных двух третей достаточно для пользования прихода.

Примечательно, что со времени издания ордонанса 1669 года и до сентября 1784 года, когда было предъявлено первое требование о триаже, сеньеры Давенекура не считали себя вправе ссылаться на этот ордонанс, и лишь даме Ламир довелось лучше знать права сеньерии на этот счет. Она была выше того, чтобы, подобно своим предшественникам, остановиться перед указанными в законе условиями: доказать факт бесплатного пожалования; доказать, что остающихся двух третей хватит для пользования прихода.

Не прошло еще и трех месяцев с тех пор, как было выиграно дело о мельнице. Не прошло года с тех пор, как была объявлена ответственность коммуны за деревья. Бедные жители были измучены, истощены, обескуражены после стольких боев, где они терпели лишь неудачи.

Дама Ламир все это учла. Вдобавок благоприятным для нее обстоятельством было то, что царствование Миромениля все продолжалось. Это было важное преимущество, и она отступила бы от своей привычной политики, если бы им не воспользовалась.

Мы отметили, что ордонанс 1669 года, хотя и благоприятный для сеньеров, содержал два ограничительных условия, которые бы остановили кого угодно, но не даму Ламир, и которых было достаточно, чтобы остановить ее предшественников в Давенекуре.

Во-первых, доказать факт бесплатного пожалования. Наоборот, существовала и существует хартия от апреля месяца 1258 года, «содержащая соглашение между Жаном де Анжестом, сеньером Давенекура, и жителями Давенекура по вопросу о существующем между ними споре относительно болот и пастбищ, каковым соглашением были уступлены господину де Давенекуру различные луга и наследственные владения с тем условием, что остальные болота и общинные владения будут общей собственностью жителей»*. В этом акте нельзя усмотреть никаких следов бесплатного пожалования. Наоборот, это сделка, весьма обременительная для жителей! Их беспокоят сеньеры, поднимающие вопрос о праве собственности на болота; они уступают им определенные части для того, чтобы сохранить остальное и спокойно им пользоваться. Этот акт мог рассматриваться как точное изложение своего рода триажа, в свое время произведенного сеньером, что исключало возможность предъявления дамой Ламир требования производства второго триажа. А для коммуны это был как бы акт приобретения ею ее собственного имущества с оплатой цены недвижимостью вместо денег. И здесь следовало применить статью 5 раздела 25 ордонанса 1669 года, которая заявляет определенно, «что пожалование может считаться бесплатным со стороны сеньеров, если жители не докажут обратное путем ссылки на совершенное ими приобретение».

Во-вторых, надо доказать, что остающиеся две трети общинных владений достаточны для пользования прихода.

Ни ордонанс 1669 года, ни какой-либо другой закон не дают указаний, как определить размеры болот и пастбищ, достаточных для пользования прихода, пропорционально численности как людей, так и скота. Стало быть, установление оснований для такого определения было делом произвола. Таким образом, эти основания могли как угодно меняться в зависимости от пристрастия. Дама Ламир установила, что общинные владения Давенекура составляют сто тридцать один арпан болот; что людское население достигает в общем ста шестидесяти очагов или семейств, что составляет около пятисот человек; что наличие скота

* Дама Ламир знает этот документ так же хорошо, как и жители, и она отдала должное его подлинности, когда цитировала его и ссылалась на него в нескольких мемуарах, опубликованных ею в связи с этим делом.

исчисляется в сто пятьдесят коров, девяносто две лошади, сорок ослов. Отсюда видно, заключает она, что две трети болот Давенекура достаточны для пользования прихода.

Суд по водным и лесным делам в Клермоне, в округе Бове, куда дело было направлено, нашел эти заключения обоснованными. Он полностью высказался в пользу дамы Ламир. И решение от 13 сентября 1785 года дает ей обладание третьей частью и даже разрешает ей взять эту треть по своему выбору. На этом основании она распорядилась выделить ей пять различных частей, и в лучших местах; так что эта треть равноценна тем двум третям, которые остались жителям. Они не только оказались несправедливо лишенными одной трети общинных земель, но еще почти полностью потеряли свободу пользования остальными двумя, так как дама Ламир распорядилась вырыть вокруг нескольких участков, ставших ее собственностью, рвы глубиной от восьми до девяти футов и шириной от девяти до десяти футов, и поэтому их скоту приходится проходить большие расстояния, чтобы обойти их кругом, и это требует постоянного надзора из-за опасности движения около рвов, куда, несмотря на все эти заботы, требующие денег, трудов и внимания, животные часто падают и гибнут.

Мы уже говорили о том, что после таких различных и неотступных преследований жители были слишком обессилены, чтобы быть в состоянии защищаться. Поэтому легко понять, как случилось, что они оказались осужденными заочно и что в дальнейшем они столь терпеливо переносили выполнение несправедливого решения от 13 сентября 1785 года, — решения, в котором даже не постыдились объявить, что дама Ламир обязана покрыть только треть судебных издержек и что жители Давенекура, не причинившие никаких расходов, поскольку они не выступали ответчиками, уплатят остальные две трети издержек. И это называется правосудием! ...

V

ОПИСЬ 1786 ГОДА — ЧУДОВИЩНЫЙ СБОРНИК ВЫМОГАТЕЛЬСТВ И ЧРЕЗМЕРНЫХ ПОВИННОСТЕЙ

Как мы видим, замок не прекращал своих происков. Год следовал за годом, и каждый из них был отмечен каким-нибудь новым актом тирании. Владельцы замка нашли очень подходящим для себя правило угнетателей: когда враг уязвлен, когда он высказывает желание уклониться от боя, тогда-то и надо преследовать его без передышки, не давать ему времени перевести дыхание и восстановить силы: так и только так можно одержать полную победу.

Эта макиавеллистская теория вскоре была обращена в практические действия. Венсан Сюер давно готовился и пробовал свои силы в искусстве воевать с вассалами *.

Затребование время от времени актов о релиефе [19] у людей, состоявших в зависимости от замка, было лишь незначительными военными вылазками, это были только предварительные стычки, в которых формировался будущий герой. Он горел желанием дать большое сражение, перейти в решительное наступление. Он рассчитывал, что плодом его усилий будет полная победа.

Кампания 1786 года дала возможность узреть этот мощный удар. Венсан Сюер превзошел здесь самого себя. Одновременному штурму подверглись все цензитарии: каждому было предъявлено требование представить декларацию для новой описи **. Все преамбулы и заглавия Сюер составил заранее по одному и тому же образцу. Он вписал туда не только признание мельничного баналитета, но и обязательство содержания в порядке шоссе, и обязательство перестройки моста при упомянутой мельнице. Одинаковые преамбулы были так составлены, чтобы узаконить все другие узурпации дамы Ламир. Эти преамбулы старались не читать цензитариям, убеждая их в том, что это бесполезно, ибо там якобы содержатся лишь формальности. Так люди принимали на себя, не зная этого, самые тяжелые обязательства, и так они помогали, не подозревая этого, ковать для себя самые тяжелые цепи. Сумели даже включить в опись, причем нельзя было этого заметить в момент подписания, участки,

---

* Господин Буатель, фермер Форевиля, унаследовал от своего брата 3 и 3/4 арпана земли на территории и в феодальной зависимости от Анжеста. 13 сентября 1786 года он пришел в замок Давенекур для совершения акта признания своих обязанностей вассала перед сеньером и для уплаты налога за переход права собственности соответственно обычаю. Годичная рента составляла 10 сетье пшеницы, согласно арендному договору, представленному им управляющему Сюеру. Цена пшеницы была в том году 6 ливров 6 су 10 денье за сетье, что давало всего 63 ливра 8 су 4 денье; сбор шамбеллаж — 1 ливр 5 су; и за акт признания вассальных обязанностей, в соответствии с жалованными грамотами от 4 августа 1786 г., 4 ливра 5 су. Итого: 68 ливров 13 су 4 денье.

Вместо этой суммы скромный управляющий потребовал 147 ливров. а из деликатности написал в квитанции всего только 114 ливров.

** К сожалению, не сохранились все извещения, написанные Венсаном Сюером по этому случаю вассалам Давенекура. Их комплект дал бы образцы честности и красот эпистолярного стиля. Случай позволил нам найти один образчик, по которому можно судить, что представляла бы собой полная коллекция. «Если вы не явитесь сегодня вечером с вашими братьями и сестрами для подписания вашей декларации, вы можете рассчитывать, что я завтра все посылаю в Мондидье, чтобы вызвали вас в суд в ближайший понедельник, 20-го сего месяца; предупреждаю об этом; вы будете также вызваны для дачи декларации относительно вашего дома 18 сего февраля 1786 года». Это письмо было адресовано Себастьяну Ватле и другим детям Леона Ватле. А дом, по которому с них требовали декларацию, находился в феодальной зависимости от приората Давенекур.

которые цензитарии дамы Ламир держали от других сеньеров, и возложили на них крупные повинности *.

Под конец некоторые цензитарии разобрались в обмане: они хотели отказаться подписаться под описью, пока не будут вычеркнуты незаконные увеличения поборов и несправедливые новации, которые там хотели ввести. В числе других два брата выразили свое решительное несогласие, говоря, что они готовы подписаться под декларацией, соответствующей той, которую подписал их отец. Аббат Турнье (опять мы встречаемся, и это истинное несчастье для нашего чувствительного пера, с этим отвратительным человеком, и то, что нам сейчас предстоит о нем сказать, завершит его изображение во всей его подлости), аббат Турнье, говорим мы, будучи свидетелем этого ответа, показал обоим братьям ружье и два пистолета, лежавшие на столе, и сказал им: «Если вы откажетесь подписать, я вас застрелю!»...

«Что это, Матон, разве это язык священника!».

Оба брата ответили: «Мы предпочитаем умереть...» Сюер, тоже увлеченный своей алчностью, но, однако, обладающий менее жестоким сердцем, становится посредником. Он предлагает среднее решение. Лучше, говорит он, послать им вызов в суд; по мнению нашего управляющего, деньги гораздо лучше, чем кровь. Оба брата выходят из конторы. Во дворе они встречают даму Ламир, которая спрашивает их: «Вы подписали?» Они отвечают: «Нет». Дама Ламир говорит: «Ну, вы упрямцы: я вас заставлю есть солому с ваших сапог». На следующий день их вызывают в суд. В какой суд? В суд сеньера Давенекура, и только для того, чтобы быть принужденными подписать декларацию в описи сеньера Давенекура, и опять Венсан Сюер будет их присуждать прийти подписать эту декларацию перед Венсаном Сюером!... Остается признать свое поражение. Вызванные понимают это слишком хорошо. Они являются подписать роковую декларацию и уплатить 12 ливров 13 су судебных издержек, которые с них требуют за один акт.

О, правосудие! Обратимся ли мы еще когда-нибудь к тебе?

---

* Из множества примеров выберем один. Вдова Сегар была вызвана управляющим Сюером для составления декларации относительно имущества, которое она держала от сеньерии Давенекур. При этом ей вписали против ее воли и за не известный ей объем повинностей участок земли, которым она владеет и который находится в феодальной зависимости от монастырской общины Сен-Корнейль в Компьене. Она отказалась подписать. Но ее убедили, приведя пример детей Леона Ватле, которому обошлось в 43 ливра его желание заявить такой же отказ в связи с их домом, считавшимся до того состоящим в феодальной зависимости от приората Давенекура (см. предыдущее примечание).

VI

КРАТКИЙ ОБЗОР ДРУГИХ ПРЕСЛЕДОВАНИЙ, НАПРАВЛЕННЫХ ПРОТИВ НЕСЧАСТНЫХ ЖИТЕЛЕЙ ДАВЕНЕКУРА

В самом деле, поскольку мы не можем привести здесь целый том, мы представим лишь сжатый обзор других самых печальных беззаконий, жертвой которых был народ Давенекура.

Между тем как дама Ламир, с одной стороны, велела проложить тропинки, чтобы получить основание произвести на них великолепные посадки, она в других местах преграждала самые полезные для публики пути сообщения. Так действует подлый эгоист. Он делает зло для своей выгоды; он делает его также просто ради удовольствия причинять вред другим. Мы уже знаем, что в болотах были прорыты пропасти для скота; было решено сделать их повсюду; во многих местах, под ногами у людей, на краю и даже посередине некоторых дорог, устраивают карьеры * таким образом, чтобы было видно, что это сделано нарочно, дабы люди, лошади и повозки, проходя по этим местам, постоянно подвергались опасностям...

К этому добавим, что посаженные на дорожках деревья, о коих мы говорили выше, по мере роста и разрастания вширь их ветвей вскоре загромоздили путь, и сообщение в этих частях территории оказалось прерванным... Добавим, наконец, что все окружные валы и окружные рвы были захвачены дамой Ламир, которая стала их эксплуатировать исключительно в своих интересах... Все эти обстоятельства создают впечатление, что на землях Давенекура все выходы и пути сообщения, столь необходимые для всех сельскохозяйственных работ, так сказать, сведены на нет! Это, конечно, немалое бедствие! **

---

* Посреди большой дороги на Компьен вырыт карьер, щебнем из которого завалена вся дорога, что вынуждает идти кружным путем по возделанной земле. Посреди одной дороги, за стенами замка, вырыта яма глубиной в 15 морских саженей. Сзади парка ров шириной 6 футов и такой же глубины пересекает изгородь, именуемая окружной, и закрывает доступ главным образом к одному кантону, земля которого, сама по себе отличная, стала почти бесплодной из-за того, что трудно идти туда и производить необходимую обработку.

** Некогда сеньеры столь мало полагали себя обязанными соблюдать формальные требования, что в 1765 году без участия коммуны, не спрашивая ее, хозяева замка Давенекур перенесли часовню Сен-Мор с того места, где она стояла, на площадь, где мы ее сегодня видим, а именно на площадь окружного рва, принадлежащую коммуне; оставили только со стороны, обращенной к улице, входную дверь для удобства тех жителей, которые пожелают войти помолиться святому. После дела 25 февраля дверь замурована и не позволяет уже иметь ничего общего с этим блаженным! Часовня Сен-Мор в Давенекуре, которая, как говорят, не полностью построена сеньером, будет продана в таком же порядке, как и другие национальные имущества.

Но если справедливо, что жизнь людей надо ставить выше любых других интересов, то все, до сих пор изложенное, лишь мелочь по сравнению с тем, что нам остается сказать.

Тяжело, когда приходится перечислять только события и вещи, кажущиеся неправдоподобными, потому что они выходят из ряда обычных злодеяний, на которые способна человеческая извращенность. Священнику Турнье выпало на долю дать примеры жестокостей и ужасов, до него не известных. Люди, смотрите же на эти проявления неслыханной ярости. И, если это возможно, сохраняйте спокойствие!..

В то время, когда готовилась великая развязка дела о мельнице и дела об ответственности за посаженные деревья, Турнье занимался тем, что заполнял антракты небольшими сценами, о которых мы сейчас расскажем.

Однажды, когда два молодых человека купались в реке, протекающей вдоль границы сада дамы Ламир, этот святоша захотел доставить себе удовольствие застрелить их. Как только эта жестокая затея пришла ему в голову, он не захотел ни на мгновение отсрочить ее исполнение. Он пошел за оружием и разрядил в них заряд свинца, который их пронзил, вырвав у них вопли жгучей боли.

Игра эта ему понравилась, он сделал то же самое по отношению к людям зрелого возраста, собравшимся и беседовавшим на улице.

Третий случай. Мартен Иар, молодой человек лет восемнадцати—двадцати, проходил по улице. Неизвестно почему, он имел несчастье не понравиться чудовищу *. Последний счел это удобным случаем, чтобы отомстить. Он прибег к своему обычному приему. Ружейный выстрел, направленный на уровне колен молодого человека, раздробил ему ноги во множестве мест. Он упал, издавая ужасные крики. Раны были столь серьезны, что только после двух месяцев, проведенных им в постели, появилась надежда на сохранение его жизни. Долго после этого он остается изувеченным, и, когда приходит время жатвы, он вынужден оставаться праздным и терять плоды столь драгоценного времени года **.

---

* Это выяснилось позднее. Дело в том, что Мартин Иар поддался нежным взглядам одной горничной дома Ламир, а аббат имел какие-то свои основания, чтобы противиться этой оскверняющей любви.

** Мы не станем излагать здесь множества проделок другого рода (вернее, такого же рода, как последняя, если принять во внимание мотивы) все того же бесстрашного аббата. Одна из них, довольно замечательная, будет вкратце описана в связи с удивительным процессом, о котором вскоре пойдет речь. Дама Ламир, выступая с обвинениями, призвала в качестве свидетелей одних только своих слуг. Когда допрашивали Мари Катрин Бассе, горничную, адвокат обвиняемых отвел ее как свидетеля «на том основании, что законы отвергают свидетельские показания лиц женского пола, поведение коих, подобно поведению свидетельницы, не является строго примерным; свидетельница четыре или пять лет тому

Но, скажут, разве нельзя воззвать к правосудию против этого варвара, как и против любого другого негодяя? Как понять, что эшафот смог очистить общество от стольких несчастных, которые гораздо менее беспокоили его, а этот небывалый нарушитель и убийца ускользнул от кары?.. Как? Эта гнусная тварь открыто похвалялась уверенностью в своей безнаказанности. Мы находимся под эгидой Мироменпля, говорил он. Мы можем без опаски совершать злоупотребления под сенью юстиции: трепещите, канальи *.

Что остается сказать? Кто бы не растерялся, услышав такое заявление?... Стало быть, надо согнуться под лозой ненавистного!

назад произвела на свет ребенка, отцом которого, по ее заявлению, является Адриен Лефевр, молодой человек из Давенекура, заплативший за эту честь сто экю матери ребенка, свидетельнице, в исполнение соглашения, подготовленного переговорами, которые аббат Турнье был добр вести, движимый живым интересом к ней».

Мы ограничимся приведением второго факта.

Андре Адриен Сегар, молодой человек лет девятнадцати — двадцати, прогуливаясь по окончании своего рабочего дня по улицам Давенекура в мае месяце 1785 года, около половины девятого, остановился с четырьмя или пятью своими товарищами. Мимо проходила девушка их лет, Тереза Далонжвиль, дочь слуги дамы Ламир, неся на шее мешок на лямке. Такое забавное снаряжение дало повод Сегару и его товарищам пошутить с дочерью лакея. Сегар положил ей в мешок свою голову до самых плеч, подобно Скапену. Озорная шутка вызвала общий смех, но, по несчастью, девица обиделась. Здесь надо заметить, что она имела честь быть под покровительством нежного Турнье. Как только он узнал об этом маленьком приключении, он поклялся ей, что она будет отомщена. Управляющий Сюер получил приказ составить хороший протокол, содержавший жалобу на насилие, причиненное духовной дочери капеллана, следствием чего было то, что отец и мать молодого грешника поторопились уладить дело. С них за это потребовали четыре луидора. После многих упрашиваний сократили до 87 ливров. А затем в силу неведомых угрызений совести три недели спустя вернули 54 ливра. Все это позволяет видеть, до какой степени в Давенекуре усовершенствована злосчастная система преследования.

* Такая же речь была произнесена при обстоятельствах, сжатое изложение которых следует. Алексис Байи, житель Давенекура, о котором более обстоятельно будет сказано дальше, поссорился со своим братом Никола Байи. Последний знает, что дама Ламир всемогуща, когда нужно мстить. Он обращается к ней с жалобой, сильно преувеличивая причины своего недовольства противником. В суде Давенекура открывается следствие по уголовному делу. В замке это дело вызывает большое оживление. Посылают за Алексисом Байи и заключают его в сеньериальную тюрьму. Стражникам, которым поручено его арестовать, было сказано, что, так как это дурной человек, если он окажет сопротивление, можно в него стрелять и убить его; что уже давно графиня Ламир желает от него избавиться; что не надо стесняться и что в случае надобности г-н аббат Турнье сразу поедет в Версаль, чтобы получить помилование для убийцы. К счастью для него, Байи не оказал сопротивления. Когда его процесс начался, его перевели из сеньериальной тюрьмы Давенекура в королевскую тюрьму в Мондидье. Там он пробыл два месяца четыре дня. После чего он был отпущен, причем ему ничего не было сказано и его не судили. Как мы увидим, этот случай примечательным образом связан с целью и главным предметом этого рассказа, потому что от него пошла смертельная ненависть дамы Ламир к семейству Байи.

«Горе нам, — восклицают жители, — вот до чего мы доведены: нам остается лишь стонать от наших жгучих страданий».

Перейдем теперь к печальному рассказу об ударе, который наши тираны в отчаянии нанесли, когда увидели неизбежность своего падения *. Опишем страшные проявления их бешенства и укажем тем нашим братьям, которые внимательно относятся к судьбе жертв, чего им еще следует опасаться со стороны тех, о ком говорят, что они уже не сеньеры, и на что еще они способны в яростном порыве злобы и разочарования.

VII

ВОССТАНИЕ В ЗАМКЕ ДАВЕНЕКУР, СПРОВОЦИРОВАННОЕ САМИМИ ТИРАНАМИ

Революция свершилась. Старый режим уступил место новому. Закон поразил угнетателей и протянул попечительную руку угнетенным. Свобода, наконец, утвердила свое здание на развалинах деспотизма. Но жители Давенекура еще не почувствовали возможности участвовать в этих достопамятных благодеяниях.

Между тем по примеру всех своих соотечественников они тоже хотели ими пользоваться. И, следуя просьбам и многократным настояниям всех граждан, муниципалитет принял решение представить г-же Ламир петицию по следующим вопросам:

«1. По вопросу о мельничном баналитете. Что статьи 14 и 15 раздела 2 декрета от 15 марта 1790 года давали по этому вопросу недвусмысленное решение. Что она должна знать, что этим законом упразднены все баналитеты, за исключением только 1) установленных в интересах и к выгоде жителей посредством соглашения между ними и сеньером; 2) тех, относительно коих будет доказано, что их причиной было какое-либо пожалование сеньера общине жителей.

Что ее (дамы Ламир) мнимый баналитет не принадлежит к этим двум исключениям, и она не должна удивляться тому, что в соответствии с декретом его считают упраздненным; но поскольку она не может не признать, что ввиду отсутствия законного основания она лишь по милости пользовалась этим правом в течение немногих лет, она могла бы по-честному принести некоторые жертвы, дабы компенсировать разорительные издержки, причиненные ею приходу процессом по поводу этого злополучного баналитета.

2. По вопросу о дорогах и посадках. Что декрет от 26 июля 1790 года определил как права частных лиц, так и права сеньеров в этой области, указывая, в каких случаях следует возместить только расходы по посадке и в каких — нынешнюю стоимость деревьев; что были сделаны в соответствии с этим законом предложения от имени всего прихода и что требуется только, чтобы

---

* Результаты упразднения феодального строя.

дама Ламир согласилась дать некоторое возмещение за расходы, несправедливо причиненные ею жителям, по покрытию стоимости постановления, принятого по ходатайству 13 марта 1783 года, возложившего по ее требованию охрану и ответственность за ее посадки на жителей.

3. По вопросу об общинных угодьях. Что статьей 21-й того же декрета от 15 мая 1790 года право триажа было упразднено, правда, без обратного действия, но поелику дама Ламир добилась его в Давенекуре лишь путем заочного решения, на исполнение которого жители отнюдь не дали согласия, они имеют возможность оспорить его в течение тридцати лет либо в порядке возражения против его исполнения, либо в порядке апелляционной жалобы. Что, следовательно, жители в любой им угодный момент могут возбудить просто иск или тяжбу, причем окончательного решения по ней уже нельзя будет получить ввиду постановления закона, запрещающего всякие действия на предмет триажа. Что, следовательно, коммуне по праву возвращается захваченная дамой Ламир треть, поскольку закон обеспечивал сеньерам взятые ими по триажу угодья лишь тогда, когда они были присуждены окончательными судебными решениями в соответствии с незыблемым принципом, согласно которому всякий спорный предмет считается присужденным только в силу решения суда последней инстанции, разве что были пропущены законные сроки для обжалования в порядке апелляции. Что, с другой стороны, надлежит принять во внимание, что по условиям, оговоренным в ордонансе 1669 года, дама Ламир не могла притязать на треть общинных угодий; и что, по различным основаниям, надлежало востребовать с нее вместе с издержками по возбужденному ею процессу возмещение за незаконное пользование со времени заочного решения от 13 сентября 1785 года. Наконец, что, несомненно, было бы нетрудно получить через суд удовлетворение этих требований, но что предпочтительно договориться об этом полюбовно с дамой Ламир.

4. По вопросу о непомерных поборах, внесенных в опись 1786 года. Что это предмет, по которому легко достигнуть примирительного соглашения, и что надлежит лишь действовать честно, отказаться от всех внесенных в эту опись новшеств и все вернуть в прежнее состояние, т. е. к сумме прав, законно обоснованной предыдущими описями бывшей сеньерии.

5. Наконец, по вопросу об отдельных вымогательствах, учиненных людьми из окружения дамы Ламир. Что их готовы забыть ради будущего спокойствия; и что это, может быть, со стороны жителей — первое яркое выражение сильного желания закрепить с дамой Ламир примирение, которое откроет собой новую эпоху и для нее, и для других жителей и всегда будет напоминать об обете жить в наилучших отношениях при наилучшем порядке вещей».

Такова была петиция, которую предполагали устно представить даме Ламир и от которой наивно ждали ее обращения в но-

вую веру... В самом деле, ей много раз объясняли, какие результаты даст принятие этих предложений, и каждый раз она от них уклонялась под различными предлогами. Верная принципам ловкой, но коварной политики, она избегала решительно заявить, что она отвергает эти предложения. Но у нее вырывались некоторые непроизвольные движения, которых притворство еще не научилось скрывать и которые раскрывают, какого решения человек придерживается в настоящее время. Всякий раз, когда, обращаясь к даме Ламир, случалось упоминать о декретах Национального собрания, у нее под рукой оказывалась готовой какая-нибудь эпиграмма. Этого постоянно поддерживаемого дамой Ламир сатирического тона было достаточно, чтобы убедить жителей, что их требования никогда не будут удовлетворены.

Однако, к несчастью, пожелали сделать еще одну, последнюю попытку. Грегуар Буассар, нотабль коммуны, посетил аббата Турнье и управляющего Сюера по частному вопросу о возмещении стоимости посадки нескольких деревьев. Те предложили ему отложить этот вопрос до того, как в ближайшее время будет общее обсуждение его с муниципалитетом. Такое предложение навело Буассара на мысль о наличии какой-то доброй воли в замке. Он поспешил доложить об этом всему составу муниципалитета. Все были поражены. На собрании, назначенном для большего удобства всех членов муниципалитета на 24 февраля (1791 года) на 7 часов вечера, после обсуждения ряда вопросов о налогах, о некоторых ремонтах общественных сооружений и т. д. было предложено пойти на следующий день утром воспроизвести ранее заявленные жалобы, которые, после сказанных Буассару слов, надеялись, будут выслушаны лучше, чем до того. Это предложение было принято, и было решено, что утром следующего дня мэр сначала пойдет просить назначить время приема у г-жи Ламир; и что затем члены муниципалитета в полном составе отправятся к ней, чтобы устно представить ей пять пунктов изложенных выше требований.

Но сколь велико было удивление! Известие о собрании, состоявшемся 24-го, дошло до замка. Там сделали вид, что считают это очень подозрительным, что очень обеспокоены возможными последствиями этого собрания; его вменяют в преступление; его квалифицируют как подпольное и ночное. Тут не довольствовались всеми хитростями и подлыми уловками, с уверенностью применявшимися старым режимом и безошибочно действовавшими против крестьян. Пришлось прибегнуть к другим подлостям. Пришлось применить отравленные стрелы нового вида. Пришлось... Но сам ад, по-видимому, внушил заговор столь черный, столь черный! ... Страшная ткань этого заговора казалась сработанной так, чтобы полностью обеспечить успех, и поэтому, одобрив его, немедленно приступили к его осуществлению. Восстания всегда были излюбленным коньком бывших дворян; при помощи этого средства они постоянно рассчитывают с успехом оклеветать на-

род. Тайное сборище в замке Давенекур решило вызвать такое восстание, которое в момент прихода представителей коммуны для предъявления их законных требований дало бы основание изобразить их разбойниками и убийцами (любимые и освященные выражения бывших дворян), создало бы тревогу в деревне и, быть может, увлекло бы некоторых безрассудных людей в западню; и этот последний результат, следствие ужасной махинации, дал бы возможность возбудить уголовное преследование против нескольких так называемых бешеных. Завершением этих жестоких происков был расчет на то, что все эти дела так займут общину, что отвлекут ее от всяких несвоевременных требований. Такова убийственная политика, которая, к несчастью, становится политикой большинства бывших сеньеров и которую они предполагают проводить, когда их захотят остановить и заявить претензии на основании декретов Национального собрания. Чего только не приходится бояться людям, зависящим от таких тигров, когда они видят, с какой легкостью их образец (дама Ламир) совершает подобного рода жестокости!

Вернемся к муниципальному собранию от 24 февраля, известие о котором, как мы указали, в тот же вечер было передано в замок.

В тот же момент исходит из этого сеньериального логова и распространяется по всей местности весть, что если кто-нибудь явится завтра в замок, то на башне будет подготовлено большое количество заряженных ружей для встречи смельчаков*.

25-го утром эти слухи получили широкое распространение и сеяли страх. Однако мэр, не обращая на это внешне никакого внимания, с хладнокровием честного человека решился около восьми часов утра направиться в страшный замок. Он изложил г-же Ламир результаты муниципального заседания, состоявшегося накануне, в той части, которая ее касалась. Он спросил ее, угодно ли ей назначить время, чтобы выслушать предложения и требования от самого муниципалитета, от имени коммуны. Она ответила, что он может прийти через час со всеми муниципальными должностными лицами.

Здесь следует заметить, что, как только мэр вошел в замок, калитка была закрыта. Это обстоятельство в сочетании с угрозой ружьями способствовало, конечно, усилению тревожных настроений. Множество глаз следило за мэром. В то время когда он еще находился внутри дома, некоторые лица, более других испуганные мыслью об опасности, могущей угрожать главе их муниципалитета, схватили оружие и второпях побежали к калитке и пытались проникнуть взором, в котором виднелось волнение и глубокое

* Свидетели, допрошенные на процессе и вызванные по требованию самой дамы Ламир, показали, что общественная молва исчисляла эти ружья от 200 до 500. Проверкой было установлено, что во всяком случае их было какое-то большое число.

беспокойство, внутрь страшного места, чтобы посмотреть, нет ли там признаков какого-либо насилия. Эти пылкие и мужественные граждане были Алексис Байи, его жена и два сына, ныне совместно обвиняемые и находящиеся в заключении в Мондидье.

Еще следует заметить, что слуги замка, видя Байи у калитки, пришли провоцировать их, требуя с угрозами и оскорблениями, чтоб они ушли. Но те не поддались на эти провокации и ушли, как только увидели, что мэру не грозит никакая опасность и он цел и невредим выходит из опасного замка.

Следует ли считать, что присутствие семейства Байи спасло мэра от ударов? Или, быть может, там предпочитали дождаться прихода всего муниципалитета в полном составе, чтобы довести дело до развязки? Это остается под вопросом.

Через час в соответствии с указанием г-жи Ламир явились все члены муниципалитета, и калитка опять была закрыта.

Их ввели в зал, где развели большой огонь в камине, вокруг которого были поставлены сиденья, и членам муниципалитета было предложено занять места. Дама Ламир, ее сын и важный аббат также заняли места.

Стали обсуждать различные требования. Дама Ламир выслушала их с бесстрастным видом, показавшим более прозорливым людям, что у нее готов какой-то план, который дает ей уверенность против всего, чего она в силу закона не могла бы оспаривать. Было видно, что она не собирается ни тянуть, ни уклоняться, но лукавить и насмехаться. Она делает вид, что близка к тому, чтобы согласиться на все, и тем временем она положительно ни в чем не уступает. Непринужденность, с которой она выражает склонность согласиться на величайшие жертвы, явно противоречит тому, что хорошо известно об ее характере. Она слишком спокойна, изображая, что уступает, чтобы можно было поверить в ее искренность: она скрывает свои карты. Наконец, одно открытие убеждает в том, что оказываемый ею прием есть самое черное коварство. Становится известно, что в самый момент прихода членов муниципалитета она закончила письмо и дала его слуге, приказав сесть на лошадь и отправиться возможно быстрее в Мондидье для вызова жандармерии.

Тут было слишком большое стечение всяких обстоятельств, чтобы не вызвать самой сильной тревоги как у членов муниципалитета, находившихся внутри крепости, так и у их близких, находившихся вне ее. Много лиц, среди которых были Байи, опять пошли к калитке. Она опять оказалась закрытой, а между тем известно, что муниципалитет находится внутри... Не применяют ли против него те ружья, о коих была речь? Или, быть может, за жандармерией послали для того, чтобы арестовать их как убийц дамы Ламир у нее дома? Независимо от этих обстоятельств было вполне естественно, что народ, озабоченный успехом или неуспехом требований, в которых вся коммуна была заинтересована, собрался и направился к воротам замка.

Слуги опять стали провоцировать тех, кто первыми подошли к воротам, и, видимо, забавлялись тем, что усиливали тревожные настроения, основанные на первых слухах.

Речь шла о столь большой и близкой опасности, что, как легко понять, вскоре все были подняты на ноги. Люди были так потрясены этим событием, что многие бегали, сами не зная, в чем дело. В общем шуме можно было расслышать крики: «В замке убивают». Не удивительно, что в страшном положении, возникшем из-за того, что люди были глубоко встревожены, некоторое число жителей взялось за оружие, чтобы пойти на помощь тем из своих близких, кого они считали находящимися под смертельной угрозой. Другие, опасаясь за даму Ламир, тоже бежали помочь ей. Неизвестно, кто и по чьему приказанию ударил в набат, неизвестно, было ли это со стороны тех, кто был охвачен тревогой, или со стороны тех, кто стремился возбудить и усилить ее. Но нельзя игнорировать того, что этот набатный звон, действительно, вызвал усиление волнения и страха, которое является его обычным следствием. Мы полагаем, что теперь ясно видны истинные причины скопления народа, мы полагаем, что ясно, как оно стало неизбежным.

Члены муниципалитета, которым, вероятно, предстояло оставаться в замке до возвращения посланца, отправленного в жандармерию, обязаны были своим освобождением тому, что у ворот собралось много людей. Тут людоеды из замка несколько растерялись, и им стало трудно осуществить свои замыслы. Они начали идти на уступки или по крайней мере делали вид, что идут. Таково обычно поведение предателей, когда они чувствуют себя побежденными. Г-н Ламир-сын проводил членов муниципалитета к выходу до самой калитки и сказал собравшимся жителям, что его мать и он ничего так не желают, как согласиться на все, что законно и разумно. Это были лишь ничего не значащие слова. Люди желали услышать что-нибудь более определенное. Но двусмысленность больше устраивала хозяев, и они предпочли этот тон.

Если опасения народа в отношении безопасности членов муниципалитета рассеялись, то они были усилены отсутствием положительного ответа на согласованные требования. Люди, увидев, что их дурачат, естественно, заволновались. Кое-кто даже впал в преувеличение, обвиняя муниципалитет в сговоре с дамой Ламир за то, что они ничего не могли добиться. Народ не расходился и принял решение просить об открытии переговоров непосредственно между ним самим и этой дамой.

VIII

ВОССТАНИЕ, ВОПРЕКИ ВОЛЕ ЕГО ВИНОВНИКОВ, ЗАВЕРШАЕТСЯ ПОЧТИ БЛАГОПОЛУЧНО

После того как народ вошел в замок, некоторые лица попытались доказать г-же Ламир законность требований жителей. Ей горячо рассказывали об аббате Турнье и об его ужасных преследованиях. Она, казалось, была поражена и в то же время тронута обращенными к ней речами. Язык справедливости, правды и чистосердечия обладает неотразимым обаянием даже для тех, кто не признает власти этих добродетелей. Как будто вернувшись к ним, дама Ламир изливает свои чувства перед жителями, открывающими ей свои сердца. С той и другой стороны проливаются слезы, да, слезы (здесь ничего не добавлено для того, чтобы приукрасить рассказ). И в этот момент сердечных излияний г-жа Ламир уполномочила своего сына формально объявить, как от своего, так и от ее имени, что они уступают во всем, что от них требуют.

В подтверждение этого она подписала акт, состоявший из двух строк, коим народ удовлетворился, потому что верил, что с ним обходятся с самой большой искренностью, потому что думал, что можно полагаться на честное слово той, которая его дает, потому что считал бы оскорблением для нее, если бы не оказал ей своего доверия.

Поскольку все возвещало начало дня восстановления справедливости и общего счастья, кто-то выдвинул предложение, что этот день должен все исправить и чтобы после этого ни у кого не было бы жалоб. Отвечая на это предложение, дама Ламир согласилась подписать в пользу многих лиц записки, в которых она обязывалась возместить различный ущерб, причиненный, как она признала, ею или ее агентами.

Она обещает пересмотреть злосчастную опись 1786 года, а также ознакомиться с закрепленными в ней наиболее вопиющими вымогательствами для того, чтобы по докладу, который ей сделают, она могла удовлетворить тех, кого они обременяют, и облегчить их положение.

Она заявляет через своего сына, что несколько бочек сидра будет выставлено, чтобы радостно отметить примирение между жителями и ею. Народ с достоинством отклонил это предложение.

Этот народ вел себя столь благопристойно и с таким уважением к правилам, что даже те, кто сейчас подвергается наиболее тяжелым обвинениям по этому делу, Байи и его сыновья, были наиболее активными в наблюдении за сохранением порядка. Отец и старший из сыновей, один за другим, говорили и повторяли всем, вошедшим к даме Ламир: «Я не сомневаюсь в том, что здесь все честные люди. Но если кто-нибудь проявит слабость и тронет какую-нибудь вещь, я с ним расправлюсь, я сам повешу его на решетке»,

IX
ЕДИНСТВЕННЫЙ ТРАГИЧЕСКИЙ СЛУЧАЙ В ЭТОМ ДЕЛЕ

В момент взаимных сердечных излияний, о коих мы говорили выше, и столкновения чувств ликования, энтузиазма, благодарности за благие расположения дамы Ламир и ее сына, с одной стороны, и негодования на презренных подчиненных, до того угнетавших от их имени и возбудивших к ним ненависть, в этих условиях, говорим мы, были произнесены некоторые энергичные слова, направленные против капеллана Турнье и агента Сюера, которые (и это надлежит отметить) отсутствовали или прятались во время всей этой сцены *.

Однако в то время, как все протекало таким образом с хозяевами, слуги, рассыпавшиеся по дворам и у входа в дом, неизвестно по чьему наущению завязали драки с народом под всевозможными ложными предлогами.

Однако одно из этих столкновений было, по-видимому, вызвано самими жителями, и оно заслуживает самого внимательного рассмотрения. Причиной было требование разрядить пятнадцать—шестнадцать ружей, найденных в кухне и оказавшихся заряженными пулями, крупной дробью и шляпками гвоздей; это было отчасти подтверждением слухов, распространявшихся накануне. От слуг потребовали, чтобы они объявили, где находится большая часть столь убийственного арсенала **. Но они отказались это сделать.

Демонсо, самый несговорчивый и самый дерзкий из слуг, в ответ на настойчивые требования дать ответ на означенный вопрос прицелился из ружья, которое было у него в руках, в человека, стоявшего против него. Около них было несколько других лиц, все они были на первых ступенях лестницы замка. Человек, в которого он прицелился, к счастью для него, очень быстрым движением поднял кверху дуло ружья. Приклад резко стукнулся об землю, дуло оказалось под плечом убийцы. Раздался выстрел, плечо было раздроблено, человек умер 13 дней спустя...

Смерть этого необузданного лакея, причиненная его собственной рукой, была наградой за его ожесточенность и беспримерную свирепость. На суде было установлено, что это он зарядил ружья пулями, крупной дробью и шляпками гвоздей. Помимо ружья, которое он носил и которым он убил себя, у него в карманах нашли два огромных седельных пистолета, заряженных наподобие

---

* Эти слова были превращены в один из главных пунктов обвинения. Арестованным Байи и другим жителям Давенекура приписывают слова: «Мы хотим получить головы аббата Турнье и Сюера». Другая сторона возражает, что с ними хотели только поговорить, упрекнуть их в том, что они — виновники всех совершенных зол, и что говорили только: «Мы хотим видеть головы аббата Турнье и Сюера». Но ничего не стоило добавить одну букву, чтобы невинные слова превратить в якобы преступную речь.

** Вспомним, что упоминалось число от 200 до 500 ружей.

ружья... Это обстоятельство много раз подтверждалось в ходе процесса.

Тем не менее эта смерть стала главным предлогом, коим г-жа Ламир воспользовалась, чтобы представить происшедшее 25 февраля в самом отвратительном, самом гнусном виде, как только она приняла решение изменить те благоприятные намерения, которые одно время она выражала.

X

ТАЙНЫЕ МОТИВЫ УГОЛОВНОГО ПРЕСЛЕДОВАНИЯ И УЖАСАЮЩИЕ ПОДЛОСТИ, К ЭТОМУ ПОБУДИВШИЕ

Аббат Турнье, прятавшийся, как мы отметили, во время всех этих событий *, сразу же явился к даме Ламир. Он чувствует, что пришла его гибель; он понимает, что он не только не будет нужен, но станет невыносимым в доме Давенекур, если эта дама останется при тех намерениях, к которым жители сумели ее привести, т. е. если она сохранит свое решение загладить все причиненные им обиды; если она сохранит угрызения совести от того, что слишком прислушивалась к его коварным инсинуациям; если она проклянет тот день, когда он заставил ее опуститься до подлого ремесла интриганки, чтобы иметь возможность чинить узурпации. То, что дама Ламир на несколько мгновений предалась воспоминаниям о принципах, он рассматривает как проявление женской слабости. Он надеется вскоре вернуть ее к тем чувствам, которые он ей привил. Он знает известное изречение:

Честь подобна обрывистому острову без доступных берегов,
И тот, кто его покинул, не может туда вернуться.

Доказано, что аббат тщательно обдумал свое поведение, о котором мы далее расскажем.

Появившись опять, он изображает человека, крайне разгневанного. Он энергично действует, добиваясь, чтобы его намерения были разделены другими.

Он объясняет даме Ламир и ее сыну, что стыдно проявлять великодушие и что непростительной слабостью является признание себя неправыми в отношении каких-то крестьян.

В событиях дня он увидел не памятное зрелище примирения, а лишь страшную сцену кровопролития и резни.

Он упорно высказывается за отмщение. Он гарантирует, что сумеет представить в свете, благоприятном для его мрачных замыслов, развитие событий этого дня. И тут же он излагает план действий, которые затем и были осуществлены.

Он особенно настаивает на том, что он считает самым существенным, а именно на искаженном изображении несчастного

* Адам спрятался, когда признал себя грешником... Почему спрятался капеллан Турнье?

случая с Демонсо. И вместо того чтобы сказать, что он непроизвольно сам себя убил при обстоятельствах, которые мы описали, он вздумал публично заявить, что тот был убит и он берется это доказать показаниями свидетелей.

Наконец, чтобы придать больше правдоподобия задуманному им трагическому роману, он заблаговременно производит ряд взломов, которые осмеливаются установить путем протоколов лишь спустя пятьдесят часов.

XI

ЧУДОВИЩНЫЕ ИЗВРАЩЕНИЯ В ЖАЛОБЕ, НЕЛЕПОЕ НАГРОМОЖДЕНИЕ КОВАРСТВА, УЖАСНОЙ ФАЛЬШИ И ЛЖИ

Бесспорно, что можно придумать самые жестокие обманы и придать им видимость правды, способную ввести в заблуждение даже самых недоверчивых людей. Те, кто говорят, что ложь несет сама в себе черты, позволяющие узнать ее, поистине пребывают в заблуждении. Есть ловкие жулики, у которых ложь всегда на устах, и они умеют излагать ее с видом чистосердечия, вводящим в заблуждение носителей вечной истины.

Эта видимость правды, которую хитрый и изворотливый аббат сумел придать своей жалобе, побудила нас проделать большую работу, а именно изложить все вышеприведенные подробности. Без этого наш рассказ, хотя и точный до мелочей, показался бы сомнительным рядом с искусными и правдоподобными хитросплетениями, сфабрикованными ловким человеком с помощью документов, которые являются лишь следствием неосторожности злобных людей.

О, вы, те, кто так поспешно принимает решения на основании первых сообщений о событиях, учитесь быть более внимательными и изучать, прежде чем рискнуть высказать мнение! Познайте, как трудно открыть подлинную правду. Примите во внимание, что человеческому уму как будто суждено вечно быть обманываемым нечестными людьми; что даже тогда, когда мы описываем события, происходившие у нас на глазах, наши рассказы часто отличаются один от другого в зависимости от того, как кто-то из нас был настроен или насколько возбужден; и что, следовательно, нам остается, так сказать, лишь выбор между различными ошибками...

Однако, когда факты, приведенные в такой петиции, как настоящая, подтверждаются подписями более 60 граждан, свидетелей-очевидцев; когда приводится последовательное изложение событий, представляющее дела, происходившие в течение более двадцати лет на глазах жителей обширного края, где они производили сильное впечатление; когда прослеживаешь шаг за шагом развитие страстей, побудивших к действиям, и когда каждое замечание опирается на свидетельство о том, что данный акт дейст-

вительно совершен и о нем всем известно, то тут ничего возразить нельзя. Всякий наблюдательный человек, внимательно следивший за всем нашим рассказом, за перечнем описанных нами подлостей и бесчисленных злодеяний, должен был отлично понять аббата Турнье и других обитателей замка Давенекур... Он должен теперь знать наперед все, на что они способны... Если мы скажем нашему наблюдателю, что этот аббат написал, накрутил, сфабриковал некий доклад о мнимом восстании 25 февраля, что этот доклад послужил основанием для жалобы государственного обвинителя при суде Мондидье (этот наблюдатель уже знает, какие страсти владеют аббатом), то он поймет, что эта жалоба состоит из одних вымыслов, как мы и увидим.

Жалоба государственного обвинителя от 26 февраля 1791 года

Она гласит: «Что от директории дистрикта (которую об этом просила директория департамента Сомма, как видно из ее постановления от сего дня) ему только что представлен мемуар названному департаменту от г-жи де Ламир, в котором она изложила...»

Это начало показывает, что дама Ламир является первым источником обвинения, и обвиняемым, пожалуй, небесполезно знать об этом. Но если в конечном счете все открылось, то к чему было идти таким извилистым путем? Зачем было привлекать столько людей, чтоб они вмешались в ход дела? Почему мемуар не пошел прямо из рук г-жи Ламир в руки государственного обвинителя? Правда, все эти извороты нисколько не отразились на быстроте движения бумаги.

О событии, происшедшем в Давенекуре 25 февраля, донесено в департамент, в Амьен, отстоящий на восемь лье, каковой департамент отсылает донесение в дистрикт Мондидье, который в свою очередь отсылает его общественному обвинителю, который представляет свою жалобу на следующий день, 26 февраля. Нельзя быть более проворным. Но из жалобы определенно явствует, что г-н общественный обвинитель вовсе не трудился над ее составлением. Он ее дословно списал с мемуара г-жи Ламир, где изложено все ее содержание. Таким образом, очевидно, что эта жалоба изложена одной только дамой Ламир: только ее мы там слышим. Послушаем же, что она там говорит:

«Что ей стало известно в четверг вечером, 24 февраля, что муниципалитет назначил тайное ночное собрание».

Муниципальные органы имеют право вести собрания, даже и ночные, всякий раз, когда они захотят, и не обязаны давать в этом отчет бывшим сеньерам. Интересы общественной службы могут потребовать созыва собраний в любое время. Но мы уже указали ранее, что собрание 24 февраля было назначено на 7 часов вечера из соображений большего удобства для членов муниципалитета.

Эпитет «тайное», который г-жа Ламир приклеила без оснований, есть, следовательно, лишь праздное выражение, вставленное для украшения стиля и для придания фразе ритма.

«Что она узнала, что три разбойника, которые уже ранее стали известны своими сугубо мятежными разговорами и заговорами, были туда допущены». Какие разбойники? Какие разговоры? Какие заговоры? Все это лишь смутные и ничего не значащие слова. Мы хотим, однако, на них ответить и даже уделить им некоторое внимание.

В сельских муниципальных собраниях, поскольку там обсуждаются только дела, интересующие всех, действуют так, как всюду, где этот принцип соблюдается: предоставляют свободный вход всем гражданам, без различия, никого не ставят у двери, чтобы спрашивать у входящих, не разбойники ли они.

В этом месте следует сделать одно важное замечание: вышесказанное уже раскрывает, что не даму Ламир надо слушать, а самого аббата Турнье. Сопоставляя эту жалобу с показаниями, которые осмелился дать сей аббат, мы ясно узнаем его стиль и его слог. Выражения «разбойники и убийцы» стали очень модными в мире, некогда считавшемся комильфо, со времени версальской истории разбойников и убийц 5 и 6 октября 1789 года и истории разбойников и убийц Бастилии 14 июля; на эти выражения не скупились ни в одном, ни в другом случае.

Третий документ для сопоставления — это рассказ о данном событии, помещенный в антипатриотическом «Mercure de France», № 12 от 19 марта сего года. Для этих трех лживых документов характерны поразительные совпадения в описании деталей, в злобности тона и даже в манере изложения. И это будет обстоятельно доказано в alibi, которое опубликуют обвиняемые, потому мы не станем дублировать здесь эту работу. Еще более удивительным будет сопоставление с показаниями всех свидетелей — слуг Давенекура; мы увидим, что там, где протей Турнье не мог говорить или писать, он все же воспроизводил сам себя, ибо первейшей его заботой было вложить свой грязный стиль во все уста прежде, чем они заговорят. Но вернемся к акту, который впредь мы будем называть жалобой Турнье *.

«Что там было решено, что мэр отправится к ней завтра утром, чтобы представить от имени коммуны самые незаконные требования в отношении ее имений; что в случае отказа набатный

---

* Итак, здесь мы видим этого негодяя, поджигателя, зачинщика так называемого мятежа, выступающего затем в качестве жалобщика; а после он оказывается не только свидетелем, но и человеком, который подсказывает всем остальным свидетелям их показания и подкупает их. Ему остается только обработать судей, но мы знаем, что он не преминет это сделать. Работницу с птичьего двора и горничную г-жи Ламир, отказавшихся давать такие же показания, какие давали другие, безжалостно прогнали. Кучера, который тоже отказался, однако, не выгнали, потому что известно, что он при деньгах и что для него увольнение было бы не таким уж большим наказанием.

звон будет сигналом, чтобы взяться за оружие, добиться силой того, что они требуют, и разграбить ее дом».

Было бы верхом нелепости и сумасшествия, если бы какой-либо муниципалитет принял подобное постановление, только безумием слепой ярости можно извинить такой гнусный вымысел.

«Что вчера утром, около восьми часов, мэр явился к ней, чтобы представить указанные требования».

Т. е. требования, указанные выше, в параграфе VII, касательно старого процесса о мельничном баналитете, касательно дорог и посадок, касательно общинных угодий, касательно чрезмерных повинностей и притеснений, внесенных в опись 1786 года, и т. д.

«Что в это же время она заметила трех человек с обнаженными саблями, ружьями и штыками, которые пытались вломиться через калитку ее дома и прицеливались в ее людей, имевших мужество стоять на виду. Что она велела мэру сказать ей, знает ли он этих трех человек; что он ей ответил, что он знает так же хорошо, как и она, что это Алексис Байи и его два сына, из коих один был в форме парижской национальной гвардии» *.

Почему забывают сказать о слухах относительно ружей, о слухах, распространенных накануне и породивших тревогу? Почему умалчивают о таком обстоятельстве, как калитка, которую заперли вслед за входом мэра, а также о посылке письма в Мондидье для вызова жандармерии, когда ничто еще не говорило ни о каком мятеже? ** Почему умалчивают о провокациях, угрозах и оскорблениях со стороны людей дамы Ламир по отношению к трем Байи, пришедшим на помощь мэру, о котором говорили, и были основания верить тому, что он в опасности? Это все доказано. Все, что утверждает составитель жалобы, не доказано. Несмотря на провокации, не доказано, что Байи целились в слуг. Если целятся, то для того, чтобы убить. Но Байи не открыли огня. Что касается утверждения о попытке взломать калитку, то в ходе следствия отказались доказать это утверждение. Если можно было выдумать столь важный факт, то можно ли верить другим утверждениям?

«Что она потребовала составления протокола об этом первом преступлении, что это ей было обещано мэром, который, однако, этого не сделал; но что он ушел, заверив ее, что он рассеет это предвестие восстания».

Скажите же, что он ушел для того, чтобы отыскать других членов муниципалитета, и вернется через час, как было договорено.

---

* Это Жан Франсуа Байи, старший сын, один из победителей Бастилии, как видно из удостоверения, которым это засвидетельствовано, и из почетной ленточки, которую он носит и в тюрьме в петлице мундира национального гвардейца.

** Сведения об этом мы получили непосредственно от того, кто доставил письмо.

«Что спустя полчаса (скажите же «час», как, по вашему указанию, показали ваш сын и другие ваши свидетели, преданные вам и подкупленные вами) он вернулся в сопровождении прокурора коммуны и всего муниципалитета, чтобы сделать ей те же представления, дабы по возможности предотвратить бурю. Что упомянутая дама Ламир им ответила: что она временно пойдет на все жертвы, которые они требуют с ее самых бесспорных владений».

Т. е. здесь дама Ламир сама признается в том, что дала ответ двусмысленный, ничего не значащий, способный ввергнуть в отчаяние всех жителей и усилить их тревожные настроения, давая им понять, что она не хочет уступить решительно ни в чем. Что она объявляет, когда говорит, что она временно пойдет на все жертвы, которые они требуют с ее бесспорных владений? Что она, стало быть, уступит перед силой, раз это необходимо... Но только временно и пока она не удосужится потребовать управы против насилия... что все, что жители единодушно считают предметом самых законных требований, на ее языке оказывается ее самыми бесспорными владениями... Подлинный преступник, истинный зачинщик волнений начинает здесь запутываться, он начинает выдавать себя своими собственными признаниями.

«Что в то же время набатный звон дал сигнал собираться, и грубость толпы должна была подкрепить требования муниципалитета; что вскоре калитка ее двора была взломана железными брусьями, за которыми ходили к некоему Кассе-старшему, одному из членов муниципалитета, о чем названная дама вторично просила составить протокол, но ей было в этом отказано».

Если надлежало составить протокол, то против дамы Ламир и всех ее окружающих. И ошибкой муниципалитета было, что они этого не сделали. Что касается вопроса о взломанной решетке, мы уже заметили, что на процессе отказались от этого обвинения, вероятно, потому что увидели, что о нем не упоминается в протоколе, составленном 27 февраля вечером одним из судей из Мондидье, прибывшим для установления взломов, которые за пятьдесят часов люди из замка свободно могли сфабриковать.

Следует заметить, что установленные взломы представляют почти незаметные повреждения, из чего можно заключить, что не сочли целесообразным взломать решетки в соответствии с жалобой, потому что ремонт в этом случае обошелся бы в немалую сумму. И, таким образом, мелочное соображение скупости портит все правдоподобие романа.

Относительно истории с набатным звоном см. стр. 48 настоящей петиции.

«Что она умоляла их остаться около нее, чтобы своим присутствием успокоить ярость мятежников; что они ей ответили, что ей надо выйти из положения своими средствами; что многие из них, видимо, разделяли ту ярость, которая ей угрожала».

Многие члены муниципалитета, видимо, разделяли эту ярость, которая вам угрожала, а вы их умоляете остаться с вами, чтобы служить вам щитом против мятежников, которых, как вы утверждали, они на вас натравили. Г-жа Ламир или Тартюф-аббат! Что-то у вас не получается.

«Что она послала своего сына навстречу толпе, чтобы объявить от его и ее имени, что она временно уступает и отдает приходу все, что тот требовал».

Могла ли такая двусмысленная речь удовлетворить толпу, выступавшую со своими требованиями в уверенности, что и другие найдут их столь же разумными, как она сама считала? Не должна ли была почувствовать толпа по обороту этой речи, что и здесь речь шла о такой конституции, против утверждения которой собираются протестовать при первом благоприятном моменте?

«Что в это время те три человека и некий Жан Мари Ако заявили, что они требуют ее голову или голову г-на аббата Турньє, обвиняемого ими в том, что он защищал интересы ее сына, который был его учеником и воспитанником, и выиграл для него два судебных дела, которые они несправедливо возбудили против него».

Это называется нагромоздить в немногих словах много галиматьи. Сын дамы Ламир, допрошенный в качестве свидетеля, показал, и все другие подкупленные свидетели тоже показали, что вопреки утверждениям жителей Давенекура, заявлявшим, будто они говорили, что хотят видеть головы агента Сюера и аббата Турнье, т. е. говорить с ними, на самом деле они говорили, что хотят получить эти две головы. В документе мы видим здесь большую перемену. В качестве второй головы, наряду с головой капеллана, выступает собственная голова г-жи Ламир. Если комментировать причины таких изменений, это завело бы нас слишком далеко.

Возникает также вопрос, почему здесь так подчеркивается тот факт, что молодой Ламир является учеником и воспитанником драгоценного Турнье?

И наконец, что значит утверждение о двух судебных делах, несправедливо возбужденных жителями? Мы видели раньше, что жители никогда никаких дел не возбуждали и что, наоборот, против них возбуждали дела. Но здесь мы находим по крайней мере некое невольное признание. Незаменимый Турнье дает здесь понять, что это его талантам обязаны выигрышем тех двух процессов, о которых он говорит.

«Что для приведения этой угрозы в исполнение толпа, с которой смешались члены муниципалитета, направилась к ее апартаментам; что тогда Пьер Демонсо, камердинер ее сына, вышел к этим бешеным, чтобы просить их не подниматься к ней с оружием; что тут же в него прицелился Батист Пуантен и выстрелом из ружья раздробил ему плечо, которое пришлось ампутировать

с опасностью для жизни; что его преследовали вплоть до кровати его хозяина, где он лежал, умирая в луже крови; что они хотели волочить его по земле; что они были грубы с лицами, прибежавшими оказать ему помощь, и приставили саблю к голове и горлу хирурга, чтобы оторвать его от их жертвы и заставить его присоединиться к их разбою».

Ни одна из наших великих трагедий не выдержит сравнения с патетичностью этого рассказа. Почему же приходится отмечать здесь столько неточностей? Почему такое смещение во времени, которое переносит смерть Демонсо к тому моменту, когда народ стал подниматься к даме Ламир, тогда как все свидетельства доказывают, что это событие имело место в самом конце сцены и после подписания соглашений с этой дамой? Почему вину за эту смерть возлагают на Батиста Пуантена, между тем как сам Демонсо обвиняет в этом младшего сына Жоржа Пуантена, имя которому Виктор? Почему допрошенный хирург в своем показании ни словом не упомянул о чудовищных насилиях, коим он, как здесь утверждают, якобы подвергался?..

«Что после этого дела взломали дверь в ее комнату; что трое Байи много раз заносили саблю над ее головой; что они пытались нанести ей удары, но, к счастью, она отразила их рукой, которая у нее еще вывихнута».

Мы уже отметили, что протокол, составленный через 50 часов после событий, говорит о нескольких мелких взломах. И мы отмечаем только сейчас, что в газете, именуемой «Mercure», говорится не о простом вывихе руки, а что даме Ламир разрезали руку от локтя до кисти и что ей не то что пытались нанести удары, а осыпали ее ударами, равно как и ее сына и дочь. Итак, мы видим, что было несколько планов, на которых предполагалось построить роман.

Но почему дама Ламир, которая обычно успевает обо всем подумать, забыла потребовать, чтобы хирург констатировал либо простой вывих руки, либо огромный рубец, идущий от локтя до кисти, и даже кровоподтеки — неизбежное следствие ударов, которыми осыпали ее, ее сына и дочь? Спрашивается, почему?

«Что ее сын, ее дочь четырнадцати лет упали к ногам ее убийц; что они раздавали им деньги; что они предлагали отдать им все, что было в доме, только бы они оставили живой их мать».

Надо во что бы то ни стало выдержать трагический тон. Между тем никто из слуг-свидетелей, ни даже г-н Ламир-сын не посмели воспроизвести в своих показаниях эту волнующую сцену — двое детей на коленях перед убийцами умоляют оставить в живых их мать. Г-н Ламир говорит как раз наоборот, что им не было причинено никакой обиды, что даже их успокаивали, когда казалось, что у них появились опасения. Он сказал также, что предложил две бочки сидра, чтобы выпить в знак радости, но что это было отклонено. Стало быть, жители Давенекура были не такими подлыми, как это ложно утверждают... Байи-старший,

один из обвиняемых, находящихся в заключении, победитель Бастилии, напомнил г-ну Ламиру в то время, когда последний давал показания, о монете в шесть франков, которую Ламир ему предлагал (в благодарность за то, что тот старательно наблюдал за соблюдением порядка возбужденной толпой).

Он ему напомнил, что он упорно отказывался принять эти деньги. Г-н Ламир хотел доказать, что он их принял, и не сумел это доказать. Вот к чему сводятся разговоры о том, что якобы предлагали взять все, что было в доме, и эта трогательная картина, рассчитанная на то, чтобы вызвать всеобщее возмущение: дети, стоя на коленях перед убийцами, умоляют их только об одном — сохранить жизнь их матери!

«Что этих несчастных жертв любви к ней отшвырнули с жесточайшей грубостью; что голова и лицо ее дочери были больно задеты кулаками убийц, которые с возрастающим бешенством сказали ей, что они требуют ее голову или голову аббата Турнье и г-на Ле Сюера, его сборщика».

Зачем заставлять нас повторяться? В своем показании г-н Ламир сказал, что вся толпа сказала ему, что ничего не будет сделано ни его матери, ни ему. Будучи затем спрошен, был ли ему причинен какой-нибудь ущерб, он ответил — нет. Он не говорил также ни о каких обидах, причиненных якобы его сестре, и нигде не видно, чтобы врачи проверили и констатировали наличие тяжелых ушибов, следы которых кулаки убийц должны были оставить на лице этой молодой особы. Остается история о головах.

Г-н Ламир, как видно из сказанного им выше, не говорит о голове своей матери, так что по крайней мере одной головой меньше. Он довольствуется головами Турнье и Сюера. Но эта сторона дела уже достаточно рассматривалась, и мы не будем повторять ранее данных объяснений относительно адского замысла, подсказавшего столь недостойное и нелепое искажение разговора о головах.

«Что она напрасно напоминала о том, как они постоянно пользовались ее благодеяниями, и о рвении, с которым она защищала их интересы в наиболее важных случаях».

Дама Ламир имела здесь, вероятно, в виду судебное дело о баналитете, дело о посадках, захват общинных угодий, захваты и притеснения со стороны г-на Сюера, фокусы аббата Турнье? ... В самом деле, все это стоило припомнить в тех обстоятельствах, которые она великодушно измышляет.

«Они упорно продолжали угрожать и, держа три обнаженные сабли над ее головой, вынудили ее подписать документ, гласивший, что она уступает свои болота, посадки и все грамоты своей старинной сеньерии.

Что упомянутый Жан Мари Ако не был удовлетворен тем, как она составила этот акт, вырванный у нее насильственно; что он потребовал, чтобы она написала его под его диктовку и подписала.

Что упомянутый Алексис Байи заставил ее тоже подписать обязательство уплатить 173 ливра, насколько она могла запомнить, в возмещение, как он говорил, за его заключение в тюрьме десять или двенадцать лет назад, по постановлению об аресте, исходившему от ее прежнего суда, за удар ножом, нанесенный им своему брату.

Что, так как боли в руке и испытанное ею волнение делали ее почерк неразборчивым, они заставили ее сына, несовершеннолетнего, написать и подписать от ее и своего имени обязательство уплатить 37 пистолей Мари Анне Ако, жене Жана Симона Дюмонтье, которая, приставив ей нож к горлу и угрожая вонзить его ей в грудь, требовала это обязательство в возмещение, как она говорила, той части издержек по процессу, проигранному коммуной против г-жи Ламир 7 или 8 лет тому назад, которую она уплатила».

Нельзя не задуматься над тем, как случилось, что, коль скоро народ Давенекура проявил столько ярости, как нам об этом рассказывают, вся эта ярость исчерпала себя в жестах и угрозах, и не осталось никаких явных следов, которые бы доказали ее реальность. Как совместить такую горячность с такой сдержанностью? Как это все эти сабли над головой, все эти ножи, приставленные к горлу, не оставили следа малейшего укола, и почему мы можем узнать об этих столь серьезных фактах только из свидетельств, сохранившихся в памяти г-жи Ламир? Как объяснить, что ее свидетели, хотя и определенным образом наученные, говорят об этом столь неопределенно? Как объяснить, что они лепечут, виляют и так противоречат сами себе в этом вопросе? Стало быть, верно, что, когда человек доказывает слишком много, он ничего не доказывает. Начав рассказ в тоне самой печальной жалобы, надо подгонять продолжение ко вступлению. И при этом не замечают, что, чем больше стараются придать правдоподобия тому, что говорят, тем более все становится неправдоподобным. Правда имеет все же в себе что-то более естественное: сопоставьте с предыдущим местом из жалобы ту часть нашего рассказа, который к этому относится, и вы увидите, какой рассказ внушает больше доверия.

Вот что мы сказали (см. выше, в разделе VIII) и что уже доказано на процессе.

«После того как народ вошел в замок, некоторые лица попытались доказать даме Ламир законность требований жителей. Ей горячо рассказывали об аббате Турнье и об его ужасных преследованиях. Она, казалось, была поражена и в то же время тронута обращенными к ней речами. Язык справедливости, правды и чистосердечия обладает неотразимым обаянием даже для тех, кто не признает власти этих добродетелей. Как будто вернувшись к ним, дама Ламир изливает свои чувства перед жителями, открывающими ей свои сердца. С той и другой стороны проливаются слезы, да, слезы (здесь ничего не добавлено для

того, чтобы приукрасить рассказ). И в этот момент сердечных излияний г-жа Ламир уполномочила своего сына формально объявить, как от своего, так и от ее имени, что они уступают во всем, что от них требуют.

В подтверждение этого она подписала акт, состоявший из двух строк, коим народ удовлетворился, потому что верил, что с ним обходятся с самой большой искренностью, потому что думал, что можно полагаться на честное слово той, которая его дает, потому что считал бы оскорблением для нее, если бы не оказал ей своего доверия.

Поскольку все возвещало начало дня восстановления справедливости и общего счастья, кто-то выдвинул предложение, что этот день должен все исправить и чтобы после этого ни у кого не было бы жалоб. Отвечая на это предложение, дама Ламир согласилась подписать в пользу многих лиц записки, в которых она обязывалась возместить различный ущерб, причиненный, как она признала, ею или ее агентами».

Продолжаем испытание этой бредовой жалобы в горниле правды:

«Что между тем, как ее комната была полна убийц, бандиты взломали двери комнат ее дома, оказавшегося полностью во власти их бешенства, и грабили от погреба до чердака все, что попадалось им под руку; они унесли все охотничьи ружья и другое оружие ее сына».

Стоит ли нам повторять, что эти мнимые взломы опровергнуты самими лакеями-свидетелями и протоколом, составленным судьей на месте спустя 50 часов после окончания событий! Стоит ли нам повторять, что малейшая тень грабежа тоже опровергается теми же показаниями свидетелей-лакеев? И нужно ли напомнить об отказе от сидра, предложенного для увеселения? Остается, стало быть, вопрос о ружьях, в котором есть доля истины. Шестнадцать ружей, которые, как тут же было проверено, были заряжены пулями, крупной дробью и шляпками от гвоздей, были, действительно, унесены и возвращены лишь через несколько дней. Они и были источником тревоги. После страшных угроз, которые пришлось слышать, нельзя было знать, не являются ли они частью какого-то более крупного целого. Их унесли в порядке предосторожности, чтобы дать гражданам некоторое чувство безопасности.

«Что после того, как разбили двери ее архива, кабинет и контору ее сборщика, которого они искали с целью убить его, они унесли с собой бумаги, облигации, векселя и все наличные деньги, какие им попались под руку».

По вопросу о взломах отсылаем к ранее данному опровержению этого утверждения.

То же по вопросу о похищении наличных, облигаций, векселей и т. д.

Что касается бумаг и деклараций для описи, то сам судебный процесс, когда он будет опубликован, подтвердит следующее место из нашего раздела VIII, которое мы заранее приводим для честных людей, чтобы они могли его сопоставить с рассматриваемым нами лживым романом:

«Она обещает пересмотреть злосчастную опись 1786 года, а также ознакомиться с закрепленными в ней наиболее вопиющими вымогательствами для того, чтобы по докладу, который ей сделают, она могла удовлетворить тех, кого они обременяют, и облегчить их положение».

«Что некий Барбье, по прозвищу Ла Фонтен, и Леон Мортье из Давенекура были во главе банды, опустошавшей ее архивы, куда они также допустили пастуха из Буссикура».

Только один из подкупленных и обученных свидетелей (некий Зефир, камердинер господина Ламира-сына) припомнил эту часть своего урока во время показания.

«Что как только ярость разбойников утомилась от всевозможных крайностей, некоторые члены муниципалитета, блуждавшие среди толпы, сказали им, что этого хватит, что надо идти отдохнуть».

Заключение это достойно предыдущих частей рассказа. Но, как мы уже указывали, надо было сделать так, чтобы все аксессуары соответствовали основному фону картины.

«Что эти события продолжались примерно от десяти часов утра до трех часов пополудни».

Не совсем так. Здесь осмеливаются лгать как насчет времени, так и об обстоятельствах. Но опубликование судебного дела даст исчерпывающий ответ по всем отдельным вопросам.

«Что вызванный отряд жандармерии прибыл и явился у входа в деревню; что отряду было приказано остановиться под угрозой истребления».

Национальным жандармам при вступлении их в деревню было объяснено, как огорчают и даже пугают население те тайные соображения, которые побудили даму Ламир вызвать их под предлогом народного мятежа в Давенекуре еще до того, как ей удалось спровоцировать этот мятеж. Им доложили обо всем, что произошло, и добавили, что, чтобы не вызывать ни у кого новых тревог, они, если им угодно, могли бы не углубляться дальше на территорию деревни, поскольку вызванное в замке волнение окончательно затихло.

«Что ей стало известно, что два конных жандарма отступили, что два других, как только стало спокойно, пошли к мэру; что она не знает, составили ли они протоколы об обстоятельствах восстания, на которое она принесла жалобу; и что муниципальные должностные лица были, видимо, очень склонны преуменьшать и приукрашивать это заранее подготовленное восстание».

Они начали с муниципальных должностных лиц; естественно, что они ими и заключают рассказ. Но где же это г-жа Ламир

видела их склонными преуменьшать и приукрашивать обстоятельства, связанные с восстанием, действительно заранее подготовленным, но подготовленным ею и ее приспешниками?

«Что угрозы возобновить опять всю эту отвратительную сцену вынудили ее совсем покинуть дом, с мебелью и ее самыми ценными вещами, без надзора швейцара и управляющего».

Угрозы! С чьей стороны? Ведь люди поверили притворным чувствам г-жи Ламир. Они поверили в видимость примирения. Ведь было обещано жить впредь в наилучшем согласии, на основе вновь заключенного пакта. И ничто уже больше, казалось, не омрачало этого счастливого дня, если не считать несчастного случая с Демонсо, который и нельзя рассматривать иначе, как несчастный случай. Кто же и почему стал бы угрожать этой даме? Но, право, устаешь отвечать на эти слишком нелепые нарекания, и, конечно, уже пора кончать.

«Что ее сын и г-н аббат Турнье спаслись бегством через лес и пахотные поля».

Эти господа отбыли так и таким путем, как они хотели, верхом на лошадях, которые, это нетрудно доказать, были преспокойно оседланы и подготовлены в замке Давенекур.

«Что она не замедлила последовать за ними теми же окольными путями».

Дама Ламир отбыла, ибо так ей было угодно, но она отбыла в своей карете, и легко представить себе, сколько труда пришлось бы приложить, чтобы провести эту карету по проселкам, через лес и пашню.

«Что ее преследовали несколько разбойников, но, полагая, что их слишком мало, они покинули свою добычу».

Какие жалкие разбойники, которые, преследуя несчастную женщину, всю в слезах, уже побежденную страхом и усталостью, покидают свою добычу, потому что считают, что их мало! Как раз подобало, чтобы последняя строка этой нелепой иеремиады была самой смешной глупостью.

XII

СОСТОЯНИЕ, В КОТОРОМ НАХОДИТСЯ УГОЛОВНОЕ ДЕЛО ПОСЛЕ ЖАЛОБЫ И СУДЕБНОГО СЛЕДСТВИЯ

К чему же сводятся обвинения дамы Ламир? ...К тому, что она одна оказывается виновной в самом тяжелом и неслыханном преступлении. Эта коварная и отвратительная женщина делает в малом масштабе то, что другой человек, более могущественный, чем она, недавно пытался учинить в большом масштабе. И сколько нужно привести примеров, чтобы не сомневались больше в том, что существует тайный план, согласованный между всеми бывшими дворянами, в котором предусмотрено, что каждый из них будет способствовать по мере своих сил и в соответствии с обстоятельствами разгрому бывшего третьего со-

словия, которое вздумало теперь восстать против преследований и презрения со стороны тех, кто полагает себя рожденными для того, чтобы преследовать и презирать? Что станет с родиной, если, как мы видим все чаще, бывшие сеньеры, каждый со своей стороны, будут действовать подобным образом? Ведь нет ни одной сельской коммуны, в которой не скрывался бы один из этих врагов общества. Надо быть осторожным. Это очень скоро может привести к подрыву государства!!!

Закончим описание наиболее пагубных последствий этого страшного дела.

Кто мог бы поверить, что один из членов суда Мондидье, прибывший 27 февраля, чтобы принять показания больного Демонсо и чтобы констатировать так называемые взломы, вынес в 10 часов вечера в собственном доме дамы Ламир следующее постановление.

«На основании заключений государственного обвинителя (от вчерашнего дня, сказано там) предписываем мэру и муниципальным должностным лицам Давенекура передать в течение 24 часов с момента извещения о сем в секретариат суда вместе с бумагами и описаниями фьефов дамы Ламир те наличные деньги, которые могли быть им сданы. Ставим имения дамы Ламир под охрану муниципалитета Давенекура, напоминая мэру и другим должностным лицам, что по закону они несут ответственность за все преступления, которые они могли предотвратить или помешать их осуществлению. Учинено в Давенекуре, в бывшем местном замке, ввиду невозможности устроиться в другом месте вследствие опасности, вытекавшей из того, что большая часть жителей названного места находилась в состоянии восстания, и необходимости пребывания в помещении, способном вместить вместе с нами наших помощников и 18 человек из линейных войск».

Таким образом, это постановление содержит в себе три предварительных решения, неблагоприятные для коммуны Давенекур.

Во-первых, оно предполагает, что деньги дамы Ламир были взяты и переданы муниципалитету Давенекура.

Во-вторых, что уже есть уверенность в наличии преступлений и что надлежит заранее предположить, что члены муниципалитета могли бы предотвратить или остановить эти преступления; в связи с чем имения дамы Ламир ставятся под их охрану.

В-третьих, что местные жители будто бы были способны предаться крайностям против юстиции, ибо большинство находилось в мятежном состоянии, что служит судье оправданием того, что он вынес свое постановление, находясь в доме обвиняющей стороны.

Но сие последнее обвинение связано с причинами, которые нелегко, по-видимому, объяснить. Жители никогда не были в состоянии мятежа в точном смысле этого слова. А судья заявляет,

что они в большинстве были в таком состоянии еще 27 февраля в 10 (десять) часов вечера. Был ли он введен в заблуждение? Или это только следствие страха, внушенного ему мрачным и вкрадчиво устрашающим рассказом окружающих и соучастников заговора Ламиров? В таком случае крайне достойно сожаления, что, оттого что один человек был обманут, целая коммуна оказывается запятнанной позорящим подозрением, последствия которого могут быть самыми пагубными...

Здесь, вероятно, будет нелишне объяснить, каким образом судья-следователь был обманут на этот счет. В деревне люди, как правило, очень любопытны. Взволнованные несчастным случаем с Демонсо, катастрофическими распоряжениями дамы Ламир, совершенно противоположными тем намерениям, которые она раньше притворно выражала, люди, увидев большое число судейских, встали в дверях своих домов молча и в тревожном настроении; некоторые соседи стали ходить один к другому, чтобы поделиться своим удивлением по поводу этого неожиданного наезда, мотивы которого неизвестны. Г-н судья, которого напугали всякими ужасами, сопоставляет эти движения и это волнение с тем, что ему говорили. Он принимает это за продолжение мнимого восстания. Все окружающие укрепляют это его представление. И вот откуда родилось злосчастное постановление.

Мы говорим злосчастное постановление, потому что от него могут пойти самые неприятные последствия в силу следующего обстоятельства.

Дама Ламир в результате неведомо какой новой интриги опять в добрых отношениях с новым министром юстиции, господином Дюпором, ранее дю Тертром. Ей удалось, войдя к нему в доверие, заставить его поверить в истинность ее трагедии. Так как этот министр юстиции затребовал к себе копию всего делопроизводства, мы ставим следующий вопрос: не могло ли постановление от 27 февраля, которое он увидел с самого начала, утвердить его во мнении, что гнусный роман Ламир — не есть роман.

И вот — о, милосердный боже! — перед нами уже доказательства того, что это постановление, вызвавшее у нас столь печальные предчувствия, действительно привело к таким злополучным последствиям. Глава юстиции написал в апреле этого года королевскому комиссару суда Мондидье письмо, в котором высказывается в строгом и негодующем тоне об эксцессах, учиненных в Давенекуре 25 февраля. Он напоминает о декрете Национального собрания от 10 августа 1789 года, коим это собрание оставляет за собой рассмотрение судебных дел, проведенных против виновников возбуждения ложной тревоги и зачинщиков грабежей и насилий над имуществами или личностями. Г-н Дюпор относит процесс по делу Давенекура к этому разряду дел и поэтому запрещает суду дистрикта Мондидье выносить по нему решение; но оставляет ему только задачу проведения следствия,

поручая ему отсылать по мере хода следствия акты этого следствия до полного его окончания.

Применение декрета от 10 августа 1789 года к делу Давенекур — либо ошибка, либо хитрость; но та и другая одинаково немыслимы. Декрет 10 августа был издан в связи с определенными обстоятельствами, в период начала революции, для подавления лиц, вызывающих ложную тревогу, а также зачинщиков и соучастников грабежей и насилий, участвовавшихся тогда по наущению бывших дворян и врагов родины. События 25 февраля, т. е. совершенная дамой Ламир попытка поднять восстание в Давенекуре, не имеет ни малейшего отношения к этому закону, который, кроме того, потерял силу.

10 августа Национальное собрание объединяло в своих руках все виды власти. Впоследствии оно делегировало их. С того момента, как оно организовало юстицию, оно не сохранило в своих руках никакой части судебной власти. Суды облечены властью выносить решения по всем делам, и сам законодательный корпус не может уже нарушить установленный порядок.

Да и какова была бы судьба обвиняемых? Какова была бы судьба коммуны Давенекур (столь прискорбным образом впутанной в это дело), если она была бы вынуждена ждать решения законодательного корпуса при таких обстоятельствах, когда общие интересы, по-видимому, надолго поглотят все его внимание? Но ведь это г-н министр юстиции хочет изучить дело? Но тогда это уже не Национальное собрание, и нельзя уже пользоваться как предлогом декретом от 10 августа. Говорят, что это, может быть, делается для того, чтобы передать дело в орлеанский суд... Не хотят ли рассматривать события 25 февраля в Давенекуре как государственное преступление? ... Конечно, это, может быть, и правильно. Каждый, кто пытается погубить народ или часть народа, совершает самое тяжелое преступление против истинного суверена. Он, безусловно, государственный преступник.

Неподкупный Дюпор! Вы, чей голос публично славил патриотизм и добродетели! ... Что скажете вы, человек с открытой и беспристрастной душой, когда эта бумага предстанет пред вашими взорами? Признаете ли вы, что, удалясь от фактов и правды, сама мудрость может стать данницей заблуждения и служить коварству и хитрости, полагая, что строжайшим образом выполняет свои обязанности? ... О, несчастная судьба человека! Неужто гражданин Дюпор обречен мстить за аристократию, полагая, что служит законам? Неужто он подаст руку помощи заговорщикам в одной из тысяч мелких засад, связанных с широко задуманным заговором, участники которого действуют непрерывно, повсеместно и под всякого рода масками? Нет, министр правосудия не будет орудием несправедливости. Он разберется в том, кто истинные виновники. Он будет служить законам. Он будет служить родине. Он увенчает невинность, и

одновременно порок тоже получит должное и подобающее возмездие.

Бросим последний взгляд на следственные акты этого удивительного судопроизводства.

Поскольку вы занялись изучением этого рокового дела, мы возвращаемся к вам, честный и добродетельный Дюпор! ... Что вы подумали, увидя, что в этом чудовищном судебном производстве в качестве свидетелей фигурирует только презренная челядь дома Ламир? ... Но сколь глубже ваше честное сердце было бы возмущено, если бы вы узнали, что те из числа прислуги, кто остался верен чувствам совести и чести; кто отказался принять участие в адском заговоре; кто, наконец, не захотел давать показаний об ужасах, которых они никак не могли видеть своими глазами и которые были грубо измышлены, — что эти люди были тут же изгнаны из этого вертепа преступлений? ... Они, конечно, на этом выиграли, ибо как тяжело дается честному человеку хлеб, заработанный с ущербом для своей совести в подобном притоне. О, гнусность! О, коварство! О, мерзость!!!

А что еще испытала бы ваша сострадательная душа, министр-гражданин, если бы вам довелось прочесть следующие рассказы, которые, несомненно, будут для вас мучительны.

Житель Давенекура Жан Байе, по прозвищу Жанно Буше, узнает, что один или два из свидетелей, продавшихся заговорщикам Ламирам, выдвинули против него обвинения, которые мог внушить только ад и его приспешники. Он потрясен и теряет голову; он бросается в колодец ... и оставляет погруженных в скорбь и в нужду несчастную жену и пятерых малых детей, которые питались исключительно плодами его неустанных трудов!!!

Супруга одного из обвиняемых, взятых под стражу, Жана Франсуа Байи — сына победителя Бастилии, получает весть о несчастии, постигшем ее мужа. Она заболевает и три дня спустя умирает. Байи в тюрьме вскоре узнает об этом. Он не знает, какое из обрушившихся на него несчастий раньше оплакивать. Он совершенно подавлен. Испытанное потрясение подрывает его здоровье, и несчастный чахнет с каждым днем на глазах у всех.

Эти ужасные беды побудили жителей Давенекура совершить весьма невинный поступок, но злоба, вечно рычащая, вечно жаждущая крови, вечно во власти безумного бешенства, всегда алчущая изгнаний и смерти, не преминула изобразить этот поступок ядовитыми красками и приписала людям, которые его совершили, самые преступные мотивы.

В воскресенье, 11 мая, жители Давенекура, удрученные глубокой скорбью после бедствий, о которых рассказано выше, направились, в числе более ста человек, к судьям в Мондидье, чтобы засвидетельствовать перед ними всеобщую скорбь, вызванную последствиями злополучного процесса. Являясь в столь большом числе, они ставили себе целью дать суду трогательное

зрелище, которое сделало бы их более милостивыми в отношении столь многих бедняг, объединенных общим горем. Их просьба заключалась в том, чтобы суд соблаговолил ускорить ход следствия.

В порядке предосторожности, прежде чем войти в город, они все оставили свои палки на постоялом дворе на окраине. Однако неизвестно какой зловредный человек раззвонил, будто эта многочисленная депутация имела тайное намерение разбить тюрьму и открыть ее двери заключенным. После чего все плоды этого демарша свелись к тому, что они оказались заключенными в самые глубокие подземные карцеры и получили вместе со всеми другими обвиняемыми, т. е. со всей коммуной Давенекур (ибо речь идет о преступлении всех людей этой местности, и, с другой стороны, каждая семья находится в кровной связи с кем-нибудь из обвиняемых), получили, говорим мы, в понедельник, 19 мая, следующее постановление:

«Суд, рассмотрев уголовное дело следующих лиц:

Алексиса Байи, прозванного Ла Жиберн,

Элизабет Баурмец, его жены,

Жана Франсуа Байи, их старшего сына (победителя Бастилии),

Пьера Франсуа Байи, их младшего сына,

арестованных и заключенных по постановлению суда;

Жана Батиста Пуантена,

Жана Мари Ако,

подлежащих аресту по постановлению суда, не явившихся;

Мари Анн Ако,

Жоржа Пуантена,

Грегуара Буассара,

Леона Мортье,

Пьера Ако,

Фирмена Ако,

Франсуа Барбье, прозванного Ла Фонтен,

все из Давенекура,

И Франсуа Бланке, пастуха из Буссикура;

относительно которых постановлено: одних вызвать в суд, других вызвать для дачи показаний.

Приказывает свидетелям, допрошенным на следствии, а равно тем, кто будет допрошен, зачитать их показания и, ежели есть в том надобность, устроить им очную ставку с обвиняемыми; равным образом вышеупомянутым обвиняемым зачитать протоколы их допросов, и ежели есть в том надобность, то устроить им очную ставку друг с другом. Полагая правильно проведенным заочное следствие по обвинению Жана Батиста Пуантена и Жана Мари Ако, отмечая их неявку на суд, постановляет в отношении последних, что зачтение показаний равносильно очной ставке, дабы после того, как эти показания будут оглашены и доведены до сведения государственного обвинителя, дело было

рассмотрено, как подобает. А что касается Мартена Портемона и Онеста Массона, стороны будут выслушаны на судебном заседании».

Таково сейчас (в июле 1791 года) положение дел после того, как закончено чтение показаний и очные ставки, и после того, как, вопреки злобе подкупленных свидетелей и свидетелей-лакеев, вопреки коварным ходам коалиции Ламир, вопреки их неутомимой ярости, вопреки огню их свирепой клеветы, всегда поддерживаемому, всегда питаемому, невинность сияет, преступление разоблачается, и ясно видно, где был и что делал каждый во время событий 25 февраля. Благодаря рвению и бесстрашию двух защитников обвиняемых (Ф. Н. К. Бабеф — для четырех заключенных, и Кузен, мэр Мондидье, — для остальных) можно было убедиться в том, что подкупленный или развращенный человек, жаждущий крови своих противников, легко может единожды солгать, но ему не так-то просто будет поддерживать свою выдумку в ходе споров и обсуждений, когда речь неизбежно зайдет о многочисленных и сложных подробностях. Лжесвидетели, довольно хорошо согласовавшие свои показания, на очных ставках все впадали в противоречия, запутывались, ошибались, опровергали сами себя. Они лепетали, изворачивались, колебались, выкладывали новую ложь, чтобы поддержать предыдущую. Если по какому-нибудь вопросу их допрашивали подробнее, они смущались, отвечая, и нетрудно было заметить, что они имели указание в подобных случаях отвечать, хотя бы какой-нибудь глупостью ... или притворяться, что не понимают задаваемых им вопросов. Из всего этого следует заключить, что нет больше доказанных обвинений после очных ставок с подкупленными свидетелями и со слугами, ибо свидетели защиты еще не были выслушаны. Ожидается, что их показания не только покажут невиновность обвиняемых — для общественного мнения это уже давно доказано. Но существует уверенность в том, что они окончательно разоблачат всю подлость истинных виновников и навлекут на их головы справедливую кару, которую они заслужили.

Да, дама Ламир! Пришла, наконец, пора, когда меч закона может быть занесен над вами так же, как над всяким другим преступником, как над всяким другим опасным врагом общества. Ни ранг, ни влияние, ни протекция, ни деньги не помогут вам больше. Время безнаказанности прошло; и как раз сейчас его возвращение менее возможно, чем когда-либо. Пусть первые успехи не кружат вам голову; за вами будут следить и вас будут преследовать на всех окольных путях и во всех убежищах, где вы захотите искать спасения. Слишком долго вы и вам подобные вводили людей в заблуждение тем фальшивым блеском ложного величия, который позволял вам учинять преступления. Теперь, наконец, уничтожен этот старый талисман, который их спасал и придавал им опасную обманчивую окраску, скрывавшую их гнусность.

Вы совершили самое ужасное из преступлений, вы задумали погубить целую коммуну, в лоне которой вы жили; вы расставили ей ловушки, в которые она, к счастью, не попала; и вы ее, однако, обвинили, как если бы она туда бросилась, как если бы она сама подготовила, расположила, приводила в движение все гнусные пружины. Вы уже расплачиваетесь за этот ужасающий грех тем, что в местности, в которой все могли бы благословлять ваше имя, оно вызывает теперь чувство отвращения, возбуждаемое именем человека, повинного в совершении огромного злодеяния.

В чем заключается ваше заблуждение? Почему в вас так сильны старые предрассудки, ведь вы еще намереваетесь увеличить ваше могущество, приобретая новые имения * в этой местности, скажем больше, во всем этом крае, где имя Ламир покрыто позором, где оно навеки запечатлено самым ярким клеймом? Это — смехотворный результат ослепления бывшего дворянства! Разве вы не видите, что закон, отменяющий прерогативу первородства, будет иметь следствием, чтó бы вы ни делали, низведение вашего потомства к общему уровню?

Неужели вы не видите, дама Ламир, что даже если вызывающая всеобщую ненависть память о вас не будет, во веки веков, препятствием к тому, чтобы для всех ваших потомков стала возможной жизнь в Давенекуре, разве вы не видите, что этот дворец, это великолепно воздвигнутое нагромождение камней, в котором вы построили столько алтарей во славу надменности, будет иметь точно ту же судьбу, что Сион и Иерусалим, что от него не останется камня на камне? Это осуществится еще при нынешнем поколении, и ваши внуки будут более чем счастливы трудиться с сохой и с плугом, которых их предки никогда не должны были бы презирать. Они будут считать для себя большой честью соединять свои судьбы с добродетельными дочерями наших земледельцев, этих добрых сельских хозяев, из поколения в поколение никогда не покидавших своего достойного, полезного, уважаемого занятия. Тогда память о бывших дворянах станет предметом глубочайшего презрения и ненависти. Представление о них будет неразрывно связано с воспоминанием о причиненных ими в прошлом бедствиях. Это сочинение и другие подобные будут перечитываться и убеждать новые поколения в том, что эти бедствия отнюдь не химеры. И потомки прежних обитателей замка будут больше заботиться о сокрытии своего

* Дама Ламир недавно приобрела в Давенекуре все национальное имущество, оставшееся от прежнего приората. Это имение было распределено между многочисленными фермерами, которые подали заявление о его приобретении и очень хотела его приобрести. Дама Ламир и тут нашла случай противопоставить себя части жителей Давенекура. Она не постеснялась заплатить за это имение в полтора раза дороже, пожертвовав на это 50 000 франков. Это доказывает, что ничего не жаль, если речь идет об удовлетворении определенной страсти.

дворянского происхождения, нежели их предки заботились о том, чтобы отнести свое происхождение возможно дальше в мрак прошлых веков...

Если бы дама Ламир сама пришла к этим пророческим размышлениям, если бы, рассматривая все, что произошло, она могла заметить и прочесть в ходе событий то, что вскоре неминуемо будет, она, конечно, не дала бы себя так глубоко ввести в заблуждение. И, быть может, она не поставила бы себя в положение, когда неизбежно искупление, самое болезненное для человеческого существа, еще не полностью утратившего способность физически и морально чувствовать!

Подписали: Бло, мэр; Кассе, Ф. Ако, Феликс Кордье, Ватле, члены муниципалитета; Луи Ако, Жан Франсуа Ассон, Карлье, Г. Буассар, Антуан Кабай, Барбье, Лабес, П. Энон, нотабли; Ако, заседатель; Ш. А. Дюбуа, Северен Крессан, Жорж Пуантен, Пьер Ако, Жан Б. Ваб, Ж. С. Дюмонтье, Мартен Иар, Шарль Бонэ, Франсуа Бассе, Леон Мортье, Кордье, Жан Б. Барре, Поль Дюрье, Деларю, Адриен Ако, Дюбуа, Франсуа Лефевр, Пьер Парвийе, Жан Франсуа Кородье, Антуан Сегар, Себастьен Дамэ, С. М. Ламбер, Массон-сын, Конт, Пьер Ако, Бийо, Годфруа, Ж. Парвиль, Жан Франсуа Сегар, Жан Симон Делори, Ламбер, Луи Сегар, Жан Клод Энон, Жан Дамэ, Мартен Энон, П. Карлье, Антуан Карлье, Антуан Сегар, Буше, Жан Франсуа Пуантен, Жозеф Формо, Жан Лефевр, Пьер Кантен Карлье, Жан Сегар, Жак Портемон, Н. Дефолуа, Гамбар, Андре Кордье, Пьер Луар, Кассе, землемер; П. Массон, прокурор коммуны; Буатель, секретарь-архивист.

ПИСЬМО ЖЕНЕ

23 июня 1791 г.

Я располагаю временем быстренько написать тебе только два слова, мой милый друг. Я не буду на праздниках, потому что еще предстоит допрос свидетелей в воскресенье или понедельник[20]. В один из ближайших дней я вырвусь и добегу до Руа, чтобы тут же вернуться. Я съел пряник моего маленького мальчика с величайшим удовольствием, скажи ему, что я его очень благодарю. Целую всех детишек, а также и мать.

Бабеф

О НЕОБХОДИМОСТИ ВВЕДЕНИЯ ВО ФРАНЦИИ РЕСПУБЛИКАНСКОГО СТРОЯ[21]

Республиканцы, а их много, заявляют, что старые предрассудки, такие бесконечно глупые слова, как трон, корона и монархия, отныне представляют лишь пустой звук, опасный призрак, который станет, если дать ему продолжать существование, знаком объединения для всех изменников, для всех недовольных,

для всех заговорщиков. Они говорят, что мы являемся фактически республикой и что пришел благоприятный момент для того, чтобы произнести это прекрасное слово и дать знать нации, что таково ее государственное устройство.

Мы достаточно мудры, достаточно просвещены, достаточно едины, достаточно сильны, чтобы повиноваться только закону, принятому представителями суверенного народа. Национальное собрание должно быть центром, вокруг которого будут обращаться все силы и стремления государства. Исполнительная власть должна быть независимой от законодательной, если ее вручают главе и исполнительному совету пожизненно или на определенный срок.

Необходимость народной санкции на заседании 29 июня, где стоял вопрос о созыве федерации всех муниципалитетов.

ПИСЬМО Ж. Б. МАССЬЁ, ЕПИСКОПУ ДЕПАРТАМЕНТА УАЗА [22]

27 июля 1791 г.

Я прочитал, Ж. Б. Массьё, Ваше письмо от 25 июля, адресованное редактору газеты департамента Уаза, в котором Вы излагаете мотивы, приведшие Вас к решению вступить в партию клуба Фейянов, дезертировавшего из клуба Якобинцев.

Я отвечаю на это письмо, потому что клубные ссоры в наше время имеют немалое влияние на большие общественные дела. И еще потому, что, хотя похвальное начало, первые достаточно твердые шаги на епископском поприще дали высказываемым Вами мнениям известный вес, вызывающий, до всякого их рассмотрения, доверие, то все же лучше предостеречь Вашу паству от такого слепого доверия, чем предоставить им выслушивать ошибочные суждения, которые то ли по недостаточности размышления, то ли намеренно у Вас вырвались.

Ваше письмо, Ж. Б. Массьё, делится на несколько важных пунктов; каждый из них представляется мне заслуживающим отдельного рассмотрения.

Для начала Вы сообщаете нам, что «причиной того, что Вашего имени сначала не было в списке фейянов, был Ваш отъезд из Парижа на следующий день после принятия декрета о фактах, относящихся к отъезду короля, в связи с Вашей поездкой в Санлис, Нуайон и Компьен, куда Вас призывали Ваши пастырские обязанности». Сказать ли Вам, Ж. Б. Массьё, что это столь подчеркнутое презрение к одним и столь же подчеркнутое предпочтение в отношении других, эти своего рода извинения перед фейянами, которых Вы отнюдь не оскорбили и которые могли бы быть вполне удовлетворены, если бы, по Вашем возвращении в Париж, Вы пошли занять место под их знаменами, — все это показалось вначале несколько странным, и подлинные патриоты выразили удивление, видя, что Вы таким обра-

вом покидаете Робеспьеров[23] и Петионов[24], аббата Грегуара[25] и Бюзо[26] и сближаетесь с Малуэ, Шапелье, Лианкуром, Дандре[27] и т. д.

На следующий день после моего возвращения в Париж, пишете Вы сначала (Конституционный епископ! Эта манера говорить: «Я потребовал отчета, я хотел бы услышать», — это какой-то наставительный тон, не соответствующий тону Вашего первого послания, которое понравилось и в котором бывший священник из Сержи сохранял любезную манеру, подобающую всем сословиям). Что касается Ваших всегдашних принципов, заключающихся, как Вы говорите, в верности конституции такой, какой она декретирована, то критики находят в этом исповедании веры вполне определенное признание того, что многочисленные злоупотребления, препятствующие правильному действию хороших законов, Вас лично не стесняют, что эти злоупотребления соответствуют Вашим всегдашним принципам и что Вы, вероятно, голосовали за них; что, наконец, верный Вашей присяге, Вы приложите усилия к сохранению и увековечению этих злоупотреблений и что именно ради этого Вы не поколебались пойти к фейянам, которые тоже присягнули способствовать сохранению конституции такой, какой она декретирована; и что Вы покинули зал якобинцев, где была принята благородная и подлинно патриотическая резолюция постоянно обсуждать реформы, диктуемые разумом и философией, для усовершенствования этой прекрасной конституции и для полного согласования всех ее частей с теми возвышенными основаниями, на коих она покоится.

Я бы никогда не стал голосовать, продолжаете Вы. . .* которые она за собой влечет. Как это Вы можете, Ж. Б. Массьё, с таким умным видом нагромождать такую несуразицу? Во-первых, г-н Салль[28] и комитеты — это нечто единое. Проект комитетов и проект г-на Салля (который он любезно прочитал нам отдельно) не противоречили друг другу. Вам не нравится «республика двадцати пяти миллионов человек»? Почему же, если Вам докажут, что только такое правление может дать счастье самому большому числу людей? Но скажите, чтó Вы разумеете под «ответственной властью и неприкосновенным главой государства, таким, чтобы его пороки и добродетели не могли причинить ущерба нашей свободе»? Ведь и аббат Сиейес рассыпался перед нами в этих метафизических абстракциях, в которых простой народ и я мало что понимаем и только иногда, случайно, кажется, различаем некоторые противоречия, как если бы кто вздумал говорить об «ответственной власти с неприкосновенным главой, чьи пороки и добродетели не могут причинить ущерба нашей свободе».

«Впрочем, изданный декрет. . .* еще следует. . .» Ж. Б. Массьё, вот мой комментарий! Вы, наверное, хотели сказать: Пусть ваши

* *Отточие в оригинале.*

законодатели вас заковывают в цепи, пусть они подвергают вас страданиям голода, жажды, порабощения, пусть они вас всячески грабят, пусть они приказывают зарезать вас, если вы осмелились жаловаться, — все равно вы должны подчиняться, суверен должен уважать ужасный закон, принятый делегатами, которым он поручил вырабатывать только правильные и справедливые законы. А между тем я читал в Декларации прав человека, что одно из его прав — это право сопротивляться угнетению.

«Между тем остающиеся якобинцы (остающиеся якобинцы, по-моему, выражение, столь же ничего не значащее, сколь выражающее презрение, скрывающее пристрастность!) во что бы то ни стало хотели, чтобы короля судили и лишили престола (если бы это так и было, то не означало ли бы это, Ж. Б. Массьё, практическое осуществление Вашей теории ответственной власти?) и не было ... такого преступления...*»

Простите, пастырь, наблюдающий за законами! Законы справедливости, естественного разума, общественного блага испокон веков начертаны в сердцах людей. Как было поступлено с первым убийцей, когда еще не было писаных законов? Что же, Вы не читали Книгу бытия? Разве бог, которого, полагаю, можно цитировать нашим законодателям, бог, покаравший Каина за братоубийство, дал ему предварительно писаный закон?

«Принятый декрет ... упорный...*» и Вы тоже, национальный прелат! Вы приходите клеветать на Петиона и на всех, кто вместе с ним сохраняет верность принципам во всей их чистоте? Но где у Вас доказательства их «отказа повиноваться декрету», как доказываете Вы «их упорное сопротивление», и чем они способствовали тому, что Вы называете «беспорядками на Марсовом поле»? Почему Вы говорите о беспорядках? ...О, не скрывайте истинного названия, скажите «резня»! Теперь уже люди знают, в чем дело. Подобает ли служителю неба оправдывать предателей? Неужто он думает, будто людям неизвестно, что несчастья Марсова поля являются победой коварной клики Антониев, а благородные Бруты там погибли...* Но опустим занавес над этими ужасами.

«Я отнюдь не... или умирать...*» Это уже чересчур! Жрец всевышнего! Вы хотите обмануть нас относительно общепринятых понятий. Мы знаем, кто единственные подлинные защитники прав народа! Они не находятся в той клике, к которой Вы присоединились. Они не возглашают тот священный клич, о котором Вы напоминаете столь некстати.

---

* *Отточие в оригинале.*

ПИСЬМО Ж. М. КУПЕ [29]

Руа, 20 августа 1791 г.

Милостивый государь и брат во граде!

Я ношу в своем сердце большую тайну и испытываю потребность доверить ее Вам. Поверите ли, что я, чувствующий себя не на месте в обществе большинства людей этого века, чувствую себя очень хорошо, когда я с Вами! Самыми приятными моментами моей жизни были те, когда взаимные излияния наших душ показали мне, что мы оба одинаково воодушевлены пылким человеколюбием. Доверие, проявленное Вами ко мне в ответ на мое доверие к вам, это, несомненно, такое чувство, которое всегда возникает между честными душами, встречающими и узнающими друг друга... Поэтому у меня появилось желание написать Вам, и я смею надеяться, что это письмо не будет последним, которое Вы разрешите мне направить Вам...

...Чувство, внушаемое мне Вами, которое мне кажется взаимным, не имеет своим источником ни одной из тех побудительных причин, которые в большинстве случаев склоняют людей связаться чисто внешней дружбой. Всегда ими движет какой-то скрытый личный интерес. Нет, нас занимают только интересы других людей, и они заставляют нас забывать обо всем, касающемся нас, одних только нас. Мы обладаем этой столь редкой добродетелью спартанцев, добродетелью Дециев, Катонов, в основе которой есть, пожалуй, также и некий присущий нашей натуре недостаток, — я имею в виду гордость, своего рода внутреннее тщеславие, убеждающее нас в том, что мы лучше многих наших братьев, и мы находим удовлетворение в мысли, что для вящего блага человечества мы должны были бы быть призваны управлять им.

Это, может быть, большая ошибка. Эта страсть к общественному благу, быть может, питается только иллюзиями, но я буду всегда считать, что это нечто самое похвальное на этом свете, ибо очевидно, что без подобной страсти люди никогда не совершали бы добра.

Вот, мой брат и гражданин, мысли, которые, мне кажется, я Вам уже высказывал, хотя не так ясно, в ходе многих наших бесед. Это рассуждение о нравственной основе моих убеждений имеет отношение к главной цели этого письма и, естественно, должно предшествовать размышлениям о тех способах, которыми мы оба могли бы удовлетворить наше стремление принести значительную пользу общему делу.

Опубликован декрет о предстоящих выборах в Законодательное собрание, они скоро состоятся. К счастью, антипатриотический декрет о марке серебром уничтожен [30], к глубокому удовлетворению всех истинных патриотов... Теперь мы почти совсем свободны и стали равными в правах. Эта мысль меня чарует и воодушевляет. Я говорю себе, что, стало быть, хоть и без богат-

ства, я тоже могу быть призван моими согражданами к сотрудничеству в деле выработки законов, которые они считают нужными для обеспечения их благоденствия. Для того чтобы они мне доверили эту работу, мне достаточно отныне только убедить их в наличии у меня доброй воли служить им в качестве их верного представителя.

Я признаюсь Вам со всей искренностью, ибо между нами искренность всегда будет уместна, что мои самые заветные желания были бы исполнены, если бы я достиг того выдающегося поста, на котором можно с надеждой на успех выступать в защиту великого дела всего человечества. О, брат мой, если бы мои сограждане знали, сколько самоотверженности в этом желании, если бы они могли знать, с какими чистыми намерениями, с какой горячей преданностью я стал бы защитником общих прав и полной свободы, той единственной, что не является ложью! Если бы им дано было понять, на какие усилия я способен для того, чтобы мое рвение могло восполнить во мне таланты, если бы можно было сделать так, чтобы они прочитали в моей душе все то, что я задумал бы для их счастья, о! тогда я обрел бы их голоса. Но я не закрываю глаза на то, что многие люди, которых мои первые усилия возбудили против меня, легко заглушат голоса нескольких искренних и беспристрастных людей, оставшихся моими друзьями, и моя добрая воля останется бесплодной.

Неужели мое желание выполнять миссию представителя нации, которая мне представляется самой завидной, порождено честолюбием, тщеславием или корыстолюбием? Нет, не честолюбив, не тщеславен и не жаден тот, кто, будучи отцом семейства, обрекает себя на все лишения, кто отказывается от использования оказий, самых выгодных для него и его близких, кто живет, так сказать, отшельником, чтобы лучше соблюдать республиканские добродетели, кто не страшится застенков и всех яростных преследований только ради возможности остаться верным самому себе; тот, наконец, кто презирает всякие должности, всякие посты, не согласующиеся с целью, которой надо достигнуть, — уничтожением злоупотреблений; тот, кто знает, что он является предметом насмешек глупцов и развратных людей, считающих безумием подобное, столь малообычное поведение; тот, кто ни перед кем не выставляет напоказ своего поведения и никогда до сего дня не хвалил себя за него, но позволил себе это лишь перед Вами, мой брат, и в излияниях дружбы.

Ну да, я хочу стать борцом народа; что же это, просто самомнение с моей стороны или обманчивое действие воображения, пораженного представлением о каких-то высших способностях и обладании совокупностью средств, достаточно мощных, чтобы обеспечить правому делу самые блестящие победы?

Обычно человек не очень страдает самомнением, если он не совсем невежда. Но опять-таки признаюсь Вам: при нашей преобладающей страсти, страсти делать добро, есть в нас также кое-

что от доброго мнения о самих себе, побуждающего нас верить, что при соответствующем положении мы были бы в силах обеспечить народу победу. Не то чтобы я имел глупость думать, что на этом большом театре, где так много действующих лиц будут прикрываться ролью и маской, где так мало людей окажутся вооруженными только честностью и чувством безоговорочной справедливости, я не встречу множество талантливых людей и не буду столь смешон, чтобы не признать их превосходства. Я знаю, что в новом собрании не будет недостатка в блестящих ораторах, в более или менее искусных импровизаторах; будут и логики, тонко владеющие софизмами, и адвокаты, опытные в искусство выступать за и против.

Но что́ еще будет редкостью, так по крайней мере я думаю, это твердые и устойчивые головы, проникнутые всей силой великих принципов, умы методические и тактические. Методические, т. е. способные охватить во всей широте совокупность хорошего плана конституции и следовать этому плану во всех пунктах, не допуская искажения ни его облика, ни его существа посредством умышленно предложенных коварных изменений. Тактические, т. е. способные обойти любые препятствия и ловкими ходами срывать происки партии беззакония, избежать засад и ловушек, одним словом, противопоставить своевременно и зорко одну тактику другой.

Чего бы я хотел от этого собрания, это чтобы защитники народа обладали более глубоким знанием его страданий и нужд, большей решимостью применить ко всем этим болезням единственное эффективное лекарство, большей сердечностью и стремлением энергично и настойчиво добиваться уничтожения нищеты и невежества и чтобы поменьше у них было этой сухой жесткости Робеспьеров и Петионов [31]. Ибо Петионы и Робеспьеры, с их педантической непреклонностью, ставшей у них как бы торжественной привычкой, отнюдь не настояли на том, что является важнейшим следствием, естественно вытекающим из принципа равенства прав: всем равное образование и обеспеченное пропитание. Такое постановление, будучи введено в конституцию, было бы величайшим благодеянием, оно сделало бы ее неприкосновенной. Когда огромные излишки, принадлежащие сейчас богатому меньшинству, будут распределены ...* среди множества нуждающихся в необходимом, то не может быть, чтобы те, кто ныне наименее зажиточен, не почувствовали облегчения своей судьбы благодаря той частице, которая придется на их долю. Все страждущие, все терпящие крайнюю нужду почувствуют улучшение своего положения благодаря такому неотложному и справедливому распределению.

Но раз конституция гарантирует всем жизнь физическую и жизнь моральную, кто осмелится посягнуть на нее?... Нужно,

---

* *Одно слово неразборчиво.*

чтобы конституция была народным богатством: она должна дать народу одновременно хлеб для духа и хлеб для тела; она должна не только ясно, точно и недвусмысленно обеспечить ему полноту интеллектуальной и материальной жизни, но и закрепить это обобществлением всех ресурсов, бесконечно умноженных и возросших благодаря искусно продуманной организации и мудрому руководству общим трудом.

Поскольку конституция, понятая таким образом, есть прежде всего закон жизни, хлеб для всех, образование для всех, поскольку она в одно и то же время и фундамент и краеугольный камень, не придется больше опасаться, что все здание будет расшатано или что его пытаются разрушить по частям. Кто же в деревне потерпит, чтоб разрушили общинную пекарню или засыпали колодец, куда все ходят брать воду?

Пусть каждая статья конституции будет чистой в выражениях и определениях, доступной самому простому здравому смыслу, без двусмысленностей, без возможности толковать вкривь и вкось, без малейших поводов для хитросплетений творцов зловредных доктрин, мастеров по запутыванию текстов, юристов, отыскивающих всякие ухищрения и уловки, тайны двусмысленности, и для всех мастеров подлога из судейского сословия, спекулирующих на том, в каком месте точка или запятая. Например, пусть все свободы, из которых состоит Свобода, будут в ней перечислены, без того чтобы хоть одна была опущена, и я ручаюсь, что нельзя будет говорить о посягательстве на малейшую из них, без того чтобы каждый тотчас же не почувствовал, что его собственной жизни угрожает опасность...

Уважение к конституции станет тогда религией. Место слепой и бесплодной веры, являющейся уделом только слабых и порабощенных умов, займет спасительная вера в разум и в человечество... Большинству будет обеспечена победа над непокорным меньшинством, даже если последнее пустит в ход самую большую энергию и самое большое коварство. Ныне народ словно бык, он не знает своей силы, и его глаз все преувеличивает. О если бы он знал, как я, историю крупных владений и крупных владельцев мира сего! Но когда тот, кому еле хватает на прожитие, увидит, что благодаря правильному распределению конституция доставляет ему почти достаток, поднимая до его уровня всех, кто раньше сводил концы с концами только путем лишений, он скорее даст себя разрубить на части, нежели позволит свергнуть эту столь либеральную конституцию... Благодаря ей изменятся и станут чище нравы молодых поколений, из среды которых исчезнет то, что есть наиболее безобразного в эгоизме.

Кто может дорожить номинальным равенством? Нет никакого основания подвергать себя опасности ради его сохранения. Слово равенство не должно означать ничего не значащую сделку. Оно должно находить свое проявление в определенных и огромных результатах, в явлениях, легко поддающихся оценке, а не в хи-

мерических абстракциях. Оно не может быть вопросом схоластики, грамматической и законодательной. Нужно сделать так, чтобы в вопросах равенства также не могло быть никакой двусмысленности, как и в цифрах. Все в этой области может быть сведено к мере и весу.

Вопросы о методах действия и возможностях исполнения требуют подробного изложения. Наши защитники из первого собрания не взялись за эту большую задачу; я осмелился бы приступить к ней. Если бы я был призван заседать в новом собрании и имел возможность заставить себя выслушать, я заранее принимаю обязательство ответить на все возражения и заставить замолчать спорщиков и наших опасных эрудитов.

Беседуя с Вами, дорогой патриот, я говорю все, что я думаю, и я без всяких стеснений открываю Вам душу по многим вопросам, чего бы я не сделал ни с кем другим. Я слишком рисковал бы быть обвиненным в чрезмерной гордости. Однако я произнес на собраниях несколько речей, в которых сила аргументов, представленных последовательно и методически, в полухолодном тоне, заставила нескольких неистощимых болтунов прекратить свое пустословие; и это, я полагаю, и объясняет, почему решили, что меня можно побить, только нарушив все права человека.

Существует влиятельная орда очернителей, видящих во мне крайне опасное существо для множества злоупотреблений, с помощью которых они и их друзья непрестанно наживаются. Этот класс пожирателей общества не мог не наброситься на меня. Они это сделали с ужасным шумом. Но, озлобленные тем, что они не могли меня одолеть в больших боях, где я отстаивал общее дело, развратные люди захотели отыграться, завлекая меня на скользкую почву личных споров, коварно возбуждая против меня самые недостойные кляузы...

Они предательски напали на все мои источники доходов, подрывая их один за другим, возбуждая против меня моих должников, поощряя их к тому, чтобы они мне не платили, а моих кредиторов — к тому, чтобы те меня безжалостно преследовали; людей, поручивших мне какие-либо работы, убеждали отбирать у меня эти заказы.

Нет таких ухищрений и уловок, к которым бы они не прибегали для того, чтобы ввергнуть меня в безвыходный лабиринт затруднений и, причиняя мне всякого рода заботы, тревоги и мучения, лишить меня возможности сопротивляться им и заставить меня покинуть политическую арену. Затем они меня чернили, оскорбляли, терзали и дошли в своей подлости до обвинения меня в легкомыслии и трусости...

Несмотря на ложное положение, в которое мне случалось попадать из-за существующего уважения к старым предрассудкам и мнениям, в распространении которых заинтересованы богачи, несмотря на немилость и недоверие, выпадающие всегда в той

или иной степени на долю всякого человека, положение которого считается неустойчивым, несмотря на все возводимые против меня поклепы, меня все же слушали. Если бы я всегда был столь же счастлив и был бы специально защищен большой неприкосновенностью, я представляю себе, что мой успех был бы несомненным.

Однако для меня не важно, каким путем свершается добро, главное, чтобы оно свершилось. Не имея возможности вынести мои законодательные идеи на трибуну французского народа, я удовольствовался бы тем, чтобы кто-нибудь, находящийся в лучшем положении, чем я, член собрания, с которым у меня общие взгляды, взялся бы выступить с предложением проектов, которые я бы ему направил, добросовестно разработав их.

В этом предложении я хотел бы, чтобы, ознакомив с ними тех своих коллег, которые воодушевлены такими же чувствами, как и он, и заручившись их одобрением и поддержкой, он стал бы глашатаем этих проектов. Предварительные совещания по каждому из вопросов созывались бы с целью определить порядок действий, договориться наперед относительно всех возможных возражений, относительно мотивов, которые следует выдвигать, и распределения ролей во время прений так, чтобы сторонники одних и тех же идей никогда не подвергались риску впасть в противоречия друг с другом, несмотря на то что они добиваются одинаковых результатов. Что касается главного оратора, то, поскольку мы с ним всегда будем едины в принципах, совершенно очевидно, что все, что он получит от меня, будет как бы итогом его собственных рассуждений; он только будет совершенно освобожден от кабинетного труда, который я беру исключительно на себя.

Не знаю, ошибаюсь ли я, но мне кажется, что революция меня ужасно избаловала; я часто ловлю себя на мысли, что я стал совсем неспособен для исполнения какой-либо должности, кроме публицистики и всего, что связано с законодательством. Политика и размышления о верных принципах законов и их проведении в жизнь обладают для меня такой неотразимой привлекательностью, что я склоняюсь к мысли, что это и есть мое единственное призвание.

Возможно, впрочем, что я Вам докажу обратное, изложив в сжатом виде обзор моих работ...

Установите, что второе собрание является в той же мере учредительным, как и первое, согласно принципу, доказывающему коварный характер клятвы хранить в неприкосновенности конституцию такой, какой она была декретирована в целом и во всех ее частях, *потому что если одному поколению нравится превратиться в рабов, то это ничуть не лишает следующее поколение права быть свободным*, или, иными словами, народ всегда сохраняет неотчуждаемое и неотъемлемое право менять и переделывать свою

конституцию, ратифицировать или отвергать все то, что его представители делают от его имени. Если Генеральные штаты (депутаты трех сословий), очень просто превратившиеся в Национальное собрание, а затем в Учредительное собрание, пожелали, чтобы их преемники были только Законодательным собранием, т. е. раболепными стражами и слепыми защитниками всего, что есть как дурного, так и хорошего в конституционном своде, ими созданном, то этому Законодательному собранию достаточно сделать один шаг, чтобы стать также Учредительным, и оно должно сделать этот шаг, чтобы быть полномочным исправить ошибки своих предшественников.

Если оно встретит возражение со ссылкой на принесенную присягу, то у него не будет недостатка в аргументах для выявления всей нелепости такого возражения. Разве то Учредительное собрание, которое навязало своим преемникам присягу, запрещающую им прикасаться ко всему, им сделанному, разве само оно исполнило присягу, данную ее членами быть во всем лишь выразителями воли народа и отнюдь не уклоняться от буквы его наказов и придерживаться их строго с тем только, чтобы улучшать законодательство в соответствии с предписаниями новых наказов при каждом созыве нового собрания?

Народное вето безусловно обязательно. Без этого вето собрание народных представителей может издавать только декреты, противоречащие воле и интересам народа.

Собрание не может выносить никакого решения, оно не может принять никакого закона, который бы не мог быть аннулирован народом.

Оно не является хозяином даже в вопросе о своей собственной дисциплине, и постановления его регламента должны быть предварительно представлены народу и одобрены. Без этой предосторожности эти постановления могли бы быть задуманы плутами в целях удушения свободы трибуны в пользу какой-нибудь одной группы.

Собрание должно всегда исполнять веления народа. Верность народу каждого из его членов обеспечивается возможностью отозвания и обязанностью ежемесячно отчитываться перед избирателями. Никакой марки серебром, никакой классификации граждан, никаких временных или пожизненных лишений гражданских прав по какой бы то ни было причине.

Никаких постановлений, объявляющих человека недостойным; полезные идеи могут зародиться в любой голове; нет ни одного человека, как бы он ни был опозорен, как бы ни погряз в долгах и ни потерял репутации, который бы не мог высказать полезного мнения. Допущение всех с правом голоса на муниципальные собрания, где члены муниципалитета должны иметь только право председательствовать.

Разрешаются всякие собрания, никаких красных знамен[32], никаких стражей, стесняющих собрания граждан,

Все без исключения французы, имеющие постоянное местожительство, по праву и по долгу являются национальными гвардейцами; каждый, кто проживает в коммуне или заявил о своем желании в ней проживать, считается ее постоянным жителем.

Все здоровые граждане вооружаются и обучаются применению оружия без ущерба для работ, необходимых в городах и селах. В виде исключения не получат оружия, но лишь по соображениям общественной безопасности, только те, кто подвергся осуждению за преступления против лиц или против собственности; после их освобождения они будут вооружены только своим правом голосования, которого они не могут быть лишены ни под каким предлогом, поскольку с момента истечения срока их наказания они вернулись в общество, где, для того чтобы охранить свой личный интерес, каждый человек имеет право требовать обсуждения, рассмотрения и осуществления действий, способствующих общим интересам [33].

Чтобы не попасть обратно в когти аристократии, надлежит сделать так, чтобы несчастный, которому наши современники дают презрительное прозвание «босяк», мог, если он обладает способностями и преданностью, стать депутатом собрания и чтобы понятие о его неприкосновенности включало в себя защиту от нужды и от всякой заботы о своей семье на все время, пока он будет облечен доверием своих сограждан.

Если богатые думают, что им надлежит защищаться от бедных, то не надо забывать, что бедные имеют гораздо больше оснований, и оснований более реальных, стремиться обеспечить свою защиту от богатых, и особенно от их предрассудков, к сожалению, поддерживаемых и разделяемых слишком многими ослепленными людьми из народа.

История учит нас на примерах многих великих людей, умерших должниками после того, как они замечательным образом управляли делами республики, что подлинно государственные люди, те, чью память народы могут славить, блистали прежде всего возвышенным бескорыстием, постоянным забвением о самих себе, что и делало их неспособными устраивать свои собственные дела. Тот, кто поглощен исключительно мечтами о счастье родины, человечества, имеет много шансов разориться. Все его выступления с трибуны будут призывать воцарение справедливости. Он не будет представителем ни богатых по рождению, ни разбогатевших благодаря интригам.

Вот каким должен был бы быть человек, избранный поборниками равенства. Закон должен облегчить ему доступ в сенат, устранить все препятствия на его пути.

Еще одно слово о великой патриотической армии. Я могу сказать «великая армия», ибо она одна будет больше всех армий Европы, вместе взятых. Поскольку национальная гвардия состоит из нескольких миллионов человек, вполне естественно уволить по меньшей мере значительную часть регулярных войск, представ-

ляющих в одно и то же время излишество и опасность для дела свободы. Начальники и солдаты, вернувшись к своим домашним очагам, впоследствии войдут в ряды национальной гвардии, станут там инструкторами граждан, которые вскоре будут знать не меньше их. Что касается размеров постоянной армии, которую, быть может, придется временно сохранить, то существует два простых средства предохранить ее от дурных влияний: 1) избрание всех начальников большинством голосов, 2) одинаковое жалованье для всех гвардейцев.

Без такого равенства, которое ничем не может повредить дисциплине, аристократические тенденции увековечатся, а их необходимо срочно искоренить, дабы армия перестала быть враждебной делу свободы. Равенство в оплате положит конец всяким интригам, направленным к получению командных должностей. Оно положит начало братству всех под знаменами и укрепит его.

Сокращение численности войск позволит осуществить большую экономию. Поскольку солдаты до сих пор недостаточно оплачивались и плохо питались, те полки, которые не будут распущены, будут стоить государству столько же, что и ранее, но эта же сумма, разделенная между всеми военными поровну, составит жалованье каждого из них.

Вы, наверное, найдете, что я очень смело шагаю со всеми проектами реформ, но я убежден в том, что незначительные изменения будут лишь паллиативами и что надлежит многое изменить, если мы хотим, чтобы революция дала свои плоды. Я хорошо представляю себе, как далеко она должна пойти, но, пожалуй, осторожность требует продвигаться этапами, не слишком показывая, каково будет новое общественное здание. Однако очень важно использовать все возможности продвижения то по одному, то по другому пути к истинной цели революции, к равенству без лжи.

... Я понимаю, как трудно было бы убедить принять сразу некую систему общего равенства. Но поскольку мы допускаем равенство прав, то, если мы не хотим, чтобы это был чистый обман, мы должны где-нибудь начать проводить его в жизнь. В армии мы столкнемся с меньшими препятствиями, потому что армия ничем не владеет и привыкла все получать только от государства. Нынешние военные начальники будут роптать; большинство из них принадлежит к аристократическим фамилиям, другие — это люди, случайно ставшие офицерами и усвоившие тон и манеры аристократов. Первые сочтут себя обиженными во многих отношениях; последние будут оплакивать потерю своего положения. Но какое значение могут иметь эти вопли?

Раз их не вынуждают отказаться от военной профессии, пусть остаются под знаменами и живут. Их жалобы не будут заслуживать внимания. Их будет небольшое число против всех, кто выигрывает и будет радоваться уравнению жалованья (которое даст

каждому около 50 ливров в месяц), а также тому, что впредь им придется повиноваться только ими же выбранным начальникам.

Начальники — это не существа другого рода, чем солдаты. Почему одни должны жить, как каноники, а другие — как каторжники? Почему одни получают хороший стол и удовлетворение их желаний, а другие — черный хлеб и лишения? Что же, разве организм начальника требует более обильных, более вкусных, более тонких блюд? Если они попадают в лазарет, то причиной тому гарнизонные кутежи, разврат. А их подчиненные попадают туда вследствие режима, равноценного нищете.

Уравнение во всем даст отличные результаты. Знаки различия чинов останутся, но одежда будет одинакова. Офицер не будет казаться более богатым, чем солдат. Он потеряет, таким образом, одно из средств обольщения, и семьи приобретут несколько большую безопасность.

Если солдат будут лучше кормить, они будут здоровее и крепче. Следовательно, они будут более способны переносить тяготы военного времени. И их можно будет употреблять для полезных трудов на благо родины, вместо того чтобы предоставить им коснеть в гибельной праздности.

Те, кто будет командовать ими, лишенные опасной возможности расслабляться в удовольствиях и изнеженности, очищенные от вонючей спеси, порождаемой внешним блеском и мишурой, уже не будут считать себя опозоренными оттого, что они посвятят себя серьезно руководству трудовой деятельностью, полезной для их сограждан, которые ныне с презрением смотрят на их распущенность и безделье. Раз уж Франция платит им, то по крайней мере ей не придется сожалеть о затрачиваемых деньгах, ибо они дадут ей каналы, удобные дороги и плодородные равнины вместо вредных для здоровья болот и необработанных земель. Их благословят за то увеличение богатства, которое они произведут.

Не подлежит сомнению, что поначалу будут выбирать на командные посты более образованных, более способных, более доблестных. Но когда все будут одинаково образованны, и поскольку мужество является одним из самых обычных качеств среди французов, то очевидно, что, для того чтобы склонить голоса в свою пользу, кандидаты к прочим заслугам должны будут присоединить д о б р о д е т е л ь, в отношении которой и будет тогда соревнование.

Так равенство будет способствовать очищению нравов. Армия быстро приучится к духу равенства, ибо найдет в этом материальные преимущества. А оттуда этот дух вскоре распространится и привьется повсюду...

Отнюдь не должно быть полугласности: для народных трибун в Национальном собрании должно быть отведено самое большое помещение. Вопросы, представляющие общий интерес, должны рассматриваться всем собранием; не надо больше никаких коми-

тетов, этих очагов интриг и сборищ, где клики согласовывают свои гибельные для свободы планы и сговариваются относительно их исполнения. Нужно одно-единственное бюро петиций, призванное главным образом собирать, рассматривать, согласовывать пожелания, просьбы, мнения, замечания, сведения, могущие представлять интерес для дела свободы и равенства; народ должен иметь возможность в любое время возвестить свою волю, и в любое время его представители должны быть готовы пойти ему навстречу, если эта воля была неверно понята.

Состав бюро петиций должен часто обновляться. Члены бюро должны собираться ежедневно на публичных заседаниях и громко зачитывать там петиции, прибывающие из разных коммун и секций, и сообщать тут же каждому петиционеру о том, что его петиция принята к сведению. Ни одна петиция не должна быть передана прямо в бюро. Петиционер сначала регистрирует свою петицию в реестре муниципалитета для того, чтобы засвидетельствовать факт посылки, затем он ее адресует одному из депутатов своего кантона, который под страхом осуждения на 20 лет мучений будет обязан передать ее под расписку в бюро петиций. Бюро после зачтения петиции на заседании подвергнет ее разбору, а затем воспроизведет ее суть и выдержки из нее в печатном бюллетене, который будет вывешиваться каждый день.

Благодаря этим петициям собрание всегда будет знать, к каким вопросам хотят привлечь его внимание. Злоупотребления и ущербы, которые не упоминаются в наказах провинций, часто составленных слишком осторожно, то ли из желания не задеть некоторых местных влиятельных лиц, то ли из стремления к компромиссу с прошлым, будут разоблачены теми самыми людьми, чей голос ранее был заглушен или чье молчание было следствием робости.

Когда идет речь об установлении свободы и равенства, надо выслушать любого человека, каково бы ни было его положение. Кто может сказать, в какой голове зародится лучшая мысль?.. Бюро петиций позволит заблаговременно узнавать относительно всех элементов, необходимых для выработки хорошей конституции, свободной от каких-либо пробелов, недосмотров, от всякой двусмысленности и туманности, защищенной от всяких лжетолкований. Бюро исключит возможность каких бы то ни было недоразумений относительно смысла и существа каждой ее статьи и в то же время позволит подготовить со знанием дела все законы, имеющие задачей подтверждение, укрепление, а подчас и развитие и дополнение конституции в тех ее частях, где она недостаточно ясна.

До того, как я изложу мой запас идей, замечаний и требований, мне приятно предложить на Ваше рассмотрение проект одной статьи, вводная часть которой, по-моему, не менее обязательна... Вот эта статья, которую я тоже рассматриваю как важное предохранительное средство против рецидивов рабства.

«Никакие изменения, ограничивающие свободу и равенство, не могут быть внесены в настоящую конституцию. Подлежат рассмотрению только предложения, имеющие целью их расширение».

Когда работают над составлением конституции, необходимо остерегаться некоторых неожиданностей. Их можно избежать, если вести обсуждение без чрезмерной поспешности, не скупясь па затрату дней и часов. Конституция естественно делится на ряд разделов. После того как будет временно принят текст каждого раздела, он будет за две недели вперед поставлен в порядок дня. Этот же раздел будет трижды ставиться на обсуждение с промежутками в десять дней, и, для того чтобы могли быть выслушаны все соображения за и против, закрытие прений сможет иметь место каждый раз только после третьего заседания. Раздел будет декретирован только на сорок четвертый день, после чего он будет разослан по муниципалитетам на вето или санкцию народа, которые будут выражены посредством петиций. Подсчет одобрений и возражений будет произведен в шестимесячный срок считая с начала обсуждения в Национальном собрании и, после того как результат будет проверен и засвидетельствован, будет прокламировано вето или утверждение!

Точно так же будет поступлено в отношении любого закона, имеющего общий интерес. Такая мудрая медлительность позволит представителям собрать все мнения, все соображения, учесть весь существующий опыт и всегда выражать только волю народа.

Возможность отозвания есть полезная, необходимая угроза; вместе с открытым голосованием это — одна из лучших гарантий для народа. Итак, вот каким образом будет осуществляться *отозвание*... Одновременно с выборами представителей все граждане каждого кантона выберут семь *кураторов свободы*..., в административных центрах департаментов их число достигнет 21. В каждом кантоне и в каждом административном центре департамента кураторы выберут председателя и секретаря. Они будут собираться раз в три месяца для рассмотрения отчетов своих депутатов, первые — в кантональном центре, последние — в департаментском. На этих заседаниях они рассмотрят вопрос о политическом поведении их избранников, а затем перейдут к голосованию по вопросу: «Точно ли такой-то выполнил данный ему мандат?» Каждый ответит на этот вопрос «да» или «нет», и протокол о результатах, составленный тут же, будет незамедлительно отослан председателю кураторов департаментского центра. Там в присутствии 21 куратора после подсчета всех «да» и «нет» и в зависимости от того, каким будет результат подсчета, председатель объявит: «Такой-то нарушил или не нарушил данный ему мандат». Однако объявление о нарушении будет иметь место только в случае, если число «нет» превысит на *одну десятую* половину голосовавших. В противном случае простое большинство за порицание не повлечет за собой

отозвания, по выявит недовольство народа и председатель уведомит депутата о необходимости следовать более правильной линии. Если налицо окажется требуемое большинство, председатель от имени всех кураторов свободы немедленно назначит кратчайший срок для выборов в целях замены отозванного представителя.

У меня еще есть некоторые сомнения по такому вопросу: могут ли отозванные быть переизбраны или нет? Все же мне кажется, что было бы опасно предоставить им возможность переизбрания: ведь интриганы и клики подчас обладают чрезвычайно сильным влиянием, позволяющим им вводить общественное мнение в заблуждение. Может быть, Вас удивит, что решение об отозвании принимается без того, чтобы отзываемому представителю была дана возможность защищаться. Но разве он мог бы выступать во всех кантонах? Отчет избирателям — вот его защитительная речь, которую каждый сможет оценить.

В стране, где равенство уже пустило бы глубокие корни, кураторы свободы должны были бы избираться из числа всех граждан без различия, но в наше время слишком еще много есть людей, заинтересованных в сохранении остатков старых злоупотреблений, в восстановлении тех, которые упразднены. Поэтому надлежит предвидеть и предотвратить возможности измены.

Вот, по-моему, что́ диктуется требованиями осторожности: «Никто не сможет быть избранным куратором свободы, если он не достиг по меньшей мере 25 лет, если он не кормится и не живет от плодов своего труда, производимого в сфере независимой профессии. Функции куратора свободы несовместимы с занятием какой бы то ни было платной государственной должности».

Мне приятно думать, что случаи отозвания и основания для них станут редкими именно вследствие постоянной возможности отозвания и существования кураторов свободы. Однако если бы в собрании образовалась какая-нибудь лига, а лига может образоваться быстро, то их срочное вмешательство на предмет ее роспуска путем призыва к народу высказаться было бы не менее эффективным.

Было бы, пожалуй, очень интересно подсчитать, какие результаты дали бы все эти постановления, если бы они были приняты в самом начале деятельности второго собрания: мне возразят, что одни из них трудно осуществимы, а другие имели бы следствием анархию и беспорядок. Я разработал все эти вопросы детально...

Я понимаю, что для того чтобы убедить в необходимости принять в самом же начале эти постановления, без которых я никогда не поверю в возможность воцарения у нас свободы, придется потрудиться над составлением по каждому вопросу хорошо разработанной речи, солидно обоснованной и крепко построенной на неотразимых аргументах. Всматриваясь в основы моих прин-

ципов, Вы могли бы угадать, согражданин и брат, что я придерживаюсь мнения, что преемники Учредительного собрания должны были бы переделать все им созданное снизу доверху, не щадя и Декларацию прав, по-моему, очень неполную, очень малосущественную и составленную в недостаточно точных и недостаточно определенных выражениях. Есть обилие слов, но под этим метафизическим многословием скрывается коварное стремление нейтрализовать или свести к простым видимостям все то, что поначалу подается как нечто реальное. Приманка и ловушка там так хорошо сливаются вместе, что, изучая эту декларацию, вы вскоре замечаете, что это обман, такой, каким, должно быть, задумали его усыпители народа. Их декларация — не более как погремушка. Она, правда, признает великие принципы свободы и равенства, но со всякого рода оговорками, позволяющими искажать их в процессе применения и смягчать их коррективами, которые лишают их всякой силы.

Вслед за этим длинным посланием я Вам даю критику этой декларации и предложение тех изменений, которые необходимо внести во многие ее статьи. Это по существу новая декларация, которую я предлагаю, предоставляя Вам заботу о сопоставлении ее со старой, об определении действительной ценности той и другой, об извлечении из этого всех выводов и т. д., и т. д.

Почему я вступил с Вами сейчас в эту столь важную дискуссию? Потому что я предвижу, дорогой и славный брат, что Вы, кому Ваши сограждане воздают должное, Вы, имея, как и все хорошие люди, врагов, оставаясь, однако, неуязвимым для их нападок, Вы скоро будете иметь возможность защищать народные интересы. Ибо я верю, что наши сограждане покажут по отношению к Вам, что они из числа тех, кто правильно отдает свои голоса. Ибо я убежден в том, что Вы, столь привязанный к Вашей пастве, что не покинули бы ее ради самого прекрасного епископского поста, Вы, которого все золото мира не в состоянии было бы соблазнить, Вы, для кого скромная жизнь, простые и чистые нравы и привычки детства мира в тысячу раз привлекательнее наслаждений нынешних богачей, что Вы слишком глубоко проникнуты сознанием Ваших обязанностей гражданина, чтобы колебаться между счастьем нескольких людей и счастьем родины, вернее, человечества, и что, следовательно, Вы, не колеблясь, посвятите себя той высокой миссии, для которой Вы предназначены...

Таковы, гражданин-брат, мотивы, побудившие меня послать Вам в этом письме первые заметки, к которым, если Вы мне разрешите, я предполагаю вернуться.

ПИСЬМО Ж. М. КУПЕ, ЗАКОНОДАТЕЛЮ[34]

Бове, 10 сентября 1791 г.

Факт Вашего избрания, гражданин, является, с моей точки зрения, немалым событием. Я испытываю неотразимую потребность остановиться на этом факте, чтобы оценить, каковы будут его последствия.

Я раздумываю о том, чего можно ждать от человека, проповедовавшего глухим следующие достопамятные истины (которыми, я убежден, он сам пропитан), что «необходимо проникнуться теми великими принципами, на которых зиждется общество, — первоначальное равенство, общие интересы, общая воля, декретирующая законы, и сумма всех сил, составляющая суверенитет».

Брат! Предписание древнего закона — люби ближнего своего, как самого себя; прекрасное правило Христово — делайте другим все то, что вы хотели бы, чтобы они делали вам; конституция Ликурга, самые прекрасные учреждения римской республики — я имею в виду аграрный закон[35]; Ваши принципы, только что мною воспроизведенные; мои принципы, изложенные Вам мною в моем последнем письме, состоящие в обеспечении всем людям, во-первых, пропитания и, во-вторых, равного образования; все это отправляется от единой общей точки и направлено опять-таки к единому общему центру.

И этот центр — это все та же единая цель, к которой будут стремиться все конституции мира, по мере того как они будут совершенствоваться. Тщетно опрокидывать троны королей, учреждать республику, постоянно произносить слово «равенство» — вы всегда будете гнаться за пустым призраком и ничего не добьетесь.

Мой брат, Вам я это говорю в полный голос, но еще не скоро я осмелюсь говорить это шепотом другим людям: аграрный закон, этот закон, которого страшатся и приближение которого чувствуют богатые и о котором совсем не думают многочисленные бедняки, т. е. сорок девять пятидесятых человеческого рода, который, однако, без этого закона полностью вымрет на протяжении самое большее двух поколений (мы вместе произведем математическую проверку этого ужасного предсказания в любой момент по Вашему желанию); этот закон, который, как мы с Вами в этом убедились, был предметом самых горячих желаний Мабли; этот закон, который возникает на горизонте столетий только при обстоятельствах, подобных тем, в которых мы находимся, т. е. когда крайности сходятся, когда земельная собственность, единственное подлинное богатство, сосредоточена в немногих руках, а всеобщая невозможность утоления страшного голода побуждает большинство людей требовать передачи им великого мирового поместья, где творец хотел, чтобы каждый обладал необходимой частью для добывания своего пропитания; этот

закон, говорю я, есть вывод из всех законов. К нему всегда стремится народ, когда он добился улучшения своей конституции во всех других отношениях... Да что я говорю? Он тогда удивительным образом упрощает эту конституцию. Вы заметили, что с тех пор, как принята наша конституция, мы издавали по сто законов каждый день, и, по мере их умножения, наш свод становился все более темным.

Я предвижу, что, когда мы достигнем аграрного закона, мы, подобно законодателю Спарты, предадим огню этот огромный свод и нам будет достаточно одного закона из 6—7 статей. Еще раз обязываюсь перед Вами самым строгим образом доказать это.

Вы, конечно, так же как и я, признаете ту великую истину, что совершенство в законодательстве связано с тем первоначальным равенством, которое Вы так хорошо воспели в Ваших патриотических поэмах, и, так же как я, Вы, конечно, чувствуете, что мы идем большими шагами к этой удивительной революции.

Именно поэтому я, столь страстный сторонник этой системы, не перестаю предаваться созерцанию того, как Ваши принципы и Ваша энергия делают Вас, быть может, единственным человеком, способным подготовить это великое завоевание, и как провидение как будто помогает нам, направляя Вас на поприще, подходящее для борьбы за правое дело в самых выгодных условиях.

Вы, возможно, предназначены, — а может быть, мы предназначены оба — первыми понять и дать вкусить и другим великую тайну, тот самый...* секрет, который должен разбить оковы человечества. Если это так, то я предвижу, что Вы прославитесь среди законодателей!

Но при всей той силе, которой Вы вооружены, каковы все же, по моему мнению, должны быть те первые шаги, которые следует предпринять, чтобы ускорить столь прекрасную победу. Нужно ли будет возвестить приход С п а с и т е л я М и р а открыто и определенным знамением? Конечно, нет, и нельзя, я думаю, ожидать хорошего приема, если выступить напрямик с предложениями такого рода в нашем несчастном собрании. Его добродетель окажется вынужденной в борьбе с коррупцией пользоваться оружием, которое обычно применяется последней: политике надлежит противопоставить политику. Первые постановления должны быть хорошо замаскированы, и они нисколько не должны казаться направленными к согласованной цели.

Но я раздумываю... Я говорю себе: ведь нет почти никого, кто решительно не отвергал бы аграрный закон. Предрассудок в этом отношении еще сильнее, чем в отношении монархии, и тех, кто осмеливался сказать хоть слово по этому великому вопросу, всегда вешали. Можно ли быть уверенным в том, что даже сам Ж. М. Купе согласится со мной в этом вопросе? Не возразит ли

---

* *Одно слово неразборчиво.*

и он тоже вместе со всеми, что результатом этого будет отход общества от революции; что было бы несправедливо лишить имущества всех тех, кто его законно приобрел, что после этого никто больше ничего не будет делать друг для друга и что даже если предположить такую возможность, то последующие переходы собственности скоро восстановят первоначальный порядок вещей? Захочет ли он удовлетвориться моими ответами: что земля не должна быть отчуждаемой; что каждый человек при своем рождении должен найти ее в достаточном размере, как он находит воздух и воду, а умирая, он должен оставить ее в наследство не своим близким, а всему обществу; что только система отчуждаемости привела к тому, что у одних оказалось все, а другим не осталось ничего...; что молчаливые сделки, сократившие оплату наиболее полезных работ до самого низкого уровня, тогда как оплата ненужных или даже вредных для общества работ увеличена во сто крат, дали возможность тем, кто выполняет эти бесполезные работы, экспроприировать полезного и самого трудолюбивого человека...; что если бы было более единообразия в оплате всех работ, если бы некоторым из них не была придана произвольная ценность, все рабочие были бы примерно одинаково богатыми; что, стало быть, новый передел лишь поставит вещи обратно на свои места...; что если бы земля была объявлена неотчуждаемой, каковая система полностью устраняет опасение возможного восстановления неравенства вследствие переходов права собственности, то после нового передела каждый человек имел бы свое обеспеченное достояние и мы не испытали бы этих постоянно терзающих нас тревог о судьбе наших детей: отсюда золотой век и общественное благоденствие вместо разложения общества; отсюда спокойствие насчет будущего, устойчивое благосостояние, защищенное от капризов судьбы, что должно было бы быть предпочтено даже самыми счастливыми людьми мира сего, если бы они хорошо понимали свои собственные интересы...; что, наконец, не верно, что неизбежным следствием этого нового порядка было бы исчезновение ремесел, ибо, наоборот, очевидно, что все не могли бы стать землепашцами; что каждый человек не мог бы тогда, как и сегодня, сам добывать для себя все механизмы, которые стали необходимыми; что мы не перестали бы нуждаться в постоянном обмене услугами и что, за исключением того, что каждый человек имел бы свое неотчуждаемое имущество, которое было бы для него во все времена и при всех обстоятельствах некиим фундаментом, неприступным ресурсом против нужды, все связанное с трудовой деятельностью человека останется в том же состоянии, что и ныне?

Я хочу Вам доказать, Вам, дорогой брат, и в то же время самому себе, что Вы идете в Законодательное собрание с намерениями закрепить все это в виде статей конституционного закона. В своем предыдущем письме я Вам сказал, что мои пожелания заключаются в том:

1) Чтобы депутаты любого Законодательного собрания признали от имени народа, что термин «Учредительное собрание» — это нелепость; что уполномоченные народом депутаты обязаны всегда делать все, что они признают полезным для счастья народа... Из этого вытекает обязанность и необходимость дать средства существования этому огромному большинству народа, которое, несмотря на всю свою добрую волю трудиться, уже не имеет их: аграрный закон, совершенное равенство.

2) Что право вето, подлинный атрибут суверенитета, должно принадлежать народу, и с достаточно очевидным успехом (поскольку мы увидим в дальнейшем в небольшом сочинении, озаглавленном «О ратификации закона», о котором я Вам сообщал, что мои аргументы похожи на те, которыми пользуется автор) я доказал возможность его осуществления вопреки всему, что могло бы быть сказано против этого... Не следует ли ждать от этого народного вето, что страждущая и постоянно до того подверженная жестокому чувству голода сторона выдвинет требование обеспеченного имущества: аграрный закон.

3) Чтобы не было больше разделения граждан на несколько классов; чтобы все были допущены ко всем должностям; чтобы всем были предоставлены права голосовать, высказывать свои мнения на всех собраниях; чтобы серьезно наблюдали за собранием законодателей; чтобы соблюдалась свобода собраний в общественных местах, чтобы не было никаких осадных положений; чтобы был уничтожен корпоративный дух в национальной гвардии путем приема туда всех граждан без исключения и без другого назначения, кроме борьбы с внешними врагами родины... Из всего этого неизбежно воспоследует активное соревнование, усиление духа свободы, равенства, гражданской энергии, большие средства выявления общественного мнения и, следовательно, выражения общей воли, которая в принципе есть закон; требование первейших прав человека, следовательно, честно обеспеченного хлеба для всех: аграрный закон.

4) Чтобы все государственные дела рассматривались на пленарных заседаниях и чтобы не было больше комитетов... Таким образом, исчезнут небрежность, апатия, беспечность, эта склонность полностью полагаться на мнимое благоразумие горсти людей, ведущих за собой целое собрание и около которых гораздо легче быть соблазненным коррупцией. Отсюда же следует, что все сенаторы обязаны серьезно заниматься поставленным на обсуждение вопросом и определить свое отношение к нему со знанием дела. Это будет также предупреждением всем защитникам народа о необходимости отстаивать его самые заветные интересы, следовательно, о наблюдении за тем именно, чтобы все могли жить: аграрный закон.

5) При дискуссии по всем предметам должно быть предоставлено достаточно времени для обдумывания. В результате не только

импровизаторы, ветреные люди, говоруны, люди, привыкшие говорить раньше, чем подумать, будут в состоянии влиять на принятие решений, но и люди, любящие обдумать план речи, прежде чем высказаться, также будут иметь влияние на решения. Следствием этого будет то, что какой-нибудь фразер, заинтересованный в борьбе со всем, что справедливо, не сможет больше легко отстранить разумное предложение с помощью легковесной и обманчивой придирки, а честный человек, выступая в защиту того, чьи нужды особенно срочны, сможет хорошо все обдумать, обосновать свое предложение и добиться победы разума. Большой шаг в направлении аграрного закона.

Брат патриот, итак, если принципы, которые я сформулировал выше, всегда были и Вашими принципами, то сегодня надо от них отречься, если Вы не хотите аграрного закона, так как либо я очень грубо ошибаюсь, либо последним выводом из этих принципов является этот закон. Следовательно, если Вы останетесь верны этим принципам, Вы будете эффективно трудиться в его пользу. С принципами никаких сделок быть не может, и если в глубине души Вы имеете в виду в Вашей работе законодателя нечто меньшее, то, повторяю, свобода, равенство, права человека останутся цветистыми словами, лишенными смысла.

Я повторяю еще раз, не надо сразу же открывать наши намерения. Но человек доброй воли мог бы значительно продвинуть дело вперед, если он приложит усилия к тому, чтобы были изданы законы, содержащие сформулированные выше основные положения, построенные на принципе полноты прав человека, каковой принцип можно всегда напоминать и проповедовать, не подвергаясь опасности.

Те, кого называют аристократами, более сообразительны, чем мы: они предвидят такую развязку. Их резкое сопротивление в вопросе о шампарах объясняется их страхом перед тем, что если кощунственная рука один раз коснется того, что они называют «священным правом собственности», то неуважение к нему станет безграничным. Их опасения явно вызываются тем, что составляет предмет надежд защитников людей, страдающих от голода, т. е. опять-таки возможностью появления аграрного закона в ближайшее время: это хорошая примета для нас.

Мне доставляет удовольствие распространяться на эту великую тему перед душой, столь чувствительной, как Ваша. Ибо в конце концов о бедняке еще совсем не думали. Я говорю, что именно о бедняке должна прежде всего идти речь при обновлении законов какого-либо государства. Поддержать его, его дело — вот что интересует нас больше всего.

В чем заключается цель общества? Не в том ли, чтобы доставить его членам самый большой объем счастья, какой только возможен? И на что годятся все ваши законы, если в конечном счете они не помогают избавить от глубочайшей нужды это огромное

множество бедняков, составляющих подавляющее большинство общества?

Что такое комитет по нищенству, продолжающий унижать людей разговорами о милостынях и о законах, карающих за нищенство и направленных к тому, чтобы вынудить это множество несчастных похоронить себя в хижинах и умирать в них от истощения, дабы грустное зрелище их страданий не вызвало требований осуществления основных прав всех людей, которых природа создала для того, чтобы они жили, а не для того, чтобы лишь некоторые из них присвоили себе средства, принадлежащие всем.

Часто приходилось слышать предложения давать солдатам австрийского или других деспотов, которые откажутся подвергать свою жизнь опасности ради тирана и перейдут на нашу сторону, землю из отобранных у духовенства владений... Как можно было думать о столь великодушном отношении к людям, которых лишь временный интерес побудил не делать нам зла, и забыть об огромном множестве наших сограждан, изнемогающих от отсутствия всех ресурсов, необходимых для поддержания их существования?

Законодатель, Вы, кого Ваша известная гуманность возвела на ту великую сцену, на которой я Вас вижу! Придете ли Вы вместе со мной к заключению, что истиной, что концом и увенчанием хорошего законодательства является равенство земельных владений и что заветные стремления подлинного защитника прав народа всегда должны быть направлены к этой цели?

Какие люди вызывают в нас наибольшее восхищение, кого мы почитаем как величайших благодетелей человечества? Это апостолы аграрных законов, Ликург — у греков, а в Риме — Камилл, Гракхи, Кассий, Брут и т. д. ... В силу какого же рока то, что по отношению к другим вызывает наше самое глубокое преклонение, по отношению к нам является основанием для порицания?

О, я уже это повторял и еще повторяю, тот, для кого излагаемые мною цели не являются предметом его заветных желаний, должен лишиться права честно произносить священные слова «патриотизм», «свобода», «равенство». Произнося их, он должен в то же время мешать их действию и строить свои планы по образцам всяких Барнавов, Туре, Дандре[36] и многих других предателей, заслуживающих того, чтобы правосудие нации обрушило когда-нибудь на них свои удары.

Вы, доблестный гражданин, взяли обязательство следовать лучшим примерам! Петион в проекте Декларации прав человека в 1789 году посвятил одну статью самому важному из этих прав, которое хотели забыть в декретированной Декларации, а именно: обязанности общества обеспечить всем его членам достойное существование.

Возьмите Робеспьера, Вы найдете, что и он в последнем счете тоже сторонник аграрного закона[37]. И эти знаменитые

люди вынуждены лавировать, потому что они понимают, что время еще не пришло. Вы подниметесь до уровня этих уважаемых человеколюбцев. Ваши максимы, будучи введены в проект, зазвучат так же, как их положения...

ВТОРОЙ МЕМУАР КОММУНЫ ДАВЕНЕКУР,

составленный защитником обвиняемых из этой коммуны и служащий ответом на грубо клеветнический памфлет мошенника, взбешенного тем, что с него сорвали маску [38].

Упомянутый памфлет озаглавлен: «Изобличение и опровержение «другом чести и правды» перед государственным обвинителем Мондидье подлого пасквиля, озаглавленного: «Дело коммуны Давенекур» и т. д.»

Правда глаза колет

Если дама Ламир не забыла об обещании следить за ней и преследовать ее на всех окольных путях и во всех убежищах, где она рассчитывает спастись, она видит, что обещание выполняется.

Первая петиция, стр. 62 *

Говорят, вот уже более пятнадцати дней среди публики распространяется некий гимн, восхваляющий меня и всех жителей Давенекура. Но лишь сегодня он случайно попал в мои руки, и я впервые с ним ознакомился.

Будь я ранее об этом осведомлен, я не промедлил бы с выражением моей благодарности автору, который поистине слишком добр и оказывает нам почести, которых мы не заслуживаем.

Сожалея о том, что автор вовлекает нас в частные дискуссии, не имеющие почти ничего общего с существом дела, я должен, однако, лично отразить один направленный лично против меня выпад.

Поскольку мое дело связано с делом всех других лиц, подвергшихся нападкам, я могу защищаться, лишь защищая одновременно и их.

Уступлю ли я искушению трактовать в веселом тоне этот столь серьезный предмет? Да, при виде всех преимуществ, которые мой противник дает мне над собой, грустный вид мне уже не подобает. Те слезы, которые до сих пор исторгало у нас острое чувство несправедливости, должны теперь смениться у всех тех, кого хотели сделать жертвами, всеобщим чувством радости.

Почему я говорил о противнике и против кого собираюсь я защищаться? Об этом мы узнаем из опровержения или, если угодно, обвинения. Оно подписано Ги де Ламир, но, что́ бы об этом ни думали до сих пор, этот человек не больше всех заинтересован в отстаивании пресловутой сказки или трагического романа, о коем идет речь. Клевета, на которую мы отвечаем, под-

---

* См. выше, стр. 254.

писана «друг чести и правды», и сочинение это содержит в себе доказательство того, что именно на этом «друге» сосредоточен весь интерес тех, кто сотрудничает с ним в стремлении погубить нас. Эта клевета самым убедительным образом показывает также, что г-жа Ламир играет лишь второстепенную роль, что она лишь игрушка и орудие страстей «друга чести и правды».

Этот «друг правды и чести», кто же он в конце концов? Опровержение не дает ясного ответа на этот вопрос. Никто в свете, насколько мне известно, не называет себя другом чести: это слишком общее определение. Но есть точные признаки, мы их дальше подробнее изложим, которые позволяют нам произнести имя нашего таинственного апологета. Выходите вперед, г-н Турнье!

Но это не я ... Это вы, говорю я вам. Ваши доказательства? Во-первых, хвала, которая вам там воздается, слишком высокопарна, чтоб она могла быть сочинена кем-либо, кроме вас. Опровержение с начала до конца лишь поверхностно касается главного предмета защиты и представляется посвященным исключительно вашему личному оправданию.

Во-вторых, можно сопоставить отдельные фразы из ваших известных сочинений, и тождество их даст полное доказательство. Вот примеры *:

С чего мне начать ответ на ваше нападение? Сколько людей надо оправдать! Сколько фактов надо восстановить! Сколько надо сделать для восстановления порядка после того беспорядка, который вам угодно было повсюду создать! Я бы испугался необходимости выдержать столь длительный бой, если бы не обнаружил, что вы открыли мне пути, которые позволят мне победить вас, не ломая слишком много копий.

Прежде всего вооружимся методом: это важное средство, способное сократить сражение между нами.

Ваше опровержение и обвинение можно разделить на три основных пункта. Неуклюжая клевета на отдельные лица. Искажения фактов. Ожесточенное стремление найти возможно большее число преступников. Мы ответим отдельно по каждому вопросу.

Глава I

Неуклюжая клевета на отдельные лица

Друг чести и правды!

Я имею основание воззвать к вам, поскольку я имею честь знать вас. Вы же не имели такого основания обращаться ко мне, поскольку у вас не было доказательств того, что я действительно автор петиции, которая вам не понравилась. То, что я дал сведения для этой петиции, что я наблюдал за ее печатанием, что

---

* *Пропуск в тексте.*

я вызвал сильное отвращение к вам, читая ее жителям Давенекура, что я развлекался насчет слушавших меня, когда я не опровергал мнения тех, кто, подобно вам, считал меня ее составителем, — все это не есть четкое доказательство того, что я им являюсь.

Но я вам заявляю, что, если бы я был им, я представил бы факты точно так, как они там представлены, ибо я не могу видеть это дело иначе, чем оно там описано, т. е. в соответствии с правдой.

Я позволил бы себе все то, что сказал автор петиции, ибо я полагаю в любое время возможным позволить себе это. Послушайте лучше следующее.

В статье «Благовоспитанность» словарь приводит пример одного судебного дела, в котором адвокат Портай, выступая от имени генерального прокурора, сказал, что г-н Пинье, адвокат из Аббевилля, выступая по другому делу, в своей речи употреблял грубые и оскорбительные выражения, но что в этом частном случае существо вопроса, казалось, делало это простительным, ибо эти выражения были, так сказать, необходимы; ... что, хотя соблюдение правил благопристойности обязательно для адвокатов, их содействие часто стало бы бесполезным для правосудия, если бы им не было разрешено пользоваться всеми выражениями, необходимыми для борьбы с беззакониями; что их красноречие потеряло бы силу, если бы оно было лишено свободы, и что выбор выражений, коими они вынуждены пользоваться, зависит от характера дел, в которых им приходится защищать, ... нападать на кого бы то ни было.

Скажите, друг правды и чести! Ваши неотразимые принципы являются ли авторитетными для вас или нас? Что сказал бы красноречивый Портай, если бы к тем примерам жестокости, которые он привел, ему пришлось добавить этот пример, еще не известный в дни, когда он жил? Если бы он мог сказать: когда речь идет о чудовище, вынужденном лично признаться (см. стр. 37 и 39 «Опровержения»), что ему угодно было несколько раз стрелять в людей, о бешеном человеке, в увлечении яростью доходящем до упорного стремления осуществить жестокий и безумный замысел погубить целую общину, в лоне которой он жил *; тогда, сказал бы он, какая речь могла бы передать ужас подобных злодеяний, какие выражения могли бы описать их в истинных красках и какой другой смертный мог бы быть настолько другом преступления, чтобы умерить гневные выражения, имеющие целью внушить ненависть к таким мерзостям?

Друг чести и правды!

Когда авторы первой петиции назвали вас по-другому и когда негодование, вызванное всем вашим поведением, исторгло жалобы и в то же время побудило их выразить желание, чтобы ваши грехи были искуплены, они не только позволили себе сильные выраже-

* См. «Опровержение».

ния по вашему адресу, но наряду с этим, основываясь на фактах, изложили причины, по которым они это себе позволили. У вас таких мотивов не было, а вы оскорбляете с гораздо большей дерзостью.

Я начну не с возражений на то, что в вашем сочинении относится лично ко мне, а отвечу сначала на столь же враждебные слова, сказанные вами о каждом из других людей, которых вы восхваляете наряду со мной.

О господине Бло, мэре, вы говорите на стр. 20 как о богослове и супруге кузины обвиняемых Пуантена и Байи. По-моему, в этом нет оснований для упрека. Быть родственником жертвы, стонущей под тяжестью несправедливого обвинения, — это беда, а не позор. Что касается богословия, я не думаю, чтобы положение мэра было опаснее положения богослова. Я слышал, как он повторял:

> Часто бывают изменники и у подножия алтаря.
>
> Эдип.

и следующую истину, столь применимую к данному случаю:

> Их скрытое честолюбие не чуждо происков,
> И не одной стране часто приходилось страдать
> от их интриг.
>
> «Генриада». Песнь V.

Как мы уже говорили, крайне досадно, что вы вынуждаете нас отвлекаться деталями, очень мало связанными с главными фактами. Но надо войти в лабиринт и следовать по всем изворотам, куда вы отступаете.

Первый из ваших 12 параграфов целиком посвящен мне. Там вы, дав себе волю, многословно размазываете. . .*

О светский священник! Как поступаете вы с заветами Евангелия? Вы забыли, стало быть, эти слова его автора: «Когда ваш враг ударит вас в правую щеку, подставьте ему левую».

Что хотите вы доказать вашей грубой руганью? Неужели вы думаете, что я унижусь до ответа на каждое ругательство? Нет, мне достаточно будет указать самые грубые.

Я не могу догадаться, хотели ли вы, говоря об индейках Дамери, бросить беспричинное оскорбление Александру Обе [39], доказывая, что при сопоставлении со столь сиятельными особами, как госпожа бывшая графиня де Ламир, он был всего лишь сеньером-индюшатником; эту манию, отнюдь не благородную, мы постоянно замечаем у могущественных и высокопоставленных людей. Так или иначе, если я скажу вам, что у Александра Обе вообще не было никаких индеек, за которыми надо было бы смотреть в течение того года, а не годов, которые я у него провел,

---

* *Пропуск в тексте.*

вы, быть может, мне не поверите? Ну что же, если вы этого непременно хотите, чтобы вам угодить, я скажу вам, что индюки у него были, что я за ними смотрел и что я этого не стыжусь. Но, в награду за эту мою любезность, я надеюсь, что вы не будете отрицать того, что я сейчас скажу. А именно, что, когда я пас моих птиц, мне доводилось беседовать с некоторыми разумными существами, ибо вы сами знаете, что от своего первоначального состояния я поднялся в течение одного года до уровня по меньшей мере писца и помощника февдиста. Ладно, пусть будет так, я пас индеек, и, в надежде добиться когда-нибудь возможности полезным образом применять «скрытную гибкость ума», я одновременно читал Фременвиля и Бурдалу, Вольтера и Платона, Аристотеля и Жан Жака.

Какой это старый прием — попрекать человека тем, что он не родился под крылом Фортуны! И в прошлом были люди, имевшие глупость порицать Руссо за то, что он был сыном часовщика, Дидро — за то, что он был сыном садовника, и недавно Бриссо, ныне избранного в новое Законодательное собрание, за то, что он — сын повара. Нищие духом, увы! все еще в моде.

Действительно я заслуживаю осуждения за то, что раскрыл истинную историю феодальных преступлений, страшную сеть которых я сумел распутать, проникнув в пыль архивов. Если эта история принесла пользу миру, если ее распространение может способствовать освобождению земли от последних ответвлений рокового дерева, какое мне дело до того, что в некоем сеньериальном обвинении про меня написано, что мое перо — это жало змеи, раздирающее грудь своей матери.

Я на это отвечу. Я не отрекался от этой своей матери до тех пор, пока просвещение не дало мне возможности увидеть ее чудовищность, но как только я заметил, что она — гидра о ста головах, я сказал себе: да, надо с ней бороться, хотя бы ее презренные приспешники и прозвали меня гадюкой. Друзья человечества, видя, как я жалю урода, скажут, что я — змея благотворная. И Траян был таким среди деспотов, когда он ослабил неограниченную власть, переданную ему ее создателями, чтобы заменить ее господством справедливости и закона. А впрочем, что бы вы ни сказали еще о моей якобы досаде и о так называемых ее выражениях, вот мое публичное исповедание веры в отношении всех сеньеров...* Вы бы отреклись от них? Я отрекаюсь.

О, если бы богу угодно было сделать так, чтоб они меня прогнали тут же, когда я им представился! Я посвятил бы лучшие годы моей жизни другим трудам, для людей, которые, вероятно, платили бы мне. Тогда как до сих пор около полдюжины из них не заплатили мне за то, что я испортил себе наполовину глаза, разбирая для них источенные червями пергаменты. Один из них, между прочим, введя меня в расходы на 10 тысяч франков, за-

---

* *Одно слово неразборчиво.*

ставил меня, когда я оказался в нужде и должен был соглашаться на все, удовлетвориться тысячей экю[40]. Таковы мои вымогательства.

Меня, говорит мой ругатель, тащили из одной тюрьмы в другую. Да, но там вместе со мной были самые честные люди на Земле. Все знают, о чем идет речь, и ему не удастся никому внушить что-нибудь обо мне. Две антипатриотические коалиции, прикрываясь конституционными формами, преследовали меня за мой патриотизм. Сначала генеральные откупщики в последние часы своей агонии хотели нанести мне сокрушающий удар своими хищными зубами, потому что я опубликовал план (который был принят), а это был план уничтожения откупов. С этою целью они сумели в мае 1790 года посадить меня в тюрьму Консьержери, где я провел два месяца и откуда я вышел под аплодисменты всех честных граждан. Другая попытка была сделана в связи с тем, что я задумал произвести изыскания на предмет возвращения коммуне Руа части угодий, которых ее давно лишили. С этою целью, путем самого неслыханного акта произвола, я был брошен в апреле в застенки Мондидье, откуда я опять вышел через 4 дня, встреченный общим ликованием. Таковы мои преступления. Вот за что меня клеймят. За это, вероятно, я заслужил наименование «смутьяна и мятежника» со стороны нашего клеветника.

Не будем унывать, будем и дальше сохранять силу, чтобы следовать за ним.

Параграф II «Опровержения»

Наш опровергатель как доблестный рыцарь посвящает его короткому и прекрасному восхвалению своей дамы. Только экстаз Дон Кихота, мечтающего о своей несравненной из Тобозо, может с этим сравниться. Г-жа Ламир — возвышенная душа, шедевр всех добродетелей, и т. д., и т. д.; я заранее слышу, как каждый задает себе вопрос: какое отношение все это может иметь к нашему делу?

Но среди всех этих романтических литературных украшений вот что шокирует больше всего.

«Дни вашего отсутствия были днями траура... Одно лишь ликование встретило там ваше возвращение... Достаточно только обойти окрестности вашего старинного дома в радиусе двух лье, чтобы убедиться, что ни одна душа не одобряет ни единого слова из всех этих нелепостей».

Что еще можно найти в этой второй части порождения вашей досады? Клевету на нашу революцию, которую вы характеризуете как эфемерную анархию и всеобщее потрясение, вызвавшие безумие и беспорядок, породившие банды убийц и банды кровожадных тигров. Таковы те почетные звания, которые вы присваиваете жителям Давенекура вообще. И, вдобавок, вы говорите, что 25 февраля они были заражены тлетворным дыханием некоего

злого гения и некоего опасного мятежника, которого возбужденная столица извергла в их лоно. Известно, какого мятежника вы имеете в виду, изрыгая эти намеки, но это — лишь проявление тщетной и ничем не прикрытой злобы, ибо известно также и то, что этого мятежника не было в Давенекуре во время описываемых вами событий, и вы об этом прекрасно знаете.

Параграф III

Вот здесь вы наслаждаетесь. Одиннадцать страниц, полных похвал вашим совершенствам. Нет ничего более удобного, как выступать в роли собственного панегириста. Ибо кто же другой, кроме г-на Турнье, мог бы сказать так много хорошего об аббате Т.?

Но какое нам дело до того, что в Аррасе у вас была высокая репутация, как у преподавателя? Какое нам дело до вашего рвения, до ваших добродетелей, до ваших талантов, проявленных на этом посту? Что нам ваша длительная привычка к кабинетному труду, ваши продолжительные занятия физикой, юриспруденцией, что нам письмо епископа Конзье, который должен был бы предпочесть, если вы были действительно хорошим преподавателем, сохранить вас для всех ваших учеников, чем сказать, что «интересы одного только г-на Ламира были ему слишком дороги», чтобы он мог дальше им противиться? Какое нам дело до завещания того же г-на Ламира, в котором, как вы говорите, вы не были забыты?

Самое главное — это показали ли вы себя честным человеком в Давенекуре. Чтобы восстановить свою репутацию в этом отношении, вы изощряетесь в искажении истории ваших подвигов, и вы делаете это очень неуклюже: правдоподобие на нашей стороне. Мне кажется, что наш рассказ следует оценить совершенно иначе, чем ваш. Вы гонитесь за возвышенным, за блестящими романтическими описаниями, мы следуем правде и естественности.

Можно ли вообразить что-нибудь столь поучительное, как ваши благотворительные мастерские и распределение супа и хлеба 4 раза в неделю более шестидесяти бедным: это похоже на деяния одного из двенадцати апостолов в первые дни существования церкви. Вся разница со святыми Петром и Павлом в том, что последние не публиковали о своей милостыне печатных мемуаров, наоборот, они постоянно повторяли вслед за Христом: когда правая рука подает, левая не должна этого знать.

В этом параграфе вы еще предстаете как добродетельный служитель церкви, примиритель семейств, воплощение добродетели и невинности; поток ваших благодеяний льется на Давенекур. Как же объяснить, что, по вашим же словам, этот приход, обязанный вам всем, хотел отрубить вам голову в день тревоги 25 июля 1789 года и что он был от этого удержан только другими прихо-

дами, которым вы не сделали такого же добра. Что целая деревня безо всяких мотивов захотела убить добродетельного церковнослужителя, который всегда был только ее благодетелем? Это уже слишком невероятно!

Вы решительно отказывались заниматься общественными делами. Но вы сами признаете, что вы вмешивались во все дела г-на Ламира с его бывшими вассалами. Были ли при старом режиме какие-либо более важные и крупные общественные дела, чем дела между сеньерами и их вассалами?

Нет ли с вашей стороны некоторого коварства, когда вы жалуетесь на то, что вам угрожают не оставить камня на камне от замка Давенекур? Вы не так глупы, чтобы не понять истинного смысла столь гневно инкриминируемой вами фразы. Как следствие упразднения права первородства бывшие сеньериальные земли будут разделены, каждый ребенок получит свою часть в каждом имении. Но дети каждого ребенка опять разделят каждую часть. Они придут к нам, они встанут на уровень землепашцев; они женятся на наших дочерях, если только память о былых притеснениях, причиненных их предками, не создаст слишком сильного предубеждения против них.

Такое деление имуществ и результаты этого деления будут для прихода не менее ценны, чем все ваши благодеяния, о которых не было бы известно, если бы вы не позаботились обнародовать их. Разделенные таким образом имущества не позволят никому из их владельцев содержать такие чересчур пышные дворцы, которые кажутся храмами, воздвигнутыми в честь богов, и представляют оскорбление для множества людей, являя возмутительную разницу с нашими простыми жилищами, нашими печальными хижинами.

Возможно, что эти памятники человеческого тщеславия будут снесены и заменены сооружениями более скромными и более сходными с жилищами крестьян и рабочих. Эта благотворная реформа будет со временем распространена на все, что ныне именуется словом «замок», от них не останется «камня на камне», и нынешнее поколение еще увидит осуществление этого. Вот что в точности говорилось, и вот чего друг правды не должен был бы искажать в каком-то дьявольском смысле.

Наш учитель Жан Жак * был тысячу раз прав, когда он говорил, что на основании выдернутых из Евангелия отдельно взятых изречений можно было бы двадцать раз повесить сына божия. Если бы заимствованные у него авторами петиции слова не были им произнесены уже на крестном пути, если бы его не преследовали под тем предлогом, что он называл себя царем иудеев, то разве не было бы достаточно его слов, что Иерусалим будет разрушен и от него не останется «камня на камне», для того, чтобы возбудить против него судебное дело, тем более что он не развил

* *Руссо.*

свою мысль, как это сделал я, и не объяснил, что это язычники однажды придут и разрушат этот город. Его враги могли бы утверждать, будто он угрожал, что разрушит город сам, со своими апостолами и учениками, которых было, кажется, 72—73 человека, между тем как отряд разрушителей Давенекура, подписавших петицию, состоит только из 69 человек.

Впрочем, тот факт, что никто не обманулся насчет смысла этих слов, что их не приняли за угрозу, как это притворно изображается кое-кем, этот факт доказывается тем, что феодальное здание, охранявшееся с момента отъезда владельца отрядом швейцарцев Дисбаха, перестало охраняться примерно ко времени опубликования петиции.

Параграф IV

Мы также «негодяи», потому что хотим научить сына Жана Мира снова правильно писать свое имя, а вы, вы, господин опровергатель, изощряйтесь на этот счет, как вам угодно; на наш взгляд, не стоит из-за этого копья ломать. То же скажем мы и о вашем гневе на меня за то, что я, по вашим словам, лелеял как верх честолюбия мечту стать феодальным управляющим. Я все уже сказал на этот счет, я вам заявляю раз навсегда, что вы можете подавиться своей грязной бранью, которая все равно меня не коснется.

Но есть нечто более серьезное. Леже, Бло[41], мэр и т. д. ... изменники.

А вам не сказали, что Ле Сюер[42] совмещал различные судебные должности, но что он все эти должности исполнял, руководя по своему произволу должностными лицами, которые были рады оставаться пассивными, назначенными лишь формы ради.

По вопросу о притеснениях и чрезмерных повинностях вы пользуетесь, как и в отношении других обвинений в угнетении, очень удобным способом вывернуться из затруднений: простое отрицание, нагло произнесенное и поддержанное многочисленным эскортом бранных слов, — вот все, что вам нужно. Одно только дело о переходе владения С. Буатель из Форетиля в 1786 году вас немного заинтересовало: вам говорят, что арендный договор на это владение определил годовой доход с него в десять мешков пшеницы, что́, исходя из оценки, составляющей 6 ливров 6 су 10 денье за сетье, дает 63 ливра 8 су 4 денье... Вы, чтобы защититься от обвинения в краже, прибегаете к грубой лжи, и арендная плата внезапно оказывается увеличенной на 4 сетье и 3 буасо пшеницы, что́ поднимает цену годовой продукции выше 100 ливров. Вот так вы всегда защищаетесь.

Параграф V

Достаточно сопоставить две истории мельничного баналитета, чтобы убедиться в том, что ваша история — это выдержка из запутанного романа и что, несмотря на все ваши усилия, вам не

удастся замазать истинную картину этого преследования. Г-да Массон и Кассе, которые хотели спасти своих земляков от ненавистного рабства, третируются вами как склочники, смутьяны, интриганы, мятежники, вздорные люди. Господин Кассе идет у вас первым; обозвав его на странице 11-й человеком опасным своей ловкостью, вы даете ему еще прозвище великого писца, лелеющего честолюбивую мечту воровать в архивах и кассе дома Ламир.

Полагают, что этой колкостью вы разрешились лишь ради удовольствия позлословить. Что касается другого гневного окрика, я слышу сто голосов, подсказывающих мне, что здесь вполне можно повернуть против опровергателя его любимый аргумент, т. е. сказать, что он изображает самого себя, когда говорит о человеке опасном, ловком и т. д.

Но даже г-н де Марси, бывший фермер капитула Сен-Кантена в Анжесте, получил свою долю ваших изысканных определений: вы удовлетворились здесь такими эпитетами, как агент — сутяжник и интриган; а в конце вы очень мило называете все это сохранением простого и умеренного тона, подобающего невинности и правде.

Вы также не можете оправдать эту гадкую историю с хлебом, который отбирали на дороге из Мондидье в 1789 году, и о плате за помол, которую заставляли вносить в возмещение за убыток, причиняемый баналитетной мельнице. Хотя вы и стараетесь представить все в «наилучшем свете» и рассказываете «о шестифранковых монетах, брошенных во рвы», все же остается нечто очень похожее на то, что рассказывают авторы петиции.

Но очень забавно читать, что вы хотели иметь баналитетную мельницу в Давенекуре лишь для того, чтобы совершать больше актов благотворительности и умеренности, и что судебное дело о баналитете должно было прославиться в кантоне именно в этом смысле. А ведь эти шутовские выходки вполне четко напечатаны на стр. 27; их можно там найти.

Параграф VI

Вы все, считавшие всегда, что характерной особенностью земель Давенекура и Анжеста является равнинность, узнайте сейчас от друга правды, нашего опровергателя, что все пути там проложены по глубоким оврагам, крепкие склоны которых без зазрения совести захвачены противниками. И, с другой стороны, убедитесь, что если по обе стороны дорог Анжеста и Давенекура было посажено по два ряда яблонь, то это было сделано из благотворной предосторожности, в заботе об общественном благе, исходя из честных и мудрых намерений. Это делалось также с целью обуздать жадность владельцев смежных с дорогами земельных участков, которые будто бы претендовали на то, чтобы снимать урожай на краях дороги так же, как на своих полях, и постанов-

ление от*... имело лишь значение предупредительной угрозы с целью устрашения мятежников, злоумышленников, склочников и жадных агентов коммуны. Т. е. опять-таки господ Массона и Кассе. На это нечего и отвечать.

Мы только требуем опровержения относительно 400 ливров издержек за постановление, принятое по ходатайству, и настаиваем на том, что бесстыдный автор петиции отнюдь не лгал бесстыдно на этот счет.

Параграф VII

Здесь идет речь об узурпации наших общинных угодий. Те, кто читал первую петицию жителей, припомнят, что в ней установлено со ссылкой на документы, что общинные болота Давенекура не были «бесплатным пожалованием» бывших сеньеров, чтó является первым и главным обстоятельством, требуемым ордонансом о водных и лесных угодьях для обоснования требований о триаже.

Наш опровергатель (все тот же «друг правды») смело утверждает, что факт такого пожалования не вызывает сомнений. И, исходя из этой ложной посылки, он с легкостью набрасывает для своей пользы схему якобы происходившего в истории процесса, которая поначалу кажется вполне правдоподобной и даже производит впечатление; но эта иллюзия нарушается, как только подносишь эту схему достаточно близко к глазам, чтобы различать предметы в неискаженном виде.

Здесь мы тоже находим смехотворное изображение новой благотворительной мастерской для рабочих Давенекура, на тех самых общинных лугах, которые у них ловко похитили... Я негодую! Нельзя до такой степени издеваться над бедным народом...

Параграф VIII

Оправдать бесшабашную стрельбу по «черни» — дело не совсем простое. Поэтому здесь, больше чем когда-либо, воспламеняют свое воображение, чтобы извлечь оттуда серию выдумок, которая бы ясно и четко доказала, что стрелявшие были правы, а расстрелянные виноваты.

На что вы жалуетесь, неблагоразумный Мартен Иар! .. На то, что несколько свинцовых дробинок, отраженные стеной или землей, которая была очень сухой, задели вашу ногу? .. Но знайте же, что этот заряд свинца был послан вам одним из жрецов вашего бога. Для вас заготовлены и более серьезные заряды в судопроизводстве в баронском суде Давенекура и Анжеста, и г-н генеральный прокурор, внимания которого удостоилось ваше дело, вам пригрозил (вероятно, на случай рецидива, если вам опять нашпигуют ноги свинцом) телесным наказанием. Запомните это.

---

* *Пропуск в оригинале.*

А это что еще за клевета авторов первой петиции, сказавших, что «друг чести» застрелил деревенских молодых людей, купавшихся в реке! Да бросьте, ведь это была лишь шутка, все дело было в том, чтобы припугнуть кучку «распутников», относительно которых можно было полагать, что, притворяясь, будто они идут купаться, они в действительности собирались воровать фрукты и овощи из сеньериального сада. А если наш аббат-гренадер, преследуя их, положил несколько свинцовых дробинок в свое ружье, то он это сделал лишь для того, «чтобы стрелять сов». А если он убил кого-нибудь из мародеров, то кто может ему помешать развязно заявить в свое оправдание, что он принял его за «сову»? Над этим можно только посмеяться. И наш любитель сов так и делает. Слышите ли вы, как он хохочет во все горло, когда он говорит о наших охваченных ужасом молодых купальщиках: одни уверяли, что пули свистели у их ушей, другие — что они летели сквозь ветви ив, некоторые говорили, что видели эти пули, были и такие, которым показалось, что они умерли... Что сказать об этом? Мне кажется неуместным этот комический эпизод в середине серьезной драмы.

За этим следует отрицание истории, как два брата занесли дарения в опись лишь под угрозой выложенных на стол ружья и пистолетов. Нам задают вопрос, как могли все подписавшие [петицию] быть свидетелями этой ужасной сцены. Они не были свидетелями, но это стало всем известно с того самого времени, когда это произошло, потому что оба брата предали гласности это дело, а им поверили тем легче, что уже все привыкли слышать об ужасах, происходивших в замке Давенекур.

Наш бешеный критик терзал своими когтями также и г-на Кузена до тех пор, пока он не отказался от защиты угнетенных из Давенекура. Ныне он говорит о нем как о тонком писателе и честном юристе, которого «чудовища» хотели соблазнить и убедить его поставить свою подпись под их «подлым» пасквилем. Только доносчик мог включить это последнее обвинение с добавлением, будто г-н Кузен выгнал от себя этих чудовищ, когда они пришли к нему со своими предложениями. Если это верно, то покорнейшая просьба к этому последнему назвать имена «чудовищ».

А это еще что за чушь относительно подписи г-на Варле-сына, адвоката из Амьена, на некоторых экземплярах петиции? Какие интересы, какие выгоды могли быть связаны с такой подписью? Петиция была подписана и одобрена достаточным числом людей, чтобы не нуждаться в подписи стряпчего. Если в отношении подписи Варле были учинены какие-нибудь подлоги, то, пожалуй, нетрудно догадаться, где узел этой интриги.

Параграф IX

Противоядие против бесчисленных обвинений, сыплющихся на жителей Давенекура начиная с 25 февраля

Кто во всем мире слышал когда-нибудь, что община Давенекура потрясла всю бывшую провинцию Пикардию своими преступлениями? Этот комплимент сделан ей, однако, в той части опровержения, которую мы имеем удовольствие читать. Будем ли мы здесь опять отмечать всякие отвратительные личные выпады, представляющие собой лишь убийственно скучные повторения, приевшиеся даже тем, кто в злобе своей готов все проглотить? Мы бы никогда не кончили, если бы захотели все оспаривать в сочинении, состоящем из раскаленной ярости. Сама наша революция подвергается там нападкам бессильной злобы, находящей облегчение в рассуждениях о «мерзавцах», запятнавших преступлениями и растерзавших лоно нашей несчастной родины. Дальше следуют едкие жалобы на результаты воздействия того «общественного духа», который поставил ненависть и интриги на место простоты и мирных добродетелей, обитавших некогда под нашими сельскими кровлями. Наконец, не может быть ничего, столь отчаянно грустного, как заблуждения «сбитого с толку народа», гордящегося тем, что он отделяется от «порядочных людей».

Но этот раздел сверхпасквиля посвящен главным образом обливанию грязью тех щепетильных свидетелей, которые в своих заявлениях вносили поправки в свои первоначальные показания, поскольку они заметили, что при редактировании в них вкрались вещи, которых их совесть не позволила бы им сказать.

Здесь опять наш декламатор, распухший от гнева, взрывается по поводу слова «аристократ», оскорбляющего его слух, как он говорит, исключительно потому, что «крестьяне» и городской «народ» неправильно его произносят, что они говорят «истократ». Потерпите, я надеюсь, что у нас скоро будет народное образование, и, господа из аристократии, вы получите всюду удовольствие слышать, как вас будут называть полностью а-рис-то-кра-ты.

Он также замечательно объясняет, как заплатили «голодному писателю», которому приписывают составление первой петиции. Молчите, неудачливый прорицатель! Уже не раз наш голодный имел возможность больше заработать, если бы он согласился получить плату за молчание.

Отметим еще, чтó наш порочный критик говорит о злосчастной истории Жана Байе. Мы видели истинные обстоятельства этой истории в том сочинении, которое опровергается и разоблачается. Здесь обвинитель и опровергатель ужасно ее искажает и доходит до того, что признается в своих замыслах мести. «Эта трагическая смерть, — говорит он, — должна рассматриваться как спасительный урок, ниспосланный провидением».

Автор «Генриады» хорошо знал дух церковников, когда он сказал:

Они поют, и, кажется, их набожные и бешеные крики
Приобщают и небеса к их злодеяниям.

Мы с умилением читали в петиции описание трогательной сцены, когда все люди коммуны Давенекур пошли умолять судей защитить их от жестокого обвинения, которое распространялось на всех них. И что же, наш отвратительный критик и эту сцену искажает ужасным образом, и под его грязными руками этот похвальный поступок окрашивается в черные тона — он изображает его покушением на взлом тюрьмы, где заключены жертвы!

Здесь плодовитое воображение романиста подсказывает ему новые ужасы. Оказывается, мэры Бекиньи и Давенекура предприняли осаду сеньериальной крепости. Сообщают, что это имело место «в один из дней». А вы не припомните, в какой именно день? Ведь во всех других случаях вы указываете точные даты. Нам не нужно других доказательств: это чудовищная выдумка, которую вам угодно было добавить к прежним.

С точки зрения опровергателя новые судебные порядки плохо продуманы: он отнюдь не одобряет этих публичных заседаний или во всяком случае он хотел бы сделать исключение для «мерзавцев» из Давенекура. Так как много людей пришло на заседание во время очных ставок и других актов судебного следствия, касавшихся их отцов или других родственников, то клеветник называет это «отрядами, идущими угрожать свидетелям и запугивать их».

Затем в обоснование только что отмеченного говорится о протоколе национальной жандармерии от 18 июля, «который констатировал факты насилий и угроз, имевшие место при выходе из суда». Почему этот счастливый аббат, обладающий тем преимуществом, что он хорошо знает все документы процесса, не печатает полностью этот протокол как важный оправдательный документ, для того чтобы дать точное представление об угрозах и актах насилия, о которых он говорит?

Стр. 50. Господи, что я прочел! ! ...Христианский пастырь, что за приступ бешенства! Будь вы Моисей, вы бы меня истребили как израильтянина, поклоняющегося золотому тельцу. Опять-таки у вас нет доказательств того, что я был составителем пасквиля, но ...вы готовы съесть меня живьем... А когда презирают какое-либо сочинение так, как вы это делаете, то стоит ли впадать в такой гнев... который, право, может повредить здоровью. Разве вы сами не сказали, что «удары двух патриотов-борцов поколеблют феодальный колосс примерно так же, как штурм осы мог бы пошатнуть Гибралтар?» ...Ладно, хватит!

Параграф X

О характере показаний по делу 25 февраля

Стр. 51, 52. Здесь поставлена цель доказать, что свидетельских показаний Турнье и слуг, подкупом привлеченных к презренному заговору, достаточно для обоснования истребления жертв. Нельзя

и не нужно выслушивать других свидетелей. Все местечко Давенекур заселено «каннибалами, которые все подозреваются в соучастии, как это видно из их сговора в пользу клеветнической системы...» И, конечно, есть другая лига, созданная в Давенекуре, но она направлена в защиту невинности и способствует тому, чтобы человечность помешала восторжествовать отвратительным и жестоким людям, алчущим крови и пыток!

Стр. 53. Кучер не был вызван для дачи показаний, «потому что он ничего не видел и не находился в очаге восстания». Но раз вы утверждаете, что он был послан в Мондидье с письмом, вызывавшим на помощь жандармерию, то, стало быть, было какое-то начало восстания до его отбытия, о каковом начале он мог бы дать показания? Судя по почетному свидетельству, которым вы жалуете вашу бывшую работницу, она должна требовать от вас либо возмещения убытков, либо доказательства своей виновности. Следовательно, замечание на стр. 43 первой петиции не опровергнуто в части, касающейся кучера.

Стр. 53, 54. Служанка с птичьего двора тоже якобы не могла быть свидетельницей, потому что она не имела отношения к службе внутри дома, она могла не знать о кровавых сценах, разыгравшихся в комнатах, и она была уволена за «нелояльные» поступки. Как? Столь страшные сцены, как вы их описываете, происходят в доме, они продолжаются четыре часа, а служанка может об этом ничего не знать? ... Г-н Турнье, прятавшийся за каменной трубой все время, пока длилась эта сцена, соглашается дать подробные показания, охватывающие все вопросы и все обстоятельства.

Вот еще одна удобная история! Вы не захотите уверять, что все люди... * к вам. Но, однако, в отношении... *

Стр. 54. Увольнение горничной мотивировано менее оскорбительным образом; она уволена, мол, лишь потому, что ее услуги «не удовлетворяли» ее хозяйку. Но так как ее свидетельское показание тоже «не удовлетворило», она исключена из категории тех, других, «верных слуг, которые облегчили свою душу и свою совесть искренними показаниями», конечно, не быв нисколько «обработанными» вами, подобно тому, как, по вашим словам, бывшая горничная была якобы «обработана» жителями Давенекура.

Стр. 55. Когда говорят о различии между первым и вторым романом, это, право, проявление неблагодарности. В протоколе от 2 марта муниципалитет не излагал подробностей событий 25 февраля, как это сделано в петиции коммуны, потому что, сохраняя ошибочную уверенность, что дама Ламир не будет давать хода делу, в котором она играла не блестящую роль, муниципалитет старался щадить даму Ламир и смягчить общую картину. Они предвидели, что если они подробно опишут все факты, как

---

* *Пропуск в оригинале.*

это было сделано в первой петиции, то это будет жалоба, которая может иметь слишком серьезные последствия, неблагоприятные для дамы Ламир. Это является также ответом на упрек, будто муниципалитет неверно изобразил то, что все беспристрастные люди называют несчастным случаем или непроизвольным самоубийством Демонсо, тогда как наш любитель виселиц смело называет это убийством. А сегодня эту слишком великодушную снисходительность коммуны используют против нее. Таково несчастье жителей Давенекура, что человек-бедствие, который их тиранит, обладает искусством обращать даже их собственное оружие во вред им.

Стр. 57. Если Демонсо заставили написать предсмертное письмо, в котором он обвиняет Батиста Пуантена, то он противоречит самому себе в своем показании от 27 февраля вечером, где он говорит, что его сразил Виктор Пуантен. В таком случае этот свирепый лакей, над судьбой которого наши людоеды так сильно расчувствовались и дошли до объявления об его апофеозе, потому что он бесстрашно помогал им в их злодеяниях, заслуживает не только звания «мученика», жалуемого ему опровергателем в изготовленном им по этому случаю акте о канонизации. Правда требует, чтобы было написано: «мученик и лжец».

Что Демонсо получил пулю на лестнице, этого никто не оспаривает, но не доказано ни то, что была взломана дверь кухни (доказано, наоборот, что она не была взломана), ни то, что в этой кухне вырвали ружье из рук Демонсо, ни то, что рана открывалась во внешней стороне и выходила во внутренней стороне плеча. В докладе, где речь будет только о событиях 25 февраля и об обстоятельствах настоящего процесса, будут опубликованы оправдательные документы, опровергающие все эти мнимые доказательства.

Параграф XI

Неточности рассказа противника

Стр. 59. Что это за правдивая газета, на которую наш гладиатор перекладывает заботу о восстановлении фактической истины на развалинах обмана и лжи? Но, опровергатель, я считал вас более смелым борцом. Как? В наиболее существенной части вашей работы, когда речь идет об описании фактов, вы складываете оружие, вы передаете перо какому-то неведомому борзописцу, который уже потому не может внушать доверия, что его никто не знает, что даже имя его неизвестно, что он может быть тем плохим историком, что, вероятно, находился на расстоянии более 30 лье от событий и действующих лиц? ... Но я, кажется, уже нашел разгадку этой загадки. Например, ваш правдивый газетчик пишет, что аббат Турнье, находясь за дымовой трубой, испытывал «страдания» жестокой «агонии», не имея другого утешения, кроме доносившихся до него стонов г-жи Ламир и ее детей, «благодаря которым он знал, что они живы».

Заглядываю в показание, данное вами на процессе, и читаю, что аббат Турпье за дымовой трубой:

переносил «страдания» подлинной агонии, «не имея другого утешения кроме доносившихся стонов» интересовавших его лиц, «благодаря которым он знал, что они живы».

В обоих документах все фразы совпадают таким же образом. Больше мне не нужно, ясно, что мой опровергатель и есть этот правдивый газетчик *.

Если, однако, тут он попался в ловушку, то причиной этому была только некоторая лень. Рассказ был сделан для правдивой газеты; полагали, что он был хорошо приготовлен, и не надеялись, что смогут сделать его лучше. Не хотелось, в связи с опровержением, трудиться опять над составлением рассказа, излагать который устали тем более, что всегда очень трудно исторически описывать то, что существует лишь в воображении.

Мы, столь равнодушные к личным оскорблениям, запальчиво извергаемым на нас устами преступления, допустим ли мы, чтобы этот порочный орган безнаказанно метал свою хулу на того, кого можно называть воплощением гражданина! Бриссо, ты, который будешь украшением возрожденного сената, ты, чья политическая репутация достаточно утвердилась, чтобы тебе не приходилось опасаться наглых колкостей всех так называемых декламаторов, вместе взятых, ты простишь мне, что я дам волю своему негодованию на наглость опровергателя, доходящего до того, что он осмеливается отрицать твои патриотические шедевры. Члены муниципалитета Давенекура, говорит он, разжигали дух мятежа, читая перед аудиторией разбойников, которых они хотели подготовить к ужасным актам насилия, разыгравшимся 25 февраля, газету «Патриот» [45], ставшую их политическим Евангелием.

Итак, теперь оказывается, что именно Ж. П. Бриссо, патриотический писатель, депутат Законодательного собрания, является главным двигателем, первым участником и зачинщиком так называемого восстания в Давенекуре. И его тоже, этого евангелиста прав человека, должен судить суд в Мондидье!

Жалкий лицемер!... нет, этому евангелисту, чье священное учение столь ч у ж д о твоей душе, не приходится опасаться твоего яда, изливай его на других. Он может одним своим дыханием пролить исцеляющий бальзам на раны пораженных и повергнуть в прах хищника, пожирающего все, что ему встречается на пути!

Что еще надлежит нам отметить в рассказе этой якобы правдивой газеты? Мы только что показали, что этот рассказ пред-

---

* Газета, о которой идет речь, может быть только газетой Ривароля, Сюло или «Друг короля» [43]. Это я замечаю по тому, как наш «друг правды» приспосабливает к ней свой стиль. В его рассказе встречается местами такое кощунство против конституции — молодой граф де Ламир [44].

ставляет собой почти точную копию показания Турнье. Это показание и его жалоба, разбор которой дан в первой петиции, сообщение о событиях, помещенное в «Mercure de France» [46], о котором упоминается в той же петиции, и сообщение в правдивой газете — все это явно исходит от одного и того же автора. Всюду одна и та же суть романа, но, однако, это не всюду один и тот же роман. Всюду мы находим повторение рассказа, совершенно неправдоподобного уже в силу нагромождения ужасов; мы имеем в виду штык, прижатый к груди дамы Ламир, и три обнаженные сабли, поднятые над ее головой в течение более двух часов. Всюду мы находим другие главные черты ужасающей трагедии. Но в части аксессуаров повсюду замечаются различия, диссонансы, колебания, незаметно рвущие все нити заговора, который плели искусно и со всем прилежанием, свойственным людям, желающим добиться успеха любой ценой.

Я забыл только одно замечание, быть может, однако, существенное для того, чтобы можно было установить, в какой мере следует доверять утверждениям опровергателя. На стр. 64 он говорит, что 24 февраля он бежал из Давенекура в Амьен и до своего побега он распорядился о погребении «честного слуги» в гробнице его хозяев. Заметьте, читатель, что «честный слуга» еще не был «готов к погребению» 24 февраля, ибо он умер лишь три дня спустя: поистине очень трудно быть в согласии с самим собой, если рассказываешь дважды одну и ту же ложь. И столь же верно, что, когда действуешь только под влиянием страстей, склонность изображать все в самом худшем свете приводит к забвению всех требований логики и глушит мысль о том, что все обстоятельства надо излагать в определенной последовательности.

Вот чем объясняется, что наш запальчивый опровергатель на стр. 62 своего рычащего памфлета говорит нам о тяжелой ране, которую получила мадемуазель Ламир от удара штыком по лбу, обстоятельство, о котором еще никто никогда не слышал и о котором ни ее брат, ни сам Турнье, ни другие свидетели не обмолвились в своих показаниях ни одним словом. Больше того, брат и многие другие свидетели, будучи об этом спрошены, решительно опровергают это утверждение и заявляют, что никто, по-видимому, не хотел учинить зла этой барышне.

Эти же поиски в тайниках сердца объясняют нам также, почему М. Кат. Бассо, горничная, не сказала в своем показании, что, когда она принесла белье для перевязки ран Демонсо, «ее осыпали ударами», разбили горшок с землей об ее голову и подвергли ее трем или четырем нападениям, хотя эти ужасы описываются на стр. 63 нашей правдивой жалобы.

Наконец, этим же объясняется, почему на стр. 57 вышеупомянутой жалобы нашли возможным сказать, что на железных полосах и перилах лестницы были следы пороха и свинца от выстрела, разбившего плечо Демонсо, а четырьмя страницами дальше, на

стр. 61, напечатано прямо противоположное, а именно, что в результате выстрела, произведенного в упор, стена лестницы оказалась облепленной обрывками плоти и осколками кости *.

Параграф XII
Заключение

Стр. 64. В своем заключении наш «громовержец» превосходит самого себя: он заканчивает там свое окаянное благословение нам.

Повторяясь, он пережевывает и опять разбирает свой параграф III, который мы столь тщательно опровергли. Наконец, он прилагает все усилия к тому, чтобы внушить 69 лицам, подписавшим петицию, что они действительно угрожали владельцам крепости Ламир; что они и их многочисленные соучастники, которые, не умея подписаться, выразили свое согласие с «подлым пасквилем», были столь неслыханно мерзки, что задумали и приложили свои силы, сохраненные ими благодаря г-же Ламир, и свои руки, которые без ее помощи высохли бы от голода, к свержению убежища и памятника благотворительности и милосердия. Несчастный народ! Предоставь мне минуту для того, чтобы вполне свободно померяться силами с этим исполнителем величайших беззаконий, который всегда будет приписывать тебе преступления, о которых ты никогда и не думал.

Злобный хулитель! Доколе хватит у тебя смелости представляться некиим солнцем, тогда как твоя душа способна порождать лишь тлетворные миазмы, несущие страдания и смерть всему вокруг... твое воображение, которое знает только мечты о застенках, пытках и виселицах, не остановится ли оно среди этих ужасных извращений? Коснутся ли тебя угрызения совести? Или, наоборот, ты еще не удовлетворен жестокостями, которыми твое сердце уже должно пресытиться, и тебе понадобятся новые искупительные жертвы!

Я вижу, как ты с рычаньем бродишь вокруг новой жертвы: твоя жестокость жаждет моей крови. Возведя себя в ранг обличителя злоупотреблений, ты упрекаешь меня в произнесении слов «французская республика». А если бы оно так и было? Ведь давно уже свободно говорят «республика литературы». Говорят, и никто не вменяет это в преступление, «французская империя», хотя у нас никогда не было императоров. В петиции, адресованной Законодательному собранию, я просил о разделе бывших

* Стена лестницы обычно находится на стороне, противоположной лестничным перилам. Итак, если на лестнице я произвожу выстрел в человека в упор, от которого стена лестницы оказывается облепленной плотью и костями, то физически невозможно, чтобы порох и свинец оставили какой-либо след на перилах, а если, наоборот, находясь на той же лестнице, я стреляю в направлении перил, то такие следы пороха и олова могут оказаться на перилах, но физически невозможно, чтобы плоть и осколки кости облепили стену.

сеньериальных земель и о безоговорочном упразднении, без возмещения, всех видов вассальных повинностей? А даже если это так, и даже если в этом есть нечто странное, ведь право петиций существует как в отношении лиц, так и в отношении вещей. Нет такого круга предметов, относительно которых петиции были бы запрещены. Нет такого постановления, что странным людям не положено составлять петиции. Неверно, будто составители обращения к Законодательному собранию спровоцировали восстание против уплаты шампара, это слово даже не было там употреблено. Требовали только упразднения ценза, и в это понятие собирательно включен и шампар.

Таким образом, это опять новые, очень плохо обоснованные обвинения со стороны декламатора, умеющего писать только черной краской и всюду изображать преступления и преступников. Мы призываем вас всех, люди добродетели, в ужасе отшатнуться от этого мрачного персонажа, который осмеливается обращаться к вам с призывами. Он торопит вас обесчестить себя отречением от участия в самом похвальном деле, в деле защиты ваших братьев, которых варвары хотели погубить.

Что ж, отрекитесь! Бросьте их, вы признаете их виновными, завтра эшафот станет их уделом, орда сеньеров будет праздновать победу, а послезавтра она отправит на казнь и вас!

Ф. Н. КАМ. БАБЕФ, ФРАНЦУЗСКИЙ ГРАЖДАНИН, ЖИТЕЛЬ РУА, КО ВСЕМ ГРАЖДАНАМ МУНИЦИПАЛИТЕТОВ,

которые прочтут настоящее сообщение, важное для всех сельских местностей [47]

Братья!

Некий аристократ в недавно напечатанном обширном пасквиле, направленном против меня, выражал свой гнев по поводу того, что я, отдав первые годы своей молодости работе февдиста и сеньериального агента, стал затем самым активным борцом против всего, что у нас осталось от феодальной системы. На этом основании он назвал меня змеей, раздирающей грудь «своей матери».

На что я ответил:

Пока я был молод, я не рассуждал. Я считал, что если что-то было, то оно и должно было быть. Я думал, что совершенно необходимо, чтобы были преследуемые и преследующие. Я относился поэтому тогда с большим сыновним уважением к моей матери — *феодальной системе*.

Но как только я стал несколько более человеком, как только солнце революции засияло для меня, я оглянулся и увидел, что моя мать — стоголовая гидра. И я сказал себе: надо с ней бороться, хотя бы за это ее презренные поборники назвали меня

змеей. По крайней мере честные люди поспешат сказать, что я — благодетельная змея [1*].

Я смею думать, граждане, что ваши имена пополняют список тех, кто судит обо мне таким образом. Вы уже знаете, как я воспринял потерю моей прежней профессии февдиста. Я сказал себе: эта профессия связана со злоупотреблениями. Я теряю все свои доходы, но тысяча человек, которых я бы мучил на протяжении года из-за бумаг, деклараций, платы за переход собственности от одного лица к другому, цензов, выиграют на этом [2*]. Истинный гражданин ставит общую выгоду выше своей личной выгоды. Феодальный строй — это система, состоящая из рабов и тиранов. Моя родина хочет быть свободной, она не хочет больше ничего сохранить из того, что связано с этой системой [3*].

Я видел, как появлялись все декреты относительно феодального режима, и сожалел о том, что не находил в них более полного упразднения этого режима, более подлинного, менее ограниченного, менее двусмысленного, менее призрачного. Я горячо желал, чтобы был признан принцип, что «земля должна быть так же свободна, как и живущие на ней люди», с тем, однако, исключением (ибо я понял, что полезно объясниться), что нужны налоги, необходимые для содержания государства. Мои сограждане знают, что я достаточно потрудился, чтобы дать доказательства этих принципов и чтобы помочь убедить Законодательное собрание издать законы, которые были бы серьезными и точными выводами из них.

Но сейчас, беря упраздненный феодальный режим таким, какой он есть, я думаю, что гражданам-землевладельцам надлежит действовать следующим образом.

1. Одержать верх над хитростями и уловками, к которым прибегают все бывшие сеньеры, чтобы избежать последствий применения законов о праве требовать подтверждающие документы и проверки их и о праве выкупа цензов, шампаров, придорожных посадок и всяких других бывших сеньериальных повинностей.

2. Настаивать перед Законодательным собранием, чтобы оно более широко применяло упразднение повинностей без возмещения и обеспечило полное исчезновение этих повинностей в ближайшем будущем.

Мое постоянное желание быть полезным побуждает меня предложить всем гражданам муниципалитетов, до которых дойдет это сообщение, свою помощь в достижении двух указанных целей, которую я могу оказать особенно благодаря знаниям и сведениям, вынесенным из посещения архивов наших бывших сеньеров.

В отношении первой цели: «одержать верх» и т. д. Пожалуй, не все юристы-практики способны хорошо обосновать первый юридический акт, хорошо начать процедуру выкупа или возмеще-

---

* *Примечания Бабефа см. в конце документа.*

ния ценза, шампара, дорожных посадок и других подобных объектов. Все они еще менее способны расшифровать старые документы, проверить, отвечают ли они формальным требованиям, рассмотреть, указывают ли документы с разными датами совпадающие повинности. Я предлагаю вести все такого рода операции и полностью направлять дела по выкупу как для частных лиц, так и для целых общин, жители которых объединятся, чтобы от их имени мог вести судебные дела один общий доверенный. Но в такого рода делах я возьмусь только за те, по которым у меня запросят консультации с самого начала.

В отношении второй цели: «настаивать» и т. д. Я предупреждаю, что готовлю по этому вопросу большой труд, с ве́дения некоторых депутатов Национального собрания, которые, как только этот труд будет закончен, представят его всему сенату и предложат на суждение всего Законодательного собрания. В этом труде надлежит отметить все то, что ускользнуло от внимания членов феодального комитета, составлявших декреты первого собрания, относящиеся к феодальному строю, во-вторых, определить на основе исторических исследований, проведенных больше в архивах, чем по книгам, все то, что в сеньериальных сервитутах и владениях является узурпацией. В-третьих, предложить проекты декретов, которые провозгласят полное их упразднение без выкупа.

Чтобы сделать этот труд более совершенным, я прошу всех сельских граждан, имеющих сведения о документах или способах установления повинностей и сервитутов в каких-либо отдельных бывших сеньериях, чтобы они были любезны доставить мне эти сведения. Я их хорошо использую.

Меня можно найти в Руа.

1* Доклад, сочинение Пьера Турнье, священника, в ответ на «Оправдательную речь» обвиняемых по знаменитому делу Давенекур, закончившемуся освобождением заключенных и снятием всех обвинений, 15 октября 1791 г.

Этот грязный памфлет обрушивает на меня все ругательные слова, имеющиеся в языке. «Правда глаза колет», — ответил я устно, и это весь мой ответ. Пословица нашла здесь удачное применение как ко мне, так и к моему противнику. Он был очень уязвлен теми жесткими истинами, которые были ему адресованы в «Оправдательной речи», приписываемой им мне. Но вот что следовало бы ему сказать: вы должны возлагать вину скорее на ваше дурное поведение, чем на нескромность адвоката Портай.

Уж такова была моя судьба с начала моей жизни, что меня вскормили чудовища, и такова всегда была моя участь, что, вырастая, я с ними воевал. Я родился как дитя системы откупов, и все помнят, что я ее немало потрепал, что я разоблачил ее самые позорные гнусности, что я возбудил негодование против нее в двух или трех провинциях, что я стал еще более активен в этом направлении, когда она меня засадила на два месяца в Консьержери, что я нанес ей смертельный удар, выдвинув проект, который был принят.

2* Прошу не обижаться на меня, если я когда-либо вызывал чье-нибудь недовольство. Сегодня я объявляю, что обязан покаяться в этом.

3* Некогда кто-то, говоря о бывших сеньерах, серьезно спросил меня: вы от них отрекаетесь? Отрекаюсь, ответил я.

ПИСЬМО Ж. М. КУПЕ

Руа, 3 октября 1791 г.

М. г.! Я как раз вчера собирался Вам писать, когда получил Ваше письмо. С целью, о которой Вы сейчас узнаете, я запросил из Нуайона Ваш адрес у г-жи Диор де Сен-Мартен, которая любезно сообщила мне его.

Обстоятельством, побудившим меня поспешить написать Вам, не дожидаясь обещанных Вами известий, относительно коих я был уверен, что Вы сдержите свое обещание, было обращение к министру юстиции, к сему прилагаемое.

Читая это обращение, Вы поймете, м. г., какова его цель. Речь идет о том, чтобы использовать возможность получить для жертв в порядке помилования то, что они должны были бы получить из рук правосудия, если бы таковое существовало во Франции [48].

Помощь угнетенным — дело, столь родственное Вашей душе, что я уверен, Вы охотно сделаете то, о чем я Вас попрошу, лично передадите это обращение г-ну Дюпору и настоятельно попросите его безотлагательно ответить (что он вполне может сделать, ибо я точно знаю, что он знаком с делом во всех подробностях), добьетесь, по возможности, чтобы он Вам тут же вручил приказ об освобождении заключенных, и перешлете мне этот приказ, с которым я пойду открыть застенки, где томятся наши несчастные.

Я понимаю, что только такого рода обстоятельство может Вас побудить пойти дышать министерским воздухом, приближение к которому вызывает отвращение у порядочного человека, хоть он и знает, что для него это не может быть опасно.

Ваше письмо, милостивый государь, не удивляет меня, и, конечно, для Вас тоже не было неожиданностью узнать обо всем, что вызывает у Вас стоны: обдуманные действия ловких плутов, старающихся руководить мнением большинства, полностью оправдали наши печальные предчувствия.

Вы терпеливы и осторожны, и я убеждаюсь в том, что Вы правы. Следуя необдуманно моим наклонностям, я был бы более стремительным и имел бы меньше успеха. Мое первое движение всегда — действовать с людьми так, как если бы они были такими, какими они должны быть, тогда как настоящий мудрец руководствуется знанием того, каковы они в действительности. Таков, насколько я могу понять, принцип, побуждающий Вас сказать: «Надо подождать, чтобы узнать, чем мы будем и что мы сможем». И, конечно, прежде чем осмелиться говорить языком неподкупных, надлежит знать, какова сила партии неподкупных.

Какое впечатление могут произвести на гнилые души самые трогательные картины честности, требующей признания ее прав! Прежде чем возвести какое-нибудь сооружение, надлежит проверить, строим ли мы на глине или на песке, чтобы соблюсти правильную пропорцию между весом здания и крепостью фундамента под ним.

Я думал, что хорошим делом было бы представить на первом же заседании вашего собрания предложение о рассмотрении того, **что может, и того, что должно делать это собрание**. Очевидно, что этот большой вопрос связан с важнейшим вопросом о том, считать ли новое собрание учредительным или же оно будет всего-навсего только законодательным.

Сомневаюсь, чтобы решились поставить этот вопрос на обсуждение на вашем первом заседании в субботу: для этого надо было бы иметь возможность собрать некоторое число людей, каким, как я понимаю из Вашего письма, Вы, к сожалению, не располагаете. Я тоже, заранее отчаявшись в возможности найти в вашем собрании достаточное число слушателей, способных хорошо принять столь важное предложение, отказался от мысли согласовать с Вами эту работу для представления ее к 1 октября.

Как я вижу, мы еще очень далеки от осуществления прекрасной мечты о совершенном равенстве, которую с таким удовольствием я поспешно набросал в Бове. Время покажет нам, как Вы это говорите, что мы можем и что мы должны делать.

Благоволите чаще писать мне. Что касается меня, даже если бы я думал, что я Вам наскучил, я не решусь лишить себя удовольствия беседовать с Вами возможно чаще.

Ф. Н. К. Бабеф

ПИСЬМО Ж. М. КУПЕ

Руа, 21 октября 1791 г.

Милостивый государь!

Я прибыл в Мондидье в субботу, 15 октября, как раз когда суд собрался для зачтения письма, полученного государственным обвинителем от министра юстиции.

Заключенные были немедленно освобождены. Я присутствовал при открытии роковых ворот. Я прошел на площадь, сопровождая моих страдальцев, встреченных приветственными криками подавляющего большинства городского и сельского народа, собравшегося по случаю ярмарочного дня.

Огромная толпа окружила защитника и бывших обвиняемых, и мы направились по дороге на Давенекур. Туда были посланы нарочные, чтобы поскорее донести благую весть. Вся деревня тут же поднялась и вышла навстречу кортежу на расстояние более одного лье в сопровождении сельских музыкантов и под общие крики ликования.

Мы прибыли на место, встреченные звоном колоколов. Вошли в церковь. Отслужили молебен. Последовали танцы, они продолжались весь следующий день, воскресенье. Празднество завершилось вечером иллюминацией, и граждане всех возрастов собрались, чтобы вместе закончить празднование великой победы, одержанной над ненавистным феодальным строем.

Я уже подготовил второе обращение к г-ну Дюпору с тем, чтобы послать его Вам и просить Вас опять передать ему. Оно было составлено так, чтобы было ясно, что я не причисляю Вас к тем, кто, как Вы говорите, «боится не угодить министрам». Но ход событий освободил меня от необходимости отослать это обращение вместе с приложенным к нему письмом. Это причина того, что я Вам до сих пор не писал.

Кстати, о министрах. Я увидел в «Journal des Décrets pour les Campagnes» другое доказательство того, что Вы отнюдь не боитесь не угодить им: в связи с письмом из дистрикта Сен-Мало Вы сообщили в понедельник, 10-го сего месяца, о дезертирстве офицеров 36-го полка и добавили, что подполковник г-н Лозо не захотел, чтобы его полк взялся за оружие в связи с провозглашением конституционного акта, «утверждая, что он получил приказ от военного министра». Мне понравилось следующее замечание журналиста: «Это дело было послано военному министру, который даст о нем отчет, и он, вероятно, будет одобрен».

Милостивый государь, не унывайте, весь этот край ждет от Вас всего, на что можно надеяться со стороны первоклассного законодателя. Если Вы разрешите мне говорить свободно, я осмелюсь сказать Вам, что Вы, мне кажется, сами отнюдь не достаточно понимаете, чего Вы сто́ите и что Вы могли бы сделать. Очень внимательно следить за работой собрания, слушать, судить и стараться, чтобы Ваши соседи приняли Ваши идеи, это, конечно, много со стороны депутата народа, и можно пожелать, чтобы все делали так же всякий раз, когда, как Вы это очень хорошо сказали, провозглашается что-то хорошее.

Таково поведение честного представителя, выполняющего свои обязанности скромно, делающего добро, не проявляя жажды славы. Это очень похвально, и в сущности большего не следовало бы требовать.

Но, быть может, Вы возразите мне, что достоинство, которое умеет само себя ценить, сто́ит меньше, чем абсолютно скромное достоинство? Вы подготовили определенные идеи; Вы неоднократно излагали их на бумаге; Вы ждали. Другие выступили с ними! И это Вас удовлетворило, потому что, если разумная вещь сказана, Вам все равно кем, у Вас нет честолюбивой потребности выступить с ней.

Когда так пишут кому-то, то ему, по-видимому, дают право ответить на то полное доверие, которое ему таким образом оказывают. Поэтому Вы простите молодому человеку ту свободу, с которой он Вам естественно говорит все, что он думает, и даже говорит почти в тоне дающего совет.

Впрочем, Вы согласитесь, что представитель народа должен во всем давать отчет своим избирателям. Вы бы дали такой отчет, если бы Вам были предоставлены средства для этого. Вы также

приняли бы советы и инструкции этих же избирателей, если бы между всеми ими и Вами завязалась переписка. Я представляю себе, что Вы открылись перед ними, как Вы это сделали передо мной, и что они поручили мне ответить Вам от их имени:

Благонамеренный законодатель, можно ли быть уверенным в том, что другие выразили точно те же идеи, которые зародились у Вас? Я бьюсь об заклад, что то, что Вы думали, было гораздо серьезнее и более совершенно, чем то, что, по-Вашему, было сказано похожего другими. И вот еще о чем я догадываюсь: не было сказано ничего точно такого же, как Ваши идеи (мы знаем всю глубину и всю чистоту Ваших принципов), но только могли сказать нечто приблизительно похожее; после чего Вы полагаете себя вправе написать нам, что все равно, кто сказал разумную вещь. Почему Вам достаточно слушать, судить и аплодировать тому, что более или менее хорошо? Я, кажется, начинаю разбираться во всем этом. Прежде всего Вы считаете большим препятствием то, что Вы видите лишь небольшое число людей, готовых принять принципы равенства и свободы во всем их совершенстве и во всей их чистоте.

Но, может быть, этих подлинных граждан не так уж мало, как Вам кажется. Их, быть может, много, ожидающих, подобно Вам, чтобы какой-нибудь гордый и смелый патриот первым подал бы голос? Если каждый такой человек будет ждать стимула извне, чтобы осмелиться выступить, если все будут полагаться друг на друга и никто не рискнет начать, то время пройдет, все влияние будет в руках умеренных, небольшое число развращенных краснобаев станут хозяевами дискуссий, будут господствовать над всем собранием, и придется навсегда решиться ничего другого не делать, а только аплодировать тому, что будет более или менее хорошо.

Осмельтесь же выступить первым с прекрасной речью великого патриотизма и суровой добродетели. Мы видели в те замечательные дни, осветившие начало работы предыдущего собрания, что такая речь обладает притягательной силой, побеждающей даже сердца, наиболее погруженные в грязь антипатриотизма.

Нынешнее собрание в начале своих работ отнюдь не говорило таким языком. Оно также не совершило еще ни одного действия, которое было бы в этом духе. Можно опасаться, что оно никогда и не сделает этого, и требовательные патриоты боятся, что все его поведение будет дурным примером для последующих собраний и что очень трудно будет исправить причиненное таким образом зло.

Есть еще другое важное основание, которое, мне кажется, закрывает рот, пожалуй, лучшим людям собрания. Вот в чем оно заключается: люди справедливые и прямые, намерения которых чисты и которые самым верным образом улавливают, какие принципы истинны, обычно предаются особенно углубленным размышлениям, во-первых, чтобы быть уверенными в том, что они ни

в чем не отклоняются от верных правил, а затем и потому, что они вынуждены как бы переноситься в другой мир и избегать при этом всех опасных воздействий, исходящих от общей развращенности нашего мира. Такие люди мало приспособлены к тому, чтобы импровизировать в обстановке собрания, и гораздо более способны писать глубоко продуманные речи.

Злонамеренные, те, наоборот, не затрудняют себя размышлениями. Им легко говорить, потому что они выступают в духе той испорченности, которая является их сущностью, и с тем большей смелостью, что они уверены в аплодисментах всех тех, страстям которых они льстят. Таким людям не нужно писать, они всегда готовы блистать на трибуне. Это они почти окончательно утвердили моду говорить всегда много и сделали предметом насмешки глубокого и добродетельного писателя, который и на посту законодателя хотел бы излагать серьезные и продуманные соображения, нанесенные им на бумагу.

По присущей человеку слабости многие малодушно стыдятся выступать с предложениями, имея в руках бумагу; предпочитают молчать и дать развращенному краснобаю беспрепятственно болтать языком и пожинать аплодисменты глупцов. Таким образом, из-за мелкого чувства самолюбия родина оставлена на произвол злых и глупых людей и в то же время лишена той помощи и тех благодеяний, которых она могла бы ожидать от людей подлинно мудрых и добродетельных.

Милостивый государь, почему Вы не осмелитесь объявить войну этому недостойному заблуждению; выступите (письменно) с предложением уничтожить предрассудок, отвергающий письменные предложения. Такое предложение не может считаться недостойным Законодательного собрания. Можно представить себе, какими будут его последствия. Можно представить себе, что, когда оно будет принято, добрые граждане, подобные Вам, не станут оправдывать свое молчание тем предлогом, что другие сказали то самое, что они предполагали сказать. Они не будут больше укрываться за стенами скромности и не дойдут в этой добродетели до того, чтобы говорить, что, даже если хорошая, по их мнению, мысль вовсе не будет высказана, они воздержатся выступить с ней, предполагая, что эта мысль не из лучших, раз никто с ней не выступил. Крайняя скромность, по мне, прекрасная вещь, но я не считаю ее самой полезной добродетелью для законодателя. Это не то место, где можно, оставаясь неизвестным, сделать больше достойного.

Впрочем, все будет зависеть от обстоятельств. Эта фраза Вашего письма внушает нам, однако, надежду, что родина не напрасно будет ждать исполнения надежд, которые она связывает с Вами.

Конечно, отвратительно видеть, как механизм управления великой нацией окружают люди с испор

ченными нравами[49]. Но нам, однако, уже не приходится терять надежду на то, что найдутся умелые работники, которые возьмутся и сумеют привести этот механизм в движение, способное очистить эти дурные нравы. Блажен тот, кто живет в полях и подобно готтентоту! Это пожелание человека честного и свободного от всякого тщеславия. Я тысячу раз высказывал такое же пожелание. Вы, пожалуй, уже замечали у меня крайние идеи, но я не отказываюсь от мечты когда-нибудь присоединиться к нему, к блаженному готтентоту, приспособиться во всем к его образу жизни и отречься навсегда от всех привычек цивилизованного человека. Но до тех пор пока мы будем жить в обществе, не будем терять надежды на возможность помочь улучшению его судьбы. «Общественный человек, — говорит Жан Жак, — не должен быть ничем для самого себя, он — лишь дробь некоего единства; тогда как естественный человек может все относить к себе, все другие — ничто по отношению к нему, и он в себе одном видит единство».

Поэтому до тех пор, пока я — общественный человек, я останусь человеколюбцем. Я буду исключительно эгоистом только тогда, когда я вернусь в естественное состояние.

Вы говорите, как и все наши газеты, что «комитеты — это необходимое зло». Я это тоже оставляю под вопросом. Если Вы возьмете на себя труд припомнить первое письмо, которое Вам угодно было получить от меня, Вы вспомните, что я там заранее говорил о злоупотреблениях, связанных с этим институтом, и о средствах, при помощи которых я полагал возможным обойтись без комитетов. Эти средства были частью целой системы установлений, направленных к предотвращению и многих других злоупотреблений. Но Национальное собрание оказалось очень далеким от всего этого, и сегодня зло является почти неизлечимым.

Ф. Н. К. Бабеф

Обвиняемые Давенекура, проникнутые чувством признательности, поручили мне передать Вам их благодарность за участие, которое Вы приняли в деле их освобождения. Они выражают Вам свои чувства с чистейшею любовью. Я присоединяюсь к ним в этом трогательном порыве. Один из них, победитель Бастилии, поедет вскоре в Париж и повторит Вам лично то, что сегодня он просит меня передать Вам письменно.

Я думаю, что я вскоре постараюсь вызвать Ваше сочувствие к другим обвиняемым из Вашего дистрикта. Это мэр и три других жителя Кони[50].

Неприсягнувший священник этой местности, поборник великого плана возбуждения посредством фанатизма одной части населения против другой, сумел объединить некоторое количество сектантов. Он служил молебны для них в своем частном доме, причащая их таинств и возбуждая их против граждан-конформистов, говоря им, что крещение, венчание, причастие, совер-

шаемые конституционными священниками, недействительны и что черт унесет тело и душу всякого, кого они отпевают.

Народ, даже та часть, которой руководят присягнувшие священники, не знает, что такое терпимость. Муниципалитет Кони преследовал фанатиков. Непокорный священник был вынужден прекратить свои мессы в своем частном доме, но он направлял всех, кто был в его секте, к неконституционному священнику во Фремьер.

Ярость фанатиков после этого удвоилась. Они стали оскорблять и провоцировать больше, чем когда-либо раньше, тех, кто не принадлежал к их партии. Последние отвечали на эти оскорбления примерно той же монетой. Но сторонники непокорного священника вопят об убийствах и насилиях. Они жалуются, что их побили в разных столкновениях. Сам священник утверждает, что ему шлют угрожающие письма и что был произведен выстрел в его окно.

Фанатическая коалиция обратилась с жалобой. Фанатический суд в Нуайоне принял эту жалобу. Фанатические судьи, Дрюон и Ренев, провели следствие. Фанатические жалобщики давали показания в качестве свидетелей. Мэр и три жителя Кони получили постановления суда о личном их вызове в суд. Им назначают в качестве адвоката — Кабура, а прокурора — Варнье, которые оба — фанатики... После всего этого обвиняемые только что отвели обоих этих защитников и назначили вместо них меня.

Поскольку эти действия были совершены до объявления амнистии, я полагаю, что и в этом случае придется только направить докладную записку министру юстиции. Я надеюсь, что Вы опять соблаговолите взять это на себя, тем более что речь идет здесь о людях из Вашего дистрикта.

Я надеюсь, что счастливый исход Давенекурского процесса несколько смутит моих врагов и вернет мне доверие общества. Однако я по-прежнему умоляю Вас благоволить подумать о приискании мне чего-нибудь в Париже. Вы мне пишете, что люди, находящиеся на месте и рекомендованные со всех сторон, находятся в более выгодном положении для того, чтобы устроиться. Но поскольку Вы в Париже и рекомендуете меня, а я здесь, всего в 22 лье, то разве это не почти то же, как если бы я был на месте?

ПИСЬМО Ж. М. КУПЕ

Руа, 31 октября 1791 г.

Милостивый государь!

Из того, что с 21-го сего месяца, когда я Вам отправил свое последнее письмо, я не имел столь всегда интересных вестей от Вас, я не делаю вывода, что Вам не понравилась свобода, с которой я всегда говорю Вам то, что думаю. Я объясняю Ваше молчание множеством дел или же предполагаю, что Вы не нашли за это время ничего, что могло бы быть предметом для письма.

В течение нескольких недель вся моя политическая пища сводится к «Journal des Décrets pour les Campagnes». В номере за минувшую неделю я прочитал, наконец, несколько довольно приличных статей, в частности статью относительно порядка внесения предложений, предусмотренного правилами внутреннего распорядка собрания. Мало того, что нет больше предубеждения против письменных предложений, но требуется, чтобы все эти предложения делались в письменной форме. Это как раз то, чего я желал, и о чем писал Вам в своем последнем письме, и я жду от этого много добра, которое и Вы также оцените.

Итак, друг Бриссо блестяще выступил на тему об эмиграции?[51] Увы! У меня был большой соблазн неделю тому назад дать Вам возможность составить себе представление о том, какие страшные размеры она приняла на нашей Фландрской дороге. Но я не решился это сделать, раздумывая о том, как у нас принимают наилучшие советы. Я сказал себе: у нас будут рассуждать, следуя неправильному применению правильного принципа. Скажут: наша конституция основана на принципе полной личной свободы, а вы уже хотите ограничить эту свободу, столь торжественно освященную законами? У нас не послушают, думал я дальше, того, кто этим доктринальным ухищрениям противопоставит следующую могучую аксиому: благо народа есть высший закон.

Я улыбнулся, прочитав, что собрание выслушало все петиции, направленные со всех концов страны. Из этого я заключил, что представители [народа] соблаговолили принять во внимание выражения общественных желаний и прислушаться ко мнениям всех. Но я был вскоре выведен из заблуждения, узнав, что там нашлись *очень умные* люди, сумевшие сказать и убедить, что это лишняя трата времени. Впредь будут довольствоваться кратким изложением всех петиций, и о них будут докладывать специальные докладчики!

Боги, сколько от этого произойдет злоупотреблений!! ... Кто будет следить за тем, чтобы краткие извлечения были сделаны изо всех петиций? Чтобы они были сделаны достаточно полно и правильно? Будут ли различные докладчики одинаково способны дать резюме какой-нибудь речи? Можно ли вообще резюмировать петицию? ... Как это забавно изучать в виде резюме общественное мнение и самые тонкие проявления общей воли!

Я одобрил названия, данные всем вашим комитетам. Совокупность этих названий дает достаточно точный перечень всего, чем Законодательное собрание может подобающим образом заниматься, и, если каждый комитет выполнит свою задачу, мы можем ожидать больших благодеяний. Я надеюсь, что Вы благоволите сообщить мне, какой части этой работы Вы себя посвятили.

Я не сомневаюсь в том, что Вы займете одинаково выдающееся положение всюду, где Вы будете.

Примите патриотическое объятие от того, кто мечтает только о родине, свободе, равенстве!

Ф. Н. К. Бабеф

P. S. Видно, не только в нашей местности г-н министр юстиции запоздал со введением в действие декрета от 14 сентября. При сем прилагается обращение, о котором я имел возможность говорить Вам в последнем письме, целью коего является получить приказ министра о применении этого декрета в судебном деле, находящемся в производстве суда в Нуайоне. Обвиняемые и защитник надеются, что Вы благоволите дать этому обращению ход, который завершится несомненным успехом.

Во всех этих местах в Вас видят ангела-хранителя края, а во мне — посредника при Вас.

Г-н Андре Кабай дю Плесси[52] из Руа недавно сказал мне, что, поскольку в свое время Вы ему говорили, что для успешного проведения его горнопромышленного дела ему нужен был бы покровитель при Законодательном собрании, он просил бы Вас принять на себя эту миссию в настоящее время. В соответствии с этим осмеливаюсь сообщить Вам о том, что с ближайшей почтой отошлю Вам все его документы.

Итак, осмеливаюсь отослать Вам в копиях все его документы в ожидании, что Вы соблаговолите наблюдать вплотную за ходом этого дела и что Вы отнесетесь с сочувствием к человеку, принесшему свое состояние и свои труды в жертву делу, важному для общественного блага.

Его, смею сказать, бедственное нынешнее состояние, вызванное исключительно принесенными им жертвами тому делу, о котором идет речь, поистине заслуживает участия сострадательных душ. Я надеюсь, что Вы благоволите в ходе нашей переписки постепенно давать мне возможность утешить его и ободрить надеждой до того дня, когда он сможет пожать плоды всех своих трудов.

Я не знаю, поддержали ли администраторы из директории дистрикта Нуайон при отсылке докладных записок г-на Кабай в Комитет сельского хозяйства и торговли, о чем они его извещают своим письмом от 28 мая, его предложение о переговорах с правительством (в духе статей 5 и 6 декрета от 31 декабря 1790 года относительно «полезных открытий и способов обеспечения права собственности на них тем, кто будет признан их автором, с тем чтобы он довел до полного завершения начатые поиски и чтобы затем прибыль была разделена в установленных законом пропорциях между государством и изобретателем»).

По-видимому, они это предложение не поддержали, а удовольствовались тем, что отослали докладные записки так же формально, как и составлено их письмо.

Вы, милостивый государь, не принимали участия ни в составлении этого письма, ни в обсуждениях относительно того, какой ход дать докладным запискам г-на Кабай: это видно. Я представ-

ляю себе, что Вы бы не высказались за посылку в Комитет сельского хозяйства и торговли. В своей докладной записке, адресованной в дистрикт, г-н Кабай начинает с сообщения, что он только что вручил первую докладную записку Комитету сельского хозяйства и торговли; затем он приводит суждение о представленных им образчиках руд; дальше он, ссылаясь на постановления декрета, просил об оказании ему помощи на предмет дальнейшего продвижения его открытий.

Следовательно, дистрикту Нуайон вовсе не надлежало отсылать докладную записку в комитет, который уже ее достаточно видел и сделал по ее существу все, что мог: поведение директории Нуайона говорит о том, что там хотели только избавиться от докучливого дела, не давая слишком явных признаков небрежности и нечестности. Мне кажется, что преданные администраторы выполнили бы свои обязанности лучше, отметив на петиции г-на Кабай, как важно было бы для края обеспечить полный успех его изысканий, как много осуществление этих работ сделало бы для оживления всей области и т. д. Если бы эти администраторы затем убедили департамент высказать те же пожелания и оказать ту же поддержку докладной записке, а затем назначить комиссаров для проверки на месте материалов, полученных при бурении в Плесси де Руа, и для представления доклада об этом, и после всего этого отослали бы докладную записку в Национальное собрание, тогда можно было ожидать какого-то лучшего результата.

Вот, мне кажется, как должны были бы работать люди, любящие свои обязанности и своих сограждан, оказавших им доверие. Но... большинство обладает лишь способностью достигнуть постов и использовать их самым выгодным для себя образом.

ПИСЬМО Ж. М. КУПЕ

16 ноября 1791 г.

М. г.! Еще один чудесный результат Ваших благотворных забот. Кони благословляет Вас. Я посылаю Вам награду за все понесенные Вами труды. Да, это награда, и даже самая сладостная, узнать, что сделал добро.

Нашим обвиняемым сообщено постановление суда, содержащее их оправдание, ввиду того, как там сказано, что дело шло о действиях, относящихся к революции. То же постановление восстанавливает их и в их должностях, в частности, Антуан Фагар восстановлен в должности мэра муниципалитета Кони.

Стало быть, дело священников не рассматривалось в субботу? Стало быть, декрет о заговорщиках не утвержден? Ах, милостивый государь, а ведь вражеская партия делает с каждым днем ужасающие успехи в наших деревнях... Сегодня я откладываю перо, мне некогда. Если смогу, завтра или в ближайшее время я поделюсь с Вами моими наблюдениями и всеми моими опасениями.

МУНИЦИПАЛИТЕТАМ ДЕПАРТАМЕНТА УАЗА

1 марта 4-го года [1792 г.] [53]

Милостивые государи!

Самое прекрасное дело было в ваших руках: вы только что дали (вопреки всему, что могут говорить развращенные люди) зрелище, наиболее достойное внимания людей.

Поднять сорок тысяч французов на решение великого вопроса о хлебе! [54] О, друзья мои, мои братья, познайте всю красоту вашего начинания. Усмотрите, сколь важно довести его до конца. Заметьте, что судьба всей Франции может зависеть от того, как вы завершите то, что так счастливо начато.

Спекуляция лишила нас звонкой монеты, она уже нанесла жестокие удары громадному большинству отраслей торговли. Тайным козням жесточайшей злобы удалось оставить почти всех наших рабочих без работы. Нам оставался в изобилии хлеб, основной предмет нашего питания, и этот последний ресурс пытаются у нас похитить! Нашу пищу предназначают для наших ожесточенных врагов, для виновников всех претерпеваемых нами бед!

Восемьдесят тысяч рук поднимаются, чтоб оказать сопротивление этому величайшему позору... Посланцы национального сената прибыли для ознакомления с фактами, они одобряют ваши мотивы и ваши действия, они обещают вам издать закон, о котором вы просите, для того чтобы верным образом предотвратить нехватку и дороговизну, которых есть основание опасаться, а все это кончается изданием закона, приказывающего вооруженным силам забрать из ваших хранилищ самое ценное!..

Братья, тот, кто бил в набат, призывая вас выступить против фаланги откупщиков, тот, кто освободил вас от прожорливой орды приспешников фиска, тот, кто повседневно посвящает себя защите угнетенных, заслуживает, пожалуй, чтобы ему оказали некоторое доверие. Я слишком спешу, чтобы излагать вам здесь мотивы, диктующие мне те советы, которые я беру на себя смелость дать вам. Вы отлично разберете их в том обращении к законодателям, которое я вам предлагаю.

Законодатели!

Посланцы сорока тысяч французов дистрикта и окрестностей Нуайона, уверенные в том, что их желание совпадает с желанием остальных жителей государства, пришли, чтобы поставить перед вами самый важный из всех вопросов, стоящих перед нацией, вопрос, который еще не обсуждался в сенате, хотя его давно уже следовало обсудить.

Этот великий вопрос — вопрос о хлебе! *

---

* *На этом рукопись обрывается.*

К ВОПРОСУ ОБ УПРАЗДНЕНИИ ФЕОДАЛЬНОГО СТРОЯ [55]

Законодатели!

В настоящее время во всех сельских местностях наших департаментов в порядке дня стоит большой вопрос. Это вопрос об упразднении феодального строя.

Я слышу, как некоторые голоса, расположенные в пользу этого обломка прежней тирании, резко высказываются против моего предложения. Я слышу, как они говорят мне: «Ну, разве это не неуместное, абсурдное, сумасбродное предложение? Разве оно не обнаруживает в том, кто его выдвигает, крайнюю степень неосведомленности о нынешнем положении вещей? Разве феодальный строй не упразднен? Разве наши первые представители не уничтожили его полностью своими бессмертными декретами?

Я сейчас отвечу на все эти вопросы...*

Нет, решительно нет. Феодальный строй отнюдь не упразднен полностью, он совсем не упразднен. Напротив, он — и я не опасаюсь быть обвиненным в преувеличении теми, кто правильно видит вещи, — он, говорю я, наоборот, укреплен, упрочен, обеспечен лучше, чем когда-либо раньше. У нас по-прежнему есть сеньеры и вассалы, тираны и рабы. Неправда, что земля во Франции свободна; она и не может стать свободной после тех постановлений, которые были декретированы. Это смелые утверждения, надо их доказать.

Иллюзия вместо реальности, слова вместо дел, вот что народ находит в новых законах, относящихся к феодальной системе. Слова! Он часто находит рассыпанными в декретах слова «упразднение феодального строя», но это только слова, и сколько бы он ни искал, он больше ничего не найдет. Пока этот самый народ, которому нужно время, чтобы понять какую-нибудь истину, был обманут призраком упразднения, который он не считал призраком, он сохранял спокойствие в обстановке ложной безопасности.

Но теперь его глаза открываются, теперь он видит, как его ввели в заблуждение, он видит, как уклоняются от выполнения его самым единодушным образом провозглашенного и самым энергичным образом поддержанного желания, когда он заложил в своих наказах основы своей новой конституции, и картина представляется ему совершенно другой. Честность возмущена тем, что ее предали, обманутое доверие порождает энергию, и она все возрастает. Эти порывы заслуживают внимания. Они зависят от очень важной причины и охватывают большое число заинтересованных людей. Их последствия не могут быть малыми или зажатыми в узкие рамки.

Народ кричит со всех сторон; законодатели, прислушайтесь к голосам, идущим со всех концов этой обширной страны. Пусть

---

* *Отточие в оригинале.*

ваш взгляд преодолеет пространство, пусть он проникнет далеко за стены Парижа. Не там, где жители не испытывают непосредственно зол феодального гнета, надо выслушивать общественное мнение, которое вы повседневно и мудро принимаете за основу ваших постановлений. Прислушайтесь к каждой деревне, вы услышите жалобы, требующие, несомненно, принятия срочных мер во избежание больших общественных бедствий.

Что я сказал и что я хотел сказать? Каковы, с одной стороны, принятые меры, а с другой — о каких бедствиях я говорю? Меры! Это подлинное и эффективное упразднение строя, всего феодального строя. Бедствия! Это...*

ПАТРИОТИЧЕСКОЕ РАЗРУШЕНИЕ И СУРОВЫЙ УРОК, ДАННЫЙ НАЦИОНАЛЬНЫМ БАТАЛЬОНОМ АРИСТОКРАТИЧЕСКИМ ЧЛЕНАМ МУНИЦИПАЛЬНОГО СОВЕТА ОДНОГО ГОРОДКА

3 мая

Руа, дистрикт Мондидье, год 4-й Свободы [1792 г.]

Публицисту Карра [56]

Занесите в анналы свободы, апостол, с неизменным пылом стоящий на ее защите, занесите, говорю я, в эти анналы, которые будут вечно драгоценными, один факт, несомненно, заслуживающий занять в них место.

Вчера (факт свежий, и я не счел нужным медлить с описанием и опубликованием его) 2-й батальон национальных добровольцев из департамента Эна прибыл и расположился здесь, на пути из Сен-Кантена в Ларошель, где он должен погрузиться для отправки в Сан-Доминго с целью способствовать там выполнению благотворного декрета, разбившего гнусные оковы наших братьев негров.

Когда в наш город прибыли эти бравые волонтеры, охваченные патриотическим пламенем, несущие всю конституцию начертанной в их сердцах, глаза их были поражены и возмущены при виде все еще имеющихся в разных местах нелепых атрибутов того старого феодального строя, о котором в законах сказано, что национальная дубина должна всюду сокрушать его.

Волонтеры из Эны спросили, чем объясняется такое странное уважение к этим антиконституционным отбросам. Им было отвечено, что некий Прево, нынешний мэр и бывший, очень странный, член Учредительного собрания **, хотя и депутат от третьего со-

---

* *На этом рукопись обрывается.*

** Он единственный, присутствуя при клятве в Зале для игры в мяч, отказался подписать протокол (см. протокол заседания).

В Версале он жил в особняке Омон, где обычно и столовался. Не желая расходовать свои 18 франков, он воспользовался такими же

словия, до тех пор был бесстрашным защитником всех погремушек рыцарского тщеславия. К этому добавили, что патриотические граждане не переставали требовать от всего муниципалитета устранения этих готических мерзостей, что их неоднократные просьбы всегда оставались тщетными, что многие батальоны национальных добровольцев, проходя через Руа и пораженные сохранением этих спесивых нелепостей, оскорбляющих взгляд всякого свободного человека, не могли удержаться от требования немедленного их уничтожения, что стало игрой обещать каждому в отдельности, что это будет сделано на следующий день после их отбытия; но что если народ сам не приведет закон в исполнение, то нельзя надеяться получить удовлетворение в этом вопросе.

Тогда добровольцы из Эны во главе с одним из их лейтенантов, носившим красную шапку свободы, приняли решение направиться в муниципалитет с петицией о немедленном приведении закона в исполнение. Им тоже обещали сделать это, когда их уже не будет. Они ушли и вернулись к своим товарищам с этим сообщением. После этого решили еще раз послать туда с настоятельной просьбой о немедленном исполнении. Депутация отправилась, но там не оказалось ни доброго мэра и ни одного из членов муниципального совета.

Граждане, собравшиеся во множестве на Площади парадов, высказали мнение, что раз нет больше должностных лиц, то народ сам должен управлять. Все согласились с тем, что надлежит немедленно уничтожить все химеры древних дворянских различий.

Тут же к дому бывшей Ратуши были приставлены лестницы, лейтенант в красной шапке первым поднялся на приступ, толпа храбрецов, вооруженных саблями и орудиями для разрушения, последовала за ним. В одно мгновение исчезло большое геральдическое сооружение: гербовые щиты, гирлянды, цветы, короны, жабы, змеи, ужи, собаки, художественно изваянные в камне и широко представляющие глупость и спесь бывших эшевенов и губернаторов.

Жалко было бы останавливаться на середине столь прекрасного пути. Люди устремились к трем городским воротам. Народ-

---

удобствами и в Париже, в вертепе одного аристократа помельче. Он был большой поборник абсолютного *вето*, всех правил, благоприятных для королевских прерогатив, и по всем вопросам голосовал заодно со всякими Казалесами, Мунье, Морп. Он принадлежал к монархистским и фейянским клубам и продался до такой степени, что голосовал даже против того, чтобы его родной город стал центром дистрикта, и т. д., и т. д. Возведенный в мэры в результате самых низких интриг, он управляет столь деспотически, что доходит до удушения жалоб и донесений, которые люди постоянно склонны писать на него.

В Руа совершенно не видно режима свободы: там не публикуют ни одного закона. Поверите ли, что в этом малом городке, столь близком к столице, до сих пор осмеливаются продолжать взимать пошлины при ввозе в город, что сохраняли и сейчас сохраняют это лихоимство? Полезно разоблачить, наконец, все эти ужасы и показать настоящее лицо такого человека, как бывший депутат Прево.

ный гнев полностью разрушает все гербы. Оттуда направились ко входу в женскую больницу и к порталу бывшей коллегиальной церкви. Там увидели перемешанными довольно забавно атрибуты феодальные, церковные и мистические. Все равно. Аспид и чаша со святой водой, ящерицы и паникадило, корона и ермолка — все разлеталось вдребезги под ударами сабли и патриотического топора. Сжалились только над одним старым каменным святым, находившимся рядом, и то потому, что он не перестает смотреть в свою книгу и слушает все, ничего не говоря.

Но вот еще один последний подвиг. Посреди Площади парадов угрюмо возвышалась, подобно Вавилонской башне, огромная и неуклюжая церковно-феодальная пирамида. Наши атлеты штурмовали ее снизу, и в одно мгновение она рухнула под их мощными ударами.

Не забудем отметить, что все это происходило под бодрую музыку, которую 100 голосов сопровождало пением знаменитой песни «Ça ira», тогда как граждане города, стоя у окон и дверей и во множестве вышедшие на улицы вместе с патриотическим войском, выражали свое одобрение с величайшим единодушием.

Волонтеры сожалели, что не могли остаться в Руа еще один день, чтобы посадить со всеми подобающими атрибутами красивое дерево свободы. Но они взяли с жителей обещание, что те не замедлят посадить такое дерево, которое с удивительной быстротой распространяется по всей Франции.

Вы, конечно, используете все это полностью для Ваших Патриотических анналов. В самом деле, кто больше, чем волонтеры из Эны, заслуживает похвалы певца Стентора * нашей обожаемой свободы. Нет, милостивый государь, не последний раз слышите Вы восхваление патриотических дел этих славных людей. Они обязываются всю свою жизнь посвятить родине, преследовать повсюду врагов свободы и равенства и отсюда до Ларошели постоянно вести войну с гербовыми щитами.

Но я только что узнал, что наш аристократический муниципалитет составил протокол против всего батальона. Это ужасно!

К. Б., один из Ваших читателей

Не печатайте мое имя полностью, если это возможно. Поставьте только два инициала таким образом: «К. Б. . . . один из ваших читателей».

P. S. Единственное, что не дало полного удовлетворения добрым людям в деле разрушения гербов 2 мая, это то, что волонтеры из Эны оказались под воздействием ложного уважения к тем гербам, где фигурировали лилии, потому что было сказано, что это королевские цветы. Благодаря этому те, у кого гербы похожи на королевский, сохранили их.

---

* *Стентор — один из греков, участников осады Трои, обладатель голоса, превосходящего по силе голоса 50 человек.*

Это заблуждение. Если король может сохранять свой герб, то только в своем личном жилище. Этот герб должен быть снят даже с государственных зданий, на которых должны быть только эмблемы национальной свободы.

Вам, милостивый государь, и здесь необходимо поднять тревогу против этого благоприятного королевскому гербу предрассудка.

ПЕТИЦИЯ ЖЕНЩИН ТИЛЛОЛУА [57]

Тиллолуа, 13 мая, 4-й год Свободы [1792 г.]

Милостивый государь!

Со времени кончины г-на де Суаекура, Вашего брата, и Вашего вступления в наследство жены, матери, дочери и сестры граждан Тиллолуа решили адресовать Вам от имени их всех послание. Они выполняют сейчас это намерение.

Они пишут Вам от имени всего населения Тиллолуа с тем, чтобы Вы оценили самые важные требования, которые они выдвигают в этом выступлении, и чтобы предупредить Вас о необходимости принятия мер в Ваших же собственных интересах.

Последняя из тяжелых ошибок, совершенных Вашим братом до его кончины, состояла в том, что он лишил владений всех земледельцев местности, сосредоточил все угодья, которые обеспечивали их существование, в руках одного генерального фермера. Он довершил этим разорение двухсот семей; он вселил чувство отчаяния и страшной злобы, которая ищет и дожидается только благоприятного момента, чтобы прорваться. Этого достаточно, милостивый государь, чтобы дать Вам понять, насколько необходимо любой ценой отменить и уничтожить этот злосчастный договор об аренде, чтобы вернуть к жизни крестьян, арендовавших прежде землю у Ваших предков, на протяжении столетий обрабатывавших Ваши поля, чтобы обеспечить общинные доходы, на которые Ваш род не мог бы рассчитывать без них и их труда. Они не могли не привыкнуть к тому, чтобы рассматривать эти поля как свое достояние, и не могли не передавать из поколения в поколение своим потомкам это убеждение. Они и сегодня не могут его забыть.

Совершенно невозможно, милостивый государь, чтобы их возмущение не дошло до предела сейчас, когда генеральный фермер Лагаш вместо того, чтобы в своих собственных интересах щадить людей, наоборот, старается их только возмутить. С незапамятных времен и вплоть до смерти Вашего брата жители Тиллолуа привыкли косить траву в лесу Сю, в парке и в лесах, принадлежавших замку. Лагаш собирается сейчас отменить этот обычай, и в этих целях он беспощадно преследует и прогоняет с помощью своих сторожей женщин и детей, которые отваживаются заходить в парк. Недавно одной женщине, которая подписывает это

письмо, ранил руку один из этих грубых сторожей, и ей угрожает опасность остаться калекой. Мы не можем скрыть от Вас, милостивый государь, что этот поступок поддерживает и усиливает общее возмущение. Это может вызвать в ближайшем будущем совершенно необходимое изгнание генерального фермера и всех его приспешников. Не хотят, однако, прибегать к личной расправе без того, чтобы Вас заранее не предупредить, и осуществление этой меры, вызываемой самым крайним негодованием, будет задержано до Вашего ответа.

Да, милостивый государь, изгнание генерального фермера имеет крупнейшее значение для Вас, для Вашего покоя, для самых насущных Ваших интересов. Вы, вероятно, сами это поняли из всего ранее сказанного. Пусть все труженики вернутся к занятиям своих отцов, потому что всюду, где существуют люди и обширные владения, нужно, чтобы эти владения обеспечивали жизнь для всех, а не только для одного. Пусть рабочему люду будет возвращено право пользоваться лесом Сю и косить траву в рощах Вашего парка, потому что не нужно лишать бедняков их последних ресурсов, если только не хотят стать свидетелями их отчаяния. Национальное собрание так хорошо это поняло (потому что женщины тоже знают, что делает Национальное собрание), Национальное собрание, повторяем мы, так хорошо это поняло, что декретом 16 марта 1791 г. оно сохранило и поддержало право собирать топливо и пользоваться покосами в государственных лесах и объявило, что эти права не подлежат продаже. Мы сказали все, что хотели сказать, милостивый государь, и теперь ждем с Вашей стороны учтивости, которую Вы всегда проявляли по отношению к женщинам: удостойте их быстрым ответом, который Вы можете адресовать вдове Эсташа Дюпюиля (той женщине, которая была ранена стражником Лагаша). Они со всей поспешностью сообщат этот ответ своим отцам, мужьям и братьям, чтобы узнать общее мнение, потому что они принимают — и в этом вы можете не сомневаться — большое участие во всех наших делах, или, вернее, наши дела являются их делами, и это от них мы узнали о декрете 16 марта 1791 г.

Жены, матери, дочери и сестры
граждан Тиллолуа

ОБ УПРАЗДНЕНИИ ФЕОДАЛЬНОГО СТРОЯ

[июль 1792 г.]

Законодатели!

Во всех наших селах в порядке дня стоит большой вопрос. Это вопрос об упразднении феодального строя.

Из уст некоторых лиц, неизменно заинтересованных в этой старой основе тирании, мы слышим резкий крик, направленный против нашего предложения. Они находят наше предложение абсурдным, экстравагантным, неуместным. Оно, по их мнению, об-

наруживает у тех, кто с ним выступает, полное незнание нынешнего положения вещей. Разве феодальный режим не упразднен? Разве наши первые представители не уничтожили его своими бессмертными декретами?

Нет, конечно, нет. Феодальный строй отнюдь не свергнут полностью, мы смеем утверждать, что он совсем не свергнут. Мы говорим даже больше: он, наоборот, более чем когда-либо утвержден, укреплен, обеспечен. Это отнюдь не покажется преувеличением тем, кто правильно смотрит на вещи.

Да, наши села по-прежнему населены сеньерами и вассалами, рабами и тиранами. Неверно, что территория Франции «свободна, как и обитающие на ней люди». Свободна! Эта территория! Она не свободна и не будет свободна. По крайней мере постановления, которые декретированы, никак не могут сделать ее свободной. Это смелые утверждения, что же, придется их доказать.

Слова вместо дел, иллюзия вместо действительности, вот, представители, все, что народ находит в новых законах относительно феодальной системы. Да. Слова. Только слова! Повсюду в декретах можно читать слова о «разрушении феодального строя», но, еще раз, это только слова. Если затем поискать там само это разрушение, мы его не найдем.

Законодатели, до тех пор пока этот самый народ, которому нужно время, чтобы усвоить истину, был обманут призраком упразднения [феодализма], который он не считал призраком, он сохранял спокойствие в обстановке ложной безопасности. Но теперь его глаза открылись, теперь он увидел, в какое заблуждение он был введен, теперь он видит, как уклонялись от осуществления его самого единодушного и наиболее ясно обоснованного желания, когда в наказах он заложил основы новой конституции, и картина принимает совершенно иной вид. Честность возмущена тем, что ее предали, обманутое доверие порождает энергию, и она все возрастает. Эти порывы заслуживают внимания. Они зависят от очень важной причины и охватывают большое число заинтересованных людей. Их последствия не могут быть малыми или ограниченными.

Народ кричит со всех сторон: Законодатели! прислушайтесь к голосам, идущим со всех концов страны! Пусть ваш взгляд преодолеет пространство, пусть он проникнет далеко за стены Парижа. Не там, где жители не испытывают непосредственно зол феодального гнета, надо выслушивать общественное мнение, которое по многим вопросам вы повседневно и мудро принимаете за основу ваших постановлений. Но прислушайтесь к каждой деревне, вы услышите звуки жалоб, требующие, несомненно, принятия срочных мер во избежание больших общественных бедствий.

Что мы сказали и что мы хотели сказать? Каковы, с одной стороны, принятые меры, а с другой — о каких бедствиях я говорю? Меры — это подлинное и эффективное упразднение строя,

всего феодального строя. Бедствия! Это опасность, весьма очевидная, неповиновения закону, общего восстания со стороны тех, кто остаются по-прежнему вассалами, которые будут смотреть на это восстание, в соответствии со словами Лафайета, как на «самую священную из обязанностей и, в соответствии с Декларацией прав человека, как на законное сопротивление самому несправедливому и самому вопиющему угнетению».

Законодатели, если мы предвещаем этот гибельный кризис, то только на основании самых достоверных прогнозов, заставляющих нас опасаться его и считать его весьма близким. Что умоляем мы вас сделать для того, чтобы предотвратить его грозные проявления? Уступить перед общею волей, выражение которой всегда должно быть законом у свободного народа, прислушаться к этому всеобщему голосу, который именно потому, что он всегда выдвигал лишь законные требования, внушает и здесь уверенность в том, что он руководствуется правильными мотивами.

Мы сейчас изложим эти мотивы. Дело в том, что народ приподнял таинственную завесу, скрывавшую подлинную историю феодального строя. Он узнал, и ныне он вообще убежден, что все, что ему до сих пор рассказывали об этой истории, какой ее признало или сделало вид, что признало, даже само Учредительное собрание, есть сплошная ложь; что сеньериальные права не имели того чистого происхождения, как в этом хотят нас убедить все писатели, продавшиеся дворянству; что эти права не являются ценой и условием некоего первоначального пожалования земли; что в большинстве случаев они — плод узурпации и насилия; что бóльшая часть этих прав вначале, когда сеньеры еще были суверенами на своих землях, представляла собой налог в вознаграждение за защиту, оказываемую сеньерами их владениям, и что этот сеньериальный налог должен был прекратить свое существование, когда сеньеры уже не были более обязаны охранять владения, т. е. к тому времени, когда короли взяли на себя эту обязанность и когда поэтому был установлен королевский налог.

Из развернутого изложения всего этого в порядке, указанном выше, и после доказательства того, что Учредительное собрание сделало невозможным даже выкуп этих прав, мы выведем заключение, что Законодательное собрание должно провозгласить полную отмену этих прав без какого бы то ни было возмещения.

I

Разоблачение тайны истории феодального строя. Эта история в том виде, как ее представляли народу до сих пор и в каком даже само Учредительное собрание ее признало или сделало вид, что признало, есть сплошная ложь.

Да, пришла пора народу проникнуть в темный лабиринт древности, куда его тираны никогда не хотели дать ему заглянуть.

Народ не верит больше в то, что существующее ныне неизменно существовало во все времена и не должно изменяться и впредь. Его взор проникает во все времена и во все события истории. Он вам скажет определенно, законодатели, кем были его предки, как ими управляли, в какие эпохи на них наложили те или иные оковы. Он вам покажет, какие страшные следы оставили эти оковы на его детях. И все это будет изложено столь кратко, как это возможно, когда идет речь о столь важном предмете.

Верно ли, что (или, быть может, начать сразу с цитаты из декрета)...*

ПЕТИЦИЯ ОБ ОБЩИННЫХ УГОДЬЯХ НАЦИОНАЛЬНОМУ СОБРАНИЮ

18 июля 4-го года [1792 г.]

Законодатели!

Нижеподписавшиеся граждане, жители коммуны Бюлль, кантонального центра, дистрикта Клермон, департамента Уаза, обращаются с просьбой о справедливости и против самого вопиющего угнетения, испытываемого ими со стороны всех административных и судебных учреждений, от коих они зависят, за то, что они имели смелость требовать применения в их пользу конституционных законов, между тем как все эти учреждения объединились в абсолютном нежелании дать воспользоваться ими [58].

Сия петиция обращена к представителям народа погруженными в скорбь супругами шести из этих граждан, которые находятся в заключении с 24 минувшего июня в арестном доме Клермона на том единственном основании, что их видели в числе выдвигавших требование. Если и существуют серьезные преступления, за которые надлежит карать, если есть карательные меры, которые необходимо применить, ибо без них конституция будет свергнута, то именно в тех случаях, когда установленные власти злоупотребляют данными им полномочиями и, вместо того чтобы помочь гражданам, выдвигающим требования на основании законов, осмеливаются свирепствовать против тех, кто на эти законы ссылается. Между тем именно таков характер фактов, которые сейчас будут разоблачены.

Жители Бюлля владеют общинными землями площадью 500 арпанов; 200 арпанов представляют собой луга и пастбища. До революции несколько глав самых богатых семейств захватили пользование этим владением и передавали его от отца к сыну. После революции эти же люди сумели захватить все муниципальные должности и на этом основании продолжали сохранять то же владение. И до и после революции эти администраторы никак не отчитывались перед коммуной, они и кое-кто из их близких одни распоряжались общинными доходами. И так называемая общин-

* *На этом рукопись обрывается.*

ная собственность оставалась таковой только по названию, поскольку она стала исключительной собственностью администраторов.

Она стала, говорим мы, совершенно исключительной собственностью администраторов, и это верно даже и по отношению к части, отведенной для пастбища, поскольку ею пользовались только богатые люди, только владельцы скота, к которым в Бюлле относятся почти одни только администраторы.

В такое время, когда жители Бюлля видят, как уничтожаются все злоупотребления, они надеются посредством некоторых усилий ликвидировать и это злоупотребление. Они задумали с целью добиться того, чтобы собственность всех приносила пользу всем, обратиться к установленным учреждениям с просьбой разрешить произвести раздел пользования общинного луга.

Их поощряет к этому пример соседних коммун. Нэви, Муаенвиль, С.-Жюст, Мутьер, Валекур, Ножан ле Вьерж, Крель, Монтатер, Кофри и т. д. недавно постановили произвести раздел их общинных угодий, и каждому жителю выделяется часть для применения ее на правах пользования таким образом и для такой культуры, которые он считает для себя наиболее необходимыми.

Они выясняли (жители Бюлля), на основе каких законов действовали эти коммуны, когда производили разделы. Им ответили, что, так же как и по многим другим вопросам нашего национального права, для этого дела не потребовалось точно определенного закона; что достаточно было общего принципа; что этот принцип утвержден законом от 6 октября 1791 года касательно сельских имуществ и пользований, каковой закон гласит текстуально (раздел 1-й, статьи 1 и 2), что «территория Франции на всем своем протяжении свободна, равно как и лица, на ней проживающие, и все владельцы могут свободно изменять по своему усмотрению культуры и способы эксплуатации своих земель без нанесения ущерба правам других и с соблюдением законов», что, согласно этому, вполне установлено право граждан свободно изменять способ эксплуатации их общинных угодий; что каждый член коммуны обладает лишь правом пользования, но коммуна в целом обладает правом собственности; что если по закону каждый собственник может изменять по своему усмотрению культуру и способ эксплуатации своей земли, то и коммуна-собственник может пользоваться правом любого собственника изменять культуру и способ эксплуатации того, что ей принадлежит... однако, как говорит закон, не нанося ущерба правам других лиц, что будет справедливо в отношении всех, и не будет нанесено ущерба ничьим правам, если разделить общинное владенье на равные доли для каждого члена коммуны с тем, чтобы они имели право пользования им и эксплуатации по своему усмотрению и с самой большой выгодой для них. Между тем управление, подобное тому, что существует для общинных угодий Бюлля, нано-

сит ущерб правам большинства жителей, закрепляя такой способ эксплуатации, при котором большинство не получает никакой выгоды от общинной собственности.

Получив такие сведения, граждане Бюлля сообразили, что, для того чтобы воспользоваться правом, предоставленным законом всем владельцам, изменять способ управления или эксплуатации их владений, они находятся в положении, отличающемся от положения частного владельца. Частный владелец довольствуется одной своей волей, а мы, сказали они нам, мы представляем большое число совладельцев; нам нужно выражение единодушной или по крайней мере преобладающей воли; мы должны сделать эту волю явной и несомненной посредством аутентичных актов, которые должны быть признаны административными учреждениями.

Выработав такой план, жители очень точно выполнили его. Четко выраженным большинством, вернее почти единогласно, они подписали декларации, гласящие, что они желают раздела общинной собственности равными долями между всеми жителями, каждый из которых употребит ее под культуру, которую будет считать наиболее для себя выгодной.

Декларации эти были направлены в муниципалитет Бюлля на предмет подтверждения их подлинности путем занесения их в реестры постановлений и признания их в качестве торжественного решения ассоциации совладельцев, проживающих в этой коммуне, требующих применения закона от 6 октября 1791 года в отношении предоставляемой всем владельцам, кто бы они ни были, возможности изменять способ управления, культуры и эксплуатации их владений.

Вот как, милостивые государи, жители коммуны Бюлль постоянно следовали требованиям закона, а вот как административные учреждения от них уклонялись. Часть муниципалитета Бюлля и почти все нотабли придерживались мнения, что надлежит дать удовлетворение жителям. Но мэр и некоторые члены муниципалитета, интересы которых шли вразрез с общими интересами, резко выступили против проекта и добились того, что жителям было отказано в признании их деклараций.

Тогда жители обратились к высшим административным учреждениям, но, неизвестно под чьим воздействием, как директория дистрикта Клермон, так и директория департамента Уаза остались глухими к этим обращениям. Было бы утомительным и слишком долгим делом подробно рассказывать здесь о невероятном множестве ходатайств, обращенных к этим учреждениям, которые продолжали упорно хранить молчание.

Мы перейдем теперь к беглому изложению мотивов, послуживших предлогом для заключения в тюрьму шести граждан, выступивших с требованиями.

9 апреля происходила в соответствии с принятыми обычаями продажа с торгов урожая трав на корню с лугов коммуны. Анти-

народная коалиция спровоцировала там драку с присутствовавшим народом, а затем составила протокол против тех, кого она спровоцировала.

13 того же апреля месяца состоялось устное соглашение между всеми жителями, той частью муниципалитета, которая не была им враждебна, и всем составом членов генерального совета коммуны. Предметом этого соглашения было сокращение площади пастбища в этом году, принимая во внимание численность поголовья скота, на 45 арпанов, каковые должны быть резервированы для посева трав.

Соответственно этому в тот же день был вырыт ров, чтобы закрыть скоту доступ на эти 45 арпанов. Но мэр и члены муниципалитета — администраторы объявили этот акт преступным, и спустя два месяца, т. е. 8 июня, они на этом основании привлекли 30 жителей к ответственности перед исправительной полицией. Вскоре они были там осуждены мировым судьей коммуны Бюлль, заинтересованным в злоупотреблениях муниципальной администрации, так как он состоит на жалованье у коммуны в качестве хирурга, с окладом в 150 ливров и правом пользования одним арпаном луга.

Его решением предписывалось засыпать ров, чтобы открыть скоту свободный доступ на те 45 арпанов, где трава была самого высокого качества и готова для покоса. Жители подали апелляцию на это решение, которое предписывало порчу и опустошение, но оно тем не менее было подтверждено 19 июня судом клермонского дистрикта.

Доведенные до отчаяния при виде того, как приказывают опустошать и бессмысленно разорять богатый и ценный урожай, жители Бюлля полагали, что не нарушат справедливости, отправившись все вместе скосить этот урожай в пользу всех, прежде чем выгнать скот на луг, и они даже полагали, что, поскольку общее желание направлено к тому, чтобы хищническое управление прекратилось в этом году и чтобы народ начал пользоваться своими правами, то они могут скосить всю траву со всех остальных частей лугов.

Это решение, осуществленное 21 июня 150—200 жителями Бюлля, обошлось шести из них 24 июня арестом и привлечением к ответственности перед судом клермонского дистрикта.

Они ждут, милостивые государи, сурового приговора, которым им угрожают во всеуслышание. Итак, вот как применяются ваши законы. Намерения и действия народа искажаются, когда он хочет воспользоваться благами законов, изданных вами для его благоденствия; всегда находится какая-нибудь увертка, чтобы представить его в качестве преступника. Когда нужно, то умеют подтолкнуть его на какой-нибудь ложный шаг, чтобы получить предлог для наказания его. Таковы, милостивые государи, обстоятельства дела коммуны Бюлль.

Те несчастные, которых хотят сделать жертвами за 200 человек, столь же невинных, как и они, видят, как против них поднимаются все власти их судебного округа. Какие ресурсы им остаются? Они не знают других, кроме обращения к Национальному собранию с просьбой защитить их от угнетения и пресечь попытки злоупотребления законами в отношении их.

Они посылают своих безутешных жен требовать правосудия. Эти женщины оставили дома своих малых детей, чтобы прийти умолять об этом. Пусть безыскусный облик этих матерей и супруг усилит еще больше то сочувствие, которое возбуждает горе. Пусть они принесут утешение своим мужьям и детям. Пусть их действия будут иметь и другие благоприятные последствия, важные не только для них.

Они оставляют предложение, касающееся издания определенного закона об общинных угодьях. Этот закон мог бы стать обильным источником всякого рода благ: преуспеяние самого обездоленного класса, бо́льшая независимость состоятельных классов, общий патриотизм, рост промыслов и особенно урожая тех культур, которые идут в пищу человеку; наконец, уничтожение зародыша волнений и тяжб между всеми гражданами!

ПРЕДЛОЖЕНИЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОМУ СОБРАНИЮ О РАЗДЕЛЕ ОБЩИННЫХ ЗЕМЕЛЬ

19 июля 4-го года [1792 г.]

Господа!

Всякий раз, когда вы издаете популярные законы, вы вербуете тысячи защитников дела свободы и конституции. Последний декрет о феодальных повинностях, несомненно, привлек на вашу сторону много людей, которые уже готовы были опустить руки или, пожалуй, даже последовать за теми, кто всячески старается ввести в заблуждение возможно большее число граждан.

Фанатизм и изобретательность всех злонамеренных людей достигли того, что повсюду среди малоимущих классов стали говорить: что же сделало для нас Национальное собрание? Мы не получаем никакой прямой пользы от всех его декретов. Что мы знаем о конституции? Нам прежде всего нужен хлеб, а нам труднее, чем когда-либо, удается достать его. За что же нам благословлять Национальное собрание? Во имя чего бы нам так сильно воспламеняться всем тем, что оно установило? Когда оно совершит для нас добро, которое мы сможем видеть, которое мы вкусим, которое мы будем чувствовать повседневно, тогда — в добрый час, мы готовы будем жертвовать своей кровью ради него, будем восхищаться его законами и отвергать все, что будет направлено к их дискредитации.

Так вот, господа, я предложу вам справедливую и благотворную меру, которая расположит бедный народ в вашу пользу. Фанатизм и злобная изобретательность будут после этого бессильны

клеветать на законы и на законодателей. Патриотизм станет общим и потому непоколебимым, и та мера, о которой я говорю, вооружит уверенностью и бодростью всех представителей этой бесчисленной массы несчастных, которые ведь составляют нацию. Преуспеяние этого класса, почти полная независимость от зажиточных классов и, следовательно, освобождение от опасной наклонности к кабале и рабству; замечательное развитие промышленности и не менее удивительное увеличение количества продуктов питания человека — такими представляются мне ценные следствия и огромные преимущества того проекта, который я сейчас повергну на ваше рассмотрение.

Он заключается в том, чтобы разрешить всем общинам государства, имеющим общинные земли, распорядиться об их разделе в пользование между всеми членами коммуны поровну и таким образом, чтобы каждый извлек из нее одинаковую пользу.

Это, господа, лишь развитие принципа, утвержденного Учредительным собранием, почему я и не предвижу многих возражений против его одобрения. Этот принцип содержится в законе от 6 октября 1791 года, раздел I: о сельских владениях и пользованиях, где сказано в отделе 1-м, статьях 1 и 2: «Территория Франции на всем своем протяжении свободна, равно как и лица, на ней проживающие, и все владельцы могут свободно изменять по своему усмотрению культуры и способы эксплуатации своих земель без нанесения ущерба правам других и с соблюдением законов».

Если все собственники вправе свободно менять по своему усмотрению культуры и способы эксплуатации своих земель, то этот принцип, несомненно, применяется к коллективным собственникам так же, как к индивидуальным собственникам. Граждане одной коммуны образуют коллектив собственников в отношении той собственности, которая является общей для всех. Конечно, каждый член этого коллектива не является собственником, он только обладает правом пользования, но все члены вместе взятые являются чем-то бо́льшим, они действительно собственники, по крайней мере в отношении пользования общинным владением; ибо известно, что право распоряжения землей и отчуждения ее им еще не принадлежит и что общинная собственность постоянно принадлежит всему составу членов коммуны.

Если все члены коммуны бесспорно являются собственниками в отношении пользования продуктом общинного владения, они имеют, стало быть, то же право, что и другие классы собственников, притязать на преимущества, предоставляемые законом от 6 октября 1791 года, т. е. на право изменять по своему усмотрению культуры и способ эксплуатации своих земель... «однако, — как добавляет закон, — без нанесения ущерба другим».

Но ясно, что было бы справедливо по отношению ко всем и не было бы никакого ущерба чьим-либо правам, если разрешить коммунам разделить их общинные угодья на равные части, дабы каждый член коммуны мог располагать своей в порядке пользо-

вания и эксплуатировать ее по своему усмотрению и для вящей своей выгоды. Тогда, как мне легко будет это доказать, тот способ управления, который принят в большинстве коммун, наносит ущерб правам большинства граждан, поскольку при этом способе управления это большинство не получает никакой продукции и никакой выгоды от общинной собственности.

Это бесспорно; если посмотреть, как производится управление общинными угодьями в большей части коммун страны, мы увидим, что почти все они используются как пастбище. Но кому сейчас выгодны пастбища? Некогда они были выгодны почти всем жителям каждой коммуны, а ныне — только крайне малому числу. И вот почему.

Завоевавшие Галлию германцы образовали народ преимущественно пастушеский и земледельческий. Все состояния, почти равные, заключались в земле и в стадах. Каждый глава семьи имел свое отмежеванное поле и немного скота. Общий луг использовался всеми, и все извлекали из него приблизительно равную выгоду. Но постепенно бедствия, которые приносило время, привели к крушению все малые состояния, многие из них слились в несколько больших, люди обедневших классов обратились в городах в ремесленников, в деревнях — в работников и слуг у других людей. Появилось небольшое число крупных собственников наряду с чрезмерным множеством несобственников.

Последние тогда уже лишились возможности содержать скот, и общие пастбища уже не использовались всей коммуной, они стали частной и исключительной собственностью нескольких человек из зажиточного класса, которые одни и могли при таком положении вещей разводить и содержать там многочисленные стада.

Вот, милостивые государи, в точности каково сегодня положение вещей. Надо сказать вам эту грустную правду: особенно за последние тридцать лет положение страждущего класса настолько ухудшилось, дороговизна, нехватка продуктов причинили столь великие опустошения, что ресурсы народных масс полностью исчерпались. Нельзя закрывать глаза на то, что класс наемных работников, те, кто живет только на то, что зарабатывают каждый день, а ведь они составляют бóльшую часть нации, что этот класс оказался вынужденным лишиться всего, что у него было, для восполнения недостаточности заработной платы, размеры которой не возрастали пропорционально ценам на товары и предметы питания. Именно с этих пор скот и исчез из хижин бедных крестьян, и, как следствие первого несчастья, они потеряли свою долю выгод от общинных угодий.

Следствием этого является также и тот факт, что в большей части деревень продукция этих земель собирается исключительно не более как шестью, восемью или десятью землепашцами. Вполне естественно, что со времени революции это стало предметом серьезного внимания сельских жителей. Почти все повсеме-

стно были одновременно поражены той мыслью, что, поскольку положение людей в отношении возможности пользования общинными доходами изменилось, то было бы справедливо изменить и способ пользования общинными угодьями так, чтобы они опять стали выгодными для большинства, так, чтобы члены каждой коммуны не были больше отчуждены от должной им законной собственности.

Во многих местностях граждане столкнулись с резким сопротивлением со стороны муниципалитетов, члены которых оказались заинтересованными в том, чтобы не было в этой области никаких нововведений по той причине, что они часто принадлежали к той категории крестьян, которая одна только извлекает выгоды. Они очень часто пользовались также поддержкой со стороны учреждений, члены которых заботились о сохранении подобных же интересов. Но в других местностях раздел был произведен без труда и без сопротивления на число частей, равное числу жителей, и каждый получил свою часть с правом вести ее обработку по своему усмотрению и с тем, что она дается лишь с правом пользования.

В каждой из этих последних местностей люди основывались на цитированной выше статье закона о сельских имуществах и пользованиях, что «все владельцы вправе свободно изменять по своему усмотрению культуры и способы эксплуатации своих земель», и делали из этого заключение, что все объединенные жители одной коммуны в отношении общинной собственности подпадали под эти слова «все владельцы» и что поэтому они могли требовать того же права изменять по своему усмотрению культуры и способы эксплуатации своих владений.

Одного этого принципа, милостивые государи, несомненно, достаточно для честных людей, чтобы разрешить коммунам изменять способ управления их общинными угодьями и чтобы допустить такую форму эксплуатации, при которой каждый из жителей извлекает одинаковую выгоду из собственности, принадлежащей всем жителям. Но чаще всего оказывается, что суды и муниципальные, дистриктовые и департаментские учреждения потому только, что их симпатии не позволяют им относиться благоприятно к этим требованиям страждущего народа, не довольствуются одним принципом, а требуют ясного и определенного закона по вопросу о коммунах.

Что же, милостивые государи, почему бы вам не дать народу этого определенного закона, поскольку он был бы лишь следствием из справедливого и благотворного принципа, провозглашенного законом Учредительного собрания, справедливое и простое применение которого отклоняется только зловредными усилиями защитников частных интересов?

Я уже показал, как благоприятно в этих обстоятельствах такой закон содействовал бы великому национальному делу, как он мог бы оживить и распространить патриотический дух. Я могу

и я должен, пожалуй, вернуться к этим соображениям, но я должен, конечно, сразу же привлечь внимание собрания к тому изумительному благосостоянию, которое воспоследует от этой меры для всей массы народа, которая на сей раз твердо узнает и никогда не сможет упустить из виду, что ее законодатели сделали что-то для нее.

Милостивые государи, разве вы не видите, подобно мне, что раздел общинных угодий даст нам возможность насладиться зрелищем бесконечного множества людей, спешащих во все места, где есть общинные земли, охваченных самой сладостной радостью и говорящих в глубоком волнении: долго мы были обездолены, теперь мы получаем обратно часть великого владения природы.

Мы были полностью зависимыми и слугами небольшого числа богатых граждан, мы жили лишь постольку, поскольку им угодно было нас нанимать, мы получали лишь ту заработную плату, которую они находили нужным нам назначить вне всякого соответствия с устанавливаемым ими уровнем цен на продаваемые нам продукты питания. Мы были даже их рабами в наших мыслях и мнениях, потому что мы были обязаны угодить им во всем под страхом лишиться работы, еле поддерживавшей наше существование. Ныне мы приобретаем большую степень свободы, наше владение будет ограниченным, но оно даст нам трудовую основу, которая будет всегда в нашем распоряжении, которая не будет зависеть ни от чьего каприза; наше владение будет ограниченным, но наши прилежные труды сделают его продукцию бесценной; с другой стороны, мы будем хозяевами наших мыслей. Мы, составляющие народ, мы не будем больше вынуждены усваивать мнения, направленные против интересов народа, против его благоденствия и его спокойствия. Пусть апостолы суеверий и фанатизма попробуют еще прийти к нам с клеветой на доброе дело. Их ложные правила, их нелепые аргументы не выдержат сопоставления с благом, которое даст нам обладание новой неотчуждаемой основой для труда, с благом новой отрасли деятельности, всегда активной и непреходящей. Мы им скажем: «Злитесь, сколько вам угодно, ваши вопли не помешают каждому из нас отдать все наши силы на защиту этого дела, которое вам столь не по душе. Безумные! Чего стоит ваша праздность по сравнению с этим новым зрелищем несобственников, которые работают руками и воздают хвалы, раскрывая лоно земли, которую они сделают чрезвычайно плодородной...»

Милостивые государи, я продолжаю восторгаться, когда представляю себе, как каждая бедная семья трудится на наследственном ограниченном участке над какой-нибудь излюбленной культурой, доведя до совершенства земледельческий промысел, выращивая бóльшую часть продуктов своего питания собственными руками и вынося излишки на наши рынки, на которых этот избыток создает удивительное изобилие.

Пусть не говорят, милостивые государи, что эта картина является иллюзией и что малоземелье участников раздела в коммунах сделает выгоду от этого дела малозаметной.

Я знаю коммуны, где после раздела общинных земель каждый гражданин получил один, два, три и даже четыре арпана. В качестве примера я могу указать коммуны Меневиле, Муаенвиль, Монтатер, Ножан ле Вьерж и т. д. в дистрикте Клермон департамента Уаза.

Пусть не говорят также, будто изменение численности населения в коммуне может стать препятствием для того, чтобы раздел сохранял свой справедливый характер, поскольку число наделов равно числу ныне имеющихся налицо жителей, а если образуются новые семейства, то для них не будет наделов, или, если число семейств уменьшится, то останутся наделы, которые будут ничьи.

Но разве, милостивые государи, нельзя легко устранить это затруднение посредством решения, что число наделов будет установлено выше численности жителей на день совершения раздела, и избыточные наделы будут последовательно давать новым, обосновавшимся в этой местности, семействам, а до того эти наделы вместе с теми, которые останутся коммуне вследствие вымирания некоторых семей, будут эксплуатироваться в пользу всей коммуны в целом, и каждый ее член ежегодно получит свою долю дохода *.

Когда все избыточные наделы будут розданы новым семействам так, что первому, которое затем появится, будет грозить остаться без участия в общинной собственности, то можно сделать новый раздел, с тем чтобы оставить новые избыточные участки для семейств, которые еще народятся. Этот новый раздел надо по возможности произвести таким образом, чтобы не нарушить полностью прежний и чтобы прежний владелец участка не потерял его полностью, а сохранил бы плоды своих забот и улучшений.

Я предвижу, милостивые государи, еще одно возражение. Вы, мол, уничтожите пастбища, стало быть, не будет больше ни скота, ни масла, ни молочных продуктов, ни кож, ни удобрений, ни урожаев. Я отвечу, что все будет как раз наоборот. Земледельцы, которым будет выделена их часть луга и пастбища, оставят ее под пастбищем, они присоединят к ней те части, которые смогут взять в аренду у некоторых лиц, не желающих заниматься их обработкой, и сохранят, таким образом, то же количество скота. Затем многие хозяева будут растить на своих участках травы, это даст им возможность содержать одну или несколько коров, которых раньше они не содержали, таким образом, получится прирост поголовья скота.

---

* Известно, что, поскольку декреты предоставили коммунам для покрытия всех их местных расходов дополнительные проценты к налогам, взимаемым на всей территории страны, доходы с общинных угодий не должны больше служить для покрытия этих расходов.

Вот так опровергаются дурные аргументы, которые эгоизм тщетно пытается прикрыть видимостью общих интересов. Милостивые государи, подлинные защитники прав народа давно уже сокрушили эту обманчивую философию определенной категории экономистов, красиво рассуждавших на тему о выращивании скота. Учредительное собрание рассудило, что надлежит начать с воспитания и питания людей.

Его декрет от 26 декабря 1790 года об осушении болот есть лучшая дань уважения этой идее, связанной с чувством и с природой. Я должен здесь воспроизвести его выражения, ибо невозможно слышать их, не почувствовав, что они полностью поддерживают мое предложение в пользу человечества и что они содержат определенно те же принципиальные основы, которые побуждают меня выступить с этим предложением. «Принимая во внимание, — гласит этот закон, — что одной из первых обязанностей законодателей является наблюдение за поддержанием жизни граждан, за ростом народонаселения и за всем, что может способствовать росту средств существования, коего можно ожидать только от процветания сельского хозяйства, торговли и ремесел, являющихся опорой государств; что средством обеспечения самого полного развития государственной силы является обработка всей земельной площади; что из существа общественного договора вытекает, что священное право частной собственности, защищаемое законами, должно быть подчинено общим интересам; что, наконец, из этих вечных принципов следует, что болота, будь то необработанные или вредные, должны стать предметом особого внимания законодательного органа. . .»

Разве эти великие истины, милостивые государи, не представляются говорящими за мой проект и как бы специально утвержденными, имея его в виду? Если «*одной из первых обязанностей законодателей является наблюдение за поддержанием жизни граждан, за ростом народонаселения и за всем, что может способствовать росту средств существования*», и если этих благотворных результатов можно ожидать «*только от процветания сельского хозяйства, торговли и ремесел, являющихся опорой государств*», то я доказал, что обработка и равное разделение общинных угодий между гражданами замечательно способствуют достижению этой цели. Если «*средством обеспечения самого полного развития государственной силы является обработка всей земельной площади*», то надо включить сюда и общинные угодья, остающиеся большей частью бесполезными лугами и бесплодными пустошами.

Если «*из существа общественного договора вытекает, что священное право собственности, защищаемое законами, должно быть подчинено общим интересам*», то общий интерес заключается в разделе и

обработке общинных угодий, которые при нынешнем положении вещей полезны только некоторым лицам. Наконец, «если из этих принципов следует, что болота, будь то необработанные или вредные, должны стать предметом особого внимания законодательного органа», то самой верной мерой, которую может принять законодательный орган для того, чтобы они перестали быть необработанными и вредными, будет разрешение гражданам осушать их и обрабатывать с пользой для себя.

Я резюмирую, милостивые государи, двумя основными соображениями.

1. Общинные угодья при нынешнем положении вещей выгодны только небольшому числу людей, а между тем по их наименованию и в соответствии с вашими принципами равенства вы не можете не предписать, чтоб они были одинаково выгодны всем жителям той коммуны, где они расположены. 2. В соответствии с утвержденным в сельскохозяйственном законе правилом, согласно которому «всякий владелец может по своему усмотрению изменять культуры и способ эксплуатации своих земель», вы не сочтете, что надлежит сделать исключение для того случая, когда коммуна является владельцем. Если вы разрешите новый способ эксплуатации и управления общинными угодьями, это не будет новое постановление, это будет лишь выведение следствий из определенного принципа, который лишь люди нечестные, следующие своим личным интересам, игнорируют или делают вид, что находят его двусмысленным.

Вот мой проект декрета.

Национальное собрание, принимая во внимание, что на протяжении времени всякие бедствия довели большинство жителей коммун до того, что они лишились возможности содержать скот, что болота и пастбища стали исключительной собственностью немногих зажиточных людей и перестали приносить выгоду большинству;

принимая во внимание, что справедливость требует возвратить эти угодья их первоначальному назначению, т. е. сделать, чтобы они приносили равную выгоду всем членам той коммуны, где они расположены;

принимая во внимание, что принципы общей пользы, долженствующей последовать от обработки болот и превращения их в обработанные земли, уже были развиты самым ясным образом в декрете от 26 декабря 1790 года;

принимая во внимание, наконец, что согласно правилу, утвержденному в сельскохозяйственном законе, раздел I, отдел 1, статья 2, гласящему, что «каждый владелец может изменять по своему усмотрению культуры и способ эксплуатации своих земель», не может быть подразумеваемо какое-либо исключение в отношении коммун-владельцев; что разрешение нового способа эксплуатации и управления общинными угодьями будет отнюдь

не новым постановлением, а только развитием признанного более ранним законом принципа,

декретирует:

Статья 1. Жители коммуны, которые на созванном в установленном порядке общем собрании коммуны примут решение большинством голосов о разделе их общинных угодий, будут иметь право произвести этот раздел на равные доли для каждого из них, и каждый житель будет иметь право пользоваться своим наделом и отвести его под ту культуру, которую он сочтет для себя подходящей.

Статья 2. Будет установлено число наделов, превосходящее число жителей на день раздела. Эти избыточные наделы будут последовательно даваться новым семьям, которые обоснуются в данной местности. До этого эти наделы, а равно и те, которые перейдут обратно к коммуне вследствие вымирания каких-либо семей, будут эксплуатироваться в пользу всей коммуны в целом, и каждый ее член ежегодно получит свою долю доходов.

Статья 3. Когда все эти избыточные наделы будут распределены между новыми семьями так, что следующей, которая добавится к уже наличным, будет угрожать опасность остаться без надела из общинной земли, то будет произведен новый раздел с тем, чтобы оставить для новых семей, которые в дальнейшем добавятся к существующим, новые избыточные наделы. Этот новый раздел будет произведен по возможности без полного нарушения прежнего раздела так, чтобы прежний владелец какого-либо надела не потерял его полностью и сохранил бы плоды своих забот и произведенных им улучшений.

ПОСЛЕ 10 АВГУСТА

ПИСЬМО А. ДОДЕНУ [1]

12 августа 4-го года [1792 г.]

М. г.! Избыток аристократии достиг такой густоты, что потребовался второй приступ революции, чтобы выйти из кризиса. И вот это произошло! Пролилась кровь патриотов, но она дорого обошлась предателям, ее пролившим. Пусть трепещут остатки их гнусной лиги, малейшая новая преступная попытка побудит нас, новоявленных Самсонов, по-настоящему тряхнуть столп храма, и будет покончено с последним из этих отвратительных филистимлян.

РЕЧЬ НА ИЗБИРАТЕЛЬНОМ СОБРАНИИ В РУА [2]

26 августа 1-го года Равенства [1792 г.]

Граждане!

Я хочу говорить с вами о важном значении того выбора, который вам предстоит совершить. Я не сомневаюсь в том, что многие из вас уже отдают себе в этом отчет, быть может, лучше, чем я; но, поскольку мы все не можем слишком сильно проникнуться этим сознанием, я попробую осветить этот вопрос со всех точек зрения.

Эти выборы имеют важное значение как в отношении общих интересов французского народа, так и в отношении частных интересов городка, где мы проживаем.

I. В отношении общих интересов французского народа. Господа, какой момент мы с вами переживаем! Идет борьба между человечностью и тиранией, между справедливостью и угнетением, между общими интересами и эгоизмом, между умеренностью равенства и ненасытностью спеси, между возрождением нравов и нашей прежней испорченностью, между разумом и предрассудками, одним словом, между всеми добродетелями и всеми пороками.

Мы уже сильно продвинулись на этом поприще, и наши усилия увенчались большими успехами. Но какой еще путь осталось нам пройти? Можно ли считать, что наше благоденствие и наша независимость обеспечены? Нет, господа, и я постараюсь напом-

нить вам, что́ нам еще остается преодолеть в борьбе и какие победы нам еще надлежит одержать.

Учредительное собрание в те дни, которые его прославили, провозгласило права человека. Если бы оно всегда оставалось на уровне этой декларации, если бы оно всегда шло по пути, проложенному этим бессмертным творением, если бы оно применяло только ее принципы и все ее принципы, то, возможно, уже сейчас царство свободы было бы прочно установлено, счастье народа было бы обеспечено и государство не подвергалось бы тем потрясениям и опасностям, которые на него обрушились.

Но слишком много депутатов, исполненных взглядов, наиболее чуждых истинным элементам общественного блага, тормозило применение тех прекрасных выводов, которые естественно вытекали из самых мудрых принципов. Творение было замечательным в своих основах, но грешило во всех частях, над ними возвышавшихся. Формула старинного деспотизма: «Ибо так нам угодно» была воспроизведена в другой формуле: «Я не хочу». Посредством этого магического слова один человек имел возможность безнаказанно остановить все меры, необходимые для безопасности и благосостояния великой нации. И этого самого человека в таком количестве снабдили всякими средствами коррупции, что некоторым образом вынуждали его стараться всеми способами погубить свободу.

Каков был результат всех этих несовершенств? Множество граждан, видевших прекрасное начало революции, возлагавших все свои надежды на завершение конституции, покоящейся на столь справедливых и столь мудрых основаниях, впало в состояние беспечности и уныния, когда увидело, что святое равенство, это первейшее и наиболее драгоценное право человека, торжественно признанное знаменитой декларацией, попрано путем введения оскорбительных разграничений между гражданином и гражданином, заменивших прежние упраздненные сословия новыми; другие разграничения изолировали, разделяли людей, обливали гнусным презрением даже просвещенную добродетель бедняка, тогда как богатство, которое не всегда является спутником просвещения и духа справедливости, пользовалось исключительной привилегией почестей и доверия.

Это настроение апатии и беспомощности у самого многочисленного класса вполне устраивало недовольных, которые постарались усилить его, и им это удалось. Народ был доведен интригами до крайнего бедствия, спекуляция и скупка товаров и предметов питания дошли до того, что бедному и рабочему человеку стало невозможно приобретать средства к существованию. На народ воздействовали всякими суевериями и неистовствами, его дух возбуждали до уровня всех эксцессов, на которые способен фанатизм.

Вскоре научились переплетать политические ссоры с религиозными. Апостолы макиавеллизма и заблуждений проповедовали

свои ужасные догмы; их кафедры были по меньшей мере столь же свободны и пользовались такой же охраной, как кафедры апостолов равенства, свободы и правды. Широко злоупотребляли слабостью и невежеством, извлекая из этого огромную выгоду.

Дошло до того, что доктрина Кобленца[3] угрожала охватить половину Франции своими прозелитами: с помощью золота цивильного листа она распространялась во всех учреждениях, в судах, в наших армиях, даже в самом сенате; ... и тот, кто был центром всей коррупции, жалкий глава исполнительной власти, 10 августа счел, что пришло время, когда можно безнаказанно снять маску; последовал ужасный приказ о побоище, которое должно было стать сигналом ко всеобщей резне, которая покрыла бы французскую землю трупами и, распространяя повсюду одновременно страх, ужас и дезорганизацию, подготовила бы зверский триумф тирании.

Божество, бдящее над судьбой нашей нарождающейся свободы, распорядилось по-иному. Приспешники, посланные для того, чтобы стать первыми исполнителями коварных жестокостей тирана, пали под мощными ударами патриотов. Сам свирепый деспот опустился до последних ступеней унижения, и мы собрались здесь сегодня для того, чтобы выбрать людей, которые будут его судить от имени царствующего народа, суверенной нации.

Когда Законодательное собрание увидело, какая масса измен угрожает нашей независимости и нашей свободе, когда оно вполне убедилось, когда ему было наглядно доказано, что враги добьются свержения конституции при помощи той же конституции, оно приняло одну из тех искусных мер, которые характеризуют подлинный гений законодателей. Оно не могло выйти из рамок этой конституции, которую оно поклялось сохранить неприкосновенной, иначе, как совершив акт клятвопреступления. С другой стороны, оно не могло ни на минуту терять из виду священное правило: благо народа есть высший закон.

Колеблясь между этими двумя скалами, оно дает нации средство спастись от грозящих опасностей, прибегнув к способу, который во все времена будет вызывать восторги потомства перед представителями нации 92 года. Народ, состоящий из 25 миллионов человек, восстановлен в полном осуществлении своего суверенитета. Все эти постыдные различия, которые отделяли богатого гражданина от бедного, не существуют больше. Начинается царство равенства. Все мы, сколько нас тут собралось, составляем собрание людей, из коих ни один не может сказать, что у него прав больше, чем у другого... Скажем лучше, мы составляем вместе со всеми французами некое собрание королей, объединяющих в настоящий момент все полномочия, необходимые для того, чтобы судить человека, которого одного мы в прошлом украшали титулом короля.

Наши полномочия распространяются и на пересмотр нашей конституции, на исправление ее во всем том, что представится нам

не соответствующим неотъемлемым правам человека и гражданина, на выражение наших желаний относительно изменений, которые, по нашему мнению, надлежало бы в нее внести. Мы могли бы даже дать нашим делегатам в Национальном Конвенте определенные мандаты относительно того, как наша общая воля полагает решить каждый вопрос нашего политического права.

Но Законодательное собрание призвало нас — ибо суверенной нации нельзя приказывать, — оно призвало нас давать нашим представителям только неограниченные полномочия. Это разумный совет, и я полагаю, что большинство французов ему последуют. Императивные мандаты, выданные в разных частях страны, не могут дать согласованную и целостную законодательную доктрину. Поэтому, господа, поскольку вы должны оказать неограниченное доверие тем, кому вы поручите представлять вас, крайне важно отнестись с величайшим вниманием и величайшей строгостью к вашему выбору. От выбора выборщиков будет зависеть выбор депутатов, следовательно, существенно важно хорошо начать.

Милостивые государи, какие надобны вам люди, какие законодатели? Есть истина, основанная на опыте всех времен: люди, обладающие большим состоянием, всегда были врагами низших классов. Потому-то вы видели, как тщательно богатые люди, единственные, кто участвовал в составлении конституции 1789 года, отметали бедных, как заботливо они их отстраняли и лишали их политических прав. Множество граждан, названных оскорбительным эпитетом «пассивных», были совершенно вычеркнуты из списка граждан. Активные граждане не обладали правом быть избранными, им предоставлялось скудное право отдавать свои голоса людям более богатым, чем они, для того чтобы те ими управляли. Требовалась еще дополнительная степень богатства, чтобы дойти до национального представительства.

Следствием этого стали соперничество, зависть, ненависть между различными новыми сословиями общества. А мы еще называем себя свободными! Мы называем себя равными в правах! Между тем гражданам, не обласканным фортуной, говорили: вы — илоты, вы не имеете права притязать на правительственные должности, потому что у вас нет никаких интересов, поскольку вы не обладаете собственностью.

Как это я не имею интересов в государственном деле! Как это у меня нет собственности! Разве моя жизнь, моя личность, мой промысел, разве все это не собственность? И если бы вам вздумалось, вам, богачам, захватившим все органы власти, если бы вам вздумалось взять мою жизнь, мою личность, мой промысел, обращаться со мной, как с рабом, как мог бы я этому воспротивиться, если бы при вас не было никого из моего класса, чтобы защищать от вас мои интересы.

Да, господа, мы уже слишком много насмотрелись со времени революции на то, какое влияние имеют богачи на правительство.

Неужто вы думаете, что, если бы бедные имели своих представителей во всех политических учреждениях, они бы терпели эту дороговизну, эти нехватки, которые их столь удручали и столько раз вызывали у них сомнения: стоит ли им благословлять новый порядок вещей? Неужто вы думаете, что не нашли бы разумных путей к тому, чтобы сохранить равновесие торговли и чтобы цены товаров и предметов потребления были подходящими и для продавца и для покупателя?

Ах, милостивые государи, до сих пор слишком мало сделано для необеспеченного класса. Но сейчас он восстанавливает одно драгоценное свое право. Он может надеяться на улучшение своей судьбы, если он догадается обеспечить повсюду свое представительство посредством избрания некоторых людей из своего круга.

Но, скажете вы мне, в классах несостоятельных нет никого, кто обладал бы образованием, необходимым и достаточным, чтобы выступать рядом с ораторами, которым богатство всегда обеспечит господствующее положение в собраниях. Я на это отвечаю, что справедливый человек, честный человек, человек хороших нравов, о котором вы знаете, что он неспособен продаться предлагающему наибольшую цену, человек, наконец, приобретший большую известность благородными делами, чем красивыми речами, такой человек всегда сможет хорошо вас представлять. У него будет все необходимое красноречие, если он знает ваши страдания, если он их чувствует, если он их разделяет. Ибо бесплодно красноречие человека, говорящего о страданиях народа после того, как он всем наслаждался всю свою жизнь!

Я вам обещал, господа, быть сжатым, и я должен сдержать свое обещание. Все, что я вам только что бегло сказал, имело целью нарисовать вам, чем мы были со времени революции, что больше всего мешало нашему благоденствию, чем мы являемся сейчас и что мы должны делать, чтобы заслужить ту светлую судьбу, которая, кажется, нам обещана. Я надумал сделать вам, вслед за предыдущим, еще несколько предложений; они представляются мне имеющими важное значение.

Национальное собрание, как я уже заметил, восстанавливая нацию в полном ее суверенитете, могло обращаться к ней только с мнениями, с советами. Оно предложило нам облекать наших представителей в Национальном Конвенте только неограниченными мандатами. Все поняли, как и я, что этот совет был мудрым. Лучшие мандаты будут заключаться в хорошем выборе депутатов.

Однако разве из этого следует, что нация не должна ничего предписывать своим представителям? Раз предполагается, что будут давать полномочия, в них что-то должно содержаться. Как же понимать, что они должны быть неограниченными? Вероятно, это понимают так, что они не должны содержать детальных указаний, а только основы той конституции, под властью которой страна хочет жить. Вероятно также, все мандаты напомнят о Декларации прав человека и потребуют, чтобы конституция

была пересмотрена и исправлена всюду, где она от этой декларации отклоняется.

Но разве нельзя отметить, что некоторых статей недостает даже и Декларации прав, и разве нация не может, не должна потребовать, чтобы они были добавлены? Мне, например, представляется весьма существенным принять меры к тому, чтобы навсегда сохранить отмену деления граждан на активных и пассивных. Для этого я попрошу, чтобы в протоколе настоящих выборов было записано, что нашим выборщикам поручено предложить собранию выборщиков поручить тем депутатам, которых они изберут в Национальный Конвент, просить о следующем добавлении к Декларации прав:

«Закон не может устанавливать различия в правах между одним человеком и другим человеком, какова бы ни была разница в их имущественном положении».

Во-вторых, господа, для сохранения равенства прав между богатыми и бедными гражданами надлежит дать каждому одинаковое образование, ибо, если вы оставите образование исключительно богатому, он всегда будет главенствовать над бедным; только он сможет занимать должности, и люди опять отнюдь не будут равны в правах. Я предлагаю просить добавить еще эту статью:

«Человеческие знания суть национальная собственность; следовательно, государство обязано давать одинаковое бесплатное образование всем своим членам таким образом, чтобы все получили возможность выполнять различные правительственные должности».

Я вам предложу, господа, 3-ю статью, для которой у меня есть отличный поручитель. Это добродетельный Петион. Он ее предложил Учредительному собранию в своем проекте Декларации прав. Эта статья, не требующая комментариев, составлена таким образом:

«Каждый гражданин должен иметь существование, обеспеченное либо доходами от своих владений, либо плодами своих трудов и промыслов; и если немощь или несчастья довели его до бедности, общество должно снабдить его средствами существования».

Эти три статьи представляют собой, на мой взгляд, образец и непоколебимую основу равенства, свободы и общественного благоденствия. Если вы мне разрешите воспроизвести эти статьи в тексте протокола, мы обяжем наших выборщиков добиваться их одобрения собранием выборщиков. После того как вы их особо порекомендуете вашим представителям, я думаю, что в отношении остального вы можете дать им и неограниченные полномочия.

Многие мыслители и публицисты высказывались устно и в печати в том смысле, что было бы желательно, чтобы нация на каждом из своих первичных собраний высказалась и изложила свое пожелание по поводу приговора, который надлежит вынести Людовику XVI, относительно судьбы его семьи, относительно формы правления, которой Франция должна отдать

предпочтение. Но, на мой взгляд, у нас нет ни времени, ни средств обсуждать эти важные вопросы. Во-первых, Национальный Конвент, рассмотрев и изучив документы большого судебного дела Людовика, определит много лучше, чем мы, должное наказание за преступления, в которых он обвиняется. Во-вторых, что касается того, какую форму правления избрать Франции, то этот выбор будет зависеть от результатов того опыта, которым является деятельность временного исполнительного совета[4].

После того как под властью Людовика мы испытали на себе, что монархические формы очень плохо вяжутся с какой-либо народной конституцией, что свобода и деспотизм несовместимы, что неизбежно одно убивает другое, этот опыт с исполнительным советом, быть может, позволит освободиться от предубеждения, будто Франция может управляться только королем.

Конечно, господа, здесь, на первичных собраниях, вроде настоящего, где нация осуществляет все права суверенитета, можно было бы рассмотреть вопрос, является ли правление в том виде, как оно сейчас организовано, достаточно устойчивым; нет ли все еще надобности в некоем равновесии различных властей; может ли такой исполнительный совет выполнять функцию утверждения законов; не может ли он стать столь же опасным, как король; не следует ли нам при отсутствии главы исполнительной власти опасаться прихода к власти военного правительства. Но, еще раз повторяю, события требуют от нас такой поспешности, что мы не можем сами заниматься этими большими вопросами. Давайте выберем хороших представителей и возложим на них эту заботу.

Общественное мнение скоро выскажется по этим большим вопросам путем посылки обращений и петиций Законодательному собранию. Вскоре начнут обсуждать высший вопрос — о народном вето, или о ратификации законов общей волей, и вопрос о временной и весьма ограниченной власти генералов. Французская республика станет на свои истинные основы, и влияние тиранов будет уничтожено навсегда.

О, моя родина! Земля, одаренная самыми прекрасными дарами создателя, я вижу, как открывается пред тобой вечное благоденствие. Ты слишком долго была театром самых удручающих бедствий. На самой благодатной почве твои жители томились во всевозможных оковах, им едва хватало сил для того, чтобы собирать с земли урожаи, которые предназначались только для угнетателей человечества. Их страдания достигли предела. Сама чрезмерность этих страданий вызвала пробуждение человеческого рода. Пелена тумана, покрывавшая дни, исполненные траура, скорби и смерти, разорвалась наконец, и мы видим только перспективу освобождения народов, общего царства равенства и всемирного благоденствия! Да осуществится полностью это чудесное зрелище, и да продлится оно во веки веков для счастья всех наших потомков!

В заключение, господа, скажу, что, выражая пожелания, касающиеся родины в целом, я не забуду и о том интересе, который я всегда сохраняю к городу, где я живу и от которого ничто не может меня оторвать. Если мы будем достаточно счастливы, чтобы иметь депутата кантона от этого города, поскольку можно полагать, что при исправлении всех заблуждений, вкравшихся в наши законы, исправят также ошибки, допущенные при определении административных границ[5], то, несомненно, наш депутат приложит усилия к тому, чтобы в Руа были основаны некоторые учреждения. Я надеюсь быть приятным моим согражданам как по городу, так и по различным коммунам кантона, доводя до их сведения, что я кое-что сделал для того, чтобы Руа получил предпочтение перед Мондидье в отношении размещения этих учреждений; что все, мною сделанное, я передам тому, кто будет избран нашим депутатом, и что всеми способами я помогу обеспечить успех этого начинания.

РЕЧЬ В АББЕВИЛЛЕ НА СОБРАНИИ ВЫБОРЩИКОВ ДЕПАРТАМЕНТА СОММА

2 сентября I года Равенства [1792 г.]

Французы, граждане, братья мои!

Само время, когда я выступаю, предметы, о коих мне предстоит говорить, собрание, которое меня слушает, — все это величественно, все напоминает мне, все говорит мне, что я нахожусь в самом ярком и интересном из положений, в которых свободный человек может оказаться. Все переносит меня в такую область, где не занимаются больше никакими малыми делами, куда проникают одни только широкие порывы патриотической энергии.

Я выступаю в такой момент, когда великая нация после четырехлетней борьбы с тиранией, после того как она с ней дралась врукопашную, после того как она ее раздавила, но затем из жалости позволила ей опять стать на ноги, после того как она с ней договорилась, после того как она заключила с ней своего рода пакт, в котором было оговорено, что отныне свобода и она (тирания) будут жить как сестры, после того как на опыте выяснилось, что симпатия между этими двумя существами невозможна, эта нация оказалась вынужденной разбить и скипетры, и короны, и весь бессмысленный механизм деспотических величий, порвать навсегда с абсолютной властью, свергнуть ее коварного главу, доведшего злоупотребление ею до последней степени жестокости, и решиться переделать свою конституцию исключительно на основах Прав человека и гражданина.

Я отнюдь не считаю безразличным и бесполезным подробнее остановиться на этом обстоятельстве и коснуться при этом по крайней мере следующих больших тем: 1) о важном значении выборов депутатов; 2) о приговоре, который надлежит вынести

бывшему королю; 3) об изменениях, которые надлежит принять, дабы исправить несовершенства нашей первой конституции.

Эти большие темы я буду разбирать перед лицом представителей одной из 83 частей страны *, в которой нация вернула себе все права своего суверенитета. Иными словами, я буду говорить о самых важных интересах правящего народа делегатам значительной части этого народа и тем, кого он счел способными о том знать.

Важное значение выбора депутатов — это то, мои сограждане, на чем я предполагаю остановиться в первую очередь. Кем будут эти люди, которых вы собираетесь облечь титулом верховных законодателей, которым вы доверите огромные полномочия, полномочия неограниченные? Кем они будут? Они будут арбитрами судеб мира. Если ваш выбор окажется плохим, то вместо исправления огромных недостатков конституции, созданной всякими Дандре, Деменье, Туре, Тарже, Шапелье и Барнавами [6], вы увидите, как сооружают здание еще более уродливое. Вы увидите, пожалуй, как вместо денег, почерпнутых из тюильрийского цивильного листа, деньги, принадлежащие коалиции бывших дворян Франции, объединенной с коалицией всех коронованных разбойников Европы, оказывают влияние на решения, вносят разложение в ваши законы и дают вам политический свод, соперничающий в недостатках с этой конституцией, которая сама себя разрушила и привела вас к краю пропасти, дойдя до которой, вы уже были бы лишены и конституции и свободы.

Если вы сделаете плохой выбор, вы, пожалуй, вскоре увидите, как восстанавливается под какой-нибудь новой маской тот уродливый деспотизм, который вы лишь недавно раздавили с таким великим мужеством; та феодальная гидра, которая лишь недавно получила сокрушительный удар, но способна отогреться на груди ее многочисленных приспешников, все еще живых; та церковная порода, которая является самым пагубным из социальных сорняков; те прожорливые аферисты, те инквизиторы—сборщики податей, которые посредством своих ста тысяч пиявок высасывали и истощали все соки трудов и пота полезного и бедного человека; наконец, то царство изворотливой кляузы, которое одинаково пожирает вдову и сироту, вносит разорение, запустение и отчаяние в семьи, поддерживает в них раздоры до тех пор, пока его жадная рука чувствует, что там еще есть добыча, которую можно ухватить.

Отвернемся от этой картины и покажем те более веселые предметы, которые составляют контраст с ней.

Если вы сделаете хороший, удачный выбор, огромные пороки конституций 89, 90 и 91 годов исчезнут, все будет покоиться только на правах человека и гражданина, на равенстве и свободе. Благоденствие всех классов общества будет обеспечено. То бес-

---

* *Речь идет о 83 департаментах.*

численное множество лишенных состояния семей, которыми до сих пор занимались только в порядке милостыни и кое-какой пустой помощи, получит вместе с остающимися им возможностями занятий трудом и промыслами верный и почетный источник средств существования, благодаря чему они не будут причинять никаких тревог собственникам. Все члены общества будут жить в честном достатке. Под сенью законов, под сенью широко распространенного просвещения, под сенью свободы и святого равенства все французы явят картину самой великой и самой счастливой семьи. Их полная гармония в бесконечном множестве подразделений этой великой семьи докажет, что замирение и установление всеобщего счастья может не быть мечтой. Франция станет образцом для всех народов, она станет родиной-матерью для всей земли, колыбелью и школой для четырех частей света.

Но достаточно ли представить, какими будут несомненные результаты выбора хороших или дурных законодателей? Не является ли более существенным дать приметы, по которым можно отличить тех и других? Я именно так думаю, и я к этому перейду.

Есть еще очень много людей, которые до самой смерти сохраняют влечение к различным злоупотреблениям старого режима, которые извлекали из них выгоду, жалеют и будут жалеть о них. Разного рода королевские приспешники, прислужники сеньеров, священники, откупщики, чиновники, судейские — все они не расстанутся со сладкими воспоминаниями о том времени, когда они жирели, угнетая общество. Неужто вы выберете ваших представителей среди таких людей? О, конечно, нет.

Есть такие администраторы, такие члены судов, такие должностные лица, которые были эманацией исполнительной власти и большей частью мечтали об угнетательском торжестве этой власти над нацией; ибо, не удовлетворяясь тем временным доверием, которым народ их почтил, они лелеяли надежду на превращение их должностей в пожизненные или наследственные и ради этой надежды предавали тот народ, благодаря которому они и стали теми, кто они есть. Неужто вы выберете их своими депутатами? О, конечно, нет.

Выберете ли вы таких людей, которые любят только самих себя, которые окажут сопротивление полезной реформе только потому, что это бы их не устроило, так как они дорожат определенным установлением, которое будет упразднено этой реформой? Нет, вы не обратите ваши взоры в сторону этих эгоистов, я не могу в это поверить.

Вы, стало быть, будете остерегаться и тех, кто выступал в качестве столь пылких борцов *за конституцию в целом*, за конституцию, которая их устраивала, которая помогала им отвергать предложения, ведущие к торжеству вечной справедливости, непреходящего разума, человечности, идущей впереди всех законов. Вы оттолкнете подальше от себя этих гордых атлетов конституции в целом, необходимость изменения которой стала

очевидной; которая произвела все минувшие несчастья и почти достигла точки, когда могла убить свободу.

Вы отстраните также тех, кто, приобретя некоторую известность благодаря гласности их сочинений, проявили какие-то смешанные или совсем опасные принципы и пытались привить яд заблуждений душам своих сограждан.

Вы равным образом отстраните те низменные души, которые прикрылись лживой маской модерантизма. Вы узнали, мои сограждане, сколь опасен умеренный. Священник Мори[7], попросту объявивший себя открытым врагом нации, причинил нам столько же зла, был для нас столь же опасным, как какой-нибудь Лафайет, какой-нибудь Людовик XVI, объявлявшие себя сторонниками умеренной свободы и подстерегавшие, каждый по-своему, подходящий момент, чтобы взнуздать, заковать в цепи всех членов нации. В Афинах надлежало объявить себя хорошим или дурным, другом или врагом республики, и закон осудил бы на смерть всякого, кто назвал бы себя умеренным или показал бы себя нейтральным.

На той же стороне, что и умеренные, находятся те бесхарактерные люди, у которых нет своего мнения, существа, меняющие маску смотря по обстоятельствам; они называют себя патриотами, когда они среди патриотов, врагами — когда они среди врагов. Они все одобряют и ничего не порицают, они неизменно становятся добычей того, кто умеет их заинтересовать.

А эти низкие люди, которые льстят народу и ласкают его только для того, чтобы привязать ему бубенчик и получить таким образом возможность затем добавить к этому хомут; которые создают себе популярность как раз к моменту выборов... неужто вас обманут, граждане, их столь внезапные обращения? Разве не достаточно полученных нами мрачных уроков, чтобы мы стали благоразумными? Слащавые Осси Робекур и Жирарден[8] сумели поймать нас в ловушку своей притворной ласковости. С тех пор мы научились в них разбираться.

Из всех людей адвокатуры, выбранных нами до сих пор, мы только очень немногих можем считать удачными национальными представителями. Эта категория людей, имевшая при старом режиме значение, которое она теперь не сохранила, как правило, недовольна революцией. Впрочем, привыкнув отрицать даже самые неоспоримые аргументы, они приносят этот дух и на трибуну сената. Когда судейские действуют в роли законодателей, они почти все проявляют склонность к контроверзе, привычку отводить от существа вопросов при помощи бесконечных мелочей, говорить о фактах, когда следует рассуждать лишь о принципах, вдаваться в излишние тонкости относительно основных положений и все запутывать в нагромождениях ложных выводов. Хорошенько посмотрим, граждане, прежде чем решить, надлежит ли нам сделать какое-либо исключение. Краснобайство часто импонировало нам, но краснобайство отнюдь не то, что более

всего необходимо законодателю: ему нужны чистые намерения и правильные суждения.

Неужели мы примем за достоинство самодовольство тех людей, *которые рассуждают обо всех вопросах, спешат решать и рубить сплеча?* Нет, нет, нет.

Подлинное достоинство скромно, и мудрый раздумывает, прежде чем заговорить. Наконец, сограждане, я полагаю еще, что следует остерегаться, избегать как самых зловредных существ тех, кто склоняется к пожеланиям той части общественного мнения, которая находится под влиянием фанатизма. Это — худшие граждане; ибо всякий фанатик безнравствен, он — крайний враг всякого учреждения, основанного на истине и на здравом рассудке.

Ну вот, мои братья, мои коллеги, я достаточно говорил о тех, кого надо остерегаться выбирать. Пора перейти к тем, на ком подобает остановить наш выбор. Их портрет един, набросать его гораздо легче, чем портреты личностей, над которыми наш взгляд проплывет, но не задержится; эти последние имеют много оттенков и много больше разных образов.

Кого надлежит нам выбрать? Вот как следует ответить на этот вопрос: знаем ли мы людей, принципы и поведение которых ничуть не изменились с начала революции, которые, будучи довольны приобретением прав человека, не сожалели о причиненных им революцией денежных убытках; которые улыбались каждый раз, когда видели отмену какого-нибудь злоупотребления, даже такого, от которого зависели их ресурсы, которые показали себя неразлучными друзьями равенства, преследователями порока и оставшихся злоупотреблений, великодушными защитниками угнетенных; которые, подвергаясь сами преследованиям со стороны умеренных, предателей, поборников старого режима, не поколебались и твердо остались на пути добра и свободы; которые показали себя бескорыстными и недоступными искушениям гнусного металла, развратившего столько сердец, бывших вначале добродетельными; которые, наконец, бросили вызов самому сильному из предрассудков, преодолев клевету толпы, обманутой поджигателями раздоров и обзывавшей ревнителей истинных принципов, бесстрашных друзей полной свободы и подлинного равенства дурными гражданами, смутьянами и мятежниками. Таковы, граждане, те испытанные люди, которым мы можем оказать доверие. Мы будем почти уверены в том, «что они будут служить народу так хорошо, что сам народ не мог бы это сделать лучше их» (Прюдом).

Сограждане! Пора нашему краю выдвинуть выдающуюся депутацию. До настоящего времени нашей древней Пикардии не очень посчастливилось. Она одна произвела таких, как Осси Робекур, Жирарден, Ламеты, Мори, которого тоже почти что можно считать пикардийцем. Правда, она дала также Саладена, который не уклонился с правильного пути, Луве[9], который при-

нял большое участие в одном из прекрасных действий нынешнего собрания — в полном упразднении феодального строя. Но наш департамент также изрыгнул администраторов, которые на глазах всей страны сыграли позорную роль.

Когда же появятся наши Фокионы и Аристиды? Они существуют, друзья мои, ибо каждая страна имеет своих мудрецов. Отыщем же их не под золочеными панелями, не под импозантными одеждами, но скорее под соломенной крышей, под грубой одеждой, за плугом или занятием полезными ремеслами. Пусть блеск богатства нас больше не привлекает. В царстве равенства только нравы должны блестеть перед нашими взорами.

Я, наверное, слишком подробно говорил об этом первом предложении, но оно этого, конечно, заслуживает. О втором я буду говорить более кратко. Его предметом является приговор, который надлежит вынести бывшему королю.

Если бы я не был убежден в том, что выступаю перед лучшими людьми нашего департамента, перед самыми честными и лучшими его умами; если бы я мог думать, что я все еще имею дело с рабами предрассудков, какими были общественные деятели, до сих пор им выдвигавшиеся, я не отважился бы затронуть этот большой вопрос.

Я боялся бы услышать вокруг себя гул суеверного ропота: «Что такое? О чем он говорит? Судить короля!..» Нет, мои сограждане, вы не проявили себя в угоду директории, столь же дерзкой, сколь глупой, взрослыми детьми, раболепно привязанными к предрассудкам королевского идолопоклонства. Поэтому мы будем говорить как зрелые люди, как разумные существа, готовые подняться до уровня энергии других департаментов, особенно тех, где обитают наши южные братья, склонные, кажется, упрекнуть нас в том, что мы так долго отстаем от них в развитии гражданских добродетелей.

Что говорят эти гордые южане в своих пылких обращениях? Их великий клич звучит: «Долой короля, долой короля». В остальном они мало озабочены тем, как поступить с Людовиком Бурбоном. Изгнать ли его, как Тарквиния, заколоть, как Цезаря, отправить на эшафот, как Карла Стюарта, заточить в тюрьму, как некоего восточного принца, — им это безразлично. Не монарх, а монархия вызывает их недоверие. Они знают, что она несовместима со свободой, с равенством, с республиканскими формами. Они знают, что никогда никакой король не был подлинным другом народа, иначе он отрекся бы от своей должности или, вернее, никогда бы ее не принял.

Они знают, что тот человек, который становится королем, тем самым обязывается наносить все возможные удары по народной системе, по равенству и свободе наций; что тот, кто разыгрывает из себя доброго короля, еще более преступен, чем тиран, поскольку он приучает народы к идолопоклонству и затягивает сильнее узы рабства, которые, тесно переплетясь, затрудняют

пробуждение народов, священные восстания против жестокого короля, следующего за сносным королем.

Они все это знают, наши южные братья, и вот почему они не придумывают таких возгласов: «Поразите Людовика XVI, дайте нам лучшего короля!» Они говорят: нам вполне доказали, что он совершил преступления, в которых он обвинялся; но если бы он даже был безупречным, народ, который хочет быть и остаться свободным, не нуждается больше в короле. Французская нация, делай с этим королем, что хочешь.

Сограждане сего департамента, должны ли мы говорить таким же образом? Хотим ли мы или не хотим отстать от общественного мнения других частей страны? Неужто мы для того сделали ненавистным самое слово «король», стерли его повсюду, свергли статуи тех, кто столь долго и столь жестоко правил под этим наименованием, чтобы снова захотеть королей? Если мы хотим совсем иного, мы только скажем нашим депутатам в Конвенте: делайте с Людовиком, что хотите, но не давайте нам больше других хозяев на его место.

Эти несколько слов, касающиеся моего второго предложения, естественно приводят меня к третьему и последнему: о подобающей Франции форме правления или об изменениях, которые надлежит принять для исправления недостатков нашей первой конституции.

Чтобы знать, подходят ли место и время для рассмотрения такого важного предмета, начнем с вопроса о том, можем ли и должны ли мы его рассматривать. Можем ли мы? Да, если мы представители народа, восстановленного Законодательным собранием во всей полноте его суверенитета. Декрет Национального Конвента отвечает на этот вопрос утвердительно. Должны ли мы? Да, если мы находим в этом пользу для наших избирателей. Но что может быть более полезным, более важным для нации, нежели решение вопроса: под какой формой правления она решит жить?

Граждане, чрезвычайно важно, чтобы нация одна говорила в этот момент, чтобы она сама объяснилась; свободное ее волеизъявление наиболее достойно уважения, ибо оно всего ближе к естеству. Когда пройдет день выборов, говорит автор «Общественного договора», народ может проявлять себя только через посредников, он уже не является непосредственно свободным.

Первичное собрание моего кантона, друзья и братья, дало пример, доказывающий его убежденность в том, что народ действительно пользуется неограниченной широтой для осуществления своих суверенных полномочий. По моему предложению было постановлено занести в протокол собрания определенные требования, обязывающие меня и моих коллег, выборщиков того же кантона, просить занести эти требования в протокол настоящего собрания выборщиков для передачи таким путем в Национальный Конвент.

Я сейчас изложу всем моим коллегам, присутствующим на этом собрании, содержание этих требований, но я полагаю необходимым предварительно сказать им то, о чем я уже подробно говорил на нашем первичном собрании, а именно, что такие требования ни в чем не нарушают ту статью декрета, которая призывает нацию давать своим депутатам в Конвенте только неограниченные полномочия.

Я говорил:

Законодательное собрание призвало нас — ибо нельзя приказывать нации, облеченной суверенной властью — оно призвало нас давать нашим представителям только неограниченные полномочия.

Это разумный совет, и я полагаю, что большинство французов последуют ему. Императивные мандаты, выданные в разных частях страны, не могут дать достаточно согласованную и целостную законодательную доктрину.

Но, однако, нынешнее Законодательное собрание имело в виду обратиться лишь с призывом, с простым выражением своего мнения. Если нация находит, что не в ее интересах строго следовать этому мнению, она, конечно, не должна колебаться пойти вразрез с ним, ненужное уважение не должно задерживать его решения.

Да, впрочем, разве из совета, который наши нынешние уполномоченные нам дают, положительно следует, что нация не должна предписывать ничего особого тем полномочным представителям, которых она собирается выбрать? Не похоже на то, чтобы это было так. Поскольку предполагается, что будут давать мандаты, они должны что-то содержать. Так как же понимают, что они должны быть неограниченными? Очевидно, имеют в виду, что нежелательно входить слишком в детали, в мелочные постановления, что следует заниматься только основами конституции, которой нация хочет себя подчинить. Конечно же, все мандаты будут напоминать о Декларации прав человека и будут требовать пересмотра конституции и исправления ее во всем, в чем она отклонилась от Декларации прав.

Но, пожалуй, можно заметить и некоторые проблемы, указать некоторые статьи, которых недостает в этой Декларации прав, и нация, сказал я в заключение, может и должна потребовать, чтобы они были добавлены. Исходя из этого, я представил нашему первичному собранию (вы не забыли, что я рассказываю о проведенной там мною дискуссии), исходя из этого, говорю я, я представил этому первичному собранию три следующих предложения.

Первое предложение имеет целью сохранение навеки равенства прав путем безвозвратного упразднения деления граждан на активных и неактивных. Это могло бы стать статьей Декларации прав, сформулированной таким образом: «Закон не может устанавливать различия в правах между одним человеком и другим

человеком, какова бы ни была разница в их имущественном положении».

Второе предложение. Оно заключается в другой последовательной и необходимой мере для сохранения этого равенства прав между богатыми и бедными гражданами: это обеспечение тем и другим одинакового образования, ибо, предоставляя образование исключительно богатому, даешь ему возможность всегда главенствовать над бедными. Богатые одни смогут занимать все должности, и люди опять останутся неравными в правах. Вот проект статьи: «Человеческие знания суть национальная собственность; следовательно, государство обязано давать одинаковое бесплатное образование всем своим членам таким образом, чтобы все получили возможность выполнять различные правительственные должности».

Третье и последнее предложение, за которое я имел возможность представить отличное поручительство добродетельного Петиона. Он сам представил его в Учредительное собрание в том из проектов Декларации прав, который он внес. Статья эта, важное значение которой очевидно и не нуждается в комментариях, составлена так: «Каждый гражданин должен иметь существование, обеспеченное либо доходами от своих владений, либо плодами своих трудов и промыслов, и если немощь или несчастья довели его до бедности, общество должно снабдить его средствами к существованию».

Я мог бы внести другое предложение, которое послужило бы дополнением к предыдущему и обеспечило бы его практическое осуществление. Оно обеспечило бы также подлинное общественное счастье, ибо оно, несомненно, привело бы к исчезновению бедности, нищеты, которые должны быть абсолютно неизвестны в хорошо управляемой стране. Оно успокоило бы богатых и избавило бы их чувствительные сердца от скорбного вида множества неимущих, страдания которых как бы обвиняют человечность в том, что она лишь пустое слово.

Вот тогда национальная конституция нашла бы столько истинных защитников, сколько государство могло бы насчитать членов. Я таким образом мотивирую это новое предложение: «Вступая в общество, люди не могут согласиться попасть в худшее положение, чем то, в котором они находились в естественном состоянии; каждый из них должен быть обеспечен всем необходимым при помощи труда, на который он сочтет себя способным. Следовательно, общество должно обеспечить работу всем своим членам, и определить заработную плату в соответствии с ценами на все товары, с тем, чтобы этой заработной платы было достаточно для приобретения продовольствия и для удовлетворения всех остальных потребностей каждой семьи» [10].

На нашем первичном собрании я получил согласие моих сограждан на занесение этих предложений в протокол и на то, чтобы я и мои коллеги — выборщики кантона просили настоящее

собрание об одобрении этого предложения и о передаче посредством своего протокола и через полномочия своих представителей в Национальный Конвент.

Выполняя миссию, возложенную на меня моим кантоном, я сейчас изложу собранию еще несколько предложений, которые, как я полагаю, отражают самое широкое общественное мнение в стране и которые, мне представляется, должны быть включены в особые наказы нашим будущим депутатам.

1. Свергнуть монархию и формально постановить, что навсегда запрещены какие-либо дискуссии по поводу этого уродливого учреждения, навеки осужденного народом как несовместимое со свободой.

2. Учредить временный исполнительный совет, члены которого, как и нынешние министры, будут иметь каждый свое ведомство. Они будут по очереди председательствовать в совете и будут ограничены простым исполнением своих функций.

3. Для установления необходимого равновесия властей вето или ратификация законов будут осуществляться народом, общей волей. Декретируемые Законодательным собранием законы, рассылаемые исполнительной властью по всем муниципалитетам, временно должны соблюдаться в течение одного года. Ежегодно во всех муниципалитетах должны созываться первичные собрания. В каждом из них будет список всех граждан. Каждый гражданин по каждому представленному закону поставит «да» или «нет» против своего имени, за принятие или отклонение закона. Надо запретить всякие предложения, всякие декламаторские речи, чтобы предотвратить оказание какого-либо влияния со стороны ораторов. Каждый муниципалитет подсчитает, сколько подано «да» или «нет» по каждому закону. Каждый дистрикт подсчитает высказывания по муниципалитетам. Каждый департамент подсчитает высказывания по дистриктам. Наконец, Законодательное собрание подсчитает высказывания по департаментам. Самое большее за три недели удастся получить по каждому изданному в течение года закону мнение всех граждан французского государства. Именно таким образом царствующий народ действительно и постоянно будет осуществлять подлинные права своего суверенитета.

4. Для предотвращения угнетения со стороны военного правительства конституция установит, что определенное число генералов будет сменяться ежемесячно на посту верховного командования армиями [11].

5. Всякая статья новой конституции, которая не будет соответствовать Декларации прав человека, заранее объявляется недействительной и как бы не имевшей места.

6. Первичные собрания каждого департамента сохраняют за собой право наблюдать за своими депутатами, судить их, отзывать и замещать, когда угодно.

Я представляю, граждане, все эти предложения на ваше мудрое и строгое рассмотрение. Я считаю их отвечающими уровню идей большинства граждан нашей республики. Вы, может быть, не сможете еще сейчас обсудить каждую из этих важных статей: пожалуй, придется подождать, по крайней мере пока мы выберем председателя. Но, вероятно, вы сочтете необходимым и важным приступить к такому обсуждению до окончания выборов, дабы все выборщики могли в нем принять участие.

Французы, мы не находимся больше в том подверженном случайностям и ограниченном положении, когда можно заниматься только выборами. Напоминаю еще раз, нам надлежит заложить основы конституции, вокруг которой вскоре объединятся нации, конституции всех государств. Покажем же себя достойными быть названными в числе участников этого прекрасного дела.

Могла ли прежняя конституция вызывать восхищение народов? Нет, она по существу не могла нравиться даже просвещенным людям нашей собственной нации, потому что, собственно говоря, она не была французской конституцией, ибо она никогда не была утверждена народом, ибо он был принужден повиноваться ей, не дав свободно выраженного согласия на ее принятие, и так как, больше того, самые обездоленные классы народа не стали благодаря ей счастливее, поскольку они не получили от нее никакого улучшения своего положения.

О, французы, примем меры к тому, чтобы создать нечто, менее обремененное недостатками. Начнем с хорошего выбора наших работников законодательства, сохраним за собой право наблюдать за ними, отзывать их, утверждать или отвергать их работы. Предначертим им часть их обязанностей и полностью — наши намерения. Особенно строго будем требовать, чтобы они не принимали никаких решений, противоречащих неотъемлемым правам людей. Обяжем их сделать так, чтобы все общество стало счастливым.

Мы имеем право предписывать им все, что мы хотим. Мы — суверенная нация, мы — их доверители, они — наши делегаты, наши агенты, наши доверенные. Они должны выполнять наши наказы точно в том виде, в каком мы их дали, а они их получили. Сначала диктовать законы, затем утверждать их, следить за линией поведения доверенного — таковы подлинные атрибуты, отличающие полноту власти суверенного народа. Охраняя эти прекрасные права, можно ожидать от конституции всеобщего безоблачного благоденствия и создать одно из тех чудесных произведений, которые не гибнут тут же при рождении, а благополучно переходят от поколения к поколению.

РЕЧЬ НА СОБРАНИИ ВЫБОРЩИКОВ ДЕПАРТАМЕНТА СОММА

3 сентября I года Равенства [1792 г.]

М. г.!

Я беру слово для того, чтобы выступить против предложения, внесенного вчера г-ном Дюмоном д'Уазмоном и имеющего целью запретить собранию заниматься на протяжении всей сессии чем-либо другим, кроме выборов[12]. Хотя это мнение, по-видимому, одобряется частью собрания, я полагаю, что оно абсолютно противоречит принципам, подлежащим применению в нашем нынешнем положении. Я полагаю также, что оно мешает делу упрочения общественного блага, в котором мы в силу нашей миссии должны сотрудничать со всеми французами.

Г-н Дюмон, по-видимому, исходит из статьи конституции, содержащей определенно такое положение, что собрания выборщиков должны заниматься только вопросом выборов. Но эта статья отнюдь не применима к настоящему положению. Она имеет в виду собрания выборщиков, относящиеся к выборам в обыкновенные национальные собрания, которые не должны выходить за пределы конституционных установлений, не должны давать никаких мандатов, не должны делать ни одного шага, отклоняющегося от присяги сохранить конституцию, декретированную Учредительным собранием в годы 89, 90 и 91.

Но мы не такое собрание выборщиков, мы не заперты в этих границах. Мы — первые представители народа, восстановленного во всей полноте своего суверенитета. На этом основании мы имеем право заниматься не только выборами, и счастье народа зависит, быть может, от того, чтобы мы этим не ограничивались.

Законодательное собрание призвало нас облечь наших уполномоченных в Конвенте неограниченным доверием, но оно понимало, что могло только призвать нас, что в его декрете не могло быть ничего императивного, ибо суверенной нации не приказывают. Конечно, в известной мере подобает следовать этому призыву, но, пожалуй, не следует слишком строго его придерживаться. Не надо слишком ограничивать наших доверенных. Не надо обременять их чересчур детализированными мандатами, выработанными во всех частях Франции, так как сама их многочисленность помешала бы создать единую и целостную законодательную доктрину.

Но есть основные вопросы, по которым громко высказывается вся наша страна, проявляется мнение лучших умов и лучших публицистов, и все требуют, чтобы наши депутаты в Национальном Конвенте были подчинены отчетливо выраженной воле суверенной нации. Дело идет о судьбах Франции, о создании заново конституции, способной обеспечить ее благоденствие. Нация должна выразить свою волю тем, на кого она решает возложить это великое дело. Чтобы выразить свою волю, она должна объяс-

ниться. Чтобы объясниться, она должна заниматься на своих собраниях не только выборами, но и другими вопросами.

Может быть, скажут, что существо суверенитета пребывает в первичных собраниях. Ну что же, господа, надо узнать, не воспользовались ли многие из первичных собраний нашего департамента этим суверенитетом. Я начну с того, что скажу вам, что на том собрании, где меня избрали выборщиком, в кантоне города Руа, я убедил признать и осуществить, в данном частном случае, это право суверенитета. Прочтя протокол первой секции этого кантона, вы узнаете, господа, что граждане Руа занимались в числе других важнейших вопросов и такими: Какова будет судьба бывшего короля и монархии? Как будет организована исполнительная власть? О равновесии властей. О санкции народа или об утверждении законов общей волей. О праве департаментов отзывать своих депутатов и заменять их. О способах воспрепятствовать всяким нарушениям Декларации прав. О способах воспрепятствовать угнетению со стороны военного правительства и т. д.

Мне и моим коллегам из кантона Руа поручено, милостивые государи, предложить на обсуждение собрания выборщиков эти важные вопросы. Я полагаю, что, если мы займемся этим обсуждением непосредственно после избрания председателя, секретаря и счетчиков голосов, мы удовлетворим гражданские чувства наиболее патриотических департаментов.

День, употребленный для этого обсуждения, не будет, конечно, потерянным. А если бы вся нация имела несчастье не осуществить суверенитета, который она себе вернула, не удержать те его элементы, которые ей необходимы для сохранения ее самых драгоценных прав, свободы и равенства, она подверглась бы угрозе пасть под ударами деспотизма сенаторов, более опасного, пожалуй, чем всякий другой деспотизм.

Тогда у нее не было бы уже другого выхода, кроме как подняться всем народом еще раз и против кого? Против самого сената. А восстание народа против своих представителей — это уже худшее из бедствий.

Я прошу собрание принять решение об отклонении предложения г-на Дюмон д'Уазмона и о том, что оно сможет заниматься другими делами, кроме выборов, и что непосредственно после избрания председателя, секретаря и счетчиков откроется дискуссия по вопросу о специальных задачах, которые падлежит возложить на наших депутатов в Конвенте.

ПИСЬМО РОЛАНУ [13]

Аббевилль, 20 сентября I года Равенства
[1792 г.]

Во имя родины, министр внутренних дел, останьтесь на своем посту. Быстрее вернитесь на этот пост, если, о чем мне еще не известно, Вы уже оставили его, приняв Ваше избрание собранием выборщиков департамента Сомма в Национальный Конвент.

Возьмите его снова, как Вы уже однажды его взяли; это необходимо сделать, неважно, какими средствами. Я был выборщиком, я не голосовал за Вас, я не хотел способствовать Вашему избранию. Я предвидел, предчувствовал, как только было внесено предложение, что была какая-то ловушка или необдуманность в проекте устранения Вас из исполнительного совета, где Вы как раз на месте.

Сегодня я открыл, какое коварство породило те вкрадчивые речи, которые побудили собрание выборщиков Соммы избрать Вас. Оно слепо угодило в сеть. О, боги! Существует широкий план, как разоружить все важные посты, занятые людьми, созданными для них. Кто Вас заменит? Кто заменит Манюэля и Петиона [14]? Почему они тоже не остаются каждый на своем посту? Кто может подсчитать сумму бед, которые последуют оттого, что вы все не будете больше там, куда вас так правильно поставили?

Я не знаю, не превратились ли также и Дантон и Клавьер [15] в законодателей: я этого боюсь. Какой будет толк от хороших законов, если их исполнение будет доверено людям посредственным или злонамеренным? Какая будет от них польза? Вы были бы полезны и в сенате, но там состав такой сильный, что он работал бы и без Вас, а вот с исполнительною властью, я склонен думать, без Вас дело не пойдет.

Да и зачем из министра делать сенатора, когда, как министр, он фактически и по существу является также и сенатором, поскольку он сохраняет право вносить предложения в собрание представителей народа относительно всего, что он считает полезным и необходимым по своему ведомству?

Оставайтесь на своем месте, милостивый государь, так надо, этого требует благо родины. Я раздражен, все интриги, которые я вижу, внушают мне ужас, и это лишает меня возможности придать тому, что я пишу в данный момент, тот порядок и ту последовательность, которых этот предмет заслуживает. У меня есть существенные подробности, которые надо Вам изложить, но сегодня я не могу этого сделать.

Родина требует моих забот в другом направлении, по вопросам, пожалуй, еще более неотложным. Только что произошли новые выборы всех членов администрации департамента Сомма. Я в числе новых администраторов. Через несколько дней будет приступлено к организации директории, все мое время занято приготовлениями, связанными с этой организацией, которые я

произвожу, стремясь к тому, чтобы в результате в нашем краю было меньше бед, нежели ему сейчас угрожает.

Этот департамент погиб... если не найти каких-то сильных средств, чтобы спасти его. При переизбрании администрации главенствовали интрига и злоба. Через несколько дней я Вам пошлю копию протокола нашего избирательного собрания, отнюдь не представляющего точной картины того, что там произошло: я нарисую эту точную картину, и я покажу Вам, какие убийственные для свободы происки чинились и какие люди оказались в результате выбранными. Только благодаря своего рода чуду я, кого хвалят как чистого патриота, оказался выбранным.

Ну, что ж! Я воспользуюсь этим шансом, чтобы принести пользу моему краю. Я попытаюсь один спасти его, и я приложу к этому все усилия. Как я предвижу, будут всячески стараться удалить меня из директории, и, зная, что я проживаю в десяти лье от административного центра департамента, являюсь отцом семьи и не имею состояния, мои враги рассчитывают, что будет легко отделаться от моего стеснительного надзора.

Но это у них не выйдет. Я сделаю, что смогу, для своей семьи, но родина прежде всего. Я обоснуюсь в административном центре, и я смогу постоянно наблюдать за тем, что будут делать. Будет совершенно необходимо, милостивый государь (как свободный человек я позволяю себе так говорить), будет совершенно необходимо, чтобы мы поддерживали регулярную переписку, в ходе которой моя задача будет состоять в том, чтобы постоянно осведомлять Вас о ходе дел, о поведении администрации и о воздействии, которое это поведение окажет на управляемых.

Повторяю, сейчас я ничего не могу рассказать подробно. Но в целом я могу поставить Вас в известность, что департамент Сомма находится в тяжком, в ужасном состоянии, что прежняя администрация создала там глубочайшую бездну зол, а новая...

Милостивый государь, умоляю Вас, не предавайте сейчас же гласности это письмо: для этого не наступило время, ни с точки зрения общественных интересов, ни для меня лично. Если г-н министр внутренних дел сочтет удобным ответить на это письмо, я его извещаю, что я завтра отправляюсь в Амьен, где буду пребывать и проживать «Au pied du boeuf».

Кам. Бабеф

ПИСЬМО СЕМЬЕ [16]

Амьен, 13 октября I года Республики [1792 г.] [17]

Наконец я могу спокойно вздохнуть, дорогие мои дети. Я был вчера назначен архивистом департамента Сомма. Я не мог раньше вам написать о своем назначении из-за невероятных затруднений, которые были у меня, прежде чем я обеспечил себе эту должность. Трудно себе представить, сколько преград мне

пришлось преодолеть, и чтобы устранить все эти препятствия, я должен был тратить все свое время. Я не сомневался в том, сколько мучений, беспокойства, страшных испытаний вы перенесли за это время, дорогие мои друзья; но нужно было все принести в жертву, чтобы найти выход; нужно было победить или умереть. Если бы мне это не удалось, я был близок к тому, чтобы впасть в отчаяние. Этот успех после стольких неудач, после четырех лет страданий и мучительных трудностей принес мне настоящее удовлетворение, сладость которого я давно забыл. Я стал вдвое моложе. Мне приятно, друзья, представить себе ваше успокоенное состояние, когда вы убедитесь, что мы уже не находимся на краю пропасти, и это сообщение подымет ваш дух, оживит ваше мужество, и это письмо принесет вам столько же радости, сколько и мне.

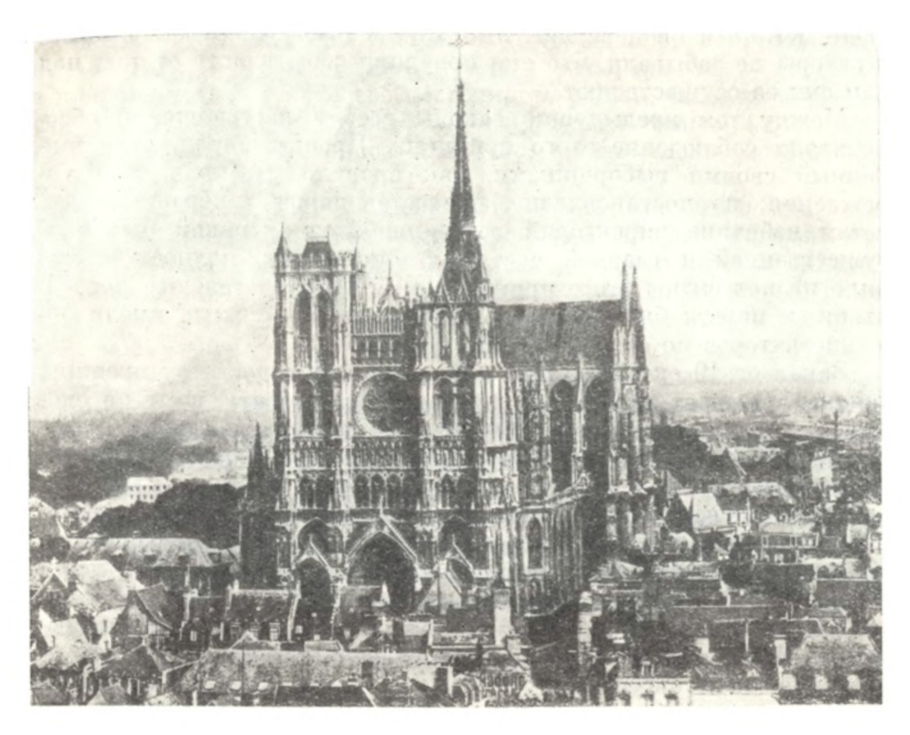
Эта должность даст мне пока только 1200—1500 ливров, но в непродолжительном времени положение может улучшиться. Я не выйду сразу из затруднений, потому что я не могу потребовать выдачи аванса. Мы ничего не получили в результате нашей поездки в Перонн, мы только истратились. Что же можно сделать для вас и для меня! Я сегодня обедаю у моего друга Карона-Беркье, который давно уже меня приглашал, но я не отвечал на его настояния, так как грусть, которая меня одолевала, делала меня совершенно не пригодным для какого-либо общества. Я постараюсь добиться у него какого-нибудь займа в ожидании моей получки за первые три месяца. Я заплачу прежде всего за свой постоялый двор, а потом переберусь в меблированную комнату и постараюсь, чтобы она стоила мне подешевле; через четыре-пять дней я, может быть, приду к вам на выручку. Пока что, дети мои, делайте, что возможно; у меня нет сейчас ни единого су, чтобы послать вам. Но через 4—5 дней вы меня увидите; я, может быть, заберу с собой моего сына Робера, тогда как остальным, по необходимости, придется зимовать в Руа. Будьте здоровы и наберитесь мужества; наши дела идут хорошо, бои под Лиллем нам не страшны, враг отступает, и повсюду армии республики торжествуют.

Камилл Бабеф

ПИСЬМО ЖЕНЕ

Амьен, 18 октября 1792, I год
Французской республики

Я вчера отправил по почте 50 ливров для тебя, мой милый друг, вместе с длинным письмом, из которого ты узнаешь много подробностей, относящихся к нашим частным делам. Я полагаю, что ты это письмо получишь только завтра. Так как, мне кажется, я там ничего не упустил, я тебе не напишу на сей раз ничего нового. В том письме я говорю о рединготе для Робера, теперь добавлю, что он уже у портного. Еще добавлю, что, если



Амьен

можно устроить, чтобы ты в будущем месяце побывала у себя на родине, я был бы рад доставить тебе это удовольствие. Буду писать тебе возможно чаще. Узнай, когда поедет вестовой Доде, и постарайся прислать мне мою круглую шляпу. Ты уж постарайся сделать так, чтоб она не помялась. Целую тебя и всех моих дорогих детей.

Камилл Бабеф

РЕЧЬ НА ЗАСЕДАНИИ ГЕНЕРАЛЬНОГО СОВЕТА ДЕПАРТАМЕНТА СОММА

8 ноября I года Республики [1792 г.]

Граждане!

Все были заранее предупреждены о том, что прения на настоящем избирательном собрании начнутся с вопроса, который в самом деле волнует вас. Предупрежденный об этом, я, как и другие, попытался пролить некоторый свет на эту дискуссию.

Главный из наших принципов в законодательстве заключается в том, что все агенты народа должны быть избраны народом, дабы, с одной стороны, учреждениями руководили только

люди, которым он доверяет, и, с другой стороны, чтобы администраторы не забывали, что они получили свою власть от тех, над кем они ее осуществляют.

Между тем предыдущие законы весьма несовершенно обеспечивали соблюдение этого принципа. Правда, народ, представленный своими выборщиками, как правило, выбирал свои учреждения; но постановление, предоставлявшее генеральным советам избрание директорий, т. е. наиболее активной, наиболее существенной и главной части администрации, полностью сводило на нет смысл этого принципа и его благодетельные последствия, и нельзя было сказать, что администрируемые имели администраторов по своему выбору.

Закон от 19 октября этого года исправил недостаток прежних законов. Он дает народу абсолютное право сказать, кому он оказывает свое главное доверие, т. е. кого он хочет поставить в учреждениях на самые существенные посты, на посты членов директории.

Этот закон, предусматривающий перевыборы во все административные учреждения, в своей статье 2 делает исключение для тех из них, которые были избраны собраниями выборщиков после 10 августа. Эти выборы закон утверждает.

Администрация департамента Сомма подходит под это исключение. Избирательное собрание этого департамента обновило ее состав после 10 августа.

Но следует ли из этого, что и директория этой администрации тоже утверждена? Нет, потому что нельзя распространить действие закона за пределы его точного смысла. Закон объявляет об утверждении только выборов, совершенных собраниями выборщиков. Собрание выборщиков департамента Сомма выбрало только администрацию департамента, но оно отнюдь не выбрало директории. Оно должно ее выбрать сегодня.

Пожалуй, возразят, что надо же всегда иметь директорию, что без этого не могло бы совершаться отправление дел. Я не согласен с этим утверждением. Так ли уж необходимо иметь директорию, когда генеральные советы работают непрерывно? Во всяком случае ваша директория департамента Сомма могла быть только временной. Иначе закон не был бы равным для всех. Администрируемые всех департаментов имели бы администраторов по своему выбору, тогда как администрируемые Соммы управлялись бы сборищем личностей, организация которых не была бы их делом. Закон равенства не терпит таких различий.

Граждане, после того как мы рассмотрели вопрос с точки зрения выводов из закона, мне надлежит представить его вам с точки зрения состава нынешней директории — первой администрации этого департамента.

Я ничего от вас не скрою. Интересы общего дела, моя известная искренность — все повелевает мне говорить здесь языком свободы и правды.

Когда по окончании собрания выборщиков, состоявшегося в Аббевилле, новая администрация департамента собралась в полном составе в качестве постоянного совета, было договорено, что о формировании директории пойдет речь только спустя некоторое время, достаточное для того, чтобы члены познакомились друг с другом.

Это было мудрое решение. Оно было нарушено два дня спустя вследствие одержимости некоторых членов, которые отнюдь не соглашались на то, чтобы так долго проверяли индивидуальные достоинства каждого. Поэтому поспешили с выборами директории. Многие члены администрации, честные и искренние, подлинные республиканцы, отнюдь не подумали что-либо предварительно согласовать, чтобы определить выборы. Они думали, что все, так же как и они, будут выбирать самых достойных. Однако объявляют результаты голосования, и (надо это сказать!) каждый с удивлением видит состав нашей директории.

Я сейчас приведу факты, доказывающие, что эта директория не приобрела ни доверия генерального совета, ни доверия народа.

Генеральный совет не подписал протокола об организации директории, и народное собрание Амьена проверило этот факт через депутатов, из коих некоторые являются членами избирательного собрания.

Вы можете судить, граждане, можно ли считать доказанным отсутствие доверия.

Администрация департамента Сомма полностью уклоняется от гласности. Этого добились, назначая заседания на 6 часов вечера, тщательно закрывая все двери и проводя заседания в комнате, до смешного тесной и едва вмещающей администраторов. Наименование «открытое заседание», вынесенное в заглавие постановлений, — лишь пустая формула. Сам генеральный совет почти ничем не ведает. От него скрывают все, что только можно. Директория захватывает все дела и постоянно старается устранить надзор членов совета, отталкивая их грубым обхождением. Среди многих примеров можно указать следующий и т. д.

Остается открытым вопрос, чем объяснить, что директория упорно избегает показываться. Происходит ли это оттого, что она не стремится предавать гласности свои большие познания, или же оттого, что она хочет скрыть возможно дольше бездарность некоторых своих членов. Конечно, было бы не очень поучительно видеть администраторов, сидящих целый день неподвижно и в молчании и с трудом ставящих свою подпись под всем, что чиновники им подкладывают и чего они и не читают. Было бы почти скандально, если бы эти же чиновники делали все доклады, а администрация всегда бы их послушно одобряла и выражала благодарность молодым канцеляристам за то, что они так хорошо разбираются в делах.

Руководят администрацией по-прежнему чиновники бывшего интендантства. К ним и отсылают всех граждан, которые встре-

чают там все то же высокомерие, что и при режиме всемогущего прежде д'Агэ. Это те же люди, те же грубые отказы, тот же бюрократический дух. Ответ на прошение приходит после тысячи одного путешествия, если оно от простого крестьянина; но если проситель — человек с положением, то проявляется и проворство, и знаки внимания. Ничто не изменилось в бывшем интендантстве по сравнению с тем, что было в 1788 году. Изменилась несколько только видимость. На фронтоне можно прочесть «Равенство, свобода» и рядом с этой надписью можно заметить необходимые атрибуты — ликторские связки, покрытые драгоценной шапкой свободы, и на соответствующем месте слова «Французская республика». Но сколь обманчива эта пустая видимость! Войдите и вы будете поражены, увидя чиновников, столь же наглых, как и пять лет тому назад, и на них оставлена вся администрация!!!

В ПАРИЖЕ
(1793—1794 гг.)

ПИСЬМО ЖЕНЕ

[14 февраля 1793 г.]

Тебе, наверное, очень трудно приходится, мой дорогой, милый друг [1]. Не перестаю думать, мои дорогие дети, о вашем положении. Я страдаю от этого днем и ночью и совсем потерял сон. Я истерзан, почти совсем лишился аппетита, мучаюсь со времени моего отъезда из Амьена ужасным поносом — таково мое печальное положение. Мое отчаяние довершено сведениями, полученными от государственного обвинителя; он написал мне, что принял направленное против меня донесение и что дело находится в настоящее время в обвинительном жюри в Мондидье. Завтра я тебе напишу, что я считаю нужным сделать в связи с этим обстоятельством, если вообще есть еще время что-то сделать. Все, что написано в приложенном сюда листе, который ты можешь прочитать, верно.

ПИСЬМО ЖЕНЕ

Париж, 16 января *, II год Французской республики [1793 г.]

Дорогие мои дети!

Вчера я был у министра, я оставил там свою докладную записку вместе с рекомендацией Карра. Мне сказали зайти, чтоб узнать о решении, дней через четыре-пять. Придется, стало быть, все это время пробыть в Париже. Но я думаю, что останусь здесь и много дольше. У меня была необыкновенно удачная встреча с человеком, с которым надеюсь делать очень хорошие дела. Думаю, что с ним у меня не будет надобности в моей должности администратора. Завтра я, может быть, смогу тебе сообщить, жена моя, что мне обеспечено более блестящее место. С другом, которого я встретил, мы только что познакомились, но он осыпает меня своими щедротами. Он предупреждает мои нужды, и вчера, без просьбы с моей стороны, он мне вручил тридцать ливров, из

* *Ошибочная дата: надо 16 февраля.*

конх я посылаю тебе только десять; я не могу послать тебе больше ввиду неожиданных, но необходимых расходов, которые мне пришлось сделать. Если б у моего друга вчера было больше, он бы мне дал, но он обещал мне сделать так, чтоб я не нуждался, и я уверен, что он сдержит свое слово. Я остаюсь без единого су; слишком долго было бы рассказывать тебе подробно, как случилось, что я был вынужден за четыре-пять дней израсходовать все мои деньги; ты потом это узнаешь. Я не беспокоюсь, потому что я полагаюсь на своего друга, а он — настоящий друг. Теперь я могу здесь оставаться, не производя никаких расходов на жизнь, так как я буду проживать и питаться у этого друга. Успокойтесь и вы, мои дети: я уверен, что через два-три дня я смогу послать вам денег, которых вам хватит до тех пор, пока я устроюсь на работу. Мой друг ожидает назначения в армию на должность генерала, ни больше, ни меньше, а я должен стать его помощником. Завтра мы с ним идем в Национальный Конвент, и там дело будет решено. Он говорит, что заранее в этом уверен. Как только завтра мы узнаем результат, я напишу тебе и расскажу о том, как нам устроиться, и о других наших маленьких частных делах, ибо я не сомневаюсь, что дела в Руа и Мондидье дошли до такой точки, что мне придется постараться, если еще не поздно, помешать тому, чтобы они не зашли еще дальше. Прощай, целую вас от всей души. Будем надеяться. Бывает, что, когда, кажется, находишься на краю бездны, вдруг улыбается счастье постольку, поскольку оно вообще возможно.

К. Бабеф

Если захочешь мне написать, мой адрес:
У гражданина Фурнье-Американца[2], дом гражданина Дасс, тупик Дуайеннэ, около улицы Сен-Тома дю Лувр.

ПИСЬМО ЖЕНЕ

[25 февраля 1793 г.]

Мое пребывание здесь затянулось, моя милая жена, по той причине, что министр пожелал послать первую мою докладную записку в департамент на заключение. Я представил ему вторую записку, которую он тоже, возможно, пожелает туда послать, так что еще долго придется ждать решения. Не надо нам больше закрывать глаза, мой милый друг, на то, что очень уж много людей в этом презренном краю поклялись погубить нас. Я вынужден ради поддержания существования моих детей, для выполнения лежащей на мне обязанности воспитать их, уступить беспощадному преследованию, которому я так давно подвергаюсь. Если моя невиновность станет очевидной, если мне удастся спасти свою честь из того лабиринта клеветнических измышлений, куда се ввергли, я думаю, что будет благоразумно не проявлять

в дальнейшем упорства по отношению к моим врагам. Так что, если отрешение от должности будет снято, это не помешает мне подать в отставку. Многие негодяи будут смеяться, но это неважно. О, презренные люди! Они обвиняют меня, меня, которому интрига и всякие подлости всегда внушают такой ужас, они обвиняют меня в том, что я изменил своему долгу ради денег. Пусть они придут полюбоваться на дело своих рук, пусть посмотрят, как мои дети плачут оттого, что у них нет хлеба. О, мой милый друг, постарайся все же не дать им умереть еще несколько дней. Гражданин Фурнье устроил мне одну небольшую работу, завтра я должен получить немного денег, и я вам их отошлю. Я жду также результата дела гражданина Фурнье. Это я ему составил его петицию, и вчера, в воскресенье, минуло уже восемь дней, как я ее прочитал у решетки Конвента [3]. Она отослана в военный комитет, который должен составить по ней срочный доклад. Ах, если бы это дело удалось, мне было бы обеспечено прекрасное место, и мои дети вздохнули бы еще раз.

Хорошенько поцелуй их всех, их несчастный отец мечтает о том, чтобы получить возможность вознаградить их и тебя за все страдания, которые он вам причиняет.

К. Бабеф

К. ФУРНЬЕ-АМЕРИКАНЕЦ МАРАТУ [4]

Париж, 14 марта, II год Французской республики [1793 г.]

Покойный Ирод, говорят, приказал некогда истребить всех еврейских детей, потому что по соображениям, ему известным, он не хотел упустить одного из них, сына Гавриила и Марии. Видимо, в таком же духе был составлен план поведения, примененный по отношению ко мне.

Секция Пуассоньер является к решетке Конвента на вечернее заседание во вторник, 12 марта. Она демонстрирует там воинственные антиреспубликанские настроения. Она зачитывает там петицию, содержащую несколько мест, которые явно представляются контрреволюционными. Эти обстоятельства вызывают гнев Горы. Ты берешь слово, Марат, и ты говоришь нам о своей уверенности в существовании заговора, душой и главными виновниками которого являются пришедшие к барьеру петиционеры. Фурнье, один из них, добавляешь ты, и является главным зачинщиком; я вам на него доношу. Затем выступает Бурдон из Уазы * и го-

* Я не считаю нужным скрещивать шпаги с этим сбродом насекомых, укусы которых я презираю, с этим Бурдоном из Уазы, столь известным своими подвигами в отношении своих клиентов в то время, когда он был прокурором при Шатле, не менее известным тем отчаянным положением, в котором он был до того, как его неожиданное восхождение в ареопаг вывело его из затруднения. Я ничего не говорю о всех тех фальшивых

ворит, что слышал, как некий Фурнье произносил угрожающую речь, направленную против Петиона. Этого достаточно. Конвент принимает декрет об аресте Фурнье и об опечатании его бумаг.

Но о каком Фурнье идет речь? Из собственного твоего обвинения, Марат, видно, что идет речь о человеке, носящем мою фамилию, но входящем в число петиционеров секции Пуассоньер. Но я не имею никакого отношения к этой петиции. Я и не состою в секции Пуассоньер. А между тем меня арестовывают, и мои бумаги опечатывают.

От посягательств клеветы лишь ярче блестят добродетели честного человека. Из рассмотрения моих бумаг в Комитете общественной безопасности, из отчета об этом, сделанного докладчиком этого комитета в Конвенте, и из допроса, которому я подвергся у решетки Конвента 13 марта, стало очевидно, что все найденное в моем доме характеризует меня только как самого бесспорного патриота.

Почему же ты ничего не сказал, Марат, в поддержку обвинения, выдвинутого тобой накануне, когда у решетки Конвента я предложил тебе представить твои мотивы и доказательства? Хотел ли ты на этом примере наглядно показать свой характер и разрушить те чары, которые еще окружают твое имя и импонируют кое-кому из твоих сограждан? Ты обвиняешь ради того, чтобы обвинять, чтобы иметь удовольствие клеветать, потому что у тебя есть потребность говорить дурное о людях. Всю свою ненависть ко мне ты излил в своем доносе от 12 марта, и потому 13 марта тебе уже нечего было сказать. Такова истинная причина всех твоих частых бурных порывов.

Марат, ты вовсе не друг народа, как ты нам столько раз повторял. Истинные друзья народа не бросают с такой легкостью обвинений лучшим патриотам. Так вот, раз ты вынуждаешь меня оправдываться, раз мой доныне неоспоримый патриотизм подвергается сомнению с твоей стороны, я тебе докажу, что я действительно из числа добрых граждан, и я прошу тебя посмотреть, сможешь ли ты выдержать сопоставление со мной.

Видел ли я тебя когда-нибудь, Марат, рискующим собой в моменты опасности? Нет. Был ли ты рядом со мной у крепости

друзьях, которые так часто восхваляли упорство моего мужественного и бдительного патриотизма и которые во все время действия декрета о моем аресте имели глупость в кафе и повсюду разносить измышления тех, кто на меня доносил. Что же касается обвинения, с которым выступил против меня у якобинцев некий Дюфурни, то эта мелкая месть проистекает из источника, слишком грязного, чтобы заслуживать даже презрения. А что касается батальона борзописцев, то все они старались перещеголять друг друга в сумасбродных выдумках, все придумывали на мой счет самые нелепые и противоречивые обвинения. Но вся эта травля, которой, по-видимому, не скоро придет конец, не сможет запятнать репутацию того, кто первый имел смелость высказаться в Якобинском клубе за республику и кто, каковы бы ни были дальнейшие события, клянется умереть республиканцем.

Бастилии 14 июля? Нет. Видел ли я тебя в Версале 5 и 6 октября? Нет. Я точно так же не видел тебя и в страшный день Марсова поля, а если ты удивляешься тому, как я мог бросить вызов Лафайету, не подвергшись затем его нападкам, то всем в Париже известно, что послужило мне защитой: я всегда носил при себе средство сопротивления угнетению. Марат не был со мной также у покойного Вето * 20 июня минувшего года! Он не был также со мной в памятный навеки день 10 августа! Где же прячется доблестный Марат в тех обстоятельствах, когда его бесстрашие было бы нам столь полезно? Увы, это слишком хорошо известно — под землей! Но оттуда он продолжает свои периодические вещания, заполняющие улицы Парижа и постоянно сообщающие народу, что у него есть друг.

Но отметим, что эта столь интимная дружба поддерживается тем, что многочисленные друзья пресловутого друга соглашаются постоянно выдавать ему множество монет в два су.

Кстати, почему же это Марат один сохраняет, вопреки указанию недавно изданного декрета, привилегию быть одновременно законодателем и журналистом? Что за дурной пример тем, кто должен выполнять законы, если те, кто составляет эти законы, первыми нарушают их.

В одном из твоих последних номеров ты нам рассказал, Марат, о всякого рода метаморфозах, которые претерпел друг народа во имя родины. Верно, что после твоего поведения по отношению ко мне патриоты уже видят в тебе только подлинного хамелеона. Но как, однако, думаешь ты спасать родину, бросая обвинения лучшим гражданам! Поистине, стало невозможно разбираться в вашей тактике, законодатель!

Друг народа, если я вызвал твою вражду тем, что выступил против тебя с трибуны клуба Кордельеров, говоря о причинах и о действующих лицах последних событий, связанных с вопросом о сахаре [5], то я очень сожалею, что мое неукротимое стремление к правде навлекло на меня эту немилость: но я никогда не смогу пожертвовать обязанностями гражданина и честного человека в угоду личным соображениям.

Обычный порядок действий злобных людей состоит в выискивании предлогов, чтобы вредить, если мотивы их ненависти не достаточны для оправдания травли. Верный этому принципу, ты, Марат, осмелился потревожить покой тех, кто погиб 2 сентября, и сказать, что это я руководил этой резней, тогда как всем известно, что в то время я был в командировке в Орлеане на основании декрета Законодательного собрания [6]. Ты утверждал, что я — на жалованьи у Англии, обвинение еще более нелепое, чем все остальные, и по которому ты тоже не представил никаких доказательств во время твоего непреодолимого молчания 13 марта...

---

* *Господин Вето — прозвище короля.*

Впредь будь более основателен в твоих обвинениях, друг Марат, а то твои сограждане перестанут им верить, или, вернее, не обвиняй так много, а больше разъясняй своим читателям их права и обязанности и займись изысканием способов осуществления их благоденствия — такова должна быть единственная цель всякого публициста, и ты ее еще не достиг. Выполняй эту задачу, если ты предпочитаешь сохранить этот пост, а не пост сенатора. Или ты хочешь, наоборот, остаться на посту представителя? Если ты действительно друг народа, если ты друг той его несчастной части, которая сделала все и для которой за четыре года не сделали ничего, о которой, кажется, до сих пор даже не подумали, будь постоянно на трибуне, оставайся там непрерывно и не покидай ее, пока не добьешься того, что осмелились потребовать Дюшозаль и Тальен, друзья санкюлотов: благосостояния неимущего класса и т. д. ... и если, однако, во время этой прекрасной речи тебе случится точно узнать, что какой-то изменник продает родину, не щади его, и мы сами тебе поможем. Я собираюсь выпустить в свет статью, в которой на основе очень убедительных доказательств я разоблачаю нескольких изменников, которых с грустью видишь пользующимися узурпированным доверием на самых важных постах республики. Если я на время оставлю свою роль деятеля, чтобы набросать историю этих людей, освободив моих соотечественников от иллюзий, так чтобы их нельзя было больше обманывать, то я вскоре затем вернусь обратно к своей роли. И я прошу, чтобы меня всегда посылали туда, где есть опасность. Неправду говорят, будто я люблю публично разглагольствовать; наоборот, в таких случаях я выгляжу довольно плохо. Впрочем, довожу до сведения моих сограждан, что я неизменен в своем политическом поведении, и они меня не увидят в моменты опасности довольствующимся внесением проектов резолюций, они всегда будут видеть меня действующим.

К. Фурнье

Типография Мейер и К^0, улица Сен-Мартен, 219, рядом с улицей де Вениз

ПИСЬМО ЖЕНЕ

Париж, 18 марта II года Французской республики [1793 г.]

Как я тебе обязан, моя милая жена! Как мне будет приятно выразить тебе мою благодарность, когда я буду иметь счастье вновь тебя увидеть! Все, что ты мне прислала, помогло мне выбраться из ужасных затруднений. Я не стану тебе рассказывать сегодня о всех обстоятельствах положения, в котором я оказался. Я откладываю этот рассказ до того времени, когда мы опять будем вместе. Ты, наверное, жестоко тосковала, не получая от меня ранее писем. Твой бедный муж не мог написать тебе, и ты скоро узнаешь почему.

Во-первых, всего лишь четыре дня, как я себя чувствую несколько лучше.

У Фурнье было одно дело, которое заставило меня много передвигаться. Национальный Конвент декретировал его арест, но, к счастью, все это кончено.

Но пока что я почти все время занят делами этого славного человека, который до сих пор оплачивает мои расходы на постоялом дворе.

К сожалению, ему, по-видимому, не удастся осуществить тот проект, о котором я тебе писал. У него тоже много врагов, которые этому мешают, и я уже больше не рассчитываю устроить свою судьбу этим путем.

Фурнье не то, что я думал. Он сейчас небогат, но, возможно, будет когда-нибудь богатым. Если бы он был богатым сейчас, он отдал бы мне всю свою кровь; это самое доброе сердце, какое я знаю. Но пришлось бы слишком много говорить, чтобы дать тебе точное представление о том, кто такой Фурнье и какие соображения и интересы привязали его ко мне. Ты сможешь это все узнать только из устной беседы между нами с глазу на глаз.

Затем надо тебе сказать, что, убедившись, что с Фурнье ничего надежного не получится, я ищу в других местах. Пока я еще ничего не нашел, но надеюсь вскоре иметь возможность сообщить тебе, что у меня есть должность, вернее, что у нас есть должность, ибо если бы речь шла только обо мне, я бы давно уже ее имел. Но у меня есть жена и дети, о которых мне надо думать.

Вот это все, мой добрый друг, меня и занимало и мешало мне написать тебе раньше.

Посылаю тебе квитанцию, по которой ты получишь в Мондидье в общей сложности девяносто ливров.

Посылаю тебе также счет на то, что мне еще причитается в Анжесте. Это составляет сто пять ливров. Было бы очень хорошо, если бы ты могла получить эти деньги. Ты можешь обратиться к мировому судье Анжеста, его фамилия Леру; в январе он десять раз просил меня представить счет, чтобы уплатить мне. Замечу тебе, что я не уверен в том, что не получил от Мишеля Десаши несколько больше, чем я указал, но его жена может разыскать расписки, и тогда ты подсчитаешь.

Жители Бэврень вручили мне свое постановление от 5 июня, коим они признают, что должны мне шестьдесят восемь ливров. Ты могла бы отправиться в Бэврень и обратиться к Франсуа Долле, члену муниципалитета. Тебе покажут расписки на то, что я получил, а ты попросишь выдать тебе остальное. Прилагаю здесь расписку, которую ты выдашь.

Вот пока все, что я могу сделать для тебя в настоящее время, мой добрый друг. Будем надеяться, что я скоро найду способ опять достать хлеба для моих детей. Я постоянно напрягаю свой

ум и тело в поисках этих средств. Сегодня я не могу тебе послать удостоверения от моего врача. Я пошлю тебе его при первой возможности. Здравствуй, мой Робер, мой милый мальчик, большое тебе спасибо за сахар. Постарайся, жена моя, не дать ему умереть, этому бедняжке, равно как и его брату и сестре. Очень нежно целую вас всех. Ответь мне на это письмо и расскажи о своем положении. Увы, я слишком хорошо представляю себе его.

К. Бабеф

Я передал Фурнье твой горшочек с медом.

Когда ты отправишься в Бэврень, пойди к священнику, не забудь об этом. У меня есть основания посоветовать тебе это. Ты не стесняясь попросишь у него подкрепиться.

ПИСЬМО МАКЕРСТРОТУ[7]

Париж, 25 марта, II год Республики [1793 г.]

Республиканец!

Вы благоприятно восприняли те взгляды, которые я изложил, меня это ободряет на то, чтобы развивать и дальше мой план. Поверьте мне, что, если мы будем действовать совместно, Вы обнаружите во мне самое усердное рвение и что мое мужество не ослабнет до тех пор, пока нужно будет содействовать Вашей славе и успехам свободы. Чтобы Вы обо мне не забывали, я хочу дать Вам доказательство того, что я никогда не упущу Вас из виду; и для этого я посылаю Вам копию письма, которое я направил, как мы об этом условились, гражданину Карра вместе с копией того мемуара в форме письма, который я послал Вам 11-го сего месяца и где я изложил мои предложения, мои идеи и планы революции. Я горю сейчас желанием потрудиться над тем, чтобы обеспечить независимость Ваших мужественных соотечественников. Если Вы меня испытаете, Вы убедитесь, на что способно неутомимое рвение человека, чье свободное перо воодушевлено энергией подлинно республиканской души. В ожидании этого счастливого мгновения я прошу Вашего разрешения время от времени общаться с Вами в ожидании сигнала к той великой битве, которую мы поведем вместе против нескольких тиранов на Земле.

Я проживаю сейчас...

* * *

Гражданин Макерстрот принимает мое предложение, но в той мере, в какой оно не противоречит декрету, который разрешает вступление в легион только батавам. Я сослался на гражданина Карра и заявил полковнику Макерстроту, что почти уверен в том, что принесу от этого депутата записку, которая ему подтвердит, что мое предложение нисколько не противоречит декрету, и по-

скольку оно намечает действенные средства, которые позволят лучше обеспечить наши успехи, ничто не мешает тому, чтобы он принял это предложение *.

ПИСЬМО СИЛЬВЕНУ МАРЕШАЛЮ [8]

Париж, 28 марта II года Французской республики [1793 г.]

Сильвен Марешаль!

К Вам обращается человек, философ, гражданин, изнывающий под бременем несчастья. Ему случалось читать Вас. Он почувствовал в Вашей интонации всякий раз, как вы выступали в защиту бедности, человека, знакомого с ее терзаниями и, по-видимому, испытавшего их. Поэтому Ваша чувствительность, безусловно, будет взволнована при чтении того, что последует.

Я родился без всякого состояния, но до 1789 года жил в достатке от доходов с должности, которую я занимал в провинции и которую революция уничтожила. Я отнюдь на это не роптал. Будучи еще молодым я, наоборот, очень сильно воспламенился делом свободы. Я потратил остатки моих средств на борьбу со злоупотреблениями. Первое злоупотребление, с которым я вступил в борьбу, было незаконное взимание налогов и все косвенные налоги. По этому вопросу я выпустил брошюру, наделавшую столько шума и так сильно напугавшую откупщиков, что, невероятное дело! в апреле 1790 года, когда была декретирована свобода печати, когда не было больше Бастилии, гнусный податной суд, продавшийся пиявкам, сосущим кровь государства, распорядился похитить меня среди ночи из постели у меня дома в 30 лье от Парижа, затем отвезти в тюрьму Консьержери, затем привлечь к уголовной ответственности; лишь через два месяца, добившись выявления угнетательского характера этих действий, я вынудил его вернуть мне свободу.

Я вернулся в свой департамент Сомма. Я основал там газету. Я составлял ее не из пустого нагромождения известий. Я построил ее план таким образом, чтобы содействовать просвещению моих земляков. Я выступил в ней против ужасных обманов той уродливой конституции, которую поднесли нам наши первые легисты. Я восстановил против себя всю эту толпу глупцов и плутов, у которых на устах было уже только: «Конституция или смерть». Так как я был почти один против всех, мое начинание не могло долго выдержать.

Я ограничился борьбой с самыми вопиющими злоупотреблениями, повсеместно ощущаемыми. Гидра феодализма, это ужасное бедствие для всех наших сел, возбуждала всеобщее восстание. Люди считали, что это чудовище было раздавлено в ночь

---

* *Эта запись сделана рукой Бабефа на обороте черновика его письма к Макерстроту от 25 марта 1793 г.*

4 августа 1789 года, но наши коварные деятели Учредительного собрания вскоре возродили его.

Я объявил себя борцом за права всех сельских жителей против бывших сеньеров. Я перелистал все истории и извлек из них самое очевидное доказательство того, что все феодальные повинности были результатом узурпации. Я опубликовал эту великую истину. Сопротивление уплате сеньериальных повинностей стало всеобщим. Декрет от минувшего августа месяца узаконил это сопротивление и утвердил упразднение этих податей.

По всему департаменту освобожденные люди благословляли меня, но сеньериальная аристократия, видящая во мне виновника того, что она называет ее ограблением, питает ко мне неописуемую ненависть. Оплакивая все ухудшающееся положение неимущего класса, для которого еще ничего не сделано эффективного, я выдвинул некоторые идеи, направленные к улучшению его положения. Меня вскоре заподозрили и обвинили в том, что я нападаю на права собственности. Мои страждущие и трудящиеся братья всегда видели во мне лишь сострадательного друга и защитника. Богатые эгоисты видели во мне опасного апостола аграрных законов.

На последних выборах народ из благодарности выбрал меня в члены департамента *, а затем — в члены директории моего дистрикта [9]. Я остался на этом последнем посту. К сожалению, я оказался там единственным санкюлотом. Аристократы сообразили, что им будет легко строить козни против меня. Действительно, под самым жалким предлогом, который рамки письма не позволяют подробно описать, им удалось шесть недель тому назад добиться постановления об отрешении меня от должности. . .

С тех пор я нахожусь здесь, чтобы ходатайствовать перед министром об отмене этого постановления; я не могу добиться, чтобы мной занялись. Мои враги использовали это время, чтобы уговорить нескольких кредиторов добиться продажи с торгов всего, что у меня осталось из вещей. Наложен арест на мое скудное жалованье на срок в 6 месяцев, так что, когда мне вернут мою должность, я не буду в состоянии занимать ее. Я нахожусь здесь без средств, моя жена с тремя детьми находятся на расстоянии 30 лье в столь же бедственном положении. Может ли быть более ужасное положение!

О Жан Жак! Как ты был прав, рекомендуя включить в воспитание каждого человека обучение какому-либо ремеслу! Почему не владею я каким-нибудь ремеслом! Я охотно пошел бы проливать свою кровь на границах, но кто будет кормить мою жену, моих детей? Руссо! Я опять взываю к тебе... Твоя крайняя чувствительность не позволяла тебе мириться с мыслью, что ты когда-нибудь окажешься не в силах удовлетворять потребности твоих детей, и ты оставил их с самого их рождения на иждивение

---

* *Имеется в виду генеральный совет департамента.*

правительства. Но, скажи мне, мог бы ты покинуть их в возрасте, когда первое пробуждение знаний делает их столь привлекательными? О, мой семилетний сын, столь верная копия доброго, невинного Эмиля! Нет, я не в состоянии покинуть тебя. Я буду руководить твоей юностью столь долго, сколь мне надлежит, или я умру, не успев выполнить до конца мою задачу.

Чувствительный Марешаль, я заканчиваю, я не хотел бы Вам докучать. У Руссо был заработок, он переписывал ноты. У меня нет этого таланта, стало быть, я несчастнее его. Но я научился работать наборщиком. 15 дней практики будет достаточно, чтобы я стал столь же искусным в этом деле, как и другие. Получите для меня, брат мой, разрешение упражняться в типографии Л. Прюдома, я буду просить у него плату только за то, что смогу сделать. Изложенные выше детали позволяют Вам судить о важности услуги, которую Вы мне, таким образом, окажете.

ПИСЬМО МАКЕРСТРОТУ

3 апреля, II год Республики [1793 г.]

Гражданин!

Я хочу дать Вам возможность спокойно рассмотреть документы, которые могут доказать, кем я являюсь с точки зрения моих способностей и принципов патриотизма. Та должность, которую Вы хотите предложить мне в Вашем легионе, настолько важна по своим обязанностям и способна иметь такое значение для репутации, которую может приобрести Ваш корпус, что Вы должны иметь обо мне как можно более полное представление.

Прежде всего Вы должны знать, что у меня характер философа...* У меня нет обычного недостатка французов — склонности говорить слишком много. Напротив, я лаконичен, как спартанец, и я размышляю, я обдумываю, так же как в свое время это делал Руссо. Как и для него, поиски способов осуществления общественного благоденствия составляют мое постоянное занятие...**

Я обожал свободу еще до революции. Том, который я прилагаю [10], является одним из патриотических произведений, опубликованных еще до Декларации прав человека. На страницах 7 и 8 Вы найдете доказательство того, что я являюсь его автором. Вот, как мне кажется, первое вполне достоверное свидетельство, подтверждающее мой патриотизм. С того времени, как я опубликовал эту работу, я непрерывно издавал другие сочинения и газету в защиту революции. Это принесло мне в моем департаменте поощрение со стороны народа, но зато и неслыханные преследования со стороны аристократии, которая все еще там господствует.

---

* *Одно слово не разобрано.*
** *Не разобраны три слова.*

Второй и третий документы подтвердят Вам, что во время последних выборов я стал членом совета департамента Сомма и что в этом качестве я выполнял важные миссии. Это место члена совета не оплачивается, но со стороны народа это было свидетельством доверия к моему патриотизму.

Четвертый документ является свидетельством о цивизме, полученным мною от секции... *, где я проживаю.

Я надеюсь, гражданин, что всего этого будет достаточно, чтобы Вас удовлетворить и убедить, что во мне Вы найдете человека, не вызывающего никаких подозрений.

Я вполне откровенно расскажу Вам обо всем. Я совсем не богат. Мои сочинения в защиту патриотизма и интересов народа меньше всего были для меня источником обогащения. К тому же, как я уже упомянул, меня злобно и всеми средствами преследовали в моем родном краю. Это побудило меня перебраться в Париж около шести недель назад, и я ищу здесь какого-нибудь занятия. Я хлопотал во многих местах и пока добился только обещаний. Самые надежные я получил от Вас, и я надеюсь, что после всего сделанного мной сегодня Вы дадите мне точные заверения. Со своей стороны я обещаю Вам безграничное рвение, и я напоминаю, что...* всячески Вам содействовать; последние события только увеличили мои надежды. Откровенно Вам изложу, как я все это расцениваю.

Если бы Дюмурье [11] не изменил, он один, опираясь на доверие, которым он пользовался, мог бы предпринять завоевание Голландии; в этом случае Вы были бы только его подчиненным. Но сейчас ясно, что не он осуществит это завоевание, к которому теперь нужно снова приступить с самого начала.

Я предвижу способы устроить дело так, что Вам будет поручено его предпринять, и от Вас требуется только определенное поведение, чтобы Ваш чин полковника был бы заменен генеральским, а вскоре вслед за этим — титулом Освободителя батавов. У меня в голове уже манифесты, воззвания [12], с которыми мы обратимся к этому прекрасному народу, которому достаточно лишь протянуть руку, чтобы он присоединился к нам. Я представляю себе и заранее разделяю всю радость, которую Вы испытаете, когда Вам удастся, наконец, вернуть ему полную свободу. Вандернотам, Вандермершам, Дюмурье воздавали высшие почести, но они оказались изменниками. Я твердо уверен, что с Вами этого не случится, и тогда какие же почести воздадут Вам Ваши чувствительные соотечественники?

* *Неразборчиво.*

ПИСЬМО ЖЕНЕ

Париж, 17 апреля II года Республики [1793 г.]

Я не писал тебе, дорогая моя, с тех пор как получил твое письмо из Мондидье, потому что ты мне сообщила, что собираешься тут же ехать в Анжест и Амьен, и я не знал, куда адресовать тебе письмо. Теперь я получил письмо, написанное тобой после возвращения. Но я не живу больше в гостинице «Фландрия». Полковник из батавского легиона * обещал мне должность секретаря в его части, а пока она будет организовываться, он поселил меня в гостинице Кассини, улица де Бабилон, где я получаю двадцать пять су в день.

Я живу таким образом пять-шесть дней. Но я не считаю, что это может нас устроить. С одной стороны, эта часть будет еще долго организовываться. Затем я не думаю, чтобы полковник назначил мне жалованье, достаточное для прокормления моей семьи, и, кроме того, я не думаю также, что мне будет предоставлена возможность увезти всех вас вслед за легионом.

Все эти соображения побуждают меня стараться найти что-нибудь другое. И так как я не могу обманывать батавского полковника, мне придется объявить ему, что я не могу наняться к нему и что я покидаю гостиницу Кассини: поэтому ты не пиши мне туда, пиши мне в адрес Фурнье на мое настоящее имя.

Был опять серьезный разговор о том, чтобы дать Фурнье назначение в армию, и все выглядело так, что я уже считал вопрос решенным; он продолжает надеяться. Я бы с ним работал охотнее, чем с кем бы то ни было другим. Он меня по-прежнему занимает, этот Фурнье, и до такой степени, что я вынужден пренебрегать необходимыми шагами для устройства моих собственных дел, т. е. для того, чтобы устроиться на должность.

Батавский полковник тоже отнимал у меня много времени, и, пожалуй, не будь всего этого, я бы уже сейчас добился получения какой-нибудь должности. Но надо начать как-то устраиваться. Прюдом дал бы мне работу в своей типографии, если бы у него не сократилось производство. Но он указал мне несколько способов, как найти себе работу в какой-нибудь другой типографии; я кое на что надеюсь с этой стороны, и через несколько дней я стану благоразумным. Я буду носиться повсюду, чтобы найти какое бы то ни было занятие. В Париже немало ресурсов, надо только знать, где они. У меня начинает появляться довольно много знакомств. Всюду меня обнадеживают, пока еще ничего нет, но достаточно одного счастливого момента.

Я очень хотел бы остаться в Париже ради моего великого дела. Не я один об этом думаю, ты знаешь, чтó я имею в виду. Здесь все накалено до крайности. Санкюлоты хотят быть счастливыми, и я не вижу ничего невозможного в том, что не пройдет

---

* *Макерстрот.*

и года, и нам, если мы будем правильно проводить свои меры и действовать со всем необходимым благоразумием, удастся обеспечить всеобщее благоденствие на Земле.

Я чувствую себя довольно хорошо. Я уже пережил всю ту массу огорчений, которые были у меня в запасе, — предаваясь им столь долго, я стал в конце концов нечувствительным. Однако я не могу не думать постоянно о судьбе моей жены, моих бедных детей. Но я утешаю себя такой мыслью: по крайней мере я жив и надеюсь, что вознагражу их когда-нибудь за все страдания, которые они переносят вместе со мной; я надеюсь, что они увидят во мне отца, которого весь мир будет благословлять и которого все народы во все века будут считать спасителем человеческого рода.

Мое дело перестало меня беспокоить после того, как ты мне сообщила, что Реневаль и священник оправданы. С меня этим косвенно снимается обвинение, ибо если признано, что эти люди не подкупали, то надо также признать, что я не был подкуплен.

Ты мне пишешь, что ты не бог весть что получила. Ну что же, я как-нибудь устроюсь, не посылай мне ничего, сохрани то, что у тебя есть, для твоих бедных детей. Это для меня настоящее мучение, что вот уже два месяца, как я их покинул, и ничего еще не мог для них сделать.

Напиши мне сейчас же и расскажи мне все, что ты обещала. Буду ждать твоего письма в понедельник или во вторник. Расскажи мне, как у тебя дела, и какое, по-твоему, нам надо принять решение. Что до меня, я за то, чтобы нам так устроить, чтобы ты приехала с нашими детьми в Париж. Мы всегда найдем здесь какие-нибудь средства к существованию и по крайней мере будем все вместе, и ты мне, конечно, поможешь найти то, что нам необходимо. Не будем терять время, договоримся письменно о наших делах. Как только мы договоримся, я постараюсь снять комнату в таком районе, где хороший воздух, и поеду навстречу тебе.

Привет тебе, мой нежный друг Робер, моя Софи, мой Камилл, осыпаю вас поцелуями.

ПИСЬМО Н. БОНВИЛЛЮ[13]

23 апреля II года Республики [1793 г.]

Будучи одним из тех, кого волнения общественной жизни ввергают в бедственное положение, кого судьба подвергает самым суровым испытаниям, я, естественно, почувствовал побуждение призвать на помощь тех, кто, как я полагал, способны помочь мне. Я знал репутацию С. Марешаля, и я написал ему следующее письмо.

Это письмо, Н. Бонвилль, имело тот результат, что оно тронуло и возбудило живой интерес ко мне у честного Марешаля.

Он сделал то, о чем я просил в отношении Прюдома. Последний сам с сочувствием отнесся к моему положению и выразил сожаление, которое я нашел искренним, по поводу того, что не мог удовлетворить моей просьбы. Вот причина. Уход многих его рабочих в армию вынудил его прервать издание больших произведений, он ограничивается только своей газетой, для выпуска которой у него оставалось рабочих больше, чем нужно. В этом положении вещей Сильвен Марешаль сказал мне: «Обратитесь от моего имени к моему другу Бонвиллю, сообщите ему то, что Вы рассказали мне: он, наверное, будет к этому чувствителен, и я думаю, что он сможет Вас устроить в типографию Социального кружка».

Этот совет я сейчас выполню, дорогой согражданин. Вы знаете мою историю, мое тяжелое положение и таковое же моих бедных близких. Писатель-философ, апостол святой доктрины человечности и порождаемого ею патриотизма, не сможет отказать несчастному молодому отцу семейства в услуге, которую, я полагаю, легко оказать, и я не напрасно обращаюсь к его доброму сердцу.

ГЕНЕРАЛЬНОМУ СОВЕТУ ПАРИЖСКОЙ КОММУНЫ

[март—май 1793 г.]

О, как я хотел бы в интересах общественного дела иметь высокую честь заседать среди вас! Я позволяю себе думать, что мог бы предложить вам несколько полезных идей. Но не важно, в трудные моменты каждый гражданин есть должностное лицо, а генеральный совет Парижской коммуны настолько выше мелких тщеславных страстей, что не может презирать предложения только потому, что они не являются плодом его размышлений. Спасение родины — предмет всех его помыслов, и этого великого результата он хочет достигнуть в согласии с гражданами. Поэтому он доброжелательно отнесется к каждому гражданину, который пожелает сотрудничать с ним, чтобы способствовать общему благу. Я с доверием представляю на его рассмотрение следующие соображения.

Принимая во внимание, что, когда отечество в опасности, позорно и безнравственно устраивать зрелища для народа, независимо от того, большие они или малые; что всякие пустяки, представляемые на закрытых театрах, грубые фарсы, разыгрываемые на огромном множестве площадных подмостков, могут быть только пружинами, приводимыми в движение врагами свободы; что все это размножение фиглярства и шарлатанства имеет очевидной целью только поддерживать, с одной стороны, фривольность, а с другой — невежество и глупость, размягчить и испортить республиканскую мораль и отвлечь народ от важных предметов общественного интереса, которые исключительно

должны его занимать, заставить его забыть о крови его братьев, льющейся в Вандее и на границах, отвлечь его внимание от всех заговоров, которые плетутся против родины, и, наконец, скрыть от него край пропасти, куда она скоро может быть ввергнута;

постановить в виде меры охраны порядка, что до тех пор, пока можно будет объявить, что отечество вне опасности, все комедианты, как закрытых театров, так и представляющих под открытым небом, все шарлатаны, песенники и т. д. обязаны прекратить какие бы то ни было представления.

Я льщу себя надеждой, граждане должностные лица народа, что если вы примете эту важную меру, вы увидете, как внимание народа сразу полностью обратится на важные предметы, которых он не должен терять ни на мгновение из виду, вы увидите его занятым исключительно великим делом общественного блага, вы увидите, как общий подъем энергии придет на смену некой беспечности, увы! слишком сильно проявляющейся среди нас и являющейся как раз плодом тех жалких развлечений, которыми наши враги отравляют наши источники. В своем коварстве они подражают священникам, которые тоже умудрялись только при помощи развлечений держать мир в состоянии сна в течение столетий. Вы помните, как этим священникам постоянно удавалось в определенные дни направлять все мысли на мистические предметы, представляемые ими воображению людей. Они это делали, повелевая людям сосредоточиться, лишая народ всякого другого развлечения, предписывая самое страшное молчание, даже подчас останавливая колокольный звон, запрещая посещать какие-либо другие зрелища, кроме их собственных. Давайте же последуем и мы этой тактике, раз она такая верная! Конечно, народу нужны зрелища, но они должны быть только определенного рода, если вы хотите внушить ему единство взглядов. Если вы допустите зрелища противоположного характера, то плодом этого будет тысяча разнообразных ересей.

В прошлом требовались облагороженные рабы, и все театры были направлены к тому, чтобы их воспитывать. Если вы сохраните такое положение вещей, вы получите те же результаты, и, желая быть республиканцами, вы будете хотеть чего-то противоречивого и невозможного, и вы опять получите рабов, только рабов!

У вас было шесть республиканских пьес, не больше. Разрешите представления только этих пьес, и то когда все наши опасности окончательно минуют. До тех пор пусть ваши собрания будут единственными вашими театрами, а вне их вместо скоморохов и шарлатанов пусть будут у вас миссионеры, которые по вашим указаниям будут проповедовать каждый день патриотическое Евангелие; пусть в наше критическое время предметом этого Евангелия будет рассказ о движении наших вооруженных сил, наблюдение за поведением всех наших агентов и последо-

вательное рассмотрение всех статей свода законов, который наши уполномоченные хотят нам дать; пусть любой предмет, привлекающий взор, постоянно напоминает о важности нынешнего момента, необходимости правильного использования его и величии тех вопросов, которые должны стать темой наших размышлений; например, пусть у входа в святилище народных собраний каждой секции колпак, посаженный на дерево свободы, будет окутан траурным крепом с такой надписью: «Кровь ваших братьев льется в Вандее»; пусть другая надпись гласит: «Тираны хотят расколоть ваши ряды, они знают, что это лучший способ победить вас»; наконец, еще одна надпись должна звучать так: «Французы, вам готовят конституцию: рассмотрите предварительно, заслуживает ли она вашего утверждения», Думаете ли вы, граждане, что... *

ГРАКХ БАБЕФ АНАКСАГОРУ ШОМЕТТУ, ПРОКУРОРУ ПАРИЖСКОЙ КОММУНЫ [14]

О необходимости и об обязанности магистрата потребовать утверждения самого драгоценного и самого важного из прав человека

Париж, 7 мая II года Французской республики [1793 г.]

Народный трибун **

Какой момент... наступил!! От него будут зависеть судьбы мира! .. Какой момент... для Вашей славы! для места, которое Вам будет отведено на страницах беспристрастной истории!!! То, что она поведает о Вас будущим поколениям, будет зависеть от Вашего поведения в эти дни! Какой высокий характер Вы начали проявлять 18 апреля, став инициатором замечательного постановления, которым «генеральный совет объявляет себя находящимся в состоянии революции до тех пор, пока не будет обеспечено снабжение продуктами питания!»

Остается только укрепить фундамент и продолжать сооружение этого прекрасного здания! Настал день, когда коммуна должна показать, что, когда она обязывается защищать права народа, это не пустые слова.

Знаете ли вы эту статью декларации так называемых прав человека, которая дает определение собственности как «права распоряжаться по своему усмотрению своим имуществом, своими доходами, своими капиталами, своим трудом». О естественные, неотъемлемые права! Как преступно вас попирают! Спекулянты! Пиявки человечества! Вы все, имеющие возможность, один лучше другого, высасывать жизненные соки из огромной массы народа! Ликуйте, одни только ваши ужасные права утвер-

---

* *На этом рукопись обрывается.*

** Я присваиваю этот титул только тому, кто является подлинным защитником санкюлотов.

ждены. Сколачивайте вовсю ваши коалиции! Совершенствуйте систему ваших убийственных интриг, ваших разбойничьих расчетов. Хорошо обдумывайте ухищрения ваших варварских спекуляций на предметах питания бесчисленного класса бедных. Ваши преступные желания будут вскоре исполнены. Вскоре на основании Декларации прав человека вы добьетесь повышения цены фунта хлеба... Кто может измерить, где остановится ваша преступная жадность?

Депутаты! Нет среди вас настоящих санкюлотов!.. Почти ни один из вас не происходит из подлинного третьего сословия!.. Третье сословие не представлено в ареопаге! Нет, почти ни один из вас, это видно, никогда не испытал раздирающей боли нужды. Вы не способны сами по себе сделать что-нибудь для блага народа! Вы это сделаете только, если вас к этому принудить!..

Но ты, однако, Робеспьер, давший точное определение права собственности, указавший пределы, которыми это право должно быть ограничено, чтобы не позволить ему стать вредным для подавляющего большинства общества, ты, сказавший:

«Право собственности не может наносить ущерба существованию нам подобных. Общество обязано снабдить предметами питания всех своих членов, либо предоставляя им работу, либо обеспечивая средства к существованию тем, кто не в состоянии работать».

Приди, ты наш законодатель. И вы, якобинцы! единогласно одобрившие высокое произведение этого достойного депутата, вы, кто не является столь безжалостным, как некий сенат, придите и станьте рядом с нашим Ликургом, вы, его помощники, его уважаемые сподвижники.

Парижская коммуна! Ты, мужественно объявившая себя в состоянии восстания до тех пор, пока не будет обеспечена жизнь каждого из членов суверена, до тех пор, пока она не перестанет быть добычей прожорливых варваров, экономистов-монополистов, выполняй принятое тобой обязательство. Ведь ты — существенная часть народа, «чья воля (Робеспьер, статья 17) должна быть уважаема, ибо она участвует в образовании общей воли». Наложите немедля национальное вето на эту коварную декларацию прав, прав не человека, а ростовщиков, скупщиков, ненасытных и убийственных пиявок, всякого рода алчных спекулянтов.

Отвечая на ваш великодушный жест, вся республика встает, и ее движение сливается с вашим. Она откликнется на ваши сигналы, как она это всегда делала во время всех великих событий, и на сей раз с тем большим основанием, что дело будет идти об обеспечении классу нуждающихся, бесспорно, наиболее многочисленному классу в государстве, преимуществ, которые будут наконец реальными, а не теми чисто умозрительными, которыми ему давали упиваться со времени революции.

Этот заслуживающий сочувствия класс, действительно пришедший к мысли, которая может стать роковой для нашего дела,

что его до сих пор заставляли метаться и горячиться ради каких-то надуманных благ, ибо слова «революция», «свобода», «равенство», «республика», «родина» не изменили к лучшему его положения (мысль, печальные следствия которой нельзя не видеть уже сейчас; я имею в виду апатию, упадок духа, общую беспечность, приводящие в отчаяние тех немногих граждан, которые сохранили полностью свою энергию), этот заслуживающий сочувствия класс, говорю я, при виде великого движения, направленного к обеспечению ему счастливого существования, каковое должно стать уделом каждого республиканца, восстановит свою силу и свое мужество, и только это может обеспечить нашу непобедимость перед лицом угрожающих нам тиранов. Больше того, это обеспечит нам тем более полную победу, что тогда соседние народы, узнав о нашем подлинном и общем благоденствии, захотят завоевать себе подобное же благоденствие.

Трибун! Последний декрет о продуктах питания отнюдь не может дать удовлетворения народу! Если этот закон и может произвести некоторое хорошее действие, то это будет только временно. Но что же даст приведение цен на зерно к среднему уровню, раз этот уровень определяется только по периоду, когда они постоянно росли?

Не этого добивался народ. Эта манера внешне уступать его настойчивым требованиям есть лишь коварная уловка. Народ требовал, чтобы необходимый для всех продукт питания продавался по цене, доступной для всех. Это же, конечно, имел в виду и Анаксагор в своей знаменитой обвинительной речи 18 апреля, которая дала толчок к составлению прекрасной петиции предместья Сент-Антуан, написанной в том же духе.

Ваша задача не решена, защитник народа. Коммуна должна по-прежнему считать себя в состоянии революции, поскольку фактом является, что снабжение предметами питания еще не обеспечено. Оно и не может быть обеспечено путем регламентов. Его надлежит обеспечить на фундаментальных основах общественного договора. Надлежит утвердить этот принцип Робеспьера, «что право собственности не может наносить ущерба существованию нам подобных! что общество обязано заботиться о средствах питания для всех своих членов, либо предоставляя им работу, либо обеспечивая средствами существования тех, кто не в состоянии работать!»

Такова, гражданин член магистрата, та важная статья хартии прав человека, которую суверенная нация должна утвердить. Из нее главная и важнейшая часть народа узнает, что наконец революция воздает ей по справедливости, за нее она ее благословит, ради нее она будет готова тысячу раз умереть, защищая революцию.

Из всех граждан республики прокурор Парижской коммуны — тот, кто более всех способен, лучше всех вооружен, чтобы вызвать

движение, которое сможет обеспечить победу в этой великой тяжбе, и это завоевание будет столь же ценно, как и то, что было осуществлено 10 августа 92 года...

Пусть Анаксагор истребует на сей предмет принятия генеральным советом четко сформулированного обращения. Дело его столь прекрасно, все умы уже так подготовлены к принятию всех мер, могущих быть предложенными для столь важной цели, что можно заранее быть вполне уверенным, что обращение пройдет; что все секции Парижа не преминут присоединиться к нему; что другие секции республики, всегда гордившиеся возможностью аплодировать великим делам города-матери и шествовать вслед за ним, тоже последуют его примеру; что, таким образом, национальное вето проявится немедля и побудит к исправлению нелепого и возмутительного права злоупотреблять, утвержденного в нашей новой Декларации прав; и что наиболее ценное и самое бесспорное из всех прав человека, хотя и наиболее забытое до сего дня, окажется утвержденным на счастье всех поколений.

Я требую от Вас, трибун Анаксагор, выполнения того обязательства, которое Вы сами приняли на себя. А если перед Вами стоят препятствия, какая прекрасная возможность проявить свое величие! Можно ли представить себе обстоятельства, более повелительно требующие практического применения великого принципа сопротивления угнетению.

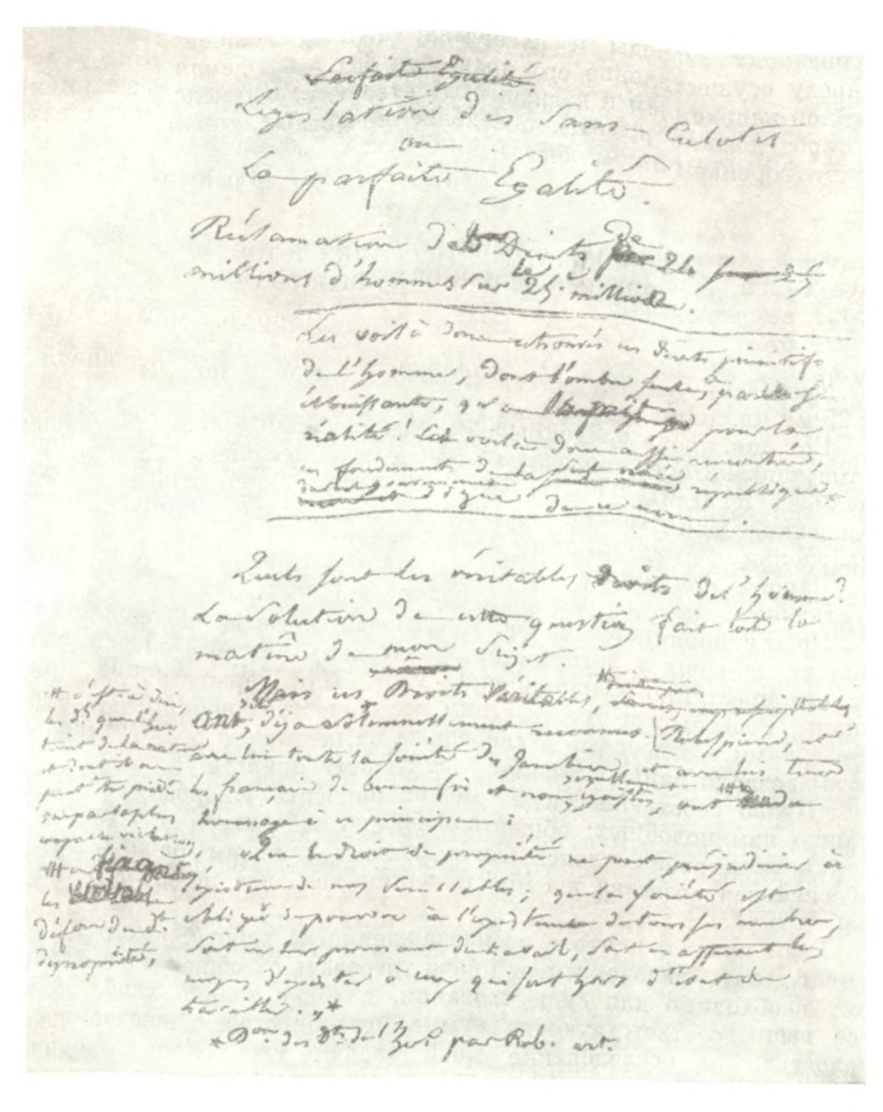
Поспешим же большими шагами к этой счастливой цели революции, когда наступят дни всеобщего благоденствия, неведомого еще ни одному веку и ни одному народу, чьи летописи дошли до нас. Эта восхитительная цель, которой жаждет всей душой честный человек, конечно, ослепляет его, и непрозорливый эгоизм не мог рассчитать ее приближения. Но проницательная философия не делала в этой области ложных предположений.

Друзья человечества! Я возвещаю вам о моей книге «О равенстве» [15], которую я вскоре подарю миру. Софисты! Этой книгой я разрушу все ложные рассуждения, при помощи которых вы вводили в заблуждение, заключали в оковы и постоянно заставляли страдать весь мир. И, вопреки вам, люди узнают всю полноту своих прав, воля нации не будет более обманута, и все станут счастливы!

В РЕДАКЦИЮ ГАЗЕТЫ «ДРУГ САНКЮЛОТОВ» [16]

10 мая [1793 г.]

Кай Гракх, посетив сегодня утром прокурора Парижской коммуны, получил от него устный ответ на свое письмо. Трибун Шометт сказал Гракху, чтобы он, от его имени, предложил редактору «Друга санкюлотов» напечатать это письмо в ближай-



Législation des Sans-Culottes
ou
La parfaite Égalité.

Quels sont les véritables Droits de l'homme?
La solution de cette question fait toute la
matière de mon sujet.

«Законодательство санкюлотов»

шем номере. Этот писатель начнет, таким образом, выполнять обязательство, которое он принял на себя в своем № 70:

«Будем готовиться обсуждать со спокойствием, подобающим свободным людям, новый проект «Конституции», который в ближайшее время будет представлен республике Национальным Конвентом... Не забудем, что когда-нибудь он должен стать всемирным сводом законов; что он должен быть построен только на

основаниях свободы и равенства; что он должен обеспечить народу осуществление его прав; что без соблюдения этих условий он неприемлем и должен быть отвергнут с тем негодованием, которое должно вызвать поведение нечестных уполномоченных, чьим творением он был бы».

Гракх Бабеф

ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО САНКЮЛОТОВ, ИЛИ СОВЕРШЕННОЕ РАВЕНСТВО [17]

[апрель—май 1793 г.]

Требование прав 24 миллионов людей по отношению к 25-му миллиону.

Вот они, вновь найденные, те первоначальные права человека, сама тень которых показалась столь ослепительной, что ее приняли за действительность! Вот они, также вновь открытые, эти основания единственно подлинной республики, единственного правления, достойного этого наименования.

Каковы подлинные права человека? Решение этого вопроса составляет всю суть рассматриваемой мной темы.

Но эти подлинные права, т. е. права, которые человек получил от природы и которых он может быть лишен только путем самого преступного нарушения, уже были торжественно признаны. Робеспьер и вместе с ним все общество якобинцев, а вместе с ними все честные и свободные от жестокого эгоизма французы воздали дань уважения следующему принципу:

«Право собственности не может наносить ущерба существованию нам подобных; общество обязано заботиться о существовании всех своих членов, либо предоставляя им работу, либо обеспечивая средства к существованию тем, кто не в состоянии работать» *.

Если признано, что в вознаграждение за работу, которую он умеет делать, человек имеет право требовать от общества все, что ему необходимо для существования, т. е. не только хлеб, но и все вещи, соответствующие сумме потребностей общественного человека, то исследование моей задачи уже очень продвинуто... — или, даже вернее, ее решение уже полностью налицо.

Но мой план предусматривает (чего никто еще не делал):

1) подробно разработать неоспоримые доказательства справедливости этого права каждого никогда и ни в чем не нуждаться и постоянно пользоваться всеми возможностями, являющимися результатом труда и производства всего общества;

2) обосновать способы, как сделать возможным равное распределение между всеми членами общества всего необходимого для счастливого существования каждого из них.

* Декларация прав человека, составленная Робеспьером, статья...

Первое предложение

Неоспоримые доказательства справедливости права каждого никогда и ни в чем не нуждаться и пользоваться постоянно всеми возможностями, являющимися результатом труда и производства всего общества.

* * *

Узнать, каковы права всех людей, живущих в обществе, можно только исследуя, каковы права всех людей в природном состоянии, ибо права общественные суть лишь эманация естественных прав; естественный человек отнюдь не для того вступает в общество, чтобы ухудшить свое состояние, а для того, чтобы его улучшить. Это настолько общепризнано, что было бы скучно доказывать столь бесспорное положение.

Если человек только для того вступил в общество, чтобы улучшить свое положение, если он это сделал, полагая, что не сможет справиться один и что, если он присоединится ко многим другим, себе подобным, то между ними создастся постоянный взаимный обмен услуг, из которого каждый извлечет большее количество выгод, то следует посмотреть, соответствовал ли успех этой сделки ожиданиям, которые с ней связывались; надо посмотреть, достаточно ли хорошо соблюдались условия договора для того, чтобы каждый член ассоциации постоянно находил в ней свою выгоду; и если окажется, что определенные, наносящие ущерб очень большой части договаривающихся нарушения были обычным явлением, то надо посмотреть, кто нарушители и кто страдает от нарушений, и восстановить каждого в своих правах.

Естественное положение человека легко представить. Отбросив сотню лживых повествований, сохраняя лишь некоторые сообщения, правдивость которых легко замечается наблюдателем, умеющим видеть, что есть и чего не может быть в природе, мы видим, что естественный человек... *

ПИСЬМО ЖЕНЕ

Париж, 27 мая II года Французской республики [1793 г.]

Мое очень долгое молчание, наверное, причинило тебе, дорогая моя, беспокойство. Я, право, не знаю, как мне перед тобой извиниться. Главные причины, почему я так медлил написать тебе, заключались в том, что я затруднялся принять определенное решение, не зная, что тебе посоветовать, чтобы ты могла скорее ко мне приехать. Это затруднение не кончилось, я и сегодня не смогу еще тебе указать выхода, который бы нас обоих

* *На этом рукопись обрывается.*

устроил. Но надо же мне наконец дать знать о себе, чтобы утешить тебя, склонить тебя к терпению и начать договариваться и примеряться к тому, что нам надо делать.

Я начну с того, что скажу тебе, что последние сто су, которые ты мне прислала, мне чрезвычайно пригодились. Трудно описать тебе, в каком состоянии я был в тот день. Пора было провидению прийти мне на помощь. И оно пришло. Как раз перед тем, как я получил твое письмо, я получил также пятнадцать франков от одного плута, который был мне должен пятьдесят за сделанную мной для него работу [18]. Вместо этого он отделался от меня этой мелочью. Для меня это был жестокий удар, потому что я тешил себя надеждой послать тебе половину тех пятидесяти франков, которые я уверенно рассчитывал получить.

Я был очень далек от возможности вкусить такое наслаждение, когда оказался вынужденным принять помощь от тебя, мой друг, жертву, бесценную для меня, ибо она — плод труда и мучительных бессонных ночей достойнейшей из женщин. Со ста су и пятнадцатью франками, о которых я только что упоминал, я чувствую себя богатым, и я устроился так, чтобы прожить на них или по крайней мере не умереть до конца месяца. Этот конец месяца приходится на пятницу. В этот день я надеюсь получить свое жалованье и отослать тебе возможно большую часть его.

Ты хочешь знать, сколько мне платят. При поступлении мне дали должность с жалованьем в тысячу пятьсот ливров. По истечении восьми дней меня перевели на другую, с жалованьем в две тысячи франков. Это, стало быть, около ста шестидесяти шести ливров в месяц.

Если я захочу, я на этом не остановлюсь. Я здесь дружу с самыми выдающимися людьми Парижа, как Шометт, прокурор коммуны; Паш, мэр; Гарен, член муниципалитета и продовольственный администратор, Робеспьер, Сильвен Марешаль, редактор «Парижских революций» и многие другие. Все эти люди оказывают мне самый ласковый прием, несмотря на мой жалкий наряд. Когда я у них бываю, меня там ждет хороший обед. После этого я несколько дней питаюсь одним хлебом. Эти переходы от одной крайности к другой не производят на меня никакого впечатления. Тебе это нетрудно будет понять, ибо ты знаешь, что я привык переходить от блага к беде с величайшим безразличием.

Я уже приобретаю здесь большую известность, чем я бы хотел. Уже только меня разыскивают, когда дело касается чего-нибудь важного. Я нахожусь в такой части управления, где мое влияние позволяет мне воздействовать на всю республику больше, чем я мог воздействовать на департамент Сомма и на дистрикт Мондидье, когда я там был администратором. Весь Париж, моя бедная матушка, уже хочет знать твоего мужа и пользоваться его услугами, и та предупредительность, которой меня окружают, заставляет меня думать, что я, пожалуй, скоро буду вынужден стать и здесь некоей особой. Дай бог, чтобы по крайней мере

MUNICIPALITÉ DE PARIS.

DÉPARTEMENT DES SUBSISTANCES ET APPROVISIONNEMENS.

DIVISION DES GRAINS ET FARINES.

Paris, 27 Mai l'an 2 de la République française

Mon très long silence, ma chère, t'a sans doute causé de l'inquiétude. Je ne sai en vérité comment m'excuser avec toi. L'embarras de savoir quel parti prendre, quel conseil te donner pour te mettre en mesure de venir me joindre, ont été les principales causes pourquoi j'ai encore tant tardé à te dire quelque chose. Cet embarras n'a pas cessé, et je ne te donnerai point encore aujourd'hui d'expédient propre à nous satisfaire l'un et l'autre. Mais enfin il faut qu'au moins je te donne de mes nouvelles pour te consoler, te porter à la patience, et commencer à nous entendre et à prendre des dimensions sur ce que nous avons à faire.

Je commencerai par te dire que les derniers cent sols que tu m'as envoyés m'ont fait le plus grand bien. Il est difficile de te peindre dans quel état j'étais ce jour-là. Il était tems que la Providence vint à mon secours. Elle y est venue. Un moment avant de recevoir ta lettre, j'avais touché encore quinze francs d'un fripon qui devait m'en donner cinquante pour un ouvrage que je lui ai fait. Au lieu de cela il m'a envoyé promener avec cette bagatelle. J'en ai été cruellement affecté parce que je m'étais fait une fête de t'envoyer la moitié des cinquante francs que j'avais bien compté d'avoir. Je fus bien éloigné de pouvoir goûter cette grande satisfaction lors que je me vis obligé d'accepter ton secours, mon amie, offrande inestimable pour moi puisqu'elle est le fruit des travail et des pénibles veilles de la plus méritante des femmes. Avec ces cent sols et les quinze francs dont je viens de parler, je me vis riche, et je

Письмо жене 27 мая 1793 г. на бланке Парижской коммуны

не пришла опять толпа врагов осыпать меня огорчениями в то время, когда я буду стараться делать добро.

Моя должность не отнимает у меня полностью все мое время. Мне предлагают остаток времени работать в «Парижских революциях» у Прюдома. Я не склонен категорически отвергать это предложение.

Что тебе сказать, моя бедняжка, в данный момент я вижу лишь предвестники блестящего будущего. Но мне недостает одной большой радости, недостает тебя и детей.

Как быть? Ты хотела бы уехать только после получения всего, что нам причитается, и, главное, с С.-Орена[19]. Я бы тоже очень этого хотел. Но даже если это тебе удастся, я не уверен, что ты этим воспользуешься. Твои кредиторы сразу набросятся на это. Они все заберут, а тебе ничего не оставят.

Однако я посылаю тебе доверенность, которая тебе понадобится для этого дела. Я получу деньги в пятницу и пошлю их тебе сразу же, ты их, наверное, получишь в воскресенье. Если хочешь, в начале будущей недели попроси ускорить ответ на твое ходатайство, попроси также, чтобы моим арбитром был назначен Граве, нотариус в Равенеле. Повидай секретаря-архивариуса Делапорта и попроси его написать за тебя письмо к Граве с просьбой немедленно прибыть для того, чтобы произвести оценку работы, и постарайся довести это дело до конца. Со своей стороны я напишу и к Граве, и к Делапорту, чтобы предупредить их, что ты к ним обратишься по этим делам, и я убежден, что они охотно сделают все для нас.

Что касается других бумаг, то их можно только отослать ко мне в Париж. Я их разберу, а затем ты или я, когда будем здесь, съездим туда, или же я напишу тем, кому они принадлежат, чтобы договориться с ними относительно того, что они должны мне уплатить, чтобы я мог им вернуть эти бумаги.

Сиди спокойно до тех пор, пока я тебе не пришлю денег и не напишу. А потом мы подумаем, как доставить сюда то, что мы можем перевезти в Париж, и как тебе самой сюда добраться. До сих пор я не мог тебе предложить отослать мне сюда что-нибудь из вещей, потому что у меня не было денег, чтобы оплатить доставку.

Я снимаю комнату на седьмом этаже за десять франков в месяц. Я уговорился не платить вперед за две недели. Я получил также кредит для стирки белья и купил в кредит пару сапог. Я не могу обойтись без приобретения пары штанов и куртки: у меня совсем нет одежды, не знаю, как быть. Надо также прожить следующий месяц. Но я куплю только самые необходимые вещи и самые дешевые. Я постараюсь посылать тебе половину того, что я буду получать.

Поцелуй за меня моих детей. Прощай. Я не успел написать доверенность для тебя, я сделаю это сегодня вечером и отошлю тебе с моим ближайшим письмом в пятницу. Она тебе не понадобится раньше этого. Я не хотел задерживать отправление этого письма, чтобы не продлевать твоих тревог.

ГЕНЕРАЛЬНОМУ СОВЕТУ ПАРИЖСКОЙ КОММУНЫ

28 мая II года Французской республики [1793 г.]

Магистраты народа!

Итак, свершилось! Преступная, враждебная свободе, угнетательская, диктаторская часть уполномоченных суверена доказала сегодня, что она сильнее других. Она одержала бесспорную победу над частью, оставшейся верной делу защиты свободы, и народу не остается других средств спасения, как осуществление его права на сопротивление угнетению.

Магистраты Парижа, граждане, вы, показавшие себя столь достойными заседать на центральном посту, на наиболее важном и наиболее трудном посту республики, поднимаются великие бури, готовьтесь отразить их. Я должен предупредить вас о новом ударе, которым хотят испытать ваше мужество. Пробуждается фанатизм: одна из последних голов этой еще не побежденной гидры осмелилась вновь появиться сегодня.

Злонамеренное ханжество замарало стены афишами, обращенными «К доброму народу Парижа», носящими в заглавии следующий вопрос: «Следует ли провести крестный ход праздника тела господня в этом году? Ответ депутата Одрена одному парижскому священнику».

Ответ депутата Одрена заключается в том, что крестный ход провести следует и что если, как он предвидит, коммуна выскажется против, то надо пойти к Конвенту, который, если верить ручательству Одрена, примет формулу «перехода к очередным делам, мотивированного ссылкой на свободу отправления культов».

Стало быть, в этом году хотят опять вызвать столкновения, связанные с крестными ходами! Это еще одно оружие, которое подлинные смутьяны хотят пустить в ход. Магистраты, подавите в зародыше этот новый источник раздоров. Пусть бог из Назарета пользуется не большими привилегиями, чем другие боги. Пусть он запрется в своих храмах вместе со своими жрецами.

У нас есть другие дела. Что же, им мало того, что им было сказано в прошлом году? Достаточно им позволить опять начать, чтобы они стали стараться постепенно отыграть все позиции, потерянные ими, по их словам, и наши четырехлетние усилия, направленные к тому, чтобы избавиться от терзаний, причиняемых этой породой, оказались бы напрасными.

Христос уже больше не бог всех граждан: стало быть, он не имеет права собирать на улицах некую исключительную дань. У него еще достаточно красивых домов, пусть он держит себя смирно у себя дома и пусть там ожидает обожания своих верных. Пусть они ему устроят, если хотят, его личный праздник. Только свобода имеет право на общие праздники.

ПИСЬМО ЖЕНЕ

Париж, 2 июня II года Французской республики [1793 г.]

Я вчера получил твое письмо. Оно, вероятно, разминулось с тем, которое я тебе послал. Но я пишу тебе опять, чтобы успокоить нетерпение, которое я у тебя замечаю. Париж опять переживает революцию. Но не бойся нисколько за меня, санкюлоты продолжают одерживать верх, и мы надеемся на сей раз сделать еще один большой шаг на пути к высшей цели, к святому равенству. Однако из-за этой революции мы вчера не получили жалованья, как я, было, тебе сообщил. Мы получим его лишь послезавтра, во вторник. Я тут же тебе напишу и отошлю то, что обещал; я не хотел ждать, чтобы не причинять тебе лишней неприятности. Запасемся терпением, теперь уже скоро конец нашим бедам, по крайней мере я так надеюсь. Я тоже, как ты можешь себе представить, очень стеснен. Но я утешаю себя, потому что считаю себя близким к цели.

Напиши мне, одобряешь ли ты план, который я тебе сейчас изложу. Я хочу, чтобы ты сразу же прибыла в Париж со своими детьми. Я предвижу, что если дожидаться уплаты за работу по Сент-Орену, то тебе пришлось бы провести там еще бесконечно долгое время. В разлуке мы всегда будем несчастны, несмотря на мои сто шестьдесят шесть ливров в месяц. Что до меня, то уверяю тебя, что я не хочу больше жить здесь один. Возможно ведь, что и, прождав долго, ты не добьешься платы за эту работу в Сент-Орене, или, если добьешься, тысяча кредиторов обрушатся на тебя, и тебе ничего не достанется. Приезжай сюда, уж больно долго мы с тобой разлучены. Сейчас уже недалеко до сентября месяца, и я думаю о том, что в сентябре будет год, как мы почти совсем не были вместе. Побыв здесь некоторое время, ты скорее сможешь съездить, чтобы потребовать все, что нам следует, и, быть может, мне удастся легче, чем где-либо в другом месте, добиться оплаты работы, сделанной для Сент-Орена, через государственное казначейство.

Скажи мне, что ты думаешь о таком проекте. Если ты его одобряешь, я сейчас же напишу гражданке Демажо. Ты ей оставишь всю нашу крупную мебель в залог за квартирную плату. Мы ей будем посылать деньги по частям и получать нашу мебель. А ты пошли мне через Аданга часть твоих вещей, наиболее легко перевозимых, и привези с собой остальное. Если ты со всем этим согласна, как только ты мне ответишь, я сниму квартиру и напишу тебе, чтобы ты дала произвести оценку твоей крупной мебели и договорилась с гражданкой Демажо.

Послезавтра, безусловно, как только я получу деньги, я напишу тебе, и ты, наверное, получишь в четверг мое письмо и ассигнации.

Как я хочу увидеть вас всех, дети мои. Пока что целую вас. Вы догадываетесь, с какой нежностью и чувствительностью.

К. Бабеф

Мой миленький Камилл, стало быть, болен. Господи боже! Это, наверное, от пережитых страданий. Какая пытка для меня не иметь возможности оказать хоть малейшую помощь моим детям, чахнущим от нужды. Постарайся по крайней мере, чтоб они не умерли до получения помощи от меня. Как я радуюсь надежде вознаградить их за все беды, что они претерпели. Сохрани мне моего Камилла.

N. B. Я себя очень хорошо чувствую на своей должности, а мое жалованье, возможно, в скором времени будет повышено до двухсот пятидесяти или трехсот ливров в месяц.

ПИСЬМО ЖЕНЕ

Париж, 4 июня II года Французской республики [1793 г.]

Как видишь, я сдержал свое слово. Я хотел бы иметь возможность послать тебе больше. Но я еще пока не могу привести в порядок свои дела. Я еще не знаю, как я устроюсь, чтобы уплатить по моим расходам за прошлый месяц, по расходам за текущий месяц, и как купить некоторую необходимую одежду.

Я жду твоего ответа на мое предыдущее письмо. Для того чтобы теперешнее мое счастье было полным, мне недостает только тебя и моих детей. Какое это будет удовольствие для меня ходить с ними на прогулку при этой чудесной погоде! Но я очень боюсь, что ты еще не сможешь устроить так, чтобы сразу уехать, и что нам придется ждать до следующего месяца.

Я полагаюсь на твое благоразумие относительно выбора средств, как сделать лучше, и жду твоего ответа, чтобы узнать, что ты считаешь целесообразным сделать, и решить, как нам наилучшим образом устроиться. Если ты находишь возможным вскоре ко мне приехать и сообщить мне об этом, то ничто в мире не сможет доставить мне большего удовольствия. Если же обязательно необходимо, чтобы ты еще раз отложила свой отъезд, то все же устройся так, чтобы постепенно посылать мне через Аданга все те вещи, которые сможешь.

В следующем письме, которое я пошлю тебе послезавтра, я сообщу тебе свой адрес. Я теперь снимаю комнату в окрестностях Люксембургского сада. Я выбрал этот район, чтобы водить почаще гулять наших детей.

Как поживает Камилл? Сколько удовольствия было бы теперь в Париже Роберу. Но я очень боюсь, что ты не сможешь сразу приехать с ним и другими. Ты, вероятно, найдешь, что было бы очень трудно совершить это путешествие на те деньги, что я тебе

посылаю, и, вдобавок, продержаться до конца месяца. Подумай хорошенько и делай, как лучше. Как бы там ни было, со мной ты воспрянешь духом. Беда наша кончается, если только не придут новые превратности.

Я предельно доволен моей должностью. Она как будто создана для меня. Я там сам себе хозяин. Трех или четырех часов работы в день там достаточно. Люди, с которыми я работаю, довольны мной, и я доволен ими. Нет ничего более приятного. Пусть так продолжается, большего я не требую.

Прощай, жду твоих вестей. Новая революция хорошо завершилась. Аристократы раздавлены. Патриоты торжествуют. События развиваются благоприятно, на мой взгляд. И развязка придет так внезапно, что люди, любящие только себя, не успеют спохватиться.

Фурнье сейчас совсем не богат. Его дела еще не решены. Я продолжаю быть с ним в хороших отношениях.

ПАРИЖ, СПАСЕННЫЙ ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЙ АДМИНИСТРАЦИЕЙ[20]

Пора Парижу узнать, кого он должен винить за то, что оказался на волосок от голода. Пора пролить свет на наше поведение и показать, нас ли в этом следует винить

Письмо руководителей продовольственной администрации к министру внутренних дел 25 июля второго года Республики (См. № 48 нижеприведенного перечня)

Не только Париж, но, следовательно, и вся республика еще раз спасены. Довольные добрым делом, которое нам удалось совершить, мы не стали бы им хвастать, если бы те, кто хотел его погубить и в чей план входило очернить тех, кто был препятствием к осуществлению их заговоров, не сумели обмануть наших сограждан до такой степени, что внушили, быть может, даже большинству, будто беды, связанные со снабжением продовольствием, вызваны нашим управлением. Нет ничего столь удручающего для народных деятелей, как уйти с незавидной репутацией после того, как совершил добро. Нет ничего столь злополучного для самого народа, как быть обманутым, вплоть до того, чтобы видеть врагов в лице своих самых верных должностных лиц. Это более чем достаточные соображения в пользу того, что правда должна стать известной и что народ должен узнать, кто ему хорошо служил.

РАЗОБЛАЧЕНИЕ ПЕРЕД КОМИТЕТАМИ ОБЩЕСТВЕННОГО СПАСЕНИЯ И ЗЕМЛЕДЕЛИЯ КОНВЕНТА ЗАГОВОРА ГОЛОДА, НАПРАВЛЕННОГО ПРОТИВ ПАРИЖА

18 июля II года Французской республики [1793 г.]

Кто-то сказал, что за время с 1789 года враги свободы плели тысячи заговоров. Мы утверждаем, что всегда был только один заговор, заговор контрреволюции. Но методы, которыми действовали заговорщики, постоянно менялись в соответствии с изменениями обстоятельств, диктовавшими их вожакам необходимость иной тактики. Мы полагаем, что ныне эта тактика приняла ту форму, которую мы дальше обрисуем.

Три главные битвы составляют ее план: война на всем протяжении границ, война повсюду внутри, но прежде всего война против Парижа.

Известно, что Париж, который был первым полем битвы за свободу, будет и ее последним оплотом. Предатели знают, что если бы им удалось поработить прекраснейшую из республик на всем ее протяжении, но при этом Париж один остался бы свободным, они бы ничего не выиграли. Они знают, что, подобно римлянам, замкнувшимся в Капитолии, парижане одни сумеют доблестно подняться и, прославив себя, прославить и всю нацию. Они знают также, что в обратном случае, в случае, если бы Париж был единственным покоренным городом, вся республика была бы порабощена, потому что свобода и равенство не имеют нигде больше столь мощных столпов, которые могли бы им служить поддержкой. Да, говорят они, с этого момента все будет кончено: деспотизм восторжествует, свободные французы падут, униженные и закованные в цепи.

Но как разгромить эту грозную крепость? Какая армия сможет одолеть этот огромный город, населенный героями, героями, привыкшими в течение вот уже пяти лет обращать в бегство наемников всех тираний? Можем ли мы рассчитывать на его ослабление вследствие того, что много людей призвано служить вне этого грозного города? Нет, его земля родит новых героев. Сила этого славного города неодолима. Чтобы с нею совладать, нужно другое средство.

Какое же другое средство? Голод.

Да, совершенно очевидно, что такой план был и что он есть. Уморить Париж голодом — это самое горячее желание наших коварных врагов. Уморить Париж — это единственный вид сражения, которое они хотят дать этому городу и посредством которого они надеются победить. Известные нам обстоятельства настолько красноречивы, что мы, не теряя времени, предадим гласности, каким способом сколочен этот гнусный заговор.

Незадолго до 4 мая этого года[21] по всему пространству республики стал распространяться ужасный голод, результат крайней дороговизны, которая сама была плодом алчных происков тех, кто всегда спекулирует на общественных несчастьях. При общем одобрении народа был издан закон, карающий за столь бедственные злоупотребления. Секта спекулянтов вознегодовала и поклялась отомстить. Вскоре ей удалось привлечь на свою сторону почти все департаментские административные учреждения. Последние принялись толковать закон вкривь и вкось. В ряде постановлений они сумели извратить его. Результатом всех этих искажений была такая основная ошибка: было внушено, что каждый кантон должен стараться сохранить все те продукты питания, которыми он располагает.

Контрреволюционная злоба подхватила эту ересь и стала всеми силами распространять ее. Каждая местность обособляется. и та, которая бедна продовольствием, испытывает ухудшение и взывает о помощи к тем, у кого изобилие. Париж, ничего не производящий, но несоизмеримо много потребляющий, больше всего страдает от этого ужасного столкновения интересов. Он оказывается в состоянии блокады. Ни один мешок муки не может к нему дойти. И если бы, как мы это недавно уже сказали, этот драгоценный город не располагал запасами, более значительными, чем когда бы то ни было, то можно задать себе вопрос: *что стало бы сейчас с Парижем?*

Здесь требуется особенно сосредоточить внимание. Перед фактом всех этих нарушений закона 4 мая большинством администраций, перед фактом их общих постановлений, единственным результатом которых был *направленный против Парижа план голода*, что должны были мы делать и что мы сделали? Разоблачить это покушение *на убийство нации* перед тем из членов исполнительной власти, на которого особо возложено исполнение закона 4 мая. Тысяча разоблачений была послана нами министру внутренних дел в связи с тысячей нарушений, но зло нигде не было устранено.

Нужно ли говорить, сколь усугубляется от этого трудность нашего положения? Что же нам делать? Мы просим и добиваемся издания двух законов: 1 и 5 июля. Один — в отмену той статьи декрета 4 мая, которая запрещала покупать где-либо, кроме рынков, — *разрешает нам закупать продовольствие у частных лиц в тех департаментах, где оно имеется в изобилии*. Другой закон *запрещает ставить какие-нибудь препятствия перевозке этого продовольствия, даже под предлогом того, что учет урожая еще не закончен.*

Но какое новое огорчение нас ожидает? Мы спешим извлечь преимущества из обоих законов. На их основании мы выдаем полномочия на проведение различных закупок. Как же принимают в деревнях наших представителей? Оказывается, там сов-

сем не знают обоих законов; 18 июля они официально туда еще не дошли. Хотя каждый агент имеет при себе копии этих законов, заверенные парижским муниципалитетом, это не имеет никакого значения в глазах местных властей, которым их предъявляют. К тому же они так же не намерены соблюдать эти новые законы, как и закон 4 мая.

Обо всем этом было донесено министру внутренних дел [22]. Что он сделал, чтобы пресечь эти первые беспорядки и предотвратить новые? Об этом мы не были осведомлены, и мы не видели еще ни одного «спасительного» результата его забот.

Члены Комитета общественного спасения, вы видите, в каком положении находится город Париж. Вы видите, сделали ли мы для обеспечения его жителей продовольствием все, что мы могли, и все, что мы должны были сделать. Вы усмотрите ту причину, которая парализует созданные по нашей инициативе средства спасения, данные нам законодателями...

Граждане! что еще оставалось нам делать? Ничего другого, казалось нам, как направить вам настоящее разоблачение и в то же время сказать нашим согражданам, облекшим нас своим доверием: положение наше таково, что мы должны перед вами отчитаться, и это все, что мы можем сделать. Вот наш отчет. Мы тоже проявили бы коварство, если бы, видя вас на краю пропасти, мы не предупредили бы вас об этом.

Да, мы вам это заявляем, мы бессильны спасти вас, поскольку не располагаем сами принудительной властью, и среди всех нарушений, делающих тщетными все наши усилия, мы не получаем помощи от тех, кому доверено дело исполнения законов. Это тот случай, когда уместно сказать: Народ, спасай себя сам. Ты спасешься только тогда, когда добьешься, чтобы во главе механизма исполнительной власти не стояли люди, для которых законы как бы не существуют.

ПЕРЕЧЕНЬ

документов, представленных в комитеты общественного спасения и земледелия Национального Конвента в обоснование разоблачения о направленном против Парижа заговоре голода

№ I

18 мая. Декрет от 4 мая дурно истолкован в департаментах: администрации делают из него тот вывод, что продовольственные запасы, находящиеся в округе каждой из них, должны там сохраняться, и нельзя разрешать его вывоз за пределы этой территории. Из этого следует, что Париж, ничего не производящий, ограничен тем, что находится на его складах. Пополнение запасов внезапно прекращено. Чтобы отвести надвигающуюся большую опасность, продовольственная администрация дает объяснение закона посредством циркуляра, адресованного всем коммунам различных департаментов, участвующих в снабжении Парижа.

№ II

21 мая. Муниципалитет Понтуазы распорядился о запрещении вывоза зерна, принадлежащего Парижской коммуне, хотя оно было продано этой коммуне до декрета 4 мая. Этот муниципалитет распорядился продать зерно на рынке Понтуазы.

№ III

23 мая. Запасы муки, принадлежащие парижскому муниципалитету, закупленные на рынке 22 апреля, задержаны в Фертэ-Милон, дистрикт Шато-Тьерри, департамент Эна.

№ IV

27 мая. Директория дистрикта Понтуаза приняла постановление, запрещающее владельцам зерна и муки отправлять их прямо на крытые и открытые рынки, расположенные вне территории этого дистрикта. Продовольственная администрация разоблачает это постановление перед директорией департамента Сена и Уаза как искажающее текст закона и вводящее новое постановление, посягающее на свободу обращения, сохраняемую одной из статей декрета 4 мая.

№ IV бис.

27 мая. Продовольственная администрация доносит министру внутренних дел о случаях наложения ареста на муку муниципалитетом Лонжюмо и другими. Она просит министра использовать свой авторитет, чтобы обеспечить прибытие муки в Париж. Она посылает свой циркуляр от 18 мая министру для сведения и просит о том, чтобы он со своей стороны направил всем муниципалитетам инструкцию в истолкование закона.

№ V

28 мая. Продовольственная администрация письменно обращается к муниципалитету Фертэ-Милон, требуя возвращения муки, на которую этот муниципалитет наложил арест, как видно из № III.

№ VI

28 мая. Продовольственная администрация доводит до сведения министра внутренних дел и парижского департамента содержание донесения, направленного ею департаментской администрации Сены и Уазы, о постановлении дистрикта Понтуаза, упомянутом под № IV. Администрация особенно просит министра внутренних дел о строгом пресечении этого нарушения.

Здесь небесполезно привести следующую замечательную фразу: «Из двух документов, копии которых мы вам посылаем, вы увидите, сколь заслуживает порицания поведение администраторов Понтуазы, какой опасности оно подвергает снабжение Парижа и сколь важно подумать о способах предупреждения могущих последовать отсюда бедствий. Будет поздно думать об этом тогда, когда эти бедствия достигнут ужасающих размеров, что вполне возможно в данном случае».

№ VII

31 мая. Директория дистрикта Суассон, местности, в изобилии производящей зерно, отказывает в вывозе его за пределы своей территории, ссылаясь на мнимую нехватку, которой нельзя верить, зная царящее в этой местности действительное изобилие.

№ VIII

Первое июня. Директория департамента Сена и Уаза, ознакомившись с разоблачением постановления дистрикта Понтуазы (см. выше, № IV), запрещающего вывоз зерна и муки с территории дистрикта, отменяет это постановление. Но она его распространяет на весь департамент Сена и Уаза, постановляя, что землепашцы и собственники имеют право вывозить свои зерно и муку только на крытые и открытые рынки, расположенные на территории этого департамента, и не вправе вывозить на рынки, находящиеся вне этой территории.

№ VIII бис.

3 июня. Новые наложения ареста на зерно и муку, принадлежащие Парижской коммуне, в Крон, Мо и Лонжюмо, в нарушение статьи XXIII закона от 4 мая, сохраняющей свободу обращения.

№ IX

6 июня. Закон о максимуме нарушен в Шартре. В Орлеане даже еще не установлена такса максимума.

№ X

7 июня. Администрация департамента Эна благоприятно расположена к снабжению Парижа продовольствием. Она в этом отношении единственная.

№ X бис.

10 июня. Письмо из Сен-Пиа с предложением продать муку, не принимая во внимание ставки максимума.

№ XI

12 июня. Продовольственная администрация разоблачает перед министром внутренних дел постановление, принятое первого июня департаментской администрацией Сены и Уазы, в котором она распространяет на весь департамент постановления дистрикта Понтуаза, запрещая вывоз за пределы этого департамента зерна и муки, находящихся на его территории (см. выше, № VIII). Это разоблачение представлено под заглавием: «Хорошо задуманный план уморить Париж голодом», с подзаголовком: «Отчетливо выраженные федералистские принципы». Просьба к комитетам общественного спасения и земледелия обратить особенное внимание на этот документ, в котором министру подробно рисуют все вредные последствия, могущие последовать, если это нарушение останется без наказания. Его умоляют самым серьезным образом отнестись к этому вопросу, а представленная ему картина неизбежных последствий бездействия, которое тогда еще никому не казалось подозрительным, ныне оказывается более чем оправданной ходом событий, подтверждающих предсказания, содержавшиеся в этом разоблачении.

№ XII

14 июня. Муниципалитет Ам (дистрикт Перонн, департамент Сомма) наложил арест на зерно, принадлежащее муниципалитету Парижа, и распорядился продать его на рынке Ам.

№ XIII

15 июня. Новое подтверждение того, что пшеница продается в Шартре значительно выше таксы максимума, а мука еще несравненно выше, под предлогом, что не существует максимума для муки.

№ XIV

16 июня. Новое донесение министру внутренних дел о различных фактах, свидетельствующих об ужасном положении Парижа в отношении продовольственного снабжения. Продовольственная администрация заявляет ему, что наличие заговора голода, направленного против этого города, не вызывает больше сомнений и что, поскольку этот город со всех сторон отрезан от источников продовольствия, нельзя не рассматривать его как находящийся в состоянии блокады. Администрация энергично и серьезно просит министра обратить внимание на это положение.

№ XV

17 июня. Наложение ареста в Рамбуйе на муку, принадлежащую Парижской коммуне. Уполномоченный по закупкам продовольственной администрации пишет, что положение стало критическим и вскоре станет таким повсеместно.

№ XVI

18 июня. Новое донесение министру внутренних дел о наложении муниципалитетом Лина и муниципалитетом Креспи-ан-Валуа ареста на муку, предназначенную для снабжения Парижа и принадлежащую булочникам этого города. Администрация прилагает усилия к тому, чтобы расшевелить министра, и спрашивает его, может ли он остаться равнодушным ко всему, что относится к столь важному делу, как снабжение продовольствием главного города страны.

№ XVII

19 июня. Еще одно донесение министру внутренних дел о наложении муниципалитетом Компана ареста на пшеницу, предназначенную для снабжения Парижа, закупленную различными пекарями. Продовольственная администрация сопоставляет обстоятельства наложения этого ареста с буквой закона и доказывает таким образом, что со стороны муниципалитета Компана имело место нарушение закона, подлежащее осуждению. Администрация возобновляет свои настойчивые просьбы к министру, чтобы побудить его обеспечить уважение к закону.

№ XVIII

15 июня. Наложение ареста в муниципалитетах Лина и Лонжюмо на крупные количества пшеницы, принадлежащие Парижской коммуне.

№ XIX *

20 июня. Один из агентов Парижской коммуны по закупкам пишет из Провена, что он не сможет выполнить своих поставок ввиду крупных реквизиций, произведенных для департамента Сена и Марна, в частности для дистрикта Немур, и закупок, произведенных депутатами из Сансера, и что он не рискнет провозить пшеницу по дороге, потому что муниципалитет Провена неизбежно наложит на нее арест.

№ XXI

20 июня. Два воза с мукой, предназначенные для снабжения Парижа, задержаны в Монфор-л'Амори.

№ XXII

22 июня. Комиссары из Амьена, департамент Сомма, закупают пшеницу на рынке Пон-Сен-Максанс, дистрикт Санлис, де-

---

* *№ XX пропущен у Бабефа.*

партамент Уаза, по цене 90 ливров за мешок, не считаясь с максимумом. Следует отметить, что департамент Сомма обладает запасами зерна, превышающими его потребление.

Коммуна Руана производит закупки в том же месте, тоже не считаясь с максимумом.

№ XXII бис.

22 июня. Муниципалитет Рамбуйе признает, что он дал ряд распоряжений о наложении ареста на зерно и муку, предназначавшиеся для снабжения Парижа. Он утверждает, что эти меры получили одобрение со стороны администрации департамента Сена и Уаза, и подтверждает, что на рынках без всякого стеснения торгуют, не считаясь с максимумом.

№ XXIII

22 июня. Ужасающая картина последствий, которых следует ожидать от махинаций, практикуемых в Шартре и на различных рынках департамента Эр и Луар. Нарушение всех статей закона, особенно относительно максимума, неумеренные захваты продовольствия, производимые комиссарами от разных департаментов, в частности комиссарами от Креза, Сарта и других, угрожают самой бедственной катастрофой.

№ XXIII бис.

26 июня. Проект доклада членов продовольственной администрации муниципальному совету Парижа. Доклад рисует состояние Парижа в отношении снабжения продовольствием на 22 июня. Дается обзор всех фактов и всех документов, вкратце изложенных выше. Все там сопоставлено, взвешено, и в результате самым убедительным образом доказывается наличие заговора с целью уморить Париж голодом. Этот документ представляет величайшую важность, необходимо рекомендовать обоим комитетам его изучение и уделить самое серьезное внимание всему изложению.

№ XXIV

26 июня. Аресты на муку, предназначавшуюся для снабжения Парижа, опять наложены в Куломе комиссарами департамента Эр и Луар и дистрикта Дре.

№ XXV

28 июня. Муниципалитет Ам (дистрикт Перонн, департамент Сомма) не соглашается выпустить пшеницу, на которую им наложен арест, как видно из № XII. Он оправдывает себя тем, что он снабжает армию, и ссылается на постановление представи-

телей народа при армии Севера, нарушающее закон от 4 мая, который сохраняет свободу обращения. Но этот муниципалитет, по-видимому, находит удобным для себя отдать предпочтение постановлению перед декретом. И он отдает предпочтение постановлению.

№ XXV бис.

27 июня. Гражданин Лакруа, член муниципалитета Ам, говоря о наложенном аресте, заявляет, что, собственно, в этом кантоне нет нехватки пшеницы; что когда его снабжение будет выполнено и снабжение армии также, то еще останется.

№ XXVI

28 июня. Запасы муки, задержанные в Лонжюмо и Лине, были разграблены, потому что министр внутренних дел удовольствовался слабым письменным обращением к местным муниципалитетам о возвращении этой муки.

№ XXVII

29 июня. Представители парижских пекарей обращаются к продовольственной администрации с заявлением, в котором они выражают свою глубокую тревогу относительно последствий, могущих возникнуть в ближайшее время вследствие застоя в деле снабжения. Они разоблачают множество нарушений закона 4 мая, его полное несоблюдение в различных местностях и высказывают соображения о способах обеспечить впредь снабжение Парижа и всей республики, соображения, заслуживающие изучения.

№ XXVIII

29 июня. Комиссары департамента Сена и Уаза реквизируют пшеницу и муку, закупленные для снабжения Парижа.

№ XXIX

30 июня. Утверждают, что подсчет урожая докажет, что в департаменте Эр и Луар имеется гораздо больше пшеницы, нежели его жители смогут потребить до нового урожая. Но по-прежнему жалуются на то, что максимум не соблюдается.

№ XXX

30 июня. Заслуживающие внимание интересные детали о множестве нарушений закона, учиненных в департаменте Эр и Луар, и о злополучных последствиях, вызванных этими нарушениями.

№ XXXI

Первое июля. Директория дистрикта Мо одобряет план обособления, принятый департаментом Сена и Уаза, и постановляет предписать всем землепашцам и землевладельцам своего округа располагать своим зерном исключительно для вывоза его на рынки своего округа.

№ XXXII

Первое июля. Новое наложение ареста на муку, закупленную для Парижа, произведено в Гранвиле комиссарами департамента Сена и Уаза, которые заявили, что парижский департамент не вправе более снабжаться на территории департамента Сена и Уаза.

№ XXXIII

Первое июля. Новое доказательство принятого департаментом Сена и Уаза решения прекратить вывоз всякого вида зерна со своей территории; и опять наложение им ареста на 100 мешков, закупленных для Парижа.

№ XXXIII бис.

2 июля. Задержание в Эперноне воза с мукой, тоже принадлежащего Парижской коммуне.

№ XXXIV

3 июля. Муниципалитет Этампа, чтобы расторгнуть сделки, заключенные торговцами, снабжающими Парижскую коммуну, отказывает им в выдаче квитанций о внесении залога, каковые квитанции они должны получать в соответствии с законом 4 мая, и в выдаче их нельзя отказывать, как это вытекает из того же закона, не совершая явного нарушения.

№ XXXV

4 июля. Новое наложение ареста в Рамбуйе на муку, закупленную для Парижа.

№ XXXVI

4 июля. Гражданин Мартен, комиссар исполнительной власти в Шартре, подозревает, что агенты по закупкам для парижского муниципалитета мало активны в департаменте Эр и Луар вследствие каких-то махинаций.

№ XXXVII

5 июля. Сделка о закупке тысячи мешков муки в департаменте Сена и Уаза, заключенная до обнародования закона 4 мая, встречает тем не менее препятствия со стороны администрации

этого департамента, которая в виде милости соглашается на ее выполнение в отношении половины из 466 мешков, которые осталось доставить.

№ XXXVII а и № XXXVII б

6 июля. Максимум уже совершенно больше не соблюдается в Крепи.

№ XXXVIII

8 июля. Продовольственная администрация доносит министру внутренних дел о наложении муниципалитетом Фертэ-Милон ареста на 131 мешок муки, принадлежащей парижскому муниципалитету. Она ему доказывает, что эта мера незаконна, так как мука была закуплена 22 апреля, т. е. до издания закона 4 мая. Она умоляет министра принять строгие меры против столь преступных нарушений закона.

№ XLI *

9 июля. В Гонессе комиссарами департамента Сена и Уаза наложен арест на муку, предназначенную для снабжения Парижа.

№ XLI *

11 июля. В Мервиле (дистрикт Этамп, департамент Сена и Уаза) наложение ареста комиссаром дистрикта Этамп на муку, закупленную для снабжения Парижа.

№ XLII

11 июля. Наложение ареста муниципалитетом в Турнане на пшеницу, закупленную для снабжения Парижа, в силу поручения, данного на основании декретов от первого и пятого числа сего месяца, которыми этот муниципалитет позволил себе пренебречь.

№ XLIII

11 июля. В Мо местные власти явились к владельцу зерна, проданного парижскому муниципалитету, заставили погрузить его на возы и без всяких других формальностей доставили на рынок Мо.

№ XLIV

11 июля. Пшеница расхищается на рынке Пон-Сен-Максанса, открыто продается намного выше цены максимума; особенно отличаются торговцы из департамента Эр, взвинчивающие цены и занимающиеся скупкой.

---

* *Нарушения нумерации соответствуют оригиналу.*

№ XLV

12 июля. Продовольственная администрация доносит министру внутренних дел о невыполнении декретов от первого и пятого июля и жалуется ему на то, что эти декреты еще не посланы официально ни в Мо, ни в департамент Сена и Марна.

№ XLVI

13 июля. Продовольственная администрация требует от муниципалитета Турнана не препятствовать вывозу определенного количества мешков пшеницы, предназначенной для снабжения Парижа и закупленной в соответствии с декретами от первого и пятого июля.

№ XLVII

16 июля. Директория дистрикта Мо, попирая оба декрета от первого и пятого июля, одобряет наложение муниципалитетом Фертэ-су-Жуар ареста на 150 сетье пшеницы, закупленные для снабжения Парижа, в соответствии с обоими декретами.

№ XLVIII

13 июля. Граждане Лаше и Массонье, пекари, проживающие, первый — в предместье Сен-Мартен, секция Бонди, второй — на улице и в секции предместья Монмартр, доносят продовольственной администрации, что, когда они были в кантонах Дамартен и Мо, имея от имени парижского муниципалитета поручение закупить в соответствии с декретами от первого и пятого числа сего месяца каждый по двести сетье пшеницы, как об этом было написано в их поручениях, они не смогли вести переговоры по этому поводу ввиду того, что им повсюду и, в частности, в коммунах Кле, Монже, Сен-Мар, Нантуйе и Жюлье возражали, что там не знают этих двух декретов, которые не были официально получены в тех кантонах, к коим эти коммуны относятся.

15 июля. В этой связи продовольственная администрация послала следующее письмо министру внутренних дел. Оно слишком интересно, чтобы не быть полностью опубликованным.

«Мы не знаем, гражданин министр, придаете ли Вы какое-нибудь значение многократным заявлениям, с которыми мы обращаемся к Вам на протяжении долгих двух с половиной месяцев, т. е. со времени издания знаменитого закона о снабжении продовольствием от 4 мая. Мы не можем больше от себя скрывать, что, по-видимому, все, что к Вам приходит из наших рук, не пользуется Вашей благосклонностью, ибо из тех многих нарушений законов, о которых мы Вам сигнализировали, ни одно, по-видимому, не поразило Вас достаточно, чтобы побудить Вас соблаговолить

ответить нам, что Вы примете это во внимание. Между тем продовольственное положение Парижа с каждым днем все более и более ухудшается. Каждый день мы получаем такие сведения о состоянии умов в снабжающих нас департаментах, которые внушают опасение, что зло приближается к своей высшей точке и что, быть может, очень скоро уже будет поздно думать о том, как остановить его рост. Тщетны были наши многочисленные письменные обращения к Вам с изложением наших законных опасений, столь же тщетны были и наши частые устные беседы с Вами. Тщетны были также наши усилия представить Вам ужасающую картину семидесяти девяти тысяч мешков муки, предназначенной для снабжения Парижа, задержанных вопреки закону в департаментах; Вы не позаботились о том, чтобы обеспечить большее уважение к этому закону.

Ну что же, пора Парижу узнать, кого он должен винить за то, что оказался на волосок от голода. Пора пролить свет на наше поведение и показать, нас ли в этом следует винить. Дело дошло до такой точки, когда уже не приходится никого щадить. Надо выяснить, говорим мы, не является ли это положение, как можно подозревать, результатом существования плана сознательно организованного голода в Париже, и куда ведут нити подобного заговора. Прилагаемое при сем заявление (под предыдущим, 48-м, номером) подтверждает предположение о его реальности».

На основании этого разоблачения комитеты сделали первый доклад Конвенту, следствием которого был следующий декрет от 18 июля.

«Национальный Конвент, заслушав свои комитеты земледелия и общественного спасения, декретирует, что граждане Бомеваль и Луи Ру, представители народа, немедленно отправятся в департаменты Сена и Уаза, Эр, Эр и Луар, а граждане Мор и Дюбуше, равным образом представители народа, — в департаменты Сена и Марна и Луарэ для обсуждения с администрациями и принятия всех необходимых мер к тому, чтобы законы от 4 мая, 1 и 5 июля этого года относительно продажи и обращения зерна были полностью проведены в жизнь».

Постскриптум

Мы ожидаем, что этот декрет произведет самое лучшее действие, какого только можно пожелать. Но во всяком случае если, неуклонно выполняя свои обязанности, представители народа доказывают этим, что они достойны быть таковыми, то наши сограждане найдут, что мы такими являемся.

Мы клянемся, что останемся на своих постах, пока нынешняя буря не уляжется или не поглотит нас вместе с нашими братьями в своем опустошительном потоке. Мы недавно заявили об этом печатно. Злонамеренные люди не перестают осы-

пать клеветническими измышлениями нашу администрацию, потому что до сих пор она, пожалуй, с их точки зрения, работала чересчур хорошо. Им было бы очень приятно, если бы в это трудное время она перешла в предательские или в неопытные руки, что ускорило бы приход опустошительных бедствий, зрелище которых доставило бы им злодейское наслаждение ввиду их крайней ненависти к родине.

Ну что же, мы им причиним эту неприятность и не покинем наших постов в эти тяжелые дни. А чтобы еще больше помешать им в достижении цели их преступных козней, мы хотим освободить от заблуждений на наш счет ту часть народа, которая могла быть ими обманута посредством трех главных обвинений, выдвинутых ими против нас.

Первое обвинение

«С тех пор как Париж вынужден питаться мукой со складов, хлеб стал хуже, чем был раньше».

Дело обстоит так не у большинства пекарей. Мы подозреваем, что те, у кого хлеб плохой, берут муку с каких-то тайных складов, которые мы стараемся обнаружить. Существование этих складов и последствия использования происходящей оттуда плохой муки, которую зловредным образом примешивают к нашей, это одна из махинаций злобствующих людей, и мы ручаемся за то, что дурной хлеб, встречающийся в Париже, это не тот, что печется из чистой муки с наших складов.

Другая причина еще более способствовала внезапному ухудшению качества хлеба — это был результат состояния атмосферы в первые недели июля. Вследствие крайней жары дрожжи достигали столь сильного брожения, что превращались как бы в масло; люди, понимающие в пекарном деле, знают, какое влияние это обстоятельство неизбежно должно было оказать на качество хлеба. Когда температура воздуха стала более умеренной, все убедились, что это дурное воздействие прекратилось. Это неудобство могло бы быть устранено и во время жары путем использования более подходящих помещений для работы и при наличии знаний, позволяющих уловить момент, когда брожение достигло нужной степени. Но большинство пекарей не обладают ни теми, ни другими.

Второе обвинение

«Пекари разорены, потому что со дня установления максимума им платят по его тарифу, т. е. из расчета 7 ливров 10 су за мешок, несмотря на то, что они еще раньше приобрели большие запасы муки по ценам, значительно превышающим цены максимума».

Пекари получали в возмещение задаток 7 ливров 10 су с мешка до тех пор, пока мы не добились в их пользу постановления генерального совета, согласно которому они получают за всю муку, прибывшую к ним до 15 июня, остаток возмещения в размере не свыше 38 ливров за мешок.

Третье обвинение

«С тех пор как Париж вынужден для поддержания своего существования довольствоваться мукой со складов, пекари не могут получать ее в количестве, достаточном для покрытия обычного потребления, как это было им обещано в постановлении генерального совета от 28 июня».

К 28 июня, как мы это уже указывали, недоброжелателям удалось ввергнуть народ во всех муниципалитетах окружающих Париж департаментов в заблуждение, и они полностью прекратили вывоз продовольствия в этот великий город. Ни пекари, ни продовольственная администрация не могли больше доставить ни одного мешка зерна или муки. Ресурсы Парижа оказались ограниченными тем, что было налицо в городе, как на государственных складах, так и на частных, т. е. у пекарей.

Мы тогда сочли необходимым добиться принятия генеральным советом постановления от того же 28 июня, коим предписано было еженедельно производить проверку во всех пекарнях в целях установления имеющейся у них муки, дабы затем дополнять ее при помощи складов коммуны.

Однако многие пекари решили, что после этого постановления им больше не нужно нисколько беспокоиться о том, чтобы запасаться извне, что муниципалитет намерен взять на себя всю торговлю продовольственными продуктами в этом городе и что отныне каждый пекарь ежедневно будет находить на рынке то, что ему нужно для удовлетворения своих потребителей. Все это было заблуждением.

Конечно, если бы Париж продолжал оставаться лишенным всех способов снабжения, то пришлось бы по исчерпании небольших остававшихся частных запасов брать полностью все необходимое для потребления в казенных складах коммуны до тех пор, пока и они не опустели бы. Но члены продовольственной администрации должны были предупредить такую крайность, и они это сделали.

Они добились принятия двух декретов — от 1-го и 5-го сего месяца. Первый из них, в отмену статьи закона от 4 мая, запрещавшей покупать где-либо, кроме как на рынках, разрешил им покупать у частных лиц в департаментах, где продовольствие имеется в изобилии.

Второй декрет запрещает создавать какие-либо препятствия перевозке этого продовольствия под тем предлогом, что учет урожая якобы еще не закончен.

После издания этих двух декретов мы приняли решение передать те права, которые он нам предоставляет, гражданам пекарям. Всем тем из них, кто этого хочет, мы дали полномочия на закупку от нашего имени повсюду, где, по их сведениям, имеется изобилие. И мы могли рассчитывать, что оно вскоре придет и к нам в результате этих мероприятий.

На этом же основании мы могли полагать, что нам удастся отсрочить полное исчерпание запасов на складах, ужасное бедствие, тяжесть которого в настоящий момент очень много обстоятельств дают возможность заранее измерить. Мы, стало быть, полагали, что при помощи еще остающихся у некоторых пекарей собственных запасов и благодаря облегчениям, предоставленным нами им для закупок вовне, как мы это выше объяснили, достаточно было, в ожидании того, что каждый пекарь сможет почти полностью сам запастись, давать на рынке два мешка тому, кто потребляет четыре, три мешка — тому, кто потребляет шесть, и так далее, с учетом того, что могут еще быть дополнительно отдельные частные требования.

Нам представляется, что этих подробностей достаточно для оправдания действий нашей администрации и в этом отношении. Мы просим наших сограждан обратить внимание на то, что, по-видимому, эти принятые нами меры оказались достаточными, поскольку с тех пор, как они были приняты, и по сей день Париж не оставался без хлеба.

Руководители продовольственной администрации
Парижской коммуны

подписи: Гарен и Дефаван

ПРОЕКТ ПИСЬМА ГАРЕНА ОБЩИМ СОБРАНИЯМ ПАРИЖСКИХ СЕКЦИЙ

Гарен, член муниципалитета и бывший руководитель продовольственной администрации, всем гражданам Парижа на общих собраниях их секций

Сентябрь II года Французской республики,
единой и неделимой [1793 г.]

Граждане Парижа!

При виде вашей близкой гибели я цепенею от страха и ужаса! Если эти страшные слова обладают силой разбудить вас, то, может быть, есть еще время проснуться. Может быть, я говорю только «может быть», вы еще можете избежать крайнего несчастья.

Марсель! Лион! увы!! погибшие города! несчастные города! В результате жестоких контрреволюционных происков на вас огнем и мечом обрушили смерть. Такие же происки приведут и Париж к гибели от мук голода, от гражданской войны с француз-

скими гражданами, вашими ближайшими соседями, которых во что бы то ни стало хотят вооружить против вас, и вас против них.

Но я осужден страдать от непонимания. Мои сограждане, столь долго травимые и постоянно вводимые в заблуждение большинством тех, кто ими руководит, опасаются всего и не слушают уже ничего. Они видели, как самое коварное выступление подавалось под отлично подделанной маркой патриотизма. Антипатриот использует эти предательства и напоминает им о них, чтобы возбудить в них недоверие ко всему, что может быть действительно благотворно для дела свободы. Республиканец, санкюлот уже ничего не понимает; он все презирает и пребывает в апатии. Моя страна, о горе! ты погибла, если ты не узнаешь в моем голосе голос правды, голос человека, занимающего лучшее место для того, чтобы точно судить о серьезности твоих ран, и для того, чтобы указать тебе средства исцеления.

Но нет! Меня не будут слушать. В течение двух месяцев я не перестаю извещать народ, распространять афиши, выступать печатно, разоблачать предателей и предательство. Но меня не слушали. Все мои предупреждения расценивались как проявления ожесточения и панические страхи. Меня позорили, на меня клеветали. Мои предсказания относительно угрожающих нам крайних опасностей подтвердились. Народ уже на пути к пропасти, народ уже испытывает первые муки истощения, и народ спокоен, и народ продолжает обманываться насчет тех, кто убивает его, и народ награждает их венками, и народ показывает, что он все еще отнюдь не излечился от пагубного идолопоклонства! Неужто, идолы, вы не разделите судьбы ваших предшественников! Неужели ваш самозванный культ продлится так долго, что у вас хватит времени достигнуть ваших зловредных целей!

Граждане, все, что я сказал, все, что я скажу, не есть простое разглагольствование. Все это важно, все связано с делом защиты ваших самых заветных интересов. Один из главных методов ваших врагов состоит в том, чтобы унизить тех, кого они больше всего боятся, тех, кого они считают наиболее способными воспрепятствовать их заговорам. Пример Марата — убедительное доказательство. Выступления человека, которого травят, обвиняют, не привлекают к себе непосредственно внимания. Вот почему высокопоставленные предатели, трудившиеся над организацией государственного разорения, увидев, что я их разгадал, что я отодвигаю подготовляемую ими катастрофу, что я стремлюсь даже полностью отвести ее от страны, а с них сорвать маску, поспешили выступить с клеветой на меня, стали вводить общественное мнение в заблуждение насчет меня, забрасывать меня гнуснейшими обвинениями.

В конце концов они добились того, что от меня потребовали представления «отчета», и при этом всячески настраивали против меня тех, кто должен был принять от меня этот отчет. А затем они от него отказались, от этого отчета, когда увидели, что

он принесет мне славу, а им позор, что, когда я его представлю, он раскроет их злодеяния, просветит массы граждан и спасет родину.

А я, граждане, именно руководствуясь этим последним соображением, желанием спасти родину, непременно хочу его представить, этот отчет, и настоятельно прошу вас требовать этого, в этом и заключается цель моего письма. И больше всего меня тревожит, что вы можете не потребовать этого отчета. Но я вам покажу, что вы обязаны потребовать его, что вы вправе это сделать, что вы погубите родину, отказавшись это сделать, и что не верно, как вас коварно уверяли, будто закон не разрешает вам принять этот отчет.

Благоволите следовать за моим изложением со всем тем вниманием, какого может требовать человек, выступающий для того, чтобы говорить о предмете, от которого может зависеть гибель или спасение государства.

Паш писал мне... извещая меня *

ПИСЬМО ЧЛЕНОВ ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЙ АДМИНИСТРАЦИИ МИНИСТРУ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ ПАРЕ

Муниципалитет Парижа

Отдел продовольствия и снабжения — Секция зерна и муки

Париж, 27 сентября II года Французской республики, единой и неделимой [1793 г.]

Члены продовольственной администрации
Парижской коммуны
Паре, министру внутренних дел

Гражданин, получив твое сообщение о двух постановлениях администрации департамента Эна от 17-го и 22-го сего месяца, принятых в связи с адресованным тобой этому департаменту требованием о выдаче парижскому муниципалитету 3500 мешков муки в неделю, мы написали этой администрации письмо, копию которого тебе препровождаем. Оно позволит тебе знать намерения администраторов и чем они воодушевлены. Прилагаемая выдержка из письма относительно директории дистрикта Лан позволит тебе также оценить по достоинству и эту администрацию. Помощник прокурора Реаль[23], совершивший объезд этого департамента, писал нам 12-го сего месяца, что народ в городе Лане хороший, но департамент (исключая генерального прокурора-синдика) — отвратительный. Мы сможем его оценить по справедливости в связи с настоятельными просьбами, обращаемыми к нему

* *На этом рукопись обрывается.*

нами в прилагаемом к сему письме, послужить делу государства, служа Парижу. Его ответ позволит нам судить о нем окончательно. Доводя до твоего сведения наше обращение к нему, мы намерены дать тебе возможность действовать по отношению к нему согласованно с нами.

Из заключительной части посылаемого ему нами письма ты увидишь, что мы не приняли никакого решения относительно его предложения, переданного нам тобой... сего месяца, касательно отправления тысячи человек кавалерии для обеспечения всемерного выполнения реквизиций.

ПИСЬМО ГАРЕНУ

5-й день, 3-я декада, 1-й месяц
[16 октября 1793 г.]

Гражданин!

В течение около шести месяцев я был привязан к Вам и к Вашему делу так, как это очень редко бывает. Я готов был принести ему в жертву мои интересы, мое спокойствие, здоровье, все самое дорогое, вплоть до моей жизни, если б это понадобилось. За истекшие шесть дней эта моя преданность угасла самым окончательным образом, и моя искренность, от которой я никогда не отступаю, побуждает меня сказать Вам об этом. Воспоминание о привязанности, которую я к Вам питал, о моральных и политических узах, долженствовавших, как я полагал, соединить нас навсегда, сохраняет во мне по отношению к Вам лишь ту долю интереса, какой достаточно, чтобы взять на себя труд объяснения, дабы доказать, что я отнюдь не заблуждаюсь и что моя привязанность и мое охлаждение были, каждое в свое время, обоснованны и разумны.

Когда я видел, с какой гордостью Вы говорили о своей борьбе с деспотизмом, проводимой еще до революции, своей энергии, проявленной в борьбе с королевской властью в июле 89 года, своей активной роли в проведении мер, подготовивших еще до 10 августа 92 года молниеносный удар народа, разбивший королевский трон; когда я слышал Ваши рассказы о том, как Вы рисковали своей жизнью во время страшного и славного дела бессмертного дня 10 августа; когда я видел, как Вы, действительно, показали силу характера в борьбе с коварным убийцей-министром [24], как Вы вместе со мной преследовали его и заставили, вопреки его многочисленным и влиятельным защитникам, покинуть свой пост до того, как он мог причинить все то зло, которое он задумал против родины; когда, говорю я, я все это видел, я был убежден в том, что и в положении, открывавшем перед Вами самые великие, самые блестящие возможности, когда дело шло о том, чтобы открыть глаза народу, спасти республику и помочь Вам перейти от своего рода бесславия на вершину славы, Вы ока-

жетесь способным сохранить ту энергию и большую силу характера, которые требовались при этих обстоятельствах.

Я не думал, что имею дело с человеком, столь слабым, чтобы бросить того, кто был достаточно великодушным, чтобы предложить драться за Вас и бок о бок с Вами до последнего дыхания; я не думал оказаться перед человеком, способным оставить меня после всех моих жертв на произвол крайних бедствий и, быть может, обречь гнусной мести врагов народа.

С тем мнением о Вас, которое было у меня первоначально, я пошел бы на все, я бы презрел все страдания, все лишения, все опасности, я был бы всегда рядом с Вами, я бы следовал за Вами повсюду не только ради Вас, но и потому, что, только находясь около Вас, полагал я, можно было спасти республику.

Но с тем мнением о Вас, которое Вы позднее вынудили меня усвоить, я покидаю опасное место, я ухожу с поля битвы, где, выступая один против всех, я лишен возможности победить. Быть может, республика от этого умрет, но это будет не по моей вине, и если мне придется видеть ее агонию, я, может быть, успею раньше заколоться.

Воспроизведем вкратце некоторые факты. Задуман, решен некий заговор порабощения Парижа посредством голода. Заговорщики лелеют надежду, что если заговор увенчается успехом, то и вся республика будет свергнута. Они усиленно работают над осуществлением этого злодейского плана. Один подлый министр оказывается главной пружиной этой отвратительной махинации.

Вы обнаруживаете все движущие силы этого покушения на убиение нации, Вы мужественно разоблачаете их перед народом. Министр-предатель чувствует, что он потерпел поражение, он покидает поле битвы, спасается бегством. И вот первая победа. Она влечет за собой почетные для Вас преследования. Вы отвечаете на них, проявляя мужество и сохраняя Вашу энергию. До сих пор все идет хорошо.

Вы должны представить обширный политический отчет о Вашей административной работе, Вы должны включить туда очень ясное и убедительное изложение сложной ткани самого коварного заговора, какой когда-либо плели против народа. Это приводит Вас по длинной цепи связанных между собой предательств до доказательства наличия законченного плана развязывания гражданской войны в департаментах, расположенных от Парижа до северной границы, с целью, которую и слепой заметил бы, превратить эти департаменты в новую Вандею. Такие раздоры должны были открыть иностранным ордам беспрепятственный проход вплоть до Парижа. Последний, будучи лишен продовольствия, стал бы тогда легкой добычей.

Поднятый Вами шум по поводу этого факта тем более привлек внимание, что в Вашу пользу говорят самые очевидные доказательства: набат, в который бьют при появлении революционной армии и комиссаров по снабжению Парижа продовольствием

в селах окрестностей Лана, Суассона, Бове, стычки между народом и этой армией в департаментах Эна, Уаза и Сомма... Слава, самый великолепный триумф ожидают Вас в Париже, когда Вы раскроете перед народом, более склонным, чем это думают, видеть правду, те полные ужасов тайны, которые Вы ему обещали раскрыть.

И что же, Вы отрекаетесь от этой славы, от славы спасения своей страны в момент, когда надлежит проявить мужество, необходимое для совершения столь великого дела. Гарен, все отлично сделавший для того, чтобы прийти к столь важной развязке; Гарен, держащий в руках все доказательства наличия самого адского заговора; Гарен, единственный человек, могущий сорвать самый отвратительный из заговоров, смиряется как раз в тот момент, когда надо показать себя величайшим из людей, ценнейшим среди своих сограждан. Он говорит, что смело нападал в открытую на королей, и он трепещет перед муниципальной властью! Разве перед лицом опасностей республиканцы должны заниматься расчетами, когда стоит вопрос о гибели или спасении родины!

Да нет, Ваше поведение в отношении человека, имевшего мужество самым активным образом бороться бок о бок с Вами, уже не позволяет мне думать, что Вы способны проявить себя таким, каким надлежало бы быть в столь важном положении, как Ваше. Вы ему вменили в преступление его великодушное решение уйти с должности, составлявшей все его ресурсы и на которой он не мог больше оставаться после того, как он принял столь активное участие в нападении на предательскую коалицию, безошибочно ведущую родину к гибели. Вам угодно было исказить благородные мотивы его действий, изображая причиной его рвения честолюбие и стремление выставить себя в выгодном свете. Он не должен был действовать самостоятельно, он должен был, отдавая в печать свой доклад, исправить его в соответствии с докладом комиссаров секций или с докладом администраторов; он должен был бы устранить оттуда те или иные фразы, как будто можно вносить изменения в доклад, который постановлено напечатать; как будто в декларации обо всем, что я знал о причинах, вызвавших нехватку, декларации, которую потребовало от меня законное собрание, представляющее весь народ Парижа, я мог говорить иначе, как от своего имени или от имени самого собрания.

О, если причиной Ваших поступков было желание, впрочем, справедливое, играть особо большую роль в политическом отчете, то Вы недостаточно взвесили начало и конец, прочитанные мною Вам в рукописи. Они должны были бы дать Вам полное личное удовлетворение. Вы играете большую роль также и в моем докладе. Ибо из чего он состоит? Из всяких исходящих от Вас документов, которые, как я полагаю, делают величайшую честь Вашей работе в качестве администратора.

Увы! в том расположении духа, которое я у Вас наблюдаю, что пользы Вам от них? Как выйдете Вы из положения, в котором находитесь? Еще раз буду с Вами откровенен. Я не могу себе объяснить того состояния беспечности, в котором я Вас вижу. Занятый чтением приятных книг, приличными обедами и обществом Вашей жены, Вы как будто забываете обо всем и даже о сыщиках, постоянно шныряющих около Вас. Вы не занимаетесь ни Вашим финансовым отчетом, ни Вашим политическим отчетом. Если Вас все это устраивает, тем лучше. Я заканчиваю сообщением о том, что, поскольку я должен есть сам и кормить других, я вернулся на свою должность. Я вижу, как там все время продолжаются предательства, и ничего не могу поделать. Я был бы безутешен, если бы не надежда на то, что бог, который всегда заботился о судьбе нашей свободы, сделает новое чудо, чтобы помочь нам одолеть этот страшный камень преткновения.

ПИСЬМО РЕССОНУ[25]

Париж, вторник 2-й декады
брюмера II года [5 ноября 1793 г.]

Рекомендации угнетаемому человеку — а я называю угнетением всякие страдания, причиняемые кому-либо без оснований,— относительно которого нет определенного мнения до тех пор, пока он не докажет, что его служебное поведение было безупречным, такой рекомендации вместе с простым письмом от меня оказалось достаточно, чтобы ты оказал мне доверие и предоставил мне должность.

Я хочу полностью оправдать это доверие, и с этой целью, мой друг-республиканец, я посылаю тебе свидетельство о цивизме *.

Ты увидишь, что оно восходит несколько далеко, к 1789 году, ко времени, когда еще не была провозглашена наша первая Декларация прав человека.

«Постоянный кадастр» был моим первым опытом в литературе, в политике, в патриотизме. Я возложил его на алтарь свободы, когда ее святое и священное имя еще почти не решались открыто произносить.

Теория налога, принципы, при соблюдении которых он является законным, метод законного и справедливого распределения его, безусловная необходимость кадастра для достижения такого результата, механизм создания этого кадастра, способы превращения его в постоянный — таковы были главные предметы, которые я поставил себе задачей разработать в этом сочинении.

Но этот важный вопрос о налогах привлек меня к разработке также и важнейших вопросов той великой революции, которую мы

---

* *Т. е. свидетельство о преданности республике.*

тогда подготовляли и конечную цель которой не всем дано было провидеть. Если ты прочтешь мой том, ты увидишь, что я был, пожалуй, единственным в то время человеком, осмелившимся предсказать и предложить сокращение огромных богатств, обеспечение достойного и устойчивого существования всем санкюлотам на основе труда; равное и бесплатное образование для всех; бесплатное правосудие; изъятие государством земель святой церкви; упразднение десятин, упразднение монашества и, наконец, упразднение культа; упразднение права первородства, а также и дворянства и всего феодального строя; в заключение — свободу, равенство и различие единственно только добродетелей и талантов.

Знаешь ли ты, брат, во что обошлась эта смелость мне, прибывшему из глубин того, что тогда называлось Пикардией, в Париж для распространения этих дерзких предложений? Налоговый комитет Учредительного собрания, возглавлявшийся тем Ларошфуко, который впоследствии столь достойно возглавлял парижский департамент, распорядился в это время свободы прекратить продажу моей книги по причине содержащихся в ней «опасных» взглядов. Вернувшись в мой департамент, я опубликовал там сжатое изложение этой опасной доктрины, и мои аристократические земляки совместно с кликой из Учредительного собрания взялись за меня и провели постановление о моем аресте. Меня привезли в Консьержери в Париж, и Марат был моим защитником: благодаря ему и его энергии, а также и моей, мои оковы были почетным образом разбиты через два месяца.

Я опять вернулся в свой департамент. Я работал там как республиканец-журналист, а это было за два года до свержения монархии. Одно мое сочинение, направленное против сохранившихся феодальных повинностей, вызвало восстание в департаментах Сомма, Уаза и Эна и фактическое упразднение этих повинностей, ускорило их упразднение по закону, а для меня повлекло возбуждение нового уголовного обвинения. Поддержка народа оказалась сильнее потуг аристократов, и в то самое время, когда последние трудились над тем, чтобы юридически погубить меня, народ выбрал меня администратором департамента Сомма. Но все мои коллеги были под влиянием роландизма. Между ними и мною завязалась борьба. В феврале этого года я прибыл в Париж, чтобы добиться ее прекращения. Но господствующая партия имела тогда еще слишком большое влияние, чтобы можно было добиться справедливого решения. Поскольку мне была предложена должность секретаря продовольственной администрации, я остался в Париже, чтобы выполнять ее, и я выполнял ее до конца администрации Гарена.

Ты уже, вероятно, догадываешься, гражданин, о соображениях, побуждающих меня рассказать тебе мою историю, и я сейчас изложу их еще яснее. Ты мог бы подумать, что я — профессиональный и потомственный бюрократ, и подыскать мне соответству-

ющую работу. Я — бюрократ в точном смысле этого слова лишь с тех пор, как обновление состава продовольственной администрации коммуны и желание пристроить свои креатуры, ради чего некоторые люди готовы все принести в жертву, привели к тому, что у меня отняли мою должность секретаря и перевели в категорию простых служащих, где я чувствую себя не совсем хорошо и где я остался лишь потому, что у меня нет других средств к поддержанию существования моей семьи, кроме моего труда. Если я говорю, что не совсем хорошо себя чувствую на теперешней должности, то это, однако, не по денежным причинам, а потому, что по своим привычкам, наклонностям и по роду моих прежних занятий я к ней не подхожу. Из того, что я тебе сегодня рассказал, ты можешь видеть, ты мог видеть уже из первого моего письма, ты еще лучше увидишь из составленного мной и находящегося в печати исторического и политического отчета об управлении Гарена, на что я способен и где я мог бы быть наиболее полезным. Если верно, что тот, кто блистает во втором ранге, часто, попав в первый, тускнеет, то иногда верно и обратное. Однако я не требую первого ранга, но я прошу тебя, кого я осмеливаюсь называть своим другом, дать мне по крайней мере такой ранг, где я мог бы драться тем оружием, которым я умею управлять. Комиссия продовольственного снабжения должна знать силу всех тех, кто в ней служит. В этом смысле я надеюсь, что она отнюдь не найдет неуместным мое пространное письмо!

ПИСЬМО ЖЕНЕ

[14 ноября 1793 г.]

Я арестован и помещен в тюремную камеру при мэрии [26]. Это аристократические администраторы Мондидье снова затеяли против меня свои преступные козни. Меня отправят в Мондидье. Успокойтесь, дети мои, мне нетрудно будет дать отпор моим противникам. Принеси мне мой плащ, мое свидетельство о цивизме, вот и все. Я надеюсь на дружбу гражданина Гарена.

Бабеф

Мое свидетельство о цивизме — в плаще.

ПИСЬМО ЖЕНЕ

24 брюмера II года Французской республики, единой и неделимой [14 ноября 1793 г.] [27]

Мой дорогой друг, пришли мне, пожалуйста, матрац и простыни, чтобы я мог спать не так жестко, как это здесь заведено. Тебе придется пойти в продовольственную администрацию, во Дворец юстиции; найди там гражданина Шапюи и попроси его не забыть включить меня в ведомость на получение жалованья за

первые 22 дня брюмера. Если для получения денег нужна моя расписка, я тебе пришлю ее.

Напиши мне, что у тебя слышно, незапечатанным письмом, как это здесь практикуется, если только ты не получишь разрешения на свидание со мной.

Администраторы полиции столь хорошие республиканцы, что они сделают все, чтобы спасти пылких апостолов революции от зубов аристократов. Я подробно описал им то, что теперь уже подтверждено историей, а именно, что департамент Сомма постоянно был и пребывает в состоянии явной контрреволюции и что план могущественной и разветвленной лиги заговорщиков этого края предусматривал погубить небольшое число имевшихся там пылких патриотов; что многократные преследования, которым я подвергся, являются доказательством этого; что выдать меня моим старым врагам и скрытым мятежникам значило бы истребить меня теми же руками, которые совершили юридические убийства патриотов в Лионе, Марселе, Тулоне; что я прошу дать мне возможность написать Дюмону из департамента Сомма для того, чтобы мое дело слушалось в Комитете общественной безопасности Конвента. Я надеюсь, что гражданские чувства граждан-администраторов полиции побудят их не отказать мне в облегчении этого пути моей защиты, которая послужит также делу раскрытия многих еще не известных пока изменников.

Гракх Бабеф

ПИСЬМО ПАШУ

Арестная камера при мэрии, 24 брюмера
[14 ноября 1793 г.]

Гракх Бабеф Пашу, мэру Парижа

Ты знал меня по работе в продовольственной администрации, гражданин мэр, ты видел мое патриотическое рвение в этой области. Я успел проработать затем два дня в комиссии по продовольственному снабжению республики, где я опять был занят обеспечением снабжения Парижа, потому что я был назначен в то отделение, которое этим ведает. Между тем я брошен сюда по приказу полиции; сейчас расскажу, почему.

С сентября 1792 года я последовательно занимал должности администратора департамента Сомма и дистрикта Мондидье. На том и другом посту мне пришлось вести борьбу с аристократическим и, можно сказать, контрреволюционным духом моих коллег. Доказательством того, что я здесь говорю, является тот факт, что генеральный прокурор-синдик этого департамента и три администратора, а равно и прокурор-синдик дистрикта Мондидье недавно смещены и арестованы депутатом Дюмоном, представителем народа.

В минувшем ноябре месяце эти контрреволюционеры господствовали. Мой ярко выраженный санкюлотизм их возмущал. Они искали только предлога, чтобы погубить меня. Такой предлог нашелся. Они обвинили меня в том, что я будто бы дал себя подкупить частному лицу, в сговоре с председателем [директории] дистрикта и членом суда с целью заменить одно имя в акте о продаже с торгов национального имущества.

Махинация была так ловко задумана, что я понял, что подвергнусь большому риску, если не избегну этого преследования. Мои мнимые совратители были арестованы, но их отпустили, как только увидели, что меня им не удалось взять. Я полагал, что этой уступкой они признали, что не было совратителей; стало быть, не было и совращенного. Я полагал себя навсегда в безопасности, будучи вдали от моих преследователей.

Недавно они разузнали, что я здесь; и они возобновили эту гнусную склоку. Не знаю, какими ужасными интригами могут они вновь начать это дело, которое я считал прекращенным. Смею ли я, гражданин мэр, во имя твоего патриотизма, просить тебя ознакомиться в полиции с этим делом и остановить происки разбойников? Если меня отправят на суд в департамент Сомма, это будет то же, как если бы всех наших лучших патриотов отправили в Тулон. Спасите доброго санкюлота, отца семейства, человека, всегда вызывавшего к себе ненависть контрреволюционеров *.

Вот нити этого заговора, которые все соприкасаются одна с другой. Постановления в защиту короля. Суд департамента был вызван к решетке [Конвента]. Контрреволюционный департамент. Депутаты голосуют за тирана и протестуют против событий 31 мая. Это Вандея, готовая восстать в любой момент. Не существует никого, кроме тебя и меня. Скрытое предательство. В их план входит погубить нас, если только это возможно.

ПИСЬМО МЕНЕСЬЕ

Арестная камера при мэрии, 25 брюмера II года Французской республики, единой и неделимой [15 ноября 1793 г.]

Гракх Бабеф к Менесье, администратору полиции Парижской коммуны [28].

Мне сказали, гражданин, что мое дело передано тебе и что я могу написать тебе о нем. Если ты любишь республику, ты не дашь погубить человека, осмеливающегося выступить в качестве одного из ее наиболее горячих апостолов, которого по этой причине контрреволюционеры давно уже хотят извести.

---

* *Следующие несколько строк написаны на том же листе, что и письмо.*

Имей терпение прочесть некоторые подробности, и ты убедишься в том, что, помогая мне, ты поможешь родине и что в твоей власти сделать это.

Андре Дюмон, представитель народа, сказал в Конвенте, что без тех революционных мер, которые он принял, департамент Сомма стал бы второй Вандеей.

Если бы этот депутат был допрошен в качестве свидетеля, он сказал бы тебе, что начиная с 1789 года я проявил себя как Марат этого департамента. Поэтому начиная с 1789 года аристократия возбудила против меня три уголовных процесса, из которых я выходил оправданным. Настоящий процесс является четвертым.

Он лишь продолжение предыдущих процессов. Для того чтобы ты мог оценить его гнусность, надлежит дать тебе краткое изложение моей революционной истории.

В 1789 году я написал и опубликовал патриотическое сочинение, озаглавленное «Постоянный кадастр». Этому сочинению я обязан тем, что недавно я получил должность в управлении кадастром республики.

Затем я опубликовал брошюру, направленную против косвенных и других стеснительных налогов. Это сочинение возбудило весь народ департамента Сомма, оно предвосхитило упразднение этих ненавистных налогов. Но аристократия со своей стороны добилась принятия постановления о моем аресте, на основании которого я был доставлен в Париж и судим податным судом, тогда еще существовавшим. Марат, да, друг народа Марат, выступил моим защитником в ряде номеров своей газеты. Его огненное перо помогло мне выйти чистым из этого первого испытания.

Я вернулся в департамент Сомма. Я издавал там патриотическую газету, поднимавшую дух общества. Посредством других сочинений я вел ожесточенную борьбу с феодальным строем. Дворянская каста видела во мне удачливого зачинщика ее упразднения. В связи с этим была предпринята в судах новая попытка, направленная против меня.

Когда я вышел опять победителем из этой борьбы, мое неукротимое мужество побудило меня печатно выступить за раздел общинных угодий. Результатом был третий судебный процесс, где я опять нанес поражение тем, кто меня преследовал.

В сентябре 1792 года санкюлоты выбрали меня администратором департамента Сомма. Мне пришлось вести борьбу с генеральным прокурором-синдиком и несколькими моими коллегами, которые были решительными контрреволюционерами и которых впоследствии республиканец Дюмон сместил и арестовал. Я был не на месте рядом с ними, ибо я там был почти единственным патриотом. Раскрытие мною заговора, имевшего целью открыть доступ во Францию через Перонн после ожидавшегося взятия

осажденного тогда Лилля, вызвало у многих тревогу и создало мне новых опасных врагов.

В ноябре я покинул центр департамента и переехал в Мондидье в качестве администратора дистрикта. Здесь прокурор-синдик, которого Дюмон недавно тоже распорядился арестовать, был явным аристократом и одним из моих жесточайших врагов. Он и несколько администраторов открыто помогали дворянам-эмигрантам: я объявил им беспощадную войну. Я особенно старался разузнать все об имуществах, которые эти самые эмигранты оставили нации. Более чем когда-либо я этим восстановил против себя всю лигу богачей и врагов родины.

Вот это и привело их к решению погубить меня любой ценой. Они не нашли лучшего средства, как оспорить мою честность. Они придумали нелепейшее обвинение якобы во взяточничестве. Зная, каково ожесточение их друзей, членов суда в Мондидье, я поехал в Париж с тем, чтобы меня судили центральные власти. Тем временем были арестованы мои мнимые совратители. Но их освободили, как только увидели, что меня не удалось захватить. Я полагал, что раз никто не подкупал, никто и не был подкуплен. Спокойный на этот счет, я постарался найти место в Париже.

Я был у Шометта. Я чистосердечно рассказал ему всю мою политическую историю. Он отнесся ко мне сочувственно и распорядился о назначении меня в продовольственную администрацию.

Я заведовал там перепиской по закупкам, которые проводились в департаменте Сомма. Вследствие своего неисправимого аристократизма этот департамент очень неохотно участвовал в снабжении продовольствием Парижа. Я непосредственно осуществлял те строгие меры, которые были проведены с целью заставить этот департамент лучше участвовать в этом деле. Об этом моем влиянии там стало известно. Это разбудило дух мести, и аристократия, от которой еще не полностью освободились, опять направила против меня свои стрелы.

Таково, гражданин, положение, в котором я сейчас нахожусь. Я уже писал, что если меня послать на суд в департамент Сомма, откуда антипатриотизм отнюдь не изгнан, то это будет то же самое, как если передать меня тем судам, которые погубили Шалье[29], Бове и других. Спаси пылкого патриота, который никогда не уклонялся с правильного пути. В заключение я прошу отсрочить мое отправление в Мондидье и не сообщать туда о моем аресте; я прошу разрешения передать мой мемуар единственному представителю монтаньяру из всех депутатов департамента Сомма, республиканцу Дюмону, чтобы показать ему, что мое дело, связанное с крупными аристократическими кознями департамента Сомма, заслуживает быть рассмотренным Комитетом общественной безопасности Конвента, и чтобы попросить его добиться того, чтобы меня там выслушали.

ПИСЬМО [ДОБУ] [30]

26 брюмера [16 ноября 1793 г.]

Вот, мой брат, четыре копии. Постарайся привести их в порядок сегодня же, как и четыре другие из продовольственной администрации. Таким образом, завтра я смогу отправиться в комиссию. Моя жена посвятит тебя во все подробности. Я нашел различные документы для моего большого мемуара, который мы назовем «История заговоров и заговорщиков департамента Сомма»; все, что ты мне вчера прислал, найдет там место и будет очень ценно. Вот одно из произведений, благодаря которому я вырвал многих у этого аристократического трибунала Мондидье. Прочитай его, я уверен, что ты не станешь из-за этого сердиться.

Г. Бабеф

У меня еще не было времени поискать Марата. Я пришлю его тебе почитать вместе с другими произведениями в моем вкусе, которые я тебе подберу.

Верни мне этот экземпляр Давенекурского дела; это — единственный, сохранившийся у меня.

ПИСЬМО ЖЕНЕ

2 фримера [22 ноября 1793 г.]

Я подписался сегодня под платежной ведомостью, ты можешь пойти получить мое жалованье. Я еще без денег. Здесь есть товарищество, с которым я живу, но это для меня слишком дорого, и я вынужден от него отделиться, так как надо же жить и тебе с детьми. Если бы ты могла раздобыть для меня складную кровать, я бы сэкономил еще десять су в день.

Я не имел вестей от тебя с тех пор, как я видел тебя у надзирателя. Вчера я написал Тибодо. Я просил его, так как ты не умеешь хорошо писать, составлять для тебя каждый день записку, чтобы сообщать мне, что ты для меня сделала. Непременно ходи к нему за этим каждый день в его бюро.

В тот день, когда ты мне прислала ночной колпак и гребенку, я узнал, что ты была в управлении полиции. Я тут же отправил туда в конверте на имя гражданина Менесье письмо Шампенуа, другое письмо — Шометту и третье — Тибодо. Я узнал, что эти три письма были положены в папку гражданина Менесье. Передал ли он их затем тебе? Отнесла ли ты Шометту адресованное ему письмо?

Сегодня я отсылаю мой мемуар Менесье. Я пишу ему, что мне нужно поговорить с тобой, чтобы срочно написать Дюмону и просить его подтвердить изложенные в моем мемуаре факты, свиде-

тельствующие о том, что я — патриот, которого губят, или условиться, что ты сама обратишься к Дюмону. Поэтому попроси приема у Менесье, но сделай это очень тактично; потому что я боюсь, как бы он тебе не отказал, если ты будешь просить слишком назойливо.

Утешь меня, напиши, как здоровье детей. Это очень долго — оставаться четыре дня без вестей. Все получают здесь вести ежедневно.

Попроси гражданина Гарена написать для тебя ответ, скажи ему, что я братски обнимаю его.

Что тебе сказал Шометт, когда ты ему отнесла мое письмо?

Г. Бабеф

ПИСЬМО А. ДЮМОНУ

Париж, 7 фримера II года Французской республики, единой и неделимой [27 ноября 1793 г.] (арестная камера при мэрии)

Дюмон!

Я направляю к тебе добродетельную республиканку, простую и непритязательную, как сама природа, добрую и нежную мать, несчастную жену несчастного супруга, которому она в течение пяти лет помогала переносить постоянно повторявшиеся удары со стороны врагов революции, которая мужественно, с твердой верой в будущее переживала вместе с ним нищету, опасности, всякого рода преследования, женщину, неутомимую всякий раз, когда требовалось действовать, чтобы извлечь своего мужа-республиканца из разных пропастей, вырытых предателями на его пути.

Обрати внимание, Дюмон, на дело, по которому эта женщина обращается к тебе. Это не просто частное дело. Оно тесно связано с замыслами негодяев из департамента Сомма, которые, как ты сказал, без твоего внезапного появления и проведенных тобою чисток превратили бы этот департамент в Вандею.

Гражданин, крайняя откровенность была всегда моим недостатком; я потеряю его лишь вместе с жизнью. Если тебя удивляет, что я обращаюсь к тебе сейчас, тогда как я не возобновлял с тобой связи с тех пор, как ты в Конвенте, а я нахожусь в Париже, то я тебе откровенно изложу мотивы этого. Как философ и республиканец ты поймешь меня.

Я впервые узнал о тебе, когда в 1790 году ты подписался на мою газету «Пикардийский корреспондент». Ты написал мне тогда несколько патриотических писем. Они создали у меня самое выгодное впечатление о тебе. Я очень дорожил этими письмами, и ты припомнишь, что я их опубликовал в ряде номеров. Ты со своей стороны выражал мне свое уважение, ты просил прислать тебе другие мои сочинения, и я это сделал, я послал тебе эти сочинения, о которых я говорю в прилагаемом при сем

мемуаре и которые навлекли на меня со стороны аристократии столь сильные преследования, по-видимому, тобой замеченные.

Еще с тех пор у меня сложилось о тебе представление, как о человеке энергичном и горячем патриоте. Но поскольку на избирательном собрании в Аббевилле в сентябре 1792 года этот твой характер не получил большого проявления, я, признаюсь, полагал, что я ошибался в оценке твоего мужества и твоего республиканизма.

В дальнейшем я был очень доволен тобой за твое выступление на суде над тираном, но в других случаях ты никак себя не проявил. Мысленно я постоянно вызывал тебя на трибуну, и я хотел, чтобы ты на ней блистал. Он один, говорил я, может спасти честь депутатов департамента Сомма. Но я тебя не видел поднимающимся на трибуну. Это и вызвало, Дюмон, еще раз признаюсь, мое охлаждение к тебе.

Прости мне, достойный представитель, и не взыщи за это отступление. Проведенное тобой возрождение в департаменте Сомма, твои бессмертные победы над заблуждениями, над ложью и коварством, твои успехи в пропаганде принципов и единственно заслуживающего обожания культа правды — все это полностью вернуло тебе мое уважение.

Да, мое уважение; не пренебрегай им, мой брат. Откажись от предубеждений, если таковые были тебе внушены на мой счет. Рассмотри все, и ты убедишься, что пишет тебе честный человек, быть может, великий человек, которому, как и тебе, недостает только положения в обществе. Ну, да! Я горжусь тем, что ты и я, мы были, пожалуй, в департаменте Сомма единственными способными понять и оживить санкюлотизм, поднять его до предельной высоты и честно идти вперед. Аристократия, используя свое единственное излюбленное оружие — коварство, оказалась сильнее меня. Страшись, брат, как бы, одержав безнаказанно верх надо мной, она не осмелилась внезапно употребить то же оружие и против тебя.

Как жаль, что я раньше не догадался обратиться к тебе, я, конечно, не был бы тогда там, где я сейчас нахожусь.

Таковы факты, мой единомышленник-республиканец. Те самые люди, на которых ты обрушил национальную булаву, та самая клика, что не перестает работать над организацией этой новой Вандеи, превращенной тобой в страну философии, это она, это они хотят раздавить меня под тяжестью нелепого обвинения.

Прочти прилагаемый мемуар, это не будет напрасно потерянное время. Читай его, ты увидишь там связь между повторными нападениями на мою личность и нитями контрреволюционных заговоров, которые постоянно плетутся в департаменте Сомма.

Последний предлог, к которому прибегли, чтобы погубить меня, это обвинение во взяточничестве. Республиканец Дюмон, есть люди, которых нельзя считать способными дать себя подкупить. Пусть рассмотрят всю мою жизнь и увидят, куда направ-

лено мое честолюбие. Отнюдь не к золоту. Воспламененный революцией с самого ее начала, я по доброй воле окунулся в бедность. Все, что у меня было, я пожертвовал на издание сочинений, направленных к скорейшему воцарению народного благоденствия. Это относится ко времени до предъявления мне обвинения. В моем мемуаре есть доказательства того, что я, отец семейства, отказался от должности с окладом 4000 франков ради должности с окладом 1200 ливров, полагая, что на этой последней я буду более полезен родине. Это относится ко времени после предъявления мне обвинения. Скажи мне, Дюмон, скажи, можно ли подкупить таких людей?

Но в данном деле ты увидишь, что не было никаких мотивов подкупать и что мои предполагаемые совратители были оправданы. Как же можно было осудить меня, как можно было объявить меня подкупленным, если никто меня не подкупал?

Недосмотр, мой брат, простой недостаток внимания, чисто формальное нарушение, почти тут же признанное и исправленное откровенным и лояльным актом с моей стороны, — вот то преступление, которого мне не захотели простить в то самое время, когда в Конвенте оправдали суд Амьена [31], допустивший гораздо более важный недосмотр.

Было сказано, что я создал презумпцию своей виновности тем, что бежал. Мой мемуар докажет тебе, что я отнюдь не бежал. Я прибыл в Париж требовать правосудия у министра в то время, когда моему делу еще не было дано уголовного направления. Я только что прибыл, когда узнал, что это направление ему дано... Я держался вдали от суда, состоящего из моих беспощадных личных врагов, продавшихся клике врагов народа. Я бежал... от несправедливости, как это многократно делал Марат. Процесс быстро кончился, было признано, что в этом деле никто не давал взяток. Я сказал себе: следовательно, я не был совращен, следовательно, я оправдан, хотя бы и косвенно. Я спокойно вздохнул, и, так как я отослал свое заявление об отставке с поста администратора в Мондидье, я ищу и нахожу в Париже должность, которую выполняю успешно и с почетом. А 24 брюмера я узнаю, что осужден и что меня арестуют с тем, чтобы отправить меня на суд в Мондидье. О, сила невинности и правды! Я пишу сжатое изложение моего дела для должностных лиц Парижской коммуны; я подробно излагаю историю моего политического поведения с начала революции и направленного против меня заговора всей лиги аристократов департамента, поклявшейся погубить меня и не прекращавшей попыток добиться этого. Этот рассказ открывает глаза должностным лицам, они берут меня под свою защиту. Они обещают сохранить меня под своей охраной и спасти меня в революционном порядке, если выяснится, что меня преследуют не за преступление, а из ожесточенного стремления к угнетению. Таково, мой славный земляк, мое теперешнее положение!

Я обещал этим заслуженным должностным лицам написать тебе, и им, по-видимому, будет приятно знать твое мнение о моем революционном поведении в целом, с которым я отчасти ознакомил их, послав им мои сочинения, вызвавшие их одобрение. Они говорят за себя, эти сочинения! Они все предвосхищают реформы, которые были нужны для обеспечения свободы, и обнаруживают в авторе республиканца, намного опередившего республику.

Изложи им свое мнение об этом, я прошу тебя. Что касается самого судебного процесса, я ни о чем не могу тебя просить: нужно, чтобы документы были рассмотрены другим судом, не тем, который вынес приговор, и я уверен, что такое рассмотрение докажет только наличие пристрастия у тех, кто нагромоздил все эти обвинения.

Шометт, который в свое время непосредственно поставил меня на должность в муниципальной администрации, хочет углубленно изучить это обвинение. Его друг, Сильвен Марешаль, этот литератор, тоже подвергавшийся преследованиям со стороны прежнего деспотизма за свой знаменитый альманах честных людей, этот пророк, автор «Страшного суда над королями», этот философ, продолжатель газеты Прюдома, будет моим защитником. Присоединись к ним и ты, разделяющий их патриотическую славу, ради спасения согражданина, пылкого последователя нашего общего учения, страдающего от бешенства тех предателей, добрую часть которых ты поразил.

Варен, прокурор-синдик в Мондидье, хотя он и революционер и назначен тобой, по-видимому, введен в заблуждение на мой счет, ты увидишь это из прилагаемой выдержки из письма, адресованного парижскому муниципалитету Ле Буком, комиссаром этого муниципалитета по продовольственным закупкам в Мондидье. Самые добродетельные люди, обладающие чистейшей душой, часто легче других обманываются и не замечают, как их вводят в заблуждение. Варен смотрит на все глазами аристократии, которая внешне маскируется перед ним в противоположные цвета.

Если б он расспросил санкюлотскую массу дистрикта, он бы судил обо мне по-другому. Если нужно будет, я получу от этой массы другие характеристики. Варен не знает того, что, не будучи знакомы друг с другом, мы с ним энергично работали оба на благо родины. Смотри мой прилагаемый к сему мемуар.

Я кончаю, мой согражданин, это письмо, которое я не смог сделать более коротким. Не откажи мне в отзыве, который я у тебя прошу для ускорения затребования моего злосчастного дела: этот отзыв надо послать в администрацию полиции парижского муниципалитета. Будь добр также известить меня об этом и послать это извещение *Гарену, члену муниципального совета, Порт Оноре, № 27, для передачи мне*. Пусть патриоты поддерживают патриотов, только так

можно отстоять свободу. Ты можешь со знанием дела высказать свое мнение обо мне. Но я взываю к тебе только во имя моего патриотизма. Я мог бы, правда, заинтересовать тебя как человек, начавший огромное и полезное дело составления истории республиканской Франции, а также как человек, назвавший еще восемь лет тому назад своего старшего сына Эмилем, сделавший из него точную копию Эмиля Жан Жака, существование которого многие люди с предрассудками считают просто невозможным, и представивший этого воспитанника жителям Эмиля (бывшего Монморанси) как образец для воспитания их детей, с этой целью пожертвовавший должностью с окладом в 4000 франков и получивший от этих жителей письмо, копия которого, Дюмон, тоже к сему прилагается. Прочти все это; законодатель, апостол философии не должен быть равнодушен ко всем этим вещам. Есть основание заметить, что в жизни всех людей, возвышающихся над уровнем обыкновенной добродетели, есть нечто сходное. Это всегда ряд подводных камней, несправедливостей и несчастий, на которые они наталкиваются. Но они находят много утешений и поддержки в своей собственной философии и в учениях других философов, когда им посчастливится жить в век их широкого распространения.

Гракх Бабеф

Если ты мне сколько-нибудь желаешь добра, поспеши с посылкой того свидетельства о патриотизме, о котором я прошу. Вместе с документами судебного процесса, прибытия которых я жду с часу на час, оно поможет мне добиться скорого затребования дела и моего временного освобождения.

Я не изменил ничего в своем письме, которое уже было написано, когда я принял решение не посылать мою жену, так как это связано с риском, что ей придется, быть может, плутать по двум или трем департаментам в поисках гражданина Дюмона, непрестанно меняющего свое местопребывание.

ПИСЬМО ЖЕНЕ

17 фримера [7 декабря 1793 г.]

Пожалуйста, мой добрый друг, пришли мне пятифранковую ассигнацию. Я не беспокоюсь о том, чтó ты для меня делаешь, я уверен в том, что ты отнюдь не отдыхаешь и что ты ходишь так быстро, как только это возможно.

Г. Бабеф [32]

ПИСЬМО РЕССОНУ [33]

Париж, 25 фримера II года Французской республики, единой и неделимой [15 декабря 1793 г.]

Если бы Сильвен Марешаль не должен был выполнять сегодня свои общественные обязанности, он сопровождал бы меня утром, чтобы вручить тебе настоящий мемуар, который, как мы с тобой условились, мне надлежит направить в комиссию.

Не имея возможности видеть тебя, передаю этот мемуар для тебя в конверте, и послезавтра я приду к тебе справиться о дальнейшем.

Прилагаю к этому мемуару заверенные документы, свидетельствующие о моей преданности республике и о моей честности и подтверждающие, что если я стал жертвой ожесточенного преследования со стороны целого контрреволюционного департамента, то только потому, что я — горячий патриот.

Я не нашел Паша, хотя был у него два раза, но я решил, что доброе свидетельство продовольственной администрации, имевшей возможность особенно хорошо знать меня, будет достаточным для комиссии. Однако, если она категорически потребует, чтобы я принес от мэра Парижа подтверждение заявлений продовольственной администрации, я попрошу мэра сделать это.

Прошу тебя, гражданин, прислушаться к голосу своей совести — будет только справедливо восстановить в правах преследуемого патриота, отца семейства. Я до сих пор не встретил никого, кто примкнул бы к моим врагам, которые в то же время являются врагами родины. Наоборот, я всюду встречал помощь при отражении их коварных нападений. Поддержи того, кому ты помогал и устроил на работу, и мои патриотические усилия вскоре убедят тебя, что твое содействие было оказано честному человеку.

Я с огорчением узнал, что в моей первой работе, сделанной для комиссии, нашли отдельные фразы, отдающие федерализмом. Как можно было обвинить в этом грехе меня, которого травят только за то, что в течение четырех лет я был неукротимым бойцом против контрреволюционеров и федералистов целого департамента?

Этого греха нельзя было бы мне приписать, если б я присутствовал при разборе моего сочинения, коему, несомненно, было дано неверное и дурное истолкование.

НОВОЕ ЖИЗНЕОПИСАНИЕ ИИСУСА ХРИСТА[34]

Сочинение, полезное для дела всеобщего просвещения, в котором автор, доказав, что он первый хорошо понял, чем был этот чересчур прославленный персонаж и какова была цель его поведения и его действий, сообщает каждому, кто согласен быть осведомленным, убеждение, еще более неотразимое, чем то, которое следует из признания священников, что религиозная мания есть не что иное, как шарлатанство

Сочинение Гракха Бабефа

> Я прихожу после тысячи лет сорвать маску с этого бога-царя.

Моим сореспубликанцам
Да будет свет

Рукой, столь дерзкой, сколь надлежит ей быть, когда необходимо искоренить самые пагубные заблуждения, я срываю завесу, долго и жестоко скрывавшую правду от детей Земли. Я беспощадно нападаю на самую личность главного идола, которого даже наши философы, по-видимому, еще чтят или боятся и осмеливаются разить лишь его свиту и окружение.

Ты первый, Жан Жак, почему продлил ты иллюзию людей относительно того, кто причинил им величайшее зло? Того, чьи странные житейские обстоятельства столь долго давали повод для того, чтобы мучить Землю и заливать ее кровью? Ты представляешься мне много ниже себя, когда ты благодушно восхищаешься Евангелием и, по-видимому, вполне искренне выражаешь предположение, что его автор поистине более чем человек! Ты тоже, Отец Дюшен, ты называешь Иисуса санкюлотом, настоящим якобинцем, и похоже на то, что и ты в восторге от его морали и винишь только его учеников и преемников его учеников в том, что они извратили эту мораль[35].

И почти одновременно с этим сочинением появляется другое, под заглавием «Истинное Евангелие», в коем автор (гражданин Жилле) следует шаг за шагом за младенцем из Вифлеема, дает новое истолкование его Евангелия, где на каждую речь наведен блеск в совершенно новом вкусе, где герой Иисус, правда, не выступает уже как бог, но зато как мудрец, как честный человек, как законодатель, чью политическую систему хотят в точности уподобить, путем натянутых сравнений, с системой Горы Конвента.

Жан Жак, Отец Дюшен, гражданин Жилле, я не боюсь ответить вам формальным опровержением. Не был Иисус ни сверхчеловеком, ни санкюлотом, ни настоящим якобинцем, ни мудрецом, ни моралистом, ни философом, ни законодателем. Он был чем-то совсем другим. Удивительно, что с тех пор, как уже большей частью не верят в него как в бога-сына, не могут отказаться от того, чтобы не наградить его либо именем основателя учения, либо именем основателя законодательства. С Евангелием в руках я докажу с полной очевидностью, что у него никогда и в мыслях не было ни того, ни другого. Столь же удивительно, что не заме-

тили, хотя это очень легко увидеть в том же Евангелии, что Иисус из Назарета, став взрослым, узнал, что он — последний отпрыск рода Давидова, так же как английский претендент не мог не знать о своем происхождении от Стюартов и так же как маленький Капет никогда не будет в неведении о том, что покойный его отец был королем Франции.

Удивительно, как не заметили, что в основе всех действий в жизни Иисуса (в отличие от внешних форм, которые, в силу обстоятельств, приходилось благоразумно нюансировать) было стремление к той же цели, к которой стремились сыновья Тарквиния, английский претендент и к которым, без сомнения, устремится и последний отпрыск Капетингов, если когда-либо республика перестанет держать его в узде.

Пример Христа служит, конечно, прекрасным уроком. Если даже рассматривать только сходство обстоятельств его положения и положения того, юного Бурбона, который живет у нас, то небесполезно, пожалуй, будет пролить свет на старую историю сына Марии. Если сирота Капет будет воспитан сапожником Симоном и не получит другого образования, кроме обучения шитью и починке сапог, это не должно внушать республике чувство полной безопасности до такой степени, чтобы когда-нибудь предоставить полную свободу действий маленькому детенышу людоеда.

Мнимый правнук Давида был воспитан всего лишь плотником, но тем не менее он задумал честолюбивый план вновь завоевать Царство израильское и потревожил римлян, победителей Иудеи. Да, вот, в двух словах, единственная цель, к которой были устремлены все усилия Иисуса из Назарета. Устраивать заговоры с целью стать царем иудейским (как сказано в его приговоре, который некогда еще можно было читать повсюду в верхней части многочисленных изображений, представлявших его казнь); я говорю, устраивать заговоры с целью стать царем, и я докажу, что все его шаги, все его действия, все его речи связаны с этим единственным замыслом и что у него никогда не было другого; я докажу, что он был повешен только за это и что сущей правдой является, что злополучное действие монархии не перестает удручать мир в тот момент, когда пожираемые жаждой власти честолюбцы перестают жить, поскольку последствия суда над потомком Давида держали нас в состоянии войны, на положении рабов, жалких во всех отношениях, почти до сего дня.

Когда пришло великое время падения всех предрассудков, нельзя допустить, чтобы один из них остался. Если бы сегодня Иисус не был оценен так, как он этого заслуживает, равно как и все другие персонажи, перед которыми человечество, к стыду своему, унижалось, то, пожалуй, нельзя предвидеть, какие беды могут от этого еще произойти. Если за Иисусом останется хотя бы только репутация честного человека и основателя хорошей морали и т. д., этот Иисус вместо того, чтобы умереть раз навсегда, как положено, сможет еще когда-нибудь воскреснуть. Его первое вос-

кресение произвело слишком много шума и слишком взволновало мир, чтобы мы могли желать второго.

Мои сограждане, зоркость разума поможет мне отделить правду от лжи. В мифологии с помощью этого факела различают под покровом нелепостей действительные факты. Здесь, в истории, так сильно занимавшей очень многих из вас, мы будем отсеивать фантастическое, доказывая, что оно фантастично, от истинного, и мы будем также доказывать, что оно истинно.

Я глубоко уверен, что, проследив за ходом моего изложения, вы убедитесь в том, что я не ошибаюсь. Евангелие, знаменитая книга, я принимаюсь за твои листы. Все ложные выдумки исчезнут оттуда. Только правда, касающаяся твоего героя, покажет его без притворства, таким, каким он был. Смерть фанатизму, смерть предрассудкам, да сгинут все лживые выдумки, посеянные тиранами человеческого рода для обоснования их незаконного господства!

ПИСЬМО ПРЮДОМУ [36]

[Париж, декабрь 1793 г.]

Я земледелец, отец семейства и мэр моей деревни. Скудное состояние и скудное образование создают для меня такое положение, что я не заинтересован ни в увековечении заблуждения, ни в служении ему. Я ищу правды для себя, для моих детей, для моих сограждан.

С болью вижу я, как правде приходится сейчас бороться со встречными ветрами по одному весьма деликатному вопросу. Я обращаюсь к тебе, Прюдом, чтобы просить пролить свет, способный рассеять эту густую завесу религиозных туч, грозящих нам не одной бурей.

Я хотел бы обсудить с тобой, патриот Прюдом, важный вопрос, для чего мне нужна неограниченная свобода печати, бесстрашным защитником которой ты всегда был и которая, как ты заверяешь, может быть ограничена только для тех, кто использовал бы ее во вред безопасности, единству и неделимости республики.

По инициативе Робеспьера всем французам было предложено хранить молчание по вопросам религии [37]. <Двух месяцев не прошло с тех пор, как считались дурными гражданами те> *. Эта мера представлялась необходимой, и я не имею в виду ее оспаривать. Она имела целью потушить в самом начале огромный пожар фанатизма, отдельные искры которого уже сверкали и угрожали, быть может, воспламенить всю республику.

<Но разве весь путь, пройденный в борьбе с суеверием, позволяет остановиться на возможности общего почтения к ней, и нет ли более верного средства, чтобы бесповоротно покончить с суеверием?>

---

* *В угловых скобках приведены слова, вычеркнутые Бабефом.*

В самом деле, как можно не видеть, что принятые меры, вместо того чтобы дать результаты, которых от них притворно ожидали, могли только восстановить и без счета умножить силы наших внутренних врагов, могли лишь разжечь страсти и вызвать всеобщее потрясение, ожесточая бесчисленную массу слабых духом, к коим примкнули бы все злопыхатели, чтобы извлечь из этого самую большую выгоду. Ибо в чем заключались эти меры? В том, чтобы побудить нескольких священников выступить с заявлениями, что они всего только шарлатаны и что культ папизма хуже, чем культ разума.

Это были лишь голословные утверждения, ничем не доказанные. Простой народ не был убежден, отречения от веры были следствием некоего широкого потока моды, которой казалось обязательным следовать, дабы не сойти за плохого патриота, и, жертвуя погремушками фанатизма, люди не переставали в них верить и поглядывали на них с сожалением.

Мне кажется, что можно было бы по-другому бороться за уничтожение власти догм. Чтобы стереть впечатления, начертанные в душе в самом нежном возрасте и так искусно, что фанатикам они представляются доказанными столь же бесспорно, как математику аксиомы геометрии, мне кажется, что нельзя довольствоваться простым заявлением: «это ложно». Надлежало бы, я полагаю, следовать определенному методу, вытесняя убедительными принципами то, что усвоено в виде принципов, ложность и коварство которых будут выявлены первыми. Для этого надлежало бы распространять просвещение посредством сочинений, написанных просто, легко усваиваемых и понятным образом разрушающих ложную логику антиреспубликанских культов, все еще стесняющих энергию и сужающих души столь многих наших сограждан.

Не полагаешь ли ты, друг Прюдом, как и я, что надлежало бы начать в отношении наиболее широко порабощающего нас культа с представления доказательства ничтожности его основателя, чего, по-моему, никто у нас не сумел ни понять, ни доказать. Одни только евреи, глупая доверчивость которых в других отношениях вызывает у нас чувство жалости, не ошиблись насчет этого персонажа. Руссо никогда не казался мне таким мелким, как тогда, когда он говорит о нем. Вслед за ним все те, кто притязает на причастность к философии, все наши республиканцы, закованные в латы принципов, все наши самые бесстрашные антипаписты пребывают, кажется, во власти грубейшего заблуждения на этот счет. Он — якобинец, он — добрый санкюлот. Ранее ему приписали звания законодателя, моралиста, философа.

Что до меня, я всегда был твердо убежден в том, что он отнюдь ничем этим не был. Все разглагольствуют против христианства, все стонут, но все молчат о Христе. Все с дрожью вспоминают о бесчисленных случаях, когда этот культ заливал землю кровью, и все приписывают вину за эти ужасы только ученикам,

священникам. Мораль, ввергшую мир в пучину невежества и рабства и всех, неизбежно отсюда следующих страданий, объявляют тем не менее чистой: дескать, намерения ее автора были чисты; только последователи его отравили эту мораль. Таким образом сохраняют остаток благоговения перед Евангелием и его героем. В среде умных и образованных людей едва решились открыто заявить, что он не бог. Но до сих пор сохранялось опасение, можно ли провозгласить эту истину перед лицом массы, т. е. самой здоровой части народа, чей естественный здравый смысл всегда показывал, что она способна воспринять все истины, все знания. Боялись сказать во всеуслышание: «Иисус из Назарета никогда не был богом, и вот почему». Об этом оставалось только догадываться; и в том опять-таки никого нельзя винить, после всех тех величайших похвал, которые продолжали воздаваться жалкому вороху ребячьих и нелепых россказней, именуемому Евангелием.

Как добиться прекращения глубокой привязанности к культу, если продолжают почитать и его основы и его основателя? Если бы захотели уничтожить мусульманские суеверия, то неужели надлежало бы восхвалять Коран и Магомета? Нет, надо было бы сказать, что Коран — это нагромождение нелепостей, а Магомет — лжец. Так вот, равным образом надлежит сказать правду об Евангелии и о том, кто является его действующим лицом, правду, которая разит всегда, когда она резко и ясно изложена.

Я сказал, что, исключая евреев, никто не смог дать верного определения личности пресловутого Иисуса. Все, что немногие из нас смогли сделать, это лишить его качеств божества. После этого наиболее видные из нас захотели создать новое божество.

Вероятно, цель может быть достигнута этой мерой, ибо не может брожение быть вызвано тем, о чем не говорят. Но тогда надо рассчитывать на общее соблюдение рекомендуемого молчания.

А удовлетворит ли нас та цель, к которой приведет это молчание? Должны ли мы довольствоваться мерами предосторожности, если хотим помешать чудовищу фанатизма причинить нам зло? Эта своего рода сделка с ним, некое согласие сохранить ему остаток существования в нашем лоне, не покажут ли ему, каким сильным мы все еще признаем его? Мне кажется, что мы сделали слишком много в борьбе с суеверием, чтобы останавливаться на полпути. Надо или отступать, или идти вперед.

Попробуем только остаться бездеятельными, мы увидим, что глубоко укоренившиеся предрассудки и влияние, сохраняемое священниками, скоро вынудят нас к отступлению; те части республики, которые приняли культ разума, будут увлечены обратно большинством коммун, оставшихся христианскими. А ведь признано, что христианство и свобода несовместимы. Затем ведь написано, что свобода должна подавить все, что ей вредит: поэтому

надлежит включить в общее осуждение обманов и католицизм, занимающий среди них первое место. Поэтому необходимо идти вперед, и именно этого, по-видимому, всегда желают наши законодатели, поскольку они постоянно защищают свободу культов и поскольку поступающие от времени до времени заявления от некоторых коммун о том, что они исповедуют только культ разума, продолжают встречать их одобрение.

Но если рассчитывать, что разум сам по себе и без какого-либо стимула может добиться полного торжества, то пришлось бы ждать слишком долго. Заблуждение, повторяем, слишком глубоко укоренилось; оно долго будет иметь верх. Культ разума с тех пор, как против его распространения были применены успокоительные средства, еще несколько продвинулся, по правде сказать, но в общем он скорее теряет, нежели выигрывает, ибо священники, даже отрекшиеся от сана, говорит Дюмон из департамента Сомма, возвращаются в его департаменте к своему ремеслу; так же обстоит дело и в ряде других мест.

Во-первых, раз признано, что судьба свободы зависит от полного торжества культа разума; затем, раз признано, что для обеспечения этого торжества необходимо некое стимулирующее средство, и если представить себе, что одно такое средство уже применялось безуспешно, то какой делать вывод? Вывод тот, что стимулирующее средство было выбрано неудачно и что надо найти лучшее.

ПИСЬМО С. МАРЕШАЛЮ И ТИБОДО[38]

18 нивоза II года [7 января 1794 г.]

Книга моих исповедей, история всей моей жизни, которую я поведаю, покажет, что моя доктрина — это доктрина первых апостолов — не иметь никакой личной собственности, что всегда я в ужасе отступал перед несправедливостью и что мной владело только одно стремление — быть сверхчестным человеком. Я вижу несколько способов, чтобы добиться декрета, которого я желаю: петиция в мою пользу, которая будет представлена одному из моих друзей; петиция или письмо министра юстиции Конвенту или его же письмо Комитету общественной безопасности, в котором он будет просить представить такой доклад; или просто предложение, которое внесет какой-нибудь депутат. Не согласишься ли ты, Сильвен, продумав каждый из этих способов, сообщить мне, какой из них ты считаешь предпочтительным, с тем чтобы мы только его и придерживались? Или тот, который ты предпочтешь как наиболее практичный.

Лавиконтери является членом Комитета общественной безопасности. Если ты хочешь знать, кто еще входит в этот комитет, то вот их имена: Вадье, Луи из Нижнего Рейна, Эли Лакост, Моиз Бейль, Вулан, Гюффруа, Дюбарран, Жаго, Амар, Давид, Панис.

БАБЕФ, БЫВШИЙ АДМИНИСТРАТОР ДЕПАРТАМЕНТА СОММА И ЗАТЕМ ДИСТРИКТА МОНДИДЬЕ, КОМИТЕТАМ ОБЩЕСТВЕННОГО СПАСЕНИЯ, ОБЩЕСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ И ЗАКОНОДАТЕЛЬНОМУ НАЦИОНАЛЬНОГО КОНВЕНТА И ГОЙЕ[39], МИНИСТРУ ЮСТИЦИИ[40]

Республика в массе своей обязана Конвенту и вам своим счастьем. Вы поклялись дать его, и вы выполнили ваши клятвы во всех отношениях. Но есть еще отдельные патриоты, хотя и разделяющие это общее благоденствие, но преследуемые аристократией, все еще господствующей в разных углах республики. Я из их числа и, уже в силу этого, имею право обращаться к вам с личной жалобой.

Прошу вас, прочтите следующий краткий анализ. Он побудит вас противопоставить вашу власть власти судей, покаравших меня столь же несправедливо, сколь жестоко.

А ты, министр, столь же справедливый, сколь человечный, будь уверен, что, выступая в мою защиту, ты поможешь Конвенту исправить ошибку, и, как это было с Годоном[41], ты побудишь его вернуть отца четверым детям.

ПОДГОТОВИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕТКИ,

извлеченные из оправдательного документа, составленного мной в связи с приговором, вынесенным заочно уголовным судом департамента Сомма, который осудил меня на двадцать лет тюрьмы

Перечень

преступлений департамента* Сомма, направленных против свободы и вполне ему присущих

Метод, заключающийся в юридическом убийстве патриотов, практикуется не только в стенах Лиона, Тулона, Марселя и Бордо. Он стал кинжалом, которым пользуются все администрации, куда проникла подлость.

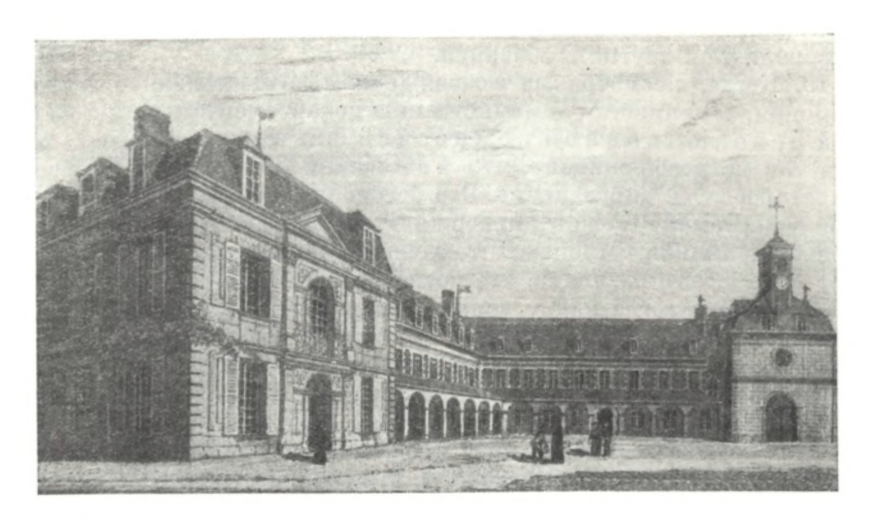
Департамент Сомма был не последним, принявшим этот план, имеющий целью убийство нации. Главные меры, принятые им в этом духе, суть:

1. Его пресловутые обращения к тирану в связи с событиями 20 июня 1792 года.

2. Убежище и покровительство, предоставленные им в Амьене и Аббевилле целой туче бывших священников, дворян, эмигрантов и контрреволюционеров, прибывших в эти города со всех концов Франции.

---

* *Здесь и ниже Бабеф употребляет слово «департамент» в значении «администрация департамента», «руководство департамента».*



Коллеж в Мондидье. В этом здании, где во время революции находилась администрация дистрикта, осенью 1792 г. жил Бабеф

3. Когда он послал в Национальный Конвент депутацию, которая вся, за исключением республиканца Андре Дюмона, голосовала за тирана и протестовала вместе с самим департаментом против событий 31 мая.

4. Когда суд Амьена, состоящий полностью из аристократов (что они, за исключением Дево д'Уазмона, доказали на деле), добился того, что его вызвали к решетке Конвента за пренебрежение к законам, допущенное в нескольких важных постановлениях [42].

5. Когда Дюмон во время своего объезда заявил, что этот край вполне готов стать второй Вандеей.

6. Когда еще совсем недавно, в последней декаде фримера, департамент подстрекал в Амьене к бунту из-за хлеба.

7. Когда в это же самое время он спровоцировал в Мондидье восстание из-за закрытия церквей; во время этого восстания Варен, прокурор-синдик, и один администратор чуть не лишились жизни.

8. Когда в ночь с 17 на 18 фримера он побудил народ к восстанию, во время которого было разрублено на мелкие кусочки дерево свободы, посаженное перед собором 30 брюмера, в день праздника Разума.

9. Когда этот департамент постоянно отказывался выполнять предъявляемые ему требования по снабжению Парижа продовольствием под ложным предлогом, что ему с трудом удается удовлетворять требования, предъявляемые армией; между тем как установлено, что этот департамент — один из самых плодородных

в республике и что соседние с ним департаменты полностью удовлетворили те и другие требования.

10. Когда, несмотря на возрождение, осуществленное Андре Дюмоном, заменившим администрацию департамента центральной революционной комиссией, эта самая комиссия вела себя так не революционно, что в заседании 30 фримера Конвент декретировал ее упразднение. Это бесспорно доказывает, что данный департамент может придерживаться только принципов, подобных принципам лионских торговцев галунами; при этом следует провести то различие, что последние стали мятежными лишь под нажимом; тогда как у департамента Сомма чистый роялизм, любовь к дворянству и контрреволюционный пыл являются врожденными и укоренились с такой силой и энергией, что от этого нельзя освободиться. Время подтвердит эту истину. И что более всего поражает, это та преступная ловкость, с которой он, избегая больших взрывов, производящих впечатление восстаний, действует гораздо более коварно, скрытно и продуманно, подготовляя эти самые восстания. Можно даже сказать, что они почти полностью сосредоточены на его территории, что сначала разят тех людей, на которых сподручнее обрушить удары, чтобы не встретить сопротивления в момент общего взрыва, которого он ждет и на который надеется.

Как истый республиканец и для счастья моей родины я желал бы иметь возможность упрекнуть себя в том, что эти размышления порождены больше склонностью ответить упреками на упреки, нежели правдой. Но нет, я слишком глубоко знаю человеческое сердце, чтобы заблуждаться относительно сердец деятелей департамента Сомма: к тому же сегодня эти истины получили всеобщее признание.

Бросьте взгляд на поименное голосование на процессе тирана. Вы увидите, что тринадцать депутатов от этого департамента заявили, что Капет виновен, но девять голосовали за обращение к народу; наконец, девять голосовали за отсрочку.

11. Наконец, его жестокие преследования по отношению ко мне, подробности которых следуют.

Перечень

моих преступлений в отношении департамента Сомма и дистрикта Мондидье, преступлений, вызвавших преследования, которым я подвергался и подвергаюсь поныне, хотя подлинные преступления совершены этим департаментом и этим дистриктом и их можно с уверенностью добавить к предыдущему перечню

1. В 1789 году опубликование патриотического сочинения, озаглавленного «Постоянный кадастр».

2. Затем я опубликовал брошюру, направленную против косвенных налогов, габели и других отвратительных и притеснительных налогов; это сочинение подняло весь народ департамента Сомма и предвосхитило упразднение этих налогов. Но аристокра-

тия со своей стороны добилась декрета о моем аресте, приведшего меня в тюрьму Консьержери в Париже. Мой процесс происходил в бывшем податном суде. Марат выступил в мою защиту в номерах своей газеты от 23 июня до 10 июля 1790 года и позволил мне выйти победителем из этой борьбы.

3. К несчастью, я вернулся в департамент Сомма, поднял там общественный дух посредством патриотической газеты, на которую подписались Дюмон, представитель народа от департамента Сомма, и Купе, представитель народа от департамента Уаза. Они могут удостоверить, какую мораль я в ней проповедовал.

4. В других сочинениях я вел ожесточенную борьбу с феодальным режимом, вследствие чего дворянская каста смотрела на меня как на подстрекателя, радующегося ее упразднению, и затеяла новую борьбу со мной в судах, из которой я равным образом вышел победителем.

5. Я выступал с силой и неукротимым мужеством в печати за раздел общинных земель; в этой борьбе с моими преследователями, которую мне пришлось провести в судах в третий раз, я опять разбил их.

6. В сентябре 1792 года я был выбран бравыми санкюлотами администратором департамента Сомма. Тогда-то мне пришлось бороться с аристократией и контрреволюционными принципами таких, как Тьерри[43], в то время прокурор-синдик департамента, как Кордье, Веррье, Флесел, и другие мои коллеги, которых депутат Дюмон не только сместил, но и арестовал: я, однако, исключаю из слов «и другие» Дево и Пети, которые могут дать отчет о патриотических усилиях, совершенных нами на благо республики, и о недостойном сопротивлении генерального совета нашим намерениям.

7. В октябре 1792 года я раскрыл заговор, имевший целью не более и не менее как открыть проход во Францию через Перонн после предполагавшегося взятия Лилля, в то время осажденного. Мой коллега Дево, ныне судья в Амьене, и я, мы были делегированы в Перонн, чтобы собрать сведения об этом заговоре. Этот коллега может засвидетельствовать, что то, что мы открыли, позволило сорвать этот гнусный заговор. Но следует также иметь в виду, что власти этого департамента, в согласии с отвратительным Роланом[44], хранили преступное молчание о заговорщиках, разоблаченных в нашем докладе, который куда-то исчез*.

8. В ноябре 1792 года я перестал заниматься делами этого департамента со всеми его ужасами и, казалось мне, увидел людей, похожих на меня, перейдя в качестве администратора в дистрикт Мондидье. К несчастью для общего дела и для меня, Лон-

---

* Я сохранил его подлинник; я предам его гласности одновременно с моей общей защитой. Он покажет скрытые нити этого ужасного предательства и изменников, которые его подготовляли.

гекан, которого Дюмон тоже недавно сместил и арестовал, был в то же время избран прокурором-синдиком этого дистрикта. Он был одним из самых злостных аристократов и одним из самых жестоких моих врагов (ибо можно видеть, что у меня их было много), поскольку он выступал против меня обвинителем и преследователем в процессе, начатом против меня в бывшем податном суде, в процессе о разделе общинных угодий и, наконец, в процессе об упразднении феодального режима, о коих я говорил выше, под номерами 2, 4 и 5; поскольку он и некоторые другие администраторы без всякого стеснения оказывали покровительство дворянам и эмигрантам, а я с открытым забралом вел с ними непрерывную и смертельную войну, постоянно проводил розыски в их владениях и, наконец, непрестанно разоблачал их. Дюмон может и должен сказать и, конечно, скажет, с каким скандальным ожесточением Лонгекан упорно клеветал на меня и вредил мне на избирательном собрании в Аббевилле в сентябре 1792 года.

9. Через несколько дней после смерти тирана, когда вся аристократия Мондидье была в слезах, я один осмелился сказать, что надлежит этому радоваться. Затем я поднял все простонародье города, разрешив самим фактом своего присутствия совершить на публичной площади аутодафе — в костер бросили вышитые цветами лилии ковры, украшавшие помещения суда и дома коммуны, к которым я велел добавить дюжину великолепных портретов королей, валявшихся там так же, как и в зале заседаний директории. Помимо этого, я поднял страшный шум по вопросу о секвестре огромных владений монсеньера герцога де Лианкура, монсеньера маркиза де Нолля, монсеньера графа д'Эрли, г-жи графини де Ламир и других благородных эмигрантов, которые упорно не хотели секвестровать, используя при этом все увертки крючкотворства с целью избежать перехода в руки государства этих бесценных владений, владений, относительно которых, я уверен, закон и поныне не выполняется, главным образом в дистрикте Мондидье. Все это довело до предела ярость аристократов этого города, и меня там почтили прозвищем «маратиста».

Преступление,

которое вменяется лично мне и является расплатой за те, что перечислены выше, ибо оно повлекло за собой приговор, осуждающий меня на двадцать лет тюрьмы и оправдывающий моих сотрудников и тех, кто якобы меня подкупил

Следует предупредить, что моих девяти предыдущих преступлений оказалось достаточно, чтобы было принято решение покончить со мной любой ценой; недоставало лишь предлога. Тот предлог, который я сейчас опишу и из-за которого я сегодня нахожусь второй раз в тюрьме (правда, не под кинжалом моих палачей), показался моим врагам крайне подходящим.

Факты

В один из последних дней января 1793 года (по старому стилю) Вилас, председатель дистрикта Мондидье, пришел в директорию в сопровождении Леклерка, члена суда и, встретив там меня и Жодуэна, моего коллегу, рассказал и предложил нам обоим следующее.

Рассказ Виласа

«Три недели тому назад, — сказал он нам, — я купил с торгов национальное имущество, называемое владением Фонтен, за восемьдесят тысяч ливров. Левавассеру *, оказавшемуся моим конкурентом и выразившему мне по окончании торгов сожаление по поводу того, что это владение присуждено не ему, я сказал, что принял участие в торгах только в интересах нации, что у меня нет ни возможности, ни желания сохранить это владение, что я готов его уступить, и предпочтительнее ему, чем кому-либо другому.

Левавассер принял эти слова за окончательное соглашение. Он тут же передал их Кошпену, секретарю-архивариусу, который в мое отсутствие, без моего участия, без полномочий с моей стороны составил пункт об уступке в пользу Левавассера и внес его в акт о продаже с торгов; под этим, кроме Кошпена, подписался один только Левавассер, и даже впоследствии никакая другая подпись администратора не скрепила этого акта».

Предложение Виласа

«Я прошу, принимая во внимание, что я не заключил с Левавассером никакого окончательного соглашения; принимая во внимание, что он действовал без меня, являющегося главной стороной, что я не подписал никакого согласия; принимая, наконец, во внимание, что я предпочитаю уступить свое право присутствующему здесь честному фермеру, эксплуатирующему землю, о котором идет речь и которому г-н Левавассер уже категорически отказался продлить его арендный договор, я прошу, говорю я, чтобы уступка проданного с торгов была произведена на имя этого фермера и чтобы имя Левавассера исчезло из документа».

Мы — Жодуэн, мой коллега, Леклерк, член суда, и я — посовещались и решили, что в предложении Виласа все было справедливо. Я взял перо, вычеркнул имя Левавассера, заменил его посредством сноски именем фермера Дебрена, которому Вилас хочет и имеет право уступить свою покупку. Вилас подписал, фермер подписал, мой коллега Жодуэн и я сделали то же; и все мы были твердо уверены в полной законности того, что мы сделали.

Почему мы так полагали? И на чем основывали мы наше по-

---

* *Позднее мэр Мондидье.*

ведение? А вот на чем. Мы все сказали себе: кто купил с торгов? Вилас. Кто имеет право уступить? Вилас. Кто нам заявляет, что хочет уступить? Вилас. Какой несомненный факт должен предопределить наше решение? Это то, что не может быть передачи собственности, если владелец не отказался путем законно оформленного акта от своей собственности. Левавассер приобрел уступленное имущество нечестным путем, поскольку у него не было акта об отказе подлинного владельца и поскольку он вдвойне виновен, злоупотребив доверием Кошпена, секретаря-архивариуса. Вилас, единственный и действительный владелец, заявляет нам о своем отказе от собственности и подписывает соответствующий документ в пользу того, кого ему угодно указать. К тому же кто такой Вилас? Чужой, самозванец? Нет, это председатель дистрикта. Кто такой Леклерк, думающий так же, как я? Это член суда. Кто такой Жодуэн, разделяющий мое мнение? Это мой коллега. Где же здесь преступление? Где хотя бы проступок, хотя бы ошибка? Как ни искать, здесь не найти ничего противоречащего принципам права и справедливости. Ибо кто мог возбудить уголовный процесс? И против кого такой процесс мог быть возбужден? Против Левавассера и секретаря-архивариуса; говоря одному: вы не имели никакого документа о том, что я вам уступил свое право; а другому: вы не имели права поставить вместо меня человека, не обладавшего документом об уступке мною ему моего права; и вы не могли не знать, что, согласно записи в протоколе, я приобрел с торгов определенный участок. Поэтому вас обоих должно карать правосудие. Но эти положения будут лучше развиты в составленном мною оправдательном документе, чем в этом сжатом изложении.

Все разумные люди будут утверждать вместе со мной, что акт, о котором я только что говорил, законен, я буду это утверждать во всех возможных судах, и они подтвердят эту истину. Только столь жестокие враги, как Франсуа, один из моих коллег, и прокурор-синдик Лонгекан способны были ухватиться за этот предлог, чтобы погубить меня одного. Вот как они за это взялись.

Они оба прибыли в тот самый момент, когда произошло то, о чем я только что рассказал. Я им все изложил, полагая, что они это подтвердят своими подписями. Оба сказали наоборот, что мы «действовали необдуманно, вычеркнув одно имя, дабы заменить его другим; и что правильный порядок действий заключался бы в том, чтобы принять заявление Виласа и составить акт об этом внизу акта о продаже с торгов». Не заметив ловушки и поверив, что мы ошиблись, я тут же и в согласии с Жодуэном написал заявление о признании ошибки в виде акта, переданного в секретариат, в котором мы заявили, что «в наши намерения не входило наносить ущерб какой-либо из сторон» и что «все восстанавливается в том состоянии, как если бы ничего не было изменено в первом акте».

Те и не подумали удовлетвориться столь лояльным поведением: они отнюдь не хотели упустить такую прекрасную возможность погубить меня. Что же они сделали? Все мои коллеги-администраторы собрались. Прокурор-синдик Лонгекан предложил первое решение, которое было принято, и подтверждена была продажа в пользу Левассера. Нас присудили, меня, Жодуэна и Виласа, председателя, к наказанию отрешением от должности. Я мчусь в департамент, чтобы добиться снятия этого наказания, но те догадались о моем демарше, они обошли Тьерри, Кордье де Рибокура и компанию, корифеев и вожаков департамента; последние подтвердили это первое решение еще до моего прибытия.

Я прибыл немедленно в Париж, чтобы требовать от министра юстиции отмены этих решений. Но по прибытии я узнал, что он ничего сделать не может, что дело направлено в уголовный суд.

Это подлое поведение подтвердило, с каким ожесточением действуют мои враги. Я знаю, из каких людей состоит обвинительная палата, с которой я имею дело. Председатель связан со всеми Боскийонами [45], семейством господствующим и аристократическим; в доме одного из них во время измены Дюмурье нашли подземный ход, выводящий за городские укрепления, а также священника, спрятанные оружие и боевые припасы и т. д., и т. д... Все остальные судьи — тоже подлые и вероломные нарушители принципов республиканизма. Я говорю себе, как Марат: моя жизнь слишком нужна моей жене, моим четырем детям, моей родине, и слишком сильно мое желанье быть ей еще чем-то полезным, чтобы подвергаться суду подобных людей.

Я решил остаться в Париже в ожидании исхода этого процесса. Я узнал, что было вынесено постановление об аресте председателя Виласа, члена суда Леклерка, арендатора земельного участка Фонтен, моего коллеги Жодуэна и меня и что первые четверо арестованы; что трое первых обвинены в том, будто они меня подкупили, следовательно, я дал себя подкупить. (Я прошу читателя не терять из виду этого обвинения, оно в высшей степени важно как доказательство того, что хотели поразить только меня.) С моих мнимых развратителей решением суда сняли обвинение, и их восстановили в их должностях; а меня заочно приговорили к двадцати годам тюрьмы.

Я, правда, предвидел, что это содержание под арестом было лишь игрой; в то же время я должен был верить, поскольку следствие не нашло оснований для осуждения моих совратителей, что я не мог быть совращен, что, еще раз, там, где нет подкупающих, нет и подкупленного. Вы сейчас увидите, как я ошибся.

В глубокой уверенности, что я был косвенно оправдан, я решил не жить больше со злобными людьми. Я остался в Париже с чувством полной безопасности. Я вызвал туда мою жену и моих

детей. Я отдался секретарской работе в продовольственной администрации для Гарена, в то время администратора, с недюжинными, могу сказать, рвением и энергией.

Администраторы Шампо, Луве и Дюме, сменившие Гарена в этом учреждении, пожелали подтвердить эту истину в следующем письме.

Копия письма
руководителей продовольственной администрации
Парижской коммуны к Ле Буку,
продовольственному комиссару в Амьене, от 17 фримера

«На основании обвинения, выдвинутого Вареном против Бабефа, руководители продовольственной администрации и служащие полиции должны были подвергнуть последнего аресту, и они это сделали. Но были слишком серьезные основания сомневаться в законности вынесенного Бабефу приговора, чтобы не запросить точных сведений по этому делу и присылки подтверждающих документов. Вследствие этого было написано Варену, и до сих пор администрация полиции не получила никакого ответа.

Это молчание, конечно, способствовало укреплению сомнений обеих администраций и склонило их к мнению, что Бабеф *стал жертвой своего патриотизма*; ибо хорошо известен дух, царивший в департаменте Сомма до прибытия туда Андре Дюмона. Вследствие этого Бабеф был временно освобожден под поручительство нескольких граждан, известных своей преданностью государству.

Теперь мы не можем скрыть нашего неудовольствия поведением Варена и местных властей, обвинение которых было основанием для ареста Бабефа. Отнюдь не позволено играть таким образом с честью и свободой гражданина, *патриотизм которого нам известен*. Между тем он лишился должности вследствие этого *преследования*. И, очевидно, этого-то и хотели его обвинители, не заботясь о доказательствах. Но они должны иметь в виду, что Бабеф со своей стороны сумеет доказать свою невиновность и что их ожесточенная травля его не останется безнаказанной».

С подлинным верно:
Париж, 26 фримера второго года Французской республики, единой и неделимой.

Шампо, Луве, Дюме

Впредь до опубликования документов, приложенных к моей общей защите для доказательства того, с какой горячей бдительностью я отстаивал безопасность республики, выполняя возложенные на меня обязанности секретаря продовольственной администрации, я должен сказать, что совсем недавно Комитет общественного спасения использовал сведения, сообщенные ему этой администрацией в письме от 9 сентября сего года, составленном

мною, относительно бывшего графа де Пардьё и других контрреволюционеров из Сен-Кантена и распорядился арестовать их.

Я ушел из продовольственной администрации Парижской коммуны лишь для того, чтобы поступить на работу в продовольственную комиссию республики, и, таким образом, я был полезен обоим учреждениям. В тот момент, когда сложившееся обо мне мнение благодаря моим усилиям должно было стать еще выше и обеспечить мне значительное положение в комиссии, я был арестован.

Но прежде чем рассказать, как это было сделано, надо отметить, что та неусыпная бдительность, о которой я только что упомянул, вместе с такой же бдительностью администраторов коммуны Шамно, Луве и Дюме не позволяла мне щадить ни один из департаментов, отказывавшихся выполнять требования по снабжению, в письмах, которые я составлял в адрес тогдашнего министра внутренних дел, Комитета общественного спасения и любых других органов власти. Вполне понятно, что мой долг не позволял мне щадить в этом отношении и департамент Сомма. Там узнали меня по этой черте моего характера и, чтобы положить этому конец, дали сигнал погубить меня.

Продовольственная администрация получила через Ле Бука, своего комиссара по снабжению Парижа в департаменте Сомма, следующее письмо:

Копия донесения на гражданина Бабефа,
бывшего служащего продовольственной администрации

«До сведения администрации дистрикта Мондидье дошло, что некий г-н Бабеф, бывший администратор этого дистрикта, приговоренный к 20 годам тюрьмы за растраты, учиненные им в этой администрации, служит секретарем или сотрудником в продовольственной администрации Парижской коммуны. Если это так, гражданину Ле Буку предлагается принять необходимые меры предосторожности к тому, чтобы преступление не оказалось безнаказанным».

Революционный прокурор-синдик дистрикта Мондидье
Подпись: Варен
С подлинным верно:
администраторы департамента полиции
Эссе, Менесье

Эта администрация снеслась с администрацией полиции, которая сочла должным в своем благоразумии приказать арестовать меня и препроводить затем в Мондидье.

Я убеждал эту администрацию всеми возможными средствами не выдавать меня моим палачам и отложить это дело до тех пор, пока она не будет осведомлена обо всех этих ужасах. Она приняла во внимание мою просьбу. Удостоверившись в моей предан-

ности республике и в моей безупречности, она задержала меня в арестной камере при мэрии и одновременно послала Варену следующее письмо.

Копия письма, посланного 24 брюмера администраторами департамента полиции парижского муниципалитета Варену, революционному прокурору-синдику дистрикта Мондидье, департамент Сомма

«Гражданин, мы получили через гражданина Ле Бука, комиссара Парижской коммуны в дистрикте Мондидье для наблюдения за снабжением Парижа продовольствием, подписанное тобой донесение на гражданина Бабефа, бывшего служащего продовольственной администрации, в каковом донесении сообщалось, что этот гражданин, администратор дистрикта Мондидье, приговорен к 20 годам тюремного заключения за злоупотребления, учиненные им в этой администрации.

На основании твоего донесения мы распорядились об аресте гражданина Бабефа. Но нам нужны более полные сведения о мотивах этого донесения для того, чтобы наказать преступника или освободить невинного.

Гражданин Бабеф до его назначения на работу в продовольственную администрацию Парижа и во все время его работы там не дал повода, по крайней мере насколько нам известно, для какого бы то ни было упрека в отношении преданности государству и честности. Для нас это важнейшее основание, чтобы усомниться в законности мотивов его осуждения на 20 лет тюремного заключения.

В самом деле, ты лучше, чем кто-либо, знаешь, в какой мере до прибытия Андре Дюмона в департамент Сомма все власти этого департамента были заражены аристократией. Ты должен знать, какие усилия потребовались, чтобы поднять в этом департаменте общественный дух, который был совершенно развращен непатриотическим поведением администраторов и судей. Между тем представляется, что Бабеф был обвинен, судим и приговорен именно этими порочными старыми управлениями и этими подозрительными судами. И кто знает, не стал ли он жертвой своего патриотизма, который слишком резко задевал господствовавшие тогда контрреволюционные взгляды? В таком случае не Бабефа надлежало бы преследовать и изолировать от общества, а его незаконных преследователей.

Мы, однако, не имеем в виду что-либо предрешать ни в отношении людей, ни в отношении вещей. Но мы хотим быть осведомлены. Поэтому мы предлагаем тебе собрать и доставить нам как можно быстрее все документы, относящиеся к делу, по кото-

рому Бабеф был осужден, и, в частности, сам приговор о нем. Одновременно запроси мнение всех истинных патриотов вашего края. Посоветуйся даже с народным обществом Мондидье, если можно полагаться на его патриотизм. Одним словом, доставь нам все возможные средства для того, чтобы мы могли принять решение со знанием дела».

Подписи: Менесье, Данже

С подлинным верно: Эссе, Менесье

Во втором письме эта администрация отмечала, что если с очередной почтой она не получит сведений, запрошенных ею в письме от 24 брюмера, она освободит меня.

Никакого ответа не последовало ни на первое, ни на второе письмо. Администрация принимает решение о моем временном освобождении под поручительство Сильвена Марешаля, Доба и Тибодо[46], моих друзей, патриотизм которых ему известен.

Свое освобождение я использовал для того, чтобы обратиться к министру с просьбой о передаче моего дела в другой суд для пересмотра и отмены гнусного приговора, о котором я узнал лишь из только что приведенного письма Варена к Ле Буку. Я ждал прибытия нескольких документов, чтобы блистательным образом закончить мою защиту и убедить министра юстиции придти мне на помощь. Одновременно, так как я и моя семья были без куска хлеба, я обратился к комиссии с просьбой восстановить меня в моей должности.

Желая действовать так, чтобы их ни в чем нельзя было упрекнуть, члены комиссии сочли, что, чтобы полезным образом помочь мне, им надлежит запросить дополнительные сведения и согласие министра юстиции.

Гойе как благоразумный министр подумал, что, если человек приговорен судом к 20 годам тюремного заключения, он не может безнаказанно пользоваться свободой и что надлежит привести приговор в исполнение. Поэтому он приказал управлению полиции снова арестовать меня.

Узнав о таком приказе, я сам, не дожидаясь официальной повестки, являюсь в Аббатство 11-го сего месяца, и я там жду с уверенностью, что министр в своей мудрости и доброте примет меры, которые сочтет целесообразными, для того, чтобы спасти меня от моих палачей. Мои читатели знают, что этот эпитет вполне отвечает действительности, если они сопоставили преступления департамента Сомма с теми, которые мой патриотизм побудил меня совершить в отношении этого департамента. И какого департамента! Департамента, возрожденного Дюмоном. Возрожденного Дюмоном! О боже! Что это за возрожденные, встречающие градом пуль коляску, в которой он ехал в Булонь, и обобравшие его до рубашки! Вот они каковы, те возрожденные, ради которых готовы пожертвовать патриотом! Нет, Конвент слишком высоко

ценит патриотов, чтобы допустить, чтобы их судили не им подобные.

Мне остается сделать одно замечание на случай, если будет решено выдать меня этому департаменту и, следовательно, ради формы пожертвовать мной, моей добродетельной женой и моими четырьмя детьми. Речь идет о том, может ли в этом случае форма оказаться сильнее столь важных интересов, и не значит ли это отдать решение моего злосчастного дела тем чудовищам, которые в своей жестокости твердили, что они хотят только конституцию, единственно только конституцию, которые неистово кричали: закон, закон... для того, чтобы погубить республику и получить нового тирана!

Чем бы мы стали, если бы мы не действовали, если бы мы не действовали все время по-революционному? Из этого следует, что, рассуждая по-революционному, комитеты общественного спасения, общественной безопасности и законодательный могут затребовать документы моего процесса, разобраться в них, и на основании этого разбора они получат ясное представление, которое даст возможность любому другому суду судить меня. И это обстоятельство, пока еще не отраженное в новом уголовном кодексе, вполне сможет войти в него путем издания декрета по этому поводу.

Мне остается сказать одно, последнее, слово: оно устроит в отношении принципов и комитеты, только что мною названные, и Гойе, министра юстиции. Речь идет о национальном имуществе, при присуждении которого с торгов Вилас, Леклерк, фермер, Жодуэн и я, мы обвиняемся в совершении злоупотреблений. Следовательно, судить нас надлежит революционному трибуналу.

Бабеф

ДОКУМЕНТЫ, ПОДТВЕРЖДАЮЩИЕ ИЗЛОЖЕННОЕ ВЫШЕ

№ I

Обращение директории амьенского дистрикта по поводу событий 20 июня 1792 года[17]

К королю.

Ваше величество!

Чернь, введенная в заблуждение мятежниками, преступные козни которых открыто направлены к разложению государства, образовала самый отвратительный заговор: она осмеливается нарушить неприкосновенность жилища короля французов и оскорбить всю нацию. Весть об этом преступлении исполнила нас ужасом и негодованием. И хотя среди мечей, занесенных над Вашей головой, Вы сохранили спокойствие и подлинно стоическую твердость, мы продолжаем трепетать при виде окружающих Вас опасностей. Эта твердость, государь, это героическое мужество, коего Вы дали столь величественный пример, примирило с Вами

все сердца, отчужденные от Вас одно время коварными инсинуациями. Продолжайте поддерживать величие трона! Вы искренно хотите конституцию. Значительное большинство французской нации готово скрепить ее своей кровью. Пусть ничто не остановит Вас в свободном осуществлении врученной Вам ею власти. Это единственный способ сорвать действия клик, создающих смуту внутри страны, и привести в трепет врагов внешних. Если бы тем не менее какая-нибудь гнусная махинация, направленная против вашего величества, посмела проявиться, будьте уверены, государь, что все добрые граждане прибегут защищать Вас. Мы берем на себя в этом смысле формальное обязательство от имени всех жителей дистрикта Амьен, и те чувства уважения и преданности к Вашей священной особе, которые они с нами разделяют, являются для нас верной гарантией их готовности к выполнению этого обязательства.

Администраторы, составляющие директорию дистрикта Амьен

Подписи: Тьерри *, Делапорт, заместитель председателя, и Декан, секретарь

№ II

Обращение к королю муниципального совета Амьена, департамент Сомма

«Ваше величество!

Это опять верные жители города на берегах Соммы выражают Вам свои чувства скорби и восхищения, возбужденные в них оскорблением, нанесенным Вашей священной особе, в день двадцатый сего месяца, и мужественной твердостью, проявленной Вами при этом случае.

Вы уже ранее показали себя более милосердным, чем Людовик XII.

Теперь Вы превзошли в мужестве Генриха IV. Ему приходилось побеждать с оружием в руках лишь врагов. Вы одержали победу над мятежниками благодаря Вашему терпению, Вашей кротости, Вашей безусловной преданности конституции.

Мы представляем себе, как были поражены подлые и жестокие зачинщики этих гнусных заговоров при виде Вашей удивительной твердости. Эти низкие души не ожидали найти в Вашем лице подлинно справедливого человека, непоколебимого в своих принципах среди народного бешенства, бесстрастно спокойного даже при виде того, как рушится мир, превращаясь в развалины.

Примите наши поздравления. Да, государь, наши поздравления с тем, что всей Франции Вы дали пример добродетельного и достойного уважения мужества, в коем мы видим наиболее ра-

* Трудно поверить, но этот самый Тьерри был избран после 10 августа генеральным прокурором-синдиком департамента!

зительное доказательство Вашей подлинной верности конституции.

Примите еще раз выражение наших чувств уважения, любви и благодарности».

Примечание. Такие же обращения были посланы дистриктами Перонн, Аббевилль и др. и муниципалитетами этих городов. Они образовали как бы арьергард, следовавший за гораздо более энергичным обращением, адресованным клятвопреступнику Капету администрацией департамента. В этом обращении ему объявляли, «что он может рассчитывать на всех жителей департамента как на защитников его королевской прерогативы». Поскольку я этого последнего обращения не нашел, я не могу его здесь воспроизвести. Я имел смелость ответить на каждое из этих обращений и выступить один с сокрушительными и страшными упреками в адрес каждого из административных учреждений, позволивших себе эти обращения. Я приведу лишь следующее письмо, посланное мной 14 июля директории департамента Сомма после опубликования ее постановления от 10 июля, в котором она пыталась оправдать свое коварное поведение.

№ III

Копия письма, направленного Бабефом, в то время простым гражданином, 14 июля 1792 года, администраторам департамента Сомма в ответ на их постановление от 10 июля, оглашенное во всем департаменте, в целях оправдания их враждебных свободе обращений в пользу тирана, по поводу событий 21 июня

Администраторы!

«Критика действий установленных властей дозволена» (раздел 3, глава 5, статья 17 конституции).

Итак, общий крик негодования, вызванный вашим постановлением от 22 июня, не является «клеветой» на вас. Это только осуществление законного права, и, конечно, никогда не было более важного повода для его применения.

Когда первое должностное лицо государства убивает свободу, когда он налагает убийственное «вето» на те законы, которые одни только могут спасти родину; когда он увольняет министров-граждан, чтобы поставить на их место врагов государства; когда он приказывает преследовать всех подлинных друзей конституции и равенства; когда он оскорбляет нацию тем, что злоупотребляет словом «патриотизм», которое у него всегда на языке, между тем как в душе он хранит приверженность к тирании; когда голос всего народа поднимается против всех этих предательств, вы, администраторы, сплачиваетесь вокруг изменника, вы называете преступлением энергичный шаг, сделанный по отношению к нему частью того народа, которому французская свобода многим обязана, вы предлагаете использовать граждан-солдат этого департамента, хотя они вам не сказали, что склонны защищать тиранию,

для охраны того, что вы называете «королевской прерогативой», хотя нация пожаловала ее вовсе не для того, чтобы она была использована для порабощения нации. Нет, вашему губительному для свободы поведению нет оправдания.

Администраторы, можете ли вы, продолжая ваше издевательство, дойти до того, чтобы заявить, что, действуя таким образом, «вы думали только об общем благе, что ему посвящено все ваше время»? Можете ли вы, как вы это утверждаете, думать, что у вас только «несколько врагов»? О, ваши враги — это весь департамент, все добрые граждане страны, которых ваше постановление привело в негодование. Вы говорите, что ваши враги «в более выгодном положении, чем вы, ибо вы заняты только общественным делом, а они располагают всем своим временем, чтобы клеветать на вас». Какой вывод можно сделать из этого рассуждения? Что на вас клевещет вся страна. Это, пожалуй, правильно. Но, что менее правильно, это то, будто «клевещущие на вас могут пользоваться для этого всем своим временем». Это значит предполагать, что всей нации нечего делать больше, как заниматься вашими действиями, тогда как вы, администраторы Соммы, единственные, кто действительно с пользой занимается общественным благоденствием. О, если вы считаете, что общественное благоденствие состоит только в тех замыслах, которые вы, по-видимому, вынашиваете, ваше рассуждение может быть правильно, и остается лишь замолчать.

Неправда, администраторы, будто вы кого-то вывели из заблуждения. Все ваши рассуждения о законах не стоят даже опровержения. Ваше искусство и ваши способности к натяжкам и лжетолкованиям, к запутыванию цитат с целью создать вокруг законов темноту и лабиринт статей и затруднить их сопоставление и применение таковы, что достаточно указать на эти уловки, чтобы они не имели никакого действия. А потом, как можно убедить кого-нибудь в том, что акт, столь безнравственный, столь антиконституционный, как тот, который вы совершили, может найти оправдание в конституционных законах? Должностные лица народа, ваши печатные, распространяемые по всем муниципалитетам департамента оправдания никого не обманут. Вычурный патриотизм вашего поздравительного обращения к Национальному собранию, несмотря на всю трогательность события, послужившего ему поводом, дает материал для размышлений о тех, кто поздравляет, и потому также не окажет никакого действия. как и все то, что бы вы впредь ни сделали. Только исполнительная власть может приветствовать ваши сочинения и давать им самое широкое применение. Она извлечет из них выгоду для себя, а вас втайне будет презирать; ибо предателями пользуются, но нельзя уважать предателей. Что касается департамента в целом, то вы потеряли его доверие и доверие всей нации.

Подпись: Бабеф

Примечание. В то самое время дистрикт Мондидье тоже не отставал в отношении фанатической преданности монархии. Он сохранил в своих архивах следующий пресловутый документ, который я разыскал к концу января 1793 года и которым я завладел, так же как и приложенным к нему манифестом герцога Брауншвейгского, взяв в свидетели Л. Дюбуа, члена генерального совета дистрикта, и Л. Кавенна, прокурора коммуны Шампьен.

№ IV

Дворянин, пославший господам председателям и администраторам дистрикта Мондидье первый манифест герцога Брауншвейгского, считает долгом препроводить настоящий дополнительный манифест, особо обращенный к провинциям королевства и который очень важно предать широкой гласности.

Тот же дворянин, опасаясь, что господа председатели и администраторы дистрикта могут получить неверное представление о причинах, побудивших его послать им эти манифесты, рад сообщить им эти причины.

Осведомленный о том, как мудро дистрикт сохранял порядок и спокойствие в кантоне в отношении владений, находившихся в сфере его административной компетенции, об уважении к собственности, которое там по возможности соблюдалось, он опасался, что приближение иностранных войск может внушить им не перемену поведения, но страх, что их могут смешать с теми, кто следовал преступной и несправедливой линии поведения, внушенной бунтовщиками. Он хотел дать им знать, что, наоборот, их дух благоразумия и умеренности обеспечил им, равно как жителям, покровительство и, если б это было необходимо, помощь со стороны иностранных держав, принцев, братьев короля и всех эмигрантов, взявшихся за оружие лишь для восстановления религии, для возвращения короля на престол, для обеспечения собственности и для уничтожения анархии, от которой стонут народ и все порядочные люди. Таковы были и такими всегда будут цели эмигрировавшего дворянства, усилия которого близки к успешному завершению, вопреки тому, что черная клевета приписывает им сугубо ложные намерения.

Примечание. Предать гласности этот документ, доказывающий, что у администрации дистрикта Мондидье есть заслуги перед Кобленцем, значит дать верное представление об ее принципах. В своей общей защите я вернусь к вопросу о том, сколь пагубным для нации был этот план сохранения порядка и спокойствия, благоразумия и умеренности, которым так хвастает агент Брауншвейга. Сколь преступны администраторы, не отославшие этот гнусный документ Национальному собранию. Какова судьба этих администраторов? Трудно поверить:

Ле Франсуа, один из моих самых ожесточенных преследователей, нашел способ добиться продления своих полномочий и продолжает быть администратором! Лантуа был выбран в Конвент, и его голосование в деле тирана доказывает, что он не изменил своих взглядов. Мои злоключения после моего отъезда из Мондидье, трудности, с которыми я столкнулся, добывая свои документы, путаница, вызванная их пересылками, все это является причиной того, что лишь теперь я отыскал этот подлинный документ и манифест герцога Брауншвейгского.

№ V

Выдержка из № 153 «Друга народа» от 4 июля 1790 года. Гнусное преступление генерального администратора финансов, вымогателей незаконных налогов и судей податного суда.

Что же это, неужели нашим страданиям не будет конца? Неужели подлые агенты власти будут всегда издеваться над законами?

Я разоблачаю сегодня преступление, в сто раз более страшное, чем то, которое было совершено против мнимых поджигателей застав, и вызывающее в сто раз большую тревогу у всех честных граждан, ибо на сей раз жертвой его является человек, имеющий заслуги перед обществом, и дело его должно заинтересовать всю нацию.

Этот заслуживающий уважения человек — Бабеф, гражданин Руа. Его ночью исторгли из постели, из лона его семьи, и альгвазилы жандармерии на основании выданного податным судом ордера на арест увезли его в тюрьму Консьержери, где он заключен в течение пяти недель и лишен возможности заставить выслушать свои законные жалобы и добиться рассмотрения своего дела. Чем объяснить столь варварское обращение? Боже праведный, страшно подумать! Человека преследуют за то, что он посвятил свои таланты служению общественному благу, за то, что он составил систему обложения, мудрость которой доказана тревогой, вызванной ею среди откупщиков, общим возмущением расхитителей, взяточников и фискальных вампиров, с одной стороны, и одобрением 800 коммун Пикардии в округах городов Перонн, Сен-Кантен, Руа, Мондидье и т. д., выразившимся в посылке Национальному собранию 800 экземпляров этого сочинения, с другой стороны.

Эта система обложения изложена в брошюре, опубликованной под заглавием: «Петиция о налогах». В этом сочинении убедительно доказано, что косвенные налоги, соляная монополия, сборы, взимаемые при ввозе пищевых продуктов в города, и т. д. не должны быть сохранены, хотя бы даже временно, после того как французы стали свободными. Вся эта система покоится на двух

священных основах: «Для содержания государственных вооруженных сил и для покрытия расходов по управлению необходимо общее участие; оно должно быть равномерно распределено между всеми гражданами соответственно их возможностям» («Статья 13 Декларации прав»). «Всякие налоги и государственные повинности будут разложены пропорционально на всех граждан в соответствии с их имуществом и возможностями» («Декрет от 7 октября 1789 года»).

Вслед за доказательством того, что создание правильной системы налогов связано с разумным применением этих принципов, столь простых, но столь долго игнорируемых, автор показывает, что нет ничего легче, как следовать этим принципам во всех ответвлениях налоговой практики. Затем он показывает, что декрет от 22 марта в части финансов представляет сочетание великих принципов распределения бремени налогов в соответствии с возможностями, с одной стороны, и незаконной и несправедливой системы старого режима — с другой; этот уродливый сплав вызывает резкую критику со стороны автора. Ибо этот декрет, отменяя ту часть косвенных налогов, которая касается соли, и часть налогов, относящуюся к кожам, железу, крахмалу, маслам и пр., в то же время сохраняет основные части косвенных налогов, предписывая восстановление податных застав для табака и восстановление налогов на вино и другие напитки; вдобавок он содержит предписания о взыскании недоимок за все то время, когда, что бы там ни говорили, податные чиновники прекратили выполнение своих функций почти во всей стране; эти предписания прямо противоположны тем, которые автор сделал неколебимой основой своей системы и которые он настоятельно рекомендует собранию привести в исполнение.

Ограниченные размеры этой газеты не позволяют нам дать более детального изложения. Но мы рекомендуем журналистам, имеющим возможность писать более пространно, дать разбор этого превосходного сочинения. Или, вернее, мы призываем г-д Суле, Пакена и Бентабола, этих мужественных граждан, чья просвещенная преданность принесла столь большую пользу общественному делу, распространить это сочинение повсюду; мы убеждены, что они так же энергично помогут обращению полезных сочинений, как они преследовали опасные сочинения*. Мы просим их также направиться в Консьержери, чтобы нанести патриотический визит нашему брату Бабефу, поддержать его мужество, оказать ему помощь и дать ему возможность путем распространения его сочинения найти честный источник средств для покрытия его нужд. Друг народа счел бы честью для себя разделить с ними

* Эти три почтенных гражданина очистили Зеленый павильон королевского дворца от аристократической орды и расправились с гнусными сочинениями, которые распространял г-н Гате.

этот труд, если б он сам был свободен в своих поступках, но он полагается на их сердца. Мысленно он будет повсюду следовать за ними и будет радоваться тому добру, которое они совершат.

Марат, друг народа

Примечание. Таково суждение первого из патриотов об одном из первых моих сочинений времен революции. Надо посмотреть, сходится ли это суждение с тем, которое вынесли о том же сочинении администрация моего департамента, администрация моего дистрикта и администрация моего муниципалитета.

№ VI

Выдержка из реестра решений директории департамента Сомма, принятых в заседании от четырнадцатого декабря тысяча семьсот девяностого года

Заслушав: 1) протокол собрания активных граждан города Руа, состоявшегося четырнадцатого ноября сего года, в целях обновления половины должностных лиц и нотаблей названного города, из коего следует, что г-н Бабеф был избран в члены генерального совета, собрав пятнадцать голосов; 2) сделанное накануне г-ном Бабефом в секретариате названного муниципалитета заявление о том, что он обязывается уплатить десять ливров как свой личный налог и двенадцать ливров как свой патриотический налог; 3) сообщение директории дистрикта Мондидье, гласящее, что роспись обыкновенных налогов по городу Руа еще не закончена, что г-н Бабеф приобрел права активного гражданина своим предложением уплаты достаточного налога; но, поскольку имеется постановление об его аресте, принятое податным судом, вполне очевидно, что он находится еще под действием постановления о личной явке на суд.

Выслушав г-на генерального прокурора-синдика, директория департамента, принимая во внимание, что недостаточно того, что г-н Бабеф пожелал посредством добровольного предложения уплаты налога в размере десяти ливров приобрести права активного гражданина, которыми он не обладал на 13 ноября сего года, как не плативший этого налога, постановляет, что, помимо этого, необходимо, чтобы он пользовался полнотой прав своего состояния и чтобы на нем не было никакого пятна.

Что, будучи автором крайне мятежной петиции о косвенных налогах, он подвергся уголовному преследованию как нарушитель декретов Национального собрания, предписавших продолжение взимания названных налогов; что как нарушитель общественного спокойствия он стал предметом постановления податного суда об его аресте; что, хотя временно он освобожден, принципиальное значение имеет то, что постановление, влекущее лишение прав, сохраняет силу до судебного решения; что пятно, налагаемое им

на гражданское состояние, может быть снято только оправдательным приговором.

Что, следовательно, г-ну Бабефу надлежит представить судебное постановление, восстанавливающее его гражданское состояние; что в отсутствие такого постановления он продолжает считаться лишенным права занимать общественные должности.

Выслушав г-на генерального прокурора-синдика, постановили обязать г-на Бабефа представить в трехдневный срок, считая со дня официального утверждения настоящего постановления, решение податного суда, принятое по предъявленному ему обвинению, давшему основание для приказа об его аресте, в целях доказательства полного восстановления его гражданского состояния, если же этого не будет, объявляют его лишенным права быть избранным на государственные должности и лишенным должности члена генерального совета города Руа, и, следовательно, его избрание останется недействительным.

Выдано как точная копия записи в названном реестре мною, генеральным секретарем директории департамента Сомма, нижеподписавшимся

Подпись: Тондю, за генерального секретаря

Копия точно соответствует официальной копии, хранящейся в архиве дистрикта Мондидье.

Подпись: Кошпен, секретарь

Копия точно соответствует официальной копии, хранящейся в архиве муниципалитета Руа.

Подпись: Дамбри

Примечание: Как видно из этого документа, я был лишен возможности осуществления своих гражданских прав всего лишь на основании молвы, на основании простого предположения о наличии в отношении меня постановления о личной явке на суд. Преследование против меня было возбуждено по наущению Лонгекана, тогдашнего мэра Руа, который в дальнейшем будет появляться на всех стадиях травли, направленной против меня. Вернувшись в Руа после того, как я был оправдан податным судом, я беспрепятственно голосовал во всех народных собраниях и был избран без каких-либо возражений в члены генерального совета коммуны. Я спокойно исполнял эти обязанности до конца декабря, когда я получил это постановление департамента. Из-за того, что я принялся слишком энергично отстаивать игнорируемые права народа, вся аристократия забила тревогу и все администрации сговорились уничтожить меня. От меня потребовали предъявления документа, восстанавливающего мое гражданское состояние. Я представил его, но его не захотели принять во внимание. И вот каким образом этот документ был обойден генеральным прокурором-синдиком Тэтгреном, который сам стал предметом обвинительного декрета в июле 1792 года.

№ VII

Выдержка из письма Тэтгрена, генерального прокурора-синдика департамента Сомма, адресованного Бабефу 11 января 1791 года

«Я Вам уже объяснил, какие соображения не позволяют директории принять сразу постановление по направленному Вами заявлению. Совершенно необходимо, чтобы я доложил об этом конституционному комитету или членам Национального собрания, выразившим желание ознакомиться с этим».

Примечание. Здесь содержится признание того, что мне хотели любой ценой закрыть доступ к государственным должностям. Почему? Потому что я — друг народа, грозный для аристократов. Разве для этой клики могло быть более тяжелое преступление?

Итак, я испытал на себе закон силы и считал, что меня устранили. Но если титулованные аристократы хотели, чтобы я был ничем, то народ Руа хотел, чтобы я был всем. Без моего ведома он выбрал меня 23 марта 1791 года комиссаром по общинным землям этого города. Лонгекан и муниципалитет своим постановлением подтвердили это избрание, что было своего рода отказом от оспаривания моего права на занятие государственных должностей. Вскоре мои розыски привели меня к установлению того, что прежние эшевены Руа узурпировали у жителей обширный луг и пастбище и более двухсот арпанов отличной пахотной земли, а равно и другие земельные объекты, а конституционный муниципалитет, следуя похвальному обычаю прежних королевских эшевенов, скандальным образом расхищал доходы от этих угодий и присваивал их себе под разными предлогами. Я собрался принять меры к пресечению этих злоупотреблений, когда по мне ударили следующим очень хитрым обвинением.

№ VIII

Копия обвинения против Бабефа, выдвинутого муниципалитетом города Руа, от 7 апреля 1791 года

Параграф 1. Мы, нижеподписавшиеся мэр и муниципальные должностные лица Руа, заслушав г-на прокурора коммуны, законно встревоженные слухами, жалобами, восстаниями и бурными собраниями части народа* этого города, о чем идет речь в акте решения, принятого нами 5-го сего месяца, независимо от подробно изложенных в этом решении мотивов и причин упомянутых эксцессов, сочли своим долгом произвести в этом отношении новые розыски и более углубленно исследовать причины и мотивы этих эксцессов; мы обнаружили и мы убеждены в том, что дух, возбуждавший народ по вопросу о взимании косвенных налогов,

* Т. е. патриотов, которым Бабеф открыл глаза.

воодушевлявший и поддерживавший его сопротивление этому взиманию, по-прежнему царит в этом городе и после исчезновения этих налогов принял другое направление и повернулся к имениям и к некой анархии, в которой, при общем смятении, имущества, как государственные, так и частные, станут добычей самых яростных расхитителей, что этот дух, эти слухи и преувеличенные жалобы, желание под пустыми предлогами захватить всю общественную и частную собственность, что этот дух порожден сочинениями Франсуа Ноэля Бабефа, проживающего в этом городе, в предместье Сен-Жиль, а также зажигательными речами, которые названный Бабеф ведет постоянно, издавна и по сей день. Мы равным образом убеждены в том, что названный Бабеф возбуждает народ этого города, горячит его дух и возмущает умы; что он внушает ему, что болото Бракмон, земля, о которой идет речь в нашем вышеупомянутом постановлении, и другие частные владения, первоначально пожалованные прежними муниципальными должностными лицами этого города, являются общинными угодьями, коими он, народ, может овладеть; что названный Бабеф явился на собрание, состоявшееся в минувший понедельник, о котором идет речь в нашем вышеупомянутом постановлении; что он составил сочинение, суть которого в том, что народ захватит это болото в порядке предварительного исполнения и повалит там деревья, а дальше видно будет, как узаконить этот захват; что это сочинение он распространил в большей части домов этого города, дабы облегчить себе сбор подписей; что кое-кто отказал в подписи, а от других он получил подписи, играя на их интересах и внушая им опасение, что они не будут допущены к разделу названного болота, если откажутся подписать.

Параграф 2. Что он принес это сочинение в зал Ратуши в названный минувший понедельник и распространял там мнение, будто без нашего участия, без участия административных и высших собраний, народ имеет право располагать общинными угодьями, как частное лицо располагает своей частной собственностью.

Параграф 3. Равным образом были мы осведомлены о том, что взгляды упомянутого Бабефа, широко распространяемые и в его сочинениях, и в его устных выступлениях, о суверенитете народа, о том, как он должен и может осуществлять свои права, причем намеренно умалчивается об обязанностях, возбуждают брожение даже у наших соседей, а именно в городах Нуайоне, Сен-Кантене и Неле; что муниципальные должностные лица этих городов горько жалуются на это; что они жалуются на то, что из-за этих обстоятельств они терпят самые большие неприятности в их административной работе.

Вследствие чего и в исполнение нашего упомянутого постановления от 5 сего апреля доносим г-ну государственному обвинителю суда дистрикта Мондидье как о действиях и преступле-

ниях, перечисленных в нашем упомянутом постановлении, которое будет ему передано, так и о подробно изложенных выше фактах, и просим его заявить жалобу на эти действия, обстоятельства и последствия и добиваться государственного возмездия за них законным путем как в отношении упомянутого Бабефа, так и в отношении его сторонников и руководителей эксцессов, о которых шла речь.

Учинено и постановлено, и т. д. Подписи: Лонгекан, Жобар, Сере, Бален, Лефевр, Луве, Деснё, Польмье, Шевалье и Дамбри, секретарь-архивист.

Примечание. Легко увидеть в этом доносе четко обрисованное лицо аристократии; в своей неловкости она доходит до того, что в третьем параграфе она выставляет мой республиканизм в самом лучшем свете. Это третий процесс, который я перенес и в котором я одержал победу. Мы видим также, что Лонгекан, чьим делом это является, находится в числе подписавших.

Эта новая победа показывает, до какой степени предшествующий документ соткан из преувеличений и вымыслов. Я мог бы здесь поместить ряд подтверждающих документов в доказательство того, что мои усилия, направленные к упразднению незаконных налогов, увенчавшись успехом, как это отмечает с сожалением предшествующий документ, были обращены затем в сторону общего раздела общинных земель и полного уничтожения феодальных повинностей и что эти усилия оказались не менее плодотворными. Я доказал бы, что мои сочинения по всем этим различным предметам создали в умах самую неотразимую убежденность, я доказал бы, что посредством переписки с депутатами — друзьями народа, которые отстаивали мои идеи с законодательной трибуны, я способствовал изданию народных законов по важным вопросам. Я показал бы, как посредством печатных сочинений я затронул другой предмет, представляющий для нации еще больший интерес: я доказал, что огромные имения экс-сеньеров были, почти все, незаконно приобретены и что, если даже не принимать во внимание преступление, заключающееся в факте эмиграции, в котором большинство их повинны, нация имеет право вернуть себе это множество богатых имений. Я, таким образом, предвосхищал законы об эмигрантах. Легко представить себе, до какой степени я раздражал и восстанавливал против себя дворянскую орду всей старой Пикардии, если прочесть следующий документ, написанный и опубликованный оракулом и Дон Кихотом этой касты в нашем крае.

№ IX

Выдержка из другого донесения на Бабефа в адрес государственного обвинителя суда дистрикта Мондидье в июле 1791 года[48]

«Несчастный народ! Достаточно ли ты знаешь о том извращенном гении, который дает тебе советы и управляет тобой? Он использует твое имя, чтобы извергать ядовитые идеи, коими он пропитан; ты подписываешься под ними, не зная их, ты позволяешь машинально направлять твои движения нескольким жестоким зачинщикам, заменяющим твои древние добродетели своими пороками. Смотри, как бы не повернулась против тебя же разъедающая анархия, яды которой, подносимые рукой опасного шарлатана, ты охотно глотаешь. Извергни его из лона своего: верни его в тюрьму, которая ждет его*. Он пользуется твоим безумием, чтобы опубликовать от твоего имени зажигательное обращение, в котором он приписывает тебе антиконституционное желание заменить республикой монархическое правление, основы коего закрепили наши мудрые законодатели. Он учит тебя посягать на собственность, требовать раздела земель бывших сеньеров... Он хочет привить тебе взгляды, которые всегда противоречили закону, и т. д.» Подпись: Ги де Ламир.

Примечание. Здесь уместно привести другой замечательный документ, в котором я высказался так, что еще усилил, если это возможно, направленную против меня ярость аристократии. Поверите ли вы, что в июне 1792 года в Руа, в 22 лье от Национального Конвента, муниципалитет этого города все еще продолжал взыскивать у своих ворот ввозные пошлины, упраздненные законом от 25 февраля 1791 года? Я много раз тщетно поднимал голос против этого служебного злоупотребления, и, вероятно, странным покажется, что оно могло совершаться безнаказанно в течение 14 месяцев, до великого дня 10 августа! 8 июня я написал муниципалитету Руа, извещая его о том, что если он не положит конец этому ужасному злоупотреблению, то я его разоблачу как виновного в лихоимстве, и я приложил к своему письму проект донесения, выдержка из которого следует ниже: ее нельзя читать без чувства негодования, вызываемого отвратительными обстоятельствами этого вымогательства. Это негодование будет еще сильнее, когда в моей общей защите вы прочтете ответ, полученный мною от мэра Руа, и увидите, какую поддержку он получил от дистрикта Мондидье и от департамента Сомма для того, чтобы продолжать это преступное взыскание.

* Тонкий намек на два тюремных заключения, перенесенных мною за мой патриотизм.

№ X

Выдержка из написанного Бабефом разоблачения муниципалитета Руа, обвиняемого им в лихоимстве

«Иностранцы, путешественники и больше всего возчики, особенно сильно страдающие при взыскании этой пошлины, были возмущены. Каждый из них привык проезжать всюду по Франции как по свободной стране и приходил в изумление, когда его останавливали в Руа, как во времена внутренних таможен и вымогательств. В этой так называемой пошлине, сохраненной в Руа, все видели некое уродство, контраст, пятно, которое они не могли считать дозволенным теми, кто возрождает порядок, уничтожает все злоупотребления и строит единообразную систему свободы для всех жителей и для всех местностей нашей страны. Будучи так настроены, все крайне неохотно подчинялись требованию уплаты этой пошлины.

Но в городе не обошлось без волнений из-за этого злополучного побора. Потребовалось постоянно содержать в Руа начиная со дня упразднения этой пошлины, первого мая 1791 года, отряд линейных воинских частей для обеспечения ее уплаты.

Несмотря на наличие внушительных вооруженных сил, находившихся постоянно в готовности, чтобы требовать уплаты сбора от каждой подъезжавшей повозки, не проходило ни одной недели без столкновений, драк и даже сражений между возчиками и военными. Последние были тем более активны, что им обещали дополнительное вознаграждение, которое взыскивалось сверх пошлины со строптивых путешественников. Поэтому военные были заинтересованы в том, чтобы чаще возникали затруднения, и они всячески провоцировали их. Чаще всего возчику давали отъехать на некоторое расстояние от города; затем его догоняли, приводили обратно, окруженного вооруженными солдатами, но заставляли платить, помимо пошлины, другой сбор, который назвали «сбор за погоню», достигавший от трех до двенадцати ливров.

Эти угнетательские и произвольные действия имели место при муниципалитете 1791 года * и при отряде из 18-го кавалерийского полка, бывшего полка Берри. Когда этот отряд отбыл из Руа, его сменили национальные добровольцы, но они испытывали отвращение к подобным действиям, и на какой-то срок взимание пошлины было приостановлено. Затем некоторое время охрану несла национальная гвардия Руа, но потом решительно от этого отказалась; так что сегодня муниципалитету приходится изыскивать новые средства, чтобы заставить платить пошлину».

Примечание. Я подхожу к знаменитому событию 20 июня, когда я один все еще смело вел борьбу с открытым мятежом глав-

---

* Т. е. при муниципалитете, который возглавлял Лонгекан.

ных административных органов всего департамента, как я это показал в подтверждающих документах № 1, 2, 3 и 4. Наступило 10 августа, которое спасло меня от ярости и жестокой мести высокопоставленных контрреволюционеров. Состоялись выборы, выдвинувшие меня на пост администратора департамента Сомма. Здесь я должен сказать несколько слов о моих новых трудах, осуществленных в этом новом положении.

Интриги извергли меня из директории, но я остался членом генерального совета. Я был, таким образом, на достаточно хорошем месте, чтобы раскрыть коварные заговоры, которые плелись. Первым, замеченным мною, был заговор октября 1792 года, имевший целью открыть проход во Францию через Перонн после ожидавшегося успешного завершения осады Лилля. Главными руководителями заговора были генерал Ла Бурдонне, бывший член Учредительного собрания Бутвиль-Дюме, бывший генеральный прокурор-синдик Тэтгрен *, а равно и дистрикт и муниципалитет города Перонн, где проживали двое последних. Я был назначен комиссаром для розыска доказательств по этому делу, я доставил эти доказательства, но я убедился в том, что и новая директория департамента (в дальнейшем признанная виновной в измене) участвует в нем, ибо, как я уже сказал, несмотря на мои многократные требования, несмотря на мои письма к Ролану, тогда еще не разоблаченному, предатели спокойно спали, а мой доклад куда-то исчез.

Затем я отмечу возложенное на меня поручение остановить искусственно организованный голод в дистрикте Аббевилль. В моем большом мемуаре будет рассказано о том, как администраторы, виновные в этом новом ужасе, остались безнаказанными и как я, разоблачая их, приобрел новую орду смертельных врагов.

Я отмечу другое письмо, произведшее большое впечатление, в котором я выступил против актеров театра города Амьена, разлагавших общественное сознание представлениями роялистских и аристократических пьес. Весь Амьен, ставший в то время вместилищем для более десяти тысяч аристократов из всех провинций, возненавидел меня как неприятного цензора, а разложившаяся директория департамента обрушилась на меня, защищая актеров-развратителей.

Наконец, я отмечу разоблачение извращенности этой директории департамента, подготовленное мною для представления избирательному собранию, состоявшемуся в Перонне в первых числах ноября.

* Несмотря на то что в июле был издан против него обвинительный декрет, он продолжал самым спокойным образом жить в своем доме под покровительством Ролана.

№ XI

Выдержка из разоблачения, направленного Бабефом против директории департамента Сомма в ноябре 1792 года

«В департаменте Сомма полностью уклоняются от гласности. Этого достигли тем, что заседания назначаются на шесть часов вечера, что все двери тщательно закрываются, что собрания устраиваются в помещениях до смешного тесных, с трудом вмещающих администраторов. Объявление о том, что заседание является открытым, которое делается в начале обсуждения, есть лишь пустая формула. Сам генеральный совет почти ничем не ведает; от него скрывают все, что можно. Всеми делами завладела директория, и она всячески старается устранить надзор со стороны членов совета, которых отталкивает грубым обращением.

По-прежнему руководят администрацией чиновники бывшего интендантства. К ним отсылают всех граждан, которые находят там все то же грубое чванство, как при всемогущем прежде д'Аге *. Это те же люди, те же грубые отказы, тот же бюрократический дух. На прошения отвечают после тысячи и одного путешествия, если проситель — простой крестьянин; любезничают и проявляют готовность, если проситель — человек с весом. Ничто сегодня не изменилось в бывшем интендантстве; оно такое же, каким было в 1788 году. Только внешне оно претерпело некоторую метаморфозу. На фронтоне можно прочесть слова «Равенство, Свобода», и рядом с этой надписью — соответственные атрибуты: ликторские связки, покрытые драгоценной шапкой, и слова «Французская республика». Но сколь обманчива эта пустая внешность! Войдите, и вы будете поражены, найдя все тех же наглых чиновников, что и пять лет тому назад, которым доверена вся администрация, и т. д.»

Примечание. Интриги заглушают голос правды, и развращенная директория удержалась и могла безнаказанно аристократизировать и плести заговоры и после 31 мая, вплоть до ее чистки, проведенной Андре Дюмоном **. Но нетрудно усмотреть, какие я приобрел права на ее ненависть. Я надеялся избежать их мести, которой мне глухо угрожали, тем, что принял должность администратора дистрикта Мондидье, куда я был направлен волей народа. Для окончательной увязки событий надлежит вкратце рассказать, что я там сделал. Я оказался между Сциллою и Харибдою. Я там опять встретил Лонгекана, моего вечного

---

* *Бывший интендант Пикардии.*

** Чистки! В департаменте было так мало людей для замены этой дурной директории, что Конвент был вынужден декретировать 30 фримера упразднение революционной комиссии, учрежденной Дюмоном вместо директории.

преследователя. Он только что был избран прокурором-синдиком этого дистрикта. Это враг санкюлотов, беззастенчивый защитник дворян, эмигрантов, аристократов, так же как Ле Франсуа, несменяемый администратор, оба они — бывшие прокуроры, а я для них — враждебная стихия. Я заставил их принять план действий, обеспечивавший нации 15 тысяч арпанов владений эмигрантов в одном только этом дистрикте, т. е. ценность, превышающую десять миллионов, каковую эти два жадные существа думали освободить от национального секвестра, а также отправление кое-кого из владельцев под патриотическую бритву, ...это и целый ряд других моих действий, которые слишком долго было бы перечислять и которые все были выдержаны в духе самой чистой преданности государству, всегда меня воодушевлявшей, аутодафе, о котором я говорил на странице 8 моего сжатого очерка, воспоминания о всех моих прошлых действиях ... всего этого было более чем достаточно, чтобы решение погубить меня созрело у двух жестоких людей, на которых почти все бесчисленные мои враги возложили заботу об отмщении. Они жаждали первого попавшегося предлога для этого и насторожились, когда этот предлог, обрисованный в следующем документе, появился. Они не преминули ухватиться за него.

№ XII

Копия с заявления Жодуэна, Бабефа и Кошпена об аннулировании ими записи, которая якобы является их служебным злоупотреблением

30 января, восемь часов вечера,
открытое заседание директории, год второй
Французской республики

Граждане Жодуэн и Бабеф, администраторы директории дистрикта Мондидье, заявили, что сего дня, в полдень, когда они, единственные два администратора, находились в директории, туда явился гражданин Вилас, кюре из Этельфэ и председатель администрации дистрикта, в сопровождении гражданина Дебрена из Ассенвиля и гражданина Леклерка, одного из членов суда дистрикта Мондидье; что оный Вилас сказал, что 30 декабря он купил с торгов у директории названного дистрикта земельный участок и ферму Фонтен и прилегающие земли; что он не подписал акта о продаже с торгов, но узнал, что в заключительной части протокола, подписанного Левавассером и одним только секретарем администрации, оный гражданин Левавассер из Мондидье назван «истинным покупателем» *, что касается его, гражданина

* *При оформлении акта о приобретении с торгов приобретший имел право назвать истинного покупателя (command), для которого он участвовал в торгах и который становился собственником проданного с торгов имущества.*

Виласа, поскольку он не участвовал в этом заявлении об истинном покупателе, он его не признает и хочет быть восстановлен полностью в своих правах купившего с торгов; что его намерением было сделать заявление об истинном покупателе, но в пользу вышеназванного гражданина Дебрена, при сем присутствовавшего; что посему он просит администраторов принять от него это заявление, проверить точность обстоятельств путем рассмотрения протокола и поставить вместо имени гражданина Левавассера имя гражданина Дебрена.

Что на основании этого изложения названные два администратора направились в бюро национальных имуществ; что по представлении им протокола о продаже с торгов они, действительно, установили, что гражданин Вилас купил с торгов вышеназванный участок и что заключительная часть этого протокола содержала заявление об истинном покупателе в пользу гражданина Левавассера, чья подпись фигурировала одна вместе с подписью секретаря; что поскольку гражданин Вилас указал, что, так как он был главной стороной в этом деле, подпись гражданина Левавассера без его подписи должна рассматриваться как недействительная; что, поскольку он был объявлен купившим с торгов, он требует, чтобы ему дали подписать акт о продаже с торгов и заявить, что истинным покупателем являются гражданин Дебрен, присутствующий и согласный, и гражданин Леклерк из Ассенвиля.

Что они, администраторы, не сочли себя вправе отвергнуть эту просьбу, представлявшуюся им основанной на принципе, что «всякий купивший с торгов является хозяином присужденной ему с торгов вещи, пока он письменно не уступил своего права собственности на нее»; что, следовательно, принимая во внимание ясно выраженные намерения гражданина Виласа, они составили заявление об истинном покупателе в пользу гражданина Дебрена, вследствие чего имя гражданина Левавассера было зачеркнуто и вместо него поставлено имя гражданина Дебрена; что затем граждане Вилас и Дебрен, а равно и названные выше администраторы, подписали этот документ, и что названный Дебрен получил выписку из акта о продаже с торгов и заявил, что тут же отправляется внести двенадцатую часть цены в руки приемщика дистрикта.

Но что почти сразу же после этих обстоятельств им было сообщено, что, действительно, существует соглашение, заключенное в день продажи с торгов между гражданами Виласом и Левавассером, об объявлении последнего истинным покупателем Фонтена и что гражданин Вилас публично и самым торжественным образом принял на себя обязательство в этом смысле; что странно и непонятно, что он затем передумал и принял другие, совершенно противоположные, решения.

Вышеназванные администраторы, приняв во внимание эти затруднения и то, что они действовали, не будучи осведомлен-

ными о всех обстоятельствах этого дела, заявляют, что они хотят, чтобы их подписи и изменения, в коих они участвовали, сего дня в протоколе о присуждении с торгов не могли ни повредить, ни причинить ущерба ни одной из сторон; что их желанием является, чтобы нельзя было ссылаться на их участие в этом отношении и чтобы все было восстановлено в том же и тождественном состоянии, в каком было до их вышеуказанного участия. И подписали. Подписи: Жодуэн, К. Бабеф, Коппен, секретарь.

Примечание. Это аннулирование сделанной нами поправки положило конец всему; ясно видно, что оно продиктовано искренним и решительным желанием исправить то, что считаешь ошибкой, допуская, что преступление, всю тяжесть которого возлагают на меня, является просто формальной ошибкой. Те, кто его совершил вместе со мной, свободны от всяких обвинений, восстановлены в своих должностях, а я, я нахожусь в тюрьме, и надо мной, возможно, повис нож моих палачей. Неужто такова награда за мою преданность общественному делу! Нет, я не могу этому поверить. Сообщаю еще об одном чрезвычайно важном обстоятельстве, а именно, что это аннулирование было произведено через три часа после мнимого преступления.

№ XIII

Копия обвинения, послужившего основанием для осуждения Бабефа на 20 лет тюремного заключения

На открытом заседании администраторов дистрикта Мондидье, собравшихся в составе постоянного генерального совета 6 февраля тысяча семьсот девяносто третьего года, второго года Французской республики, где присутствовали граждане Ле Франсуа, Алло, Делаош, Дебюсси, Буаенваль, Дюбуа, Леклерк и Буатель, администраторы,

один из членов заявил, что постановлением генерального совета от 4-го сего месяца по жалобам и обвинениям гражданина Левавассера против граждан Виласа, Бабефа и Жодуэна относительно протокола присуждения с торгов фермы Фонтен от 31 декабря было предусмотрено особо рассмотреть, наличествовало ли в поведении названных граждан Виласа, Бабефа и Жодуэна должностное преступление, и постановить в этом отношении, что положено по закону.

После немедленно последовавшего вторичного и серьезного чтения вышеуказанного постановления, выслушав оправдательные объяснения вышеназванных граждан Бабефа и Жодуэна, которые затем удалились, и заслушав гражданина прокурора-синдика:

совет считает, что предмет принятого им в заседании 4-го сего месяца постановления столь важен, что он должен прежде всего

и не теряя времени заняться сделанной в конце этого постановления оговоркой и отношением между предметом этого постановления и администрацией как таковой.

Уже было доказано, теперь это доказано более чем когда-либо раньше, что в этом акте содержится подделка, и совет не может и не должен скрывать, что все его члены возмущены тем, что эта подделка есть дело некоторых из их коллег.

Но, по собранным сведениям о поведении до сего дня гражданина Бабефа, о котором совету известно как о человеке с характером и талантами и даже с тщеславной склонностью много полагать о самом себе, трудно поверить, чтобы он не сознавал значения того, что он сделал. Тем более, что установлено, что 30 января он провел почти весь день с гражданами Виласом, Леклерком из Реневаля и Дебреном, что он обедал с ними* и что как раз после обеда акт был сфабрикован в своем окончательном виде. Что все эти обстоятельства говорят равным образом против гражданина Виласа, как бы его ни рассматривать — как сторону в этом деле или как администратора и председателя администрации, — и нельзя предполагать, чтобы он не знал, как сильно подобное поведение компрометирует администрацию.

Что по-иному обстоит дело с гражданином Жодуэном. Совет полагает, что его поведение несколько отличается от поведения других. По собранным сведениям, он отнюдь не обедал и не общался с указанными гражданами Виласом, Бабефом, Леклерком из Реневаля и Дебреном до того, как дошло до подписания акта, и что он участвовал в этом деле только своей подписью. Совет полагает, судя по его поведению до сего дня, по доверию, с которым он всегда относился к своим коллегам, и по его честности, что его участие в этом деле заключалось лишь в приложении своей подписи и что он был жертвой слепого доверия к одному из своих коллег.

Что все это поведение произвело сильнейшее впечатление на публику, которая знает о малейших его обстоятельствах.

---

* Развращенные люди! До чего же вы изворотливы! Как вы умеете использовать обстоятельства! Я, а также Вилас и Леклерк, член суда, мы не проживали в Мондидье, вы это отлично знаете. Поэтому мы были вынуждены жить на постоялом дворе. Иногда мы друг друга приглашали, вы это знаете, и это вполне естественно между людьми, которых сближают их служебные обязанности. Я был в тот день приглашен Леклерком обедать с ним. Вилас оказался там же к обеду; это был обед за общим столом, в публичном месте, где мы были среди многих незнакомых людей, где не было и не могло быть никакого сговора. Зачем искажать столь простое действие? Каким образом рассчитываете вы превратить его в основание для осуждения? Но найдутся справедливые люди, которые разберутся в мотивах вашего безжалостного ожесточения, и они сумеют найти разницу между мною и вами. И тогда горе подлинным преступникам!

Что администраторы должны всегда быть на уровне своих служебных обязанностей, всегда оправдывать доверие народа и отводить от себя малейшую тень подозрения.

Что их должностное положение и их личное достоинство требуют, чтобы они не шли на уступки из любезности и желания оказать внимание; что они обязаны разоблачать злоупотребления и занимать твердую и мужественную позицию, которая показывала бы, какое возмущение вызывают в них подобные действия; они должны привлекать к ним внимание общественного мнения и тем доказать, какой ужас вызывают у них злоупотребления и как они далеки от участия в них.

А посему совет постановляет, что названные Вилас, Бабеф и Жодуэн заслуживают сугубого порицания, каждый в части, его касающейся, что о подделке и административных злоупотреблениях, о которых идет речь, будет донесено гражданам администраторам директории департамента; настоящее постановление будет им послано вместе с постановлением от 4-го сего месяца, для того чтобы они приняли решение, которое сочтут правильным. Постановляем также, что настоящее постановление послужит департаменту как обвинение и что до того, как департамент примет решение, администраторы этого дистрикта не будут общаться с названными выше Виласом и Бабефом.

Учинено и постановлено, как изложено выше, в указанные день и год. Подписи: Ле Франсуа, Дюбуа, Буаенваль, Буатель, Леклерк, Дебюсси, Делаош, Алло, Лонгекан, прокурор-синдик, и Кошпен, секретарь.

С подлинным верно, подписи: Ле Франсуа, Кошпен.

П р и м е ч а н и е. Вот основание для моего осуждения па 20 лет тюремного заключения. В этом обвинении едва упоминается о том, что мы сами аннулировали сделанную нами поправку; не потому ли, что это нас оправдывает? Кто может поверить, что Вилас, столь энергично обвиненный в этом донесении, и Жодуэн как не участвовавший в этом пресловутом обеде оправданы и восстановлены в своих должностях? От чего же будет зависеть честь и самая жизнь республиканцев, если подобным донесениям будут доверять и если подобные решения будут исполняться!

Не это опасение мучает меня. Я больше опасаюсь того, что, если, к счастью для меня, министр юстиции затребует к себе документы этого гнусного процесса, как бы его не лишили возможности ознакомиться с приведенным выше аннулированием поправки; как бы не стали отвечать на сделанный им запрос по частям; наконец, как бы не затянули посылку документов под всякими предлогами, которые у злых людей всегда под рукой.

Мне кажется, люди должны знать, что эти оправдательные заметки содержат краткое изложение всей моей истории за годы революции. И пусть меня судят! Пусть посмотрят, есть ли в представленных мною доказательствах упоминание хоть об

одном-единственном действии, не отвечающем поведению гражданина, смею сказать, полностью преданного родине! Я не заканчиваю здесь это краткое изложение, которое, если его довести до сего дня, было бы открытой книгой всей моей жизни. Я отсылаю к странице 14 и следующим страницам моего краткого очерка, а также к письмам продовольственной администрации и администрации полиции, которые особенно ценны для меня перед лицом тех властей, к которым я обращаюсь, поскольку они свидетельствуют о моем политическом и даже о личном поведении с той поры, как я нахожусь в Париже, поскольку они объясняют, как я способствовал спасению моей страны, и позволяют обнаружить мотивы, заставляющие действовать моих преследователей из Соммы, а также показывают, какие люди за меня поручились и как я сам ответил на их великодушное доверие.

В заключение я прошу членов комитетов Национального Конвента, министра юстиции, к авторитету которого я взываю, и всех сограждан, которые благоволят прочесть мой рассказ, ни на минуту не терять из виду фразу из письма администраторов полиции, которая освещает самую суть моего дела: «И кто знает, — говорят они, — не стал ли Бабеф жертвой *своего патриотизма, который, быть может, слишком энергично задевал господствовавшие в то время контрреволюционные взгляды?*»

Типография Про, во дворе Дома
правосудия

[АВТОБИОГРАФИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ] [49]

1-я графа: Фамилия заключенного, место его жительства до заключения, его возраст, число детей, их возраст, где родились, вдов, холост или состоит в браке.

«Г. Бабеф, проживает в Париже, улица Предместья Оноре, № 29, секция Елисейских Полей, возраст тридцать три года, женат, имеет троих детей: двух мальчиков и одну дочь, в возрасте: Эмиль 8 лет, Софи 5 лет, Камилл 3 года; все трое родились в Руа, дистрикт Мондидье, департамент Сомма».

2-я графа: Место заключения, с какого времени? Когда был арестован? По чьему распоряжению? За что?

«Заключен в Аббатстве, а затем, с 1 жерминаля, в тюрьме Пелажи, куда (как отмечено в протоколах полиции и комитета надзора моей секции Елисейских Полей) я сам явился 11 плювиоза по извещению от министра юстиции, переданному мне управлением полиции, которое ранее арестовало меня 24 брюмера и временно освободило 17 фримера. Этот первый арест имел место вследствие донесения, направленного парижской полиции прокурором-синдиком дистрикта Мондидье, где я был администратором.

Мотивом ареста была простая ошибка или погрешность по неопытности или незнанию форм, допущенная в административном акте; но ошибка, исправленная мною, как только я узнал и понял, что это ошибка. Из нее не последовало никакого ущерба ни обществу, ни частному лицу; но разложившиеся власти департамента Сомма, чьи направленные против свободы заговоры я наблюдал и останавливал, ухватились за это обстоятельство, чтобы отомстить мне, как стеснительному цензору, и, в четвертый раз со времени революции, они попытались юридически убить меня, как они убили Шалье[50]. Смотрите подробное описание махинаций, проделанных в целях осуществления этого злодеяния, в мемуаре, прилагаемом к настоящей таблице».

3-я графа: Его профессия до и со времени революции.

«До революции — архивист и землемер.

Со времени революции — пропагандист свободы и защитник угнетенных.

10 августа избран народом на должность администратора департамента Сомма и затем дистрикта Мондидье.

Вынужденный бежать в январе 1793 года, чтобы спасти свою жизнь от ярости должностной и прочей аристократии, собиравшейся (по свидетельству самого Андре Дюмона) организовать в департаменте Сомма вторую Вандею, я прибыл в Париж и работал секретарем в продовольственной администрации коммуны, а затем в комиссии по снабжению республики до дня моего ареста 24 брюмера, затем у патриота Прюдома — со времени моего освобождения 17 фримера и до моего второго ареста 11 плювиоза. Смотри мемуар».

4-я графа: Его доходы до и со времени революции.

«Ко времени революции мне причиталось за мою работу примерно 36 тысяч франков, а именно:

от нескольких бывших дворян (экс-маркиз де Суаекур и другие) — 30 тысяч ливров. Революция столь сильно увлекла меня, что я предпочел махнуть на это рукой, нежели тратить время на ведение судебных процессов, которые каждый из них предлагал мне вместо оплаты, из ненависти ко мне за то, что я с самого начала бросился в революцию.

И от ряда церковных учреждений — около 6 тысяч франков. Я их тоже не востребовал; я от них отказался в пользу нации, и заслуга моя тем больше, что я это сделал без всякого шума, довольствуясь тем, что просто не потребовал уплаты по этому обязательству.

Между тем это было все мое состояние. Со времени моего заключения моя жена и дети живут на то, чем делятся с нами два или три друга санкюлота, доходы которых состоят из поденного заработка. Но таковы добродетели республиканцев».

5-я графа: Его личные отношения и связи.

«В 1790 году — с Маратом, который был моим добровольным защитником, который называл меня в своих газетах «своим бра-

том, своим другом» (см. стр. 31 прилагаемого к сему мемуара) и который помог мне выйти победителем из застенков Консьержери, куда меня бросили те же враги, что и ныне преследуют меня, и предали меня в руки гнусного податного суда, хотевшего уничтожить меня за то, что я опубликовал петицию, приведшую к упразднению незаконной системы косвенных налогов.

В 1793 году — с Сильвеном Марешалем, который устроил меня на работу в продовольственную администрацию, а затем — у революционера Прюдома.

Постоянно, начиная с 1789 года — с санкюлотами департамента Сомма; я был их добровольным защитником против государственного и частного угнетения со стороны аристократов всех мастей.

И — с теми же аристократами, чтобы бесстрашно драться с ними и срывать их постоянно возобновляющиеся посягательства».

6-я графа: Характер и политические убеждения, проявленные им в мае, июле и октябре 1789 года, 10 августа, во время побега и смерти тирана, 31 мая и во время военных кризисов. Подписывал ли он постановления или петиции, направленные против свободы.

«В то время, когда составлялись наказы для Генеральных штатов, я опубликовал свои мысли о необходимости упразднения сословий и различий между людьми, против чрезмерного неравенства имуществ и о народном просвещении. Я вторично опубликовал эти идеи на страницах XVI—XVIII того сочинения, цитата из которого следует.

Как только стало известно о взятии Бастилии, я покидаю свой департамент, прибываю в Париж 17 июля. Я печатаю там революционное сочинение, озаглавленное «Постоянный кадастр», план которого задуман был мною еще во время составления наказов. В сочинении этом, помимо показа наиболее справедливой системы налогов, я установил необходимость всех переворотов и перестроек, которые не замедлили осуществиться и из которых в конечном счете последовало возведение здания республики.

Я оставался в Париже до версальских дней 4 и 5 октября, когда я голосовал вместе с честными парижанами.

Вскоре после того я вернулся в свой департамент. Я там написал и опубликовал сочинение, требовавшее упразднения незаконной и стеснительной системы косвенных налогов, за которое я был брошен в застенки Консьержери, а потом защищен и спасен Другом народа в первые дни июля 1790 года.

Вернувшись вторично в свой департамент, я там составлял и издавал патриотическую газету, озаглавленную «Исследователь декретов».

Одновременно я публиковал и другие сочинения, в которых высказывался за раздел общинных земель и за полное упразднение феодального режима. Местные власти, продавшиеся аристо-

кратии, дважды привлекали меня за это к ответственности перед судами, антипатриотизму которых я противопоставлял только силу моих принципов и моей правоты.

Я по собственному желанию защищал множество санкюлотов, угнетенных контрреволюционерами, в том числе в июле 1791 года семнадцать человек, привлеченных к ответственности перед судом в Мондидье по обвинению в восстании против феодальных тиранов, которые, вопреки законам, отменившим их вымогательские права, хотели сохранить их. Я спас этих несчастных семнадцать человек от смерти, которой требовал предать их судья — докладчик по этому делу.

После бегства Капета в Варенн я выступил в клубе Нуайона, членом которого я был, и предложил принять обращение, направленное к установлению республиканского правления.

Так как я не смог добиться принятия этого обращения, я осмелился сам выступить за республику в опубликованном мною сочинении, которое стало предметом доноса аристократов — выдержку из него можно найти на странице 42 прилагаемого к сему мемуара.

8 июня 1792 года я энергично напал на подлый муниципалитет Руа, имевший бесстыдство и наглость даже в то время взимать при ввозе в город пошлины, отмененные законом от 25 февраля 1791 года. (См. стр. 43 прилагаемого мемуара.)

В памятный день 21 того же июня месяца я один вступил в бой с ненавистными администрациями департамента Сомма. Моя смелость увлекла меня до такой степени, что я стал распространять по всему департаменту контробращения и контрпрокламации, чтобы ослабить действие тех, в коих они призывали всех граждан этого департамента мстить за мнимые оскорбления, якобы нанесенные особе короля. (См. стр. 24, 25 и след. прилагаемого мемуара.)

После 10 августа народ выбрал меня администратором департамента Сомма.

В следующем октябре месяце я раскрыл и сорвал заговор, имевший целью открыть проход во Францию через Перонн вслед за ожидавшимся успешным завершением осады Лилля. (См. мемуар, стр. 45.)

Затем я срываю заговор голода, организованный в дистрикте Аббевилль. (Мемуар, стр. 46.)

Я веду войну с комедиантами-развратителями, заражающими дух общества в Амьене. (Там же, стр. 46.)

Я разоблачаю директорию департамента Сомма, которая увековечивает антипатриотическую систему, внушающую величайшую тревогу. (На той же стр. 46 мемуара.)

Ноябрь 1792 года. Я избран администратором в директорию дистрикта Мондидье. Я там энергично преследую эмигрантов и активно противодействую тому покровительству, которое им оказывают некоторые мои коллеги. Я препятствую сокрытию ими

имуществ стоимостью в 15 миллионов от секвестра в пользу государства. (Мемуар, стр. 48.)

После смерти тирана по моему предложению были сожжены 12 портретов королей и другие монархические атрибуты, сохранившиеся до тех пор. Я один возглавил это аутодафе посреди площади в Мондидье, пройдя с риском для себя сквозь приверженную аристократии толпу и презирая ее колкости и даже скрытые угрозы. (См. мемуар, стр. 8 и 48.)

Январь 1793 года. Я допускаю по недосмотру формальную ошибку в административном акте. Я ее признаю и исправляю. Тем не менее аристократия прибегает ко всяким интригам, чтобы обвинить меня и бесповоротно погубить. (Мемуар, стр. 9 и след. и 49 и след.)

Февраль 1793 года. Я бегу от преследований. Прибываю в Париж. Здесь я становлюсь секретарем продовольственной администрации под началом Гарена. Его преемники оставляют меня на этой работе и самым выгодным образом свидетельствуют о моем патриотизме и о моей честности. (См. стр. 14 мемуара.) Ко времени революции 31 мая руководители департамента Сомма, продолжающие проявлять свои контрреволюционные настроения, поддерживают затем полностью федералистскую систему, помогая всеми своими силами осуществлению задуманного против Парижа плана голода. Поэтому они неохотно выполняют требования об отправке продовольственных продуктов, с которыми к ним обращаются. Руководя мероприятиями, которые должны были их к этому принудить, я их преследовал беспощадно. Они узнали, что это мне они обязаны тем энергичным и принудительным воздействием, которое они испытывают, они решили отомстить. Они вновь поднимают свою старую тяжбу со мной. Меня обвиняют, арестовывают (24 брюмера, стр. 16 и 17 мемуара). Я представляю доказательства энергии и патриотического поведения, проявленных мною во все времена, их находят разительными. Наводят справки относительно обвинений против меня, мои обвинители не присылают их. (См. стр. 18 и 19.) Многие хорошие санкюлоты, и в их числе философ, мудрец Сильвен Марешаль выступают поручителями за меня; меня временно освобождают. (Мемуар, стр. 19 и 20). Министр юстиции, ознакомившись со всем этим делом, советует мне, для того чтобы полностью оправдаться, самому вернуться в заключение. Я повинуюсь, 11 плювиоза я возвращаюсь в арестный дом Аббатства, где я составляю и направляю прилагаемый к сему краткий оправдательный очерк комитетам Конвента и министру юстиции с просьбой изъять меня из рук моих ожесточенных преследователей и вернуть обществу, коему я всегда служил всеми своими силами. Я жду этого акта справедливости с тем большей уверенностью, что Комитет общественной безопасности декретом от 8 вантоза облечен полномочиями вернуть мне свободу на основании этого отчета о моем политическом поведении за время с 1789 года». Бабеф

ПИСЬМО СЫНУ [51]

14 плювиоза [2 февраля 1794 г.]

Ты прав, братец мой, восхваляя принцип, содержащийся в Декларации прав: не делай другим того, чего ты не хотел бы, чтобы делали тебе.

Это прекраснейшее из всех правил. Если бы люди точно следовали ему, они все были бы счастливы. Каждый сказал бы: я хочу пользоваться всем, что мне необходимо, но я должен желать, чтобы и все другие, мне подобные, люди также пользовались всем, что им необходимо. Таким образом, я должен иметь лишь ту долю средств, которую возможно предоставить каждому члену общества в вознаграждение за то, что каждый в соответствии со своими способностями будет участвовать в труде на пользу общества. Таким образом, можно будет сказать, что царит равенство, что все люди — братья. Не будет больше бездушных богачей, оскорбляющих бедняков. Не будет больше бедняков, лишенных всего и вынужденных для поддержания своего печального существования продавать свои услуги богатым, становиться их рабами, покоряться во всем их воле. Друг мой, это столь драгоценное равенство, возвышенный принцип которого так поразил тебя, это и есть моя мораль, это религия твоего отца, его конституция, его основной закон, это предмет всех его привязанностей, и он полагает, что пока люди не примут эту систему, не будет между ними ни мира, ни благоденствия, ни справедливости. Многие люди, недостаточно осознавшие исключительную справедливость этой системы и то, как легко ее организовать, возражают против того и другого. Но их очень легко убедить в неосновательности их суждений и заставить их замолчать. Именно это я постараюсь доказать тебе со всей очевидностью и разъяснить в то же время, что французский народ, вполне вероятно, доведет свою революцию до счастливого конца, до установления этой системы совершенного равенства, которое обеспечит всеобщее счастье, тем более восхитительное, что оно будет построено на основаниях, делающих его неизменным. Только по достижении этой цели завершатся усилия нашей республики.

Твой папа целует тебя
Г. Бабеф

15 плювиоза II года [3 февраля 1794 г.]

Я видел Камилла. Он был рад видеть меня, и я был не менее рад видеть его. У него очень славное платьице. Поскольку ты поправляешься с каждым днем, надеюсь, дней через семь—восемь я получу такое же удовольствие видеть тебя.

14 Pluviôse.

Tu as eu raison, mon frère, de trouver bien beau le principe contenu dans la Déclaration des Droits: Ne fais pas aux autres ce que tu ne voudrais pas qu'il te fût fait.

C'est là la plus belle de toutes les maximes. Si les hommes la suivaient bien exactement, ils seraient tous heureux. Chacun dirait: Je désire jouir de tout ce qui m'est nécessaire, mais je dois désirer que chacun des autres hommes mes pareils jouissent également de tout ce qui leur est nécessaire; ainsi je ne dois [redacted] avoir que la portion de jouissances qu'il est possible de procurer à

Письмо сыну 2-3 февраля 1794 г.

ПИСЬМО СЫНУ

24 плювиоза [12 февраля 1794 г.]

Я посылаю тебе, дорогой друг, твое письмо от 22-го после того, как я его исправил.

Я заработал здесь пятьдесят франков; кажется, само небо не перестает нас защищать. Я зарабатываю деньги даже в тюрьме. Я посылаю тебе эту небольшую сумму; она поможет всем вам прожить еще хоть некоторое время.

Твоя мать показала мне маленькие пряники, которые она купила каждому из вас; тот, который начат, это твой, я откусил от него, ты увидишь следы моих зубов; я уверен, что ты не рассердишься.

В то время, когда области назывались провинциями, Корби, Амьен, Бретейль, Мондидье, Руа, Нель, Гам, Перонн принадлежали к Пикардии; Сен-Кантен, Гиз, Вервен, Лафер и Шато-Тьерри относились к Суасоннэ, а Компьен принадлежал к Иль-де-Франс.

Но с тех пор, как уничтожили провинции и создали департаменты, Корби, Амьен, Мондидье, Руа, Гам, Перонн относятся к департаменту Сомма, Бретейль и Компьен — к департаменту Уаза; Сен-Кантен, который теперь называется Свободная Сомма, Гиз, который называют Реюнион на Уазе, Вервен, Лафер и Шато-Тьерри, называемый теперь Монтань-на-Эне, принадлежат к департаменту Эна.

Я должен тебе объяснить причины всех этих изменений названий городов. Сен-Кантен — это название, связанное с суеверием. Республиканское правительство его уничтожило. Это название изменили на Свободную Сомму; Сомма — потому что река Сомма начинается вблизи Сен-Кантена, и Свободная — потому что жители этой коммуны славятся тем, что они верны принципам конституции.

Наименование Гиза идет от прежних герцогов Гизов, ненавистное наименование, потому что прежние герцоги были сеньерами-тиранами, связанными с королевскими семьями. Гиз переименовали в Реюнион на Уазе. Реюнион — потому что хотели сказать, что граждане этой местности стремились соединиться с друзьями Свободы. Добавили «на Уазе», чтобы указать, что этот город расположен на берегах реки Уазы.

Название Шато-Тьерри тоже имело дворянское и сеньериальное происхождение. Оно означало замок, принадлежащий сеньеру Тьерри, потому что Тьерри было имя старинного сеньера, очень давно построившего замок...*

---

* *На этом рукопись обрывается. Реюнион — по-французски «соединение»; Шато — по-французски «замок».*

ПИСЬМО СИЛЬВЕНУ МАРЕШАЛЮ [52]

День декады, 10 вантоза II года
[28 февраля 1794 г.]

Я уже проглотил твое произведение [53] ... (я оставляю место для прилагательного, пригодного для его определения, его нужно придумать, я пока такого не нахожу). Я делаю это не для лести, я никогда этим не занимался и знаю, что ты не способен ее воспринимать. Ты оказываешь мне доверие, желая получить мое откровенное и точное суждение об этом творении, ты его получишь, но дай мне время еще раз просмотреть его, насладиться им, все взвесить и в целом, и во всех его частях, с тем полным вниманием, которого оно требует. В ожидании этого разреши мне облегчить свою душу, дав тебе обещание, что я его перечитаю и дам читать моему сыну. Многое не покажется ему новым, он воспитан на этом учении. И он слишком доверяет своему отцу, своему другу (зная, что он никогда его не обманывает), чтобы усомниться в том, что́ он внушает его разуму. Мне нечего поэтому опасаться, что сохраняющиеся еще в обществе предрассудки повлияют на его душу и одержат верх над моими уроками. Я использую эту книгу как подкрепление, как дополнительное доказательство в пользу тех убеждений, в которых я воспитывал своего ученика. Но я заранее предвижу его восторг, я уже радуюсь его восхищению при виде твоего катехизиса, который вместо обмана покажет истину и заставит принять ее людей, которых он любит и с сожалением взирает на их заблуждения. (Да, такова сила этой прекрасной истины, что даже, когда она была только нашим достоянием, мелкие людишки рассматривали нас как больших детей.)

Я радуюсь восторгу, с каким он воспримет чары поэзии, развивающей перед ним в прекрасной и осязаемой даже для его детского разума форме те принципы, которые одни только ему и излагались, но без блеска, в гораздо менее ясной, правильной и прочувствованной форме.

Я хочу доставить себе удовольствие поработать три—четыре дня над твоей книгой, и, когда пройдет этот срок, тебе придется прочитать мое произведение в прозе, где я использую данное тобой разрешение судить о том, чем я предпочел бы просто восхищаться. Не считай меня льстецом. Твое произведение вызывает, помимо моей воли, такие выражения, которые могут казаться славословием, если бы я заранее тебя не предупредил, что они выражают лишь подлинные чувства моей души.

В остальном ты найдешь, быть может, меня слишком смелым, когда я перейду к размышлениям по поводу тех частей твоего произведения, где ты излагаешь свои мысли о том, как возможно лучше упрочить человеческое благосостояние. Я предвижу, к какому проекту высшего счастья, восстановления и сохранения под-

линных естественных прав, согласующихся с общественными выгодами, приведут меня эти размышления. Когда я представляю себе эту картину, мне кажется, что, хотя ты в этом отношении приблизился к истине больше, чем кто-либо из тех, кого я знаю, ты еще не полностью ее постиг.

ГРАЖДАНАМ ЧЛЕНАМ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО КОМИТЕТА

Арестный дом, именуемый Пелажи, 23 флореаля II года Французской республики, единой и неделимой [54]
[12 мая 1794 г.]

Граждане представители!

Конечно, я воздаю большую благодарность за то, что я получил отсрочку судебного производства, направленного против меня, что документы моего дела были препровождены в законодательный комитет и что я получил уверенность в том, что будет произведен строгий пересмотр этого дела, на которое я принес жалобу как на плод гнусной злобы и аристократической травли, и, наконец, за то, что я получил уверенность в том, что правосудие будет вершить сам Конвент. Но я беру смелость напомнить докладчику по моему делу через посредство комитета в целом, что я изнываю в заключении уже в течение шести месяцев (начиная с 24 брюмера), что моя жена, трое моих детей и я сам, мы остались без куска хлеба.

Я хорошо понимаю положение людей, занимающих первейшие государственные посты. Я знаю, что они переобременены делами и должны отдавать предпочтение делам общим перед делами частными. Но, граждане представители, мое положение ужасно...; примите его во внимание, я вас умоляю об этом во имя патриотизма и человечности. Ваша растроганная душа поможет вам найти время, чтобы заняться моим делом.

Вы не сможете дольше мириться с мыслью, что мои преследователи, корреспонденты Кобленца (как я это доказал в моем печатном кратком очерке, находящемся перед вашими глазами, на стр. 28 и 29), действовавшие во все времена как контрреволюционеры, спокойно спят и все еще занимают высокие государственные посты, тогда как я, за то, что всегда преследовал их, за то, что постоянно срывал их гибельные замыслы, я изнываю как их жертва в тюрьме, на хлебе и воде, лишенный возможности сноситься с людьми, не будучи в состоянии даже дать знать моей жене о моем положении. К этому добавляется еще мучительное сознание, что и она и мои юные дети доведены до такой же нищеты.

Будучи республиканцем, я бы еще перенес это мучительное положение с силой и твердостью, но меня терзает мысль о том, что оно разделяется нежными и слабыми существами.

Шесть месяцев заключения — это слишком большая кара за нарушение формальных требований; за то, что я всегда был более привязан к литературе, чем к крючкотворству, к которому относятся эти злополучные формальности; за то, что, приняв государственную должность, не отдал себе отчета в том, как это опасно при моем незнании формальных требований; что я допустил ошибку в отношении этих формальностей, которую, однако, исправил сразу же после того, как совершил ее и как только узнал, что это была ошибка. Я надеюсь, что эти шесть скорбных месяцев будут учтены и что благожелательность комитета сделает так, чтобы мне осталось добавить лишь немногие дни страданий к тем, что я перенес, искупая невольную ошибку.

Бабеф

Я прошу у комитета и у гражданина Мерлена, докладчика по моему делу, разрешения указать им, что, по-видимому, все суды бывшей моей провинции похожи друг на друга. В отчете о заседании Конвента 17-го сего месяца я читаю доклад Комитета общественной безопасности, который предписал суду департамента Эна, соседнего с департаментом Сомма, отсрочить производство, возбужденное против Серго, мирового судьи в Суассоне, и отослать документы его дела в комитет на рассмотрение.

ПРИЛОЖЕНИЯ

[ЗАМЕТКИ О ПОБОИЩЕ НА МАРСОВОМ ПОЛЕ] [1]

[Руа, после 17 июля 1791 г.]

...сделали вы с вашим оружием? Некоторые из вас убивали ваших же друзей, ваших же родственников. Новоявленные сеиды, вашим мужеством злоупотребили, вас превратили в жалкие орудия страсти, которая не была, не есть и никогда не будет вашей.

Но отведем на мгновение наши взоры от этого кровавого избиения невинных, чтобы проследить за отвратительными кознями виновников заговора...

Оглушенные, опрокинутые, пораженные страхом.
Хвалить Прюдома за его газету.
Бесполезно писать в Собрание.
Восстание есть самый священный долг. Лафайет.

Могут ли избирательные корпусы?
Клика Антония.
Гласность есть гарантия для народа.
Пересмотр. Какую широту можно дать... когда, полагаю, феодальный строй отойдет в прошлое.
Благо народа — высший закон. Мабли [2].

АГРАРНЫЙ ЗАКОН [3]

I

См. Декларации прав, статьи 14 и 27

Татарин в Париже

Аграрный закон. Август 1789 года

Французские анналы. Ноябрь 1790 года

Фрапаоло

Монтескье. Величие римлян и их упадок.

«Парижские революции», № 96, № 82, 29 января 1791 г., где имеется: «О собственности».

Марат, 30 июня 1790 года

Prudhomme. Traité des Rotures

Traité des Fiefs d'Henrion de Pensey. Introduction, pp. 21 à 27 (surtout)

L'Année littéraire (Mai ou Mars 1791. Article de la Noblesse)

Des fiefs, par Hervé. Весь том I. — Он копирует Анриона, но более развернуто. Хороший исторический очерк. Очень существенное примечание на стр. 68 об обычаях германцев в отношении раздела земель. Стр. 106 и 109. — Анархия при второй династии. Замена монархического правления феодальным. Сокращение числа аллодов. Происхождение правила «нет земли без сеньера». При обеих династиях иногда давали духовенству любые преимущества королевства: страсть то обогащать, то грабить его (эта страсть может возродиться). Стр. 148. — О сервах: внимание — о праве мертвой руки и идеи о сеньериальных налогах. Стр. 160. — Баналитет, личные повинности связаны с переписями, поэтому он не говорил о том, что упраздняли без возмещения личные повинности, а не все то, что связано с пожалованиями земель: оно того же происхождения, что и другое. Стр. 182. — Муниципалитеты и мировые суды у германцев, назначаемые путем выборов. Стр. 220. — Livre des Seigneurs, p. 6. Происхождение фьефов, как у викария де Мери и т. д.

Фременвилль, стр. 5. Происхождение фьефов. Г.........цы из Скифии, включая франков, бургундцев, готов, обрушившихся на и т. д.

Происхождение фьефов, стр. 1. Свод для сеньеров и основные начала фьефов.

Востребование собственности. Относительно обычаев Фэй и т. д.

История Пикардии

Оратор

Происхождение франкмасонов

Мысли Оксенштерна

Социальное неравенство

2440 год, особенно стр. 151: подручные, поденная заработная плата, нехватка хлеба, законы об экспорте.

О фьефах. Essai sur l'Histoire Générale 277, v. I

O Lettres de cachet

Ораторское искусство

Поэма о религии

Essais sur Paris

Cahier de Massy

Национальные имущества 24 октября 1789 года

Mémoire des Princes, décembre 1788

Journal des Décrets, 1 novembre 1789

Journal de Bertier Lorence, Octobre et Novembre 1790

Feuilles de Mercier, 11 octobre 1789, et 13, 14, 16, 24, 25, 29 Octobre, 31 Octobre. См. под этой датой 31 октября проект резолюции г-на Лебрена[4], самой замечательной, которая когда-либо была предложена. См. также у Мерсье, та же дата.

Разбор 45 Annonces de Picardie

Справиться для моего письма к г-ну Лефевру из Аббевилля. Le Tartare à Paris.

II

Chronique. Об аграрном законе [5]
О вещной собственности, глава 9, книга I
Общественный договор, стр. 36

Каждый человек естественно имеет право на все то, что ему необходимо. Но сознательный акт, делающий его собственником какого-нибудь имущества, исключает его участие во всем остальном. Получив свою часть, он должен ею ограничиться и не имеет уже никакого права в общине. Никто не имеет права занимать больше того количества, которое необходимо для его существования... Разве может человек или народ завладеть огромной территорией и лишить ее весь род человеческий иначе, чем посредством подлежащей наказанию узурпации, поскольку она отнимает у остальных людей место для проживания и предметы питания, которые природа дает им для общего пользования.

Стр. 41. Основной договор не уничтожает естественного равенства, а ставит нравственное и законное равенство на место того физического неравенства, которое природа могла создать между людьми. И, хотя они могут быть неравными по силе и талантам, они все становятся равными по договору и по праву.

[1]. При дурных правлениях это равенство имеет лишь показной и иллюзорный характер, оно служит лишь тому, чтобы закрепить бедного в его нищете, а богатого — в его узурпации. Фактически законы полезны всегда тем, кто владеет, и вредят тем, у кого ничего нет. Отсюда вывод, что общественное состояние выгодно для людей лишь в том случае, если они все что-то имеют и никто из них не имеет ничего лишнего.

Равновесие властей, стр. 73.

Кто распоряжается законами, не должен распоряжаться людьми, а кто распоряжается людьми, не должен распоряжаться законами; иначе законы, поставленные на службу его страстям, часто будут лишь увековечивать несправедливости. Добавить стр. 103.

Санкция народа, стр. 75.

Численность государственных должностных лиц. Чем больше их, тем их корпоративная воля ближе к общей воле. Стр. 119.

Когда более мудрые правят массой, это лучший и самый естественный порядок, если мы уверены, что они будут править для ее пользы, а не для своей. Стр. 129.

В тот момент, когда народ выбрал своих представителей, он уже не свободен, он уже не [существует?] Стр. 185.

Публичные собрания должны быть периодическими, без того чтобы их созывали [в определенные дни]. Стр. 194.

Выборы по жребию были бы хороши в подлинной демократии, где существовало бы полное равенство в нравах, талантах, правилах поведения и имуществах. Стр. 211.

О гражданской религии, стр. 250. Цветущее государство, гибнущее, государственные изменники, узурпаторы. Что говорит христианин? А, впрочем, не все ли равно, быть свободным или рабом в сей долине бедствий!

СЧЕТ И ЗАПИСКА

на все причитающееся гражданину Бабефу от граждан — жителей коммуны Анжест за все его работы, связанные с судебным делом о цензе и с упразднением сеньериального режима

27 октября 1791 года. Образец доверенности, подлежащей подписанию всеми жителями . . . 1 liv. 4 s.

1 ноября. Переписка в связи с судебным уведомлением 4 ноября . . . 3 liv.

3 ноября. Регистрация доверенности и гербовая бумага как для этой доверенности, так и для вышеупомянутого судебного уведомления . . . 1 liv. 10 s. 6 d.

Того же числа поездка в Мондидье, следующий день, 5-го, употребил на согласование и собирание сведений, а день 6-го — на возвращение в Руа, всего 3 дня по 5 . . . 15 liv.

20 ноября. Потратил один день на составление с Мишелем Десаши переписи всех жителей и на сбор других необходимых сведений . . . 5 liv.

21. Переписка, связанная с оформлением официальных предложений, адресованных Де Морси, с переписью всех жителей-землевладельцев . . . 10 liv.

35 liv. 14 s. 6 d.

Гербовый сбор с этого документа . . . 13 s.

Поездка в Анжест в связи с этим оформлением, включая возвращение в Руа, 2 дня . . . 10 liv.

17 декабря. Переписка, связанная с оформлением предложений прокурору-синдику дистрикта Мондидье . . . 10 liv.

Гербовый сбор с этого документа . . . 1 liv. 4 s.

Поездка в Анжест и Мондидье в связи с этим оформлением, 2 дня . . . '0 liv.

24 декабря. Поездка в Мондидье и Анжест на судебное заседание, где должно было слушаться дело Мартена Кавнеля, включая возвращение в Руа, 2 дня . . . 10 liv.

1 января. Составление образца возражения против исполнения судебного решения для Мартена Кавнеля . . . 1 liv. 5 s.

Другое возражение для него же . . . 1 liv. 5 s.

27 января. Выступление в суде в защиту Мартена Кавнеля, включая поездку туда и обратно . . . 10 liv.

8 февраля. Поездка в Мондидье для ознакомления с документами . . . 5 liv.

9 февраля. Образец возражения против исполнения судебного решения для Александра Куртуа. . . . 1 liv.

96 liv. 1 s. 6 d.

...Апрель. Расходы на переписку, бумагу и гербовый сбор . . . 11 liv. 4 s.

107 liv. 5 s. 6 d.

Июнь месяц. Докладная записка и петиция в Национальный Конвент, адресованная мной гражданину Майлю[6], депутату и главному члену феодального комитета. В этой записке я доказал незаконный характер цензов и всех сеньериальных прав. Я показал, что никогда не было никакого первоначального пожалования земель и что все это — только чистейшая узурпация. Гражданин Майль и другие написали мне, что никогда не читали ничего столь разительного, как мой труд. На его основе был составлен доклад феодального комитета, за которым последовал навеки памятный декрет от 28 августа. Жители Анжеста должны помнить, что я всегда обещал им, что именно этим путем я наверняка выиграю их дело. Я сделал эту большую работу столь же для них, сколь и для всей Франции. Но я за это не получил ни от кого ни одного денье. Я не прошу граждан Анжеста оплатить мне действительную стоимость этой работы, я прошу у них лишь небольшого вознаграждения для моей жены, которую мои бедствия довели сейчас до очень тяжелого положения. Я ограничиваю это вознаграждение 30 ливрами. Те, кто пользуется благодеяниями упразднения феодального строя, не могут пожалеть этой суммы:

	Перенос . . . 107 liv. 5 s. 6 d.
	. . . 30 liv.
	. . . 137 liv. 5 s. 6 d.
В счет этой суммы я получил от Мишеля Десаши в два приема 27 и от Мартена Кавнеля 5, всего	. . . 32 liv.
	105 liv. 5 s. 6 d.

Подтверждаю получение от граждан коммуны Анжест суммы в сто пять ливров пять су шесть денье, соответствующей итогу счета настоящей записки и за дела, в ней указанные. Учинено сего шестнадцатого марта 1793, второго года Французской республики.

К. Бабеф

ПЛАН ДОКЛАДА КОМИССИИ 48 СЕКЦИЙ[7]

[август 1793 г.]

Почему вы собрались здесь? Мы близки к смерти от голода. Чтобы узнать, есть ли заговор голода или нет. Заговор продолжается.

Отчего зависит продовольственное снабжение Парижа. Какие имеются декреты? Какие люди используются для их проведения в жизнь?

Какие сказки они пишут из департаментов... после уборки урожая?

Паш[8] царствует. Он вами пренебрегает. Он диктует все, что хочет, генеральному совету. Он нанимает, кого хочет. Какие

люди в канцеляриях? Доказательство, что они не умеют читать. Паш угрожает. Чего следует опасаться от него Гарену.

После того как единственные ободряющие законы, от 1 и 5 июля, отменены, нам остается только закон от 15 августа.

Обновленный комитет земледелия. Закон через 3 дня. План Леонара Бурдона. Мой план.

Повсюду афиши Паша. Он использует свои коварные уловки по отношению к обманутому народу. Он умело использует показное отчаяние, чтобы произвести контрреволюцию.

Ему остается только отделаться от такого наблюдателя, как я. Сколь многим я рискую. Поддерживайте меня на моем посту до тех пор, пока не минуют опасности.

Заявить, что он потерял доверие.

И когда Паш сделает то, что он собирается делать, он опять скажет, что забыл, как Северную армию. Сколь коварна его притворная неопытность!

Какую роль играл Барер в декретах 25-го!

Часть Конвента, по-видимому, хочет, чтоб народ дошел до отчаяния и контрреволюции. Нужно восстание. Народ угнетен.

Когда у народа будет хлеб, он будет сражаться.

Сгруппировать факты. Паш препятствует разоблачению намерений Гара. Паш превышает максимум. Паш хочет кормить федерацию рисом. Паш уверяет, что не будет недостатка ни в чем, тогда как на складах нет ничего. Паш — создатель закона от 5 июля, уничтожающего закон от 4 мая. Паш уничтожает закон от 5 июля в тот момент, когда закупки, произведенные на основании выданных разрешений, могли быть реализованы заботами представителей народа. Он, таким образом, задерживает то, что было закуплено. Паш овладевает один продовольственной администрацией. Заключение Гарена в тюрьму. Паш ничего не оставляет, кроме декрета от 15 августа. Паш подбирает глупцов для наблюдения за его выполнением. Паш отводит план Л. Бурдона и мой и изменяет состав комитета земледелия. Паш распространяет клевету о продовольственной администрации. Паш добивается ее роспуска. Паш замещает ее членов по своему усмотрению. Паш выпускает афиши. Паш отказывается явиться на призыв народа. Паш угрожает и хочет разогнать тех, кто его разоблачает. О Паш, о чудовище! Если кто-нибудь из твоих шпионов слушает меня, обрушь на меня, если хочешь, свою гнусную мощь! Пусть я погибну, но пусть мое разоблачение твоих злодеяний переживет меня! Да послужит оно моим соотечественникам и побудит их своевременно принять меры, дабы избежать ужасной ловушки, поставленной на их пути. (Примите решительные меры, и вы все узнаете от Гарена).

Народ вечно обманывают! Тот, кто ему честно служил, покрыт позором, тот, кто его предавал, пользуется внушающей ужас благодарностью. Лицемерная маска, поношенная одежда, простота — подобные средства еще отнюдь не применялись.

ЗАМЕТКИ, СДЕЛАННЫЕ В ТЮРЬМЕ [9]

Шометт.

Воспитание. Цитировать ученика природы...* Элементарные принципы воспитания моего сына. Конституция — они ее вызубрят, как попугаи, это выше их понимания.

Нет не только отцов и матерей, способных обучать, нет даже и учителей.

Процитировать статью конституции.

По окончании школы дети бедняка, у которых знаний будет мало, смогут научиться только какому-нибудь грубому ремеслу, а дети богатого разовьют дальше свое образование.

Человеческие знания являются общей собственностью; тот, кто больше знает, побьет того, кто знает меньше, следовательно, богатый одержит опять верх, потому что он богатый, даже при равном вооружении.

Опять появятся пролетарии, пассивные граждане, потому что бедные граждане не смогут выполнить требуемого условия.

Было бы хорошо, если бы отцы были образованные.

Депутаты, вы не выполнили вашей обязанности, вы не оплатили вашего долга нации; отнюдь не эту существенную часть конституции ждал от вас и просил у вас народ.

Пеллетье, почему восхищаются тобой? Славят тебя?

Компас — это народ! Народ не одобрил.

Моя защита другом народа. Послать ее Тибодо.

История департамента в моем мемуаре.

Манифест народов. 9-я глава I книги «Общественного договора».

Клуб равных и сторонников общности [communautistes]...

Словарь честных людей. Арестная камера мэрии. Общество совершенного равенства.

О обитатели Соммы, я не был бы обязан заявлять в Париже, что ваш департамент заражен.

Кай Гракх. Трагедия.

Статья о воспитании у Прюдома.

История Иисуса Христа.

Гарен.

Проспект истории.

Ист[ори]я заговоров и заговорщиков департамента Сомма. Мемуар Г. Бабефа, апостола свободы и защитника прав народа в этом департаменте, подвергавшегося беспрерывным преследованиям со стороны предателей, начиная с 1789 г. вплоть до смерти.

Негодяи об этом налгали,
Я презираю все их яды

О, вы, жители департамента Сомма, выдвинувшие меня 2-м, моя репутация, которую в течение года пятнали, выходит блестя-

---

* *Несколько слов неразборчиво.*

щей из лона туч, нагроможденных вокруг меня поганым дыханьем чудовищ, и показала во время испытания мою подлинную и безупречную добродетель.

Какая бурная жизнь и т. д.

Глава. Я делаю то. Я делаю это.

Вам не преминут сказать: смотрите, вот он, ваш Бабеф, которому вы так доверяли, который представлялся таким патриотом, который изображал такой санкюлотизм. А он плут. Не верьте этим убеждениям, и какой будет удар санкюлотизму от такого аргумента!

Я хочу не только оправдать себя, но оставить потомству нерушимый памятник предательств, которые вам пришлось одолеть, предательств, с которыми вам приходилось бороться, хитростей, которые они применяли, чтобы лишить вас ваших самых преданных защитников, и как чудесным образом вопреки всем их усилиям вы вышли победителями из борьбы с аристократией. Я хочу воздать должное превосходству ваших принципов и вашей зоркости, позволившим вам не ошибиться, избирая меня для возглавления вашей администрации — я хочу вам доказать, что я достоин этого: я отнюдь не считаю себя чужим вашему департаменту.

Администраторы полиции хотели меня спасти в революционном порядке. Вы, наверное, ожидали, что они меня отправят связанного по рукам и ногам и что поскольку все мои оправдания перед вами оказались напрасными, то вам достаточно, чтобы избавиться от меня, отправить меня отбывать то наказание, к которому вы посмели меня приговорить. Перестаньте заблуждаться. Плуты, и на каторге я бы нанес вам поражение. И на каторге моя энергия, хотя и отягченная почетными оковами, коими вы наградили мою добродетель, превращенную вами в преступление, не погасла бы; я описал бы ваши преступления, и дуновение истины, всепроникающей и неотразимой, тронуло бы и убедило всех, и в этом каторжнике увидели бы второго честного преступника [10].

Мой сын, моя жена обещали последовать за мной. Какие дети, какая жена!

Деритесь, плуты, вы, которые так хорошо объединились для интриг. Вот они, ваши секреты, вот что в глубине ваших душ, вот ваши чувства по отношению друг к другу (Б[илькок] и Лонгекан). У меня подлинники.

Моя переписка с директорией дистрикта. Как жаль, что ее нет при мне! Она бы вам показала, сколько я приложил усилий, как я хотел добра, как те, от которых я добивался его, хотели зла. Что об этом знают? Быть может, однажды она еще попадет ко мне в руки, и я вас с ней познакомлю, она послужит дополнением к истории ваших заговоров.

Департамент Сомма опозорил себя юридическим убийством Лабара. Он его реабилитировал, реабилитируйте же и меня.

Разительные истины, заключающиеся в том, что, оттого что я был в одном уголке республики как бы равным Марату, который сам называл меня еще в 1790 году «своим братом», «своим другом»; оттого что в гнилом департаменте Сомма я был оком родины, грозой и бедствием для аристократов, злопыхателей, контрреволюционеров, я ныне подвергаюсь преследованиям, и меня хотят сделать жертвой; эти разительные истины, доказательства которых я обещал министру напечатать и которые, изложенные в прилагаемом сжатом очерке, вместе с оправдательными документами, побудили его приостановить решение о моем переводе в Мондидье до тех пор, пока я дам ему возможность обсудить этот вопрос с вами и пока вы не соблаговолите принять такое решение, которое не позволит пожертвовать революционером, способным дать отчет о патриотических действиях, совершенных им в каждый прожитый им день начиная с 14 июля 1789 года...

...Что в то же время я доказываю, как описанием моего воспитания, моей нравственности, так и фактами, что обвинять меня в подкупности, в растратах столь же нелепо, как нелепо было бы возводить подобные обвинения на Руссо.

Я начинаю:

§ 1. Мое рождение, мое воспитание, приобретенные мною моральные принципы

Я родился в грязи. Я пользуюсь этим словом, которое применяли наши бывшие вельможи, чтобы принизить всех тех, кто не был так далек от природы, как они; повторяю, я пользуюсь этим словом, чтобы тем сильнее выразить, что я начал свое существование на самых низших ступенях нужды, следовательно, на первых ступенях санкюлотизма. Мой отец, старый солдат, вынужден был довольствоваться заурядной должностью стражника у генеральных откупщиков. Его жалование, насколько мне известно, составляло от 19 до 23 ливров в месяц. У него не оставалось ни гроша отцовского наследства. На это крайне скудное жалование он вырастил частично 13 детей, среди которых я был старшим. Я говорю, что он вырастил частично этих 13 детей, потому что глубокая нужда, которая лишала его жену возможности удовлетворять самые насущные их потребности, привела к смерти девяти из них в самом раннем детстве. Выжили только я и трое из моих братьев и сестер.

Просит комиссаров секции Борепер выдать для администрации полиции удостоверение в том, что эта секция не имеет никаких упреков к Бабефу, вследствие чего она не возражает, чтобы администрация полиции освободила его, если полагает, что это надлежит сделать.

КОММЕНТАРИИ

1790 ГОД. БОРЬБА ПРОТИВ КОСВЕННЫХ НАЛОГОВ

[1] Вопросы финансово-налоговой политики живейшим образом интересовали Бабефа с начала 1787 г. В своем «Постоянном кадастре» (см. *Гракх Бабеф*. Сочинения, т. I) он категорически высказался против сохранения косвенных налогов, особенно ненавистных во Франции, поскольку их взимание государством сдавалось на откуп частным кампаниям, имевшим свой собственный аппарат, чрезвычайно непопулярный. Поскольку поступления от этих налогов составляли значительную часть государственных доходов, Учредительное собрание под давлением финансовой администрации и влиятельных компаний откупщиков декретом от 23 сентября 1789 г. постановило временно продлить взимание этих налогов, хотя и несколько уменьшило их размеры (так, цена на соль была снижена вдвое). В своем проекте петиции от 3 января 1790 г., сохранившемся в рукописи, Бабеф подверг резкой критике сентябрьский декрет Учредительного собрания.

[2] Временное сохранение «габели» (соляной подати) вызвало большое возмущение во Франции. В архиве Бабефа сохранилась запись (ЦПА ИМЛ, ф. 223, оп. 1, д. 106), сделанная им в ноябре 1789 г. на основании № 27 газеты Себастьяна Мерсье «Annales Patriotiques»: «Все возмущаются, когда речь заходит о том, чтобы восстановить налоги с напитков (aides) и соляную подать. Обещанием, что это восстановление будет временным, до принятия других мер, невозможно соблазнить граждан, ставших недоверчивыми, так как слишком часто нарушалось данное им слово. Они боятся вечных отсрочек, установление более умеренной цены на соль их не успокаивает, поскольку они вспоминают старое сравнение режима финансистов с масляным пятном, которое постоянно и безгранично увеличивается. Этот губительный режим вызывает такое отвращение в наших провинциях, что повсеместно одно лишь слово «габель» порождает возмущение и приводит в отчаяние».

[3] Имеется в виду закон о вывешивании красного знамени в качестве сигнала к вооруженному разгону народных сборищ (см. т. I, стр. 378).

[4] Ван-дер-Ноот (Van-der-Noot) Анри Шарль Никола (1731—1827) — бельгийский политический деятель, один из руководителей национального движения в бельгийских провинциях (Брабант), принадлежавших австрийской империи. После победы революции в августе 1789 г. возглавлял правительство освобожденных провинций и пользовался первое время большой популярностью, о чем и свидетельствует письмо Бабефа. Впоследствии Ван-дер-Ноот вел умеренную политику. После новой оккупации бельгийских провинций австрийскими войсками он эмигрировал и в дальнейшем активной политической роли не играл. Это письмо Бабефа было адресовано г-же Дюжарден, издательнице в Брюсселе, для передачи Ван-дер-Нооту. Было ли оно отправлено, неизвестно. В 1793 г. в письме голландскому полковнику эмигранту Макерстроту Бабеф отрицательно отзывался о Ван-дер-Нооте.

[5] Приложенный к письму Ван-дер-Нооту проспект «Брабантского патриота, свободной, критической и нравственной газеты, издаваемой французом-гражданином» свидетельствует о стремлении Бабефа издавать свой собственный печатный орган. В начале 1790 г. он вел об этом переговоры с амьенским книготорговцем Кароном-Беркье, сен-кантенским книготорговцем Муро и владельцем типографии в Нуайоне Девеном. Через несколько месяцев, летом 1790 г., находясь в тюрьме, Бабеф предпринял издание «Газеты Конфедерации» («Journal de la Confédération»).

[6] Бабеф имеет в виду «Рассуждение о неравенстве» Руссо, которое цитирует, вероятно, по памяти.

[7] На Монтескье («Размышления о величии и падении римлян») Бабеф ссылался также в своих заметках «Аграрный закон» (1791 г.) (см. стр. 476) и в своей рукописи «Философский свет».

[8] Барон Безанваль (1722—1791) — швейцарский генерал, командовал вооруженными силами в Париже в июльские дни 1789 г.; после взятия Бастилии был арестован, но освобожден судом Шатле; эмигрировал. Князь Карл Ламбеск, родственник Марии-Антуанетты, командовал полком лотарингских драгун. После взятия Бастилии бежал; принимал участие в войнах против революционной Франции; стал австрийским фельдмаршалом. Бройль (Broglie) Виктор Франсуа (1718—1804) — маршал; один из руководителей контрреволюционного заговора в июле 1789 г., приведшего к падению Неккера; в новом правительстве должен был стать военным министром; эмигрировал из Франции.

[9] Ж. С. Байи (1736—1793) — в это время мэр Парижа. Лафайет Мари Жан Поль (1757—1834) был тогда главнокомандующим парижской национальной гвардией. Ван-дер-Мерш Жан Андре (1734—1792) — бельгийский генерал; служил во французской армии, оставил ее в 1778 г.; во время революционных событий в Брабанте одно время возглавлял вооруженные силы, выступившие против австрийцев.

[10] К этому времени Одиффре потерял уже всякую надежду на возможность распространения «Постоянного кадастра» — продано было всего лишь несколько экземпляров. Предложенный Бабефом план рассылки проспекта о выходе «Кадастра» всем тогда впервые созданным муниципалитетам Одиффре отклонил как нереальный и требующий новых расходов.

[11] Сообщение о выходе «Кадастра» Бабефу удалось поместить в выходившей тогда в Амьене газете («Les Affiches de Picardie» за 16 января). 13 марта 1790 г. Одиффре поместил сообщение о выходе «Кадастра» в газете «Les Révolutions de Paris», N 28 (p. 3).

[12] Карон-Беркье-младший — книготорговец в Амьене. Бабеф вел с ним переписку в конце 1789—начале 1790 г. В архиве ЦПА ИМЛ сохранилось два письма к нему Бабефа и одно письмо Карона-Беркье.

[13] Не удалось установить, о чем идет речь.

[14] Имеется в виду проект издания газеты «Европейский курьер» (см. т. I, предисловие, а также стр. 247—249).

[15] Саладен Жан Батист Мишель (1752—1812) — прокурор-синдик департамента Сомма, позднее депутат Конвента от департамента Сомма; один из виднейших деятелей термидорианской реакции. Член Совета старейшин при Директории.

[16] На площади Перигор находилось здание епископства.

[17] Машо — амьенский епископ.

[18] 28 января 1790 г. Учредительное собрание вновь приняло декрет о восстановлении взимания косвенных налогов. Однако и этот декрет, как и сентябрьский 1789 г., встретил ожесточенное сопротивление. В Руа объединение виноторговцев и трактирщиков обратилось к Бабефу с просьбой составить петицию в адрес собрания. Бабеф принял это

предложение и 20 февраля отправил эту петицию. «Я составил этот мемуар по-своему», — заявил позднее Бабеф. Мы не публикуем этот мемуар, так как его текст в значительной части повторен в печатной «Петиции о налогах», составленной Бабефом в апреле 1790 г. (см. стр. 69). Копии этого мемуара Бабеф послал некоторым членам Учредительного собрания, которых он считал наиболее левыми: Барнаву, Грегуару, Петиону и епископу Отенскому (Талейрану). 24 февраля Грегуар от имени комитета докладов ответил, что петиция направлена в финансовый комитет. Между тем 26 февраля Учредительное собрание обязало финансовый комитет в восьмидневный срок представить проект замены соляной подати. Однако муниципалитет Руа, исходя из сентябрьского и январского декретов собрания, решил восстановить взимание налогов, прежде всего на напитки (aides). 28 февраля 1790 г. муниципалитет добился от части виноторговцев согласия на восстановление взимания платежей. Однако осуществление этого соглашения вызвало сопротивление населения Руа, руководимого Бабефом. В данном документе, как и в следующем обращении от 2 марта 1790 г. на имя Учредительного собрания, Бабеф выразил протест против действий муниципалитета.

19 Барнав Антуан (1761—1793) — видный член Учредительного собрания, некоторое время один из лидеров левого крыла. Бабеф тогда высоко его ценил. На одном из своих проектов петиций собранию Бабеф сделал пометку: «Adressée à M. Barnave» — «адресовано г. Барнаву» (ЦПА ИМЛ, ф. 223, оп. 1, д. 127). Однако позднее Барнав поправел и к моменту Вареннского кризиса вошел вместе с Дюпором и Ш. Ламетом в состав «триумвирата», руководившего деятельностью клуба Фейянов, отколовшегося от Якобинского клуба.

20 Два брата: Луи Шарль Билькок-старший — адвокат парламента до революции и мэр Руа после нее и Луи Франсуа Билькок дю Мирай — королевский прокурор до революции, а позднее прокурор-синдик. Бабеф доказывал несовместимость этих должностей для братьев и в конце концов добился перемены. О взаимоотношениях Билькоков и Бабефа см. «Ответ обвинителям» в первом томе Сочинений.

21 Речь Бабефа в муниципалитете Руа 7 марта 1790 г. публикуется впервые полностью по оригиналу, сохранившемуся в архиве ЦПА ИМЛ (ф. 223, д. 128). Она представляет интерес для знакомства с политическими идеями Бабефа, который доказывал, что народ вправе не подчиняться декретам «депутатов нации, если они не получили санкции народа»; «только народу принадлежит право вето». Эти идеи получили более подробное освещение в печатных органах Бабефа, издававшихся им в 1790 г.: «Газета Конфедерации» и «Пикардийский корреспондент».

22 Эта фраза Руссо была приведена Бабефом и в проспекте «Брабантского патриота».

23 По-видимому, Бабеф послал соответствующую корреспонденцию в газету «Les Révolutions de Paris» («Парижские революции»). Эта корреспонденция пока не найдена.

24 Эта заметка о Марке Флоране Прево — родственнике Билькоков, королевском адвокате, члене Учредительного собрания и позднее мэре Руа, была опубликована Бабефом в газете «Les Révolutions de Paris», № 119, 9—16 января 1790 г. («Extrait d'une lettre de Péronne»).

25 Эта заметка в «Парижских революциях» не обнаружена.

26 Буше д'Аржи (Boucher d'Argis) Андре Жан (1751—1794) — советник суда в Шатле, на рассмотрение которого Учредительное собрание оставило дела о государственных преступлениях. Содействовал оправданию Безанваля (см. прим. 8). В «Друге народа» Марат вел ожесточенную кампанию против суда в Шатле и Буше д'Аржи. По личному настоянию Буше д'Аржи парижский муниципалитет принял постановление, осуждавшее

Марата. Однако попытка ареста Марата, предпринятая после этого постановления, окончилась неудачей вследствие сопротивления дистрикта Кордельеров, возглавлявшегося тогда Дантоном (см. *Г. С. Фридлянд*. Жан Поль Марат и гражданская война XVIII в. М., 1959, стр. 227, 245—251).

27 На заседании муниципалитета Руа никто, действительно, не выступил против Бабефа. Но протокол заседания с его «поджигательной речью» был немедленно направлен в следственный комитет Учредительного собрания и в специальную судебную палату парижского парламента, занимавшуюся делами о косвенных налогах (Cour des aides). На ее заседании 27 марта было принято решение возбудить дело против Бабефа, поскольку «главным образом из-за бунтовщических речей г-на Бабефа, февдиста, возникли волнения в Руа. Его речь в муниципалитете доказывает, что он является одним из самых главных мятежников в этой провинции».

28 В марте 1790 г., вероятно, по настоянию генерального контролера финансов, из Парижа был послан отряд национальных гвардейцев для восстановления уплаты косвенных налогов. Отряд дошел до Пон-Сен-Максанса (важнейший транзитный пункт между Парижем и Руа), где начались домашние обыски в целях выявления контрабандных соли и табака. Встретив сопротивление, отряд повернул обратно. Об этих событиях Бабеф сообщил в своем «Важном извещении всем гражданам», расклеенном им собственноручно в Руа утром 15 марта в виде афиши. «Я узнал, — объяснял он позднее, — что в деревнях вплоть до Руа все всколыхнулось, что по всей дороге расставлена стража... и что, услышав обо всем этом, разбойники повернули назад. Я решил... осведомить об этом всех моих сограждан, чтобы их успокоить».

Однако этот призыв к успокоению муниципалитет Руа истолковал по-другому. «Узнав, что в Пон-Сен-Максансе находится подразделение национальной гвардии, которое, по слухам, должно было двинуться на Руа, [Бабеф] развесил ночью подписанные им афиши, в которых призывал всех граждан вооружиться, чтобы встретить огнем этот отряд...» Эта вторая жалоба муниципалитета, направленная в следственный комитет собрания и в податной суд, была рассмотрена на заседании суда 3 апреля. Прокурор на основании «важной бумаги, относящейся к восстаниям, имевшим место в Руа», обвинил Бабефа «как мятежника, способного на любые крайности, поскольку он все сделал для того, чтобы обратить оружие своих сограждан против парижской гвардии в тот день, когда стало известно о ее приближении». На этом основании суд принял решение об аресте Бабефа.

29 См. т. I, стр. 322, 325, 326.

30 Обри де Сен-Вибер, с которым Бабеф переписывался в 1786 г. по поводу методов составления описей поместий (см. т. I), в 1789 г. опубликовал работу о реформе налогообложения. Его брат Обри дю Буше был членом Учредительного собрания и его налогового комитета.

31 См. прим. 11.

32 В ЦПА ИМЛ сохранилось два обращения Бабефа к «братьям патриотам» в Перонне. Судя по содержанию обращения от 29 марта, оно не было первым. Обращения эти свидетельствуют о том, что, не ограничиваясь борьбой против косвенных налогов, Бабеф стремился создать в Пикардии движение с широкой демократической программой.

33 Еще летом 1789 г., находясь в Париже, Бабеф запрашивал в своих письмах, создана ли в Руа национальная милиция. Муниципалитет всячески противился этому начинанию. Однако 28 марта 1790 г. группа граждан, явившихся в муниципалитет, добилась все же разрешения на создание отряда «волонтеров гражданской гвардии» и выдачи им вооружения. В архиве ИМЛ сохранился проект «учредительного устава»

этой гвардии. В нем рукой Бабефа сделан ряд поправок и дополнений, носивших строго демократический характер. Устанавливалось, что при поступлении в гвардию не будет никаких имущественных ограничений, между тем как в Париже и в других городах для зачисления в гвардию требовался имущественный ценз. Командный состав предполагался выборным. Командиры и гвардейцы не будут различаться ни в одежде, ни в оружии. Ношение эполет должно допускаться только во время службы. Со времени создания этого отряда Бабеф подписывал свои обращения и письма «гражданин-солдат» (citoyen-soldat).

34 Петицию об уничтожении права на лишение наследства Бабеф составил, по-видимому, в связи с просьбой сына графа Лораге (о графе Лораге см. ниже — прим. 61). Эта петиция, как и петиция о реформе судопроизводства, в основу которой была положена статья из № 24 «Révolutions de Paris», опубликована Р. Леграном (*R. Legrand.* Babeuf en 1790. Abbeville, 1972, p. 34—38).

35 Петиция, о которой пишет Бабеф («Петиция о налогах, адресованная жителями ... Национальному собранию»), вскоре была им составлена. Она была напечатана в нуайонской типографии Девена и вышла в свет 17 апреля 1790 г., как гласит собственноручная надпись Бабефа на экземпляре петиции, сохранившемся в библиотеке ИМЛ. Текст петиции публикуется в томе (см. стр. 69 и далее).

36 После революции в Париже было создано 60 дистриктов, часть которых, например дистрикт Кордельеров, заняли демократическую позицию и вступили в конфликт с умеренным парижским муниципалитетом, руководимым Байи. Бабеф в своей «Лондонской корреспонденции» (см. т. I) с величайшей похвалой отозвался о деятельности парижских дистриктов. В октябре—январе 1789—1790 гг. дистрикт Кордельеров воспротивился аресту Марата, взяв его под свою защиту против муниципалитета. В связи с этим возникло «дело Дантона», руководителя дистрикта, против которого также было возбуждено обвинение и отдан приказ об аресте. Парижский муниципалитет выступил тогда с проектом ликвидации дистриктов и замены их 48 секциями, задачи которых ограничивались только избирательными функциями; в отличие от дистриктов секции лишались права непрерывности заседаний. Бабеф, судя по его письму перонцам, внимательно следил за борьбой парижских дистриктов, видя в проекте муниципалитета попытку ограничения прямой демократии. В № 17 и 34 «Les Révolutions de Paris», на которые ссылается Бабеф в своем обращении, были напечатаны статьи против муниципальной реформы и за сохранение дистриктов.

37 17 марта 1790 г. Учредительное собрание приняло декрет о конфискации владений церкви на сумму в 400 млн. ливров. Судя по данной фразе Бабефа, меньше чем через две недели после принятия декрета у него уже возник свой план использования этих церковных земель. В своей апрельской петиции о налогах Бабеф отмечал, что лишившиеся работы служащие откупов могут заняться сельским хозяйством, а землю они найдут «в церковных имуществах. Мемуар по этому поводу скоро появится». Арест помешал Бабефу составить этот мемуар. Однако 25 мая из тюрьмы Консьержери он писал графу Лораге: «У меня на кончике пера совершенно готовый план, как распорядиться церковными имуществами, который мог бы соблазнить многих. Он... задержал бы осуществление проекта распродажи и оказался бы гораздо более выгодным как для государства, так и для отдельных лиц». После освобождения Бабеф снова вернулся к своему плану в письме к Лораге от 20 июля, публикуемом в настоящем томе.

38 21—22 марта Учредительное собрание приняло декреты о ликвидации с 1 апреля соляной подати и некоторых второстепенных сборов (при клеймении кож, железа, а также с масла, крахмала и т. д.). Однако сохранялись заставы при ввозе в города продуктов, сборы с табака,

с напитков и предписывалось взыскание задолженности по всем этим статьям, поскольку фактически с начала революции поступление косвенных налогов почти совершенно прекратилось. Петиция Бабефа и вся его деятельность в это время были направлены к ликвидации всех косвенных налогов, а не только тех, которые были предусмотрены мартовскими декретами.

39 Ферне — житель Перонна, по-видимому, пивовар. Все обращения Бабефа к перонинцам были посланы на имя Ферне. После своего ареста Бабеф поручил жене объехать основные центры движения и рекомендовал ей посетить Перонн для встреч с Ферне и другими лицами (ЦПА ИМЛ, ф. 223, оп. 1, д. 154).

40 Дю Мет — Александр Ламет (см. т. I, стр. 374).

41 Ламбер — генеральный контролер финансов; уделил большое внимание петиции Бабефа (см. его докладную записку Учредительному собранию «О положении с взиманием налогов... в городах бывших податных округов Амьена и Суассона». — «Archives parlementaires», v. XVI, p. 581—586). Судебный пристав, посланный из Парижа в Руа для ареста Бабефа, был снабжен письмом Ламбера на имя мэра Руа Билькока: «Податной суд принял решение об аресте г-на Бабефа, жителя вашего города, как главного виновника и подстрекателя всех беспорядков, которые происходят при взимании косвенных налогов» (droits d'aides) (см. *V. Advielle*. Histoire de Gracchus Babeuf... v. I, p. 531).

42 Г-н Б. — возможно, Бежен, житель Перонна, которому Бабеф 11 апреля послал письмо о распространении петиции (см. ниже, прим. 48).

43 Всю первую половину апреля 1790 г. Бабеф был занят составлением петиции о налогах, ее печатанием и подготовкой к распространению. 5 апреля он был в Сен-Кантене, оттуда отправился в Перонн, вернулся в Руа, а 10 апреля был уже в Нуайоне, где Девен начал печатание петиции, вышедшей в свет 17 апреля.

44 Маньер — владелица кабачка в Руа под названием «Au grand Monarque».

45 Кассен — председатель объединения трактирщиков в Руа. По его просьбе Бабеф 20 февраля составил петицию Учредительному собранию. Принимал участие в создании национальной гвардии в Руа.

46 Гамбар — житель Руа, один из единомышленников Бабефа, охарактеризовал его в письме к Девену 10 апреля, сохранившемуся в архиве ЦПА ИМЛ (ф. 223, оп. 2, д. 101): «Г-н Бабеф — это Ван-дер-Ноот нашей местности; он самый непримиримый враг откупщиков и их приспешников..., самая надежная опора предместий нашего города и Перонна, где недавно ему была устроена триумфальная встреча».

47 Навье — житель Перонна; принимал деятельное участие в распространении петиции о налогах.

48 Бежен — присяжный оценщик (juré-priseur) в Перонне. Письмо Бабефа к нему хранится в архиве департамента Сомма (F^{129}). Впервые было опубликовано М. Домманже (*M. Dommanget*. Pages choisies de Babeuf. Paris, 1935, p. 97—98).

49 Эта критика Учредительного собрания вызывала сомнение даже среди некоторых сторонников Бабефа. «Ваш мемуар, — писал Бабефу его брат Жан Батист, — очень хвалили, но находили, что он слишком откровенен в такой момент, когда аристократия далеко еще не уничтожена. Особые опасения вызывало то место, где Вы говорите, что собрание разделилось на членов-патриотов и членов-аристократов» (ЦПА ИМЛ, ф. 223, оп. 2, д. 118).

50 Работу Неккера «Sur l'administration des finances» Бабеф изучал при подготовке «Постоянного кадастра» (см. т. I).

51 Петион де Вильнев Жером (1756—1794) — левый член Учредительного собрания, пользовавшийся одно время большой популярностью. Впо-

следствии член Конвента, жирондист. Бабеф неоднократно упоминал о цитируемом здесь предложении Петиона обеспечить каждому средства к существованию. В «Пикардийском корреспонденте», очень лестно отзываясь о Петионе, Бабеф отмечал, что он «иногда занимает более правильную позицию, чем все собрание».

52 Успех петиции, встретившей широкую поддержку в Пикардии, встревожил и местную администрацию, и следственный комитет Учредительного собрания. Адвокат пероннского бальяжа Лендорми писал в мае 1790 г. члену Учредительного собрания Льенару: «Недавно появился бывший февдист из Руа по имени Бабеф; этот человек, как говорят, является отъявленным врагом служащих фиска. Он автор многочисленных петиций трактирщиков и пивоваров в Перонне. Несомненно, что он думает создать всеобщую ассоциацию торговцев напитками всего королевства, чтобы объявить открытую войну откупщикам» (см. *V. de Beauvillé*. Histoire de la ville de Montdidier, v. 2. Paris, 1875, p. 470). Следственный комитет Учредительного собрания разослал ряду муниципалитетов, в том числе в Нуайон, Перонн и Руа, письма, в которых петиция оценивалась как «поджигательный пасквиль» (libelle incendiaire) и предлагалось запретить ее распространение. Девен сообщил о получении нуайонским муниципалитетом такого письма, на которое Бабеф немедленно ответил обращением на имя «г-д членов следственного комитета Учредительного собрания». Слова в кавычках — «поджигательный пасквиль» — взяты из письма следственного комитета.

53 Полученную им копию письма к следственному комитету (см. след. документ) Девен передал графу Лораге, который издал ее отдельной брошюрой, а также передал редактору реакционной газеты «Actes des Apôtres» («Деяния апостолов») Риваролю, опубликовавшему письмо в № 117 своей газеты. Позднее, на следствии, Бабефу на этом основании ставилась в вину связь с реакционерами.

54 Письмо «членам следственного комитета» было вновь опубликовано в 1959 г. в журнале «Annales historiques de la Révolution française» (далее — «AHRF») Ж. Бурженом, не знавшим о существовании брошюры, изданной графом Лораге (см. прим. 53).

55 3 апреля состоялось решение податного суда в Париже (Cour des Aides) об аресте Бабефа. 18 мая муниципалитет был об этом осведомлен. 19 мая в Руа прибыл судебный пристав Иоахим Ришар в сопровождении двух стражников. Арест был произведен ночью. Как указано в протоколе об аресте, «так как названный Бабеф является мятежником, мы надели ему на руки кандалы». В пятницу, 21 мая 1790 г. Бабеф был доставлен в парижскую тюрьму Консьержери. 22 мая он отправил из тюрьмы свое первое письмо Джеймсу Рютледжу (см. т. I, прим. 72, 133 и 135) с просьбой стать его защитником.

56 Бабеф ошибся: он познакомился с Рютледжем в Париже в 1787 г., а не в 1785 г. (см. т. I).

57 В 1789 г. Рютледж выступил с разоблачениями хлеботорговцев Леле, пользовавшихся покровительством Неккера. 2 ноября он был арестован и обратился за помощью к Марату, который в нескольких номерах газеты выступил в защиту Рютледжа. Он был освобожден, но приказ об его аресте не был отменен. Это и имел в виду Бабеф.

58 Первый допрос Бабефа в Консьержери состоялся в воскресенье, 23 мая. Бабеф отказался отвечать по существу обвинения, ссылаясь на отсутствие его адвоката (ЦПА ИМЛ, ф. 223, оп. 1, д. 107).

59 В архиве департамента Сомма (F^{129}) сохранились письма Бабефа к г-же и г-ну Мейер, знакомым Ж. П. Одиффре, отправленные из тюрьмы 25 мая 1790 г. (см. *R. Legrand*. Babeuf en 1790, p. 11—12, N 23).

60 См. прим. 57.

61 Лораге Луи Леон Фелисите де Бранка (1733—1817) — граф. До революции как представитель аристократической оппозиции монархии подвергался высылке и арестам. Сперва положительно отнесся к революции, но очень скоро занял позицию, враждебную Учредительному собранию и его финансовой политике. Это одно время сближало его с Бабефом, который летом 1790 г. состоял с ним в переписке. Лораге в это время находился в своем поместье в Маникане (департамент Эна). Письма Лораге к Бабефу хранятся в ЦПА ИМЛ и архиве департамента Сомма (фонд F^{129}). Они опубликованы Р. Леграном (*R. Legrand.* Babeuf en 1790). В годы Директории Лораге был близок к Баррасу и Сен-Симону (см. *A. Mathiez.* Le Directoire. Paris, 1934, ch. VII).

62 Клеман де Барвилль — прокурор податного суда; по его докладу 3 апреля было принято решение об аресте Бабефа. В Париже вел с Бабефом переговоры об издании обращения к жителям Пикардии с призывом возобновить платежи по косвенным налогам.

63 Миллс де Гравель — парижский адвокат.

64 Эта корреспонденция Бабефа опубликована без подписи в «Ami du Peuple», N 138, 19 juin 1790.

65 Дамьен Робер Франсуа (1715—1757) — по обвинению в покушении на Людовика XV был подвергнут исключительно жестокой и бесчеловечной казни.

66 Вторая корреспонденция Бабефа была опубликована также без подписи в «Ami du Peuple», N 144, 25 juin 1790.

67 Этому письму Бабефа, опубликованному в «Ami du Peuple», № 153 и, как и предыдущие два, неподписанному, предшествовали следующие строки Марата: «Сведения, которые я опубликовал 19-го и 24-го, когда забил тревогу, были мне присланы из темницы Консьержери достойным человеком, который страдает уже пять недель и по сей день еще не освобожден. Я до сих пор скрывал его имя, чтобы не предавать его тайной мести злодеев. Он адресует мне следующее письмо».

68 За письмом Бабефа следует текст Марата: «Марат только что узнал, что Национальное собрание, осведомившись о зловещих покушениях, совершенных откупщиками и податным судом, прекратило это судопроизводство и запретило всякое последующее преследование поджигателей застав. Это уже кое-что, но этого недостаточно». Марат требовал уплаты пострадавшим компенсации и предлагал им заступничество своей газеты.

Последующие три страницы № 153 газеты «Друг народа» целиком посвящены Бабефу и озаглавлены: «Гнусное преступление генерального администратора финансов, вымогателей незаконных налогов и судей податного суда». Марат впервые назвал здесь имя Бабефа и решительно выступил в его защиту (см. вводную статью). Он изложил содержание «Петиции о налогах».

№ 155 «Друга народа» (от 6 июля 1790 г.) начинался так: «Друг народа требует для угнетенного Бабефа, узника Консьержери, такой же великодушной поддержки, какую дистрикты оказали так называемым поджигателям застав».

69 Издание «Газеты Конфедерации» Бабеф предпринял во время своего пребывания в парижской тюрьме Консьержери. В архиве ИМЛ сохранилось письмо Бабефа к владелице типографии г-же Менье: «...Трудность состоит в том, что редактор находится в таком положении, что он совершенно лишен возможности вести переговоры о печатании и распространении, иначе чем через посредников... Но в ближайшие четыре—пять дней он сможет с Вами встретиться. В ожидании этого не согласитесь ли Вы взять на себя печатание газеты и ее распространение...; достаточно одного слова ответа, и через час Вы получите второй номер газеты» (ЦПА ИМЛ, ф. 223, оп. 1, д. 178). Всего появилось три номера газеты. В архиве ИМЛ сохранились рукописи четы-

рех номеров. «Journal de la Confédération» переиздан в 1966 г. в Париже.

70 Идея федерации — объединения между собой всех коммун, всех провинций и всего французского народа в результате революции — получила большое распространение во Франции в 1789—1790 гг. В ряде провинций проводился праздник Федерации. Учредительное собрание 9 июня 1790 г. приняло решение о проведении в Париже 14 июля, в годовщину революции, общенационального праздника Федерации. Для участия в этом празднике в столицу приглашались депутаты от национальной гвардии. Каждое подразделение национальной гвардии должно было избрать по 6 депутатов на 100 человек. Эти депутаты собирались в центре своего округа и избирали по 1 делегату на каждые 200 человек (и 400 в более отдаленных районах). В Париж съехалось несколько тысяч депутатов и представители от армии и флота. Бабеф не был депутатом на празднике Федерации, но к тому времени он был уже освобожден и, по-видимому, присутствовал на этих торжествах.

71 Как мы видели из обращения к пероннцам, судьба парижских дистриктов волновала Бабефа еще весной 1790 г. После того как на заседании 22 июня 1790 г. Учредительное собрание утвердило план упразднения дистриктов и замены их секциями, Бабеф вместе со всеми передовыми парижскими демократами выступил с решительным протестом против этого решения. Он посвятил этому вопросу № 3 «Газеты Конфедерации» и обратился по этому поводу с письмом к Дантону (см. стр. 122).

72 В архиве Бабефа сохранился подлинник этого письма из Руа, присланного ему Губо, его единомышленником, принимавшим деятельное участие в распространении петиции против косвенных налогов и поддерживавшего с ним связь и после ареста. Письмо Губо было Бабефом отредактировано, но в газете оно не было опубликовано.

73 Билькок Луи Шарль — см. выше, прим. 20. Бабеф еще до революции вступил в конфликт с семьей Бильконов, подчинившей себе всю королевско-сеньериальную юстицию в Руа. Эта борьба продолжалась и в годы революции и навлекла на Бабефа целый ряд репрессий (см. т. I, «Ответ обвинителям»).

В первые дни своего пребывания в Консьержери Бабеф написал стихотворение, посвященное Билькокам (ЦПА ИМЛ, ф. 223, оп. 2, д. 110):

«О, лик ужасный свой спешите скрыть, злодеи!
Осмелитесь ли вы при свете дня предстать?
Ваш час пробил! Мы стали все мудрее
И гнета, и оков сумеем избежать.
Ты, верный наш Руа, изведал вероломство,
Ты долго был в цепях, наш город-патриот!
Тиранов имена запомним для потомства,
Их черных дел позор падет на целый род,
Чтоб город наш родной был славен, как когда-то,
Билькоков имя пусть исчезнет без возврата».

(Перевод И. Е. Левиной)

74 № 4 «Газеты Конфедерации» не вышел в свет, он сохранился только в рукописи. Основная его идея — необходимость уравнения женщин во всех правах — была развита Бабефом еще в его июньском письме 1786 г. к Дюбуа де Фоссе (см. т. I, стр. 76 и след.).

75 В архиве Бабефа сохранились письма к нему адвоката парижского парламента Муре. Возможно, что упоминаемая в тексте г-жа Муре — жена этого адвоката. Сохранилась также переписка летом 1790 г. Бабефа и г-жи Муре, издававшей журнал для женщин.

76 Кампания за освобождение участников сожжения податных застав, которую поднял Бабеф, втянув в нее Марата и его газету «Друг народа»,

увенчалась успехом. 1 июля 1790 г. Учредительное собрание приняло закон об освобождении «всех лиц, арестованных на основании приказов, исходивших от парижского податного суда». Это решение имело прямое отношение к Бабефу, но не сразу было к нему применено. Бабеф продолжал борьбу за свое освобождение и с этим связан был его проект обращения «к 60 дистриктам Парижа...», сохранившийся в его архиве и написанный в начале июля. Обращение, однако, не было издано — 6 или 7 июля 1790 г. Бабеф был освобожден, хотя дело его и не было прекращено.

77 Имеется в виду изданная Бабефом в апреле 1790 г. «Петиция о налогах» (см. выше); «Постоянный кадастр» — см. т. I.

78 «Письмо депутата от Пикардии» было опубликовано отдельной брошюрой в 1790 г. Празднование дня Федерации проводилось в Париже в первую годовщину взятия Бастилии, т. е. 14 июля 1790 г. (см. об этом подробнее в прим. 70). К этому времени Бабеф был уже освобожден, и вполне возможно, что он присутствовал на празднике, но, конечно, не в качестве депутата. Мысли, развитые Бабефом в этой брошюре, вполне совпадают с теми, которые он изложил в своем письме к Лораге 20 июля 1790 г. Брошюра Бабефа переиздана Р. Леграном (*R. Legrand.* Babeuf en 1790, p. 40—44).

79 Сеян Люций Эмилий (I век н. э.) — префект преторианской гвардии, фаворит императора Тиберия. По его предложению все преторианские когорты были объединены в одном лагере, ставшем очагом насилий и произвола. Сеян пытался овладеть императорской властью путем ряда чудовищных злодеяний, описанных Тацитом (в том числе отравление сына Тиберия). В 31 г. его заговор был раскрыт, и Сеян казнен. Упоминание о Сеяне — еще одно свидетельство хорошего знакомства Бабефа с историей древнего Рима.

80 Лустало Элизе (1763—1790) — очень популярный в начале революции демократический журналист, редактор «Les Révolutions de Paris», рано скончавшийся. Бабеф высоко ценил эту газету, которую он, судя по его записям, читал очень внимательно.

81 Об отношении Бабефа к Себастьяну Мерсье см. т. I.

82 В 1790 г. Бабеф еще положительно относился к Дантону и видел в нем руководителя парижского демократического движения против руководимого Байи аристократического муниципалитета и за сохранение дистриктов. Об этом свидетельствует данное письмо к Дантону, написанное в июле 1790 г., и заявление в декабре того же года в директорию департамента Сомма. Позднее Бабеф резко изменил свою позицию.

Письмо Бабефа к Дантону было впервые опубликовано А. Матьезом в журнале «AHRF» в 1925 г. Матьез предполагал, что оно было написано в марте—апреле 1793 г. Судя по всем документам, сохранившимся в архиве Бабефа, это письмо следует датировать июлем 1790 г., когда шла борьба за сохранение парижских дистриктов.

83 В печатном тексте статьи Марата этих подчеркнутых строк нет.

84 Прево Марк Флоран — двоюродный брат Бильококов; до революции — королевский адвокат; в 1789 г. — депутат Генеральных штатов от бальяжа Перонн; занимал крайне правую позицию. Бабеф требовал тогда его отзыва. В 1791—1792 гг. — мэр г. Руа; принадлежал к числу решительных противников Бабефа.

85 В фонде Бабефа сохранились письма Кира Доминика Шевалье (род. 1756 г.), который переслал свой проект Бабефу в Париж. 13 июля 1790 г. Шевалье жаловался, что не получил никакого ответа ни от комитетов собрания, ни от депутатов (в том числе Робеспьера), которым он послал свой проект. Шевалье был викарием в Руа в 1789 г., принес конституционную присягу; отрекся от своего сана в 1793 г. (см. *R. Legrand.* Babeuf en 1790, p. 19, n. 19).

86 На этом переписка Бабефа с Лораге не кончилась. В фонде F[129] (архив департамента Сомма) сохранилось два письма Лораге к Бабефу, на которых имеются пометки последнего.

К письму от 23 июля 1790 г., к которому Лораге приложил свою статью о финансовой политике Учредительного собрания с просьбой переслать его Марату, Прюдому и Камиллу Демулену для опубликования в их газетах, есть приписка Бабефа: «Переслал письмо 3 журналистам. Я им вновь порекомендую через два дня опубликовать его и сообщу о результатах... У меня нет намерения выпустить из рук вопрос о налогах расточительного режима».

К письму Лораге от 24 июля 1790 г. (F[129]/6) есть приписка Бабефа, датированная 26 июля, очевидно, представляющая резюме его ответа Лораге:

«Буду продолжать дело о налогах.

Я буду поддерживать благожелательность пикардийцев.

Я роздал 400 экземпляров № 153 Марата.

Я пошлю № 153 Марата, петиции и письмо от 10 мая в Лион для раздачи в кафе. Он тоже может отослать. Я напишу по поводу нового налогового проекта финансового комитета. Банкротство несомненно.

Неккер требует 95 миллионов, чтобы возместить недостачу от взимания налогов в провинции. Он и Н[ациональ]ное со[брание], кажется, собираются свирепствовать против непокорных провинций.

Я отошлю свое предложение в Якобинский клуб. Он теряет свое влияние, потому что в нем отсутствует свобода обсуждения уже принятых декретов. Клуб 1789 г. пользуется общим презрением.

Моя ж[ен]а возвращается. Я остаюсь, чтобы пронзить шпагой моих обвинителей. Я буду обо всем его информировать изо дня в день и предупрежу о моем отъезде. Я побываю у г-на Тюрпена, чтобы иметь возможность более экономно посылать ему почту.

Я буду издавать «Пикардийский корреспондент». Комментарии к декретам.

Насколько общественное доверие необходимо, чтобы обеспечить влияние этого произведения. Мемуар о моем деле может помочь окончательно завоевать это доверие. Средства».

87 Статья была опубликована впервые М. Пелле (*M. Pellet*. Gracchus Babeuf et Marie-Antoinette. — «Variétés révolutionnaires». Paris, 1887, 2-me série) без указания местонахождения рукописи. В 1966 г. фотокопия этой рукописи была передана И. С. Зильберштейном в ЦПА ИМЛ. Написана собственноручно Бабефом на листках такого же формата, как и все его рукописи для «Газеты Конфедерации».

88 Вернье Теодор (1731—1818) — член Учредительного собрания, один из руководителей его финансового комитета. Впоследствии член Конвента; сенатор при Наполеоне; член палаты пэров при Реставрации.

89 Письмо к священнику прихода Лонгеваль (в окрестностях Перонна) было написано Бабефом в июле или начале августа 1790 г. — после освобождения из тюрьмы, но до отъезда в Руа. Этот священник, Пьер Вассер, призывал не платить косвенные налоги и огласил с амвона петицию Бабефа. Один из депутатов Учредительного собрания указал в своей речи на это поведение священника из Лонгеваля и приписал ему фразу «Вооружайтесь, братья, против всех этих негодяев — сборщиков налогов, и я стану во главе вас». Против священника было возбуждено следствие, о чем он сообщил Бабефу, который и ответил ему данным письмом.

90 В предреволюционные годы Бабеф составлял сеньериальные описи для Галопа из Арманкура; письмо Бабефа этому Галопу было опубликовано еще в 1865 г. Э. Коэ (*E. Coët*. Babeuf à Roye. Peronne, 1865, p. 3, 23). В письмах Бабефа 1789—1790 гг. фамилия Галопа встречается часто, однако, по мнению Р. Леграна, речь идет о другом Галопе, не о пикардийском

сеньере. В финансировании «Пикардийского корреспондента» на первых порах участвовал Губо, а не Галоп.

91 Барвилль — см. прим. 62.

92 Проект издания собственной пикардийской газеты Бабеф выдвинул еще в начале 1790 г. в письмах к амьенскому книгопродавцу Карону-Беркье. Накануне ареста он вел переговоры об издании такой газеты со своим нуайонским издателем Девеном. После освобождения Бабеф еще в Париже составил проспект «Пикардийского корреспондента». Первый номер вышел в октябре. Не сохранилось ни одного экземпляра газеты. Судя по рукописям в архиве и переписке с Девеном всего вышло пять ее номеров. Вслед за этим, после конфликта с Девеном, издание «Пикардийского корреспондента» было прекращено, хотя в декабре 1790 г. Бабеф и сделал попытку возобновить издание под другим названием.

93 Национальное собрание, начавшее свою работу в 1789 г. и закончившее ее в 1791 г., принято называть Учредительным собранием. Второе Национальное собрание (1791—1792) носит название Законодательного.

94 Судя по пометке Бабефа на рукописи этой статьи, сохранившейся в его архиве, она была написана им для уже задуманной тогда газеты «Пикардийский корреспондент» в Париже 4 августа 1790 г. 7 августа он покинул Париж, а 20 августа был уже напечатан проспект «Пикардийского корреспондента». «Марка серебром» (около 50 франков) — ценз, установленный Учредительным собранием для права стать депутатом.

95 Епископ Отенский — Талейран, будущий министр иностранных дел при Директории и Наполеоне.

96 Это высказывание канцлера Лопиталя Бабеф привел и в «Постоянном кадастре» (см. т. I).

97 Бабеф посылал материалы для «Пикардийского корреспондента» в Нуайон, в типографию Девена, по частям. На публикуемом отрывке есть его надпись, что это материалы для 4-го и начала 5-го номера газеты.

98 Вольней Константен Франсуа, граф Шасбеф (1757—1820); известный ориенталист, публицист и политический деятель, член Учредительного собрания. При Наполеоне — сенатор, получил титул графа. Однако либерализм Вольнея вызвал охлаждение к нему со стороны Наполеона. Бабеф высоко его ценил; интересовался им и в 1793 г.

99 В декабре 1790 г. Бабеф пытался возобновить издание «Пикардийского корреспондента», но уже под новым названием: «Исследователь декретов и редактор предложений второму Национальному собранию». Печатное уведомление о продолжении издания газеты и ее переименовании сохранилось, но вышел ли под этим названием шестой номер газеты Бабефа — неизвестно. В автобиографических заметках, составленных в тюрьме в 1794 г., Бабеф сообщал, что выпускал газету под названием: «Исследователь декретов». Судя по этому, можно предположить, что она все же выходила.

100 В ноябре 1790 г. Бабеф был избран членом генерального совета Руа. Однако по настоянию его противников 14 декабря состоялось постановление директории департамента Сомма, по которому это избрание объявлялось недействительным до тех пор, пока Бабефу не будет вынесен оправдательный приговор по делу, возбужденному податным судом в Париже.

101 9 декабря Бабеф отправился в Париж, вероятно, в целях получения документов о прекращении начатого против него судебного дела. Поездка продолжалась около двух недель, но оказалась безрезультатной.

102 «Всеобщая конфедерация друзей истины» — организация масонского типа, возникшая в Париже в октябре 1790 г. Ее ядром являлся «Со-

циальный кружок» (Cercle Social), во главе которого стояли Н. Бонвилль (1760—1828), связанный до революции с наиболее левой масонской организацией в Германии — «иллюминатами», а также Клод Фоше, парижский аббат (позднее — конституционный епископ и член Законодательного собрания). Бабеф знал о существовании «Социального кружка» и «Конфедерации» и знаком был с их печатными изданиями. Однако в подлиннике обращения в директорию департамента Сомма эта строка о принадлежности к Конфедерации, хотя и ясно читаемая, была Бабефом — неизвестно, по каким соображениям, — вычеркнута. В 1793 г. Бабеф в Париже обратился к Бонвиллю с просьбой о принятии его на работу в типографию «Социального кружка». Позднее, в 1796 г. в «Трибуне народа» (№ 38) Бабеф отрицательно отозвался о Бонвилле и его политической деятельности в годы революции.

103 16 января в Руа должны были происходить выборы мирового судьи. Однако муниципалитет, чтобы помешать избранию Бабефа, «вооружил национальную гвардию, гарнизон города и бригаду жандармерии; у входа в зал, где должны были происходить выборы, расставил посты, которым отдан был приказ не пропускать Бабефа» (*E. Coët.* Histoire de la ville de Roye, v. I. Paris, 1885, p. 438).

104 Эта речь осталась непроизнесенной, так как Бабеф не был допущен на собрание. На пост мирового судьи был избран Феликс Жан Батист Лонгекан. Позднее он стал прокурором-синдиком дистрикта Мондидье; был одним из самых ожесточенных противников Бабефа. По настоянию Лонгекана Бабеф был подвергнут аресту в апреле 1791 г. В 1793 г. Лонгекан был инициатором судебного процесса, возбужденного против Бабефа по ложному обвинению в подлоге.

105 Это письмо хранится в Исторической библиотеке города Парижа. Оно написано рукой Бабефа на обороте письма к нему генерального прокурора-синдика департамента Сомма Тэтгрена от 11 января 1791 г. (копия его хранится в архиве департамента Сомма, в фонде F[129]). Печатается по тексту, опубликованному Р. Леграном (*R. Legrand.* Les manuscrits de Babeuf conservés à la Bibliothèque historique de la ville de Paris. — «AHRF», 1973, N 4, p. 586—587). В ЦПА ИМЛ (ф. 223, оп. 1, д. 256) хранится письмо Бабефа в директорию департамента Сомма от 11 января 1791 г. в связи с тем же постановлением дистрикта о запрещении Бабефу занимать выборные общественные должности.

АГРАРНОЕ ДВИЖЕНИЕ

1 Ларошфуко Франсуа Алексис Фредерик (1747—1827), герцог Лианкур; один из крупнейших пикардийских землевладельцев; член Учредительного собрания от клермонского бальяжа (куда входила коммуна Монтиньи); председатель комитета по вопросам нищенства; в дальнейшем эмигрировал; по возвращении во Францию был известен своей филантропической деятельностью.

2 Антуан Лами — комиссар по составлению описей в Орнуа (Амьенский округ), автор брошюры «Cadastre universel ou le code foncier de chaque territoire de l'empire français» (Amiens, 1790). Данное письмо хранится в библиотеке Корнеллского университета (штат Итака — США), в коллекции Эндрью Уайта по истории французской революции. Письмо было обнаружено и опубликовано впервые С. Бернстайном (см. *С. Бернстайн.* Из истории «Постоянного кадастра». — «Французский ежегодник, 1961». М., 1962, стр. 485—487 и «AHRF», № 171, 1963, p. 73—74).

В ЦПА ИМЛ (ф. 223, оп. 2, д. 177) сохранилось ответное письмо А. Лами от 22 марта 1791 г., в котором дается высокая оценка «Постоянного кадастра» с его «совершенно правильными и глубокими мыслями»; Лами предложил Бабефу встречу в Амьене. Что касается Локе, он писал: «Я ознакомил г-на Локе с Вашим письмом. Его очень рассмешил

бой, который Вы собирались ему дать... Он раздает свои идеи, а не торгует ими, в чем Вы, наверное, могли сами убедиться два месяца назад, читая «Affiches de Picardie».

[3] Эно Шарль Жан Франсуа (1685—1770), деятель магистратуры, президент одной из палат парижского парламента, писатель и историк. Наиболее известная его работа «Abrégé chronologique de l'histoire de France», вышедшая в 1744 г. и многократно переиздававшаяся; именно эту книгу Бабеф изучал и ссылается на нее в своей петиции.

[4] Апанажист — от слова апанаж, которым обозначались уделы, предоставлявшиеся принцам королевского дома, переходившие по наследству мужскому потомству, а при отсутствии такового возвращавшиеся во владение короны. Ангажист — владелец имения, пожалованного королем за определенную цену с оговоркой о возможности обратного выкупа короной в любое время.

[5] 30 августа 1790 г. в Нанси генерал Буйе при поддержке парижских национальных гвардейцев, посланных Лафайетом, подавил восстание солдат швейцарского полка Шатовье. Эта расправа вызвала возмущение всех демократических противников Лафайета, в том числе Марата и Лустало.

[6] Национальные имущества — перешедшие в руки государства владения церкви, к которым позднее были присоединены земли эмигрантов и королевского домена.

[7] Весной 1791 г. в Руа начались волнения, связанные с общинными землями, принадлежавшими коммуне Руа, но использованными муниципалитетом в ущерб интересам населения города. После собрания коммуны 4 апреля по этому вопросу, в обсуждении которого Бабеф принял деятельное участие, муниципалитет вынес решение об его аресте, мотивируя это тем, что Бабеф является «мятежником», «возбуждает народ..., разжигает его страсти». Администрация дистрикта Мондидье поддержала муниципалитет. Бабеф был арестован в Руа 6 апреля, а 8-го препровожден в тюрьму Мондидье. Однако свидетели, вызванные обвинением, отказались давать против него показания, и 12 апреля трибунал вынужден был прекратить дело. Бабеф был освобожден.

[8] Бильког-младший, Луи Франсуа дю Мирай — см. выше, прим. 20.

[9] Бабеф цитирует стихи из пьесы Фальбера де Фенуйо «Честный преступник», посвященной истории нимского протестанта Ж. Фабра. Эта пьеса только в январе 1790 г. появилась на сцене. До этого цензура запрещала ее постановку.

[10] В архиве Бабефа сохранились рукописи — проекты его речей в нуайонском обществе друзей родины. Были ли они произнесены — неизвестно. Никаких других сведений о его деятельности в этом клубе не сохранилось.

[11] Графы Ламиры — одна из наиболее влиятельных аристократических семей в Пикардии. В первой половине XVIII в. Антуан де Ламир был королевским наместником всего округа «Перонна, Руа и Мондидье». Столкновения между крестьянами коммуны Давенекур и графиней Филиппиной Ламир, унаследовавшей все владения семьи, начались еще до революции и крайне обострились после 1789 г. 25 февраля 1791 г. крестьяне вторглись в замок, после чего шесть человек были арестованы. За время своего пребывания в тюрьме Мондидье Бабеф с ними познакомился и принял на себя их защиту. В 1793 г. против г-жи Ламир был возбужден процесс. Сын ее Ги де Ламир был в эмиграции.

[12] Дюпор дю Тертр Маргерит Луи Франсуа (1754—1793) — юрист; с октября 1790 г. и до марта 1792 г. был министром юстиции. Бабеф обращался к нему по делу заключенных по Давенекурскому процессу. При содействии Купе, депутата Законодательного собрания (см. ниже), они были освобождены.

[13] Дюпати и Ле Кошуа — известные адвокаты; о них упоминал Бабеф еще в 80-х годах в переписке с Дюбуа де Фоссе (см. т. I).

[14] Рейналь Гийом Тома Батист (1713—1796) — философ, публицист, политический деятель. Автор знаменитой «Философской и политической истории... обеих Индий», написанной в сотрудничестве с Дидро. Бабеф относился к нему с большим уважением и ссылался на него в 1789—1791 гг. Хотя Рейналь в эти годы поправел, Бабеф не хотел этому верить.

[15] Петиция коммуны Давенекур, написанная, судя по указаниям в тексте, в июле 1791 г., была напечатана в том же 1791 г. в Нуайоне, в типографии Девена. В 1888 г. она была перепечатана в Мондидье в типографии «Journal de Montdidier». Ни одного экземпляра первого издания этой петиции не сохранилось. Мы воспроизводим текст петиции по второму ее изданию, имеющемуся в Парижской национальной библиотеке.

[16] Мироmениль Арман Тома (1723—1796) был председателем парламента в Руане; противник парламентской реформы; одно время был в немилости, что и отмечает Бабеф; в 1784—1787 гг. — министр юстиции, покровительствовавший графине Ламир.

[17] Committimus — право, предоставлявшееся королевской грамотой сеньеру, судиться в любом специальном суде, а равно привлекать своих подданных к ответственности перед судебными органами вне пределов своей сеньериальной юрисдикции.

Большая палата (Grande Chambre) — главная палата парламента, заседавшая в судебном порядке; в ее состав входили все члены парламента.

[18] Lit-de-Justice — особо торжественное заседание парламента в присутствии короля, созывавшееся, в частности, для того, чтобы сломить сопротивление парламента, когда тот отказывал в регистрации какого-либо королевского акта.

[19] При всяком переходе земельной собственности в другие руки (по наследованию, в связи с браком, продажей и т. д.) составлялся acte de relief, требовавший утверждения сеньера, который взимал соответственный налог (droit de relief).

[20] В связи с Давенекурским процессом Бабеф находился в Мондидье, где он как защитник обвиняемых присутствовал при допросах и очных ставках со свидетелями.

[21] В ночь с 20 на 21 июня 1791 г. Людовик XVI со своей семьей покинул Париж с целью перебраться за пределы Франции. Однако уже 21 июня он был опознан в Варенне (вблизи границы) сыном владельца почтовой конторы Ж. Б. Друэ (будущим сподвижником Бабефа в 1796 г.) и возвращен в Париж (25 июня). Бегство короля вызвало политический кризис во Франции. Наиболее левые круги требовали низложения короля. Однако Учредительное собрание, боясь роста демократического движения, сохранило Людовика XVI на престоле, заявив, что он бежал не по собственной воле, а был «похищен». Бабеф еще до бегства Людовика XVI занимал отчетливо республиканскую позицию, хотя в этот период большинство левых деятелей, в том числе Робеспьер и Марат, считали еще установление республиканского режима преждевременным.

[22] Массьё Жан Батист (1742—1818) — до революции священник прихода Сержи. Член Учредительного собрания и конституционный епископ в департаменте Уаза. После раскола Якобинского клуба примкнул к фейянам. Впоследствии был избран членом Конвента, примыкал к якобинцам. При Директории Массьё был подписчиком бабефовской газеты «Трибун народа». Умер в изгнании в годы Реставрации в Брюсселе.

[23] Еще до революции Бабеф в одном из своих писем к Дюбуа де Фоссе (см. т. I) одобрительно отозвался о Максимилиане Робеспьере. Он внимательно следил за его выступлениями в Учредительном собрании и

особенно положительно оценил его выступление против цензового избирательного права.

24 См. прим. 51 к разделу первому.

25 Грегуар Анри (1750—1831) — аббат и конституционный епископ в годы революции, член Учредительного собрания, где был одним из наиболее левых депутатов, и Конвента, где голосовал за казнь Людовика XVI. Бабеф обращался к Грегуару в начале 1790 г.

26 Бюзо Франсуа Никола Леонар (1730—1794) — депутат Учредительного собрания, где был на крайне левом крыле, и Конвента, в котором стал одним из руководителей жирондистов.

27 Малуэ Пьер Виктор (1740—1814), Ле Шапелье Исаак Рене Ги (1754—1794), Дандре (1759—1825) — депутаты Учредительного собрания, принадлежавшие к его правому крылу. Лианкур — см. прим. 1 к данному разделу.

28 Салль Жан Батист (1759—1794) — член Учредительного собрания, конституционный монархист; от имени трех комитетов собрания внес предложение о создании трибунала для преследования всех замешанных в дело о республиканской демонстрации на Марсовом поле 17 июля 1791 г.

29 Купе Жак Мишель (1737—1809) — до революции аббат; в 1790 г. — председатель директории дистрикта Нуайон (департамент Уаза). Был членом Законодательного собрания, Конвента и Совета пятисот. В Конвенте Купе поддерживал якобинцев, голосовал за смертный приговор Людовику XVI; при Наполеоне отошел от политической деятельности. Бабеф познакомился с Купе в 1790 г. Его письма Купе (особенно два первых — 20 августа и 10 сентября 1791 г.) являются важнейшим источником для знакомства с социальными идеями Бабефа в первые годы революции. В архиве ИМЛ хранятся семь ответных писем Купе к Бабефу (последнее — от февраля 1792 г.). Письмо от 20 августа было впервые опубликовано М. Домманже в «Pages choisies» в 1935 г. по копии. Мы публикуем его по оригиналу, сохранившемуся в ЦПА ИМЛ (ф. 223, оп. 1, д. 290), но более краткому.

30 Бабеф решительно возражал в «Пикардийском корреспонденте» (см. прим. 94 к первому разделу) против дополнительного ценза (марки серебром), установленного для права стать депутатом. Накануне окончания своих работ Учредительное собрание отменило этот ценз.

31 Это первое критическое замечание Бабефа в адрес М. Робеспьера; однако в следующем же письме к Купе (10 сентября) Бабеф с похвалой отзывается о Робеспьере и Петионе как о скрытых сторонниках «аграрного закона».

32 См. выше, прим. 3 к первому разделу.

33 Бабеф повторяет здесь мысли, которые были им высказаны еще в марте 1790 г., когда он вносил поправки в «учредительный устав» национальной гвардии Руа.

34 Письмо к Ж. М. Купе от 10 сентября 1791 г. было впервые опубликовано А. Эспинасом в его книге «La philosophie sociale du XVIII siècle et la Révolution» в 1898 г. по подлиннику, предоставленному ему Э. Шараве, приобретшим коллекцию Поше-Дероша. Оригинал этот исчез, и мы печатаем письмо по тексту, напечатанному в книге Эспинаса.

35 Об отношении Бабефа к «аграрному закону» — см. в вводной статье к настоящему тому.

36 Еще в конце 1790 г., а особенно в период Вареннского кризиса, Антуан Барнав (см. прим. 19 к первому разделу) резко поправел, и отношение к нему Бабефа изменилось. Туре Жак Гильом (1746—1794) — видный юрист, член Учредительного собрания; принадлежал к умеренному его крылу. Дандре — см. прим. 27 к данному разделу.

37 Бабеф, конечно, не имел оснований считать М. Робеспьера сторонником, хоть и скрытым, «аграрного закона». Но характерно, что Бабеф и в позднейшие годы, даже в первые недели после 9 термидора, когда он называл себя «Атиллой робеспьеризма», положительно отзывался о социальных идеях Робеспьера. Весной 1793 г. (см. письмо к Шометту и «Законодательство санкюлотов»), он высоко оценил предложенный Робеспьером в его речи в Якобинском клубе 21 апреля проект Декларации прав, в котором ограничивалось право собственности. Об этом Бабеф вспоминал и впоследствии, в 1796 г., в одном из последних номеров «Трибуна народа».

38 «Второй мемуар коммуны Давенекур», написанный в 1791 г., является ответом на анонимный памфлет, который назывался «Изобличение и опровержение другом чести и правды перед государственным обвинителем в Мондидье подлого пасквиля, озаглавленного: «Дело Давенекура...»» («Dénonciation... et Réfutation d'un libelle infâme intitulé: Affaire de Davenescourt... Par un ami de l'honneur et de la Vérite. A Amiens, 1791). Автором памфлета был аббат Пьер Турнье, главный советник графини Ламир. Почти вся брошюра направлена против Бабефа как автора первой петиции коммуны Давенекур.

«Второй мемуар коммуны Давенекур» датирован 25 сентября 1791 г. Рукопись осталась в черновике; она не окончена, имеет множество помарок, исправлений и ряд трудночитаемых мест. О ее существовании не упоминал никто из биографов Бабефа; печатается впервые.

39 Обе де Бракмон — владелец замка в Дамери. 13 ноября 1781 г. Бабеф женился на Мари Анн Виктуар Лангле, бывшей в течение семи лет служанкой у матери Бракмона. В это время Бабеф находился в замке Дамери в качестве февдиста, а не слуги Бракмона, вопреки утверждению Турнье. В архиве Бабефа сохранились письма 1781 г., адресованные «господину Бабефу, февдисту в замке Дамери, вблизи Руа». Во время издания «Пикардийского корреспондента» Бракмон в письме отклонил предложение Бабефа о подписке, считая это издание слишком демократическим (см. ЦПА ИМЛ, ф. 223, оп. 2, д. 156). О дальнейших отношениях Бракмона и Бабефа см. *R. Legrand.* Un plaidoyer de Babeuf. Abbeville,1963.

40 Бабеф имеет в виду маркиза Суаекура, разорвавшего в 1787 г. свое соглашение с Бабефом о составлении описи его владений в Тиллолуа (См. т. I, стр. 372—373, 374).

41 Бло — мэр коммуны Давенекур.

42 Ле Сюер — управляющий г-жи Ламир.

43 Ривароль Антуан де (1753—1801) — известный реакционный журналист. В 1790 г. одно время находился в Пикардии и под псевдонимом «Salomon» издавал «Journal national politique»; в нем он впервые во французской прессе (еще до Марата) назвал имя Бабефа в связи с его кампанией против косвенных налогов (см. *V. Daline.* Babeuf et Rivarol. «AHRF» N 171, 1963). В своем органе «Деяния апостолов» («Actes des apôtres»), № 117, Ривароль опубликовал письмо Бабефа от 10 мая 1790 г. в следственный комитет. Сюло Франсуа Луи (1757—1792) — сотрудник газеты Ривароля «Actes des apôtres», убит 10 августа 1792 г. в королевском дворце. Издателем монархической газеты «Друг короля» был аббат Руайю Тома Мари (1743—1792).

44 Упоминание графского титула Ги де Ламира Бабеф называет кощунством против конституции, так как титулы были официально отменены.

45 «Le patriote français» — газета, издававшаяся в то время одним из будущих руководителей жирондистов, Ж. П. Бриссо (1754—1793). Бриссо был избран осенью 1791 г. в Законодательное собрание. Бабеф относился тогда к нему положительно, что связано было, возможно, с республиканской позицией, занятой Бриссо во время Варенского кризиса.

46 Заметка в «Mercure de France», автором которой был П. Турнье, появилась в № 12 за 19 марта 1791 г. Она начиналась словами: «Франция представляет собой картину ежедневно совершаемых ужасных преступлений народной тирании... Вот самое последнее, подлинность которого мы заверяем на основании письма из Амьена от 28 февраля».

47 Данное обращение Бабефа написано после 15 октября 1791 г., поскольку в нем уже упоминается об освобождении заключенных по давенекурскому делу (см. след. прим.).

48 14 сентября 1791 г., накануне своего роспуска, Учредительное собрание приняло решение об амнистии по всем делам, связанным с революцией и участием в «мятежах». Бабеф обратился к министру юстиции Дюпору дю Тертру и добился применения этой амнистии к арестованным по давенекурскому делу. Все они были освобождены 15 октября.

49 Подчеркнутые Бабефом слова взяты из письма к нему Купе от 14 октября 1791 г. Купе, в частности, писал: «Отвратительно видеть, как механизм управления великой нацией окружают люди с испорченными нравами. Счастлив тот, кто живет среди полей, как готтентот» (ЦПА ИМЛ, ф. 223, оп. 2, д. 190).

50 В коммуне Кони (дистрикт Нуайон, департамент Уаза) местный священник Добель отказался принести присягу конституции и вступил в борьбу с новым конституционным священником. Добель обвинил мэра коммуны Фагара в том, что тот организовал на него покушение. Нуайонский трибунал принял дело к расследованию. Фагар и еще три национальных гвардейца были преданы суду. Бабеф принял на себя их защиту. По его просьбе Купе ходатайствовал в министерстве юстиции о применении того же декрета о прекращении всех дел, связанных с революцией, на основании которого были освобождены обвиняемые по Давенекурскому процессу. В результате этих ходатайств дело было прекращено, о чем Бабеф и сообщил Купе 16 ноября 1791 г.

51 Купе, хотя он впоследствии и оказался на стороне якобинцев, зимой 1791—1792 г. сочувствовал еще Бриссо и будущим жирондистам. Как уже отмечалось, в начале работы Законодательного собрания Бабеф сочувственно следил за деятельностью Бриссо.

52 Андре Кабай — член генерального совета коммуны Руа, открывший залежи каменного угля в окрестностях города. По его просьбе Бабеф составил петицию в Учредительное собрание с целью добиться помощи в их разработке. Петиция эта сохранилась (см. ЦПА ИМЛ, ф. 223, оп. 1, д. 208—209).

53 Новый революционный календарь был введен Конвентом в октябре 1793 г. По этому календарю летосчисление начиналось с 22 сентября 1792 г. — дня провозглашения Франции республикой. Однако уже до этого во Франции многие начали применять новое летосчисление, начинавшееся с 1789 г. как «первого года свободы». На ряде документов Бабефа относящихся к первым годам революции, проставлены даты, сохраняющие старые названия месяцев, но меняющие летосчисление (так, на документах 1792 г. — «четвертый год свободы»).

54 В феврале—марте 1792 г. в ряде департаментов Франции вспыхнули продовольственные волнения. Наиболее значительные волнения произошли в районе Нуайона (департамент Уаза) в феврале 1792 г. Опасаясь недостачи хлеба и роста дороговизны, крестьяне задержали четыре судна, груженные хлебом и шедшие по р. Уазе по направлению к Парижу. Хлеб был свезен в аббатство Урскам, где издавна существовали склады зерна для раздачи беднякам в случае недорода. По распоряжению военного министерства в Урскам были направлены вооруженные силы для возвращения хлеба владельцам. Однако для защиты Урскама собралось около 40 тыс. крестьян. В дело вмешалось Законодательное собрание. Его комиссарам удалось успокоить волнения. Через неделю вспыхнули беспорядки в Этампе, давшие повод для выступления свя-

щенника Пьера Доливье с требованием установления твердых цен. С этим же требованием выступил Жак Ру, а также Ланж в Лионе. К этим «первым теоретикам максимума» (А. Матьез), как видно из публикуемого обращения к муниципалитетам департамента Уаза, принадлежал и Бабеф, который уже 1 марта 1792 г. выдвинул продовольственный вопрос, «вопрос о хлебе», как «самый важный из всех вопросов, стоящих перед нацией».

[55] В архиве Бабефа сохранилось несколько вариантов петиции об упразднении феодального строя, написанных летом 1792 г. Была ли петиция отправлена — неизвестно.

[56] Карра Жан Луи (1742—1793) — редактор газеты «Annales Patriotiques»; впоследствии член Конвента, жирондист. В 1792 г. Карра пользовался большой популярностью в демократических кругах, так как Людовик XVI начал против него преследование за «оскорбления», которым он подвергся в газете Карра. В феврале 1793 г., когда против Бабефа было возбуждено дело о «подлоге» и он отправился в Париж, он обратился прежде всего к Карра, который, по его словам, принял его дело близко к сердцу.

[57] Петиция женщин Тиллолуа сохранилась в архиве департамента Сомма (F^{129}/9); написана собственноручно Бабефом и датирована 13 мая «четвертого года свободы», т. е. 1792 г. Была ли отослана эта петиция — неизвестно. Во всяком случае, насколько нам известно, это единственная в истории революции петиция, исходившая от женщин-крестьянок.

Судя по этой петиции, маркиз Суаекур, с которым у Бабефа был резкий конфликт, скончался в конце 1791 г. или начале 1792 г.

[58] Борьба вокруг общинных земель, принадлежавших коммуне Бюлль (центру кантона в дистрикте Клермон, департамент Уаза), между муниципалитетом, представлявшим интересы зажиточных слоев, и малоимущей массой населения началась еще в 1790 г. В июне 1792 г. вспыхнули массовые беспорядки, после чего, по настоянию муниципалитета, было арестовано шестеро «главных зачинщиков» волнений. Бабеф принял на себя их защиту. Он составил ряд петиций в адрес клермонского трибунала и Законодательного собрания, в которых выдвинул требование раздела общинных земель, но не в собственность, а в пользование. 20 июля 1792 г. суд присяжных в Клермоне постановил, что нет оснований для привлечения шести заключенных к суду.

ПОСЛЕ 10 АВГУСТА

[1] В архиве Бабефа сохранилась его переписка с семьей Доденов (Dodun), матерью и сыном, владевшими земельной собственностью в Варвилле, вблизи Бюлля. Судя по переписке, именно г-жа Доден посоветовала бюлльцам использовать Бабефа в качестве своего защитника. По ее же совету Бабеф переслал свою петицию об общинных угодьях редактору «Journal des Laboureurs».

[2] Краткое изложение этой речи Бабефа, произнесенной 26 августа 1792 г. на первичном собрании граждан Руа, приведено в работе Р. Леграна (*R. Legrand.* Babeuf, ses idées, sa vie en Picardie. Abbeville, 1961, p. 21—23) по протоколу, сохранившемуся в архиве департамента Сомма.

[3] Город Кобленц (на слиянии рек Рейна и Мозеля) стал центром французской контрреволюционной эмиграции. В 1792 г. в нем поселились братья короля — граф Прованский (будущий Людовик XVIII) и граф д'Артуа (будущий Карл X). В Кобленце формировалась эмигрантская армия во главе с принцем Конде.

[4] После восстания 10 августа и низложения короля исполнительная власть перешла в руки созданного Законодательным собранием временного исполнительного совета, в состав которого вошли шесть вновь назна-

ченных министров — Ролан (внутренних дел), Дантон (юстиции), Серван (военный министр), Монж (морской), Клавьер (финансов), Лебрен (иностранных дел). В апреле 1793 г., при Конвенте, на смену временному исполнительному совету пришел Комитет общественного спасения.

[5] Вопрос о том, где находиться центру дистрикта — в Мондидье или в Руа, — ставился еще в 1789—1790 гг., и Бабеф принял участие в его обсуждении (см. т. I, «Ответ обвинителям»).

[6] Деменье Жан Никола (1752—1814) — депутат Учредительного собрания, монархист; при Наполеоне — сенатор и граф Империи. Тарже Ги Жан Батист (1733—1807) — юрист, член Учредительного собрания; принадлежал к его умеренно монархическому крылу; при Наполеоне участвовал в выработке кодекса. Дандре, Туре, Ле Шапелье, Барнав — см. выше.

[7] Мори Жан Сюффран (1746—1817) — до революции аббат; придворный проповедник; один из наиболее видных ораторов крайне правого монархического крыла Учредительного собрания; эмигрировал. При Наполеоне — кардинал.

[8] Жирарден Рене (1735—1808) — маркиз, друг Руссо, и Осси де Робекур (Haussy de Robécourt) — депутаты Законодательного собрания от департамента Сомма; принадлежали к его умеренному крылу.

[9] Саладен — см. выше, прим. 15; Луве де Кувре Жан Батист (1760—1797) — литератор, автор «Похождений кавалера Фоблаза», в годы революции — журналист. Оба — члены Законодательного собрания и Конвента; видные деятели термидорианской реакции.

[10] Требование, выдвинутое Бабефом в обеих его речах, в Руа на первичном избирательном собрании и в Аббевилле, на собрании департаментских выборщиков 2 сентября, относительно того, что «общество должно обеспечить работу всем своим членам и определить заработную плату в соответствии с ценами на все товары с тем, чтобы этой заработной платы было достаточно для приобретения продовольствия и для удовлетворения всех остальных потребностей каждой семьи», — очень характерно для определения тех классовых интересов, которые отстаивал Бабеф.

[11] Опасность создания военного правительства Бабеф предвидел в связи с начавшейся войной.

[12] Бабеф выдвинул требование составления наказов для депутатов, избираемых в Конвент. Против этого предложения выступили Андре Дюмон и Лонгекап. Возможно, эти выступления имели своей целью скомпрометировать Бабефа и помешать его избранию в Конвент. Дюмон в 1790 г. состоял в переписке с Бабефом и сотрудничал в «Пикардийском корреспонденте». Избранный в Аббевилле депутатом Конвента от департамента Сомма А. Дюмон занимал сперва крайне левую позицию, поддерживал «дехристианизацию» и проводил чистку департаментских и муниципальных властей в Сомме. После 9 термидора Дюмон стал одним из наиболее правых термидорианцев; позднее — член Совета пятисот. При Наполеоне был супрефектом в Аббевилле (см. *R. Legrand.* Babeuf et André Dumont. Abbeville).

[13] Ролан де ла Платьер Жан Мари — министр внутренних дел после свержения Людовика XVI; жирондист. Бабеф, очевидно, дважды обращался к нему с письмами в августе—сентябре 1792 г. Письмо от 20 сентября, написанное после избрания Бабефа членом генерального совета департамента Сомма, было впервые опубликовано Ж. Бурженом в 1959 г. в «AHRF», № 156. Публикуется по печатному тексту. Судя по сохранившемуся в ЦПА ИМЛ письму к Бабефу, очевидно, от г-жи Ролан (ЦПА ИМЛ, ф. 223, оп. 2, д. 214), это обращение Бабефа к Ролану было не первым.

[14] Манюэль Пьер Луи (1751—1793) — деятель парижского муниципалитета; был прокурором-синдиком Парижа с декабря 1791 г.; был отстранен

после 20 июня 1792 г. за непринятие мер против демонстрации, ворвавшейся в королевский дворец. По этой же причине был отстранен с поста мэра Петион (см. выше, прим. 51 к первому разделу). Оба стали членами Конвента.

[15] Дантон после 10 августа стал министром юстиции. Клавьер Этьен (1735—1793) — швейцарец, банкир, эмигрировавший во Францию как участник буржуазно-революционного движения; был министром финансов в 1792 г.

[16] Письмо Бабефа семье из Амьена от 13 октября 1792 г. публикуется по копии, сохранившейся в архиве департамента Сомма (F[129]/63).

[17] С 22 сентября 1792 г. (дня провозглашения республики) до октября 1793 г., т. е. до официального введения нового революционного календаря, Бабеф чаще всего датировал документы следующим образом: за числом и месяцем, дающимися по старому календарю, указывался: «I год Республики», если речь шла о 1792 г., и «II год Республики», если речь шла о 1793 г. Хотя эта датировка дается по «годам Республики», ее не следует путать с последующей официальной республиканской датировкой, с которой она не совпадает.

После октября 1793 г. Бабеф постоянно придерживался нового республиканского календаря.

В ПАРИЖЕ (1793—1794 ГГ.)

[1] См. ниже, прим. 9.

[2] Клод Фурнье (1745—1823) жил долгое время на о-ве Сан-Доминго, почему и получил кличку Фурнье-Американца. Был участником всех народных выступлений в Париже начиная с 14 июля.

[3] Петиция, автором которой был Бабеф, была оглашена в Конвенте 17 февраля. В ней возбуждалось ходатайство о разрешении Фурнье формировать корпус пеших и конных стрелков — «легион освободителей народов». Петиция была передана на рассмотрение военного комитета Конвента.

[4] После отступления французской армии из Бельгии 9—10 марта 1793 г. в Париже произошли выступления некоторых секций, выдвинувших требование об отстранении командующего армией генерала Дюмурье и аресте ряда жирондистов. Фурнье-Американец был активным участником этого движения. Марат выступил в Конвенте против этих требований (12 марта) и предложил предать Фурнье революционному трибуналу. Конвент принял решение об аресте Фурнье, но этот декрет через два дня был отменен. В этой обстановке Бабеф, по поручению Фурнье, и написал 14 марта памфлет против Марата, тогда же опубликованный отдельной брошюрой (рукопись этого памфлета хранится в архиве ИМЛ).

[5] В связи с разгромом бакалейных лавок в Париже на почве недостатка сахара в феврале 1793 г. в клубе Кордельеров произошло столкновение между Маратом и Фурнье. Сохранился отрывок рукописи Бабефа, в котором это столкновение описывается так: «Друг народа, я вызвал твою враждебность тем, что с трибуны Кордельеров выступил против тебя по вопросу о причинах последних волнений, произошедших из-за сахара» (ЦПА ИМЛ, ф. 223, оп. 1, д. 3).

[6] Фурнье был поставлен во главе стражи, которая должна была сопровождать из Орлеана в Париж арестованных неприсягнувших священников и лиц, подозреваемых в контрреволюции. В пути они были перебиты, но Фурнье отрицал свою причастность к этому. Следует отметить, что позднее, в 1796 г., во время создания «Заговора во имя равенства», Бабеф выступил против Фурнье (См. «Copie des pièces saisies dans le local que Babeuf occupoit lors de son arrestation», v. 1, p. 164).

[7] Макерстрот — голландский полковник (см. о нем *A. Mathiez*. La révolution et les étrangers. Paris, 1918); в декабре 1792 г. обратился в Конвент с просьбой о разрешении ему формировать «батавский легион» для освобождения Нидерландов (батавами называли в римские времена население позднейшей Голландии). 11 марта Бабеф послал Макерстроту мемуар, о котором он напоминает в своем письме от 3 апреля (см. ниже), с предложением своих услуг в качестве секретаря легиона. Этот мемуар не сохранился. Макерстрот принял предложение, и одно время Бабеф даже получал от него жалованье. Но в середине апреля Бабеф разочаровался в возможности успеха этого предприятия и прекратил свои отношения с Макерстротом.

[8] Сильвен Марешаль (1750—1803) принял большое участие в судьбе Бабефа в 1793—1794 гг. При его непосредственном содействии Бабеф был принят на работу в продовольственную администрацию Парижской коммуны. Во время ареста Бабефа в декабре 1793 г. был в числе лиц, взявших Бабефа на поруки; хлопотал о нем перед министром юстиции Гойе. В 1797 г. был членом тайной директории бабувистов. Не был, однако, арестован и не привлекался по Вандомскому процессу.

[9] Бабеф был избран членом директории дистрикта Мондидье 19 ноября 1793 г. на собрании выборщиков дистрикта. Его кандидатура выдвигалась в прокуроры-синдики дистрикта, но после ожесточенной борьбы на этот пост был избран злейший противник Бабефа — Лонгекан. На посту администратора дистрикта Бабеф пробыл всего лишь около двух месяцев. Об обстоятельствах, вызвавших его отстранение с этого поста и предание суду по ложному обвинению в подлоге, см. ниже в брошюре «Бабеф, бывший администратор департамента Сомма и затем дистрикта Мондидье, комитетам общественного спасения и общественной безопасности и министру юстиции Гойе». Лонгекан сыграл активнейшую роль в принятии этого решения.

В архиве Бабефа сохранилась такая запись: «Копия речи Камилла Бабефа во время принятия постановления против него и его коллег генеральным советом дистрикта Мондидье 5 февраля... Граждане! Я не предполагал, когда начинал составление этого протокола, что весь он будет клониться к моему обвинению» (ЦПА ИМЛ, ф. 223, оп. 1, д. 353). Не дожидаясь приговора трибунала и заранее уверенный в его неблагоприятном характере, Бабеф уехал в Париж, где сначала очень бедствовал; позднее он получил должность секретаря парижской продовольственной администрации. Его первое письмо оттуда жене датировано 14 февраля.

[10] Бабеф имеет в виду свой «Постоянный кадастр». Об его авторстве — см. т. I, стр. 291 и 381.

[11] Дюмурье Шарль Франсуа (1739—1823) — французский генерал; в 1792 г. был военным министром, а затем командовал Северной армией. После перелома на фронте, вызванного действиями Конвента, армия, которой руководил Дюмурье, осенью 1792 г. заняла Бельгию, а в феврале 1793 г. вторглась в Голландию. Однако в марте 1793 г., при первых неудачах, Дюмурье изменил, перешел на сторону врагов Франции и эмигрировал. О его дальнейшей судьбе см. *А. З. Манфред*. Наполеон Бонапарт. М., 1971, гл. 9.

[12] В ЦПА ИМЛ, действительно, сохранились проекты обращений к «батавам» (см. ЦПА ИМЛ, ф. 223, д. 366). Одно из них начиналось словами: «Соотечественники, рожденные республиканцами! Неужели мы будем сражаться за свободу последними? Наши мужественные братья французы проливают кровь, чтобы вновь завоевать это дорогое, бесценное сокровище, за которое наши братья боролись в течение 80 лет. А мы останемся безучастными зрителями? Нет!.. Батавский народ созрел для осуществления своего суверенитета..., сердца батавов отнюдь не преисполнены равнодушием».

13 О Н. Бонвилле см. выше, прим. 102 к первому разделу.

14 Письмо Шометту было впервые опубликовано в 1935 г. М. Домманже в изданных им «Избранных произведениях» Бабефа (по копии). В настоящем издании оно печатается по подлиннику, хранящемуся в архиве ИМЛ.

15 Книга «О равенстве» Бабефом написана не была. Однако в его архиве сохранилась большая тетрадь, озаглавленная «Философский свет или действительно истинное в том, что называют естественным правом, международным правом, гражданским правом» (ЦПА ИМЛ, ф. 223, оп. 1, д. 139). Возможно, что на ее основе Бабеф и собирался написать книгу.

16 По совету Шометта Бабеф обращался в газету «Друг санкюлотов», издававшуюся весной 1793 г. Тальеном (тогда крайне левым якобинцем) и Дюшозалем. Впоследствии в «Трибуне народа» и на Вандомском процессе Бабеф неоднократно указывал, что газета Тальена была тогда очень близка к «плебейской доктрине». Были ли напечатаны статьи Бабефа в газете, не установлено, но в архиве сохранился ответ Дюшозаля на письмо Бабефа (ЦПА ИМЛ, ф. 223, оп. 2, д. 228).

17 Рукопись «Законодательство санкюлотов, или Совершенное равенство» осталась незаконченной. Судя по имеющимся в ней ссылкам на апрельскую речь Робеспьера, Бабеф писал ее в конце апреля—мае 1793 г.

18 Имеется в виду американский генерал Дж. С. Юстейс, участник войны за независимость. В 1793 г. Юстейс служил во французской армии. В феврале как противник Дюмурье он был подвергнут аресту. Бабеф редактировал жалобу Юстейса, который, однако, обманул его при расчете. С 1797 г. Юстейс снова служил во французской армии в качестве дивизионного генерала. В 1800 г. вернулся в Соединенные Штаты, где и умер в 1805 г.

19 Приор аббатства Сент-Орен, который не оплатил работы Бабефа, составившего накануне революции опись владений аббатства.

20 Брошюра «Париж, спасенный продовольственной администрацией», подписанная: «Руководители продовольственной администрации Гарен и Дефаван», была опубликована 18 июля 1793 г. в момент конфликта между продовольственной администрацией коммуны и министром внутренних дел Гара. Шесть писем от имени Гарена в адрес министра внутренних дел Гара, которые Бабеф приводит в своей брошюре, были по поручению Гарена составлены самим Бабефом.

21 Закон 4 мая 1793 г. вводил твердые цены («максимум») на зерно; закупка хлеба у крестьян на дому, а не на рынках запрещалась. Ввиду трудностей снабжения Парижа Конвент 1 и 5 июля принял два предложения, исходившие от парижского муниципалитета и его мэра Паша. Разрешалась закупка хлеба для Парижа не только на рынках, а также с известными накидками на твердые цены. Всем властям республики предписывалось не чинить препятствий провозу этого зерна в столицу.

22 Министром юстиции и внутренних дел в 1792—1793 гг. был Жозеф Доминик Гара (1749—1833); при Директории — член Совета старейшин; при Наполеоне — сенатор и граф Империи. Будучи противником максимума, Гара враждебно относился к деятельности продовольственной администрации. После появления «Парижа, спасенного продовольственной администрацией» Гара выступил 27 июля в Конвенте с резкой речью против Гарена. 29 июля Гарен был арестован. По настоянию генерального совета коммуны Гарен был освобожден. 10 августа вышел новый памфлет, написанный Бабефом, но подписанный администраторами Коммуны, с нападками на Гара. В результате 19 августа был смещен Гарен, но 20 августа вышел в отставку и Гара, которого сменил Паре.

23 Реаль Пьер Франсуа (1757—1834) — юрист, после 10 августа помощник прокурора Парижской коммуны; защитник бабувистов на Вандомском процессе; видный бонапартист; пользовался особым расположением На-

полеона; член Государственного совета; один из руководителей министерства полиции; министр полиции во время «Ста дней».

Прокурором-синдиком департамента Эна, который упоминается в данном письме, был в то время Поликарп Потофе, с которым Бабефу вскоре пришлось лично столкнуться.

24 «Коварным убийцей» Бабеф называет Гара.

25 После ухода Гарена из парижской продовольственной администрации Бабеф, очевидно, лишился прежней самостоятельности и обратился к Рессону, видному деятелю Якобинского клуба и одному из руководителей центральной продовольственной комиссии, с просьбой о переводе его в эту комиссию. Просьба Бабефа была удовлетворена. 17 брюмера (7 ноября 1793 г.) Бабеф был принят на работу в качестве одного из секретарей центральной продовольственной комиссии. Однако уже через неделю (24 брюмера) Бабеф был исключен из числа служащих вслед за его арестом.

26 Приговор уголовного трибунала по делу Бабефа был вынесен заочно 23 августа. В ноябре 1793 г. по настоянию прокурора-синдика дистрикта Мондидье Варена (за спиной которого, вероятно, стоял Андре Дюмон, враждебно относившийся к Бабефу) агент Парижской коммуны по закупке зерна Ле Бук добился увольнения Бабефа и его ареста 24 брюмера (14 ноября 1793 г.)

27 Из двух писем Бабефа жене, написанных 24 брюмера из тюремной камеры при парижской мэрии, первое письмо (рукой Бабефа) сохранилось в архиве департамента Соммы (F^{129}/15), а другое — в архиве ЦПА ИМЛ (ф. 223, оп. 1, д. 392).

28 В числе администраторов парижской полиции находились тогда видные деятели парижского секционного движения Клод Фике и Менесье (К. Фике позднее, во время термидорианской реакции, был одним из организаторов выступления 1 прериаля; оба стали видными участниками бабувистского движения «во имя равенства» и были тайными агентами парижских округов). 24 брюмера они обратились с письмом к Варену, в котором выразили сомнение в обоснованности ареста Бабефа и потребовали присылки материалов процесса. «Кто знает, — писали они, — не явился ли он жертвой своего патриотизма... В этом случае нужно было бы преследовать не Бабефа, а его несправедливых гонителей» (Arch. Nationales, BB^{16} 858). Не получив от Варена ответа в течение трех с половиной недель, администраторы полиции 17 фримера (7 декабря 1793 г.) временно освободили Бабефа под поручительство Сильвена Марешаля и двух служащих продовольственной администрации Доба и Тибодо. Однако пикардийские власти продолжали настаивать на аресте Бабефа, в чем они нашли поддержку и со стороны министра юстиции якобинца Гойе, вставшего на формальную позицию. 11 нивоза (31 декабря), меньше чем через месяц, Бабеф был вновь арестован.

29 Шалье Мари Жозеф (1747—1793) — в годы революции — виднейший руководитель лионских демократов. Был арестован после контрреволюционного мятежа в Лионе 29 мая 1793 г. и казнен.

30 О Добе см. ниже, прим. 46.

31 Сохранилось письмо от 27 марта 1793 г. некоего Биара к жене Бабефа, в котором сообщалось, что «судьи трибунала амьенского департамента были изобличены перед Конвентом директорией дистрикта; они были вызваны к решетке Конвента; как говорили, их вина могла быть искуплена только гильотиной, но Конвент удовлетворился тем, что судьи подчинились, и вернул их к исполнению своих обязанностей после того, как он осудил действия, вызвавшие это разоблачение» (ЦПА ИМЛ, ф. 223, оп. 2, д. 226).

32 На том же листе, что и данное письмо, сохранились следующие несколько строк: «Посылаю тебе, друг мой, пятифранковую ассигнацию,

которую ты просил у твоей жены; она пошла разыскивать Сильвена Марешаля, поручительства которого требует Менесье.

Тибодо»

33 Второе письмо Бабефа к Рессону относится ко времени его освобождения администраторами парижской полиции. Попытки Бабефа восстановиться на работе в центральной продовольственной комиссии потерпели, по-видимому неудачу.

34 Точных данных о времени написания «Нового жизнеописания Иисуса Христа» нет. Но судя по письму к Прюдому (см. ниже, прим. 36), написанному, по всей вероятности, примерно в то же время, эту рукопись можно датировать декабрем 1793 г.

35 В отличие от Буонарроти, считавшего, что Иисус «был великодушным проповедником равенства и добродетели», разделявшего идею «бессмертия души» и отстаивавшего идею «гражданской религии» Руссо, Бабеф критиковал Руссо именно в этом вопросе. Критический отзыв о «Père Duchesne» Эбера — единственное упоминание в рукописях Бабефа за первые годы революции об Эбере.

36 Сохранилось два варианта письма к Прюдому. В настоящем томе воспроизводится только один из них, полностью включающий в себя текст другого варианта. Судя по ссылкам на выступления Робеспьера по вопросам религиозной политики, имевшим место в фримере II года (декабрь 1793 г.), обе эти рукописи Бабефа можно датировать декабрем 1793 г. — теми неделями, когда он находился на свободе.

37 В вопросе об отношении к религиозной политике Робеспьера также проявилось различие между Бабефом и Буонарроти. Не будучи сторонником политики «дехристианизации» в том виде, в каком она проводилась Парижской коммуной в конце 1793 г., Бабеф, судя по письму к Прюдому, вместе с тем высказывался и против политики Робеспьера.

38 Письмо Бабефа от 18 нивоза II года сохранилось в Исторической библиотеке Парижа. Печатается по тексту, опубликованному Р. Леграном (*R. Legrand.* Les manuscrits de Babeuf conservés à la bibliothèque historique de la ville de Paris. — «AHRF», 1973, N 4, p. 588).

«Книга моих исповедей» — Бабеф имеет в виду свою брошюру «Бабеф, бывший администратор департамента Сомма ... комитетам ... национального Конвента и Гойе, министру юстиции», вышедшую во время его тюремного заключения и публикуемую в настоящем томе (см. следующий документ).

Временно освобожденный 17 фримера II года (7 декабря 1794 г.) администраторами парижской полиции, под поручительство С. Марешаля и служащих продовольственной администрации Доба и Тибодо, Бабеф был вновь арестован 11 нивоза II года (в ночь на 1 января 1794 г.)

39 Гойе Луи Жером (1746—1830) — юрист; член Законодательного собрания от департамента Иль-э-Вилен; в 1793 г. — министр юстиции, занимавшийся делом Бабефа. Был членом и председателем Директории, смещенной Наполеоном во время переворота 18 брюмера.

40 Данный мемуар был опубликован в виде брошюры в начале 1794 г. Уже во время заключения в камере при парижской мэрии, судя по «Заметкам, сделанным в тюрьме» (см. настоящий том, стр. 483), у Бабефа был план написания «Истории заговора и заговорщиков департамента Сомма. Мемуары Г. Бабефа, апостола свободы и защитника прав народа в этом департаменте, подвергавшегося беспрерывным преследованиям со стороны предателей, начиная с 1789 г. вплоть до смерти». Во время второго заключения в парижской тюрьме Аббатства этот замысел принял форму оправдательного мемуара «Бабеф, бывший администратор департамента Сомма и затем дистрикта Мондидье, комитетам общественного спасения, общественной безопасности и законодательному Национального Кон-

вента и Гойе, министру юстиции». Окончательная редакция мемуара была осуществлена Добом (см. ниже прим. 46) и не вполне удовлетворила Бабефа, который писал жене Гойе: «Не я его редактировал и мне кажется, что он не так написан. Тем не менее в нем можно найти основные линии моей революционной истории, моих поразительных злоключений и моих преследований». Судя по сохранившейся переписке, печатание мемуара закончилось в последних числах февраля 1794 г. 9 вантоза Сильвен Марешаль переслал мемуар министру юстиции Гойе («Сильвен посылает тебе ... оправдательный мемуар честного и несчастного Бабефа ... Добейся в Комитете общественного спасения триумфа для этого невиновного») (Arch. Nationales, BB[16] 858).

[41] Годон — виноторговец, привлекался к суду за спекуляцию; благодаря личному вмешательству Дантона был оправдан и освобожден.

[42] См. выше, прим. 31 к данному разделу.

[43] Тьерри — в годы революции председатель директории амьенского дистрикта, подписавший сочувственное обращение к Людовику XVI после событий 20 июня 1792 г. (см. ниже, прим. 47). После 10 августа 1793 г. — прокурор-синдик департамента Сомма.

[44] Эта характеристика Ролана, несомненно, противоречит той, которую Бабеф ему давал в своем письме 20 сентября 1792 г.

[45] Речь идет о Боскийоне де Бушуаре — до революции королевском адвокате с 35-летним стажем; позднее прокуроре-синдике дистрикта Мондидье; после ноября 1792 г. он был председателем трибунала дистрикта Мондидье, судившего Бабефа.

[46] О С. Марешале см. выше, прим. 8 к данному разделу. Доб и Тибодо — служащие продовольственной администрации коммуны, друзья Бабефа. Хлопотали об его освобождении; принимали близкое участие в судьбе семьи Бабефа и оказывали ей материальную поддержку. Помогали Бабефу в составлении его защитительного «мемуара». Бабеф поддерживал переписку с Тибодо и позднее, в 1795 г., когда он находился в аррасской тюрьме (см. письмо Бабефа к Тибодо в «Французском ежегоднике. 1970». М., 1972, стр. 220—221).

[47] 18 июня 1792 г. Людовик XVI, упорно отказывавшийся утвердить декреты Законодательного собрания о создании вооруженного лагеря под Парижем и о неприсягнувших священниках, отстранил стоявшее у власти жирондистское правительство. 20 июня в Париже состоялась демонстрация в целях оказания давления на короля. Толпа проникла в Тюильрийский дворец. Людовика XVI заставили пить «за здоровье нации»; тем не менее снять свое вето король отказался. Директория департамента Сомма в особом адресе выразила свое сочувствие и симпатии королю.

[48] Бабеф приводит выдержки из направленного против него памфлета П. Турнье (см. выше).

[49] В связи с известными вантозскими декретами Конвента (весна 1794 г.), ставившими задачу перераспределения имуществ «подозрительных», всем заключенным в тюрьмах было предписано представить сведения о себе. Такие сведения представил и Бабеф, находившийся тогда в парижской тюрьме. Эта своеобразная анкета была приобщена к его следственному делу. Из Лана, где оно находилось в 1794 г., оно было в 1795 г. переслано в трибунал г. Бове (центр департамента Уаза), когда по решению термидорианского Конвента дело о «подлоге» было возобновлено. Габриель Девилль, автор одного из томов «Социалистической истории Франции», «Термидор и Директория», обнаружил в Бове это следственное дело и содержавшиеся в нем автобиографические заметки Бабефа и в 1905 г. опубликовал их в журнале «La révolution française» (v. 49). — «Notes inédites de Babeuf sur lui-même». Заметки печатаются по тексту, опубликованному Г. Девиллем.

50 См. выше, прим. 29 к данному разделу.

51 Письмо Бабефа сыну Эмилю (Роберу) из тюрьмы Аббатства 14 плювиоза II года (2 февраля 1794 г.) не оставляет никакого сомнения в том, что коммунистический идеал, создание общества «совершенного равенства» являлось центральной идеей в мировоззрении Бабефа уже в эти годы.

52 Письмо Бабефа к Сильвену Марешалю от 10 вантоза II года (28 февраля 1794 г.) сохранилось в архиве департамента Сомма (в фонде F^{129}) в копии; впервые оно было опубликовано М. Домманже в 1935 г. (*M. Dommanget*. Pages choisies de Babeuf..., p. 159—160).

53 Речь идет о произведении С. Марешаля «Dieu et les prêtres. Fragments d'un poème philosophique» («Бог и священники. Фрагменты философской поэмы»). Это второе издание поэмы, вышедшей еще в 1781 г. под названием «Fragments d'un poème moral sur Dieu» («Фрагменты нравственной поэмы о боге»). Бабеф не осуществил своего намерения написать Марешалю письмо с подробным разбором этого произведения; по крайней мере нам неизвестны другие письма Бабефа к С. Марешалю.

54 Несмотря на хлопоты Марешаля, Доба и Тибодо, поддержанных несколькими членами Конвента, и сочувственное отношение к Бабефу со стороны Гойе, последний представил доклад о деле Бабефа Комитету общественного спасения только весной. В апреле 1794 г. Комитет общественного спасения поручил законодательному комитету дать свое заключение. Докладчиком был назначен Мерлен из Дуэ, будущий министр юстиции и член Директории. 23 флореаля (12 мая 1794 г.) Бабеф обратился с письмом к членам законодательного комитета, настаивая на ускоренном рассмотрении его дела. Письмо это было приобретено Н. П. Лихачевым. Мы печатаем его по оригиналу, хранящемуся в ленинградском архиве и впервые опубликованному в «Французском ежегоднике. 1959» (М., 1960). Одновременно с этим заявлением в законодательный комитет Бабеф писал члену Конвента Дерю: «Вот уже 6 месяцев, как я в заключении. Неужели этого недостаточно... Клянусь тебе, что я уже не в состоянии переносить все эти страдания. Я совершенно выбился из сил... Только быстрое освобождение может меня спасти» (ЦПА ИМЛ, ф. 223, оп. 1, д. 434). 13 мая Конвент по заключению законодательного комитета передал дело в кассационный трибунал. 21 прериаля (9 июня 1794 г.) трибунал отменил приговор, но все же не прекратил дела. Оно было передано в уголовный трибунал департамента Эна. Бабеф был препровожден в Лан — департаментский центр Эны. 16 мессидора (4 июля 1794 г.) с Бабефа был снят в Лане первый допрос. 28 мессидора трибунал Лана признал необходимым вновь привлечь к суду всех лиц, ранее обвинявшихся по этому делу. 30 мессидора (18 июля 1794 г.) Бабеф был освобожден на поруки двух лиц, внесших денежный залог, после чего в первых числах термидора он вернулся в Париж.

ПРИЛОЖЕНИЯ

1 После Вареннского кризиса (см. выше, прим. 21 ко второму разделу) наиболее левые круги требовали низложения короля. Решение Учредительного собрания сохранить власть Людовика XVI вызвало их возмущение. В виде протеста против этого решения 17 июля 1791 г. клуб Кордельеров устроил на Марсовом поле — на котором в 1790 г. праздновался день Федерации — республиканскую демонстрацию. Однако она была разогнана и расстреляна национальной гвардией во главе с Лафайетом. Бабеф был целиком на стороне демонстрантов и возмущался их расстрелом. Эта его позиция видна из сохранившихся в архиве записей.

[2] С произведениями Мабли Бабеф познакомился еще до революции, и они оказали большое влияние на становление его коммунистических идей (см. т. I).

[3] В архиве Бабефа сохранились записи, озаглавленные им «Loi agraire» — «Аграрный закон». Судя по датам приведенных в этом документе периодических изданий, можно предположить, что эти записи были сделаны летом 1791 г., во время давенекурского процесса.

Среди произведений, упоминаемых Бабефом в этих записях, — № 149 газеты «Друг народа» от 30 июня 1789 г., в котором напечатана была статья Марата «Прошение 18 миллионов несчастных депутатам Национального собрания», два номера газеты «Парижские революции» (№ 82 и 96) со статьей «О бедняках и богачах» (по мнению М. Домманже, принадлежавшей перу Сильвена Марешаля), «Татарин в Париже» — брошюра, опубликованная в Париже в 1788 г., автором которой, вероятно, был аббат Ф. Ф. Андре, «2440 год» — популярная в те годы социальная утопия С. Л. Мерсье, вышедшая в 1772 г. Бабефа особенно заинтересовали те страницы книги Мерсье, где шла речь о дороговизне хлеба, затрагивающей «самую важную часть населения, рабочих (manœuvriers), составляющих три четверти нации», и запрещении экспорта хлеба. В записи фигурируют также книги: Анриона де Пансэ «Трактат о фьефах», Фременвилля «Происхождение фьефов» и многотомный трактат Эрве по феодальному праву, вышедший в Париже в 1735 г.

[4] Депутат Учредительного собрания Лебрен (Le Brun) заявил 30 октября 1789 г.: «...Обеспечивать трудом и оплачивать этот труд — долг общества, и церковные имущества являются частью достояния бедняков, предназначенной для их пропитания. Несчастный не имеет собственности, не имеет средств приобрести собственность. Не только разрешая, но обязывая сдавать [эти владения] в долгосрочную аренду, вы можете исправить влияние ваших декретов и удержать это убегающее население, которое исчезает из наших деревень» (см. «Archives parlementaires», v. 9, p. 603).

[5] В рукописи под заголовком «Об аграрном законе» Бабеф сделал выписки из главы 9 (книга 1-я) «Общественного договора» Руссо. Некоторые его выписки совпадают с записями, сделанными Марксом, когда он впервые в 1843 г. читал это произведение Руссо. Бабеф обратил особое внимание на мысль Руссо (которую он неоднократно приводил и позднее), что общество только тогда полезно для людей, когда все они чем-нибудь владеют, но никто из них не имеет слишком много. Эту мысль Бабеф называл «эликсиром» «Общественного договора», хотя саму книгу он и критиковал.

[6] Майль — депутат Законодательного собрания и Конвента, где 7 ноября 1792 г. выступил с докладом от законодательного комитета о необходимости предания суду Людовика XVI. Письма Бабефа к Майлю и его ответы не сохранились. По поводу оценки закона, принятого по предложению Майля 28 августа 1792 г., имела место полемика между Д. Гильомом и П. Кропоткиным, считавшим, что проект, внесенный Майлем 25 августа и отложенный рассмотрением, был очень хорош, а закон, принятый 28 августа, был невыгоден для крестьян. Гильом доказывал, что между проектами 25 и 28 августа не было никакой разницы, и так же положительно оценил закон 28 августа 1792 г., как и Бабеф (см. «Французский ежегодник. 1971». М., 1973, стр. 167—168).

[7] В конце июля—в августе 1793 г. началось движение парижских секций, вызванное ухудшением продовольственного положения Парижа. Собрание комиссаров этих секций потребовало отчета от Конвента и Парижской коммуны. Бабеф был причастен к этому движению. 25 августа Конвент, по предложению Тальепа, принял решение о роспуске этого собрания комиссаров секций. Продолжением этого августовского дви-

жения явились дни 4—5 сентября, когда секциям удалось оказать давление на генеральный совет коммуны и на Конвент, принявший решение о введении «всеобщего максимума».

8 Паш Жан Никола (1746—1823) — до революции сотрудник Ролана в бытность последнего инспектором мануфактур в Пикардии. В 1792 г. — помощник Ролана как министра внутренних дел; одно время — военный министр; в 1793 г. — мэр Парижа. В годы термидорианской реакции не шел ни на какие компромиссы; позднее выступил с защитой Бабефа и всех арестованных по его делу. О Паше весьма положительно отзывался Маркс. Резкость тона в конспекте речи Бабефа вызывалась, вероятно, тем, что Паш был решительным противником движения секций в августе 1793 г.

9 Тюремные записи Бабефа относятся ко времени его заключения в арестной камере при мэрии (между 14 ноября и 7 декабря 1793 г.).

Записи сделаны на большом листе бумаги in-8°. В левом углу вверху фамилия «Шометт», затем конспект статьи «Воспитание», которую Бабеф, очевидно, собирался напечатать в газете Прюдома «Les Révolutions de Paris». В правом углу листа записи, начинающиеся словами «Моя защита другом народа. Послать ее Тибодо» и кончающиеся заголовком: «История заговоров и заговорщиков департамента Сомма». Дальше следует обращение к жителям департамента и первый параграф мемуаров.

На обороте того же листа крупными буквами написано заявление в секцию Борепер.

10 О «честном преступнике» см. выше, прим. 9 ко второму разделу.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

СОДЕРЖАНИЕ

Звездочками отмечены документы, которые публикуются впервые.

АГРАРНОЕ ДВИЖЕНИЕ

ПОСЛЕ 10 АВГУСТА

В ПАРИЖЕ

ПРИЛОЖЕНИЯ

Гракх Бабеф

СОЧИНЕНИЯ

т. II

Утверждено к печати
Институтом всеобщей истории
Академии наук СССР

Редактор издательства Ю. И. Хаинсон
Художник А. А. Кущенко
Художественный редактор Ю. П. Трапаков
Технический редактор Л. Н. Золотухина
Корректоры Р. С. Алимова, О. В. Лаврова

Сдано в набор 13/I 1976 г.
Подписано к печати 27/V 1976 г.
Формат $60 \times 90^1/_{16}$. Бумага типографская № 1.
Усл. печ. л. 33,12. Уч.-изд. л. 36,3.
Тираж 34 000. Тип. зак. 907.
Цена 2 р. 50 к.

Издательство «Наука»
103717 ГСП, Москва, К-62, Подсосенский пер., д. 21
1-я типография Издательства «Наука»
199034, Ленинград, В-34, 9 линия, д. 12

2р. 50к.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

ГРАКХ БАБЕФ · СОЧИНЕНИЯ